РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А. Н. Яковлев (председатель),
Е. Т. Гайдар, В. П. Козлов, В. А. Мартынов,
С. В. Мироненко, В. П. Наумов, В.Ф.Петровский, Е. М. Примаков,
Э.С.Радзинский, А. Н. Сахаров, Г. Н. Севостьянов

КОМИССИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД **«ДЕМОКРАТИЯ»**, МОСКВА

РЕАБИЛИТАЦИЯ:
КАК ЭТО БЫЛО
МАРТ 1953 – ФЕВРАЛЬ 19**56** гг.

ДОКУМЕНТЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ

Составители
А.Артизов, Ю.Сигачев,
В.Хлопов, И.Шевчук

М О С К В А **2 0 0 0**

УДК 947
Р31
ББК 63.3(2)632

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Р31 **Реабилитация: как это было**. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. Сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. – М.: МФД, 2000. – 503 с.

ISBN 5–85646–070–7

Первый том трехтомного издания документов, подготовленный Комиссией при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий и Международным фондом «Демократия», отражает историю реабилитации репрессированных по политическим мотивам граждан СССР. Данный сборник содержит перечень реабилитационных документов начала 1950-х годов, показывает механизм принятия решений и борьбу вокруг них. Хронологические границы книги (март 1953 – февраль 1956) охватывают период советской истории после смерти диктатора и до XX съезда КПСС, на котором впервые был подвергнут осуждению «культ личности Сталина».

ББК 63.3(2)632

ISBN 5–85646–070–7

© Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2000.
© Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. Составление, введение, примечания.

К ЧИТАТЕЛЮ

Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий и Международный фонд «Демократия» предпринимают трехтомное издание документов, отражающих далеко не простую историю реабилитации репрессированных граждан СССР и России по политическим мотивам. Надо сказать, что в процессе работы идея публикации документов вышла далеко за рамки привычных сборников, как это предполагалось в самом начале замысла. Изучение сути документов, их политической логики, последовательности решений, изменений в оценках создает причудливую картину того, как послесталинское руководство страной лихорадочно искало пути выхода из тупика, в котором оно оказалось в результате политики массового террора, начало которому положил еще Ленин. Наследники Сталина понимали, что рано или поздно, но им придется нести ответственность за злодеяния режима, в том числе и за собственные. Однако признать их открыто не хватало мужества, да и страх перед возмездием висел над их головами.

Политические репрессии большевизма причинили стране ущерб, который можно сравнить с самыми опустошительными катастрофами. Счет невинно пострадавших идет на миллионы. Рабочие и крестьяне, инженеры и ученые, литераторы и художники, священники и военные, целые народы прошли через ад ленинско-сталинских тюрем, концлагерей, ссылок. В жерновах карательных органов оказались не только взрослые, но и дети «врагов народа», на долгие годы или навсегда оставшиеся без родителей и отчего крова.

Уже обнародовано немало документов, которые объясняют, когда, почему и зачем был запущен бесчеловечный механизм уничтожения нации. Еще живы те, кто прошел через горнило нечеловеческих страданий. Они – свидетели преступлений большевистской власти, живой укор нынешним коммунистам-обновленцам, утверждающим, что репрессии сталинских времен – давно забытое прошлое и нечего это прошлое чернить.

Это сегодня. А тогда, после смерти Сталина, его одноверцы физически чувствовали кровь на своих руках. Они начали процесс реабилитации. Начали с родственников правящей элиты, жен Молотова, Калинина, брата Кагановича и др. И все втихую, чтобы никто не знал. Но жизнь перехитрить трудно. Страх, разные манипуляции, вранье, политические зигзаги мало помогали. На диктатуру уровня Сталина не было ни сил, ни времени. Правда постепенно выходила из-под контроля власть предержащих.

Переломным событием стал XX съезд КПСС. Наверное, я один из немногих еще живых очевидцев знаменитого секретного доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях». Я сидел на балконе, хорошо помню то чувство глубокого расстройства, если не отчаяния, которое охватило меня после сказанного Хрущевым. В зале стояла глубокая тишина. Не слышно было ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота.

Никто не смотрел друг на друга – то ли от неожиданности случившегося, то ли от смятения и страха. Шок был невообразимо глубоким. Уходили с заседания, низко наклонив головы.

Постепенно приходило прозрение. Хотя и с опозданием, но началась Реформация России. Страна вступила на долгую и трудную дорогу к свободе. Судьба распорядилась так, что вот уже с 1987 года я возглавляю Комиссию, сначала при Политбюро, потом при Президенте России, которая занимается реабилитацией жертв преступного сталинского режима.

Передо мной сборник документов о тех событиях, которые положили начало реабилитации. Он является первым в этой серии. В следующих двух томах предполагается опубликовать документы о процессе политической реабилитации в 1956 – начале 1980-х годов и об отношении партийного и государственного руководства к этой проблеме в годы перестройки.

Эти книги – о нас самих, о постижении той горькой и беспощадной правды, без знания которой страна не сможет вылечиться и встать с колен.

Эти книги – документальный приговор бесчеловечной системе, которая десятилетиями уничтожала человека, уничтожала и физически, и духовно.

Эти книги – надежда на завтрашний день, в котором не будет ночного приезда «черного воронка».

Эти книги – призыв к покаянию, ибо их страницы пропитаны кровью жертв и бесстыдством карателей. Без покаяния у России счастливого будущего нет.

Председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации
по реабилитации жертв политических репрессий,
президент Международного фонда «Демократия»
Александр Н. Яковлев

ВВЕДЕНИЕ

В первых изданиях «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля слово «реабилитация» отсутствует. Это латинское понятие (rehabilitatio – восстановление) утвердилось в русском языке вслед за такими прочно вошедшими в повседневный обиход «изобретениями» революционной эпохи, как «диктатура пролетариата», «классовая борьба», «руководящая роль партии», «враги народа» и др. «Реабилитация» в широком смысле слова подразумевает не только восстановление доброй репутации и попранных прав конкретного гражданина. В послесталинское время это понятие начали применять при характеристике процесса, как тогда говорили, «восстановления социалистической законности». Посмертное возвращение незапятнанного имени и достоинства невинно убиенным, снятие многочисленных правовых ограничений, освобождение из лагерей, тюрем и ссылок огромного количества честных людей, возврат им части конфискованного имущества, осуждение репрессий и злоупотреблений властью, наказание исполнителей кровавых преступлений – все это составные части начавшегося в 50-е годы реабилитационного процесса*.

В отличие от предшествующих изданий, в которых выборочно публиковались отдельные реабилитационные акты**, сборник призван дать по возможности полный перечень реабилитационных документов начала 50-х годов, показать механизм принятия решений и ту борьбу, которая велась вокруг них.

Политическая реабилитация в СССР всегда была лакмусовой бумагой для выявления политических настроений правящей элиты, для определения действительных устремлений и возможностей власти по реформированию общественной жизни, соблюдению конституционных прав и свобод граждан. Реабилитацию поэтому невозможно рассматривать вне общего контекста развития страны. Ее периодизация почти зеркально повторяет этапы общественно-политической эволюции советского общества.

Три неполных года без Сталина предшествовали докладу Хрущева «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда партии. Но эти годы были чрезвычайно насыщенными, вместив в себя и ожесточенную борьбу за власть между наследниками вождя, и исполненную в традициях середины 30-х годов расправу с Берией, Абакумовым, другими палачами, и стыдливое замалчивание имен организато-

---

* Принимавшиеся в 20–30-х годах отдельные решения об амнистии, помиловании, прекращении следствия и снятии обвинений нельзя рассматривать в одном ряду с процессом реабилитации, начатым после смерти Сталина.

** Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. 1993; Льготы и компенсации для жертв политических репрессий. Документы. Комментарии. Разъяснения. М. 1997; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1 и 2. Курск. 1999.

ров, причин, масштабов прежних репрессий, и начавшуюся трудную переоценку ценностей, и деятельность первых реабилитационных комиссий ЦК КПСС под руководством Ворошилова, Микояна, Поспелова.

Как это ни парадоксально, первые реабилитационные акты инициировал человек, чье имя общественное мнение прочно связывало с карательными органами и творившимся в стране произволом. Весной 1953 г. Берия проявил повышенную активность, буквально бомбардировав Президиум ЦК своими записками и предложениями. Они, правда, затрагивали лишь некоторых его ближайших сотрудников, родственников высших партийных сановников, а также осужденных на срок до 5 лет, т. е. по мягким обвинениям. Предлагалось пересмотреть дела второй половины 40-х – начала 50-х годов (так называемые дела кремлевских врачей, мингрельской националистической группы, руководителей артиллерийского управления и авиационной промышленности, убийство главы Еврейского антифашистского комитета Михоэлса и другие). Но при этом не было и речи о массовых репрессиях 30-х годов или депортациях народов в период Великой Отечественной войны, к которым сталинский подручный имел прямое отношение. И понятно почему: главной целью инициатив Берии было стремление укрепить собственное положение во властных структурах, поднять любыми способами личный авторитет, исключив себя из числа лиц, ответственных за преступления сталинского режима.

Смещение Берии, казалось, должно было облегчить процесс политической реабилитации. Но этого не произошло.

Остававшийся пока еще формальным лидером страны Маленков на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС ввел в оборот слова о «культе личности Сталина». Но для Маленкова этот культ означал, прежде всего, беззащитность партийно-государственной номенклатуры от произвола вождя. Будучи замешанным в организацию массовых репрессий, он, разумеется, не мог пойти на масштабный подход к этой проблеме.

Месяцы ушли на очередной передел власти внутри Президиума ЦК, расправу со сторонниками и родственниками Берии и других руководителей карательных служб, перестановку кадров в органах безопасности, внутренних дел и прокуратуры, пересмотр результатов объявленной по инициативе Берии амнистии. За активную роль в аресте Берии отблагодарили военных: состоялась реабилитация пятидесяти четырех осужденных генералов и адмиралов Советской Армии, в том числе близких Жукову – Телегина, Крюкова и Варенникова. Но многочисленные письма, поступавшие от заключенных, ссыльных и спецпоселенцев, оставались без ответа. Принятые в этот период решения отличало разве что более определенное указание на якобы главных виновников репрессий – бывших руководящих работников МГБ и МВД, которых судили в спешном порядке.

Лишь в начале 1954 г., когда в партийно-государственной верхушке четко обозначилось лидирующее положение Хрущева, реабилитация получила новый импульс. Хотя, взяв курс на расширение процесса реабилитации, на установление причин и последствий репрессий, Хрущев, как и свергнутый Берия, руководствовался далеко не бескорыстными мотивами. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, сохранение в тайне статистических данных об арестованных органами ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ за 1921–1953 гг. (они были подсчитаны, вероятно, по поручению первого секретаря ЦК, уже в декабре 1953 г.), а с другой, стремительная реабилитация участников «ленинградского дела». Хрущев хорошо усвоил сталинские методы использования компрометирующих материалов для ослабления соперников в борьбе за власть. Восстановление справедливости по отношению к ленинградцам компрометировало Маленкова, одного из виновников гибели Вознесенского, Кузнецова и их товарищей. Проведенная с широкой оглаской среди партийного аппарата, эта реабилитация укрепляла авторитет Хрущева, выстилая ему дорогу к единоличной власти.

Но какими бы мотивами ни руководствовались правители, чаяния и надежды политзаключенных и ссыльных стали постепенно сбываться. Наряду с установлением судебного порядка пересмотра дел (по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. Верховный Суд СССР получил право пересматривать по протесту Генпрокурора СССР решения коллегии ОГПУ, Особого совещания и двоек и троек) был введен и упрощенный порядок. В мае 1954 г. начала работу Центральная комиссия по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении, созданы аналогичные комиссии на местах. Центральная комиссия получила право пересматривать дела на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД – МГБ или Коллегией ОГПУ; местные комиссии наделили функциями пересмотра дел осужденных двойками и тройками НКВД. Для изучения положения спецпоселенцев была образована комиссия под председательством Ворошилова, результатом деятельности которой стало известное постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» от 5 июля 1954 г. Были освобождены из ссылки ранее осужденные на срок до 5 лет за «антисоветскую деятельность», сняты ограничения по спецпоселению с раскулаченных и граждан немецкой национальности, проживавших в районах, откуда выселение не производилось.

В следующем году были выработаны предложения по пересмотру политики в отношении отдельных репрессированных народов. Первыми от спецпоселения были освобождены немцы. В этом определенную роль сыграло установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ и состоявшийся в сентябре 1955 г. визит в Москву западногерманского канцлера Аденауэра. Тогда же был принят ряд актов об освобождении от спецпоселения и возвращении к местам прежнего проживания греков.

Механизм принятия решений о реабилитации не был простым. Лишь в 1954 г. органы прокуратуры получили право востребовать из КГБ архивно-следственные дела, что позволило увеличить количество рассматриваемых персональных дел осужденных в судебном порядке жертв репрессий. Прокурорам, следственным работникам, военным юристам полагалось провести так называемую проверку дела, в ходе которой собиралась разнообразная информация о репрессированном, вызывались свидетели, запрашивались архивные справки. Особую роль при этом играли справки Центрального партийного архива, в которых отмечалась принадлежность репрессированного лица к той или иной оппозиции либо отсутствие таких данных.

Проводивший проверку работник составлял заключение. На основании этого документа Генеральный прокурор СССР, его заместители, Главный военный прокурор вносили (а могли этого и не делать) на Пленум, Коллегию по уголовным делам или Военную коллегию Верховного суда СССР протест по делу. Суд выносил определение. Оно не обязательно было реабилитационным. Суд, например, мог переквалифицировать

предъявленные статьи (политические в уголовные и наоборот), мог оставить прежний приговор в силе, наконец, мог ограничиться лишь снижением меры наказания*.

Из-за усложненного порядка реабилитации к началу 1956 г. объем непересмотренных дел оставался огромным. Чтобы как-то ускорить процесс освобождения из лагерей, руководство страны пошло на создание специальных выездных комиссий, которым на месте, не дожидаясь определения о реабилитации, разрешалось принимать решения об освобождении заключенных.

Следует учесть еще одно важное обстоятельство. В соответствии с заведенным в стране порядком все принципиальные вопросы реабилитации, особенно известных в стране людей, предварительно вносились в Президиум ЦК. Именно этот всевластный орган являлся высшей «прокурорской» и «судебной» инстанцией, определявшей судьбы не только живых, но и мертвых. Без его согласия органы прокуратуры не вправе были представлять предложения по пересмотру дел в суды, а суды – выносить определения о реабилитации.

Однако не следует думать, что решения Президиума ЦК всегда незамедлительно воплощались в жизнь. Например, когда особые лагеря были преобразованы в обычные исправительно-трудовые, в них сохранялись старые правила внутреннего распорядка, регламентировавшие поведение «особо опасных государственных преступников». Вместо фамилии они по-прежнему называли свой номер, который носили на одежде. Другим примером является судьба осужденных, проходивших по делу Еврейского антифашистского комитета. После решения Президиума ЦК их реабилитация растянулась на несколько лет. Более того, во второй половине 80-х годов к этой проблеме пришлось вновь возвращаться.

В Президиум ЦК стекалась обобщенная и разносторонняя информация о ходе реабилитации. С каждой запиской, с каждым пересмотренным делом вырисовывалась все более зловещая картина преступлений, которую дальше трудно было скрывать от народа. Масштабы злодеяний не поддавались описанию. Чем больше выявлялось документов, тем острее вставали трудные, неприятные вопросы, и в первую очередь – о причинах и виновниках трагедии, об отношении к Сталину и его политике, о предании гласности кровавых фактов.

Ситуация внутри Президиума ЦК постепенно накалялась. Члены партийного ареопага не спорили при реабилитации Чубаря, Рудзутака, Косиора, Постышева, Каминского, Гамарника, Эйхе, других известных большевиков, болгарских или польских коммунистов. Голосования по этим постановлениям, как показывают протоколы, всегда проходили единогласно. Не спорили они и тогда, когда силовые министры и Генеральный прокурор СССР внесли предложение о выдаче родственникам расстрелянных и погибших в лагерях ложных справок об обстоятельствах и дате смерти, чтобы тем самым затушевать истинные масштабы и ход репрессий. Согласны были и с тем, что нельзя подвергать сомнению итоги внутрипартийной борьбы и реабилитировать

* По аналогии с подобной практикой действовали Центральная и местные комиссии по пересмотру дел, а также Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, который при рассмотрении дел о восстановлении репрессированных коммунистов дифференцированно подходил к каждому конкретному случаю. Одни восстанавливались в членах партии с зачетом полного партийного стажа, другие с перерывом в стаже (исключалось время пребывания в тюрьме и лагере), третьи – восстанавливались лишь в кандидатах в члены партии.

троцкистов, оппортунистов, а также эсеров, меньшевиков, представителей других социалистических партий; что нужно, по возможности, воздержаться от возврата бывшим спецпоселенцам и ссыльным конфискованного у них во время репрессий имущества; что украинские и прибалтийские националисты по-прежнему должны оставаться в местах ссылки под административным контролем.

Споры возникали вокруг другого, близкого и больного – личной ответственности за преступления. Конечно, в такой прямой формулировке вопрос на заседаниях Президиума ЦК не ставился и по понятным причинам не мог ставиться. Можно было голосовать о мерах по наказанию бывших начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Рюмина, Главного военного прокурора Вавилова, членов Военной коллегии Верховного суда СССР Зарянова, Детистова и Матулевича, но признать собственную вину никто, понятно, не хотел. Однако вопрос об ответственности незримо присутствовал на заседаниях Президиума ЦК, едва речь заходила об отношении к наследию Сталина и об обнародовании информации о репрессиях.

5 ноября 1955 г. состоялось заседание Президиума ЦК, на котором рассматривались мероприятия в связи с празднованием очередной годовщины Октябрьской революции. Был поднят вопрос о предстоящем в декабре дне рождения Сталина. В предшествующие годы этот день всегда отмечался торжественным заседанием. И вот впервые принимается решение торжеств не проводить. За это выступили Хрущев, Булганин, Микоян. Возражали Каганович и Ворошилов, подчеркивая, что такое решение «народом будет воспринято нехорошо».

Новая острая дискуссия развернулась 31 декабря 1955 г. при обсуждении письма Шатуновской об обстоятельствах убийства Кирова. Ворошилов обвинил автора письма во лжи. Другие члены Президиума ЦК высказали предположение, что к убийству приложили руку чекисты. Было решено просмотреть следственные дела бывших руководителей НКВД Ягоды, Ежова и Медведя. Тогда же для выяснения судеб членов ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде партии, создали комиссию во главе с секретарем ЦК Поспеловым. В ее состав вошли секретарь ЦК Аристов, председатель ВЦСПС Шверник, заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК Комаров. Комиссия получила право запрашивать все необходимые для работы материалы.

Вопрос о репрессиях снова был поставлен на заседаниях 1 и 9 февраля 1956 г. В ходе острого обсуждения материалов о так называемом военном заговоре в Красной Армии и действительной вине Тухачевского, Якира и других военачальников члены Президиума сочли необходимым лично допросить одного из следователей по этому делу – Родоса. После его откровений, после знакомства членов Президиума и секретарей ЦК с приведенными в докладе комиссии Поспелова ужасающими фактами о варварских методах следствиях и о массовом уничтожении в 30-х годах членов партии Хрущев добился включения в повестку предстоящего XX съезда КПСС вопроса о культе личности Сталина и о репрессиях. Возражения Молотова, Ворошилова и Кагановича ни политически, ни морально уже не могли приниматься во внимание.

Какие мотивы определили позицию большинства Президиума ЦК, поддержавшего Хрущева? Микоян позднее писал, что о репрессиях лучше было рассказать самим руководителям партии и не ждать, когда за это возьмется кто-либо другой. Такая информация, считал Микоян, могла бы показать делегатам съезда, что всю правду о сталинских преступлениях его бывшие соратники узнали недавно, в результате специаль-

ного изучения, предпринятого комиссией Поспелова. Тем самым члены Президиума ЦК пытались снять с себя вину за кровавый террор.

Подобного рода признания содержатся и в воспоминаниях Хрущева, который не только рассчитывал уйти от личной ответственности, но и понимал, что обнародование фактов о сталинских преступлениях в первую очередь дискредитирует старейших и пока еще авторитетных членов Президиума ЦК, долго работавших бок о бок со Сталиным. Хрущев почему-то был убежден, что о его причастности к репрессиям говорить не будут.

При оценке причин, побудивших выбрать курс на критику сталинизма, помимо субъективных моментов, следует учесть еще одно обстоятельство. Большинство Президиума ЦК к этому времени подошло к пониманию того, что прежними методами оно вряд ли сможет удержать страну в повиновении и сохранить режим в условиях тяжелого материального положения населения, низкого уровня жизни, острых продовольственного и жилищного кризисов. Об этом заставляли помнить недавно состоявшиеся восстания заключенных в Горном лагере в Норильске, в Речном лагере в Воркуте, в Степлаге, Унжлаге, Вятлаге, Карлаге и других «островах архипелага ГУЛАГ». При неблагоприятной обстановке восстания могли стать детонатором больших социальных потрясений. Поэтому выбор вариантов действий у членов Президиума ЦК был ограничен.

Прозвучавший 25 февраля 1956 г. при гробовом молчании зала на закрытом заседании XX съезда знаменитый доклад о культе личности и его последствиях произвел ошеломляющее впечатление на делегатов. Этот для своего времени смелый обличительный документ, вопреки первоначальным планам сохранения его в тайне, был доведен до сведения всей партии, работников советского аппарата, актива комсомольских организаций. С ним были ознакомлены присутствовавшие на съезде руководители делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий. Затем в откорректированном и несколько сокращенном виде доклад разослали для ознакомления председателям и первым секретарям всех дружественных коммунистических партий мира.

С этого момента критика сталинизма и неразрывно связанных с ним преступлений стала публичной. Открылся новый этап в реабилитации жертв репрессий.

***

Отбор документов для сборника проводился в Архиве Президента Российской Федерации, в Российском государственном архиве новейшей истории, в Государственном архиве Российской Федерации и в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Всего было выявлено свыше 500 документов, в первую очередь из фондов Президиума ЦК и Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (материалы секретариата ЦК привлекались эпизодически, при необходимости раскрытия внутренней кухни принятия решений).

В сборник включены все постановления высших органов власти и материалы к ним по вопросам *коллективной* реабилитации (о порядке реабилитации, о пересмотре результатов судебных процессов и групповых дел, о категориях спецпоселенцев, о репрессированных народах и т. п.). Что касается вопросов *персональной* реабилитации, то к публикации отобраны записки и постановления о наиболее известных партийно-государственных и общественных деятелях.

Привлечены также рабочие протокольные записи заседаний Президиума ЦК

КПСС по вопросам реабилитации. Они были выполнены заведующим общим отделом ЦК Малиным и представляют собой карандашные заметки, сделанные на специальных протокольных карточках Президиума ЦК. Эти записи хотя и не дают полной картины заседания, но являются ценнейшим, иногда единственным, источником, восстанавливающим ход обсуждения вопроса.

Сокращения по необходимости произведены при публикации стенограмм выступления Хрущева на собрании Ленинградской партийной организации 7 мая 1954 г., его речи на пленуме ЦК КПСС 13 февраля 1956 г., выступления Руденко на Всесоюзном совещании руководящих прокурорских работников 23 июня 1955 г., а также Отчета КПК о своей работе за октябрь 1952 – июль 1955 г. Опущены лишь те фрагменты текстов, которые не имеют отношения к теме репрессий и реабилитации.

Археографическая подготовка документов к публикации проведена в соответствии с действующими правилами. Каждый документ имеет редакционный заголовок и дату. Даты, установленные составителями, приводятся в квадратных скобках.

Постановления Президиума ЦК помимо редакционных заголовков снабжены также заголовками, дословно повторяющими формулировки вопросов из протоколов заседаний партийных органов. Подлинный заголовок, например, документа № 6 раздела I, содержит номер протокола заседания (№ 3), номер вопроса повестки дня (пункт протокола – п. 1), формулировку вопроса (Доклад и предложения МВД СССР по «делу о врачах-вредителях»), перечень фамилий выступивших при обсуждении вопроса (тт. Берия, Ворошилов, Булганин, Первухин, Каганович, Сабуров, Микоян, Хрущев, Молотов, Маленков). В других случаях к протокольному заголовку добавляется указание на орган, протокол и дату предшествовавшего рассмотрения. Например, в документе № 24 раздела IV этот заголовок выглядит следующим образом – «№ 128, п. 125 – О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев (Ст. от 27.VI.55 г., пр. № 80, п. 133-гс)». Подобный набор реквизитов за некоторыми исключениями повторяют большинство заголовков постановлений Президиума ЦК.

Изменения в написании цифр после номеров пунктов протокола имеют свое значение. В соответствии со сложившейся к началу 50-х годов практикой протоколирования заседаний Президиума ЦК наличие римской цифры свидетельствует, что вопрос рассматривался непосредственно на заседании; арабская цифра, иногда с добавлением букв «гс», напротив, говорит о том, что решение было принято опросом членов партийного ареопага (по телефону или путем визирования проекта документа).

При передаче текстов разночтения между подготовительным и окончательным вариантом, а также результаты голосования по проекту, как правило, не оговариваются. Все изъятые при рассекречивании или опущенные составителями места обозначаются отточиями в угловых скобках. Сохраняются характерные для минувшей эпохи особенности пунктуации и написания слов, авторские подчеркивания в документах; наоборот, ошибки и описки в написании фамилий, учреждений и т. п. исправляются без всяких оговорок. В тех случаях, когда текст имеет явные смысловые пропуски, они воспроизводятся в квадратных скобках. Резолюции и пометы на документах приводятся в подстрочных примечаниях.

В легенде после каждого документа указываются архивный шифр, подлинность или копийность, способ воспроизведения текста и, если документ ранее был опубликован, – выходные данные первой публикации.

Примечания к содержанию документов имеют целью, с одной стороны, осветить историческую обстановку и процесс создания того или иного документа, принятия важного решения, с другой, – дополнительно ввести в научный оборот новые, неизвестные ранее источники, оказавшиеся за рамками основной публикации.

Сборник снабжен именным комментарием, именным указателем, списком сокращений.

Составители выражают признательность работникам Архива Президента Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга за помощь в подготовке данного сборника.

А. Н. Артизов
Ю. В. Сигачев

РАЗДЕЛ I

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С РОДСТВЕННИКОВ И АМНИСТИИ

МАРТ – ИЮНЬ 1953 г.

№ 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ПАРТИИ П. С. ЖЕМЧУЖИНОЙ[*1]

21 марта 1953 г.

№ 2. п. 12 – О т. Жемчужиной П. С.

Утвердить следующее решение Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС:

«Отменить решение Партколлегии КПК от 29 декабря 1948 года об исключении т. Жемчужиной П. С. из членов КПСС как неправильное. Восстановить ее членом КПСС»[2].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 31. Подлинник. Машинопись.

№ 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «ОБ АМНИСТИИ»[3]

27 марта 1953 г.

№ 2. п. I – Об амнистии (тт. Берия, Ворошилов, Сабуров, Каганович, Булганин, Хрущев, Молотов, Маленков).

1. Одобрить внесенный МВД СССР тов. Берия прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, разработанный с участием Министерства юстиции СССР и Генерального прокурора СССР.

2. Указ опубликовать в газетах за 28 марта 1953 г.[4]

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 2. Подлинник. Машинопись.

---

[*] На документе имеются резолюции: «За. Г. Маленков» и «21/III. За. Л. Берия», а также машинописная помета: «Голосовали „за“ т. Хрущев, т. Ворошилов, т. Булганин, т. Каганович, т. Микоян, т. Сабуров, т. Первухин, т. Молотов. Суханов. 21/III-53 г.» и рукописная помета: «Вып[иска] т. Шкирятову М. Ф.». – Сост.

№ 3

ПРИКАЗ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР, МИНИСТРА ЮСТИЦИИ СССР И ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР «О ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 27 МАРТА 1953 ГОДА „ОБ АМНИСТИИ“»

28 марта 1953 г.

№ 08/012/85с

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» приказываем:

1. Применение Указа об амнистии возложить:

а) в отношении осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, – на начальников и прокуроров лагерей;

б) в отношении осужденных, содержащихся в тюрьмах и КПЗ, а также осужденных к срочной ссылке и высылке, – на министров внутренних дел союзных и автономных республик, начальников УМВД краев и областей и соответствующих прокуроров;

в) в отношении осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях, пересыльных тюрьмах, колониях для несовершеннолетних, – на начальников УИТЛК – ОИТК и отделов детских колоний и соответствующих прокуроров;

г) в отношении лиц, находящихся под следствием, числящихся за органами МВД и милиции, – на начальников этих органов и соответствующих прокуроров, а в отношении числящихся за органами прокуратуры, – на соответствующих прокуроров;

д) в отношении осужденных и привлеченных к уголовной ответственности, числящихся за судебными органами, – на соответствующие суды;

е) в отношении осужденных к исправительно-трудовым работам, – на начальников инспекций исправительно-трудовых работ.

2. Освобождение от наказания или сокращение срока наказания наполовину производить по специальному постановлению, составляемому на каждое лицо, подлежащее амнистии, и утверждаемому должностными лицами, перечисленными в п. 1 настоящего приказа, а в отношении числящихся за судебными органами – по определению соответствующего суда.

Постановление и определение скреплять гербовыми печатями.

3. Освободить от наказания со снятием судимости осужденных, которым определенный судом срок наказания в силу ст. 4 Указа сокращается наполовину, если на день издания Указа оставшийся после сокращения срок будет полностью отбыт.

4. Всех осужденных к исправительно-трудовым работам немедленно освободить от дальнейшего отбывания наказания распоряжением начальника инспекции исправительно-трудовых работ, письменно известив об этом лиц, освобожденных от данного наказания.

5. Прекратить производством следственные дела и дела, не рассмотренные судами, перечисленные в статье 5 Указа: в органах МВД и милиции – постановлениями начальников этих органов и соответствующих прокуроров; в органах прокуратуры – постановлениями соответствующих прокуроров; в судах – определениями подготовительных заседаний судов. О прекращении дел письменно уведомлять обвиняемых.

6. Осужденных, подлежащих амнистии, в отношении которых приговор вошел в законную силу, но не обращен к исполнению, освободить от наказания, или сократить им срок наказания определением суда, вынесшего приговор.

7. Амнистию в отношении осужденных, указанных в статье 1 Указа, применять независимо от того, по какой статье Уголовного Кодекса и каким органом наказание назначено.

8. Лиц, перечисленных в статьях 2 и 3 Указа, освободить от наказания независимо от срока наказания и статей Уголовного Кодекса, по которым они осуждены или привлечены к ответственности, кроме лиц, осужденных или привлеченных к ответственности за преступления, перечисленные в статье 7 Указа.

9. К осужденным иностранцам применять амнистию на общих основаниях с гражданами СССР*.

10. В соответствии со статьей 7 Указа амнистию не применять к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности (на сумму свыше 50 000 рублей), бандитизм и умышленное убийство, а также к лицам, привлеченным к ответственности за эти преступления.

11. Органам МВД и милиции прекратить розыск осужденных, а также находящихся под следствием и судом лиц, подлежащих амнистии в силу статей 1, 2 и 3 Указа.

12. Прекратить взыскание всех судебных и административных штрафов за действия, совершенные до издания Указа об амнистии.

13. В первую очередь освободить из мест заключения несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, а также лиц преклонного возраста, инвалидов и местных жителей. Освобождение беременных женщин и лиц, страдающих неизлечимыми недугами, производить на основании актов медицинских комиссий из числа вольнонаемных врачей.

14. На всех подлежащих освобождению из мест заключения женщин, имеющих детей вне лагеря, колонии, тюрьмы, запросить через органы МВД официальные справки, подтверждающие наличие у осужденных женщин детей в возрасте до 10 лет, т. е. детей, родившихся после 27 марта 1943 года. Органам МВД немедленно высылать указанные справки.

15. Начальникам ИТЛ, УИТЛК – ОИТК, отделов детских колоний:

а) освобождаемых по амнистии больных и нетрудоспособных, при отсутствии у них родственников, помещать с их согласия в дома инвалидов или лечебные учреждения;

б) подлежащих освобождению из мест заключения несовершеннолетних, не имеющих родителей, направлять в детские дома, ремесленные училища, школы ФЗО или трудоустраивать в промышленность, на строительстве и в сельском хозяйстве.

16 . Каждому освобожденному из мест заключения выдать на руки справку установленной формы об освобождении от наказания по амнистии.

17. Органам милиции выдавать освобожденным из мест заключения паспорта по месту освобождения, а также по избранному освобождаемыми месту жительства, на основании справок мест заключения об освобождении.

18. Органам милиции обменять паспорта (с ограничениями) всем гражданам, с которых на основании статьи 6 Указа снята судимость.

19. Осужденных из числа спецпоселенцев, отбывающих наказание в лагерях и колониях, подпадающих под действие Указа об амнистии, после освобождения из мест заключения направлять под конвоем в места поселения на соединение с семьями.

---

* Далее рукой Л. П. Берии вычеркнут следующий абзац: «Амнистию не применять к военным преступникам из числа бывших военнопленных, осужденных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года». – Сост.

20. Всех освобождаемых из мест заключения обеспечить путевыми деньгами в размере стоимости питания по гарантированной норме на время следования в пути, одеждой и обувью (при отсутствии у освобождаемых заключенных собственной одежды и обуви) и проездными билетами до избранного места жительства.

21. Органам МВД и милиции в местах массовых отправок, на узловых станциях железных дорог и речных станциях организовать совместно с ИТЛ, УИТЛК – ОИТК транзитные пункты для оказания помощи освобожденным из мест заключения при посадке в поезда и на пароходы и обеспечения их медицинским обслуживанием.

22. Работу по выполнению настоящего приказа закончить к 1 июня 1953 года.

Приказ ввести в действие по телеграфу[5].

Министр внутренних дел Союза ССР Л. Берия
Министр юстиции Союза ССР К. Горшенин
Генеральный прокурор Союза ССР Г. Сафонов

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1329. Л. 17–20. Подлинник. Машинопись.

№ 4

РЕШЕНИЕ КПК ПРИ ЦК КПСС О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ПАРТИИ Н. Н. СЕЛИВАНОВСКОГО

30 марта 1953 г.

№ 102. п. 4 – О т. Селивановском Николае Николаевиче (член КПСС с 1923 г., п. б. № 1878856).

Во изменение решения Партколлегии от 21 февраля 1952 г. восстановить т. Селивановского Н. Н. членом КПСС[6].

Поручить Дзержинскому райкому КПСС г. Москвы оформить т. Селивановскому Н. Н. выдачу партдокументов.

РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 114. Л. 3. Подлинник. Машинопись.

№ 5

РЕШЕНИЕ КПК ПРИ ЦК КПСС О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ПАРТИИ Н. И. ЭЙТИНГОНА

30 марта 1953 г.

№ 102. п. 13 – О т. Эйтингоне Науме Исаковиче (член КПСС с октября 1919 г., п. б. № 3035385).

Во изменение решения Партколлегии от 18 февраля 1952 г. восстановить т. Эйтингона Н. И. членом КПСС.

Поручить Дзержинскому райкому КПСС г. Москвы оформить т. Эйтингону Н. И. выдачу партдокументов[7].

РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 114. Л. 5. Подлинник. Машинопись.

№ 6

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ ПО «ДЕЛУ О ВРАЧАХ-ВРЕДИТЕЛЯХ»[8]

3 апреля 1953 г.

№ 3. п. I – Доклад и предложения МВД СССР по «делу о врачах-вредителях» (тт. Берия, Ворошилов, Булганин, Первухин, Каганович, Сабуров, Микоян, Хрущев, Молотов, Маленков).

1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях», в количестве 37 человек;

б) о привлечении к уголовной ответственности работников б[ывшего] МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов[9].

2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати[10].

3. Предложить б[ывшему] Министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов[11].

4. Принять к сведению сообщение тов. Л. П. Берия о том, что Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключающие возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД.

5. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина Тимашук Л. Ф. как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

6. Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС:

«Ввиду допущения т. Игнатьевым С. Д. серьезных ошибок в руководстве быв. Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС».

7. Настоящее постановление вместе с письмом тов. Берия Л. П. и постановлением специальной следственной комиссии МВД СССР разослать всем членам ЦК КПСС, первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 1. Копия. Машинопись[12].
Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 23–24.

№ 7

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕРКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УБИЙСТВА С. М. МИХОЭЛСА И НАКАЗАНИИ ВИНОВНЫХ

3 апреля 1953 г.

№ 3. п. II – Записка МВД СССР о результатах проверки материалов о Михоэлсе[13].

Учитывая, что убийство Михоэлса и Голубова является вопиющим нарушением прав советского гражданина, охраняемых Конституцией СССР, а также в целях повышения ответственности оперативного состава органов МВД за неуклонное соблюдение советских законов, принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

а) Об аресте и привлечении к уголовной ответственности быв. заместителя министра государственной безопасности СССР Огольцова С. И. и быв. министра государственной безопасности Белорусской ССР Цанава Л. Ф.[14]

б) Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства Михоэлса и Голубова.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 17. Л. 129. Копия. Машинопись[15].

№ 8

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ФАЛЬСИФИКАЦИИ «ДЕЛА О МИНГРЕЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ»[16]

10 апреля 1953 г.

№ 5. п. I – О нарушениях советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР (тт. Берия, Ворошилов, Каганович, Хрущев, Первухин, Микоян, Булганин, Молотов, Маленков).

I.

Как известно из постановлений ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г.[17], в Грузии якобы была вскрыта мингрельская националистическая организация, возглавляемая быв. вторым секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия, ставившая своей целью ликвидацию Советской власти в Грузии с помощью империалистических государств. В связи с этим органами госбезопасности был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузинской ССР, которые содержались под следствием более года.

Ввиду недопустимой затяжки следствия, длившегося свыше 15 месяцев, а также в связи с поступившими сигналами о произволе и беззакониях, чинимых следователями в отношении арестованных, Министерством внутренних дел Союза ССР была проведена проверка всех следственных материалов по этому делу. В результате проверки выяснилось, что на самом деле никакой мингрельской националистической группы не было и нет, что вся эта нелепая версия о мингрельско-националистической группе в Грузии является провокационным вымыслом быв. министра государственной безопасности Грузинской ССР Н. Рухадзе.

Давно вынашивая преступные карьеристские цели, Рухадзе воспользовался тем, что в последний период в Грузии в работе партийных и хозяйственных органов имели место недостатки.

Не ограничившись провокационными попытками столкновения между собой руководящих партийных и советских работников, Рухадзе представил И. В. Сталину заведомо ложную информацию о существовании в Грузии мингрело-националистической группы.

Изобразив перед ЦК ВКП(б) преданных партии и Советской власти людей предателями и изменниками Родины, Рухадзе в сговоре с быв. заместителем министра государственной безопасности СССР Рюминым добился от И. В. Сталина санкции на их арест и заручился свободой действий для вымогательства от них показаний о преступлениях, которых они вовсе не совершали. Из МГБ СССР была направлена в Грузию бригада специально проинструктированных следователей в составе 10 человек во главе с заместителем начальника следственной части по особо важным делам Цепковым. Арестованных избивали, надевали на них наручники, подвергали длительному лишению сна и другим средствам принуждения, строго запрещенным советскими законами, требуя от них «признаний» в шпионско-подрывной работе. При этом следователи провокационно заявляли арестованным, что подобные приемы и методы следствия применяются по прямому заданию ЦК ВКП(б).

Таким путем пытались Рюмин, Рухадзе и их сообщники добиться подтверждения затеянного ими провокационного дела о так называемой «мингрельской националистической группе», а быв. министр госбезопасности СССР т. Игнатьев оказался на поводу у этих мерзавцев, целиком передоверил им следствие по этому делу и никак не реагировал на многочисленные жалобы арестованных о применении к ним следствием преступных методов.

Быв. секретарь ЦК КП(б) Грузии т. Чарквиани К. Н., а затем заменивший его на этом посту т. Мгеладзе А. И. не только не проявили элементарного критического отношения к сфабрикованным Рухадзе ложным данным, но и сами в значительной мере способствовали ему в этом деле.

А. Мгеладзе вместо того, чтобы разобраться в создавшейся обстановке и добиться прекращения чинимого МГБ произвола, сам проявлял активность в раздувании этого провокационного дела и в дальнейших незаконных арестах ни в чем не повинных людей.

II.

На основе предложения ЦК КП(б) Грузии в ноябре 1951 г. были приняты постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов[18]. Как это теперь установлено Министерством внутренних дел СССР, указанные постановления были приняты на основе неправильной информации ЦК ВКП(б) со стороны ЦК КП(б) Грузии и Министерства государственной безопасности Грузинской ССР. Кроме того, при самом осуществлении этих постановлений были допущены со стороны МГБ СССР и Грузинской ССР явный произвол и грубейшие нарушения советских законов. Тысячи ни в чем не повинных советских граждан стали жертвами этого произвола и беззакония.

Подобный произвол и преступные нарушения советских законов в работе карательных органов наносят серьезный ущерб делу партии, интересам Советского государства.

ЦК КПСС постановляет:

1. Во изменение постановлений ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. признать, что дело о так называемой «мингрельской националистической группе, возглавлявшейся быв. вторым секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия», является вымышленным и в преступных карьеристских целях сфальсифицировано быв. министром

государственной безопасности Грузинской ССР Рухадзе, при содействии ряда руководящих работников б[ыв]. МГБ СССР.

2. Всех арестованных по делу так называемой «мингрельской националистической группы» – Барамия М. И., Рапава А. Н., Шария П. А., Зоделава И. С., Мирцхулава А. И., Шония В. Я., Каранадзе Г. Т. и других, в количестве 37 человек, из-под стражи освободить с полной реабилитацией, а дело на них производством прекратить.

3. Принять к сведению заявление тов. Берия Л. П. о том, что за фальсификацию материалов следствия по т. н. «делу о мингрельско-националистической группе», а также извращение методов следствия и грубейшие нарушения советских законов, помимо уже находящихся под стражей Рухадзе и Рюмина, МВД СССР арестованы и будут привлечены к уголовной ответственности зам[еститель] нач[альника] следчасти по особо важным делам б[ыв]. МГБ СССР Цепков, быв. зам[еститель] министра госбезопасности Грузинской ССР Тавдишвили, старший следователь того же министерства Кесонашвили и др.

4. Отменить постановление ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1951 г. и постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1951 г. «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов» как неправильные, принятые вследствие введения в заблуждение ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР со стороны ЦК КП(б) Грузии, МГБ Грузинской ССР и МГБ СССР.

5. Поручить Министерству внутренних дел СССР пересмотреть дела всех граждан, выселенных с территории Грузинской ССР Особым Совещанием МГБ СССР на основе постановления Совета Министров СССР от 29 ноября 1951 года, и всех незаконно выселенных граждан вернуть к прежнему месту жительства.

6. Обязать Совет Министров Грузинской ССР вернуть гражданам, возвращенным в Грузию из спецпоселений, имущество, конфискованное у них при выселении.

* * *

ЦК КПСС отмечает, что в результате злонамеренной провокации отдельных преступников и проходимцев оказалась оклеветанной коммунистическая партия Грузии – одна из старейших организаций нашей партии, которая всегда была верной опорой партии большевиков и последовательно проводила ленинскую линию как до социалистической революции, так и в годы Советской власти. Авантюристы Рухадзе, Рюмин и их приспешники не остановились перед тем, чтобы навести тень на грузинский народ, веками тесно связанный с великим русским народом и доказавший на всем протяжении социалистического строительства в нашей стране свою непоколебимую верность нерушимой дружбе народов Советского Союза. ЦК КПСС предупреждает, что никому не будет позволено возводить поклеп на нации и народы нашей страны и тем самым подрывать взаимное доверие и дружбу между народами, составляющие важнейшую основу могущества нашего многонационального социалистического государства.

ЦК КПСС напоминает партийным организациям, что неприкосновенность советской социалистической законности является одним из главных условий дальнейшего укрепления нашего государства и успешного строительства коммунизма и обязывает всех руководителей партийных организаций бдительно стоять на страже соблюдения советских законов и ограждать от всяких посягательств на интересы государства и права советских граждан, записанные в Конституции СССР.

* * *

Постановление ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР» вместе с запиской тов. Берия Л. П. с приложением постановления следственной комиссии МВД СССР разослать членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС и первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии.

Поручить первым секретарям обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик с постановлением ЦК КПСС и материалами по этому вопросу ознакомить членов бюро ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 23. Л. 2–7. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 37–40.

№ 9

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ОБ ОДОБРЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ МВД СССР ПО ИСПРАВЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ НАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ

10 апреля 1953 г.

№ 5. п. IX – О мероприятиях, проводимых Министерством внутренних дел СССР (тт. Маленков, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Каганович, Булганин, Микоян).

Одобрить проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабриковании фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов, имея в виду, что эти меры направлены на укрепление Советского государства и социалистической законности[19].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 23. Л. 66. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 41.

№ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ НА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ИНОСТРАНЦЕВ»[20]

15 апреля 1953 г.

№ 6. п. 1 – О пересмотре судебных приговоров на осужденных к лишению свободы иностранцев.

1. Поручить комиссии в составе тт. Горшенина (Министерство юстиции СССР) – созыв, Сафонова (Прокуратура СССР), Круглова (МВД СССР), Пушкина (МИД СССР) и Федотова (МВД СССР) в месячный срок пересмотреть судебные приговоры, вынесенные советскими судами в отношении осужденных к лишению свободы иностранцев, с целью освобождения и отправки на родину тех из них, дальнейшее содержание под стражей которых не вызывается необходимостью[21].

2. Обязать Министерство юстиции (т. Горшенина) оформить упрощенным поряд-

ком через Верховный Суд СССР пересмотр дел на осужденных иностранцев, которые по решению комиссии подлежат досрочному освобождению из мест заключения.

3. Репатриацию иностранцев возложить на МВД СССР в сроки, согласованные с МИД СССР.

4. Обязать МИД СССР (т. Пушкина) договориться с правительствами соответствующих стран о порядке, сроках и пунктах передачи им освобождаемых из мест заключения иностранцев – граждан этих государств.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 24. Л. 3. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1994. № 4. С. 111.

№ 11

ЗАПИСКА Л. П. БЕРИИ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. Д. ЯКОВЛЕВА, И. И. ВОЛКОТРУБЕНКО, И. А. МИРЗАХАНОВА И ДРУГИХ

17 апреля 1953 г.

Т. Маленкову Г. М.

Постановлением Совета Министров СССР № 5444–2370 от 31 декабря 1951 г. «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» были сняты с занимаемых постов и отданы под суд заместитель Военного министра маршал артиллерии Яковлев Н. Д., начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник артиллерии Волкотрубенко И. И. и заместитель Министра вооружения Мирзаханов И. А.

На основании этого постановления 5 января 1952 г. Прокуратурой Союза ССР на Яковлева, Волкотрубенко и Мирзаханова было заведено следственное дело, а в конце февраля 1952 г. они были арестованы МГБ СССР по подозрению в проведении вредительской деятельности.

Позднее по этому же делу МГБ СССР были дополнительно арестованы бывший начальник 3-го Управления Арткома ГАУ генерал-майор инженерно-технической службы Ахназаров А. Н. и бывший начальник отдела 3-го Управления Арткома инженер-полковник Овсищер Р. М.

Все арестованные по настоящему делу, не отрицая упущений в деле своевременного устранения конструктивных и производственных неполадок, связанных с освоением и организацией серийного выпуска зенитной пушки С-60 и некоторых других видов вооружения, виновными себя в преступных действиях не признали.

На протяжении 15 с лишним месяцев следствием также не добыто материалов, которые могли бы дать основание обвинить арестованных по настоящему делу во вредительстве.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР принято решение Яковлева Н. Д., Волкотрубенко И. И., Мирзаханова И. А., Ахназарова А. Н. и Овсищера Р. М. реабилитировать и из-под стражи освободить, следственное дело на них производством прекратить[22].

Л. Берия

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 318. Л. 152–153. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 41–42.

№ 12

ЗАПИСКА К. Е. ВОРОШИЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС «О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ХОДАТАЙСТВ О ПОМИЛОВАНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ»

20 апреля 1953 г.

В Президиум ЦК КПСС

До настоящего времени постановления Президиума Верховного Совета СССР по ходатайствам о помиловании осужденных к высшей мере наказания принимаются не всем составом Президиума, а только членами Президиума, находящимися в Москве, причем лишь после предварительного утверждения этих постановлений в Центральном Комитете КПСС. В связи с этим от участия в принятии постановлений Президиума по ходатайствам о помиловании осужденных к высшей мере наказания фактически устраняется большинство членов Президиума Верховного Совета СССР. Кроме того, Президиум Верховного Совета СССР не рассматривает в порядке помилования дела осужденных к высшей мере наказания, по которым не было подано ходатайств о помиловании.

Такой порядок рассмотрения ходатайств о помиловании осужденных к высшей мере наказания является неправильным.

В соответствии с поручением ЦК КПСС вносим предложение установить следующий порядок рассмотрения Президиумом Верховного Совета СССР ходатайств о помиловании осужденных к высшей мере наказания.

Все ходатайства о помиловании должны направляться через соответствующие военные трибуналы непосредственно в Президиум Верховного Совета СССР.

По поручению Президиума Верховного Совета СССР Верховный Суд СССР должен вносить свои представления по ходатайствам о помиловании на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР.

Ходатайства о помиловании и представления Верховного Суда СССР по делам осужденных к высшей мере наказания должны предварительно рассматриваться по докладу Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР Председателем Президиума Верховного Совета СССР с участием Секретаря Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Верховного Суда СССР и Генерального Прокурора СССР.

Проекты постановлений Президиума Верховного Совета СССР по рассмотренным ходатайствам осужденных к высшей мере наказания следует утверждать на заседаниях Президиума Верховного Совета СССР и лишь в период между заседаниями рассылать для голосования всем членам Президиума Верховного Совета СССР.

В том случае, если при голосовании у кого-либо из членов Президиума Верховного Совета СССР будут замечания по проекту постановления, не оформлять этот проект, а вносить его после дополнительной проверки на рассмотрение очередного заседания Президиума Верховного Совета СССР.

Постановления Президиума Верховного Совета СССР по ходатайствам о помиловании должны направляться для исполнения в Верховный Суд СССР.

Считаем необходимым, чтобы Президиум Верховного Совета СССР рассматривал в порядке помилования также дела осужденных к высшей мере наказания, независимо от того, подано ли ходатайство о помиловании, для чего Верховный Суд СССР должен представлять по этим делам свои заключения в Президиум Верховного Совета СССР.

Вместе с тем представляется целесообразным отменить установленные постановлением ЦИК СССР от 14 сентября 1937 года ограничения в подаче кассационных жалоб осужденными к высшей мере наказания по статьям 58-7 (вредительство) и 58-9 (диверсия) Уголовного Кодекса РСФСР и по соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Проект постановления Президиума ЦК КПСС по данному вопросу прилагается[22а].

К. Ворошилов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 25. Л. 3–5. Копия. Машинопись.

№ 13

ЗАПИСКА М. Т. ЕФРЕМОВА Н. С. ХРУЩЕВУ «О ФАКТАХ ВЫДАЧИ ТЮРЬМАМИ СПРАВОК ОСВОБОЖДАЕМЫМ ИЗ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ С ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИМИ ОТТИСКАМИ ПАЛЬЦЕВ»*

26 апреля 1953 г.

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищу Хрущеву Н. С.

Куйбышевский областной комитет КПСС сообщает, что освобожденным из мест заключения гражданам на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» выдаются справки, свидетельствующие об их освобождении из-под стражи, и на месте, где должна быть наклеена фотокарточка личности, наносится дактилоскопический отпечаток пальца.

Проверкой областной прокуратурой установлено, что начальником тюрьмы № 1 УМВД по Куйбышевской области т. Самсоновым многим освобожденным из мест заключения гражданам, находившимся под следствием по делам, прекращенным на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», выдавались справки об освобождении из-под стражи и вместо фотокарточек личности наносились дактилоскопические отпечатки пальцев**.

Такие справки выданы освобожденным из-под стражи гражданам Чернову М. А., Соловьевой Е. Г., Виноградовой В. Я., Норейко Р. Д. и др. Справки с дактилоскопическими отпечатками пальцев изъяты. Начальник тюрьмы № 1 т. Самсонов выдачу подобных справок на руки бывшим следственно-заключенным оправдывает тем, что руководствуется приказом министра внутренних дел СССР за № 0217 от 2 июня 1943 года и инструкцией, утвержденной заместителем министра внутренних дел СССР товарищем Чернышевым, в которой прямо сказано, что на справки освобожденным из-под стражи можно приклеивать фотокарточки или применять дактилоскопический отпечаток пальцев.

* На первом листе записки имеются резолюции: «Тт. Круглову, Серову. Подготовить предложения. Л. Берия. 28/IV», «Т. Серову А. И. Круглов. 29/IV.53 г.» и помета: «Исполнено. № 20 от 6.V/53 г. И. Серов. 7/V». – Сост.

** Подчеркнуто рукой неустановленного лица. – Сост.

Областной комитет КПСС считает, что выдача следственно-заключенным справок об их освобождении из-под стражи с дактилоскопическим отпечатком пальцев, вместо фотографической карточки личности освобожденного, является политически вредной. Поэтому обком КПСС не рекомендовал начальнику тюрьмы выдачу подобных справок.

Прилагаются справки за № 3344 и 3335, изъятые областной прокуратурой у граждан Норейко и Виноградовой[23].

Секретарь обкома КПСС М. Ефремов

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 21. Д. 556. Л. 2–3. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1994. № 4. С. 108–109.

№ 14

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КОМИССИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР К ПРОЕКТУ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «О ЗАМЕНЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕКОТОРЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕРАМИ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОРЯДКА И О СМЯГЧЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»[24]

[*28 апреля 1953 г.*]*

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» было признано необходимым пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления.

В соответствии со ст. 3 Положения о комиссиях законодательных предположений, в комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей подготовлен проект Указа о внесении изменений в действующее уголовное законодательство.

В первом разделе проекта Указа предлагается внести изменения в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (1924 г.), в соответствии с которыми построено действующее уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик.

Во втором разделе предлагается заменить меры уголовного наказания, установленные за некоторые преступления, мерами административного и дисциплинарного порядка.

В третьем разделе предлагается смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления.

В четвертом разделе предлагается смягчение уголовной ответственности за отдельные воинские преступления.

В пятом разделе предусматривается создание общественных товарищеских судов для рассмотрения дел о мелких правонарушениях.

* Датируется по дате препроводительной к объяснительной записке и проекту Указа. – Сост.

В шестом разделе помещен перечень законодательных актов, подлежащих отмене в связи с изданием настоящего Указа.

I.

К «Основным началам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» предлагаются следующие изменения и дополнения:

1. О предельных сроках лишения свободы.*

В 1921 году был установлен предельный срок лишения свободы в 5 лет. В 1922 году этот срок был повышен до десяти лет. 2 октября 1937 года в качестве исключительной меры наказания и только за особо тяжкие преступления – шпионаж, вредительство и диверсию – было установлено лишение свободы на срок до двадцати пяти лет. В последующие годы такая же мера наказания была установлена и за другие тяжкие преступления – хищение социалистической собственности, изнасилование и др.

В настоящее время длительные сроки лишения свободы – более десяти лет – применяются к значительному числу осужденных.

Однако теперь, в условиях все возрастающего укрепления советского государственного и общественного строя и усиления воспитательного воздействия советского государства, применение столь длительных сроков лишения свободы, которые для многих осужденных являются фактически пожизненными, представляется нецелесообразным. Кроме того, опыт показывает, что осужденные на длительные сроки заключения, не видя перспективы скорого освобождения, не проявляют должного отношения к труду и соблюдению дисциплины, что снижает воспитательное воздействие на них и на других осужденных, отбывающих вместе с ними наказание. Отсутствие перспективы на скорое освобождение из заключения нередко также приводит к тому, что осужденные совершают другие тяжкие преступления и осуждаются повторно.

Исходя из этого, проект Указа предлагает установить предельный срок лишения свободы до десяти лет и только за контрреволюционные преступления, особо крупные хищения социалистической собственности, умышленное убийство, бандитизм и разбой допустить применение лишения свободы на срок свыше десяти, но не выше пятнадцати лет.

2. О возрасте, по достижении которого возможна уголовная ответственность.

Действующее законодательство устанавливает, что несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности с применением всех мер уголовного наказания, начиная с 14-летнего возраста, а за совершение краж, причинение насилия, телесных повреждений, убийства и за действия, могущие вызвать крушение поезда – с 12-летнего возраста.

Уголовная ответственность несовершеннолетних с 12-летнего возраста была установлена в 1935 году в целях быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних, главным образом, среди беспризорных.

Поскольку к настоящему времени беспризорность, являвшаяся главной причиной преступности среди несовершеннолетних, в основном ликвидирована и значительно усилились меры воспитательного воздействия, что привело к резкому сокращению преступности среди детей, дальнейшее применение уголовного наказания к лицам моложе четырнадцати лет представляется нецелесообразным.

В связи с этим предлагается повысить возраст, по достижении которого возможна уголовная ответственность за совершение преступления, установив, что несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности начиная с 16 лет, а за отдельные преступления – с 14 лет.

* Здесь и далее подчеркивания авторов документа. – Сост.

Одновременно с повышением возраста, по достижении которого возможна уголовная ответственность, предлагается также назначенное судом наказание сокращать несовершеннолетним в возрасте с 14 лет до 16 лет наполовину, а с 16 до 18 лет – на одну треть.

Наряду с этим предлагается указать в статье, что к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, ссылка и высылка не применяются.

Было бы неправильным устанавливать одинаковые меры наказания как для взрослых, так и для несовершеннолетних, так как несовершеннолетние более легко поддаются перевоспитанию и исправлению, а применение к ним длительных сроков лишения свободы приводит к утрате воспитательного значения наказания.

3. О применении к осужденным досрочного освобождения.

До 1935 года действовал порядок, согласно которому осужденные к исправительно-трудовым работам или к лишению свободы, проявившие добросовестное отношение к труду и безупречное поведение, могли быть досрочно освобождены от дальнейшего отбывания наказания. В 1939 году этот порядок был отменен. Однако опыт показал, что отмена такого порядка себя не оправдала, т. к. многие осужденные к различным мерам наказания в период отбывания наказания своим честным трудом заслуживали применения к ним досрочного освобождения. В связи с этим в местах заключения в последние годы широко распространилась практика зачета одного дня отбывания наказания за два-три дня, что по существу является своеобразной формой досрочного освобождения.

Представляется целесообразным восстановить применение досрочного освобождения к лицам, отбывшим не менее двух третей назначенного судом наказания и своим добросовестным отношением к труду и безупречным поведением доказавшим, что они исправились. На лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, предлагается досрочное освобождение не распространять.

4. О неприменении к осужденным лишения избирательных прав.

По действующему уголовному законодательству при осуждении к лишению свободы на срок более одного года суд обязан обсудить вопрос о лишении осужденного избирательного права. Судебная практика показывает, что лишение этого права применяется в редких случаях и лишь к осужденным за наиболее опасные преступления. Общее число лишенных избирательного права незначительно.

Представляется нецелесообразным в дальнейшем применять в качестве меры наказания лишение избирательного права. В связи с этим в проекте Указа предлагается отменить пункт «а» статьи 20 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».

5. О распространении погашения судимости на всех осужденных.

По действующему законодательству не имеющими судимости признаются осужденные к лишению свободы на срок не более трех лет или к другим более мягким мерам наказания, если они по истечении трех или шести лет после отбытия ими наказания не совершили нового, не менее тяжкого, преступления. Осужденные к лишению свободы на срок свыше трех лет считаются судимыми пожизненно. Судимость с них может быть снята лишь в порядке помилования или амнистии Президиумом Верховного Совета СССР или Президиумами Верховных Советов союзных республик.

Пожизненная судимость создает некоторые ограничения для участия в производственной и общественно-политической жизни для относительно большого числа граждан. Сохранение такого положения в настоящее время не вызывается необходимостью.

В проекте Указа предлагается установить положение, согласно которому лица, приговоренные к наказанию, не связанному с лишением свободы, признаются несудимыми с момента отбытия ими наказания. Осужденные к лишению свободы или ссылке на срок не свыше трех лет, либо к высылке, признаются несудимыми по истечении одного года со дня отбытия наказания; осужденные к более длительным срокам лишения свободы, но не свыше 10 лет, – по истечении трех лет со дня отбытия наказания, и осужденные к лишению свободы на срок более десяти лет – по истечении пяти лет со дня отбытия наказания.

Кроме того, в целях обеспечения беспрепятственного участия в производственной и общественно-политической жизни лиц, которые признаются несудимыми, проект предусматривает право этих лиц не указывать о судимости во всех официальных документах.

II.

Предлагается заменить уголовную ответственность мерами административного и дисциплинарного порядка за следующие преступления:

6. Об отмене уголовной ответственности за прогул и за самовольный уход с предприятий и из учреждений.

Практика применения уголовной ответственности за прогул без уважительных причин и за самовольный уход с работы показала, что для борьбы с подобными нарушениями дисциплины вполне достаточно дисциплинарных и административных мер воздействия, которыми располагает руководитель предприятия или учреждения.

Согласно статье 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 года, директоры предприятий и начальники учреждений имеют право к лицам, совершившим прогул без уважительных причин, применять ряд мер, вполне обеспечивающих успешную борьбу с подобными нарушениями трудовой дисциплины.

Кроме того, необходимо значительно расширить применение мер общественного воздействия за подобные нарушения дисциплины.

7. Об отмене уголовной ответственности колхозников за невыработку трудодней.

Осуждение в уголовном порядке колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней на практике сводилось преимущественно к штрафу. Между тем, такая же мера может быть применена в дисциплинарном порядке и правлением колхоза, в соответствии с пунктом 17 Устава сельскохозяйственной артели, предоставляющим право налагать на колхозников за нерадивое отношение к труду штраф до 5 трудодней. В связи с этим нецелесообразно сохранять уголовную ответственность колхозников за невыработку трудодней.

8. Об отмене уголовной ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы.

Предлагается отменить уголовную ответственность лиц, уклоняющихся от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход мобилизованных с работы, установленную Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 года. Необходимость установления уголовной ответственности за подобные нарушения была вызвана обстоятельствами военного времени и оставление ее в настоящее время не является целесообразным.

9. Об отмене Указа от 10 февраля 1941 года «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия».

В связи с расширением прав министров вопрос об ответственности директоров предприятий за продажу, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов целесообразно решать в дисциплинарном порядке – властью соответствующих министров, а к уголовной ответственности, как за должностные преступления, привлекать лишь в тех случаях, когда продажа, обмен или отпуск оборудования или материалов совершены из корыстных соображений или иной личной заинтересованности.

10. Об отмене Указа от 15 декабря 1950 года «Об уголовной ответственности за необеспечение сохранности неустановленного и бездействующего промышленного оборудования».

Предлагается отменить Указ от 15 декабря 1950 года, т. к. в судебной практике он не применялся. Для наказания деяний, предусмотренных Указом, вполне достаточно установления дисциплинарной ответственности. В тех случаях, когда в результате подобных деяний наступают тяжкие последствия, виновные должны привлекаться к уголовной ответственности по статьям о должностных преступлениях.

11. Об отмене уголовной ответственности за самовольный проезд в товарных поездах и за самовольную остановку поезда стоп-краном.

Для борьбы с подобными нарушениями вполне достаточно административной ответственности. В тех случаях, когда такие нарушения имеют злостный характер, виновные могут быть привлечены к уголовной ответственности по статьям уголовных кодексов союзных республик, предусматривающим ответственность за нарушение правил по охране порядка и безопасности движения.

12. Об отмене уголовной ответственности за нарушение правил торговли.

Уголовная ответственность за нарушение правил торговли в практике встречается крайне редко. Проект Указа предлагает заменить ее мерами административной ответственности.

13. Об отмене уголовной ответственности за нарушение паспортного режима.

В проекте Указа предлагается отменить уголовную ответственность за нарушение правил прописки паспортов и проживание без паспортов в местности, где введена паспортная система, поскольку для борьбы с подобными правонарушениями вполне достаточно мер административного порядка.

14. Об отмене уголовной ответственности членов семьи изменника Родине.

Уголовная ответственность членов семьи изменника Родине, не знавших о готовящейся или совершенной измене, была введена постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 июня 1934 года в качестве исключительной меры.

В настоящее время в результате упрочения советского общественного и государственного строя и резкого сокращения преступлений, заключающихся в измене Родине, представляется нецелесообразным дальнейшее сохранение этой меры, тем более, что она является единственной мерой, которая влечет уголовную ответственность лиц, не виновных в совершении какого-либо преступления.

III.

Предлагается смягчить уголовную ответственность за следующие преступления:

15. Об уголовной ответственности за хищение социалистической собственности.

Проект Указа предлагает сократить меры уголовного наказания за хищение государственного и общественного имущества, исходя из общего понижения мер уголовного наказания в виде лишения свободы с 25 до 15 лет и главным образом исходя из необходимости сокращения мер наказания за хищение, совершенное впервые и в малозначительных размерах, т. к. судебная практика показывает, что за эти преступления осуждается к длительным срокам лишения свободы значительное количество граждан.

К лицам, совершившим мелкую кражу впервые, суды до настоящего времени

применяют меры наказания, предусмотренные статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года, то есть лишают виновных свободы на срок не ниже пяти-семи лет, что, по обстоятельствам дела, далеко не всегда является целесообразным. В результате этого суды вынуждены в большом количестве случаев (23 % к числу всех осужденных за эти преступления) применять меру наказания ниже низшего предела, указанного в законе, или осуждать условно.

Соответственно предлагается снизить меры наказания и за другие виды хищений социалистической собственности.

Лишение свободы на срок более десяти лет предлагается установить лишь за хищения в особо крупных размерах, которые по существу являются контрреволюционным преступлением. Это обстоятельство подтверждается и тем, что за последние годы судебная практика рассматривает хищение в особо крупном размере как контрреволюционное преступление и карает лиц, виновных в этих преступлениях, по статье 58-7 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (процессы в гг. Киеве, Баку, Москве).

16. Об уголовной ответственности за хищение личного имущества граждан.

По мотивам, изложенным в пункте 15, предлагается также снизить меры уголовного наказания и за хищение личной собственности граждан.

17. Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона.

Как показывает судебная практика, подавляющее большинство осужденных за это преступление изготовляли самогон не для сбыта, а для личного потребления.

В связи с этим применение мер уголовного наказания в виде заключения в лагерь на срок от одного года до двух лет, установленных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 года, является нецелесообразным. В таких случаях достаточно ограничиться мерами административного воздействия, т. е. наложением штрафа.

Проект Указа предлагает также снижение наказания за изготовление самогона в целях сбыта и установление уголовной ответственности вместо 6–7 лет лишения свободы – до двух лет лишения свободы.

18. Об уголовной ответственности за изнасилование.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года, в качестве меры уголовного наказания за изнасилование предусматривается лишение свободы на срок до двадцати лет.

В связи с установлением в проекте Указа общего принципа о том, что лишение свободы, как правило, назначается на срок не свыше 10 лет, предлагается также снизить и ответственность за изнасилование до этого предела.

19. Об уголовной ответственности за нарушение работниками транспорта правил безопасности движения.

В отличие от действующего законодательства (ст. 59-3в УК РСФСР) в проекте предлагается статья об ответственности не за нарушение трудовой дисциплины работником транспорта, а за нарушение правил, изданных в целях обеспечения безопасности движения.

В первой части этой статьи предусматривается ответственность за те нарушения, которые не повлекли, но могли повлечь тяжкие последствия. Причем ответственность в этих случаях предусматривается значительно меньшая, чем за те нарушения, которые повлекли крушение, аварию, гибель людей или иные тяжкие последствия.

Установление различной ответственности в зависимости от последствий вызывается теми обстоятельствами, что наиболее часто встречающиеся нарушения работниками транспорта правил безопасности движения составляют случаи, хотя и создавшие угрозу безопасности движения, но не повлекшие никаких вредных последствий.

20. Об уголовной ответственности за хулиганство.

По действующему уголовному законодательству за хулиганство в качестве меры наказания предусматривается только лишение свободы. Судебная практика показывает, что не за всякие хулиганские действия надлежит применять меру наказания в виде лишения свободы и что в значительном числе случаев возможно и целесообразно применять исправительные работы или даже ограничиваться мерами административного порядка. Поэтому проект Указа предусматривает наказание в виде лишения свободы только за те случаи хулиганства, которые выражались в буйстве или бесчинстве, или по своему содержанию отличались исключительным цинизмом.

21. Об уголовной ответственности за спекуляцию.

По действующему законодательству уголовная ответственность за спекуляцию предусматривается только в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет, с конфискацией имущества. Между тем, в практике часты случаи единичной перепродажи в незначительных размерах, за которые нет необходимости применять лишение свободы на длительный срок. Поэтому часть 1 статьи проекта Указа смягчает меру наказания за спекуляцию и предусматривает штраф или исправительно-трудовые работы на срок до одного года или лишение свободы на срок до двух лет.

Что же касается спекуляции, совершенной в крупных размерах или организованной группой, или повторно, то мера наказания за эти преступления предусматривается в виде лишения свободы на срок до семи лет с конфискацией имущества.

Вместе с тем, проект Указа предлагает дополнить диспозицию статьи о спекуляции, включив в нее указания о том, что случаи скупки сырья, материалов и полуфабрикатов для последующей переработки и перепродажи их с целью наживы должны рассматриваться как спекуляция, тем более, что в судебной практике последних лет эти случаи рассматриваются и наказываются, как спекуляция.

22–23. Об уголовной ответственности за должностные преступления.

Имея в виду, что государственный аппарат в настоящее время значительно окреп, выросло сознание должностных лиц, повысилась их ответственность за порученное дело и усилился общественный контроль за их деятельностью, многие действия должностных лиц, рассматриваемые в настоящее время как уголовные преступления, следует рассматривать как служебные проступки и наказывать дисциплинарными мерами в порядке подчиненности. Применение мер уголовного наказания в виде лишения свободы за многие должностные преступления при этих условиях было бы не оправданно.

Целесообразность замены уголовного наказания мерами дисциплинарного воздействия подтверждается и судебной практикой последних лет, поскольку больше половины осужденных должностных лиц приговорено судами к мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

В связи с этим в проекте Указа взамен статей 109 и 111 УК РСФСР и соответствующих статей Уголовных Кодексов союзных республик предлагаются статьи 22–23, в которых должностные преступления определяются в соответствии с судебной практикой последних лет.

24. Об уголовной ответственности за обман покупателей.

По действующему законодательству за это преступление установлена мера наказания в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Однако, судебная практика показывает, что к суду привлекаются, главным образом, за мелкие случаи обмеривания и обвешивания потребителей и что поэтому целесообразно установить за данное преступление более мягкую меру наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет, а в менее значительных случаях возможно применение исправительных работ.

IV.

О смягчении уголовной ответственности за отдельные воинские преступления.

25. О замене уголовной ответственности за некоторые воинские преступления ответственностью в дисциплинарном порядке.

Предложения об изменении Положения о воинских преступлениях исходят из необходимости исключения уголовной ответственности за отдельные воинские преступления, которые при смягчающих обстоятельствах могут, без ущерба для боеспособности армии и укрепления в ее рядах воинской дисциплины, рассматриваться, как дисциплинарные проступки, влекущие за собой применение правил Дисциплинарного Устава.

К таким действиям следует отнести:

оказание сопротивления лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе – ст. 3, п. «а»;

принуждение лица, находящегося при исполнении обязанностей по воинской службе, к нарушению этих обязанностей – ст. 4, п. «а»;

оскорбление военнослужащего военнослужащим – ст. 5;

самовольная отлучка военнослужащего из части, продолжавшаяся свыше 2 часов, – ст. 7, п. «б»;

промотание военнослужащим предметов обмундирования – ст. 14, п. «а»;

нарушение уставных правил караульной службы и уставных правил внутренней службы в караулах и нарядах, не имеющих важного значения, – ст. 15, п. «а» и ст. 16, п. «а»;

должностные преступления военнослужащих – ст. 17, п. «а» и отдельные случаи неисполнения приказа.

26. Об уголовной ответственности за самовольное оставление части.

Действующее законодательство устанавливает уголовную ответственность за самовольную отлучку продолжительностью свыше двух часов или хотя бы и менее двух часов, но совершенную неоднократно. Самовольное же оставление части свыше суток действующим законодательством рассматривается, как дезертирство и карается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. Однако судебная практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев самовольное оставление части бывает непродолжительным и совершается без намерения вовсе уклониться от военной службы.

Предлагаемая в проекте Указа редакция пунктов «а» и «б» статьи 7 Положения (взамен пунктов «а», «б» и «г» действующей статьи) устанавливает уголовную ответственность только за самовольное оставление части или места службы, продолжавшееся свыше суток, но не более трех суток.

Самовольное оставление части свыше трех суток, а равно и менее трех суток, но с намерением длительно или вовсе уклониться от военной службы предлагается рассматривать, как дезертирство.

Проект Указа предлагает и за это преступление снизить меру наказания. Вместо лишения свободы на срок от пяти до десяти лет по действующему законодательству предлагается лишение свободы на срок от трех до пяти лет или направление в дисциплинарный батальон на срок до двух лет.

V.

Об общественных товарищеских судах.

В связи с тем, что в значительном числе статей проекта Указа предлагается замена уголовной ответственности мерами дисциплинарного и общественного воздействия, предусматривается создание общественных товарищеских судов в колхозно-кооперативных организациях, а также расширение компетенции существующих в настоящее время товарищеских судов на предприятиях и в учреждениях с тем, чтобы возложить на них рассмотрение дел о нарушении трудовой дисциплины, о мелких кражах, о нарушении правил социалистического общежития и т. п.

VI.

В шестом разделе проекта Указа перечисляются те законодательные акты, которые теряют свою силу в связи с предлагаемым проектом Указа.

VII.

В седьмом разделе проекта Указа содержится предложение Верховным Советам союзных республик внести изменения в уголовное законодательство союзных республик в соответствии с настоящим Указом.

VIII.

В восьмом разделе предусматривается положение о том, что действие Указа должно распространяться на лиц, совершивших преступление до издания настоящего Указа, в том числе и на лиц, уже осужденных и отбывающих наказание.

***

В работе над подготовкой настоящего проекта Указа в комиссиях законодательных предположений принимали участие следующие практические работники судебных и прокурорских органов:

1. Баранов П. В. – Прокурор РСФСР;
2. Битюков С. П. – Председатель Верховного Суда РСФСР;
3. Вавилов А. П. – Главный Военный Прокурор Советской Армии;
4. Морозов Н. К. – Председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР;
5. Студеникин С. С. – Зам. Начальника Военно-юридической академии;
6. Чепцов А. А. – Заместитель Председателя Верховного Суда СССР – Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Статьи о воинских преступлениях были специально обсуждены с участием работников органов военной юстиции.

А. Поскребышев
И. Каиров

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д . 42. Л. 15–42. Подлинник. Машинопись.

№ 15

ПИСЬМО В. В. ДИМОВОЙ И. Г. ЭРЕНБУРГУ

28 апреля 1953 г.

Я обращаюсь к Вам, т. Эренбург.

Я долго думала, стоит ли писать это Вам, но решила, что писатель, а особенно публицист, как Вы, должен знать и то, что происходит у него дома. Я читала многие Ваши произведения и статьи. Везде Вы выступаете поборником прав человека. Вы пишете о праве человека на счастье, о том, что дети – будущее, имеют у нас все права на счастье, что людей, у которых отобраны надежды на будущее, у нас не существует. У нас все люди имеют равные права, у нас нет «негров».

А вот я «белый негр». Мне 18 лет, но я не могу поехать учиться в соседний город за 12 часов езды, я не могу выйти за 5 км от черты города, иначе мне обеспечено 20 лет каторги. За что это?

Может быть, Вы подумаете, что я преступница или мои родители совершили какое-нибудь преступление. Все несчастье в том, что моего отца угораздило родиться немцем, если смотреть глубже в прошлое, то всему виною его предки немцы-мастеровые, которых переселила в Россию Екатерина. И вот теперь, через 200 лет после этого «знаменательного» события, сам «немец», его мать – русская, которой около 70 лет, его жена – еврейка и я, его дочь (уж не знаю какой национальности себя считать, по паспорту еврейка), ходят каждый месяц на регистрацию. В паспорте стоит штамп: «Разрешено проживать только в г. Тюмени».

Мой отец инженер. Он работает сейчас старшим инженером на стройке «Обырыба». Мать сейчас не работает, потому что уже в нескольких местах, куда она приходила наниматься, ей сначала говорили: «пожалуйста, да, да», а как увидят в паспорте клеймо, сразу: «да видите ли, собственно говоря, плановик нам не требуется, мы пока обойдемся» и т. д. Не позор ли это?

Вы пишете: «... нельзя жить без надежды. Надежда необходима человеку, как воздух, когда он перестает загадывать, мечтать, он перестает жить».

Но и надежды можно лишиться, если жить так, как живем мы.

Я понимаю, что если человек совершил что-то, то он должен отвечать за это. Но разве я могу отвечать за то, что родилась не русской, что моя мать еврейка, а отец немец? Я не считала и не считаю себя преступницей и не понимаю, почему у нас можно так унижать людей. Когда меня в 16 лет поставили на учет, то я долго не хотела итти в комендатуру на отметку, пока мне не пригрозили тем, что за мной в школу пришлют милиционера. И прислали бы, не беспокойтесь!

В прошлом году я окончила 10-й класс, я и еще несколько таких же, как я, хотели поехать учиться в Свердловск. Сколько я ни билась, все зря. Хоть разрешение на выезд и получилось, но слишком поздно, когда уже окончились вступительные экзамены. Я все-таки решила воспользоваться разрешением и съездить в Свердловск (может быть, мне больше за всю жизнь не удастся нигде побывать), так до Свердловска меня сопровождали и сдали с рук на руки свердловской комендатуре.

В этом году, наверное, получится то же самое, то же самое получилось и с остальными, такими же как я. В педагогический институт таких не принимают, они «идеологически» не подходят. Моей сестренке 15 лет. Ее ожидает такая же участь, как и меня. Я добилась разговора с местным высшим начальством по этой части, и он меня «успокоил», сказав, что вообще о детях никакого Указа нет, что это дело еще не рассматривалось. Так зачем же так калечат жизнь людей с детства? Я комсомолка, в школе была и секретарем и членом комитета, а теперь сижу дома и думаю только о том, отпустят меня в этом году учиться или нет.

Вот Вы выступаете на Международных Конгрессах, говорите о свободе, равенстве. Когда я сказала в комендатуре, что у меня, в сущности, нет прав, то там очень удивились: «Как, Вы же можете голосовать». Да, я голосую, а не могу отойти за 5 км от города. Это что – гетто?

Не я одна нахожусь в таком положении. Все дети, которых родители привезли в Тюмень, подросли и теперь не знают, куда им деться. За год до меня окончила 10-й класс нашей школы девушка – Аня Цвиккер, ее не приняли в пединститут – немка, не приняли в машиностроительный техникум, пришлось ей итти не в институт, а в техникум, и в какой – в физкультурный, хоть там не посмотрели, что она немка.

Разве это справедливо, что так уродуют жизнь такому количеству молодежи?

Моя мать приехала в Тюмень добровольно с нами к отцу, ведь никто не думал, что и после окончания войны может продолжаться такое положение. Они находятся в Тюмени уже 13 лет, даже преступников [не] ссылают на такие сроки, а тут честных людей. Что же это такое? Неужели Вы не знаете об этом? Вы печетесь о благосостоянии немцев в «Восточной Германии», среди которых действительно есть преступники, а не знаете о страданиях тех «немцев», которые всю войну самоотверженно трудились, имеют награды, а дети которых не имеют права даже учиться (на деле).

Вы должны разобраться в этом, потому что жить без всякой надежды немыслимо, так лучше вовсе не жить.

Извините меня, пожалуйста, за это письмо. Оно вышло сумбурное, но тут все правда. Ни я ни в чем не виновата, ни родители мои, зачем же мы так страдаем? Я хочу учиться, почему мне не дают этого, ведь я ничего больше не прошу. Я всей душой радовалась раньше, что мои родители лишены национальных предрассудков. Они настоящие советские люди. Такой интернациональной семьей, как наша, надо было бы гордиться, а не унижать ее, мои родители беспартийные и никогда ни под судом, ни под следствием не были.

Еще раз извините за то, что беспокою Вас своим письмом, но ведь это очень важно. Я знаю, что надо написать какими-то другими словами, чтобы Вы почувствовали всю боль нашего положения, ведь мы же идем к коммунизму, как же может быть такое национальное неравенство? Как я завидовала ворам, которые получили амнистию, полную. Если бы я была воровкой, то меня бы освободили. А сейчас «навечно»*.

У меня мало надежды, что Вы мне ответите, но, может быть...[24а]

Вот мой адрес: г. Тюмень, ул. Хохрякова, 40, Стройконтора, «Обырыба» – Димова Валерия Владимировна.

P. S. Если Вы отдадите мое письмо в МВД, то его перешлют в местную комендатуру, вызовут меня и ничего хорошего не получится.

28 апреля 1953 г.
г. Тюмень
В. Димова

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 180. Л. 170–173. Заверенная копия. Машинопись.

№ 16

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС Г. М. МАЛЕНКОВУ О ТРУДОВОМ И БЫТОВОМ УСТРОЙСТВЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

Апрель 1953 г.

Товарищу Маленкову Г. М.

По поручению Бюро Президиума ЦК КПСС нами рассмотрена записка тт. Ганенко и Алаторцева[25] о трудовом и бытовом устройстве и состоянии политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев, проживающих в Казахской и Узбекской ССР, Красноярском крае, Кемеровской и Молотовской областях.

В рассмотрении записки и обсуждении положения дел с трудовым и бытовым устройством спецпоселенцев и состояния политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев участвовали секретари ЦК компартий Казахстана и Узбекистана тт. Шаях-

* Подчеркнуто автором. – Сост.

метов и Ниязов, секретарь Красноярского крайкома партии т. Органов и секретари Кемеровского и Молотовского обкомов партии тт. Гусев и Прасс.

При этом выяснилось крайне неблагополучное положение дел с политической работой среди спецпоселенцев – немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны. Многие местные партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним, что искусственно порождает настроения недовольства среди спецпоселенцев.

Считали бы целесообразным принять постановление ЦК КПСС об улучшении политической работы среди спецпоселенцев (проект постановления прилагается[26]).

Вместе с тем считали бы необходимым поручить группе работников изучить вопрос и доложить ЦК предложения о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте тех правовых ограничений в отношении спецпоселенцев – немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, которые были установлены в свое время постановлением Совета Народных Комиссаров от 8 января 1945 г. и постановлением Совета Министров от 24 ноября 1948 г.[27]

С момента переселения немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар прошло около 10 лет. За это время подавляющее большинство их осело на новом месте жительства, трудоустроено, добросовестно трудится на предприятиях, в совхозах и колхозах. Между тем, остается неизменным первоначально установленный строгий режим в отношении передвижения спецпоселенцев в местах поселения. Например, отлучка спецпоселенца без соответствующего разрешения за пределы района, обслуживаемого спецкомендатурой (иногда ограничиваемая территорией нескольких улиц в городе и сельсовета в сельских районах), рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке. Полагаем, что в настоящее время уже нет необходимости сохранять эти серьезные ограничения[28].

М. Суслов
П. Поспелов
К. Горшенин
А. Шелепин
А. Горкин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 180. Л. 154–155. Подлинник. Машинопись.

№ 17

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ М. М. КАГАНОВИЧА

7 мая 1953 г.

№ 7. п. 11 – Записка МВД СССР о результатах проверки архивных материалов о тов. Кагановиче М. М.[29]

1. Признать материалы быв. НКГБ СССР в отношении тов. Кагановича Михаила Моисеевича клеветническими и принять предложение МВД СССР о полной реабилитации тов. Кагановича М. М.

2. Выдать единовременное пособие жене Кагановича М. М. Каганович Цицилии Юльевне в размере 50000 руб.

3. Назначить персональную пенсию жене тов. Каганович[а] М. М. Цицилии Юльевне Каганович в размере 2000 руб. в месяц пожизненно.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 25. Л. 124. Подлинник. Машинопись.

№ 18

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ХОДАТАЙСТВ О ПОМИЛОВАНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ»

9 мая 1953 г.

№ 7. п. I – О порядке рассмотрения в Президиуме Верховного Совета СССР ходатайств о помиловании осужденных к высшей мере наказания (тт. Ворошилов, Булганин, Каганович, Хрущев, Берия, Маленков).

Поручить тов. Ворошилову в десятидневный срок *переработать*[*] проект постановления *на основе* обмена мнений на заседании Президиума ЦК *и с учетом следующих замечаний*:

а) ходатайства о помиловании осужденных к высшей мере наказания *рассматривать* на заседаниях Президиума Верховного Совета СССР;

б) *в проекте предусмотреть порядок рассмотрения также и ходатайств о помиловании осужденных к другим мерам наказания*;

в) *заключения* по ходатайствам о помиловании в Президиум Верховного Совета СССР вносит Генеральный Прокурор СССР в двухнедельный срок;

г) предварительную проверку материалов *по вопросам* о помиловании проводить Секретариату Президиума Верховного Совета СССР с участием представителя Верховного Суда СССР, Генерального Прокурора СССР и представителей Министерства юстиции СССР и МВД СССР;

д) вводную часть из проекта решения исключить;

е) пункт 3 представленного проекта *исключить*[30];

ж) решения Президиума Верховного Совета СССР о рассмотрении ходатайств о помиловании *осужденных* к высшей мере наказания и к другим мерам наказания докладывать Президиуму ЦК КПСС.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 25. Л. 2. Подлинник. Машинопись.

[*] Здесь и далее курсивом выделены слова, поправленные или вписанные в текст рукой Г. М. Маленкова. – Сост.

№ 19

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. А. АЛАФУЗОВА, Л. М. ГАЛЛЕРА И Г. А. СТЕПАНОВА

9 мая 1953 г.

№ 7. п. IV – Записка тов. Булганина по вопросу о реабилитации тт. Галлера, Алафузова и Степанова (тт. Булганин, Ворошилов, Микоян, Хрущев, Молотов, Берия, Маленков).

1. Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Алафузова В. А., Степанова Г. А. и Галлера Л. М. отменить.

Восстановить В. А. Алафузова, Г. А. Степанова и посмертно Л. М. Галлера в воинских званиях и полностью их реабилитировать.

Тт. Алафузову и Степанову возвратить правительственные награды.

2. Поручить Министерству обороны СССР обеспечить семью Галлера Л. М. положенной пенсией, квартирой и другими льготами, установленными законом для семей военнослужащих.

3. Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР о снижении тов. Кузнецова Н. Г. в воинском звании до контр-адмирала отменить. Восстановить тов. Кузнецова Н. Г. в прежнем воинском звании адмирала флота.

4. Обязать Верховный Суд СССР принять соответствующее решение по делу Алафузова В. А., Степанова Г. А. и Галлера Л. М.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 25. Л. 16. Подлинник. Машинопись.

№ 20

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «ОБ ОТНОШЕНИИ К АНОНИМНЫМ ЗАЯВЛЕНИЯМ»

9 мая 1953 г.

№ 7. п. X – Об отношении к анонимным заявлениям (тт. Хрущев, Каганович, Булганин, Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков).

1. Признать порочной *сложившуюся*[*] практику[**] отношения к анонимным заявлениям, когда они принимаются во внимание как документы, заслуживающие доверия, чем широко пользуются клеветники.

2. Поручить редакции газеты «Правда» выступить с необходимыми разъяснениями по этому вопросу[31].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 25. Л. 98. Подлинник. Машинопись.

[*] Слово вписано в текст рукой Г. М. Маленкова. – Сост.

[**] Далее слово «существующего» вычеркнуто рукой Г. М. Маленкова. – Сост.

№ 21

ЗАПИСКА Л. П. БЕРИИ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ АРЕСТА И ОСУЖДЕНИЯ П. С. ЖЕМЧУЖИНОЙ

12 мая 1953 г.

В Президиум ЦК КПСС

Тт. Маленкову Г. М.
Хрущеву Н. С.[*]

В ходе ознакомления с следственными делами, находившимися в производстве б[ыв]. Министерства государственной безопасности СССР, выявилось, что материалы по обвинению т. Жемчужиной Полины Семеновны вызывают серьезное сомнение.

В связи с этим Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку следственных данных, относящихся к аресту т. Жемчужиной.

В результате проверки установлено следующее.

Дело на т. Жемчужину возникло в 1949 году, в связи с арестом руководителей Еврейского антифашистского комитета.

Некоторые из арестованных по делу Еврейского антифашистского комитета – Фефер И. С., Зускин В. Л. и Лозовский С. А. принуждены были следователями оклеветать народного артиста СССР Михоэлса, назвав его руководителем еврейского националистического подполья в Советском Союзе, высказав при этом предположение о связи Михоэлса с т. Жемчужиной.

Никто из названных арестованных в своих показаниях не приводил конкретных фактов, которые в какой-либо мере подтвердили бы вражескую работу т. Жемчужиной. Тем не менее 26 января 1949 года МГБ СССР т. Жемчужина была арестована по обвинению в том, что она «находилась в преступной связи с еврейскими националистами и вместе с ними проводила вражескую работу против партии и Советского правительства».

Ныне арестованные б[ыв]. заместители Следственной части по особо важным делам МГБ СССР Лихачев и Комаров по указанию Абакумова пытались принудить т. Жемчужину к «признанию» и стали фальсифицировать следственные материалы, с целью «изобличить» т. Жемчужину в не совершенных ею преступлениях.

Не добившись «признания» от т. Жемчужиной и для того, чтобы любыми путями подтвердить провокационную версию о ее вражеской работе, МГБ СССР в 1949 году без каких-либо оснований арестовало ряд родственников, сослуживцев и знакомых т. Жемчужиной:

Лешнявскую Р. С. – домашнюю хозяйку, сестру т. Жемчужиной;

Карповского А. С. – пенсионера, брата т. Жемчужиной;

Штейнберга И. И. – директора завода № 339 Министерства авиационной промышленности СССР, племянника т. Жемчужиной;

Голованевского С. М. – помощника по кадрам начальника Главного управления лесотарной промышленности Министерства рыбной промышленности СССР, племянника т. Жемчужиной;

Иванова В. Н. – главного инженера Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР;

[*] Фамилии вписаны в текст рукой Л. П. Берии. – Сост.

Мельник-Соколинскую С. И. – начальника отдела кадров Министерства легкой промышленности СССР;

Карповского М. Я. – начальника отдела поставок Министерства рыбной промышленности СССР;

Левандо Е. М. – старшего инспектора Министерства пищевой промышленности СССР;

Вельбовскую А. Т. – секретаря т. Жемчужиной.

Как установлено проверкой, все эти лица на следствии подвергались всевозможным издевательствам, вплоть до избиений, с целью вымогательства от них показаний, компрометирующих т. Жемчужину.

Арестованные Лешнявская и Карповский, не выдержав примененного к ним режима, умерли в тюрьме; Иванов разбит параличом и лишился речи; Штейнберг и Мельник-Соколинская оклеветали себя и дали вынужденные показания на т. Жемчужину о том, что она якобы проводила вместе с ними националистическую деятельность.

О том, как фабриковались следствием эти показания, Штейнберг И. И. заявил:

«Мне было сказано, что я должен признаться во враждебной и националистической деятельности, которую я якобы проводил вместе с Жемчужиной...

...Меня допрашивал министр государственной безопасности Абакумов, который потребовал, чтобы я признался. Я отрицал. Тогда министр приказал следователю бить меня до тех пор, пока я не подпишу такие признания. В течение двух дней после этого мне только показывали „орудия“ (резиновую дубинку), но так как я продолжал отрицать, то приступили к систематическим избиениям. Наряду с этим мне давали спать не более 2–3 часов в сутки. Допросов с „дубинкой“ было подряд семь. Их я выдержал, но перед восьмым допросом сдался и сказал неправду»[32].

По тому же вопросу Мельник-Соколинская С. И. заявила:

«... Я все же отказывалась подписывать ложь, теряла последние силы, падала на стол, просила отпустить меня, а он (Комаров) кричал, что меня на носилках будут допрашивать, и обрисовал картину страшных ужасов, меня ожидавших. Наконец, Комаров начал угрожать мне арестом моего мужа и дочери Лены, а другую обещал отдать в детский дом. Я начала терять почву. Судила про себя, что меня тоже взяли без вины и стряпают дело, и решила, что самые страшные четыре страницы попрошу переделать, а остальные подпишу, только чтобы не допустить ареста мужа и дочери. Но и тут он (Комаров) обманул меня, переделав только две. И я совершила в тюрьме преступление, подписав уже утром этот протокол».

В декабре 1949 года МГБ СССР «закончило следствие» по делу т. Жемчужиной и, в связи с невозможностью передачи дела в судебные органы из-за отсутствия доказательств, т. Жемчужина была осуждена Особым Совещанием при МГБ СССР к 5 годам высылки в Кустанайскую область Казахской ССР.

Вышеперечисленные арестованные по делу т. Жемчужиной были также осуждены Особым Совещанием при МГБ СССР на разные сроки тюремного заключения и содержались во Владимирской тюрьме со строгой изоляцией, а также в лагере для особо опасных государственных преступников.

Таким образом, т. Жемчужина и упомянутые выше ее родственники и знакомые стали жертвой учиненной над ними МГБ СССР расправы.

Министерством внутренних дел СССР принято решение т. Жемчужину и арестованных Штейнберга И. И., Голованевского С. М., Мельник-Соколинскую С. И., Иванова В. Н., Карповского М. Я., Вельбовскую А. Т. и Левандо Е. М. из-под стражи освободить с прекращением дела и полной реабилитацией.

Также реабилитированы по этому делу умершие в тюрьме Лешнявская Р. С. и Карповский А. С.

МВД СССР считает целесообразным рассмотреть вопрос о назначении персональной пенсии и обеспечении лечением через 4 Управление Министерства здравоохранения СССР разбитого параличом Иванова В. Н.[33]

Л. Берия

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 17. Л. 131–134. Подлинник. Машинопись.

№ 22

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА И В. В. ИВАНОВА НА ИМЯ Л. П. БЕРИИ О НЕОБХОДИМОСТИ ОТМЕНЫ УСТАНОВЛЕННОГО В 1948 Г. ПОРЯДКА НАПРАВЛЕНИЯ В БЕССРОЧНУЮ ССЫЛКУ ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

12 мая 1953 г.

Товарищу Берия Л. П.

Рассмотрев, по Вашему поручению, материалы о применении бывшим Министерством государственной безопасности бессрочной ссылки на поселение к лицам, судимым в прошлом за контрреволюционные преступления, докладываем.

По представлению бывшего Министерства государственной безопасности СССР 21 февраля 1948 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, на основании которого отбывшие наказание особо опасные государственные преступники подлежали направлению в бессрочную ссылку на поселение.

К особо опасным государственным преступникам статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. были отнесены: шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты, участники других антисоветских организаций и групп и лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности.

Одновременно, на основании статьи 2-й того же Указа Министерство государственной безопасности СССР обязано было направить по решениям Особого Совещания при МГБ СССР в ссылку на поселение перечисленных в статье 1-й Указа государственных преступников, освобожденных по отбытию наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Отечественной войны.

После издания Указа перечисленные категории осужденных, на основании постановления Совета Министров СССР № 416-159сс от 21 февраля 1948 г., были переведены в особые лагери и тюрьмы, откуда по отбытию наказания направлялись в бессрочную ссылку на поселение без решения Особого Совещания по нарядам отдела «А» МГБ СССР.

Всего по нарядам отдела «А» МГБ СССР в течение 1948–1953 гг. было сослано на бессрочное поселение 37951 человек.

Позднее, 26 октября 1948 г. была издана директива № 66/241сс МГБ СССР и Генерального прокурора СССР, по которой органам государственной безопасности было предложено подвергнуть аресту и по решениям Особого Совещания при МГБ СССР сослать на поселение «всех освобожденных по отбытию наказания из лагерей и тюрем со времени окончания Отечественной войны шпионов, диверсантов, террористов,

троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп... за исключением стариков, беспомощных инвалидов и тяжело больных».

Всем арестованным на основании директивы 66/241сс обвинение предъявлялось по тем же статьям УК, по которым они уже отбыли наказание в лагерях и тюрьмах. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних доказательств. Основным документом, на основании которого Особым Совещанием выносились решения о направлении в ссылку, служили справки по архивно-следственным делам о прошлой антисоветской деятельности этих лиц.

Во исполнение этой директивы в течение 1949–1953 гг. было арестовано и по решениям Особого совещания при МГБ СССР сослано на бессрочное поселение 20 267 человек.

Таким образом, за указанное время на бессрочное поселение было сослано 58 218 человек (подробная справка прилагается)[34].

В связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» в МВД СССР поступают многочисленные заявления от лиц, ранее осужденных на срок до 5 лет лишения свободы, а затем сосланных на поселение, с ходатайствами об амнистии.

Аналогичные категории лиц, в прошлом судимые на сроки до 5 лет и освобожденные из мест заключений до или в период Отечественной войны, в ссылку на поселение не направлялись и они, на основании ст. 1 и ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г., амнистированы.

Поскольку амнистия не распространяется лишь на лиц, осужденных на срок свыше 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения, бандитизм и умышленное убийство, то следует считать, что с лиц, ранее осужденных на срок до 5 лет лишения свободы и впоследствии сосланных на поселение, должна быть снята судимость, и, таким образом, оснований для содержания их в местах поселений не будет. Всего таких лиц 13815 человек.

При рассмотрении жалоб от сосланных на поселение возник вопрос о законности применения такого наказания с точки зрения основных принципов советской уголовной политики.

Таким принципом является, во-первых, принцип индивидуальной вины. Только при наличии вины к лицу, совершившему общественно-опасное действие, может быть применено наказание. Из этого следует, что советским уголовным законодательством наказание рассматривается не как мера безопасности от преступника, а как мера за конкретную вину (за конкретное преступление).

Во-вторых, советским уголовным законодательством предусмотрена определенная система наказания с твердо установленными сроками. Неопределенного наказания в виде пожизненного тюремного заключения или бессрочной ссылки суд назначить не может.

По действующему уголовному законодательству суд, при назначении основной меры наказания, может применить и дополнительное в виде ссылки, но не свыше 5 лет.

Повторность наказания за одно и то же преступление советским законом не допускается.

Таким образом, установленное в 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР повторное наказание в виде бессрочной ссылки на поселение находится в противоречии с основными принципами советского уголовного права.

Ввиду этого считаем необходимым войти с представлением в Правительство и Президиум Верховного Совета СССР:

1. Об отмене постановления Совета Министров СССР № 416-159сс от 21 февраля 1948 г. в части направления лиц, отбывших наказание в особых лагерях и тюрьмах, в ссылку на поселение.

2. Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21-го февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» и в соответствии с принятыми решениями:

а) освободить из ссылки на поселении лиц, ранее осужденных на срок до 5 лет лишения свободы, как подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии»;

б) всех других лиц, ранее осужденных на сроки свыше 5 лет лишения свободы и впоследствии сосланных на бессрочное поселение, от дальнейшего пребывания в ссылке на поселении освободить;

в) впредь всех заключенных, в том числе и содержащихся в особых лагерях и тюрьмах, по отбытию ими наказания освобождать на общих основаниях;

г) директиву МГБ и Генерального Прокурора № 66/241сс от 26 октября 1948 г. отменить, аресты по этой директиве запретить немедленно и все находящиеся в производстве такие дела прекратить.

С. Круглов
В. Иванов

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 26. Л. 1–5. Копия. Машинопись.

№ 23

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «ОБ УПРАЗДНЕНИИ ПАСПОРТНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ И РЕЖИМНЫХ МЕСТНОСТЕЙ»

20 мая 1953 г.

№ 8. п. VI – Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей (тт. Берия, Маленков).

1. Утвердить представленный Министерством внутренних дел СССР (тов. Берия Л. П.) проект постановления Совета Министров СССР «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей»[35].

2. Записку тов. Берия Л. П. по этому вопросу приложить к протоколу заседания Президиума ЦК КПСС[36].

Приложение к прот. № 8, п. VI

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

« » *мая 1953 г.* *Москва, Кремль*

Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей

Постановлением ЦИК СССР и Совета Народных Комиссаров СССР, изданным в 1933 году, в целях очистки городов Москвы, Ленинграда и Харькова от лиц, не связан-

ных с производством и не занятых общественно-полезным трудом, а также от укрывающихся кулацких, уголовных и иных элементов, были установлены паспортные ограничения.

В последующие годы по ходатайствам краевых и областных партийных и советских органов решениями Правительства количество режимных местностей и населенных пунктов было значительно увеличено.

В настоящее время в Советском Союзе паспортные ограничения распространены на 340 режимных городов, местностей, железнодорожных узлов, а также на пограничную зону вдоль всей границы страны шириной от 15 до 200 километров, а на Дальнем Востоке до 500 и более километров. При этом Закарпатская, Калининградская и Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, в том числе Камчатка, полностью объявлены режимными местностями.

При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения. При выдаче или обмене им паспортов делается запись о паспортных ограничениях и эти граждане лишаются права вернуться в город, где у них семья и жилье, не могут устроиться на жительство в большинстве промышленных и культурных центров, так как прописку им там не разрешают и на работу с непрописанными паспортами не принимают.

Наличие в стране широких паспортных ограничений создает трудности в устройстве не только для граждан, отбывших наказание, но и для членов их семей, которые также в связи с этим оказываются в затруднительном положении.

Несмотря на паспортные ограничения, граждане в силу необходимости вынуждены нарушать этот режим с тем, чтобы изменить место работы, профессию или устроить свой быт.

За последние 10 лет по судимости получили паспортные ограничения 2 млн. 900 тыс. граждан (из них только за один 1952 год 275 286 человек), которые после отбытия наказания не могут возвратиться в режимные местности, чтобы устроиться на работу или соединиться со своими семьями.

В течение 1948–1952 годов по всем городам страны выявлено 5 млн. 591 тыс. человек, нарушивших паспортный режим, из них привлечено к уголовной ответственности за эти нарушения 127 тыс. человек и оштрафовано в административном порядке 4 млн. 365 тыс. человек на сумму 217 786 000 рублей. Значительная часть из них подвергалась паспортным ограничениям.

Существующая вдоль границы Советского Союза режимная зона, которая простирается на сотни километров вглубь страны, в особенности на Дальнем Востоке, не имеет практического значения для охраны границы. Больше того, режим и паспортные ограничения, введенные в этих районах, тормозят их экономическое развитие.

Учитывая, что существующие в стране паспортные ограничения в настоящее время не вызываются необходимостью, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Принять предложения Министерства внутренних дел СССР (тов. Берия Л. П.) об упразднении паспортных ограничений в городах и местностях Союза ССР, а также режимной зоны вдоль границы СССР.

В городах Москве и 24 пригородных районах (приложение № 1), Ленинграде и 5 пригородных районах (приложение № 2), Владивостоке, Севастополе и Кронштадте сохранить в порядке исключения паспортные ограничения в отношении лиц, имеющих судимость за особо опасные преступления, предусмотренные статьями УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, согласно перечню (приложение № 3)[37].

2. Министерству внутренних дел СССР произвести обмен паспортов у граждан, имеющих отметки о паспортных ограничениях.

3. Сохранить установленную Положением о паспортах, утвержденным постановлением СНК СССР от 10 сентября 1940 года № 1667, ответственность за нарушения паспортной системы:

– подделка паспорта, проживание по чужому паспорту, а равно пользование подложным или чужим паспортом влекут за собой уголовную ответственность по ст. 72 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (лишение свободы на срок до трех лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года, или штраф до 100 рублей);

– должностные лица учреждений, предприятий и организаций за прием граждан на работу без паспортов и с непрописанными паспортами подвергаются в административном порядке штрафу в размере до 100 рублей;

– управляющие домами, комендантами и домовладельцы за допущение проживания без прописки, без паспортов или с просроченными паспортами привлекаются к ответственности в административном порядке – штрафу до 100 рублей (в Москве, в соответствии с распоряжением СНК СССР от 29 мая 1943 года № 10749, штрафу до 200 рублей, в том числе и квартиросъемщики).

Повторное допущение управдомами, комендантами и домовладельцами проживания лиц без паспортов или с просроченными паспортами, а также повторное допущение должностными лицами приема на работу без паспортов или с просроченными паспортами влекут за собой уголовную ответственность по ч. 1 ст. 192-а УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев);

– граждане Союза ССР за проживание без паспорта или с просроченным паспортом, а также без прописки подвергаются в административном порядке штрафу до 100 рублей.

Повторные нарушения гражданами СССР установленных правил прописки паспортов в местностях, где введена паспортная система, влекут за собой уголовную ответственность по ст. 192-а УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или лишение свободы на срок до двух лет).

Сохранить действие пункта «д» ст. 38 Положения о паспортах, запретив проживание в Москве, столицах союзных и автономных республик, краевых и областных центрах лицам, не занятым общественно-полезным трудом более 3 месяцев, за исключением инвалидов, пенсионеров, престарелых (мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет) и иждивенцев трудящихся.

Аннулирование прописки и удаление из городов указанных выше лиц производить по заключениям органов милиции, утвержденным министрами внутренних дел союзных и автономных республик и начальниками краевых и областных управлений МВД.

4. Сохранить существующий порядок въезда в города Кронштадт, Севастополь и Владивосток по разрешениям, выдаваемым органами милиции по месту жительства гражданам, имеющим родственников или направляемым в эти города на работу, при условии обеспеченности их жилплощадью по установленной норме.

Обязать Министерство обороны СССР в Кронштадте, Севастополе и Владивостоке, в районах, непосредственно примыкающих к военным объектам и местам расположения военных кораблей и боевой техники, установить, по согласованию с Советом Министров РСФСР, для местных жителей пропускной режим, осуществляемый комендатурами военно-морских баз (укрепленных районов).

5. Министерству внутренних дел СССР на основании настоящего постановления Совета Министров СССР в месячный срок разработать и утвердить Положение о паспортах, предусматривающее порядок выдачи паспортов гражданам Союза ССР, порядок прописки и выписки паспортов в органах милиции и ответственность за нарушения Положения о паспортах.

Председатель Совета Министров СССР
Управляющий Делами Совета Министров СССР

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 26. Л. 24–29. Подлинник. Машинопись.

№ 24

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА А. Л. ДЕДОВА Н. С. ХРУЩЕВУ ОБ ОТМЕНЕ ПОРЯДКА ВЫДАЧИ СПРАВОК БЫВШИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ С ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИМИ ОТПЕЧАТКАМИ ПАЛЬЦЕВ*

21 мая 1953 г.

Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н. С.

Секретарь Куйбышевского обкома КПСС т. Ефремов в письме на Ваше имя сообщил, что обком КПСС считает неправильными действия органов УМВД Куйбышевской области, которые, руководствуясь приказом НКВД СССР от 2 июня 1943 года, выдают освобожденным из заключения гражданам справки с дактилоскопическим отпечатком пальцев, вместо фотографии личности[38]. По этому вопросу поступила также информация от прокурора Куйбышевской области т. Ветрова.

По поручению т. Берия Л. П. записка т. Ефремова рассмотрена в Министерстве внутренних дел СССР. Установлено, что приказом НКВД СССР от 2 июня 1943 года, подписанным Чернышевым В. В., было разрешено при освобождении заключенных делать на справке дактилоскопический отпечаток пальцев. Это объяснялось отсутствием фотографов в ряде населенных пунктов в период Отечественной войны.

В настоящее время необходимости в этом нет, в связи с чем МВД СССР 6-го мая 1953 года издало распоряжение о запрещении производить дактилоскопические оттиски пальцев на справках, выдаваемых гражданам, освобождаемым из мест заключения. Необходимые указания по этому вопросу даны на места и ГУЛАГом Министерства юстиции СССР.

О принятых мерах тт. Ефремову и Ветрову сообщено.

Зав. отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС
А. Дедов

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 21. Д. 556. Л. 14. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1994. № 4. С. 110.

* На записке имеется помета: «Архив. 22/V [Подпись неразборчива]». – Сост.

№ 25

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Л. П. БЕРИИ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ АНОНИМНОМ ПИСЬМЕ О ПОЛОЖЕНИИ НЕМЕЦКИХ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В СССР*

27 мая 1953 г.

Посылаю Вам поступившее в МВД СССР анонимное письмо о положении немцев – граждан СССР, высланных на спецпоселение в годы Отечественной войны из г.г. Москвы, Ленинграда, Московской и Ленинградской областей, Поволжья, Закавказья, Северного Кавказа, Кубани, Украины, Ростовской и Тульской областей[39].

Считая, что вопрос о спецпоселенцах имеет государственное значение, МВД СССР провело проверку состояния спецпоселений и готовит по этому вопросу предложения для рассмотрения в ЦК КПСС.

Л. Берия

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 81–82. Копия. Машинопись.
Опубликовано: Исторический архив. 1996. № 4. С. 153–154.

№ 26

ЗАПИСКА Г. К. ЖУКОВА В ЦК КПСС О ЗАЯВЛЕНИИ В. В. КРЮКОВА[40]

2 июня 1953 г.

Товарищу Хрущеву Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. знаю с 1931 г. как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

Г. Жуков

Опубликовано: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 224.

№ 27

ЗАПИСКА Н. С. ХРУЩЕВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О ЗАЯВЛЕНИИ В. В. КРЮКОВА[41]

2 июня 1953 г.

Членам Президиума ЦК КПСС

В ЦК КПСС прислал заявление бывший генерал-лейтенант Крюков В. В., осужденный в 1951 году. Такое же заявление он прислал маршалу Жукову с просьбой передать его в ЦК КПСС.

* На записке имеется помета: «Разослано т. Маленкову, т. Молотову, т. Ворошилову, т. Хрущеву, т. Булганину, т. Кагановичу, т. Микояну, т. Сабурову, т. Первухину. Отпечатано 11 экз. 1 – 9 адресатам, 10 – Секретариат МВД СССР, 11 – в дело 4 отд[еле]ния Секр[етариата], исп[олнитель] тов. Милюшин. Осн[овной] № б/№ от 8.V.53 г. вх. 6443». – Сост.

В своем заявлении Крюков пишет о том, что следствие шло три с лишним года и проводилось недопустимыми методами с применением мер физического воздействия. Он просит пересмотреть его дело, а также дело его жены Руслановой.

Посылаю Вам заявление Крюкова. По этому вопросу необходимо обменяться мнениями. Следовало бы проверить и пересмотреть это дело[42].

Н. Хрущев

Опубликовано: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 225.

№ 28

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. И. ШАХУРИНА, А. А. НОВИКОВА, А. К.РЕПИНА И ДРУГИХ[43]

12 июня 1953 г.

№ 9. п. VI – О результатах проверки материалов следствия по делу А. И. Шахурина, А. А. Новикова, А. К. Репина и др. (тт. Берия, Ворошилов, Хрущев, Молотов, Булганин, Микоян, Сабуров, Первухин, Маленков).

В апреле 1946 г. ныне арестованные б[ыв]. начальник Главного управлени контрразведки «Смерш» Абакумов и подчиненные ему следственные работники этого же управления Лихачев и Комаров сфабриковали материалы о том, что б[ыв]. нарком авиационной промышленности Шахурин А. И., б[ыв]. командующий военно-воздушными силами Советской Армии Новиков А. А., б[ыв]. главный инженер ВВС Репин А. К., б[ыв]. член Военного Совета ВВС Шиманов Н. С., б[ыв]. начальник Главного Управления заказов ВВС Селезнев Н. П., б[ыв]. заведующие отделами самолетостроения и моторостроения Управления кадров ЦК ВКП(б) Будников А. В. и Григорьян Г. М., якобы, умышленно наносили вред военно-воздушным силам Советской Армии, поставляя на вооружение самолеты и моторы с большим браком или серьезными конструктивными и производственными недоделками.

На основании сфальсифицированных материалов Абакумов направил И. В. Сталину ложную информацию, в которой извратил действительное положение с выпуском и поставкой военно-воздушным силам Советской Армии самолетов и моторов, оклеветал вышеперечисленных лиц, создав версию о том, что, якобы, в результате их преступного сговора, в частях военно-воздушных сил Советской Армии происходило большое количество аварий и катастроф.

Добившись на основании этих ложных материалов ареста Шахурина, Новикова, Репина, Шиманова, Селезнева, Будникова и Григорьяна, путем применения к арестованным извращенных методов следствия, Абакумов совместно с Лихачевым и Комаровым вынудил их подписать сфабрикованные самими же следователями «протоколы допросов», содержащие «признания» о том, что они проводили вражескую работу.

В ходе следствия по этому делу, Абакумов, в целях подтверждения вымышленных им же самим обвинений против перечисленных выше лиц, направлял в адрес И. В. Сталина ложные информации, в которых изображал отдельные недостатки, связанные с организацией серийного производства новых типов самолетов и моторов, как результат, якобы, имевшей место сознательной антигосударственной деятельности арестованных им по настоящему делу лиц.

Проверкой также установлено, что Абакумов совместно с Лихачевым и Комаровым, встав на преступный путь обмана партии и правительства, довел арестованных Шахурина, Новикова и Шиманова до состояния физической и моральной депрессии и, воспользовавшись этим, принудил их подписать сочиненные им же самим заявления

на имя И. В. Сталина, в которых возводилась клевета на тов. Маленкова Г. М., шефствовавшего во время Великой Отечественной войны над авиационной промышленностью, в том, что он, якобы, зная о недостатках в производстве самолетов и моторов, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).

Между тем известно, что в период Великой Отечественной войны советская авиационная промышленность обеспечила наши военно-воздушные силы в необходимых количествах доброкачественными боевыми самолетами с высокими летно-техническими данными, в результате чего военно-воздушные силы Советской Армии добились полного превосходства над авиацией гитлеровской армии.

На основе сфабрикованных Абакумовым ложных материалов Военной Коллегией Верховного Суда СССР Шахурин, Новиков, Репин, Шиманов, Селезнев, Будников и Григорьян в 1946 г. были осуждены к лишению свободы на разные сроки.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев в судебном заседании от 29 мая с.г. заключение и материалы дополнительного расследования, произведенного Министерством внутренних дел СССР по делу Шахурина, Новикова, Репина, Шиманова, Селезнева, Будникова и Григорьяна, подтвердила заключение МВД СССР и приняла решение – приговор в отношении осужденных по настоящему делу полностью отменить и уголовное дело на них за отсутствием состава преступления прекратить[44].

В связи с этим Президиум ЦК КПСС постановляет:

1. Восстановить* тт. Шахурина А. И., Новикова А. А., Репина А. К., Шиманова Н. С., Селезнева Н. П., Будникова А. В. и Григорьяна Г. М. *в рядах КПСС***.

2. Отменить решения Политбюро ЦК от 18 мая 1946 г. (№№ П52/47, П52/48 и П52/49) и восстановить:

а) т. Шахурина А. И. в звании Героя Социалистического Труда и т. Новикова А. А. в звании дважды Героя Советского Союза;

б) тт. Шахурина А. И., Новикова А. А., Репина А. К., Шиманова Н. С. и Селезнева Н. П. в присвоенных им ранее воинских званиях.

Возвратить*** *лицам, перечисленным в пункте 1 настоящего постановления*, правительственные награды, отобранные у них при аресте.

3. Установить, что решения Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/V от 4 мая 1946 г. и Пленума ЦК ВКП(б) № Пл. 9/1 от 6 мая 1946 г., в которых указывается, что тов. Маленков «как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов – над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б)» – были приняты на основании сфальсифицированных Абакумовым материалов.

Исходя из этого, – указанные решения Политбюро ЦК ВКП(б) и Пленума ЦК ВКП(б) как неправильные – отменить.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 27. Л. 38–40. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1993. № 4. С. 99–100.

---

* Далее в подлиннике, вероятно, рукой Г. М. Маленкова вычеркнуты слова: «в рядах членов КПСС». – Сост.

** Здесь и далее выделенные курсивом слова вписаны в текст, вероятно, рукой Г. М. Маленкова. – Сост.

*** Далее в подлиннике, вероятно, рукой Г. М. Маленкова вычеркнуты слова: «тт. Шахурину А. И., Новикову А. А., Репину А. К., Шиманову Н. С., Селезневу Н. П., Будникову А. В. и Григорьяну Г. М.». – Сост.

№ 29

ЗАПИСКА Л. П. БЕРИИ В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ МВД СССР

15 июня 1953 г.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года при народном комиссаре внутренних дел Союза ССР было учреждено Особое Совещание, которому было предоставлено право применять к лицам, признаваемым общественно-опасными:

– ссылку и высылку на срок до 5 лет;

– заключение в исправительно-трудовые лагери до 5 лет;

– высылку за пределы Союза ССР иностранно-подданных.

В течение последующих лет права Особого Совещания рядом решений директивных органов были значительно расширены.

Согласно постановлениям ЦК ВКП(б), с 1937 года Особое Совещание стало рассматривать дела и выносить решения о заключении в исправительно-трудовые лагери сроком до 8 лет лиц, обвиняемых в принадлежности к право-троцкистским, шпионско-диверсионным и террористическим организациям, а также членов семей участников этих организаций и изменников Родине, осужденных к ВМН.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 17 ноября 1941 года Особому Совещанию было предоставлено право по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных деяниях против порядка управления СССР выносить с участием прокурора Союза ССР обвиняемым меры наказания, вплоть до расстрела[45].

Этим постановлением б[ыв]. МГБ СССР руководствовалось вплоть до последнего времени.

Помимо упомянутых выше решений директивных органов, на протяжении последних лет Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров Союза ССР издан еще ряд указов и постановлений, которыми Особому Совещанию предоставлено право:

– ссылать на бессрочное поселение лиц, ранее арестованных по обвинению в шпионской и диверсионно-террористической работе, принадлежности к право-троцкистским и другим антисоветским организациям, отбывших наказание, из мест заключения;

– заключать в особые лагери на 20 лет каторжных работ лиц, совершивших побеги с постоянного места поселения;

– заключать в исправительно-трудовые лагери сроком на 8 лет за уклонение от общественно-полезного труда в местах спецпоселения лиц, выселенных за уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве, а также лиц, высланных в места спецпоселения навечно;

– направлять на спецпоселение сроком на 5 лет лиц, занимающихся попрошайничеством и бродяжничеством;

– выселять из Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и западных областей Украины в отдаленные местности СССР членов семей участников националистического подполья.

Такое положение приводило к тому, что б[ыв]. министерство государственной безопасности СССР, злоупотребляя предоставленными широкими правами, рассматривало на Особом Совещании не только дела, которые по оперативным или государственным соображениям не могли быть переданы на рассмотрение судебных органов, но и те дела, которые были сфальсифицированы без достаточных оснований.

Учитывая, что сохранение за Особым Совещанием предоставленных прав не вызывается государственными соображениями, МВД СССР считает необходимым ограничить права Особого Совещания при министре внутренних дел СССР, разрешив ему рассмотрение дел, которые по оперативным или государственным соображениям не могут быть переданы в судебные органы, и применять меры наказания в соответствии с действующим уголовным законодательством Союза ССР, но не свыше 10 лет заключения в тюрьму, исправительно-трудовые лагери или ссылки.

Одновременно МВД СССР считает целесообразным пересмотреть изданные за последние годы ЦК ВКП(б), Президиумом Верховного Совета и Советом Министров Союза ССР упомянутые выше указы и постановления директивных органов Союза ССР, противоречащие советскому уголовному законодательству и предоставившие Особому Совещанию широкие карательные функции.

Проекты постановления Президиума ЦК КПСС и положения об Особом Совещании при министре внутренних дел СССР прилагаются[46].

Л. Берия

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 123–125. Копия. Машинопись.
Опубликовано: Исторический архив. 1996. № 4. С. 160–161.

РАЗДЕЛ II

ВИНОВАТЫ БЕРИЯ И АБАКУМОВ

ИЮЛЬ 1953 – ФЕВРАЛЬ 1954 гг.

№1

ЗАЯВЛЕНИЕ Д. В. ПРИХОДЬКО Н. С. ХРУЩЕВУ О НЕДОСТАТКАХ В РАБОТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ СССР*

[*Не позднее 2 июля 1953 г.*]**

Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н. С.

чл. КПСС Приходько Дмитрия Владимировича, партбилет
№ 1320103, проживающего г. Москва, проезд Серова, 17, кв. 24
(кв. тел. К 5–07–34, служ. тел. К 6–31–58).

Заявление

В интересах улучшения прокурорского надзора за следствием в МГБ СССР в марте 1952 года по решению ЦК КПСС была организована группа военных прокуроров в количестве 10 человек. Начальник этой группы – зам. Главного военного прокурора генерал-майор юстиции товарищ Китаев.

Перед этими прокурорами была поставлена задача улучшить прокурорский надзор за следствием в центральном аппарате МГБ СССР.

Все эти 10 военных прокуроров в своей работе должны отчитываться только перед Генеральным прокурором Союза ССР тов. Сафоновым.

Год и два месяца работает группа, но надзорная прокурорская деятельность не улучшается, а лишь омрачилась очередным грубым нарушением закона, я имею в виду дело врачей и др.

За это время на разрешение Генерального прокурора Союза ССР тов. Сафонова начальник группы и отдельные прокуроры ставили ряд существенных вопросов, на мой взгляд, выполнение которых улучшило бы надзорную прокурорскую работу, но они не нашли своего положительного разрешения.

* На первом листе заявления имеются следующая резолюция: «Разослать членам Президиума ЦК и Секретариата ЦК КПСС. Н. Хрущев. 11.VII.53 г.» и помета «Архив. Доложено. Д. Суханов. 28.VII.53». – Сост.

** Датируется по дате принятия постановлений Президиума ЦК КПСС о снятии с должности Генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова и назначении на эту должность Р. А. Руденко (прот. № 12, п. I от 2 июля 1953 г.). – Сост.

1. Еще в начале создания группы, учитывая особый характер надзорной работы в центральном аппарате МГБ СССР, перед тов. Сафоновым ставился вопрос о необходимости утверждения положения о работе группы, но этот вопрос остался им не разрешен.

Между тем в этом положении предусматривалась необходимость не реже одного раза в месяц проверять законность содержания арестованных во внутренней и Лефортовской тюрьмах, к которым никто из названных прокуроров доступа с точки зрения проверки не имеет.

Не ошибусь, если скажу, что внутренняя тюрьма МВД СССР и Лефортовская прокурорским надзором около 10 лет не проверялись вообще. Поэтому неизвестно, правильно ли соблюдается закон тюремной администрацией и лицами, имеющими к ним отношение, или нет. Становится известно лишь только потом, как, скажем, по делу группы врачей, что в тюрьмах внутренней и Лефортовской грубо нарушался закон, арестованные избивались, не предоставлялось им время для сна, не давалась арестованным бумага для написания жалоб в директивные органы, прокурору и др.

Между тем во многих случаях эти нарушения закона можно выяснять своевременно, а именно при проверке тюрьмы прокурором.

Также говорилось, что крайне важно, чтобы прокурор имел право самостоятельно вызвать к себе на допрос арестованного. Сейчас прокурор, осуществляющий надзор за следствием, если ему не вызовет следователь арестованного из тюрьмы, сам этого сделать не имеет права, хотя бы даже необходимость этого допроса возникла у прокурора в связи с жалобой в его адрес. И последующий сам допрос проходит только совместно со следователем.

При такой постановке прокурорского надзора прокурор затруднен своевременно выяснять те или другие нарушения, допускаемые в процессе расследования дела.

Как ни удивительно, но и сейчас допускаются нарушения постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17. XI.38 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». При этом в одном из основных вопросов этого постановления – дача санкций на арест. В этом вопросе рядовые прокуроры также обращали внимание лиц, дающих санкции на арест, на то, что имеют место необоснованные аресты, но эти сигналы не учитывались и в расчет не принимались, в итоге эта беспринципность приводит к тому, что «вначале арестовывается человек, а затем собираются в отношении него доказательства». Иначе говоря, прокурором тов. Сафоновым, его заместителем и Китаевым даются санкции на арест по недостаточно проверенным и обоснованным материалам, т. е. как раз делается то, что категорически запрещается названным выше историческим решением партии и правительства.

30 января 1953 года с санкции тов. Сафонова был арестован Зинченко К. Е., кандидат технических наук, работник Министерства иностранных дел. Зинченко обвиняется в том, что с 1940 по 1944 гг., находясь в служебной командировке в Англии, поддерживал преступную связь с американским журналистом и передавал ему ряд сведений, составляющих государственную тайну. При критической оценке данных, которые были представлены Генеральному прокурору при получении санкции на арест, они не могли служить основанием для ареста Зинченко, но тов. Сафонов, придерживаясь, очевидно, линии перестраховки, арест санкционировал.

Дело Зинченко следственными органами МВД СССР в данное время поставлено на прекращение за отсутствием преступления.

Товарищ Сафонов достаточно в курсе по тем делам, по которым даются санкции по его поручению генерал-майором юстиции тов. Китаевым, который также дает санкции без критического и принципиального анализа материалов.

5 марта 1953 года с санкции тов. Китаева был арестован Кудояров Б. П., фотокорреспондент с[ельско]х[озяйственной] выставки. Кудояров обвинялся в том, что он проводил шпионскую работу и занимался антисоветской агитацией. Документальных данных или свидетельских показаний, подтверждающих это обвинение, при истребовании санкции не было. Однако санкция была дана. Кудояров содержался в тюрьме два месяца с лишним, т. е. до 11 мая 1953 г., а затем его дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

5 марта 1953 года с санкции тов. Китаева был арестован Шушаков А. С., корреспондент газеты «Социалистическое земледелие». (Причем, при аресте никто не позаботился о судьбе двух малолетних детей 9 и 11 лет, оставшихся без каких бы то ни было родственников, и дети находились без надзора.)

В постановлении на арест указано, что Шушаков проводил антисоветскую агитацию и что виновность подтверждается показаниями свидетелей Воробейчик и др., но стоило прочесть эти показания и было бы видно, что свидетель Воробейчик и др. не дают изобличительных показаний в отношении Шушакова, что для предъявления ему обвинения материалов, т. е. доказательств, нет. Поэтому после доклада материалов следствия новому руководству министерства дело Шушакова 13 апреля 1953 года органами следствия было прекращено, а он из-под стражи освобожден.

6 февраля 1953 года с санкции тов. Китаева был арестован за проведение антисоветской националистической агитации Чайковский Г. М., содержался под стражей три месяца, т. е. до 13.V.53 г., а затем из-под стражи освобожден за прекращением его дела по признакам отсутствия состава преступления.

Только в апреле и мае 1953 г . прекращено около 20–35 дел, не связанных с делом группы врачей Вовси и Коган. Такое значительное прекращение дел в процессе следствия свидетельствует о том, что Генеральным прокурором не перестроена надзорная прокурорская работа под углом требований, изложенных в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 17. XI.38 г., в результате надзор все еще формальный, а санкции на арест даются без критического анализа представляемых доказательств для их получения, что и вызвало большое прекращение.

Действительно, за год работы прокурорской группы по надзору за следствием в МВД СССР ни одного отказа в даче санкции не было, тогда как прекращено только за апрель и май месяцы, о чем сказано уже выше, 20–25 дел, и об этом тов. Сафонову достаточно известно.

Очень часто перед окончанием дела следствием практикуется переход с тяжкого состава преступления, по поводу которого арестован тот или другой гражданин, на так называемую статью «социально опасный» и осуждается к ссылке или высылке Особым Совещанием МВД СССР.

Что здесь неправильного и [почему] товарищ Сафонов должен был принять меры к устранению?

Неправильно то, что этим осуждением к ссылке или высылке оправдывается неосновательно данная прокурором санкция на арест. Например, в феврале и марте 1953 г. были арестованы Григорьева, Грузд, Рэне и др. Одни из них за измену, другие за шпионаж и антисоветскую агитацию, но в процессе следствия то, за что они арестованы, не подтвердилось, остались только подозрения. При таком положении вместо прекращения дела арестованные осуждаются к ссылке или высылке, тогда как социально опасное лицо по закону может быть выселено без его ареста – в административном порядке.

При такой, на мой взгляд, неправильной прокурорской линии страдает и другая сторона дела – чисто оперативно-следственная, а именно: оперативный работник, а затем и следователь не будут обеспокоены тем, что слабо первым подготовлены данные к аресту Грузд, Рэне и др., а следователь не будет обеспокоен тем, что он не раскрыл, не разоблачил преступника, так как есть выход из этого положения для оперативного работника, следователя и прокурора замазать свою порочную работу осуждением к ссылке или высылке, т. е. осудить как социально опасную личность.

На мой взгляд, если они арестованы за измену Родине или шпионаж, то за это преступление они и должны быть осуждены или их дела должны быть прекращены.

Потеря чувства ответственности за дачу санкций дошла до того, что дается она по таким несостоятельным материалам, что потом органы МВД СССР, получив санкцию, не реализуют ее. 24.II.53 г. тов. Китаев дал санкцию на арест гр. Полякова, но арестован Поляков не был ввиду недостаточно обоснованных материалов.

Кроме того, практика показала, что при получении согласия в директивных органах на арест совершивших преступление отдельных ответственных работников, материалы на этот арест вначале прокурору не представляются, а между тем в целях исключения случаев необоснованного ареста материалы эти необходимо прежде представлять Генеральному прокурору и только с положительной отметкой Генерального прокурора, т. е. что собранные доказательства обоснованы, представлять их в директивные органы для получения разрешения на арест. Такая постановка, по моему мнению, с одной стороны, не будет связывать Генерального прокурора при даче им санкции на арест, уже состоявшийся указанием или решением директивных органов, а с другой Генеральный прокурор или его заместитель будут иметь возможность проверить, насколько объективно, правильно составляются по агентурно-следственным материалам справки и другие документы для получения на арест согласия от директивных органов. Иначе говоря, в справках и других обобщенных документах, представляемых органами МГБ в прошлом в директивные органы, не всегда отдельными работниками эти документы составляются объективно, правильно (дело Степанова). В справке, а затем и в постановлении на арест по делу Степанова указано, что «по имеющимся в МГБ СССР материалам известно, что английской разведке удавалось получать некоторые сведения о решениях Политбюро и пленумов ЦК ВКП(б), представлявшие государственную тайну». И далее указано: «Проверкой и тщательным анализом всех этих материалов установлено, что источником информации англичан является Степанов». Никакими данными, а тем более проверенными в отношении Степанова, органы МГБ СССР не располагали, тем не менее Степанов был арестован. Сейчас же после ареста было выяснено, что Степанов арестован по недостаточно проверенным материалам, изложенное обвинение в справке и постановлении не соответствует действительности.

И хотя дело Степанова подлежит прекращению, но все еще оно не доложено новому руководству МВД СССР, очевидно, боясь ответственности. Эти факты и вызывают необходимость, чтобы прокурор проверял справки и другие документы с точки зрения доказательств при направлении в директивные органы. Такой же порядок необходим и при окончании дел по тем делам, окончание которых согласовывается с директивными органами. Но тов. Сафонов этот вопрос почему-то перед директивными органами на разрешение не ставит.

Сроки следствия продляются прокурорами безотказно, если не считать 5–6 случаев за год, когда прокурорами не продлен срок следствия и предложено ускорить окончание дела. А вообще, как правило, расследование по делам ведется вместо предусмотренного законом два месяца 6–7 и больше месяцев*. Мотивы для продления срока следствия и содержания под стражей приводятся неубедительные и не вытекающие из требования закона, однако это на протяжении длительного времени не пресекается. Вряд ли кто-ли-

* Так в тексте. – Сост.

бо из работников Прокуратуры сможет назвать случай, чтобы Генеральный прокурор принял какие-либо жесткие меры к уменьшению волокиты по следствию.

Известно ли было тов. Сафонову и его заместителю о незаконных методах ведения следствия в центральном следственном аппарате МВД СССР по делу врачей и др.? Да, известно. Ему по этому поводу говорили военные прокуроры тт. Новиков, Кожура, Андреев и др., и особенно для тов. Сафонова был ясен этот вопрос в связи с докладом дела и жалобы Дарон А. П. В жалобе Дарон указывал на незаконные методы следствия, которые применялись к нему, но мер тов. Сафонов не принимал. В данное время дело Дарон прекращено за отсутствием состава преступления, и он восстановлен на прежней работе в Прокуратуре СССР.

Нереагирование со стороны тов. Сафонова на эти сообщения прокуроров о неблагополучии в следствии ставило тем самым всю прокурорскую группу в неясное положение с точки зрения принятия прокурорских мер к устранению отмеченного.

Обращаясь к Вам, Никита Сергеевич, со своим заявлением, прошу Вас дать указание Генеральному прокурору устранить отмеченные недостатки в прокурорской надзорной работе.

По изложенным фактам я обращался к товарищу Дедову и другим работникам из Отдела административных органов ЦК КПСС, и они мне порекомендовали написать заявление на Ваше имя.

Недочеты в надзорной прокурорской работе в аппарате МВД СССР могут подтвердить военные прокуроры этой группы: Кузяйкин Т. М., Савинич, Новиков В. К., Аракчеев и Андреев. Тов. Андреев хотя и не входит в следственную группу, но он почти год осуществлял надзор за так называемым «грузинским» делом[1]. Обвиняемые по этому делу из-под стражи освобождены за прекращением их дела. Тов. Андреев неоднократно заявлял, что он докладывал тов. Сафонову о том, что по этому делу нарушается закон. Но принимал ли какие-либо меры тов. Сафонов в этом направлении, мне неизвестно.

Д. Приходько

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 42. Л. 76–82. Заверенная копия. Машинопись.

№ 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ГЕНЕРАЛОВ И АДМИРАЛОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ[2]

13 июля 1953 г.

№ 15. п. 1 – О пересмотре дел на осужденных генералов и адмиралов Советской Армии.

Утвердить представленный тт. Булганиным, Руденко и Чепцовым прилагаемый проект постановления.

Приложение к прот. № 15, п. 1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС*

1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов, имея в виду:

* Данные слова вписаны от руки, вероятно, помощником Г. М. Маленкова Д. Н. Сухановым взамен следующих вычеркнутых слов: «Постановление Совета Министров Союза ССР. Совет Министров Союза ССР постановляет:». – Сост.

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: Романова Ф. Н., Цирульникова П. Г., Чичканова А. С., Гапича Н. И., Гельвиха П. А., Мошенина С. А., Ляскина Г. О., Голушкевича В. С., Жукова И. И., Тимошкова С. П., Самохина А. Г., Минюка Л. Ф., Туржанского А. А., Васильева А. Ф., Жарова Ф. И., Ильиных П. Ф., Эльсница А. Г., Токарева С. Ф., Мрочковского С. И., Бурименкова Г. А., Попова Д. Ф., Ширмахера А. Г., Бычковского А. Ф., Ухова В. П., Телегина К. Ф., Ворожейкина Г. А., Терентьева В. Г., Филатова А. А., Кузьмина Ф. К., Иванова И. И., Крюкова В. В., Власова В. Е., Петрова Е. С., Бежанова Г. А., Лапушкина Я. Я., Вейса А. А., Клепова С. А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осужденных бывших генералов: Калинина С. А., Герасимова И. М., Ротберга Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: Жукова Г. В., Гуськова Н. Ф., Дашичева И. Ф., Варенникова И. С., Сиднева А. М., Ильина В. Н., Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С., Соколова Г. И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осужденных генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С., Соколова Г. И., Ширмахера А. Г.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 34. Л. 12–14. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 95.

№ 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ С. С. ЮДИНА[3]

13 июля 1953 г.

№ 15. п. 2 – О реабилитации профессора Юдина С. С., осужденного бывшим МГБ СССР.

Утвердить представленный тт. Булганиным, Руденко и Кругловым прилагаемый проект постановления.

Приложение к прот. № 15, п. 2.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить заключение комиссии в составе тт. Булганина, Руденко и Круглова по делу профессора Юдина С. С.

2. Профессора Юдина С. С. полностью реабилитировать и восстановить во всех правах. Вернуть Юдину диплом лауреата Сталинской премии, а также ордена, медали, почетные знаки и документы к ним.

3. Обязать Исполнительный комитет Московского городского Совета депутатов трудящихся (т. Яснова) предоставить профессору Юдину С. С. отдельную квартиру, равноценную ранее им занимаемой[4].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 34. Л. 24–25. Подлинник. Машинопись.

№ 4

ПИСЬМО Е. Д. ГОГОБЕРИДЗЕ А. И. МИКОЯНУ

16 июля 1953 г.

Дорогой Анастас Иванович!

Я одновременно пишу тт. Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву, но к Вам обращаюсь как к единственному человеку среди руководителей партии, кто с самой юности, в течение многих лет знал моего брата Левана Давыдовича Гогоберидзе. Помню и то, как искренно Леван любил Вас.

Сегодня, наконец, настал час, когда воочию стало ясно, что человек, загубивший Левана – враг народа. Берия загубил его сознательно, боясь разоблачений.

Вряд ли Вам доподлинно известно, как Л. Берия ненавидел Левана за то, что в руках Левана оказались в свое время (1933 г.) материалы, свидетельствовавшие о позорных фактах его биографии[5]. Серго[5а] велел Левану молчать, пока не будут собраны неоспоримые доказательства. Следующие два-три года, если Вы помните, Леван тяжело болел, а затем наступил 1936–1937 год и Берия разделался с ним.

Умоляю Вас, дорогой Анастас Иванович, спасите Левана, если он еще жив* – мы ничего о нем не знаем вот уже 17 лет. (Осужден он был уже в Ростове на 10 лет.)

Если он жив, он много мог бы раскрыть сейчас, – ведь свидетелей начала политической карьеры Берия осталось в живых очень мало. Но и независимо от того, нужны ли сейчас партии такого рода свидетельства, напомните о Леване, а если Леван уже погиб, спасите хотя бы его имя, имя честного большевика, прошедшего славный путь бойца, преданного партии и народу.

Я не знаю, какие показания вынуждали его дать, возможно он и оговорил себя, но пусть его осудит тот, кто не знает какие «методы воздействия» применял в ту пору Берия на допросах тех, кого он считал опасными для своей карьеры.

Посылаю Вам копии двух последних, можно сказать, предсмертных записок Левана, написанных в 1937 г. во внутренней тюрьме НКВД в Тбилиси. Оригиналы я послала Г. М. Маленкову[6]. Если у Вас найдется время, примите меня, может на словах мне удастся сказать больше, чем можно написать в письме[7].

С искренним уважением,

Елена Давыдовна Гогоберидзе
Москва, 1, ул. Ал. Толстого, д. 16, кв. 10
Телефон К 4–51–34

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 83. Л. 70. Копия. Машинопись.

* Подчеркнуто автором. – Сост.

№ 5

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРУППЫ ИНГУШЕЙ-СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ Г. М. МАЛЕНКОВУ И К. Е. ВОРОШИЛОВУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИХ В ПРАВАХ*

18 июля 1953 г.

Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Маленкову Г. М.
Председателю Верховного Совета Союза ССР товарищу Ворошилову К. Е.

От группы ингушей, спецвыселенцев

Вами разоблачен и привлечен к суровой ответственности Берия, как враг народа, как буржуазный националист, как носитель национальной розни и вражды между братскими народами Союза ССР.

Все кавказские народности, особенно переселенные с Кавказа и, в частности, ингушский народ, первые поднявшиеся за революцию, призывая все горские нации к присоединению к Российской Федерации, к великому русскому народу, хорошо понимал[и], что Берия по явно национально враждебному отношению, подвергает отдельные национальности Кавказа к невиданным в истории Руси ужасам.

Мы не сомневаемся в том, что Вы, члены правительства, до сего времени не знаете, что с нами творили под руководством Берия, что Берия, благодаря своим враждебным отношениям к нам, Вас информировал о нас о том, чего не было в самом деле. Существенный факт во всем этом был угон грузинской баранты чеченцами и несколькими ингушами через границу ингушей и убийство при этом племянника Берия.

При переселении Чечено-Ингушетии по указу Берия нам не давали возможность брать с собой кусок хлеба. Больных, детей, стариков брали из саклей, варварски бросали в машины и возили к фронту погрузки, запирали в холодные вагоны в морозные дни. Умерших в пути следования на ходу поезда выкидывали с вагона на снег на пищу воронам. Прибыв в Казахстан и в Киргизию, нас поместили под открытым небом в скотских дворах и свинарниках. Одни умирали, протягивая руку за куском хлеба, другие умирали от холода и простуды, а третьи – от вспыхнувшей эпидемии тифа.

При всех этих ужасах мы понимали, что это дар нам от Берия, и говорили об этом тихо между собой, но были уверенны, что сотни душ невинно погибших детей, стариков с голода и холода предстанут рано или поздно перед глазами Берия и спросят его: «за что? почему ты нас уничтожил?» Эта уверенность нас не покидала, и мы ждали, когда великий русский народ, народ справедливый и объективный, займется вплотную нашим вопросом.

Но мы потеряли надежду, когда радио принесло нам весть о новом правительстве, когда услыхали фамилию Берия вторым лицом в правительстве. Сейчас, когда Вы раскрыли истинное лицо Берия, к нам снова вернулась надежда, что Вы займетесь вопросом спецпереселенцев, что Вы им дадите счастье, которое Вы дали за последние 4 м[еся]ца многим миллионам людей.

Мы обращаемся к Вам, дорогие товарищи Маленков и Ворошилов, и убедительно просим не допустить дальнейшее замирание нашей национальной культуры, образования, печати, самоуправления по Конституции СС[С]Р, вернуть нас в братскую семью народов СССР с равными правами, снять с нас всякое ограничение, избавить нас

* На первом листе письма имеется помета помощника Г. М. Маленкова: «Д. С[уханов]. 11/IX.53». – Сост.

от угнетения бериевских приказов, угнетения органами МВД за переход с улицы в улицу без пропуска.

Великий русский народ всегда был справедлив и беспристрастен, и потому мы свою судьбу вверяем Вам и надеемся на Вас, что на сессии Верховного Совета Союза ССР, созываемой 28 июля, Вы обсудите наш вопрос в смысле предоставления нам равных прав в советской семье.

Наш народ гарантирует честно доказать Вам свою бесконечную преданность. С огромным нетерпением ждем Ваше решение о нас.

Группа ингушского народа
18-VII-53 г.
г. Фрунзе.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 180. Л. 181–182 об. Подлинник. Рукопись.

№ 6

ПИСЬМО Р. ОГОЛЬЦОВОЙ Г. М. МАЛЕНКОВУ[8]

30 июля 1953 г.

Дорогой Георгий Максимилианович!

Звонок от Вас влил струю жизни, озарил нас ярким лучом надежды на близкую, радостную встречу с мужем и отцом. Мы ждем его каждый день, каждый час, каждую минуту. Мы ждем потому, что мы, как в себе, уверены в невиновности Огольцова.

Прошел месяц напряженного ожидания. Срок не маленький для принятия мер по проверке дела Огольцова. Для нас это вечность, но кто-то не торопится. Очевидно, бериевские прихвостни в угоду своему хозяину постарались так нанизать обвинения, что человеку сейчас не просто доказать свою невиновность.

Я хочу Вам рассказать, что мне известно из слов Огольцова о поведении и отношении к нему со стороны Берия.

Когда Огольцов, не работая почти месяц, находился дома, он ходил в министерство писать объяснения, которые от него требовал Берия. Заметно нервничая, он называл кощунством то, что от него требовали.

Разговаривая по телефону с т. Игнатьевым, он говорил, что от него требуют объяснения по делу, которому в свое время т. Сталин дал очень высокую оценку.

Вступив в обязанности министра внутренних дел, Берия, очевидно, заранее предрешил судьбу Огольцова. Об этом говорят следующие факты.

В первый раз, когда Берия вызвал его к себе, он поинтересовался состоянием его здоровья и между прочим где бы он хотел работать, не предлагая ничего конкретного. На это Огольцов ответил ему, что дело руководителя расставить кадры так, как он находит нужным. Вскоре ему дали почувствовать, что в этом «хозяйстве» он не ко двору.

Две недели никто его не вызывал и не интересовался им.

Бывая в министерстве, беседуя с некоторыми товарищами, он понял, что вокруг него плетутся какие-то сети. Огольцов сам попросился на прием, попросил дать ему объяснение, чем вызвано к нему такое отношение, что он оказывается за бортом. Тут Берия стал на него кричать: «Вы, мол, занимались безобразием, сажали не того, кого нужно; вы могли так и до Берия добраться и меня посадить. Не воображай, что ты был ближе к Сталину, чем Берия и т. п.»

Когда Огольцов пытался объяснить, что, работая десять месяцев в Ташкенте, он

не несет ответственности за то, что делалось здесь, Берия все же продолжал угрожать: «Ты будешь отвечать, ты должен был знать, что тут делается, можешь объяснений не писать, будем допрашивать».

Не чувствуя за собой никакой вины, точно выполняя указания свыше, Огольцов не верил этим угрозам. Он объяснял это как ревность к вождю и наушничание некоторых лиц, которым нежелательно было его присутствие в Москве.

Сердце женщины, матери чувствует надвигавшееся несчастье.

Я умоляла мужа попроситься на прием к Вам и рассказать, какая против него повелась кампания. Не посмел он со своим личным делом отнимать у вас время. «Нет, – говорит, – доказательств идти на конфликт. Помни, что бы со мной ни случилось, я преступлений никаких не совершал».

Мы не знаем, что сейчас с Огольцовым, здоров ли он, как тяжко его обвинение и как долго он еще будет находиться в заключении. Неведение для нас пытка, а каждый томительный день ожидания – вечность.

Приношу Вам, Георгий Максимилианович, глубокое извинение за свое письмо, за то время, которое мы у Вас отнимаем.

Желаем Вам большого здоровья и много сил*.

Р. Огольцова

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 17. Л. 137–138 об. Автограф.

№ 7

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О НЕОБХОДИМОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ К. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

17 августа 1953 г.

Товарищу Маленкову Г. М.

Во Владимирской особой тюрьме содержится заключенный *Орджоникидзе*** Константин Константинович, 1896 года рождения, арестованный НКГБ СССР 5 мая 1941 года и осужденный Особым Совещанием за незаконное хранение оружия и как социально-опасный элемент.

В постановлении на арест *Орджоникидзе*, составленном бывшим начальником Следственной части НКГБ СССР Влодзимирским и утвержденном бывшим наркомом государственной безопасности Меркуловым и прокурором Союза ССР Бочковым, указано, что «*Орджоникидзе* К. К. подозревается в том, что является участником антисоветской организации и проводит вражескую работу».

Никаких данных, подтверждающих изложенное в постановлении на арест, в материалах следственного дела не имеется.

Постановление об избрании меры пресечения *Орджоникидзе* не объявлялось.

Через 7 месяцев после ареста бывший зам. начальника Следчасти по особо важ-

* На первом листе письма имеется помета помощника Г. М. Маленкова Д. Н. Суханова: «Архив. Т. Огольцов в соответствии с решением Президиума ЦК из-под ареста освобожден. Д. Суханов. 11.VIII.53». В протоколах Президиума ЦК данное постановление отсутствует. – Сост.

** Здесь и далее выделенное курсивом слово вписано в текст от руки. – Сост.

ным делам НКВД СССР Родос предъявил *Орджоникидзе* обвинение по ст[атьям] 58–10 и 58–11 УК РСФСР. Протоколом допроса это не оформлялось.

В деле имеется всего три протокола допроса *Орджоникидзе.* Один из них составлен 4 января 1942 года, второй – 16 июля 1942 года и третий протокол – 4 августа 1944 года.

Орджоникидзе на следствии показал, что он с 1917 года и до момента советизации Грузии состоял в партии социалистов-федералистов, а в 1921 году служил по мобилизации в меньшевистской армии (охранял цейхгауз).

Кроме того, *Орджоникидзе* признал себя виновным в незаконном хранении двух пистолетов, один из которых ему был подарен братом *Серго*, а второй – его секретарем.

26 августа 1944 года Особым Совещанием НКВД СССР за незаконное хранение оружия и как социально-опасный элемент *Орджоникидзе* был осужден к 5 годам тюремного заключения и по указанию Кобулова помещен в одиночную камеру.

После пяти с половиной лет пребывания в тюрьме *Орджоникидзе*, в ноябре 1946 года Абакумов вновь пересмотрел дело *Орджоникидзе* и за тот же состав преступления *Орджоникидзе* был осужден к 10 годам тюремного заключения.

В документе, направленном в Особое Совещание бывшим начальником Следчасти Леоновым и начальником отдела «А» МГБ СССР Герцовским, утвержденном Абакумовым, указано: «Имея в виду, что вынесенная мера наказания не соответствует совершенным *Орджоникидзе* преступлениям, а также учитывая его социальную опасность, считаем необходимым во изменение решения Особого Совещания НКВД СССР от 26 августа 1944 года определить *Орджоникидзе* меру наказания 10 лет тюремного заключения».

В 1951 году *Орджоникидзе* отбыл десятилетний срок заключения, с 1951 по 1953 год содержался под стражей незаконно, а 4 марта 1953 года по заключению, утвержденному Гоглидзе и Сафоновым, Особое Совещание при МГБ СССР вновь осудило *Орджоникидзе* еще на 5 лет тюремного заключения.

Таким образом, *Орджоникидзе* отбыл в заключении уже 12 лет, из них 7 лет при отсутствии каких-либо новых обстоятельств по делу.

Орджоникидзе неоднократно подавал заявления в адрес инстанций с просьбой пересмотреть его дело, а также разрешить переписку с семьей или свидания с детьми. Из материалов дела не видно, что эти заявления докладывались адресатам.

Орджоникидзе подлежит освобождению из-под стражи по Указу об амнистии[9].

Представляем на Ваше рассмотрение[10].

Министр внутренних дел Союза ССР
С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 16–18. Подлинник. Машинопись.

№ 8

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОЕКТОВ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР И УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПЕРЕСМОТРЕ СОСТАВА «ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ» И ИЗМЕНЕНИЯХ В ПОРЯДКЕ ИХ НАКАЗАНИЯ

19 августа 1953 г.

Президиум ЦК КПСС
товарищу Маленкову Г.М.*
товарищу Хрущеву Н.С.

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС представляем при этом проекты постановления Совета Министров СССР «Об особых лагерях и тюрьмах МВД СССР» и Указа Президиума Верховного Совета СССР о частичном изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Просим их рассмотреть[11].

К. Ворошилов, С. Круглов, К. Горшенин

[*Приложение*]

Проект
Совет Министров Союза ССР
Постановление
« » августа 1953 года № _____
Москва, Кремль

Об особых лагерях и тюрьмах МВД СССР

В целях обеспечения должной изоляции особо опасных государственных преступников и поддержания в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР строгого режима, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. В частичное изменение Постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 416-159 установить, что к категории особо опасных государственных преступников, подлежащих содержанию в особых лагерях и особых тюрьмах МВД, отнести осужденных к лишению свободы за измену Родине, шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков и эсеров.

2. Поручить МВД СССР с участием Генерального Прокурора СССР и Министерства юстиции СССР в 3-месячный срок пересмотреть состав заключенных особых лагерей МВД, оставив в них лишь особо опасных государственных преступников, перечисленных в п. 1 настоящего постановления[12]. Остальных заключенных передать для отбытия наказания в общие лагери Министерства юстиции СССР.

3. Распространить на заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР, выполняющих и перевыполняющих производственные нормы, зачеты рабочих дней в порядке, установленном Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1948 года № 1723-688.

* Подчеркнуто авторами. – Сост.

Ввести для заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР и в лагерных подразделениях для каторжан, 9-часовой рабочий день, снять с одежды заключенных номерные знаки, предоставить заключенным особых лагерей МВД право переписки с родственниками один раз в месяц.

4. МВД СССР разработать и внести на утверждение Совета Министров СССР инструкцию «О режиме содержанния заключенных особых лагерей МВД СССР».

Проект
Не подлежит публикации

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О частичном изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» направление в ссылку на поселение из числа особо опасных преступников, отбывших наказание, производить только наиболее неисправимых лиц на срок от 3 до 7 лет с учетом персональных характеристик, данных администрацией лагерей и местной прокуратурой.

2. Не применять направления в ссылку на поселение к заключенным особых лагерей и тюрем, если они по состоянию здоровья требуют за собой постороннего ухода (беспомощные инвалиды, дряхлые старики, лица, прикованные к постели в связи с неизлечимым недугом). За такой категорией лиц, находящихся в домах инвалидов, органам МВД надзор не осуществлять; этих лиц освобождать из особых лагерей и особых тюрем на общих основаниях.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 132–135. Подлинник. Машинопись.

№ 9

ПИСЬМО А. Я. СВЕРДЛОВА Г. М. МАЛЕНКОВУ

25 августа 1953 г.

Дорогой Георгий Максимилианович!

Я вынужден обратиться к Вам, к руководству партии с просьбой разрешить вопрос обо мне, определить мое место в жизни, потому что совершенно незаслуженно и необоснованно я выведен из строя, оказался в невозможном положении, которое усугубляется сознанием, что все происходящее со мной невольно ложится тенью на имя отца, сокращает жизнь и пятнает безупречную партийную честь моей 77-летней матери, члена партии с 1904 года. Я обращался в КПК, был у тт. Шаталина и Круглова, но, очевидно, обстоятельства мои столь сложны, что только руководство партии сможет решить вопрос обо мне полностью и до конца.

Вся моя жизнь неразрывно связана с партией. Будучи сыном Якова Михайловича Свердлова я родился и вырос среди большевиков. Этим определялись все мои помыслы и устремления, самый смысл существования. Вся сознательная жизнь прошла в комсомоле и партии, в активной работе и борьбе с врагами партии и советского государства. Я не боялся трудностей и ответственности, старался в работе, поведении, личной жизни быть принципиальным, с честью носить высокое звание члена партии. Никогда я не спекулировал и не прикрывался именем отца, старался стоять на собственных ногах, работой, делом оправдать все, что было мне дано.

Несмотря на это, сейчас, когда так нужен каждый человек, стремящийся и способный всего себя, все силы отдать активной и страстной борьбе за дело партии, я оказался вне партии, вне работы, фактически лишенным политического и делового доверия, а длительная неопределенность моего положения, среди людей, мало знающих меня, порождает необоснованные разговоры и даже выступления по моему адресу. Я ничем этого не заслужил.

С 1938 г. я работал в ЧК, куда был направлен по указанию товарища Сталина. Из оперуполномоченного, без чьей-либо поддержки и покровительства, вырос в заместителя начальника крупного самостоятельного отдела. Наряду с оперативной вел активную партийную, теоретическую, общественную работу. Неоднократно избирался в состав партбюро коллектива, был с 1939 г. делегатом всех партийных конференций Министерства, в годы войны докладчиком МК ВКП(б). В 1948 г. с отличием окончил заочную Высшую партийную школу ЦК. С 1940 г. беспрерывно читал лекции в Высшей школе МГБ и в 1950 г. написал учебник по спецдисциплине. Вел большую общественную работу во всесоюзных спортивных организациях и в спортобществе «Динамо».

Однако в октябре 1951 г., без всякой вины с моей стороны, я был арестован, 19 месяцев находился под следствием, совершенно безосновательно обвинялся в самых чудовищных и нелепых преступлениях. Когда с моим делом объективно разобрались, все обвинения отпали и 18 мая с.г. я был освобожден и реабилитирован.

Сразу же по освобождении, получив свой партийный билет, я обратился в партком МВД, где мне сообщили, что в феврале 1952 г., в числе других арестованных чекистов, Комиссией партийного контроля я был исключен из партии. Мне разъяснили, что в КПК должно быть направлено сообщение о моей реабилитации и вопрос о восстановлении в партии будет рассмотрен без моего участия, как это было, якобы, в отношении освобожденных ранее меня[13]. Сообщение в КПК было послано 19 мая. Так как решение КПК затягивалось, я, не добившись результата в парткоме МВД, сам обратился в КПК, звоню туда регулярно, но вопрос мой так и не рассматривается.

Так же и с работой. Месяц после освобождения я добивался возможности начать работать, 19 июня получил назначение, 18 июля от работы отстранен. 22 июля, по моей просьбе, я был принят и внимательно выслушан тт. Шаталиным и Кругловым, которые обещали ускорить разбор партийного вопроса, дать мне серьезную работу, помочь занять, как сказал т. Шаталин, надлежащее место в жизни. Я считал, что после этой беседы в отношении меня не осталось неясностей. Тов. Шаталин прямо заявил, что я стою на крепких большевистских ногах, сказал, чтобы я ничего не говорил матери и не волновал ее, так как вопрос о моей партийности и работе будет решен в ближайшее время. С тех пор прошел месяц. На днях я вновь обратился к т. Шаталину, но из его ответов понял, что он отстранился от решения моего вопроса. Ничего определенного не говорит мне и т. Круглов.

Георгий Максимилианович! Ведь речь идет о коммунисте, который может и обязан много и напряженно работать, наиболее плодотворно, с максимальной пользой для партии прожить оставшиеся годы. Вне партии, вне активной политической рабо-

ты нет и не может быть у меня жизни. Я всегда был и буду бойцом партии, не могу, не имею права жить иначе. Так что же мешает решить обо мне вопрос, что лишает меня доверия?

Быть может, мое прошлое?* Да, в прошлом, будучи еще почти мальчишкой, 16-ти лет, политически незрелым и не в меру самонадеянным, я осенью 1927 г. поддался троцкистской демагогии и в школе несколько раз выступил в защиту троцкистов. Никогда с троцкистским подпольем связан я не был, не участвовал в его вражеской работе, не знал о его существовании. Осознав вредность троцкистских взглядов и осудив их, в 1929 г. я вступил в комсомол с единственной целью – стать настоящим коммунистом. С тех пор никогда я не сочувствовал взглядам троцкистов, правых и иных мерзавцев. Однако от личных недостатков – политического легкомыслия и словоблудия, критиканства – избавился не сразу, позволял себе обсуждать и критиковать среди сверстников личные качества руководителей партии. В результате, в 1930 г. допустил гнусное высказывание в адрес товарища Сталина.

С 1930 г. я начал активно работать в комсомоле, в 1932 г. был принят в партию. Ни с одним троцкистом или правым не поддерживал с тех пор никаких отношений.

В 1935 г. я был сурово наказан за свои прошлые ошибки. Меня арестовали и освободили только после вмешательства товарища Сталина, которому был передан написанный мною еще в 1931 г. документ, характеризовавший мое отношение уже тогда к правотроцкистской сволочи. Всей последующей жизнью и работой в комсомоле и партии, на заводе и в ЧК я стремился загладить прошлую вину, доказать, что давно осознал и полностью изжил ошибки ранней молодости. Тем не менее в январе 1938 г. меня вновь арестовали и 11 месяцев держали в тюрьме, без всякой вины с моей стороны. Только 6-го декабря 1938 г., когда товарищ Сталин и руководство партии узнали о моем аресте, я был освобожден. Товарищ Сталин позвонил моей матери, сказал, что я ни в чем не виноват и виновники моего ареста будут сурово наказаны, а мне помогут в дальнейшей работе и росте. Я хотел вернуться на завод, но по указанию товарища Сталина был направлен на работу в НКВД. Руководство партии разобралось со мной, направило на острый участок политической борьбы, и у меня не было сомнения, что прошлое мое выяснено полностью и не будет уже больше никогда ломать мою жизнь и препятствовать плодотворной работе. Сознавая лежащую на мне ответственность, все силы, всю жизнь, всего себя отдавал я той работе, которая мне поручалась, никогда не преследовал корыстных интересов, честно и самоотверженно служил своей партии, своему народу. Так неужели же проклятое «прошлое» ничем и никогда не может быть перекрыто и вновь, в который уже раз, уродует мою жизнь? Что еще нужно сделать, как жить, чтобы снять это пятно? Если недостаточно всего пережитого мною, если осталось еще что-либо неясное и сомнительное – пусть вызовут и спросят, я готов держать ответ за каждый свой шаг и поступок. Но меня ни в чем не обвиняют, ничего не спрашивают, а от жизни я отстранен.

Быть может, меня рассматривают, как «человека Берия» или Абакумова? Это совершенно необоснованно. Всю сознательную жизнь я стремился быть человеком партии, большевиком-ленинцем, светлый образ отца стоял передо мной. В своей практической работе я старался руководствоваться партийными принципами, решениями и указаниями партии, а не чьими-то личными пожеланиями и настроениями. Никогда ни перед кем я не заискивал и не угодничал, не был и не мог быть ничьим охвостьем. И действительно – я никогда не был близок к Кобулову, Абакумову, Берия, не искал и не пользовался чьим-либо покровительством и поддержкой, никто не выдвигал и не

* Здесь и далее подчеркнуто автором. – Сост.

приближал меня. Фактически последние 10 лет я был предоставлен сам себе. На должность зам. начальника отдела я был выдвинут в начале войны, благодаря проводившейся мною работе, и в этой должности оставался свыше 10-ти лет. Сейчас, в 1953 г., меня почти 2 месяца держали в тюрьме после того, как были освобождены, восстановлены в партии и на работе большинство арестованных одновременно со мной чекистов (Шубняков, Утехин, Райхман, Эйтингон и др.). Целый месяц после освобождения мне не давали работы, а затем назначили на такой участок, который мало соответствовал моим знаниям и опыту, о чем я прямо заявил тов. Круглову, направлявшему меня на работу. Ни Кобулов, ни Берия, при этом, вообще со мной не разговаривали. Так какие же основания считать меня «чьим-то человеком»?

Быть может, недоверие вызывают отдельные мои промахи и личные недостатки? Были такие. Но не промахи и недостатки определяли мою сущность, я всегда стремился осознать их и преодолеть, за последние же годы столько пережил и передумал, что избавился, надеюсь, от своих наиболее крупных недочетов. Что же касается моих деловых качеств, то всегда и везде – на заводе и в ЧК, на партийной и общественной работе – они оценивались высоко.

Георгий Максимилианович! Не о личном благополучии идет речь, никогда этот вопрос не имел для меня значения. Речь идет о том, чтобы вернуться в строй, занять в жизни такое место, которое дало бы возможность, будь то в ЧК или на иной работе, полно и всеобъемлюще отдать свои силы, способности, знания, принести наибольшую пользу партии, Родине. Речь идет о имени, которое я ношу, о судьбе моих близких.

Очень прошу Вас, руководство партии принять меня, выслушать, определить, на что я способен и чего стою, поручить самое трудное, серьезное дело. Чем труднее оно будет, тем скорее смогу я доказать, что все мои силы и сама жизнь целиком и без остатка принадлежит партии[14].

Свердлов А. Я.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 224. Л. 93–98. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1995. № 6. С. 127–129.

№ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ОБ УПРАЗДНЕНИИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ МВД СССР[15]

1 сентября 1953 г.

№ 31. п. V – Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого Совещания при Министре внутренних дел СССР».

1. Утвердить прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого Совещания при Министре внутренних дел СССР».

2. Установить, что все дела о совершенных преступлениях рассматриваются только в судебных органах.

3. Поручить Генеральному прокурору СССР т. Руденко Р. А. проверить нерассмотренные быв. Особым Совещанием МВД СССР дела и передать на рассмотрение соответствующих судебных органов только те дела, по которым привлекались лица, совершившие преступления, предусмотренные советским уголовным законодательством[16].

4. Обязать Генерального прокурора СССР т. Руденко и Министра внутренних дел

СССР т. Круглова о важных следственных делах предварительно докладывать Президиуму ЦК КПСС.

Приложение к прот. № 31, п. V.
Без опубликования в печати.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Об упразднении Особого Совещания при Министре внутренних дел Союза ССР

В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия Президиум Верховного Совета Союза ССР постановляет:

1. Упразднить Особое Совещание при Министре внутренних дел СССР.

2. Установить, что жалобы и заявления осужденных коллегией ОГПУ, тройками НКВД – УНКВД и Особым Совещанием об отмене решений, сокращении срока наказания, досрочном освобождении и о снятии судимости рассматриваются Прокуратурой СССР с предварительным заключением по этим делам МВД СССР.

3. Предоставить Верховному Суду СССР право пересматривать по протесту Генерального Прокурора СССР решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВД – УНКВД, Особого Совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР.

4. Считать утратившими силу:

а) статью 8 постановления ЦИК СССР от 10.VII.1934 г. «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел»;

б) постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 5. XI.1934 г. «Об Особом Совещании при Народном Комиссаре внутренних дел СССР».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов
Москва, Кремль
« » сентября 1953 г.[17]

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 11. Л. 60–61. Копия. Машинопись.

№ 11

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И С. Н. КРУГЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ А. С. АЛЛИЛУЕВОЙ И Е. А. АЛЛИЛУЕВОЙ*

31 октября 1953 г.

ТОВАРИЩУ МАЛЕНКОВУ Г. М.
ТОВАРИЩУ ХРУЩЕВУ Н. С.

29 мая 1948 года Особым Совещанием МГБ СССР была осуждена к тюремному заключению сроком на 5 лет *Аллилуева Анна Сергеевна***.

* На первом листе записки имеются следующие пометы: «Тов. Хрущев ознакомлен. Шуйский. 4. XI.-53», «По сообщению тов. Серова, в соответствии с полученными им указаниями, Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР вопрос разрешен положительно. В. Малин», а также написанное и зачеркнутое рукой помощника Н. С. Хрущева Г. Т. Шуйского слово «Уничтожить». – Сост.

** Здесь и далее выделенные курсивом слова вписаны в текст от руки. – Сост.

Как видно из материалов следственного дела, *Аллилуева А. С.* изобличалась показаниями многих свидетелей в том, что после ареста своего мужа *Реденса С. Ф.* озлобилась на *И. В. Сталина* и среди своего окружения на протяжении ряда лет распространяла о нем клеветнические измышления.

Сама *Аллилуева А. С.* на следствии виновной себя в предъявленном обвинении по ст[атьям] 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР признала.

Срок наказания *Аллилуева А. С.* отбыла 4 февраля 1953 года.

16 декабря 1952 года бывший начальник отдела «А» МГБ СССР Герцовский представил бывшему заместителю министра государственной безопасности Гоглидзе рапорт с предложением снова внести дело *Аллилуевой А. С.* на рассмотрение Особого Совещания. 18 декабря 1952 года по делу было вынесено утвержденное Гоглидзе ничем не мотивированное заключение о внесении дела на рассмотрение Особого Совещания на предмет увеличения срока наказания *Аллилуевой А. С.* до 10 лет тюремного заключения.

Постановлением Особого Совещания МГБ СССР от 27 декабря 1952 года во изменение ранее принятого постановления мера наказания *Аллилуевой А. С.* была незаконно изменена на 10 лет тюремного заключения.

Одновременно с *Аллилуевой А. С.* Особым Совещанием МГБ СССР была осуждена к тюремному заключению сроком на 10 лет *Аллилуева Евгения Александровна.*

Аллилуева Е. А. была арестована 10 декабря 1947 года по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст[атьями] 58-1 «а», 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР.

Расследованием по делу было установлено, что *Аллилуева Е. А.*, окружив себя родственниками репрессированных за антисоветские преступления, в беседах с ними враждебно отзывалась о мероприятиях, проводимых Советским правительством, и распространяла клеветнические измышления по адресу членов правительства.

В указанных преступлениях *Аллилуева Е. А.* виновной себя признала и изобличена показаниями 14 свидетелей и в том числе показаниями дочери *Аллилуевой К. П.* и мужа Молочникова.

Отбывая тюремное заключение, *Аллилуева Е. А.* стала обнаруживать признаки душевного заболевания.

<...>*

Полагали бы, как незаконное, решение Особого Совещания от 27 декабря 1952 года в отношении *Аллилуевой А. С.* через Верховный Суд СССР отменить и ее из-под стражи освободить.

В отношении *Аллилуевой Е. А.*, учитывая ее тяжелое душевное заболевание, через Верховный Суд СССР отменить решение Особого Совещания МГБ СССР до фактически отбытого срока наказания и из-под стражи освободить.

<...>

Просим Вашего решения.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко
Министр внутренних дел СССР С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 314. Л. 93–95. Подлинник. Машинопись.

* Здесь и далее данным знаком обозначены изъятия, сделанные при рассекречивании документа. – Сост.

№ 12

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И С. Н. КРУГЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ Л. Р. ШЕЙНИНА

16 ноября 1953 г.

товарищу Маленкову Г. М.
товарищу Хрущеву Н. С.

В октябре 1951 года МГБ СССР был арестован по обвинению в антисоветской националистической деятельности бывш[ий] начальник следственного отдела Прокуратуры Союза ССР Шейнин Лев Романович.

Шейнин, в частности, обвинялся в том, что он поддерживал преступную связь с рядом еврейских националистов, высказывал антисоветские клеветнические измышления о политике партии и Советского правительства, протаскивал в своих литературных произведениях националистические взгляды.

В ходе следствия выдвинутое против Шейнина обвинение подтверждения не нашло. Выяснилось, что оно было построено на необъективных показаниях ряда арестованных, которые при проверке не подтвердились. К тому же почти все арестованные, давшие показания на Шейнина, от них отказались как от вымышленных.

Шейнин вначале признал себя виновным в антисоветских националистических высказываниях, затем от этих показаний отказался и никаких данных о его преступной работе не получено.

Представляя при этом справку по следственному делу на Шейнина Л. Р.[18], считаем необходимым следствие по его делу прекратить и Шейнина из-под стражи освободить.

Просим Вашего согласия*.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко
Министр внутренних дел СССР С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 17. Л. 142–143. Подлинник. Машинопись.

№ 13

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА И Р. А. РУДЕНКО Н. С. ХРУЩЕВУ О ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ ОСОБЫМ СОВЕЩАНИЕМ ПРИ НКВД – МГБ СССР

8 декабря 1953 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.**

Докладываем Вам предложения в отношении лиц, осужденных Особым Совещанием при НКВД – МГБ СССР за время его существования.

Особое Совещание при НКВД СССР было создано постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. и существовало до 1 сентября 1953 г.

* На первом листе записки имеются подписи «Согласен. Н. Хрущев», «За. Г. Маленков», «За. К. Ворошилов», «За. В. Молотов» и «За. Л. Каганович», а также помета помощника Г. М. Маленкова Д. Н. Суханова: «Архив. Тт. Руденко и Круглову сообщено. 21. XI.53». – Сост.

** Здесь и далее подчеркнуто авторами. – Сост.

За это время Особым Совещанием было осуждено 44 2531* человек, в том числе к высшей мере наказания 10 101 человек, к лишению свободы 360 921 человек, к ссылке и высылке (в пределах страны) 67 539 человек и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) 3970 человек.

Особым Совещанием было осуждено:
в 1934 году 1003 чел.
в 1935 году 29 452 чел.
в 1936 году 18 969 чел.
в 1937 году 17 911 чел.
в 1938 году 45 768 чел.
в 1939 году 13 021 чел.
в 1940 году 42 912 чел.
в 1941 году 26 534 чел.
в 1942 году 77 548 чел.
в 1943 году 25 134 чел.
в 1944 году 10 611 чел.
в 1945 году 26581 чел.
в 1946 году 8320 чел.
в 1947 году 13 393 чел.
в 1948 году 17 257 чел.
в 1949 году 38 460 чел.
в 1950 году 19 419 чел.
в 1951 году 9076 чел.
в 1952 году 958 чел.
в 1953 году 204 чел.

Подавляющее большинство лиц, дела на которых рассмотрены Особым Совещанием, осуждено за контрреволюционные преступления.

В практике работы Особого Совещания имели место случаи недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что рассмотрение дел на Особом Совещании проходило в отсутствие обвиняемых и свидетелей, чем создавались широкие возможности покрывать недостатки предварительного следствия, а иногда и грубейшие извращения советских законов.

Кроме того, грубые нарушения социалистической законности органами МГБ были допущены в связи с директивой б[ыв]. МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 года № 66/241сс. Согласно этой директиве органы МГБ были обязаны вновь арестовывать государственных преступников, уже отбывших наказание за совершенные ими преступления и освобожденных из мест заключения после окончания Великой Отечественной войны.

Этим лицам предъявлялось обвинение в том же самом преступлении, за которое они отбыли наказание, и по их делам вновь проводилось следствие, причем указанной директивой было предусмотрено, что если в процессе следствия по делам этих лиц не будет получено каких-либо данных об их антисоветской деятельности после освобождения из тюрем и лагерей, то такие дела подлежали направлению на рассмотрение Особого Совещания для применения к арестованным ссылки на поселение.

В целях выявления случаев необоснованного осуждения граждан и последующей их реабилитации считаем необходимым специально пересмотреть все архивные след-

* Здесь и далее цифры в машинописный текст вписаны от руки. – Сост.

ственные дела, рассмотренные Особым Совещанием за период с июня 1945 года по день его упразднения; пересмотреть также дела на лиц, которые по отбытии ими наказания в местах заключения были направлены в ссылку на поселение на основании директивы б[ыв]. МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 года № 66/241сс.

Специально пересматривать дела, рассмотренные Особым Совещанием до июня 1945 года, полагаем нецелесообразным, поскольку Особое Совещание до Великой Отечественной войны имело ограниченные права по применению мер наказания (заключение в исправительно-трудовые лагери не более чем на 8 лет), сроки отбытия которых у осужденных давно истекли, а в период Великой Отечественной войны решения Особого Совещания в основном были подчинены требованиям военного времени.

Для пересмотра архивных следственных дел, рассмотренных Особым Совещанием, вносим предложение создать комиссию в составе Генерального Прокурора СССР тов. Руденко, Министра внутренних дел СССР тов. Круглова, Председателя Верховного Суда СССР тов. Волина и заведующего Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС тов. Дедова.

Указанной комиссии поручить тщательно проверить обоснованность обвинения и правильность квалификации состава преступления каждого лица, осужденного Особым Совещанием, а также обоснованность направления в ссылку на поселение лиц, отбывших наказание в местах заключения.

Установить, что заключения комиссии по делам на лиц, необоснованно осужденных Особым Совещанием, а также на лиц, необоснованно направленных в ссылку на поселение по отбытии ими наказания в лагерях и тюрьмах, представляются на рассмотрение Верховного Суда СССР для вынесения решений об отмене постановлений Особого Совещания или об отмене ссылки.

Работу по пересмотру дел на указанных лиц провести в течение 6 месяцев.

При этом представляем проект постановления ЦК КПСС по указанному вопросу[19].

С. Круглов
Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 1–3. Подлинник. Машинопись.

№ 14

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА И И. А. СЕРОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ РОДСТВЕННИКОВ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ПО «ЛЕНИНГРАДСКОМУ ДЕЛУ»

10 декабря 1953 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

МВД СССР докладывает об осужденных и высланных в ссылку Военной Коллегией Верховного Суда СССР и Особым Совещанием МГБ по Ленинградскому делу в 1949–51 годах.

По имеющимся в МВД СССР данным, всего было осуждено 214 человек, из них 69 человек основных обвиняемых, и 145 человек из числа близких и дальних родственников. Кроме того, 2 человека умерли в тюрьме до суда.

При этом Военной Коллегией Верховного Суда СССР осуждено 54 человека, а остальные осуждены Особым Совещанием МГБ.

Согласно имеющимся приговорам Военной Коллегии и постановлениям Особого Совещания, 23 человека осуждены Военной Коллегией к ВМН (расстрелу), 85 человек осуждены на различные сроки содержания в лагерях и тюрьмах на срок от 5 до 25 лет, один человек помещен в психиатрическую больницу для принудительного лечения и 105 человек постановлениями Особого Совещания МГБ направлены в отдаленные районы страны в ссылку на различные сроки, в основном от 5 до 8 лет.

Из общего числа осужденных 36 человек работали в Ленинградском обкоме и горкоме КПСС, а также в областном и городском исполкомах, 11 человек – на руководящей работе в других обкомах КПСС и облисполкомах и 9 человек – в райкомах и райисполкомах Ленинградской области.

Разобравшись с лицами, осужденными по Ленинградскому делу, Министерство внутренних дел СССР считает целесообразным пересмотреть архивно-следственные дела на родственников осужденных для вынесения заключений об отмене решений Военной Коллегии и быв. Особого Совещания МГБ, т. к. на абсолютное большинство из них не имеется серьезных оснований для привлечения к уголовной ответственности или высылке в дальние районы страны.

Так, например:

Осуждены Особым Совещанием МГБ на 5 лет ссылки мать быв. секретаря Ленинградского обкома партии Бадаева в возрасте 67 лет и две его сестры, проживавшие самостоятельно.

Осуждены в ссылку: отец быв. секретаря Ленинградского горисполкома Бубнова в возрасте 72 лет, мать 66 лет, два брата и две сестры.

У быв. зав. отделом комсомольских и профсоюзных органов Ленинградского обкома Закржевской осуждены Особым Совещанием в ссылку три сестры и дочь одной из сестер – Балашова Таисия в возрасте 20 лет.

У быв. секретаря Ленинградского горкома Левина осуждены на разные сроки лагерей и ссылки: мать, жена и три брата. Причем, все три брата значительно старше Левина, а одному из них 60 лет.

У быв. зам. председателя Ленгорисполкома Галкина, кроме его жены, осуждены брат с женой и сестра на 5 лет ссылки каждый и дочь брата на 3 года ссылки.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Особое Совещание МГБ без законных оснований только по родственным признакам, в том числе и дальним, осудило на различные сроки содержания в тюрьмах и лагерях, а также в ссылку большую группу лиц.

В связи с изложенным, Министерством внутреннних дел СССР будут все следственные дела на эту группу осужденных пересмотрены и с заключениями направлены Генеральному прокурору СССР с просьбой опротестовать в установленном законом порядке перед Верховным Судом СССР и отменить решения Военной Коллегии и Особого Совещания МГБ по лицам, незаконно осужденным.

Вся эта работа будет выполнена в месячный срок.

О результатах будет Вам доложено дополнительно[20].

Приложение: список осужденных[21].

С. Круглов
И. Серов

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 63–64. Копия. Машинопись.

№ 15

СПРАВКИ СПЕЦОТДЕЛА МВД СССР О КОЛИЧЕСТВЕ АРЕСТОВАННЫХ И ОСУЖДЕННЫХ ОРГАНАМИ ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР В 1921–1953 гг.

11 декабря 1953 г.

ПО ДЕЛАМ ОРГАНОВ ВЧК – ОГПУ ЗА 1921–1929 годы

Годы	Всего арестовано	Из них			Всего осуждено	В том числе				Кем осуждены			
		За к/р преступления	В т.ч. за антисов. агитацию	Другие преступления		ВМН	Лагеря и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры	Трибуналами и судами	Коллегией ОГПУ	ОС	Тройками
1921	200271	76820		123451	35829	9701	21724	1817	2587	35829*			
1922	119329	45405		73924	6003	1962	2656	166	1219	6003*			
1923	104520	57289	5322	47231	4794	414	2336	2044		4794*			
1924	92849	74055		18794	12425	2550	4151	5724		3059		9366	
1925	72658	52033		20625	15995	2433	6851	6274	437		2284	9221	4490
1926	62817	30676		32141	17804	990	7547	8571	696		2323	13102	2379
1927	76983	48883		28100	26036	2363	12267	11235	171		3434	15947	6655
1928	112803	72186		40617	33757	869	16211	15640	1037		3756	25844	4157
1929	162726	132799	51396	29927	56220	2109	25853	24517	3741		10262	37197	8761
Итого	1004956	590146	56718	414810	208863	23391	99596	75988	9888	49685	22059	110677	26442

ПО ДЕЛАМ ОРГАНОВ ОГПУ – НКВД ЗА 1930–1936 годы

Годы	Всего арестовано	Из них			Всего осуждено	Из них				Кем осуждены			
		За к/р преступления	В т.ч. за антисов. агитацию	Другие преступления		ВМН	Лагеря и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры	Трибуналами и судами	Коллегией ОГПУ	ОС	Тройками
1930	331544	266679	Сведений нет	64865	208069	20201	114443	58816	14609		9072	19377	179620
1931	479065	343734	100963	135331	180696	10651	105683	63269	1093		13357	14592	152747
1932	410433	195540	23484	214893	141919	2728	73946	36017	29228	49106	6604	26052	60157
1933	505256	283029	32370	222227	239664	2154	138903	54262	44345	214334		25330	
1934	205173	90417	16788	114756	78999	2056	59451	5994	11498	32577	12588	1003	32831
1935	193083	108935	43686	84148	267076	1229	185846	33601	46400	118465		29452	119159
1936	131168	91127	32110	40041	274670	1118	219418	23719	30415	114383		18969	141318
Итого	2255722	1379461	249401	876261	1391093	40137	897690	275678	177588	528865	41621	134775	685832

* «Кем осуждены – сведений не имеется». – Прим. документа.

ПО ДЕЛАМ ОРГАНОВ НКВД ЗА 1937–1938 годы

Годы	Всего арестовано	Из них			Всего осуждено	В том числе						Кем осуждены			
		За к/р преступления	В т.ч. за антисов. агитацию	За другие преступления		ВМН	Лишение свободы				Ссылка и высылка	Прочие меры	ВК, В/Т и судами	Спецколлегией	ОС	Тройками НКВД – УНКВД
							25 лет	20 лет	15 лет	До 10 лет						
1937	936750	779056	234301	157694	790665	353074	386	337	1825	426763	1366	6914	39694	45060	17911	688000
1938	638509	593326	57366	45183	554258	328618	1342	1178	3218	199771	16842	3289	95057		45768	413433
Итого	1575259	1372382	291667	202877	1344923	681692	1728	1515	5043	626534	18208	10203	134751	45060	63679	1101433

Примечание: в прочие меры наказания включены осужденные: условно, к исправительно-трудовым работам, к принуд[ительному] лечению, выдворенные за границу и т.д.

ПО ДЕЛАМ ЗА 1939–1953 годы

Годы	Всего осуждено за к/р преступления	В т.ч. по ст. 58–10	Меры наказания									Кем осуждены	
			ВМН	25 лет	От 16 до 24 лет	От 11 до 15 лет	От 6 до 10 лет	От 3 до 5 лет	До 2-х лет	Ссылка, высылка	Прочие меры	ВК, В/Т и судами	ОС
1939	63889	24720	2552	526		883	23723	29534		3783	2888	50868	13021
1940	71806	18371	1649			529	21514	43684		2142	2288	28894	42912
1941	75411	35116	8001			507	40678	23815		1200	1210	48877	26534
1942	124406	61625	23278			774	69893	18142		7070	5249	46858	77548
1943	78441	24089	3579	897		846	57727	8885	532	4787	1188	53307	25134
1944	75109	14130	3029	14779		875	46902	7633	421	649	821	64498	10611
1945	123248	14868	4252	31663		2433	70850	10791	944	1647	668	96667	26581
1946	123294	15512	2896	16289		2144	80742	16401	2367	1498	957	114974	8320
1947	78810	8391	1105	12098	259	3356	49215	8623	3030	666	458	65417	13393
1948	73269	8496		36951	1811	2687	25790	3803	1510	419	298	56012	17257
1949	75125	14768		37678	1173	1730	21450	2044	434	10316	300	36665	38460
1950	60641	13191	475	29909	818	1414	20458	1522	345	5225	475	41222	19419
1951	54775	11254	1609	30366	394	964	15769	1234	415	3425	599	45699	9076
1952	28800	6348	1612	17984	319	486	6395	491	149	773	591	27842	958
1953 (1-е полугодие)	8403	3246	198	4769	76	149	2665	211	24	38	273	8199	204
Итого	1115427	274125	54235	233909	4850	19777	553771	176813	10171	43638	18263	785999	329428

И. о. начальника 1 спецотдела МВД СССР, полковник Павлов[22]

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205. Подлинник. Рукопись.
Опубликовано: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. М. 2000. С. 431–434.

№ 16

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ РОДСТВЕННИКОВ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

14 декабря 1953 г.

№ 44. п. 8 – Заявление А. М. Орджоникидзе[23].

1. Поручить тов. Руденко рассмотреть заявление о снятии судимости с А. М. Орджоникидзе и И. К. Орджоникидзе.
2. Признать необходимым оказать [им] материальную помощь.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 72. Л. 77. Подлинник. Машинопись.

№ 17

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОТСРОЧКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕСМОТРА СОСТАВА «ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ»*

17 декабря 1953 г.

В Президиум ЦК КПСС
товарищу Маленкову Г. М.
товарищу Хрущеву Н. С.

Президиум ЦК КПСС 17 сентября с.г. поручил тт. Руденко (созыв), Круглову и Горшенину в трехмесячный срок пересмотреть состав заключенных, содержащихся в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР, и представить предложения о содержании особо опасных государственных преступников[24].

Для выполнения указанной работы созданы комиссии в составе: министров внутренних дел республик или начальников УМВД краев и областей по месту дислокации особых лагерей и тюрем, министров юстиции республик или начальников краевых и областных управлений Министерства юстиции СССР, прокуроров республик или краевых и областных прокуроров, начальников особых лагерей и тюрем и прокуроров особых лагерей.

Для рассмотрения материалов местных комиссий создана Центральная комиссия в составе: заместителя министра внутренних дел СССР тов. Серова, заместителя Генерального прокурора СССР тов. Хохлова, заместителя министра юстиции СССР тов. Данилова, начальника Главного управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства юстиции СССР тов. Долгих и начальника Тюремного управлении МВД СССР тов. Кузнецова.

По состоянию на 16 декабря с.г. из 202.162 заключенных, содержащихся в особых

* На первом листе записки имеются подписи: «За. Н. Хрущев», «За. Г. Маленков» и следующие пометы: «Контроль. Тов. Руденко сообщено. Д. Суханов. 21/XII-53 г.» и «Контролируется. На контрольной карточке отмечена отсрочка представления предложений. [Подпись неразборчива]. 22. XII.53 г.». – Сост.

лагерях и тюрьмах, получено материалов от местных комиссий на 117 549 человек и рассмотрено Центральной комиссией на 84 613 человек.

Задержка в работе Центральной комиссии произошла ввиду позднего получения материалов из отдаленных лагерей с разбросанными на большие расстояния лагерными подразделениями, в связи с чем прошу разрешить отсрочить представление в ЦК КПСС материалов по пересмотру заключенных особых лагерей и тюрем МВД на две недели[25].

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 146–147. Подлинник. Машинопись.

№ 18

ЗАЯВЛЕНИЕ М. В. НАНЕЙШВИЛИ-КОСАРЕВОЙ Г. М. МАЛЕНКОВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ*

17 декабря 1953 г.

Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову
от Нанейшвили-Косаревой Марии Викторовны

Заявление

Не ставя перед собой задачу защиты и оправдания моего мужа, бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева А. В., я хотела сообщить Вам некоторые факты, которые могли бы объяснить одну из причин ареста Косарева.

В 1936 или 1937 году, я не помню точно, у нас в гостях был Багиров, за ужином Косарев предложил тост: «За настоящее большевистское руководство в Закавказье, которого сейчас там не имеется».

Через некоторое время в Москву приехал Берия, кажется, на Пленум ЦК ВКП(б); увидев там Косарева, он подошел к нему и спросил: «Почему ты считаешь, что я не гожусь в руководители парторганизации Закавказья?» После этого разговора Косарев понял, что Берия это не забудет, и отношения у них были испорчены.

В 1938 году Берия был переведен в Москву и назначен начальником Главного управления госбезопасности. Я по работе узнала о назначении Берия раньше, чем узнал Косарев, и когда сказала ему об этом, он был очень встревожен и даже испуган. И действительно, через четыре месяца после назначения Берия в ГУГБ Косарев был арестован.

Мстительность Берия дошла до того, что он сам приехал арестовать его и из-за этого пострадала уже я.

Когда приехали арестовывать Косарева, я сразу спросила: «Нужно ли собираться и мне тоже и буду ли я также арестована», – но мне сказали, что нет, и меня не трогали.

В последний момент, когда уводили Косарева, я бросилась к нему и не отпускала, стояв возле него, как вдруг сзади нас раздался голос: «А ну возьмите ее тоже». Оглянувшись, я увидела Берия.

* На первом листе письма имеется следующая резолюция: «Тов. Руденко. Прошу выяснить это дело. Г. Маленков. 18.I.54 г.». – Сост.

Тогда меня в ту же минуту также арестовали.

Все эти факты можно легко установить. Если жив Косарев, он повторит всю эту историю слово в слово. Думаю, что Багиров и Берия тоже не забыли об этом.

Как происходил мой арест, могут подтвердить комендант Жданов, присутствовавший при аресте, и работники ГУГБ, производившие арест.

Моя первая следовательница Хорошкевич тоже знала, что я арестована только волей Берия.

После того, как меня арестовали, стали подбирать обвинения.

Законченный материал следствия прокуратура вернула обратно, так как там не было основания для осуждения. Тогда снова началось следствие, только уже другого характера. Меня допрашивало сразу по 5–6 человек, ругаясь площадной бранью, издеваясь и применяя недопустимые на следствии приемы. Несмотря на мое упорное отрицание принадлежности к какой-либо организации, я была все же осуждена, как член право-троцкистской организации, в которой я никогда не состояла.

Мне кажется, что в свете вскрывшихся обстоятельств, разоблачивших Берия, к пересмотру моего дела есть все основания, о чем я и прошу Вас[26].

Мария Нанейшвили

Нахожусь в ссылке в г. Норильске Красноярского края.

Адрес: Норильск, 21-й квартал, д. 66, кв. 45.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 31–32. Копия. Машинопись.

№ 19

ЗАЯВЛЕНИЕ В. М. ВАРЕЙКИСА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ

[*Не позднее 22 декабря 1953 г.*][*]

Секретарю ЦК Ком[мунистической] партии Советского Союза Хрущеву Н. С.

От заключенного Варейкиса Вацлава Михайловича, 1904 г. рожд[ения], осужд[енного в] 1949 г. Особым Совещ[анием] к 10 годам ИТЛ по ст. 58–10, ч. I. Конец срока 1-го мая 1958 г.

Я, бывший член ВКП(б) с 1919 по 1937 г., исключенный после ареста моего брата Варейкиса И. М. с мотивировкой «За связь с врагом народа Варейкисом И. М.».

Осужденный в 1946 году О[собым] С[овещанием] по статье 58–10, ч. I, я в настоящее время отбываю срок в Воркутлаге.

Возведенное на меня обвинение при исключении из партии явилось основанием к моему аресту и заключению, хотя между этими событиями прошло 10 лет.

Следствие и дознание велись в Министерстве госбезопас[ности] Литовской ССР. Они были беспредметны и бездоказательны. Все обвинения строились на событиях 10–25-летней давности, причем, выясняя мои позиции в борьбе ли с троцкистами, право-левацким уклоном или правым уклоном, ведущие следствие не находили оснований к обвинению, т. к. я ни разу не изменил генеральной линии партии. При следствии я ссылался на свидетелей, знавших меня в эти периоды, да и мое партийное дело до исключения не было замарано.

[*] Датируется по штампу на обороте первого листа заявления: «Спецотдел Генпрокуратуры СССР. 22 декабря 53 г.» – Сост.

Разложив жизнь по частям – дни, месяцы, годы, – нельзя найти в ней, а следовательно и в делах, а это значит и в мыслях, ничего антикоммунистического, антисоветского. Я не колеблясь шел на самые тяжелые участки партийной и советской работы.

Юношей-подростком в рядах Красной армии в 1919 г. дрался с колчаковскими бандами. Был в 1929 году на коллективизации в Тамбовской обл. Был на строительстве МТС в 1933 г. в Поволжье, а затем на Украине. Был добровольцем в Отечественную войну. Был на установлении Советской власти в Литовской ССР с июля 1944 г. Правда, в годы после исключения из партии, в годы войны и после, условия надломили быт и порядок в моей личной жизни. Разрушилась семейная жизнь. Разрушилась работящая семья. Один брат пропал безвестно, другой брат скоропостижно умер в 36 лет, и я, оставшись один, лишенный чести, подвергнутый остракизму, начал терять сознание своей нужности. Стал больше чем следовало бы пить, оторвался от общественной жизни.

В это время тайными путями, применяя всякого рода провокации, опер[ативный] отдел Лит[овского] МГБ собирал на меня материал. Но материала не было. Секретные агенты может быть и писали на меня поносные докладные, однако, видимо, они были слишком легковесны, т. к. в период следствия мне ничего не было предъявлено ни через свидетелей, ни на бумаге.

Арестованный органами МГБ, я сохранял веру, что все исправится и зря не будут держать и мучить безвинных людей. Я полагал также, что будут судить, где я смогу защитить себя, но судили меня тайно и тайно отправили в лагерь.

Проведенные в заключении семь лет отразились на здоровье – «тюрьма не красит» – но не убили веру. В настоящее время я инвалид, причем это уже навсегда, но я работаю и живу.

Обращаясь с этим заявлением, я прошу Вас дать указание, чтобы рассмотрели мое дело не предвзято, а по совести.

Я уверен, что достаточно малейшего Вашего внимания, чтобы вслед за тем восторжествовала правда[27].

г. Воркута, п/я 175/9

Варейкис

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38921. Л. 22–22 об. Автограф.

№ 20

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. Я. КАЧАЛОВА

29 декабря 1953 г.

№ 46. п. 8 – Об отмене постановления Президиума Верховного Совета СССР по делу Качалова В. Я., осужденного к высшей мере наказания[28].

Утвердить постановление Президиума Верховного Совета СССР об отмене ранее принятого постановления Президиума Верховного Совета СССР в отношении Качалова В. Я., осужденного к высшей мере наказания.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 43. Копия. Машинопись.

№ 21

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Б. И. ЗБАРСКОГО И Е. Б. ЗБАРСКОЙ

29 декабря 1953 г.

№ 46. п. 31 – О реабилитации Збарского Б. И. и Збарской Е. Б.

1. Согласиться с заключением Генерального Прокурора СССР тов. Руденко по результатам проверки дела Збарского Б. И. и Збарской Е. Б., арестованных бывш. МГБ СССР[29].

2. Академика Збарского Бориса Ильича и его жену Збарскую Евгению Борисовну реабилитировать и восстановить в правах.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 76. Л. 5. Подлинник. Машинопись.

№ 22

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕРКИ «ДЕЛА» Е. Ф. РОДИОНОВОЙ

30 декабря 1953 г.

№ 46. п. 33 – Заявление Е. Ф. Родионовой[30].

Поручить Генеральному Прокурору СССР рассмотреть заявление и внести свои предложения[31].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 76. Л. 12. Подлинник. Машинопись.

№ 23

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕРКИ «ДЕЛА» П. В. РЫЧАГОВА

3 января 1954 г.

№ 46. п. 49 – Заявление В. В. Рычагова[32].

Поручить Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко рассмотреть заявление и внести свои предложения[33].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 76. Л. 167. Подлинник. Машинопись.

№ 24

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕРКИ «ДЕЛА» А. А. АФАНАСЬЕВА

3 января 1954 г.

№ 46. п. 50 – Заявление А. А. Афанасьева[34].

Поручить Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко рассмотреть заявление и внести свои предложения.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 76. Л. 174. Подлинник. Машинопись.

№ 25

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО, К. П. ГОРШЕНИНА И С. Н. КРУГЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О ПЕРЕСМОТРЕ СОСТАВА «ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ»

5 января 1954 г.

Товарищу Маленкову Г. М.
Товарищу Хрущеву Н. С.

По поручению Президиума ЦК КПСС Прокуратурой СССР, Министерством внутренних дел СССР и Министерством юстиции СССР произведен пересмотр состава особо опасных государственных преступников, содержащихся в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР.

По состоянию на 15 декабря 1953 года в особых лагерях МВД СССР содержалось 203 573 и в особых тюрьмах МВД СССР – 1 076 осужденных, отнесенных к категории особо опасных государственных преступников.

В эту категорию преступников, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года, входят осужденные к лишению свободы шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций и групп и лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности.

Указом предусмотрено также, что заключенные особых лагерей и особых тюрем по отбытии срока наказания подлежат ссылке на поселение в отдаленные районы Советского Союза.

Направление осужденных в особые лагеря и тюрьмы производилось по назначению органов МГБ СССР, причем вследствие неопределенности состава преступления таких лиц, как «участники других антисоветских организаций и групп и лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности», – многие осужденные недостаточно обоснованно относились к категории особо опасных государственных преступников и направлялись для содержания в особые лагери и тюрьмы.

В целях уточнения категории особо опасных государственных преступников и определения в связи с этим количества заключенных, подлежащих переводу в лагери Министерства юстиции СССР, работниками органов Прокуратуры СССР, МВД СССР и Министерства юстиции СССР были просмотрены в лагерях и тюрьмах приговоры

судебных органов и выписки из решений Особого совещания при МГБ СССР, находящиеся в личных делах осужденных.

Уголовные дела на осужденных, в том числе на 33 382 осужденных Особым совещанием при МГБ СССР, по существу не пересматривались.

В результате пересмотра личных дел на заключенных, считаем целесообразным оставить в лагерях и тюрьмах МВД СССР, как особо опасных государственных преступников, 94 668 человек. К этой категории преступников отнесены активные участники различных националистических банд (ОУН, УПА и др.) – 35 999 человек; активные пособники немецким оккупантам, принимавшие непосредственное участие в борьбе против Советской Армии и советских партизан, в уничтожении советских людей и издевательствах над ними, а также находившиеся в преступных связях с органами немецко-фашистской разведки и контрразведки, а также с разведками других государств и изобличенные в предательской деятельности – 20 095 человек; шпионы – 28 095 человек; диверсанты – 1337 человек; террористы – 4962 человека и троцкисты, правые, меньшевики и эсеры – 1854 человека, прочие активные участники различных антисоветских организаций – 2326.

Остальных 109 981 осужденных, содержащихся в настоящее время в особых лагерях и тюрьмах МВД, надлежит перевести для дальнейшего отбытия срока наказания в лагери Министерства юстиции и общие тюрьмы МВД СССР, а именно:

– осужденных за пособничество националистическим бандам, которое выражалось в предоставлении бандитам ночлега, питания, в выполнении отдельных поручений по связям и т. п. – 72 684 человека;

– осужденных за пособничество немецким оккупантам и за службу в немецко-фашистской администрации в качестве старост или полицейских, но не совершивших конкретного преступления против советского народа (предательство, участие в карательных экспедициях и т. п.) – 16 866 человек;

– осужденных по ст. 19–58 п. 8 УК РСФСР за высказывание террористических намерений – 2156 человек;

– участников различных церковных и сектантских антисоветских групп – 5183 человека;

– участников других антисоветских групп, проводивших антисоветскую агитацию – 13 092 человека.

В интересах государственной безопасности Советского Союза считаем целесообразным в дальнейшем к категории особо опасных государственных преступников относить только лиц, осужденных за измену Родине, а также шпионов, подрывников-диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков и эсеров и содержать их в лагерях МВД СССР. Учитывая при этом, что в системе МВД СССР никаких других лагерей нет, считаем, что наименование этих лагерей «особыми» не вызывается необходимостью так же, как и наименование «особые тюрьмы», присвоенное Владимирской, Верхне-Уральской и Александровской тюрьмам, которые по существу являются обыкновенными срочными тюрьмами.

Учитывая, что обвиняемые в тяжких государственных преступлениях приговариваются судебными органами к длительным срокам лишения свободы, считаем, что ссылка на поселение навечно заключенных, отбывших срок наказания в лагерях МВД СССР, не вызывается необходимостью, тем более, что судебные органы, согласно ст. ст. 35 и 36 УК РСФСР и соответствующим ст. ст. УК союзных республик, имеют право и в нужных случаях могут применять ссылку как дополнительную меру наказания. В соответствии с этим считаем целесообразным освободить из ссылки находящихся в настоящее время на поселении после отбытия наказания в особых лагерях и тюрьмах

37 049 человек ссыльно-поселенцев, а также 20 942 человека, направленных в ссылку по решениям Особого совещания из числа лиц, отбывших наказание после Отечественной войны.

В целях упорядочения последующего направления и содержания особо опасных государственных преступников в лагерях МВД СССР, вносим предложение утвердить Положение о лагерях МВД СССР, которое предусматривает:

а) строгий режим содержания заключенных, обеспечивающий надежную их изоляцию;

б) использование всех трудоспособных заключенных преимущественно на физических работах и строгие требования к ним по выполнению ими установленных норм выработки;

в) установление 9-ти часового рабочего дня;

г) строгое наказание за нарушение лагерного режима и за совершение уголовных преступлений.

Положение не предусматривает предоставление заключенным зачетов рабочих дней и нумерацию верхней одежды заключенных, ныне существующую.

Представляем при этом проект постановления Президиума ЦК КПСС по вопросу об особо опасных государственных преступниках, проект Положения о лагерях МВД СССР и проект указа Президиума Верховного Совета СССР об отмене указа от 21 февраля 1948 года[35].

Просим рассмотреть[36].

Р. Руденко, К. Горшенин, С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 2–5. Подлинник. Машинопись.

№ 26

ПИСЬМО Н. Т. БЕРИЯ Н. С. ХРУЩЕВУ*

7 января 1954 г.

До своего ареста[37] я состояла членом КПСС и это, как мне кажется, дает мне право обратиться к партии помочь мне пережить позор, выпавший на мою долю так неожиданно для меня, как на жену Л. П. Берия.

Мне предъявлено обвинение в участии в антисоветском заговоре с целью восстановления капитализма в Советском государстве. Такое обвинение – страшное, тяжелое! В этом можно обвинить человека, который, потеряв человеческий образ, превратился в «свинью под дубом» и, продав свою родину врагам, пользуется правами и благом, предоставленными ему почетным званием советского гражданина; в этом можно обвинить человека, которого Великая Октябрьская социалистическая революция лишила материальной базы для эксплуатации трудящихся и который хочет вернуться к старому положению.

Условия жизни, в которых я выросла и жила, не могли из меня сделать такого подлеца! Заявляю со всей ответственностью, вытекающей из этого заявления после полугодового заключения и следствия по моему делу, что я никогда не встречала человека,

* На первом листе письма имеется резолюция: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. Н. Хрущев». Письмо было переслано в ЦК КПСС из Главной военной прокуратуры, куда поступило из Бутырской тюрьмы МВД СССР. – Сост.

заявившего мне в какой-либо форме недовольство Советской властью или отдельными представителями деятелей партии и Советского государства.

Мое социальное происхождение из мелкопоместных дворян, но насколько я знаю, предки моего отца получили дворянство еще в период турецкого нашествия на Грузию в борьбе против них, большинство же, носящее эту фамилию, является по своему происхождению крестьянами. Отец мой имел в собственном владении два гектара земли, деревянный дом из трех комнат, под крышей которого постоянно стояли деревянные чаны в случае дождя, не было рабочего скота, не было коровы и даже домашней птицы, т. к. не хватало кукурузы, собранной с этого клочка земли, даже для людей в семье; мясо или кружку молока я видела только в большие праздники, а сахар я первый раз в жизни попробовала в возрасте одиннадцати лет. При этих условиях, естественно, о какой-либо наемной силе не могло быть и разговора; даже рукам детей моей матери от первого мужа, которые могли быть помощниками в хозяйстве, нечего было делать и не на что жить в доме. Они принуждены были батрачить у других, но т. к. в то время они стыдились этого, уезжали из нашего селения в другие местности (сестра Ксения в г. Поти была няней в купеческой семье, брат Николай Шавдия был батраком в Кутаиси в семье священника). Отец мой, в моей памяти, будучи уже совсем стариком, целый день босый и раздетый лил пот на этот небольшой участок земли. В 1917 г. он был подстрелен царским стражником и через полгода умер. Таково мое дворянское происхождение.

Все это, если в этом есть надобность, можно точно установить на месте – в Грузии (Гегечкорский район, село Гегечкори, бывшее Мартвили), где я родилась в 1905 г.

В процессе следствия мне было предъявлено обвинение в переписке якобы с моим родственником, грузинским меньшевиком Гегечкория, который находится в эмиграции в Париже. Я его не знала, никогда не видела, он не является моим родственником и я ни в какой переписке с ним не находилась и не могла находиться.

При меньшевистской власти в Грузии я в возрасте от 11 до 16 лет жила в Грузии в крайней бедности (как и большинство населения) без отца при больной матери. За возможность иметь кусок кукурузной мамалыги и посещать школу я батрачила в г. Кутаиси в доме Раждена Хундадзе два года, где в результате непосильного труда для моего возраста заболела. Меня забрал к себе брат мой по матери Николай Шавдия в г. Тбилиси, который служил счетоводом или бухгалтером в таможне. Я обслуживала его и училась. Жили мы в Нахаловке (теперь Ленинский район) на Магистральной улице № 19 в доме Утошова, который был заселен железнодорожниками. Для того, чтобы иметь возможность доехать до училища на трамвае, я стирала на весь двор, но поскольку это у меня не всегда получалось, я покрывала расстояние более пятнадцати километров ежедневно босая, одевая тапочки только в подъезде училища. Живя в этих условиях, я не знала и не обращалась и не входила ни в какие отношения с моим «родственником», да и вряд ли он знал, что я где-то существую. Что же меня могло заставить вступить с ним в какие-либо отношения при Советской власти и в ущерб Советскому государству, которая меня вызволила из крайней темноты и бедности? Использовать меня как темного человека никто не мог, т. к. я имею высшее образование и как член партии политически настолько грамотна, что хорошо разбираюсь, как меньшевики и другие эмигранты могут и являются агентами и шпионами международной буржуазии. Я виновна только в том, что ношу фамилию (девичью) Гегечкори, если это может быть поставлено мне в обвинение. Но из этой фамилии вышли и последовательные революционеры-большевики, которые являлись действительными моими родственниками и создали мне нормальные условия после советизации Грузии и имя которых носит сейчас деревня, где я родилась, и один из больших районов Западной Грузии.

Действительно страшным обвинением ложится на меня то, что я более тридцати

лет (с 1922 г.) была женой Берия и носила его имя. При этом, до дня его ареста, я была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек (никогда никакого основания и повода думать противное он мне не дал ни одним словом). Я не разгадала, что он враг Советской власти, о чем мне было заявлено на следствии. Но он в таком случае обманул не одну меня, а весь советский народ, который, судя по его общественному положению и занимаемым должностям, также доверял ему.

Исходя из его полезной деятельности, я много труда и энергии затратила в уходе за его здоровьем (в молодости он болел легкими, позже почками). За все время нашей совместной жизни я видела его дома только в процессе еды или сна, а с 1942 г., когда я узнала от него же о его супружеской неверности, я отказалась быть ему женой и жила с 1943 г. за городом вначале одна, а затем с семьей своего сына. Я за это время не раз ему предлагала, для создания ему же нормальных условий, развестись со мной с тем, чтобы жениться на женщине, которая может быть его полюбит и согласится быть его женой. Он мне в этом отказывал, мотивируя это тем, что без меня он на известное время может выбыть как-то из колеи жизни. Я, поверив в силу привычки человека, осталась дома с тем, чтобы не нарушать ему семью и дать ему возможность, когда он этого захочет, отдохнуть в этой семье. Я примирилась со своим позорным положением в семье с тем, чтобы не повлиять на его работоспособность отрицательно, которую я считала направленной не вражеским, а нужным и полезным*.

О его аморальных поступках в отношении семьи, о которых мне также было сказано в процессе следствия, я ничего не знала. Его измену мне, как жене, считала случайной и отчасти винила и себя, т. к. в эти годы я часто уезжала к сыну, который жил и учился в другом городе.

Считая себя абсолютно невиновной перед советской общественностью, перед партией, я беру на себя непозволительную смелость обратиться к Вам, к партии с просьбой возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором Советского Союза – Руденко, чтобы мне не дали умереть одинокой, без утешения сына своего и его детей в тюремной камере или где-либо в ссылке. Я уже старая и очень больная женщина, проживу не более двух-трех лет и то в более или менее нормальных условиях. Пусть меня вернут в семью к сыну своему, где трое моих маленьких внучат, нуждающихся в руках бабушки.

Если мое общение с людьми, как с опозоренной и всеми презираемой, в настоящее время нецелесообразно, я обязуюсь и дома сохранить тот тюремный режим, который я сейчас имею. Если же мне можно будет заработать свой хлеб самостоятельно, я со всей добросовестностью выполню порученную мне работу, как это делала всегда в своей жизни.

В отношении Л. П. Берия я в дальнейшем буду исходить из того решения, которое вынесет советский народ и выработанное им правосудие[38].

Если же прокурор все-таки найдет, что я в какой-то степени причастна к вражескому действию против Советского Союза, мне остается просить его только об одном: ускорить вынос заслуженного мною приговора и его исполнение. Нет больше сил выносить те моральные и физические (по моей болезни) страдания, с какими я сейчас живу.

Только быстрая смерть может меня избавить от них и именно это и будет проявлением высшей гуманности и милосердия в отношении меня[39].

Нина Теймуразовна Берия

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 78. Л. 12–17. Копия. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1994. № 2. С. 74–76.

* Так в тексте. – Сост.

№ 27

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА П. Н. ПОСПЕЛОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ «ДЕЛА» И. М. ГРОНСКОГО

9 января 1954 г.

Товарищу Хрущеву Н. С.

Бывший редактор газеты «Известия» И. М. Гронский, отбывший 15-летнее заключение по обвинению в принадлежности к антисоветской организации правых, обратился в Центральный Комитет КПСС с заявлением[40], в котором считает неправильным его осуждение и просит: 1) снять с него судимость; 2) восстановить в рядах КПСС; 3) направить его на работу в какой-либо научно-исследовательский специальный институт или в редакцию одного из наших толстых журналов в качестве критика.

В своем письме Гронский пишет, что все обвинения его в принадлежности к антисоветской организации правых основаны главным образом «на довольно глуповатых и откровенно провокационных показаниях Стецкого», и просит кого-либо из людей, знакомых с политической обстановкой того времени, проанализировать эти показания Стецкого, которые стоили ему, Гронскому, 15 лет заключения.

Ознакомившись по Вашему поручению с делом И. М. Гронского, прихожу к следующим выводам:

1. Действительно основным материалом для осуждения И. М. Гронского явились показания Стецкого о том, что он, Стецкий, давал задания Гронскому проводить вредительство в литературе и что Гронский будто бы это вредительство проводил. В обвинительном заключении по делу Гронского в качестве одного из основных пунктов предъявлено, что Гронский по заданию антисоветской организации правых «проводил подрывную вредительскую работу на литературно-идеологическом фронте».

В чем же конкретно выразилось это «вредительство»?

Основной пункт, что Гронский, работая в Оргкомитете Союза советских писателей, недостаточно боролся с РАППом. В «признании» Гронского говорится следующее: «РАПП я критиковал, но недостаточно и тем самым проводил вредительство в литературе» (дело Гронского, лист 84-й).

Вторым конкретным фактом «вредительства» в литературе приводится то, что, работая редактором журнала «Новый мир», Гронский опирался на таких писателей, как Ф. Гладков и Л. Леонов, которые оцениваются материалами дела как писатели, зараженные буржуазной идеологией.

Это второе конкретное обвинение звучит так же несерьезно и необоснованно, как и первое, особенно если учесть то, что и Ф. Гладков и Л. Леонов, несмотря на отдельные ошибки в их творчестве, в целом проявили себя, особенно в период Отечественной войны, как советские патриоты и виднейшие писатели.

Считаю, что обвинение Гронского в «подрывной вредительской работе на литературно-идеологическом фронте» было необоснованным и неправильным.

2. И. М. Гронский на основании одного показания бывшего эсера обвинялся также в том, что он якобы принимал активное участие в восстании эсеров в 1918 году в Ярославле. Гронский это обвинение категорически отрицал. Материалами дела участие Гронского в восстании эсеров в 1918 году в Ярославле не подтверждается. Необоснованность этого обвинения видна из того факта, что Гронский был принят в коммунистическую партию в июле 1918 года, т. е. сразу же после эсеровского восстания в Ярославле, и принимался он в партию там же, в Ярославской области. Этого не могло бы

произойти, если бы он был замешан в восстании эсеров. Обвинение настаивало на этом пункте, исходя из того, что Гронский до вступления в коммунистическую партию с 1912 по 1918 г. был в партии социалистов-революционеров (максималистов). Но надо иметь в виду, что после мятежа левых эсеров в июле 1918 года и Ярославского восстания среди эсеровской партии произошло резкое расслоение и часть рабочих-эсеров порвала с эсеровской партией и, вступив в ряды ВКП(б), активно боролась с эсерами. И. М. Гронский по происхождению рабочий-слесарь, работал в Петрограде, он был принят в нашу партию как раз в июле 1918 года и служил в Красной Армии в период гражданской войны.

Считаю, что обвинение Гронского в участии в эсеровском мятеже в Ярославле не обосновано и противоречит тому факту, что он был принят в нашу партию в июле 1918 года там же, в Ярославской области.

Из материалов дела можно сделать вывод, что в начале следствия на Гронского было оказано давление. В процессе следствия Гронский от своего первоначального признания в участии в антисоветской организации правых отказался. Так же он держался и на суде.

Что касается письма И. М. Гронского в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, то оно производит хорошее впечатление. Гронский, видимо, искренне хочет служить делу партии, у него не чувствуется настроений озлобленности от обиды.

Считаю, что было бы правильным:

1. Снять с И. М. Гронского судимость, поскольку он был осужден без достаточных оснований.

2. Поручить Комитету Партийного Контроля при ЦК КПСС рассмотреть вопрос о партийности И. М. Гронского, имея в виду возможность восстановления его в рядах партии.

3. Считаю возможным направить И. М. Гронского на работу в Институт мировой литературы имени М. Горького Академии наук СССР в качестве научного сотрудника (он окончил в 1924 году Институт красной профессуры) или же направить его на работу в качестве члена редколлегии журнала «Сибирские огни» (гор. Новосибирск).

П. Поспелов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 81. Л. 147–149. Копия. Машинопись.

№ 28

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПРОВЕРКЕ «ДЕЛА» И. М. ГРОНСКОГО

16 января 1954 г.

№ 49. п. 2 – Записка тов. Поспелова П. Н. о заявлении быв. редактора газеты «Известия» И. М. Гронского.

1. Поручить Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко проверить следственные материалы на И. М. Гронского и представить предложения.

2. Поручить КПК при ЦК КПСС с учетом решения вопроса, изложенного в пункте 1, рассмотреть вопрос о партийности И. М. Гронского.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 81. Л. 145. Подлинник. Машинопись.

№ 29

ПИСЬМО Н. А. РЫКОВОЙ Н. С. ХРУЩЕВУ*

1 февраля 1954 г.

Уважаемый Никита Сергеевич!

Я вынуждена обратиться к Вам с просьбой вмешаться в течение моей судьбы, так как ненависть к имени моего отца преграждает мне все дороги.

На протяжении последних пяти лет, находясь в Енисейском районе Красноярского края на положении ссыльнопоселенки, я не могу получить работу, несмотря на то, что неоднократно обращалась во все местные, краевые и даже центральные соответствующие органы.

После Вашего указания, данного в ответ на мое письмо в 1951 г. относительно трудоустройства, местные органы Советов не сумели предоставить мне работу. Организации, в которые они обращались, узнав о ком идет речь, утверждали, что вакантных мест нет, хотя это не соответствовало действительности. И по настоящее время в нашей местности действует неоглашенное указание, данное якобы по партийной линии, о всемерном устранении ссыльных от любых, кроме физических, работ. А я к тому же еще дочь Рыкова.

17 июня 1953 г. из Вашего Секретариата было направлено в МВД мое письмо. 15 июля с резолюцией «Дать указание трудоустроить» (№ Х 6750) это письмо пошло в Красноярский край. В сентябре 1953 г., показав это письмо с препроводительной запиской, комендант РО МВД объявил, что МВД трудоустройством не занимается и взял с меня об этом расписку. Тут же мне было сказано, что ЦК КПСС трудоустройством не занимается, и мне не следует писать Вам. Не умею разобраться во всем этом.

С 1948 г. после двух операций рака я инвалид. Трудное материальное положение и условия жизни окончательно подорвали мое здоровье. К физической работе я не годна.

Муж, на иждивении которого нахожусь вместе с престарелой сестрой моей матери (оба ссыльнопоселенцы), изнурен многолетним туберкулезом, сейчас находится в больнице.

Для лечения мы не имеем ни материальной, ни правовой возможности, так как лишены права передвижения, а для поправки здоровья необходима перемена климата.

Я отлично понимаю, что в свое время изоляция меня была вызвана необходимостью. С тех пор прошло больше 16 лет, за которые я проверена всесторонне.

В постановлении ОСО при НКВД СССР в 1946 году в отношении меня сказано: такая-то, отбывшая 8 лет в ИТЛ, дочь врага народа. Решение: из лагеря освободить, сослать сроком на 5 лет. Ссылка мне была дана, как дочери врага народа. Против этого не могу возражать. Но в 1951 г., за год до окончания срока ссылки, в РО МВД в Енисейске мне дали расписаться на новом постановлении ОСО – о ссылке меня на поселение, аргументируя эту новую ссылку констатированием моих «политических преступлений» с употреблением слова «троцкистских». Откуда и для чего это взято – не знаю. Никаких обвинений мне не предъявлялось, никакого следствия не было. Не могу протестовать против меры, категорически протестую и отвергаю ложную аргументацию.

Не изменишь того, что я дочь врага народа, но никакого преступления я не совершала и могу прямо смотреть в глаза каждому советскому человеку.

* На первом листе письма имеются следующие пометы: «Хранить в архиве (указание т. Малина). 19. XII.55 [подпись неразборчива]» и «Возвращено от т. Малина. 17.VIII.65 г. [подпись неразборчива]». – Сост.

С момента освобождения из заключения до переезда в Красноярский край я работала и имею хорошие отзывы с мест работы.

Имея работу по специальности (преподаватель русского языка и литературы средней школы) или иную посильную работу – я сумею быть полезной.

Я прошу приостановить дальнейшее отбывание мною ссылки – поселения и дать мне возможность работать на посильной работе.

Наталья Рыкова
1.II.54 г.
Красноярский край, г. Енисейск, дер. Епишино.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 86–87. Заверенная копия. Машинопись.

№ 30

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПОРЯДКЕ НАКАЗАНИЯ «ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ», СТРАДАЮЩИХ НЕИЗЛЕЧИМЫМИ НЕДУГАМИ

2 февраля 1954 г.

№ 50. п. 31 – Вопрос МВД СССР и Прокуратуры СССР.

В связи с упразднением Особого Совещания при МВД СССР[41] принять следующее предложение тт. Круглова и Руденко о порядке дальнейшего направления отбывших наказание особо опасных государственных преступников, страдающих неизлечимым недугом[42]:

всех лиц после отбытия срока наказания в особых лагерях и тюрьмах МВД, а также находящихся в ссылке на поселении, которые по состоянию здоровья не могут существовать самостоятельно, по заключениям МВД СССР и Прокуратуры СССР передавать под опеку родственникам, проживающим в нережимных местностях, а в случае отсутствия таких родственников или их отказа взять инвалидов под опеку – направлять в специальные дома инвалидов;

разрешить МВД СССР и Прокуратуре СССР в таком же порядке пересмотреть дела на лиц, в отношении которых Особым Совещанием было принято решение о направлении их в специальные дома инвалидов.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 3. Подлинник. Машинопись.

№ 31

ПИСЬМО А. А. АХМАТОВОЙ К. Е. ВОРОШИЛОВУ*

8 февраля 1954 [*года*]

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Умоляю Вас спасти моего единственного сына, который находится в исправительно-трудовом лагере (Омск, п/я 125) и стал там инвалидом.

* На письме имеются следующая резолюция: «Руденко Р. А. Прошу рассмотреть и помочь. К. Ворошилов. 12.II.54» и помета помощника Председателя Президиума Верховного Совета СССР: «Копия с резолюцией т. Ворошилова К. направлена т. Руденко Р. А. 12.2.54». – Сост.

Лев Николаевич Гумилев (1912 г. р.) был арестован в Ленинграде 6 ноября 1949 г. органами МГБ и приговорен Особым Совещанием к 10 годам заключения в ИТЛ.

Ни одно из предъявленных ему на следствии обвинений не подтвердилось – он писал мне об этом. Однако, Особое Совещание нашло возможным осудить его.

Сын мой отбывает срок наказания вторично[43]. В марте 1938 года, когда он был студентом 4-го курса исторического факультета Ленинградского университета, он был арестован органами МВД и осужден Особым Совещанием на 5 лет. Этот срок наказания он отбыл в Норильске. По окончании срока он работал в качестве вольнонаемного в Туруханске. В 1944 году, после его настойчивых просьб, он был отпущен на фронт добровольцем. Он служил в рядах Советской Армии солдатом и участвовал в штурме Берлина (имел медаль «За взятие Берлина»).

После Победы он вернулся в Ленинград, где в короткий срок окончил университет и защитил кандидатскую диссертацию. С 1949 г. служил в Этнографическом музее в Ленинграде в качестве старшего научного сотрудника.

О том, какую ценность для советской исторической науки представляет его научная деятельность, можно справиться [у] его учителей – директора Государственного Эрмитажа М. И. Артамонова и профессора Н. В. Кюнера.

Сыну моему теперь 41 год, и он мог бы еще потрудиться на благо своей Родины, занимаясь любимым делом.

Дорогой Климент Ефремович! Помогите нам! До самого последнего времени я, несмотря на свое горе, была еще в состоянии работать – я перевела для юбилейного издания сочинений Виктора Гюго драму «Марьон Делорм» и две поэмы великого китайского поэта Цю-й-юаня. Но чувствую, что силы меня покидают: мне больше 60-ти лет, я перенесла тяжелый инфаркт, отчаяние меня разрушает. Единственное, что могло бы поддержать мои силы – это возвращение моего сына, страдающего, я уверена в этом, без вины[44].

Анна Ахматова

Ахматова Анна Андреевна
Ленинград, ул. Красной конницы, д. 4, кв. 3, тел. А2–13–42
Москва, Б[ольшая] Ордынка, д. 17, кв. писателя В. Е. Ардова, № 13, тел. В1–25–33.

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 251. Л. 16–16 об. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Шпион. 1994. № 3. С. 20–21.

№ 32

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Н. Г. ИГНАТОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О «ДЕЛЕ» «КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ МОЛОДЕЖИ»*

20 февраля 1954 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

В 1949 году органами Министерства государственной безопасности было заведено дело о существовании в гор. Воронеже тайной молодежной организации, так называемой «Коммунистической партии молодежи» (КПМ).

* На первом листе записки имеются следующие пометы: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС тт. Поспелову, Шаталину и Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко (указание тов. Хрущева). В. Малин. 25.II.54 г.» и «Архив. В. Чернуха. III.54 г.». – Сост.

22 сентября 1949 года за подписью бывшего Министра госбезопасности Абакумова в адрес И. В. Сталина был направлен документ, в котором «КПМ» квалифицировалась, как троцкистская организация.

Всего по делу было арестовано 24 участника «КМП». Обвинялись они в намерении захватить в свои руки власть в стране и в проведении вражеской пропаганды.

24 июня 1950 года решением Особого Совещания при МГБ СССР 23 участника «КПМ» были приговорены к различным срокам лишения свободы, а один из них получил направление на принудительное лечение по поводу шизофрении.

Группе работников Воронежского областного Управления МГБ за это дело была объявлена благодарность с выдачей денежного вознаграждения.

После рассмотрения дела в Особом Совещании от осужденных и их родственников систематически поступали жалобы в правительственные инстанции, в Верховный Суд, в Прокуратуру и органы МВД о незаконном привлечении к ответственности участников «КПМ» и применении по их делу незаконных методов ведения следствия.

В целях проверки этих жалоб Управлением МВД по Воронежской области совместно с Военной прокуратурой Воронежского Военного Округа были передопрошены по существу предъявлявшегося обвинения как осужденные по этому делу, так и 9 человек свидетелей.

Все осужденные отказались от данных ими в 1949–50 годах показаний о вражеских замыслах «КПМ» и заявили, что эти показания они вынуждены были дать под влиянием изнуряющих ночных допросов, уговоров, угроз и обмана со стороны следователей.

Передопрошенные по делу свидетели также изменили свои прежние показания и заявили, что факты антисоветской деятельности «КПМ» им не известны.

По заключению УМВД фигурировавшие в деле в качестве вещественных доказательств – рукописный журнал и другие, исполненные от руки, документы, как показало их изучение, не могут быть признаны доказательством преступной деятельности участников «КПМ». Документы эти состоят из путаных, противоречивых положений, свидетельствующих о политической незрелости их авторов.

Таким образом, дело молодежной организации – «КПМ» было раздуто, сфальсифицировано.

Как теперь установлено, – говорится в заключении УМВД, – организация «КПМ» преступного характера не носила и контрреволюционного умысла у ее участников не было.

На основании изложенного Управлением МВД по Воронежской области вынесено заключение о прекращении уголовного дела на 23-х участников «КПМ» за отсутствием в их действиях состава преступления и само дело направлено на окончательное разрешение в Верховный Суд СССР[45].

Из 23-х осужденных по этому делу содержатся под стражей в тюрьме 10 человек, а 13 человек освобождены – трое по отбытии меры наказания и 10 человек по амнистии.

Материалы о незаконных действиях работников УМГБ, расследовавших дело участников «КПМ», находятся в Военной Прокуратуре Воронежского военного округа.

О чем обком партии и докладывает ЦК КПСС.

Одновременно обком КПСС докладывает, что во время перепроверки было установлено, что в период расследования дела участников «КПМ» руководство бывшего УМГБ в нарушение установленных принципов применяло оперативную технику для

подслушивания телефонных разговоров руководящих партийных и советских работников, главным образом работников обкома партии.

Секретарь обкома КПСС Н. Игнатов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 100–102. Подлинник. Машинопись.

№ 33

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. С. КАМЕНЕВОЙ Н. А. БУЛГАНИНУ О РЕАБИЛИТАЦИИ С. С. КАМЕНЕВА*

22 февраля 1954 г.

Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, министру обороны СССР товарищу Булганину Н. А.

От Каменевой Наталии Сергеевны, прож[ивающей] Москва, 66, Гороховский пер., д. 4, кв. 59. Телефон Е–1–46–19.

Многоуважаемый Николай Александрович.

Обращаюсь к Вам, как к человеку, который лично знал моего отца, Сергея Сергеевича Каменева, и верю, что если Вы можете помочь, то Вы поможете разобраться в том страшном, совершенно непонятном «деле», которое навязала чья-то злая воля моему отцу, по-видимому рассчитывая, что мертвые молчат и не могут ни защитить, ни оправдать себя.

И вот уже много лет лежит темное пятно на светлом имени моего отца. В 1937 году произошло непонятное: увековеченное имя его было отобрано у Военного санатория в Гурзуфе, оно было снято с названия улиц города Киева, у стрелковой школы и у многих других объектов. Памятник ему не поставили, его уголки в музеях Советской Армии и Революции были закрыты, пенсию у моей матери отняли, короче говоря, была стерта с лица земли вся его безупречная, честная работа, служение делу партии и народа.

В чем дело?

В течение семнадцати лет я ставила этот вопрос, неоднократно обращаясь к членам Правительства в письменной форме, но никто никогда на него не ответил, а между тем сколько лет я прожила под таким тяжким гнетом совершенной несправедливости, с чувством полной беспомощности.

Я прошу Вас помочь мне выяснить этот вопрос с тем, чтобы реабилитировать моего отца и вернуть ему доброе имя, которое он заслужил своим самоотверженным и безупречно честным служением партии и Родине[46].

Разрешите надеяться, что хоть это письмо не останется без ответа.

С глубоким уважением дочь С. С. Каменева,

Наталия Сергеевна Каменева

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 127–128. Заверенная копия. Машинопись.

* На первом листе письма имеется следующая резолюция: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, т. Руденко Р. А. Булганин. 13.III.1954 г.». – Сост.

№ 34

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ К. Е. ВОРОШИЛОВА Г. М. МАЛЕНКОВУ И Н. С. ХРУЩЕВУ О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

24 февраля 1954 г.

Товарищу Маленкову Г. М., товарищу Хрущеву Н. С.

В соответствии с поручением ЦК[47] нами рассмотрен вопрос об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и снятии некоторых ограничений в их правовом положении.

Как видно из имеющихся материалов, большая часть спецпоселенцев, выселенных главным образом во время Отечественной войны и в послевоенный период, прочно осела на жительство в местах поселений, закрепилась в промышленности и сельском хозяйстве, добросовестно относится к своим обязанностям и принимает активное участие в общественной и производственной жизни.

В этих условиях, а также принимая во внимание то обстоятельство, что в подавляющем своем числе спецпоселенцы лично не совершили никакого преступления перед государством, становится нецелесообразным дальше сохранять некоторые ограничения, установленные для спецпоселенцев.

По действующему положению спецпоселенцы не имеют права отлучаться без разрешения коменданта спецкомендатуры за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой, причем территория, охватываемая спецкомендатурой, меньше сельского и даже городского района. Отсюда невозможность для многих спецпоселенцев устроиться на работу по своей специальности, выехать в командировку, на лечение и по другим личным и служебным делам. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

Спецпоселенцы обязаны ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре, подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур и за нарушение режима и общественного порядка подвергаются административному взысканию в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

За уклонение от общественно-полезного труда в местах поселений для спецпоселенцев установлена уголовная мера наказания – 8 лет исправительно-трудовых лагерей, а за самовольный выезд (побег) из мест поселения – 20 лет каторжных работ.

Такой излишне строгий режим, установленный для спецпоселенцев, неизбежно приводит к многочисленным случаям его нарушения, порождает факты беззакония в отношении спецпоселенцев со стороны работников спецкомендатур.

Отрицательные стороны установленного режима в местах спецпоселения с особой тяжестью сказываются на детях спецпоселенцев.

По достижении 16 лет дети спецпоселенцев берутся в настоящее время на персональный учет спецпоселения со всеми вытекающими из этого ограничениями, т. е. они становятся также спецпоселенцами. Не имея права передвижения за пределы спецкомендатур, дети спецпоселенцев таким образом лишены часто возможности получить среднее образование, не говоря уже о высшем, не могут принять участие в спортивных соревнованиях, в смотрах художественной самодеятельности, для них крайне ограничены возможности выбора профессии по своим способностям и склонности.

В связи с тем, что на учет спецпоселения берутся все дети спецпоселенцев, общее число спецпоселенцев с каждым годом увеличивается за счет детей. Так, за период с

1945 по 1952 год взято на посемейный учет 360 545 родившихся детей и на персональный учет спецпоселения 332 739 детей, достигших 16-летнего возраста.

В центральные органы от спецпоселенцев поступают многочисленные заявления и жалобы, в которых излагается просьба снять с них чрезмерно стеснительные ограничения, предоставить возможность наравне со всеми советскими гражданами принимать участие в хозяйственном и культурном строительстве.

Комиссия считает необходимым в качестве первоочередных мер, направленных на создание для спецпоселенцев более нормальных условий для их трудовой деятельности и личной бытовой жизни, снять некоторые ограничения в их правовом положении и смягчить ответственность за нарушение режима в местах спецпоселений.

Комиссия предлагает:

а) предоставить право спецпоселенцам свободного передвижения в пределах области, края, автономной республики, а по командировкам, путевкам на курорты, в дома отдыха и т. д. – в любой пункт страны на срок, указанный в командировочном удостоверении или путевке, обязав их о временном выезде сообщать органам МВД по месту нахождения на учете спецпоселения;

б) разрешить спецпоселенцам беспрепятственно изменять место жительства в пределах административного района, обязав их о новом месте жительства сообщать в районные отделы МВД; изменение места жительства с выездом за пределы административного района производить с разрешения МВД – УМВД;

в) установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы МВД вместо одного раза в месяц – один раз в три месяца;

г) запретить органам МВД за нарушение режима производить арест спецпоселенцев в административном порядке.

Вместе с тем Комиссия считает необходимым совсем снять с учета спецпоселения и с посемейного учета всех детей спецпоселенцев, не достигших 18-летнего возраста, и в дальнейшем детей спецпоселенцев на учет не брать. Является также целесообразным снять с учета спецпоселения членов и кандидатов в члены КПСС, комсомольцев, награжденных орденами и медалями, участников Отечественной войны.

Что же касается предложений об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и ограничении срока спецпоселения для других категорий спецпоселенцев, то Комиссия считает необходимым дополнительно изучить этот вопрос, одновременно разработав практические меры по закреплению спецпоселенцев в местах их настоящего жительства.

Следует иметь в виду, что основная масса спецпоселенцев расселена в Казахской, Узбекской и Киргизской ССР, в Красноярском и Алтайском краях, Кемеровской, Новосибирской, Молотовской, Свердловской и некоторых других областях Сибири и Урала, т. е. в районах, где ощущается большой недостаток в рабочей силе. Поэтому вопрос о возможности освобождения от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев должен быть разрешен таким образом, чтобы это не вызвало большого ухода рабочей силы из этих районов, а, наоборот, чтобы спецпоселенцы прочно закрепились в местах их настоящего жительства. Это необходимо тем более, что в указанных районах намечается проведение больших мероприятий по освоению залежных и целинных земель, по общему развитию сельского хозяйства и промышленности.

С другой стороны, является нежелательным, чтобы выселенные в свое время из Крыма, Кавказа, Поволжья, пограничных районов Украины, Белоруссии, из прибалтийских республик снова вернулись в эти районы.

Исходя из того, Комиссия считает необходимым запросить мнение руководящих партийных и советских органов Казахской, Узбекской и Киргизской ССР, а также руководящих органов краев и областей, на территории которых проживает основная масса спецпоселенцев, о возможности освобождения от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и о тех мероприятиях по трудовому и бытовому устройству, которые необходимо провести в целях закрепления спецпоселенцев, по возможности добровольного, на работе в промышленности и сельском хозяйстве этих районов.

Просим ЦК утвердить прилагаемый проект постановления о снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев и разрешить отсрочить до 15 апреля с.г. представление предложений об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев, смягчении уголовного наказания за нарушение режима в местах спецпоселения и о мерах по трудовому и бытовому устройству спецпоселенцев[48].

К. Ворошилов, К. Горшенин, С. Круглов, К. Лунев, А. Дедов, Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 10–13. Подлинник. Машинопись.

№ 35

ЗАПИСКА К. Е. ВОРОШИЛОВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О КАТЕГОРИЯХ И КОЛИЧЕСТВЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В СССР*

4 марта 1954 г.

Товарищу Маленкову Г. М., товарищу Хрущеву Н. С.

В дополнение к ранее посланным материалам направляю Вам краткую справку о спецпоселенцах[49].

По данным МВД СССР на спецпоселении в настоящее время всего находится 2 819 776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста – 884 057 человек.

Основную группу спецпоселенцев – около 2 миллионов человек составляют немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки и крымские татары, выселенные во время Отечественной войны.

Немцы из районов Поволжья были выселены на основании Указа от 28 августа 1941 г.; одновременно были выселены немцы из Московской и Ленинградской областей, Украины, Северного Кавказа, Крыма и других районов. Всего было переселено в этот период 856 637 человек. После войны по распоряжению СНК СССР были направлены на спецпоселение 208 462 чел. репатриированных немцев и в 1948 году МВД СССР были взяты на учет как спецпоселенцы 159 906 чел. немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других районов.

Всего, таким образом, немцев на поселении находится в настоящее время вместе с детьми 1 225 005 человек.

В соответствии с Указами от 12 октября 1943 г., 7 марта и 8 апреля 1944 г. из районов Северного Кавказа было переселено карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев всего 489 118 человек и по Указу от 27 декабря 1943 г. из бывшей Калмыцкой АССР было переселено калмыков 79 376 человек.

Крымские татары были переселены на основании постановления ГОКО от 11 мая 1944 г.; одновременно были выселены из Крыма немецкие пособники из числа греков, болгар и армян. Всего выселенных из Крыма находится на спецпоселении 199 215 человек.

* На первом листе записки имеется резолюция: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. (указание тов. Хрущева). В. Малин. 23.3.54». – Сост.

В соответствии с Указами и распоряжениями Правительства СССР выселенные должны наделяться в местах поселения землей и угодьями и им должна быть оказана государственная помощь по хозяйственному устройству в новых районах.

В местах поселений находятся также лица, выселенные в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 года по общественным приговорам общих собраний колхозников или крестьян села, как злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни 27 285 человек.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. сосланы на поселение отбывшие наказание шпионы, троцкисты, меньшевики, правые, террористы, националисты и другие особо опасные преступники, всего – 52 468 человек.

В местах поселений находятся также другие категории выселенных по решениям Правительства СССР:

бывшие кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации на основании постановления ЦИК и СНК от 1 февраля 1931 г. и не снятые еще с учета спецпоселения – 24 686 человек[50];

поляки – граждане СССР, выселенные на основании постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 г. из пограничных районов Украинской и Белорусской ССР – 36 045 человек;

«оуновцы», выселенные из западных областей Украины на основании постановления Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 г. и 4 октября 1948 г. – 175 063 человека;

иноподданные, бывшие иноподданные и лица без гражданства, дашнаки и другие лица, выселенные из Грузии на основании постановления ГОКО от 31 июля 1944 г. и постановлений Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г., 21 февраля 1950 г. и 29 ноября 1951 г. – 160 197 человек;

«власовцы», выселенные на основании постановления ГОКО от 18 августа 1945 г., постановления СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и постановления Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. сроком на 6 лет – 56 476 человек;

бывшие помещики, фабриканты, торговцы, кулаки, немецкие пособники и их семьи, выселенные из Молдавской ССР на основании постановления Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 г. – 35 838 человек;

члены семей бандитов, пособники бандитов и кулаки с семьями, выселенные из Прибалтики в 1945–1951 гг. – 159 417 человек.

Кроме того в предвоенные годы и после войны по отдельным постановлениям Правительства СССР были выселены бывшие помещики, фабриканты, торговцы, сотрудники карательных органов бывших буржуазных правительств Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Румынии, члены семей осужденных сектантов («истинно-православных христиан», иеговистов и др.), кулаки с семьями из западных областей Украины и Белоруссии, басмачи и другие, всего 85 799 человек.

В Указах и постановлениях Правительства не предусматривалось, что дети спецпоселенцев по достижении совершеннолетия должны браться на учет как спецпоселенцы.

Однако, согласно Инструкции МВД СССР от 19 февраля 1949 года дети спецпоселенцев в возрасте от 16 лет и старше берутся на персональный учет как спецпоселенцы.

В совместной директиве Министра внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 16 мая 1949 года говорится, что все дети спецпоселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками) подлежат зачислению на вечное поселение и им объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, которым устанавливается уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения.

К. Ворошилов

[*Приложение*]

СПРАВКА О КАТЕГОРИЯХ И КОЛИЧЕСТВЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

Категории спецпоселенцев	Количество	Места спецпоселений	Сроки поселения	Основание к выселению
1. Бывшие кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации в 1931–32 гг.	24 686	Коми АССР, Алтайский край, Кемеровская, Мурманская, Тюменская области	Без указания срока	Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1931 года
2. Поляки, выселенные в 1936 г. из пограничных районов Украины и Белоруссии	36 045	Казахская ССР	Без указания срока	Постановление СНК СССР от 28 апреля 1936 г. № 776–120
3. Иноподданные, лица без гражданства (турки, курды, хемшилы) и граждане СССР, при наличии на них компрометирующих материалов, выселенные в 1937 году из пограничной полосы Армянской, Азербайджанской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР	916	Казахская ССР	Без указания срока	Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1937 года № 103/1127–267
4. Бывшие помещики, фабриканты, торговцы, их семьи, а также члены семей сотрудников карательных органов буржуазного правительства Польши, члены семей участников контрреволюционных организаций, выселенные в 1940 году из западных областей Украины и Белоруссии	5592	Казахская ССР, Красноярский край, Кемеровская, Омская, Томская и Тюменская области	10 лет	Постановление СНК СССР от 2 марта 1940 года № 289–127
5. Бывшие помещики, фабриканты, торговцы, члены буржуазных правительств и другие антисоветские элементы, выселенные в 1941 году из Латвийской, Литовской, Эстонской и Молдавской ССР	24 094	Казахская ССР, Алтайский и Красноярский края, Коми и Якутская АССР, Кемеровская, Кировская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области	20 лет	Мероприятия, утвержденные НКВД СССР от 14 июня 1941 года

Продолжение таблицы

Категории спецпоселенцев	Количество	Места спецпоселений	Сроки поселения	Основание к выселению
6. Немцы-граждане СССР:	1 225 005			
а) выселенные в 1941 году из бывшей автономной республики немцев Поволжья, гор. Москвы и Московской области, гор. Ленинграда и Ленинградской области, из Закавказья, Северного Кавказа, Украины, Кубани, Крыма, Саратовской, Сталинградской, Куйбышевской, Ростовской, Воронежской и Тульской областей	856 637	Казахская ССР, Алтайский и Красноярский края, Коми, Якутская и Башкирская АССР, Кемеровская, Молотовская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Томская, Тюменская, Челябинская, Чкаловская и другие области	Навечно	Указы Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., 28 августа 1941 г. и от 26 ноября 1948 г. Постановления ГОКО от 6, 21, 22 сентября 1941 г., 3 и 22 октября 1941 г. и 29 мая 1942 года. Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 12 ноября 1941 г. № 2060–93.
б) репатриированные в 1945 году	208 462		Без указания срока	Распоряжения СНК СССР от 3 ноября 1941 г. № 84кс и от 21 ноября 1941 г. № 280кс
в) местные немцы, проживающие в местах спецпоселений	159 906		Без указания срока	
7. Иноподданные и граждане СССР, выселенные в порядке очистки прифронтовой полосы из Краснодарского края, Ростовской области и Крыма в 1942–1944 годах	9445	Казахская ССР, Узбекская ССР, Красноярский край	На время войны	Постановления ГОКО от 29 мая 1942 года и от 24 июня 1944 года
8. Карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки и крымские татары, выселенные за связь с немецкими оккупантами и пособничество им	781 237	Казахская, Киргизская и Узбекская ССР, Башкирская и Марийская АССР, Алтайский и Красноярский края, Кемеровская, Свердловская, Молотовская и др. области	Навечно	Указы Президиума Верховного Совета СССР от 12.10.1943 г. и от 27.12.1943 г. Постановления ГОКО от 31.01.1944 г., от 5.03.1944 г., от 11.05.1944 г. и от 2.06.1944 г. Распоряжение СНК СССР от 11.03.1944 г. № 5473.
9. Иноподданные, лица без гражданства, граждане СССР из числа бывших иноподданных (турки, курды, хемшилы, греки, иранцы), дашнаки и другие антисоветские элементы, выселенные из Грузии в 1944–1951 годах	160 197	Казахская, Киргизская и Узбекская ССР, Алтайский край, Томская область	Навечно	Постановление ГОКО от 31 июля 1944 г. Постановления Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214–85 и от 21 февраля 1950 г. № 727–269, от 29 ноября 1951 г. № 4893–21
10. Принявшие немецкое гражданство («фолькс-дойч») и члены семей активных пособников немецким оккупантам, выселенные в 1944–1945 гг.	6551	Таджикская ССР, Красноярский край и Новосибирская область	Без указания срока	Указание НКВД СССР от 7 января 1944 г. № 20/б. Приказы НКВД – НКГБ СССР от 25 мая 1944 года № 00620/00190, НКВД СССР от 24 августа 1944 года № 001036
11. «Оуновцы», выселенные из западных областей Украины в 1944–1952 годах	175 063	Казахская ССР, Бурят-Монгольская, Коми и Якутская АССР, Красноярский, Хабаровский и Приморский края, Амурская, Архангельская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Молотовская, Омская, Томская, Тюменская, Челябинская и Читинская обл.	Навечно	Указания НКВД СССР от 31 марта 1944 г. № 122 и от 7 апреля 1944г. № 130. Постановления СМ СССР от 10 сентября 1947 г. № 3214–1050, от 4 октября 1948 года № 3728–1524 и от 6 апреля 1950 г. № 1398–508
12. Члены семей осужденных сектантов – участников антисоветской организации «истинно-православных христиан», выселенные из Воронежской, Орловской и Рязанской областей в 1944 году	995	Красноярский край, Томская и Тюменская области	Без указания срока	Распоряжение НКГБ – НКВД СССР от 14 июля 1944 года № 2683/м-I/12938
13. Члены семей бандитов, пособники и кулаки с семьями, выселенные из Прибалтики в 1945–51 годах	159 417	Коми и Бурят-Монгольская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Молотовская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Томская и Тюменская области	Навечно	Указание НКВД СССР от 16 июня 1945 г. № 323. Приказ НКВД СССР от 18.12.1946 г. № 001164. Постановления СМ СССР от 21.02.1948 г. № 417–160 и от 29.01.1949 г. № 390–138, от 29.12.1949 г. № 5881–2201 и от 5.09. 1951 г. № 3309–1563
14. «Власовцы», выселенные в 1945–1951 гг.	56 746	Казахская и Таджикская ССР, Коми и Якутская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Иркутская, Кемеровская, Молотовская, Читинская и другие области, районы Дальнего Севера	6 лет (освобождаются по отбытии срока спецпоселения)	Постановления ГОКО от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. № 3141–950 и СМ СССР от 29 марта 1946 г. № 691–271
15. Выселенные за антиобщественный и паразитический образ жизни в сельском хозяйстве	27 275	Карело-Финская ССР, Якутская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Молотовская, Тюменская и Читинская области	8 лет	Указы Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года и от 2 июня 1948 года
16. Кулаки с семьями, выселенные из западных областей Украины и Белоруссии в 1948–1951 гг.	7033	Казахская ССР, Иркутская, Омская и Томская области	Навечно	Постановления СМ СССР от 6 октября 1948 г. № 3785–1538, от 23 января 1951 года № 189–88 и от 18 сентября 1951 г. № 3538–1643

Продолжение таблицы

Категории спецпоселенцев	Количество	Места спецпоселений	Сроки поселения	Основание к выселению
17. Бывшие помещики, фабриканты, торговцы, кулаки, немецкие пособники и их семьи, выселенные из Молдавской ССР в 1949 году	35838	Бурят-Монгольская АССР, Алтайский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Тюменская и Читинская области	Навечно	Постановление СМ СССР от 6 апреля 1949 г. №1230–467
18. Басмачи, выселенные из Таджикской ССР в 1950 году	2747	Казахская ССР	Навечно	Постановление СМ СССР от 11 января 1950 г. №135–26
19. «Андерсовцы»[51] и их семьи, выселенные в 1951 году	4520	Иркутская область	Навечно	Постановление СМ СССР от 13 февраля 1951 г. №377–190
20. «Иеговисты», выселенные из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году	9363	Иркутская и Томская области	Навечно	Постановление СМ СССР от 3 марта 1951 г. №667–339
21. Ссыльно поселенцы (отбывшие наказание шпионы, троцкисты, меньшевики, правые, террористы, националисты и другие особо опасные преступники)	52 486	Казахская ССР, Коми и Якутская АССР, Красноярский край, Новосибирская область, районы Дальнего Севера	Навечно	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 182. Л. 17–24. Подлинник. Машинопись.

РАЗДЕЛ III

Н. С. ХРУЩЕВ ПЕРЕХВАТЫВАЕТ ИНИЦИАТИВУ

МАРТ – ДЕКАБРЬ 1954 г.

№ 1

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО, С. Н. КРУГЛОВА, И. А. СЕРОВА И К. П. ГОРШЕНИНА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ ЗА «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛАГЕРЯХ, КОЛОНИЯХ, ТЮРЬМАХ И НАХОДЯЩИХСЯ В ССЫЛКЕ НА ПОСЕЛЕНИИ[1]

19 марта 1954 г.

В Президиум ЦК КПСС товарищу Маленкову Г. М., товарищу Хрущеву Н. С.

В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС и Правительством изменнической деятельности Берия и его сообщников установлено, что эти враги народа преднамеренно и систематически нарушали социалистическую законность для того, чтобы облегчить проведение своей преступной деятельности. С целью истребления честных, преданных делу коммунистической партии и Советской власти кадров, преступники, пробравшиеся в органы МВД, сознательно насаждали произвол и беззаконие, совершали незаконные аресты ни в чем не повинных советских граждан, применяли строжайше запрещенные законом преступные методы ведения следствия и фальсифицировали дела.

Значительное количество случаев недостаточно обоснованного осуждения граждан имело место в практике работы Особого Совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что рассмотрение дел на Особом Совещании проходило в отсутствие обвиняемых и свидетелей, чем создавались широкие возможности покрывать недостатки предварительного следствия, а иногда и грубейшие извращения советских законов.

Особым Совещанием при НКВД – МГБ – МВД СССР, которое просуществовало с 5 ноября 1934 года до 1 сентября 1953 года, было осуждено *442 531* чел., в том числе к расстрелу *10 101* чел., к лишению свободы *360 921* чел., к ссылке и высылке (в пределах страны) *67 539* чел. и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) *3970* человек.

Грубые нарушения социалистической законности органами МГБ были допущены также в связи с директивой быв. МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 года № 66/241 сс (за подписями Абакумова и Сафонова), согласно которой органы МГБ вновь арестовывали лиц, уже отбывших наказание за совершенные ими контрреволюционные преступления и освобожденных из мест заключения после

окончания Великой Отечественной войны, и направляли их по решениям Особого Совещания в бессрочную ссылку на поселение.

Имевшие место нарушения социалистической законности подтверждаются большим количеством жалоб на незаконное осуждение за контрреволюционные преступления, поступающих от осужденных и их родственников.

Таких жалоб в Прокуратуру СССР за время с августа 1953 года по 1 марта 1954 года поступило *78 982*.

В настоящее время в лагерях, колониях и тюрьмах содержится заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления *467 946* человек, и, кроме того, находится в ссылке после отбытия наказания за контрреволюционные преступления *62 462* человека.

В целях выявления случаев необоснованного осуждения граждан и последующей их реабилитации, считаем необходимым специально пересмотреть все уголовные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления всеми судебными и внесудебными органами, ныне содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР, а также на лиц, находящихся в ссылке на поселении по отбытии наказания за контрреволюционные преступления.

Для пересмотра дел и принятия необходимых решений по ним считаем целесообразным образовать Центральную Комиссию в следующем составе:

Председатель Центральной Комиссии – т. Руденко, Генеральный прокурор СССР.

Члены Комиссии:

т. Круглов – министр внутренних дел СССР,

т. Серов – председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР,

т. Горшенин – министр юстиции СССР,

т. Данилов – зам. министра юстиции СССР,

т. Вавилов – начальник управления по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР,

т. Сучков – зам. начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР,

т. Максимов – начальник отдела Главной Военной Прокуратуры Советской Армии,

т. Турцев – прокурор отдела Главной Военной Прокуратуры Советской Армии,

т. Леонов – начальник управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР,

т. Плетнев – начальник отдела Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР,

т. Максимов – пом. начальника управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР,

т. Костромин – начальник ревизионного управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР,

т. Филиппов – начальник управления транспортных судов Министерства юстиции СССР,

т. Калинин – начальник управления спецсудов Министерства юстиции СССР.

Пересмотр уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, производить по месту осуждения этих лиц.

Для пересмотра дел создать в республиках (не имеющих областного деления), краях и областях комиссии в составе: прокурора республики, края, области (председателя), членов комиссии: министра внутренних дел республики, начальника Управления МВД по краю, области, начальника Управления Комитета государственной безопасности по республике, краю, области, министра юстиции республики, начальника Управления министерства юстиции, края, области.

В целях быстрейшего завершения работы по реабилитации незаконно осужденных лиц полагаем целесообразным изменить существующий порядок пересмотра дел, согласно которому дела на осужденных внесудебными органами (Особым Совещанием при НКВД – МГБ – МВД, Коллегией ОГПУ, тройками НКВД – УНКВД) пересматриваются в Верховном Суде СССР по протесту Генерального Прокурора СССР.

В связи с тем, что такой порядок пересмотра дел, несомненно, усложнит эту работу и удлинит сроки ее окончания, вносим следующие предложения:

1. Дела на лиц, осужденных Особым Совещанием при НКВД – МГБ – МВД и Коллегией ОГПУ, пересматривать на заседаниях Центральной Комиссии, а дела на лиц, осужденных тройками НКВД – УНКВД, – на заседаниях республиканских, краевых и областных комиссий.

Республиканские, краевые и областные комиссии по делам на лиц, осужденных Особым Совещанием при НКВД – МГБ – МВД и Коллегией ОГПУ, выносят мотивированные заключения и представляют эти дела на рассмотрение Центральной Комиссии.

При рассмотрении указанных дел Центральная Комиссия, республиканские, краевые и областные комиссии в случаях незаконного осуждения, неправильной квалификации состава преступления, необоснованного направления в ссылку на поселение выносят постановления соответственно: об отмене решения по делу и полной реабилитации осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», об отмене ссылки на поселение. В отношении лиц, осуждение которых будет признано правильным, комиссии выносят постановления об отказе в пересмотре решения по делу, о чем сообщается осужденным по месту их нахождения.

Постановления Центральной Комиссии, республиканских, краевых и областных комиссий, вынесенные по рассмотренным делам, считать окончательными.

2. Дела на лиц, осужденных судебными органами, по которым комиссиями будет признано необходимым отменить или изменить приговор, рассматриваются в соответствующих судебных инстанциях по протестам, вносимым в установленном законом порядке.

Представляем при этом проект постановления ЦК КПСС[2] и план мероприятий по организации этой работы[3].

Р. Руденко, С. Круглов,
И. Серов, К. Горшенин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 10–15. Подлинник. Машинопись.

№ 2

ПИСЬМО Н. Н. КОРОЛЕВА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»*

29 марта 1954 г.

В редакцию газеты «Известия» – орган Совета депутатов трудящихся СССР от заключенного Королева Николая Николаевича, 1926 года рождения, осужденного по ста-

* На первом листе письма имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. В. Малин. 14.V.54 г.». – Сост.

тьям 193-7г., 58-10, 58-14 сроком 25 лет и 5 лет поражения прав, отбывающего срок наказания по адресу: Чукотка, Певек, пос. Красноармейский, п/я № 261/4.

Обращение

Обращаясь к Вам, я надеюсь найти правду, которую тщетно пытаюсь я искать последнее время. Я заключенный, но я также человек, который может чувствовать, желать и жить как все люди земли. Когда-то я был комсомольцем, служил в Красной Армии, а до этого прошел все стадии воспитания, что и каждый человек, вышедший из советской школы. Когда мне было 19 лет, из-за буйной фантазии, дон-кихотства, желания отличиться я совершил поступок, который впоследствии стал преступлением. Меня судили и дали 5 лет. Но кому-то показалось, что за 5 лет я не исправлюсь и, взяв в основу новый материал обвинения из ложных показаний клеветника, меня судили снова по антисоветской статье 58-10, дав по ней 8 лет и 3 года поражения прав. Так я стал жертвой клеветника и карьериста. Об этом я писал в Верховный суд, но ответ – молчание.

Сделав меня антисоветским человеком, меня направили в отдаленные лагеря Дальстроя. Меня решили воспитывать в «исправительно-трудовых лагерях». А вы знаете, что это такое? Это места, где воспитываются преступники, где делают преступников, кто им еще не стал, где убивают зверски тех, кто им не хочет стать. «Исправительно-трудовые лагеря» – это гнезда, откуда пополняется наша страна новыми кадрами убийц, воров и мошенников, но не людьми. Человеком здесь быть нельзя, а если кому-нибудь и удастся вынести и сохранить человеческий облик, то он вынесет самые ожесточенные чувства против советского правительства, партии. Тем, кто становится на дорогу преступлений, тому идут навстречу, а кто сопротивляется существующим порядкам, того объявят антисоветским человеком или просто убьют.

24 декабря 1953 года, т. е. около 3-х месяцев назад, произошло зверское убийство заключенного Пичугова Ивана Федоровича. Его убили за то, что он хотел быть человеком. Он хотел честно трудиться, освободиться быстрей, чтобы закончить свое прерванное образование и жить так же, как живут советские люди. И он был за это убит лагерными бандитами, содержащимися и поощряемыми на подобные поступки людьми, которые носят советские погоны, имеют партийные книжки. Когда я попробовал обратиться к ним и к местной парторганизации о возмутительных порядках, мне дали понять, что я не человек, а вещь, которая не имеет права искать человеческих прав. Другие же разводили руками, говоря: «Ну что же поделаешь, здесь Чукотка». Здесь Чукотка! Здесь нет советских законов, нет человеческих прав. Здесь другой закон, закон удельных князей, оголтелых убийц, воров.

Подобная атмосфера не только здесь, она всюду в лагерях Дальстроя. Люди, не выдерживая установленных порядков, сходят с ума, кончают жизнь самоубийством, рубят руки и ноги, уходят в побеги. А побег из пределов Дальстроя – это тоже самоубийство. И все же побеги здесь не редки. Их ловят, зачастую убивают и беспощадно судят. Так, в 1943 году, не выдерживая больше беззакония и террора, я тоже уходил в побег, но был пойман и, к удивлению, не убит. Меня судили и к 5 оставшимся годам до побега дали предел – высшую меру наказания – расстрел, заменив его 25 годами «исправительно- трудовых лагерей».

Убийства в лагерях ежемесячны и еженедельны. А сколько издевательств ежедневных происходит над людьми! Причина всему этому одна. Старые, закоренелые рецидивисты, убийцы, воры, мошенники, не раз судимые, содержатся совместно с общей массой заключенных, осужденных за мелочи. В результате эта преступная аристократия свою преступную деятельность продолжает и здесь. Внутри лагеря создается режим рабства, беззакония и террора честных людей, стремящихся честно освободиться и влиться в ряды советских людей. Лагерные руководители и руководители управлений вместо того, чтобы бороться с лагерным бандитизмом, идут им навстречу. Считая из-за лени или из-за халатности, а, может быть, и отлично понимая, что они делают руководство лагерем и людьми слишком хлопотливым и нестоящим делом, они режим лагеря поддерживают руками бандитов. Иногда от этих руководителей и прямо можно слышать, что «нам ваша работа не нужна, нам нужно ваше мучение» (оперуполномоченный порта Михайловского Зырянского управления). Иногда подобные князья хотят повеселиться и устраивают гладиаторские побоища. Так, летом 1953 года подобранная группа вооруженных бандитов численностью 80 человек была спущена на 140 человек честных людей, стремящихся быстрее освободиться и исправиться. В то время, когда происходило кровавое побоище, в трюме баржи, прокурор и начальник Зырянского управления спокойно наслаждались у люков баржи зрелищем.

Жизнь человека в лагере дешевле собачьей. Так, бандиты, которым надоест быть в одном лагере, находят простой выход. Они убивают любого заключенного и их везут в центральную тюрьму на комендантский лагерь, где справляют видимые формальности суда*. После суда он опять повторяет то же, не боясь, что его накажут строже. Для того, чтобы лагерная масса людей не роптала на них, ежемесячно они устраивают свои бандитские заходы на людей, подозреваемых в недовольстве на них и на своих хозяев. От таких заходов всегда обычно бывают трупы и горы наштабелеванных, изуродованных зверскими побоями людей. Бьют и убивают зверски. Так, человека раздевают до белья, кладут на пол, на спину и бьют мешком, наполненным песком, по животу. Обычно от 3–4 ударов человек теряет сознание. Или же другим способом наказывают непокорных. Так же раздевают до белья, связывают руки и кидают вверх. Человек с 2-метровой высоты грохается о пол на спину, на зад. В результате от 2–3 раз из горла идет кровь, и человек теряет сознание.

Попасть под такой заход каждый может и почти каждый побывал. Для этого нужно небольшую причину. Так, например, молодой человек красивой наружности, отказавшись удовлетворить половую нужду бандита, будет так наказан. Человек, отказавшись убить своего товарища, также станет жертвой сам. Не так улыбнешься, не так услужишь, не так пройдешь, мало отработаешь норму на производстве за него, не выделишь львиную долю из своей зарплаты – все эти причины достаточны, чтобы попасть в немилость бандитам и стать их жертвой...

Тяжела лагерная атмосфера для человека. Он, задавленный и угнетенный безвыходностью положения, приспосабливается как может, сообразуясь со своим характером и способностью. Особенно лагерные порядки пагубно действуют на молодежь. Не зная еще жизни, не имея еще своего постоянного окрепшего взгляда на жизнь, не способная бороться с трудностями жизни, она отдается стечению окружающей действительности. Многие, особенно более пассивные характеры, становятся педерастами, слугами и вообще исполнителями любой прихоти бандитов. Молодежь побойчее начинает подражать бандитам поддерживать их в убийствах, воровстве и в других черных делах. И все, как правило, становятся игроками в карты, так как бандиты на игроков смотрят более снисходительно, ибо знают, что все деньги в конечном итоге будут все равно у них. Люди, которые пытаются в стороне остаться от преступной жизни, находятся в очень жалком положении. Не находя поддержки со стороны руководителей лагеря, а зачастую видя их сообщничество с бандитами, угнетенные бандитами, в вечном страхе за свою жизнь, к ним прививается ненависть к советскому правительству, к партии.

При общем взгляде на положение вещей создается мнение, что все это не случай-

* Здесь и далее подчеркнуто рукой неустановленного лица. – Сост.

ные вещи. Не видеть этого нельзя, но все же Москва не видит этого и не видит не один уже год. Берия и подобные ему люди приходят и уходят, а порядки, установленные при них, остаются на своих местах. Почему это?! Почему мы стали забытыми людьми в нашей стране?! Почему двери правосудия стали закрыты для нас?! Почему мы лишены человеческих прав?!

За эти сроки, написанные к вам, я буду убит как и каждый, кто это сделает при их разоблачении. Я сам был свидетелем подобных зрелищ не раз. Поэтому, писав эти строки тайком, я не мог осветить всех фактов, происходящих здесь. Я бы хотел, чтобы дали мне и другим людям поговорить лично с советским представителем из Москвы.

Пичугов Иван Федорович, зверски убитый 24/XII, работал токарем по металлу. Давая на производстве 150 с лишним процентов, он надеялся, получая зачеты, освободиться как можно быстрее. Ему было всего 24 года и он писал домой 60-тилетней матери о том, как он сожалеет, что не может работать и учиться как все. Мать была рада за сына и за то, что он «исправляется». Сейчас она пишет, спрашивает, почему не отвечает ее сын. Как ответить 60-тилетней матери о случившемся? Соврать я не могу, а действительность слишком ужасна для любящей сына матери. Как ответить старухе-матери, кто убил ее сына? Если вы сможете ответить, то ответьте по ее адресу: Кемеровская обл., г. Прокопьевск, Парниковка, ул. Дорожная, д. № 93, Пичуговой Анне Ивановне.

Не легче положение и на вольных поселках Колымы и Чукотки. Освобождающиеся воры и бандиты объединяются и здесь в группы, которые терроризируют вольнонаемный состав. Договорник, случайно попавший сюда, проклинает того и тот день, когда ему посоветовали и он решил сюда ехать. Каждую весну по обочинам дорог вскрываются трупы из-под таящего снега. Шофера без конвоя, а иногда и сам конвой отказываются ездить между поселками. Иногда бандиты враждуют и между собой, тогда вокруг себя они собирают преступников-сторонников, и борьба, сопровождаемая еженедельными убийствами, обостряется еще сильнее. Человеку, освободившемуся из лагеря или договорнику, стоит больших трудов выехать отсюда невредимым. Иногда мечта увидеть родных и быть на родине у людей не сбывается. Он может быть убитым или, не вынося тяжелых условий, убьет себя сам. Так, на днях повесился главный инженер филиала ЦРМ (Центральные ремонтные мастерские). Недавно среди белого дня произошло убийство нескольких вольных. Особенно часто убивают шоферов.

Прокуратура на все беспорядки смотрит сквозь пальцы. Иногда бандиту за преступление дают срок или добавляют, но ему это не страшно. Он считает лагерь своим домом и отдыхает от своей преступной работы на свободе. Зато прокуратура особое внимание уделяет беглецам. Для них строятся бараки усиленного режима, куда их изолируют; дают сроки на всю жизнь, а часто просто убивают. И в то же время все прекрасно знают, что побег – то же самоубийство. И если б были в лагерях человеческие условия, никто бы не шел на самоубийство. И все же каждый год люди идут на самоубийство.

Но удивительнее всего то, что здесь есть люди, которые считают себя советскими, есть парторганизации, комсомольские организации, воинские части со своим офицерским составом – и все эти советские люди спокойно наблюдают беззаконие и произвол, происходящий вокруг них. Очень интересно, в каких школах и кто их научил занимать подобную позицию среди происходящей нечеловеческой действительности? Взглянешь в местные газеты «Чаунская правда» и «Магаданская правда», ни слова не найдешь о происходящих безобразиях. Почему местные советские организации, газеты, прокуратура, наконец, Москва молчат о средневековых порядках, существующих в наше время в нашей стране?

Сейчас мне 28 лет. Из их я уже 8 лет лишен свободы! Шесть лет являюсь наблюдателем беззакония и произвола в управлении Дальстроя. До этого в тяжелые дни войны, находясь на военных производствах, потом в армии, мне не пришлось пожить и увидеть настоящей советской жизни. Мои понятия о советской жизни были вынесены из советской школы и сейчас, столкнувшись с мрачной окружающей меня действительностью, я повис над пропастью, не находя под собой почвы. Происходящие вокруг факты говорят обратное моим понятиям. Невинно осужденный по двум антисоветским статьям, я до сих пор не могу доказать свою невинность не потому, что я очень глубоко обвинен, а лишь потому, что на меня смотрят как на вещь. Во мне убили все человеческое и уже который год переделывают мои воззрения на жизнь. Еженедельный страх за свою жизнь, угнетение со стороны бандитов, безразличие руководителей советских людей ко всем безобразиям, невольно создают новые впечатления и понятия, совершенно противоположные понятиям, привитым в детстве в советской школе. Просматривая центральные газеты нашей страны, все берешь под сомнение лишь только потому, что быт вокруг настолько противоречив им, что трудно верить после этого хотя и в самую простую истинную правду.

Убитый Пичугов Иван Федорович был моим товарищем. Четыре года находясь вместе в самых трудных условиях, часто среди ежедневных трупов, мы не покидали надежды вместе освободиться, работать и учиться как все люди нашей страны. Он имел небольшое образование, но работая над собой, он подготовил себя за 10 классов, чтобы по освобождении пойти в физико-математический факультет, который он мечтал обязательно окончить. Он любил Белинского. У этого великого русского человека он учился жить и любить все хорошее. Но кто-то испугался его, как человека, который может стать разоблачителем зверских фактов, позавидовал его маленьким успехам, оскорбился его жизнью, поведением, которое при данных условиях жизни ставило его выше убийц, и его зверски, издевательски убили. Его убивали на глазах 60–80 человек, чтобы другие не вздумали так здраво жить. И несмотря на это, свидетелей убийства не оказалось, а многие прямо заявляли, что они хотят жить, давать же показание, значит быть убитым. Люди знают, что сильнее советского закона есть еще закон бандитов и карьеристов, которые сообща управляют лагерем. При моей беседе с оперуполномоченным Чувыкиным он сказал, что ему известно о 200 бандитах, орудующих в лагере. Для решительной же борьбы с бандитизмом он не имеет санкции прокурора управления. В то же время оперуполномоченный хорошо знает, что у него в лагере один из главарей бандитской шайки является комендантом лагеря и все административные люди внутри лагеря полностью зависят от бандитов.

Посылая это письмо вам, я надеюсь получить ответы на вопросы, поставленные мной выше. Я надеюсь также, что вы сделаете запрос в Верховный суд о моем деле. Я желаю сейчас свободы как никогда, чтобы иметь возможность лично вам рассказать об антисоветских фактах, существующих здесь. Если раньше я о них молчал, считая, что за 8000 км от Москвы мне не найти правды, то сейчас, когда произошло убийство моего друга, я не остановлюсь ни перед чем.

Я бы хотел, чтобы мое письмо было направлено в ЦК КПСС лично Н. С. Хрущеву, так как я не имею возможности это сделать прямым адресом[4].

Также я прошу дать мне возможность поговорить с советским представителем из Москвы. Многое мною в этом письме не сказано, так как писалось оно в спешке и украдкой.

Я жду вашего ответа и законных действий нашего правительства.

К сему

Королев Николай Н.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 106–113. Копия. Машинопись.

№ 3

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ПО «ДЕЛУ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА»*

8 апреля 1954 г.

ЦК КПСС

В январе-феврале 1953 года б[ывш.] УМГБ Московской области были представлены на Особое совещание при МГБ СССР дела на членов семей и родственников лиц, осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания – расстрелу по делу Еврейского антифашистского комитета: Лозовского С. А., Фефера И. С., Бергельсона Д. Р., Юзефовича И. С., Шимелиовича Б. А., Маркиша П. Д., Зускина В. Л., Квитко Л. М., Гофштейна Д. Н., Теумин Э. И. и Тальми Л. Я.

Решением Особого совещания при б[ывш]. МГБ СССР осуждены к ссылке в отдаленные районы, как члены семей изменников Родины, сроком на 10 лет с конфискацией имущества:

Шамберг Софья Абрамовна, 1903 года рождения, жена Лозовского С. А.;
Лозовская Галина Соломоновна, 1928 года рождения, дочь Лозовского С. А.;
Фефер-Калиш Дора Исааковна, 1924 года рождения, дочь Фефера И. С.;
Климовский Евель Моисеевич, 1923 года рождения, муж Фефер Д. И.;
Бергельсон Циля Львовна, 1896 года рождения, жена Бергельсона Д. Р.;
Бергельсон Лев Давидович, 1918 года рождения, сын Бергельсона Д. Р.;
Островер Ноэми Леоновна, 1921 года рождения, жена Бергельсона Л. Д.;
Юзефович Мария Самойловна, 1899 года рождения, жена Юзефовича И. С.;
Шимелиович-Фридман Хиена Наумовна, 1898 года рождения, жена Шимелиовича Б. А.;
Шимелиович Лев Борисович, 1922 года рождения, сын Шимелиовича Б. А.;
Шимелиович Юлия Борисовна, 1930 года рождения, дочь Шимелиовича Б. А.;
Лазебникова Эсфирь Ефимовна, 1912 года рождения, жена Маркиша П. Д.;
Маркиш Симон Перецович, 1931 года рождения, сын Маркиша П. Д.;
Маркиш Ента Давидовна, 1893 года рождения, сестра Маркиша П. Д.;
Маркиш Ольга Перецовна, 1929 года рождения, дочь Маркиша П. Д.;
Маркиш Юрий Маркович, 1928 года рождения, племянник Маркиша П. Д.;
Берковская Эда Соломоновна, 1903 года рождения, жена Зускина В. Л.;
Зускина Алла Вениаминовна, 1936 года рождения, дочь Зускина В. Л.;
Квитко Белла Самойловна, 1899 года рождения, жена Квитко Л. М.;
Гофштейн Левия Давидовна, 1926 года рождения, дочь Гофштейна Д. Н.;
Гофштейн-Биберман Фельга Соломоновна, 1889 года рождения, жена Гофштейна Д. Н.;
Гофштейн Шамаль Давидович, 1915 года рождения, сын Гофштейна Д. Н.;
Гофштейн Илья Давидович, 1916 года рождения, сын Гофштейна Д. Н.;
Теумин Полина Наумовна, 1882 года рождения, мать Теумин Э. И.;

* На первом листе записки имеются резолюции: «Согласен. Н. Хрущев. 10/IV-54 г.», «За – В. Молотов. 12/IV», «За – К. Ворошилов. 12/IV», «За – Булганин. 13/IV», «За – Л. Каганович», «За – А. Микоян», «За – М. Сабуров. 14/IV-54», «За – М. Первухин. 14/IV» и помета «Тт. Руденко и Серову сообщено. В архив. В. Малин. 15.IV.54 г.». – Сост.

Теумин Владимир Исаакович, 1915 года рождения, брат Теумин Э. И.;
Теумин Фрума Шмулевна, 1920 года рождения, жена Теумин В. И.;
Тальми-Розенберг Сарра Аврумовна, 1898 года рождения, жена Тальми Л. Я.

Изучением дел на указанных лиц установлено, что они не причастны к преступной деятельности осужденных по делу Еврейского антифашистского комитета, а также не были осведомлены о ней.

Данные решения Особого совещания являются незаконными, так как уголовной ответственности согласно ст. 58-1 «в» УК РСФСР подлежат члены семей не всех изменников Родины, а только тех из них, которые, будучи военнослужащими, совершили бегство или перелет за границу.

Осужденные же по делу Еврейского антифашистского комитета лица военнослужащими не являлись.

Считали бы возможным поставить вопрос перед Верховным Судом Союза ССР об отмене решений Особого совещания в отношении этих лиц, освобождении их из ссылки и разрешении проживать им в нережимных городах, указанных в перечне Совета Министров СССР от 21 октября 1953 года.

Просим Вашего согласия[5].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 18. Л. 1–4. Подлинник. Машинопись.

№ 4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ПРОХОДИВШИХ ПО «ЛЕНИНГРАДСКОМУ ДЕЛУ»

15 апреля 1954 г.

№ 58. п. XV – О деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

1. Принять в основном представленный проект постановления ЦК КПСС о деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других[6].

2. Поручить Секретариату ЦК КПСС с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК отредактировать проект постановления и внести на утверждение в Президиум ЦК[7].

3. Разрешить Прокурору СССР после принятия решения опротестовать приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по данному делу на предмет его прекращения и реабилитации осужденных[8].

4. Поручить т. Хрущеву выехать в мае с. г. в гор. Ленинград и доложить активу Ленинградской партийной организации о решении ЦК КПСС по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других[9].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 99. Л. 161. Подлинник. Машинопись.

№ 5

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО Н. С. ХРУЩЕВУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ «ДЕЛА НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА В АКАДЕМИИ НАУК СССР»*

15 апреля 1954 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

В 1938 году НКВД СССР были арестованы и затем осуждены непременный секретарь Академии Наук СССР, бывший личный секретарь товарища Ленина В. И. и Управляющий Делами СНК СССР Горбунов Николай Петрович к ВМН, член-корреспондент Академии Наук СССР Федоровский Николай Михайлович к 15 годам ИТЛ, старший научный сотрудник отделения химических наук Академии Наук СССР Дубов Петр Иванович к ВМН и профессор Чекин Павел Алексеевич к 20 годам ИТЛ.

Все они обвинялись в том, что являлись членами шпионо-террористической национал-фашистской организации под названием «Национальный центр», существовавшей в Академии Наук СССР.

По показаниям осужденных в эту контрреволюционную организацию якобы входили академики Кржижановский Г. М., Брицке Э. В., Ферсман А. Е., Губкин И. М., Зелинский Н. Д., Винтер А. В., Графтио Г. О., Веденеев Б. Е. и ряд других крупнейших советских ученых.

Прокуратурой СССР установлено, что дело о существовании в Академии Наук СССР контрреволюционной организации «Национальный центр» было сфабриковано в 1938 году по заданию ныне разоблаченных врагов народа Берия и Кобулова.

Определениями Военной Коллегии Верховного Суда СССР в 1954 году дела по обвинению Горбунова, Федоровского, Дубова и Чекина прекращены и они полностью реабилитированы.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 107. Подлинник. Машинопись.

№ 6

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ ССЫЛКИ РАНЕЕ ОСУЖДЕННЫХ ЗА «АНТИСОВЕТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» НА СРОК ДО 5 ЛЕТ

19 апреля 1954 г.

№ 59. п. XII – Об освобождении из ссылки на поселение ранее осужденных за антисоветскую деятельность.

Принять предложение Министерства внутренних дел СССР и Прокуратуры СССР[10] об освобождении из ссылки ранее осужденных за антисоветскую деятельность к лишению свободы на срок до 5 лет включительно и после отбытия наказания

* На первом листе записки имеются пометы «Разослать членам Президиума ЦК КПСС (указание тов. Хрущева). В. Малин. 19.IV.54 г.» и «В архив. В. Чернуха. 26.IV.54». – Сост.

направленных по нарядам МГБ, МВД СССР и постановлениям Особого Совещания при МГБ – МВД СССР в ссылку на поселение.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 7. Подлинник. Машинопись.

№ 7

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О ЛИТОВСКИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

20 апреля 1954 г.

ЦК КПСС

Перед началом Отечественной войны в Литовской ССР были взяты под стражу и этапированы в Краслаг НКВД лица, ранее активно принимавшие участие в деятельности буржуазных профашистских партий, военно-полевых судах и других контрреволюционных учреждениях буржуазной Литвы.

Наиболее реакционные из них, находясь в лагере, не прекратили своей борьбы против советской власти, проводили антисоветскую агитацию, пророчили неминуемое поражение СССР в войне с фашистской Германией, распространяли различные провокационные слухи и, ожидая победы гитлеровцев, предприняли шаги к созданию так называемого литовского комитета, который должен был организовать возвращение в Литву высланных литовцев.

В связи с этим в 1941 году органами НКВД эта группа лиц в количестве 18 человек была арестована и привлечена к уголовной ответственности.

В 1942 году следствие по делу было закончено и дело направлено на рассмотрение в Особое совещание при МГБ СССР.

В течение десяти лет по неизвестным причинам Особое совещание дело это не рассматривало. За это время 10 человек из привлеченных к ответственности умерло, а один из них был освобожден из лагеря по постановлению прокурора. Оставшиеся 7 человек были осуждены лишь 27 апреля 1952 года, из них 6 к 25 годам тюремного заключения и один к ссылке на поселение в Красноярский край.

К 25 годам тюремного заключения были осуждены:

1. Стульгинскис Александрас Доминик, 1885 года рождения, быв. президент Литовской буржуазной республики, член ЦК партий «Христианские демократы» и «Крестьянский союз».

2. Стасис Адамос, 1885 года рождения, в прошлом член РСДРП меньшевиков, организатор националистической партии «Сантра», министр юстиции в литовском буржуазном правительстве.

3. Тонкунас Иозас Миколас, 1894 года рождения, бывший министр просвещения литовского буржуазного правительства.

4. Пранцулис Ионас Изидорас, 1895 года рождения, бывший офицер литовской армии.

5. Визгирдас Пронас Иоза, 1896 года рождения, в прошлом сотрудник литовской полиции.

6. Пошунас Антонас Винцас, 1896 года рождения, бывший полковник литовской армии.

В настоящее время от Тонкунаса и Пранцулиса в МВД СССР поступили заявле-

ния с просьбой пересмотреть их дело и освободить от дальнейшего пребывания под стражей.

В связи с укреплением советского социалистического строя в Литве и с учетом того, что обвиняемые по настоящему делу Стульгинскис, Тонкунас, Пранцулис, Шилингас, Визгирдас и Пошунас содержатся под стражей около 13 лет, считали бы возможным освободить их из-под стражи и применить к ним паспортное ограничение с запрещением проживать в режимных городах, включенных в перечень Совета Министров Союза ССР от 21 октября 1953 года, а также на территории Литовской, Латвийской и Эстонской республик.

Просим Ваших указаний.[11]

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д.439. Л. 115–117. Подлинник. Машинопись.

№ 8

ПРИКАЗ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР И ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР «ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ ССЫЛКИ НА ПОСЕЛЕНИЕ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА СРОК ДО 5 ЛЕТ»

24 апреля 1954 г.

№ 00350/76сс

1. Всех лиц, ранее осужденных за контрреволюционные преступления к лишению свободы сроком до 5 лет включительно и после отбытия наказания направленных в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. по нарядам МГБ, МВД СССР и постановлениям Особого Совещания при МГБ СССР в ссылку на поселение, освободить из ссылки на поселение, поскольку, в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», судимость с них снята.

Освободить из-под гласного надзора органов МВД тех же лиц, переданных под опеку родственникам или направленных в специальные дома инвалидов.

Освобождение производить по заключениям, утвержденным министрами внутренних дел республик, начальниками УМВД краев и областей, санкционированным прокурорами республик, краев и областей.

2. Прекратить производством дела о побегах из мест ссылки указанной категории лиц, а также прекратить розыск таких лиц.

3. Органам милиции выдавать освобожденным из ссылки на поселение паспорта по месту освобождения на основании справок МВД – УМВД об освобождении из ссылки на поселение и снятии судимости.

Иноподданным и лицам без гражданства выдать виды на жительство для иностранцев и лиц без гражданства.

4. Работу по освобождению из ссылки на поселение, согласно настоящему приказу, закончить к 1 июня 1954 года.

5. МВД – УМВД на каждого освобожденного высылать установленным порядком

в отдел «П» МВД СССР извещение, а по выполнении настоящего приказа – справку о проделанной работе.

Личные учетные дела на освобожденных сдать в архив.

Министр внутренних дел СССР, генерал-полковник С. Круглов
Генеральный прокурор СССР,
действительный государственный советник юстиции Р. Руденко

ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 97–98. Копия. Машинопись.

№ 9

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О «ЛЕНИНГРАДСКОМ ДЕЛЕ»

3 мая 1954 г.

№ 63. п. 53 – О деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

Расследованием, произведенным в настоящее время Прокуратурой СССР по поручению ЦК КПСС, установлено, что дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других в измене Родине, контрреволюционном вредительстве и участии в антисоветской группе было сфальсифицировано во вражеских авантюристических целях бывшим министром госбезопасности СССР, ныне арестованным Абакумовым и его сообщниками.

Используя факты нарушений государственной дисциплины и отдельные проступки со стороны Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, за которые они были сняты с занимаемых постов с наложением партийных взысканий, Абакумов и его сообщники искусственно представили эти действия, как действия организованной антисоветской изменнической группы, и избиениями и угрозами добились вымышленных показаний арестованных о созданном якобы ими заговоре.

По этим сфабрикованным Абакумовым ложным материалам Военной коллегией Верховного суда СССР в 1950 году были осуждены Кузнецов, Попков, Вознесенский Н., Родионов, Капустин и Лазутин к расстрелу, Турко – к 15 годам тюремного заключения, Закржевская и Михеев – к 10 годам тюремного заключения.

В связи с этим делом Особым совещанием при бывшем МГБ СССР и Военной коллегией Верховного суда СССР было осуждено свыше 200 человек, часть как соучастники, а большинство – близкие и дальние родственники осужденных.

ЦК КПСС постановляет[12]:

1. Поручить Генеральному прокурору СССР т. Руденко в связи с вновь открывшимися обстоятельствами опротестовать приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других на предмет его отмены и прекращения этого дела[13].

2. Принять к сведению сообщение Прокуратуры СССР, что дела в отношении членов семей, осужденных в связи с этим делом, пересмотрены и эти лица реабилитированы[13а].

3. Поручить Комитету госбезопасности при Совете Министров СССР (т. Серову) и Прокуратуре СССР (т. Руденко) вменить в вину Абакумову и его сообщникам совершенное ими преступление – фальсификацию дела и учиненную ими расправу в отношении Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

5. Поручить Управлению делами ЦК КПСС выдать партийным и советским ра-

ботникам, которые были осуждены по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, а в настоящее время реабилитированы, денежную помощь в размере 10 тысяч рублей и по 5 тысяч рублей на каждого члена семьи (мать, отец, жена, дети).

Обязать Ленинградский и Московский обкомы КПСС предоставить работу этим работникам и членам их семей.

Обязать Министерство финансов СССР возвратить указанным работникам и членам их семей конфискованное у них имущество или возместить стоимость этого имущества.

6. Обязать Ленинградский и Московский горисполкомы депутатов трудящихся лицам, осужденным в связи с делом Кузнецова и др. и ныне реабилитированным, предоставить надлежащую жилплощадь.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 108. Л. 113; Д. 81. Л. 31–32. Подлинник. Машинопись.

№ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О СОЗДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ И МЕСТНЫХ КОМИССИЙ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ ЗА «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛАГЕРЯХ, КОЛОНИЯХ, ТЮРЬМАХ И НАХОДЯЩИХСЯ В ССЫЛКЕ НА ПОСЕЛЕНИИ[14]

4 мая 1954 г.

№ 63. п. V – О пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении (тт. Хрущев, Каганович, Микоян, Ворошилов, Булганин, Руденко, Маленков).

1. Принять предложения Прокуратуры СССР, МВД СССР, Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства юстиции СССР о пересмотре уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении.

2. Для проведения работы по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, создать Центральную Комиссию в составе: т. Руденко – Генеральный Прокурор СССР (председатель), члены Комиссии: тт. Круглов – министр внутренних дел СССР, Серов – председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, Горшенин – министр юстиции СССР, Данилов – зам. министра юстиции СССР, Вавилов – начальник Управления по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР, Сучков – зам. начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР, Максимов – начальник отдела Главной Военной Прокуратуры Советской Армии, Турцев – прокурор отдела Главной Военной Прокуратуры Советской Армии, Леонов – начальник управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, Плетнев – начальник отдела Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, Максимов – пом. начальника Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР, Костромин – начальник Ревизионного управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР, Филиппов – начальник Управления транспортных судов Министерства юстиции СССР и Калинин – начальник Управления спецсудов Министерства юстиции СССР[15].

В республиках (не имеющих областного деления), краях и областях создать комиссии в составе: прокурора республики, края, области (председателя), членов комиссии: министра внутренних дел республики, начальника Управления МВД по краю, области, начальника управления Комитета государственной безопасности по республике, краю, области, министра юстиции республики, начальника Управления министерства юстиции края, области.

2. Пересмотр дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, производить по месту их осуждения.

Установить, что дела на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД – МГБ – МВД и Коллегией ОГПУ, пересматриваются Центральной Комиссией. Дела на лиц, осужденных тройками НКВД – УНКВД, пересматриваются республиканскими, краевыми и областными комиссиями.

При рассмотрении указанных дел Центральная Комиссия, республиканские, краевые и областные комиссии в случаях незаконного осуждения, неправильной квалификации состава преступления, необоснованного направления в ссылку на поселение выносят постановления соответственно: об отмене решения по делу и полной реабилитации осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», об отмене ссылки на поселение, а в отношении лиц, осуждение которых будет признано правильным, выносят постановления об отказе в пересмотре решения по делу.

Постановления Центральной Комиссии, республиканских, краевых и областных комиссий, вынесенные по рассмотренным делам, считать окончательными.

Дела на лиц, осужденных судебными органами, по которым комиссиями будет признано необходимым отменить или изменить приговор, рассматриваются в соответствующих судебных инстанциях по протестам, вносимым в установленном законом порядке.

4. Обязать Центральную Комиссию регулярно докладывать ЦК КПСС о своей работе по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.

5. Поручить комиссии в составе тт. Шаталина, Руденко и Дедова систематически наблюдать за ходом выполнения настоящего решения ЦК КПСС и по мере надобности докладывать ЦК о ходе работы по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 79. Л. 2, 12–14. Подлинник. Машинопись.

№ 11

ПРАВЛЕНАЯ СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ Р. А. РУДЕНКО НА СОБРАНИИ АКТИВА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ О ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС ПО «ЛЕНИНГРАДСКОМУ ДЕЛУ»[16]

6 мая 1954 г.

Товарищи! Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза поручил Прокуратуре СССР тщательно проверить и доложить Центральному Комитету о результатах проверки уголовного дела по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и ряда других ленинградских работников, арестованных в 1949 году бывшим министром государственной безопасности Абакумовым и осужденных в 1950 году.

Как известно, Абакумов был разоблачен Центральным Комитетом КПСС как преступник, фальсифицирующий уголовные дела, авантюрист, готовый на любые преступления ради своих карьеристических, вражеских целей, буржуазный перерожденец. В связи с этим Абакумов был снят с поста министра государственной безопасности, исключен из партии и арестован.

После разоблачения врага народа Берия было установлено, что Абакумов является соучастником преступлений Берия, обязанный ему своим продвижением и карьерой.

В свете вскрытых Центральным Комитетом партии и Советским правительством злодеяний Берия и его сообщников, в свете разоблачения преступной деятельности Абакумова потребовалось особенно тщательно проверить расследованные ранее Берия, Меркуловым и Абакумовым уголовные дела о разного рода заговорах.

Об одном из таких «заговоров» секретарь Центрального Комитета нашей партии тов. Хрущев Никита Сергеевич сообщил здесь на активе, зачитав решение Центрального Комитета партии по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других[17].

Как сказано в этом решении, произведенным расследованием Прокуратуры СССР по поручению Центрального Комитета было установлено, что дело Кузнецова, Попкова и других сфальсифицировано и обвинения всех этих лиц, преданных суду, в измене Родине, контрреволюционном вредительстве, участии в контрреволюционной группе были ложно возведены на них Абакумовым и его сообщниками. Также установлено, что обвиняемые по этому делу оговорили как сами себя, так и других.

В соответствии с решением Центрального Комитета партии Прокуратурой СССР в порядке, установленном законом, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, был внесен протест в Верховный Суд СССР на предмет прекращения этого дела и реабилитации осужденных.

30 апреля с.г. Верховный Суд Союза прекратил дело производством из-за отсутствия в действиях обвиняемых состава преступления.

Таким образом, Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин и Родионов реабилитированы посмертно. Турко, Закржевская и Михеев, осужденные на длительные сроки тюремного заключения, освобождены из тюрьмы и также реабилитированы.

Ленинградской партийной организации памятно, что дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других слушалось Военной Коллегией Верховного Суда СССР в сентябре 1950 года в открытом судебном процессе в Ленинграде.

Все подсудимые признали себя на суде виновными.

Возникает вопрос: как же могло случиться, что обвиняемые по этому делу ложно оговорили себя не только на следствии, но и на суде?

Для того, чтобы представить, каким путем проникшим в органы государственной безопасности преступникам удалось сфальсифицировать уголовное дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, необходимо вспомнить некоторые выводы, вытекающие из дела врага народа изменника Родине Берия и его сообщников.

Разоблачение Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством изменнической деятельности Берия и его сообщников вскрыло, что проникшие в органы Министерства внутренних дел СССР преступники в своих изменнических целях захвата власти, свержения советского строя и реставрации капитализма злодейски уничтожали преданные Советской власти и коммунистической партии кадры путем фальсификации следственных дел и ложных обвинений невиновных людей в контрреволюционных преступлениях.

Грубейшие, преднамеренные нарушения социалистической законности, надругательство над советскими законами, циничные утверждения, что нормы советского процесса якобы вообще не применимы к тем «особым делам», которые расследуются в органах МВД, служили для участников антисоветского заговора Берия одним из главных методов осуществления их злодеяний против Советского государства.

Истребляя честных советских и партийных работников, эти предатели наносили удар самому дорогому достоянию коммунистической партии и Советского государства – нашим кадрам.

Для достижения этих преступных целей участники заговора Берия не гнушались самыми подлыми, циничными и бесчеловечными приемами и средствами. Для фальсификации следственных дел применялись избиения и пытки арестованных. В течение ряда недель и даже месяцев арестованные подвергались строжайше запрещенным советскими законами методам физического и морального воздействия, угрозам и избиениям, изматывающим ночным допросам, помещениям в специальный карцер и т. д.

Все это делалось для того, чтобы деморализовать человека, подавить в нем волю к сопротивлению, заставить его ложно оговорить самого себя. Таким путем преступникам удавалось добиться от заключенных ложных показаний не только на предварительном следствии, но и на суде.

Фальсификация следственных дел, злостные и преднамеренные нарушения социалистической законности для избиения партийных и советских кадров применялись не только преступниками, преданными суду совместно с врагом народа Берия, но также другими их ставленниками и, в частности, бывшим министром государственной безопасности СССР Абакумовым.

Одним из уголовных дел, сфальсифицированным последним, и было дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и др.

Фальсификация этого дела так же, как и многих других дел, была произведена Абакумовым и его сообщниками при помощи таких же бесчестных и преступных приемов, какими пользовались Берия, Меркулов, Кобулов и другие заговорщики.

Следствием по делу Абакумова установлено, что начало его близости к Берия относится еще к 1938 году, когда после назначения на должность народного комиссара внутренних дел СССР Берия, не ограничившись переводом из Закавказья в центральный аппарат ряда ближайших сообщников, стал окружать себя авантюристами и карьеристами, готовыми выполнить любое его преступное распоряжение. Именно в это время Абакумов, прикомандированный к следственной части, которой ведал один из ближайших соучастников Берия – Кобулов, сумел выдвинуться как фальсификатор следственных дел.

Для ответственной работы в органах государственной безопасности у Абакумова не было ни достаточной оперативной подготовки, ни политических знаний, ни общего образования. Однако у Абакумова была собачья угодливость перед Берия и Кобуловым и готовность выполнить любое их преступное задание. Именно поэтому, узнав Абакумова как карьериста и авантюриста, Берия и Кобулов сделали его одним из своих приближенных.

Начиная с 1938 года, Берия и Кобулов всячески поддерживали и выдвигали Абакумова. Первоначально он был назначен Берия на должность начальника УНКВД по Ростовской области. Затем Берия сделал Абакумова заместителем наркома государственной безопасности и начальником армейских особых отделов. И, наконец, Берия выдвинул Абакумова на пост министра государственной безопасности.

Являясь сообщником Берия, Абакумов по заданиям этого изменника совершал самые подлые и гнусные преступления.

Как было доказано на предварительном следствии и на суде по делу Берия и его

сообщников, они на протяжении ряда лет вели подлую интриганскую борьбу против выдающегося деятеля коммунистической партии и Советского государства Серго Орджоникидзе. После кончины Серго Орджоникидзе заговорщики продолжали жестоко мстить членам его семьи. Сейчас установлено, что соучастником Берия в этих гнусных преступлениях являлся Абакумов.

Так, именно Абакумов, будучи заместителем наркома внутренних дел СССР, еще в 1942 году санкционировал незаконное содержание под стражей Константина Орджоникидзе.

Ни в чем не виновный Константин Орджоникидзе первоначально был осужден в 1944 году через Особое Совещание при НКВД СССР к 5 годам тюремного заключения. После того, как в мае 1946 года срок этого, ничем не обоснованного, наказания истек, Абакумов, занявший к тому времени пост министра государственной безопасности, продолжал незаконно содержать Константина Орджоникидзе в особой тюрьме под номером, тщательно скрывая от тюремного персонала фамилию и имя заключенного. Затем Абакумов и его соучастники сфабриковали фальшивое, клеветническое «заключение» по делу Константина Орджоникидзе и, используя в преступных целях Особое Совещание при МГБ СССР, продлили ему срок заключения в тюрьме еще на 5 лет.

Так, Абакумов помог врагу народа Берия осуществить свою гнусную расправу с братом Серго Орджоникидзе – Константином, который содержался в тюрьме в одиночном заключении более 12 лет.

Константин Орджоникидзе был полностью реабилитирован в 1953 году, после разоблачения Центральным Комитетом партии и Советским правительством врага народа Берия[18].

Из обвинительного заключения по делу Берия известно, что в своей изменнической деятельности он использовал гнуснейшие методы тайных похищений людей, злодейских убийств из-за угла, совершал тягчайшие преступления против человечности, производя опыты над живыми людьми, умерщвляя людей при помощи различных ядов и т. д. Для совершения этих преступлений Берия создал особую группу готовых на все головорезов – Судоплатова, Эйтингона, Майрановского и др.

Абакумов был участником этих преступлений. Поэтому, даже получив прямое указание от И. В. Сталина об аресте Судоплатова и Эйтингона, Абакумов уберег их от ареста.

Допрошенный по этому поводу Берия показал: «В 1950 году в середине или в начале года Абакумов, будучи у меня в Совете Министров, рассказал, что он имеет указание И. В. Сталина арестовать Судоплатова, Эйтингона... Я сказал Абакумову: „Я бы на твоем месте сохранил Судоплатова...“. Абакумов, рассказывая мне о Судоплатове и Эйтингоне, имел в виду мое отношение к ним».

Абакумов выполнил это преступное указание Берия. Эйтингон и Судоплатов не только не были арестованы, но сохранены Абакумовым на руководящей работе в органах МГБ и арестованы лишь после разоблачения Берия[19].

Абакумов был полностью осведомлен о глубоком моральном падении Берия, сожительстве его с многочисленными женщинами, связанными с иностранными разведчиками. Абакумов не только скрывал эти факты, но пресекал всякую возможность появления сигналов о моральном разложении Берия.

Бывший начальник охраны Берия арестованный Саркисов показал: «О моральном разложении Берия я докладывал Абакумову... В 1948 или 1949 году я пришел в его служебный кабинет и сказал ему, что я больше не хочу работать в охране Берия. Абакумов спросил, почему я не хочу там работать. Я сказал, что прошу перевести меня в

какое-либо другое место, т. к. Берия развратничает. Абакумов спросил: „А много у него женщин?“ Я ответил: „Сотни! В каждом переулке, на каждой улице“. Причем рассказал, что Берия специально разъезжал по улицам Москвы, особенно по улице Горького и Столешникову переулку, выискивал женщин с привлекательной внешностью и заставлял меня и других сотрудников охраны узнавать фамилии и адреса этих женщин, после чего заводит с ними знакомство, завозит в свой особняк и там сожительствует с ними»*.

Показаниями многочисленных свидетелей – оперативных работников установлено, что Абакумову неоднократно докладывалось о моральном разложении Берия. Абакумов всегда с крайним раздражением реагировал на эти доклады, запрещая «собирать клеветнические сведения» о Берия.

Вместе с тем доказано, что Абакумов использовал органы государственной безопасности для расправы над женщинами, отказавшимися сожительствовать с Берия, подвергая этих женщин заключению в лагери через Особое Совещание.

Уже находясь под стражей, Абакумов не переставал возлагать свои надежды на помощь Берия.

Такова краткая характеристика теснейших связей, которые существовали между главарем разбойничьей шайки заговорщиков, врагом народа Берия и его ставленником Абакумовым, на которого возлагается непосредственная ответственность за фальсификацию так называемого «ленинградского дела».

Приняв должность министра государственной безопасности СССР от одного из ближайших соучастников Берия – врага народа Меркулова, Абакумов в своей практической деятельности продолжал придерживаться тех же преступных приемов и методов, что и Берия, Меркулов, Кобулов.

Это касается, в частности, одного из самых острых участков работы МГБ СССР – следствия по делам, расследованным следственной частью по особо важным делам центрального аппарата министерства. В этой следственной части должно было сосредотачиваться расследование дел, возбужденных по поводу наиболее опасных государственных преступлений.

Фактически, как это сейчас установлено, Абакумов при содействии Берия обманывал директивные органы, ложно информируя о раскрытии несуществующих в действительности заговоров или о государственных преступлениях, якобы совершенных такими лицами, которые в действительности ни в чем виновны не были.

Так же, как и для самого Берия, этот бессовестный и подлый обман служил вражеским целям Абакумова для расправы с невиновными людьми. Так, в течение ряда лет Абакумов незаконно содержал в заключении во внутренней тюрьме МГБ СССР ряд генералов Советской Армии, не совершивших никаких преступлений, но ложно обвиненных Абакумовым в измене Родине и других тягчайших преступлениях.

Эти генералы были реабилитированы после разоблачения изменника Родине Берия и его клики[20].

Так называемое «ленинградское дело» было лишь одним из ряда дел, сфальсифицированных Абакумовым и его соучастниками.

Преступные методы следствия, примененные с целью фальсификации уголовного дела Абакумовым и его соучастниками, ничем не отличаются от преступных методов, применявшихся для этих же целей врагом народа Берия.

Так же, как и Берия, Абакумов добивался от ложно обвиненных в тягчайших государственных преступлениях людей сфальсифицированных, не соответствующих

* Так в тексте. – Сост.

действительности «признаний» и самооговоров. С этой целью, по преступным указаниям Абакумова, следователи создавали для арестованных невыносимые условия, добиваясь, как они сами заявляли, «сломить волю», «подавить способность к сопротивлению» со стороны допрашиваемого, а фактически – заставить невиновного человека подписать сфальсифицированный протокол допроса.

Среди подручных Абакумова были даже особые «специалисты» по составлению подобных «собственноручных» показаний и заявлений. Таковы были, например, Броверман, Шварцман, Комаров. Эти сообщники Абакумова, исходя из его преступных заданий, составляли проекты «собственноручных признательских показаний» и заявлений обвиняемых. Затем проекты корректировались Абакумовым и передавались следователям, заставлявшим арестованных переписывать от руки и подписывать вымышленные «признания».

Разумеется, получить от невиновных людей не только ложные оговоры других лиц, но и ложные признания в собственной контрреволюционной деятельности было возможно только при помощи преступных методов воздействия на арестованных.

Я уже говорил, что так называемое «ленинградское дело» было лишь одним в числе ряда дел, сфальсифицированных Абакумовым и его соучастниками.

Так, например, в апреле 1946 года, при непосредственном участии Абакумова, были сфальсифицированы следственные материалы по обвинению руководящих работников наркомата авиационной промышленности и военно-воздушных сил Советской Армии – Шахурина, Новикова, Шиманова и др.

И в этом деле были сфальсифицированы «признательные заявления» арестованных.

По этому поводу арестованный Броверман показал:

«По поручению Абакумова я вместе с начальником секретариата Черновым и секретарем Абакумова Комаровым сфальсифицировал заявление арестованного Шиманова. Комаров заставил Шиманова переписать печатный текст сфабрикованного нами заявления от руки и, таким образом, получился подлинник заявления Шиманова, в точности совпадающий с печатным текстом. Снималась не копия с оригинала заявления Шиманова, а наоборот, „подлинник“ заявления Шиманова был скопирован Шимановым с текста, составленного нами по указанию Абакумова... Заявления от имени Шахурина и Новикова были сфальсифицированы таким же путем. Занимался этим делом начальник следственного отдела СМЕРШ Леонов и его заместитель Лихачев под непосредственным руководством Абакумова».

Верховный Суд СССР полностью реабилитировал Шахурина, Новикова и других[21].

О том, при помощи каких методов вымогались показания от арестованных, свидетельствуют показания свидетеля Штейнберга:

«В ночь с 2 на 3 августа 1949 года я был арестован и доставлен в Лефортовскую тюрьму... Ночью того же дня я был вызван на допрос к Рассыпнинскому, а затем приведен в кабинет к Комарову. Комаров потребовал, чтобы я признался во вражеской деятельности. Я отказался признать это. Так как на следующих допросах я продолжал отрицать свою виновность, то на одном из допросов Комаров заявил мне, что меня будут бить и заставят подписать эти показания.

Была показана дубинка, Комаров довольно детально и со вкусом объяснил мне, как ею орудуют, какие последствия остаются у людей, ее испробовавших. Давал ее подержать... Я отказался все же дать такие показания и на одном из следующих допросов впервые был избит... Комаров заставил меня встать, ударил два раза по лицу, при этом выбил два зуба, а затем вместе с Рассыпнинским потащил меня к креслу и избил резиновой дубинкой... Затем на следующем допросе, когда я продолжал упорствовать, Комаров заявил, что перейдет на пятки. Меня уложили на пол, сняли полуботинки и били той же дубинкой по подошвам и пяткам. Всего таких допросов было семь. Все это сопровождалось ежедневными вызовами на допрос днем и ночью, ночью с 12 часов до 4-х, а чаще до 5-ти утра, при этом спать не разрешалось. После седьмого допроса я не выдержал и сказал, что согласен дать показания».

Следует отметить, что в от Штейнберга вымогались клеветнические показания в отношении члена семьи одного из руководителей правительства[22].

Еще один пример гнусной фальсификации дела Абакумовым и Комаровым.

В 1948 году Абакумовым был арестован по ложным материалам бывший министр морского флота Афанасьев. За несколько дней до ареста Афанасьев по указанию Абакумова был схвачен на улице сотрудниками МГБ и доставлен на конспиративную квартиру, где один из сотрудников, отрекомендовавшись «американским разведчиком», заявил Афанасьеву о его якобы принадлежности к английской разведке и предложил сотрудничать с американцами. Вырвавшись из рук так называемых «американских разведчиков», Афанасьев немедленно явился к Берия и доложил ему о случившемся. Берия при Афанасьеве позвонил Абакумову (Берия был полностью осведомлен о провокации) и приказал явиться к нему.

Для вида Берия стал ругать Абакумова, заявляя: «Что ты за министр, что у тебя делается. Американские разведчики до того обнаглели, что на улицах хватают людей, вот схватили Афанасьева и заставляют вести шпионскую работу». После этого Берия «приказал» Абакумову «разыскать американских разведчиков», похитивших Афанасьева. Через некоторое время Абакумов «разыскал» того сотрудника МГБ, который выдал себя за американского разведчика. Была проведена очная ставка между Афанасьевым и этим провокатором, который, назвавшись американским агентом и «раскаявшись», показал, что по указанию «американцев» он втянул Афанасьева в шпионаж. После этого Афанасьев был арестован. К нему применили незаконные методы следствия, в результате чего Афанасьев был вынужден дать ложные показания против самого себя. Афанасьев был осужден по постановлению Особого Совещания при МГБ СССР к 20 годам лишения свободы.

В настоящее время дело по обвинению Афанасьева прекращено Верховным Судом за отсутствием состава преступления[23].

Я привел сейчас эти примеры, иллюстрирующие подлые и преступные методы фальсификации следствия, применявшиеся Абакумовым и его подручными, для того, чтобы ответить на вопрос – как могли и почему оговорили себя Кузнецов, Попков и другие осужденные по так называемому «ленинградскому делу».

Теперь я доложу партийному активу, как возникло это дело, как оно фабриковалось.

Известно, что постановлением Центрального Комитета ВКП(б) в феврале 1949 года за нарушение государственной дисциплины и отдельные проступки Кузнецов, Попков, Родионов были сняты с занимаемых постов с наложением на них партийных взысканий[24].

Никакого поручения МГБ о производстве следствия по этим фактам ЦК не давал.

Враг Абакумов решил использовать эти факты отдельных нарушений и проступков со стороны Кузнецова, Попкова, Родионова и других для того, чтобы при помощи преступных методов следствия искусственно представить эти факты как изменнические действия и контрреволюционное вредительство, а себя изобразить разоблачителем антисоветского заговора.

Однако, так как по поводу этих фактов уже имелось исчерпывающее постановле-

ние ЦК, а поручения производить следствие МГБ дано не было, Абакумов решил некоторое время выждать и до июля 1949 года не проявлял никакой активности.

Для того, чтобы осуществить свой авантюристический вражеский замысел о фальсификации дела по поводу несуществующего «заговора», Абакумов решил представить бывшего секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Капустина английским шпионом.

21 июля 1949 г. Абакумов направил заведомо ложную информацию товарищу Сталину, в которой сообщал, что Капустин является агентом английской разведки.

По приказанию Абакумова Капустин был арестован и без санкции прокурора заключен 23 июля 1949 г. в тюрьму. Санкция на арест Капустина была получена у прокурора только 1 августа, т. е. через 8 дней после фактически произведенного ареста и после получения от Капустина так называемого «признания».

Бывший следователь Сорокин показал, что Абакумов требовал обязательно добиться любыми средствами показаний Капустина о том, что он английский шпион. Капустин на допросах отрицал свою принадлежность к английской разведке, что вызвало злобу и недовольство у Абакумова. После этого Абакумов приказал начать избивать Капустина.

Сорокин показал: «Мне было тогда же передано указание Абакумова о том, чтобы я не возвращался в министерство без показаний Капустина о шпионаже. После избиения Капустина он начал давать показания, что, находясь в командировке в Англии, он был завербован английской разведкой. Однако эти его показания были путаны и настолько нежизненны, что я не мог им поверить и не записал это в протоколе допроса».

Действительно, из материалов уголовного дела по обвинению Кузнецова, Капустина и других видно, что обвинение в шпионаже Капустину предъявлено не было, хотя [он] в этом преступлении и «сознался».

С 23 июля по 4 августа Капустин непрерывно допрашивался и 4 августа подписал сфальсифицированный протокол допроса о вражеской деятельности в Ленинграде, назвав ряд участников – Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

Следствием по делу руководил лично Абакумов. Его ближайшим помощником являлся Комаров. Как показал Комаров, Капустин по указанию Абакумова подвергался избиениям. После получения от Капустина ложных показаний, были арестованы в августе 1949 г. остальные обвиняемые[25].

О методах следствия, о том, как получались «признания», дают представление показания Турко, Закржевской, Михеева.

Я зачту вам сейчас извлечение из показаний бывш. секретаря Ярославского обкома партии, а ранее второго секретаря Ленинградского обкома партии Турко, допрошенного мною.

Турко показал:

«... Действительно, на предварительном следствии я подписал протоколы, в которых признавал себя виновным в совершении ряда контрреволюционных преступлений и подтвердил свою виновность на суде, несмотря на то, что я никаких преступлений не совершал и виновным себя ни в чем не считал и не считаю. Показания же о якобы совершенных мною преступлениях я вынужден был дать в результате созданного мне тюремного режима, угроз со стороны следствия, помещения в карцер и систематических избиений.

Сразу же после ареста меня вызвал следователь Путинцев и, не предъявляя каких-либо обвинений, начал в грубой форме требовать от меня признаний в совершенных мною преступлениях. Я заявил следователю, что не знаю, за что я арестован, т. к. никаких преступлений я не совершал. На это мне Путинцев ответил: „Подумайте. А что-

бы легче было думать, я вас отправлю в военную тюрьму“. В тот же день я был отправлен в Лефортовскую тюрьму, где и проходило следствие.

Меня систематически в ночное время вызывал следователь Путинцев и требовал, чтобы я сознался во вражеской деятельности и угрожал, что если я не сознаюсь, меня будут бить. Путинцев говорил мне, что они не таких, как я, уламывали. Но так как я отрицал свою вину, Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла из уха кровь. После таких избиений следователь направлял меня в карцер. Он угрожал уничтожить мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь.

Когда я заявлял следователю, что не знаю в чем я виноват, он говорил мне, что в своих показаниях я должен исходить из того, что существует вражеская антипартийная группа во главе с Кузнецовым и Попковым и что я являюсь участником этой группы. При этом Путинцев заявлял, что я арестован по указанию правительства и меня все равно осудят. Он заявлял мне, что следствие – это голос Центрального Комитета партии и, ведя борьбу со следствием, я веду борьбу с ЦК.

Несмотря на это, я продолжал отрицать свою вину. Однажды Путинцев повел меня в кабинет к полковнику Комарову, который начал на меня кричать и требовать, чтобы я сознался в совершенных преступлениях, заявляя, что все арестованные вместе со мной уже признались и остался лишь я один. На мой ответ Комарову, что я ни в чем не виноват, он схватил меня и ударил головой о стенку, после чего вызвал дежурного и отправил меня в камеру. Во время этих допросов никаких протоколов не велось.

Спустя некоторое время Путинцев вызвал меня и предложил подписать заранее составленный им протокол моего допроса. На мое замечание, что в этом протоколе все неправда и возводится клевета на А. А. Жданова, Путинцев заявил, что они ведут следствие невзирая на лица. Я отказался подписать этот протокол, тогда Путинцев меня избил и бросил в карцер.

В результате такого бесчеловечного обращения со мной, систематических избиений, применения карцера, лишения сна я потерял способность к сопротивлению и подписал все, что мне предлагал следователь...

Во время моих допросов в кабинет неоднократно заходил подполковник Рюмин, который также требовал, чтобы я давал показания, говорил, что меня нужно убить за то, что я отрицаю свою вину, а на мое заявление, что меня бьют, Рюмин ответил: „Мы бьем и этого ни от кого не скрываем“».

Проверкой показаний Турко было установлено, что с 26 августа по 29 октября 1949 года он вызывался на допросы 41 раз. Большинство вызовов происходило в ночное время, причем допросы длились до утра. Такой метод также служил целям физического и морального изматывания арестованного, т. к. согласно правил тюремного режима заключенные не имеют права спать в дневное время. Первый протокол допроса Турко с «признанием», причем не записанный от руки, а отпечатанный на пишущей машинке, датирован 30 октября. В этом протоколе Турко признал себя виновным в антисоветской вражеской деятельности и дал показания против других лиц.

Нужно указать, что 27 октября Турко был заключен на 5 суток в карцер. Он был освобожден из карцера досрочно 29 октября, после того как согласился подписать требовавшиеся от него фальсифицированные показания.

Бывший следователь Путинцев на вопрос о причинах заключения Турко в карцер показал:

«Признаю, что заключение в карцер Турко по указанию Комарова и Абакумова было с целью получения признательных показаний... Я признаю, что по делу Турко было допущено нарушение законности, применялись угрозы, я заявлял Турко, что „вас

могут избить“. Все это делалось на основании прямых указаний Абакумова и Комарова.

Если Комаров заходил на допросы Турко, то он, безусловно, его избивал, ибо это было у него обычным правилом... Должен откровенно признать, что я лично сомневался в обвинениях, предъявленных Турко и Закржевской. Но мы требовали такие показания в результате давления Абакумова».

Аналогичными приемами вымогались ложные показания и от привлеченной к ответственности по этому делу бывшей заведующей отделом партийно-комсомольских и профсоюзных органов Ленинградского обкома КПСС Закржевской.

Закржевская была арестована и заключена в тюрьму, будучи беременной.

В результате условий, в которых она находилась в тюрьме, у Закржевской произошел выкидыш. Несмотря на крайне тяжелое физическое и психическое состояние, Закржевская подвергалась систематическим вызовам на ночные допросы, во время которых от нее требовали признаться в якобы совершенных ею контрреволюционных преступлениях, а также изобличить в этом других лиц. На очной ставке с Закржевской Комаров показал, что, когда он впервые увидел Закржевскую на допросе, то обратил внимание на ее беременность и, приехав в министерство, доложил, что допросы беременной женщины производят ночью. Как показал Комаров:

«Абакумов грубо обрезал меня, заявив: „Нашелся мне тоже защитник. Врач не запрещает, а ты определяешь возможности ее допроса. Не вмешивайся в это и занимайся своими делами“.

Закржевскую вызывали на допросы не только следователи, но и Абакумов, который требовал от нее ложных признаний о преступных связях с Кузнецовым. Через некоторое время Закржевской стали давать на подпись сфальсифицированные протоколы допросов. Доведенная до состояния морального и физического изнеможения, Закржевская подписала эти сфальсифицированные, лживые признания».

Михеев также подтвердил, что дал свои показания под воздействием незаконных методов следствия.

Перед судебным процессом Комаров по заданию Абакумова производил специальную усиленную подготовку подсудимых и вовлек в это преступное дело следователей.

Так, Турко по этому поводу показал:

«Перед началом суда следователь Носов предупредил меня, чтобы я в суде показал все так, как записано в протоколах допроса. Он говорил, что вина моя небольшая и моя задача состоит в том, чтобы разоблачить подлость Кузнецова. Затем меня вызвал полковник Комаров и потребовал, чтобы я на суде повторил лишь то, что записано в протоколах допроса и с угрозой предупредил меня: „Суд идет и пройдет, а вы останетесь у нас“. Я это понял так, что, если я в суде откажусь от показаний и расскажу о том, как со мной поступали на следствии, то меня снова будут бить... Накануне суда следователь Носов дал мне копию протокола моего допроса от 30 октября 1949 года и сказал, чтобы я хорошенько его прочел, запомнил и повторил на суде. Копию этого протокола я несколько раз прочел, зазубрил и повторил в суде. В перерывах судебного заседания ко мне приходили Комаров, Путинцев и Носов и говорили, что суду все ясно, что я должен на суде во всем признавать себя виновным и просить у суда пощады. Так я и сделал».

Подобные же показания о подготовке к судебному процессу дали Закржевская и Михеев.

Бывш. следователь МГБ Носов показал:

«Подготовка обвиняемых к судебному процессу имела место, ведущая роль в этом принадлежала Комарову».

Теперь ясно, почему Кузнецов, Попков, Вознесенский и другие признавали себя

на суде виновными, и вряд ли кто-нибудь может поверить этим вынужденным «признаниям».

Фальсификация дела по обвинению ряда ленинградских работников была установлена после разоблачения Центральным Комитетом партии и Советским правительством врага народа Берия.

Именно разоблачение Берия и его преступных связей с Абакумовым нацелило на детальную и тщательную проверку так называемого «ленинградского дела».

В связи с делом Кузнецова, Попкова и других враг Абакумов и его сообщники подвергли репрессии свыше двухсот человек, часть как соучастников, а большинство как близких и дальних родственников осужденных, использовав для этой гнусной расправы Особое Совещание при МГБ СССР. В настоящее время подавляющее большинство этих так называемых «уголовных дел» пересмотрено и невинно осужденные освобождены и реабилитированы[26]. В соответствии с решением ЦК пересматриваются остальные дела.

Фальсифицируя так называемое «ленинградское дело», совершая эту гнусную политическую провокацию, враг народа Абакумов, несомненно, стремился, представив себя разоблачителем несуществующего заговора, пробраться при помощи изменника Родины Берия к руководству в стране.

Не случайно ближайшее окружение Абакумова распространяло слухи, что Абакумов скоро войдет в Политбюро.

Фальсифицируя уголовные дела о несуществующих в действительности заговорах, учиняя расправу с невиновными людьми, Берия, Абакумов и другие предатели стремились посеять страх среди советских людей, подозрительность и недоверие друг к другу для того, чтобы в этой обстановке пробиться к власти для осуществления своих изменнических планов по свержению советского строя.

Являясь агентом реакционных империалистических кругов, иуда Берия и его сообщники умышленно извратили известное положение, данное товарищем Сталиным на XVIII съезде партии, о том что во второй фазе развития Советского государства острие разведки обращено не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов.

Покровительствуя иностранным шпионам, агентам американской и английской разведок, освобождая их от ответственности, Берия, Меркулов, Абакумов и другие предатели отвлекали внимание чекистского аппарата от борьбы с врагами, пытаясь поставить под подозрение честных советских людей.

Именно с этой преступной целью враг народа Меркулов, выступая на совещании руководящего оперативного состава МГБ СССР, давал преступную установку о создании массовой сети агентуры, «пронизывающей все население СССР».

Это выступление Меркулова имело место в 1943 году, когда советский народ мужественно, не жалея жизни и сил, защищал честь, свободу и независимость свой отчизны.

В это время предатели Берия, Меркулов, Абакумов и другие пытались взять под подозрение советских людей. Однако, выступая на этом совещании, Меркулов ни слова не сказал о главной задаче нашей разведки в период Отечественной войны – борьбе с гитлеровской и иной вражеской агентурой.

Центральный Комитет КПСС и Советское правительство пресекли вражескую деятельность Берия, Абакумова и других изменников Родине.

Враги народа, враги Советского государства, пробираясь в те или иные звенья советского аппарата, всеми мерами пытались подорвать, нарушить социалистическую законность, чтобы создать обстановку, способствующую их подрывной деятельности.

Совершенно законен вопрос – где же был прокурорский надзор за следствием в органах государственной безопасности?

Выступая здесь перед партийным активом, я должен прямо сказать, что, по существу, этого надзора не было. Преступники Берия, Меркулов, Абакумов и другие игнорировали прокурорский надзор, а руководители Прокуратуры СССР не нашли в себе мужества со всей остротой и партийной принципиальностью поставить перед Центральным Комитетом партии и Правительством вопрос о состоянии прокурорского надзора и извращениях в следствии в МГБ – МВД СССР.

Сошлюсь на такой факт.

За все время существования Прокуратуры СССР до последнего времени ни разу не проверялись прокурорским надзором Внутренняя и Лефортовская тюрьмы МГБ – МВД СССР, хотя именно в этих тюрьмах совершались преступления. Внутренняя и Лефортовская тюрьмы не проверялись по единственной причине: Берия, Меркулов, Абакумов запретили пускать туда прокуроров.

Когда недавно представитель прокурорского надзора проверял Лефортовскую и Внутреннюю тюрьмы Комитета госбезопасности при Совете Министров, он зашел в камеру, где содержится арестованный Абакумов.

На вопрос прокурора – не имеет ли Абакумов каких-либо жалоб на тюремный режим и условия содержания его под стражей, Абакумов заявил, что никогда не поверит тому, что прокурор смог посетить Внутреннюю тюрьму для производства проверки. Тогда представитель прокуратуры предложил Абакумову ознакомиться с его прокурорским удостоверением. На это Абакумов заявил: «Любое удостоверение можно сделать».

За крупные недостатки в прокурорском надзоре Центральным Комитетом партии снят с поста Генерального Прокурора СССР т. Сафонов, а дело о нем передано в Комитет Партийного Контроля[27].

Решением Центрального Комитета партии упразднено Особое Совещание при МВД СССР и строго установлено, что уголовное наказание может быть назначено только по приговору суда и только за совершенное преступление[28].

Тов. Хрущев: Главное для них было – решать без следствия.

Тов. Руденко: Совершенно верно.

Тов. Хрущев: После смерти Сталина Берия хотел сохранить это.

Тов. Руденко: Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли ряд мер, направленных к установлению неослабного и систематического контроля партийных организаций за деятельностью всех звеньев советского аппарата, в том числе органов государственной безопасности, за строгим соблюдением советской социалистической законности. Тем самым создана обстановка, при которой обречены на провал попытки любых авантюристических, карьеристских, враждебных нашему государству элементов использовать те или иные звенья советского государственного аппарата в своих преступных подрывных целях, против интересов народа.

Особая роль в области осуществления неустанного государственного надзора за строгим соблюдением социалистической законности возлагается на советскую прокуратуру. Созданная в 1922 г. по инициативе великого основателя Советского государства В. И. Ленина, прокуратура является органом, осуществляющим высший надзор за точным исполнением законов всеми советскими учреждениями, должностными лицами, а также гражданами СССР.

Работники прокуратуры делают все необходимые выводы из указаний Центрального Комитета партии о крутом подъеме прокурорского надзора за строгим и точным соблюдением законов в стране.

В обращении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, к рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, к советской интеллигенции, к воинам Советской Армии и Военно-Морского флота говорится:

«Партия ведет и будет вести непримиримую борьбу со всеми проявлениями бюрократизма и волокиты в отдельных звеньях советского аппарата, с фактами невнимательного, пренебрежительного отношения к нуждам и запросам трудящихся, будет неустанно укреплять социалистическую законность, ограждающую священные и незыблимые права граждан нашей Родины, записанные в Конституции СССР»[29].

Волей советского народа, волей партии стерты с лица земли изменник Родине Берия и другие злодеи. И подлых соучастников Берия, всех этих абакумовых, рюминых, комаровых постигнет суровая кара во имя торжества справедливости, во имя торжества социалистической законности[30]. (Продолжительные аплодисменты).

ЦГАИПД Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 6–24. Подлинник. Машинопись.

№ 12

ИЗ НЕПРАВЛЕНОЙ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. С. ХРУЩЕВА НА СОБРАНИИ АКТИВА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ О ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС ПО «ЛЕНИНГРАДСКОМУ ДЕЛУ»[31]

7 мая 1954 г.

Теперь, товарищи, хочу ответить на некоторые вопросы. Спрашивают насчет «дела» врачей, а также о судьбе врача Тимашук, по письму которой началось это дело. Заявление Тимашук использовали провокаторы. Она не виновата, написала заявление из честных побуждений. Нельзя же за это человека наказывать. Она хороший врач, и она хотела хорошего. Дело врачей – это позорное дело, да и некоторые другие дела не лучше. Взять, к примеру, Виноградова. Это крупнейший профессор, он всех нас лечил до ареста и теперь, после такой неприятности, я с ним встречаюсь, он оказывает мне помощь в лечении, хотя я и редкий пациент, огорчаю врачей. (Бурные аплодисменты.)

Во время съезда партии[32], когда я уже читал на него показания, он пришел меня лечить. Я ему верил. Но что я мог сделать как член Президиума ЦК? Нам рассылают показания, в которых говорится, что предъявляются такие-то обвинения. Человека арестовали. Потом он сам признался. А в чем? Есть анекдот, что он признался в том, что написал «Евгения Онегина» (смех). Это было точно таким признанием.

Думаю, что такие позорные «дела» больше не повторятся.

Спрашивается, как могли возникнуть такие «дела», почему врагам удалось состряпать липовые дела и расправляться с честными людьми?

Одной из причин является то, что враги партии и народа Берия и Абакумов втерлись в доверие к товарищу Сталину и, глубоко маскируясь, пытались использовать органы МВД – МГБ против партии и правительства. Это врагам часто удавалось потому, что в Президиуме ЦК, особенно в последнее время, не было должной коллегиальности. Надо сказать, что основой возникновения этих позорных дел является возведение культа личности. Не все еще осознали, какое это зло для партии. Я говорю свое мнение и знаю мнение товарищей по Президиуму ЦК.

Мы считаем, что во вред товарищу Сталину неимоверно был раздут культ личности товарища Сталина. Товарищ Сталин действительно является большим человеком, гениальным марксистом. Но даже таким людям нельзя давать таких прав, какими он пользовался. В результате этого мы имели «дело» врачей и «ленинградское дело». Товарищ Сталин вызывает Абакумова, дает ему указания, тот что-то докладывает. Никто из членов Президиума, кроме Берия, не имел права вызывать Абакумова или взять под

сомнение то, что пишет Абакумов, взять под сомнение протоколы допросов, которые он представляет. Мы же не допрашивали преступников.

Здесь некоторые обвиняют т. Козлова и других[33]. Если т. Козлов отвечает, то я в большей степени отвечаю за «ленинградское дело», чем Козлов. Вы обвиняете Андрианова. У него были ошибки, но нельзя все свести к Андрианову. Нужно понять, что если бы он не стал выполнять указаний после решения о ленинградских руководителях, то его бы сняли, наказали и, может быть, исключили бы из партии. Ведь было записано, что они враги народа. Значит, надо было новому руководству делать из этого выводы и относиться к ним, как врагам, и делать соответствующие выводы к тем, кто с ними работал.

Ведь нельзя же делать так, как ректор университета т. Александров. Что он здесь заявлял? Вот, говорит, Презент мне не нравится, приказали назначить на работу, но я не назначил и не буду назначать. Дорогой товарищ, за такое отношение вас можно исключить из партии, не за Презента, конечно, а за то, что не выполняете решения, не подчиняетесь государственной дисциплине. Товарищи, если у нас не будет дисциплины, не будет партии (а п л о д и с м е н т ы), не будет государства. (А п л о д и с м е н т ы.) Мы не можем так относиться, как т. Александров, который проявил полное непонимание партийной и государственной дисциплины. Вы выступили как анархист: «выбираю, что мне нравится, провожу, что нравится, а что не нравится – не провожу». За такие дела во время гражданской войны, во время Отечественной войны расстреливали. Вы это должны понять.

Некоторые товарищи начинают шарахаться в другую крайность, не понимают, в чем заключается коллегиальность и по каждому, даже пустячному вопросу требуют решения. Были заявления такого рода: «Вот он такой, сякой, позвонил мне по телефону и требует выполнить, а ведь решения нет, как же я буду выполнять».

Если, товарищи, мы дойдем до такой глупости, то бюро обкома, горкома, райкома партии будут ходить с протоколами и упрашивать: смотрите – мы записываем коллегиально, видите – вот вам бумажка, решайте. Надо исправлять ошибки, но не терять при этом головы, проводить продуманно.

Нужно учитывать обстановку, которая была в то время. Нужно учитывать, что было решение ЦК, был приговор, был суд здесь, в Ленинграде. Если бы я работал здесь, то думаю, что я меньше глупостей сделал бы, но я бы тоже поверил. (А п л о д и с м е н т ы.) Конечно, надо иметь разум. Если бы т. Андрианов не был карьеристом, а более вдумчивым, более партийным, он мог бы не допустить этого дела.

В последние годы товарищ Сталин в результате болезни часто менял свое мнение, у него часто менялись настроения. В поведении товарища Сталина в последнее время, вследствие высокого кровяного давления, появлялось немало странностей, чрезмерная подозрительность и раздражительность. Этим пользовались авантюристы типа Берия и Абакумова. Андрианов тоже писал гнусные записки, подливал горючее. Он также сыграл плохую роль в этом деле. Если бы он попытался трезво оценить обстановку и правильно доложить, то это «дело», может быть, и не возникло бы.

В связи с этим уместно вспомнить такой случай. В конце 1949 года товарищ Сталин предложил мне переехать на работу в Москву. Он тогда мне сказал: «Товарищ Хрущев, плохие у нас дела в Москве и Ленинграде. Очень озабочена партия. В Ленинграде провал, там оказались враги народа».

Товарищ Сталин верил в то, что в Ленинграде орудовали враги.

«В Московской организации Попов провалился, – говорил товарищ Сталин. – Смотрите, что он творил. Видимо, придется Вам перейти в Москву. Надо, чтобы Ленинградская и Московская организации были верной опорой партии. Вам придется перейти в Москву».

Я говорю: «С большим удовольствием. 13 лет проработал на Украине, надо и честь знать». (С м е х. А п л о д и с м е н т ы.)

Через некоторое время, после переезда в Москву, товарищ Сталин присылает мне анонимное заявление, написанное в адрес лично Сталина. В этом заявлении написано, что Попов является заговорщиком, что с ним в заговоре заодно некоторые секретари райкомов, называют фамилии, указывалось, что Попов готовит в Москве переворот с целью захвата власти.

Стоило мне, прочитав это заявление, сказать товарищу Сталину, что заявление серьезное, надо проверить, сразу было б поручение Абакумову провести следствие и было бы новое дело. Но я, признаюсь, грешен, затянул ответ. Я считал, пусть переварится, уляжется у него, у товарища Сталина, впечатление от этого письма. Через некоторое время он спрашивает меня: «Я передавал письмо относительно Попова, как ваше мнение?» Я говорю: «Это больной какой-то написал. Разве можно поверить, что Попов готовит заговор, это чепуха!»

– А как секретари райкомов? – спрашивает т. Сталин.

– Секретари райкомов есть хорошие, есть плохие.

– Значит, ничего нет?

– Нет, – отвечаю, – я не верю. Попов дурак, но что он не заговорщик, в этом никакого сомнения нет.

Больше к этому вопросу тов. Сталин не возвращался[34].

Думаю, что у товарища Сталина был разговор с т. Андриановым о бывших ленинградских руководителях. И если бы так поступил Андрианов, никакого бы дела не было. Это точно.

Здесь могут сказать: значит, Андрианов является главным виновником. Думаю, что такого вывода нельзя делать. Андрианов, конечно, карьерист. Он видел, что у Сталина кипит, что у него возникают подозрения в результате доклада Абакумова. Андрианов вместо того, чтобы трезво оценить и взвесить ответственность за свои слова, начал подбрасывать горючего, начал подогревать. Он посылал немало гнусных записок, в этом он гнусный человек, оказался плохим коммунистом, хотя он и член Центрального Комитета партии. В этом его большая вина.

Вы скажете, следует за это исключить Андрианова из партии и наказать его. Я думаю, что этого не следует делать. Если за ленинградские дела наказать Андрианова, то ей богу, вы скажете – вот нашли с кого спросить. Уж вы себя лучше накажите. Вы больше имели возможности подать свой голос.

Надо небольшой холодный душ принять, спокойно оценить обстановку с тем, чтобы, исправляя ошибки и глупости, не допустить новых ошибок, новых перегибов. Центральный Комитет партии принял свое решение. Но, товарищи, пусть каждый из нас соображает, анализирует, как его лучше выполнить, как лучше исправить ошибки. Нам нужно, чтобы каждый коммунист сделал правильные выводы из этого правильного решения, которое принято Центральным Комитетом в интересах партии, которое еще больше укрепляет Ленинградскую партийную организацию и партию в целом. (А п л о д и с м е н т ы.)

<...>*

Пересматривая дела об исключенных из партии, надо эту работу проводить вдумчиво, чтобы принять правильное решение и восстановить тех, кто этого достоин.

Приведу такой пример. В связи с ленинградским делом снят с работы и осужден

* Здесь и далее не публикуются те места выступления, которые не имеют отношения к теме репрессий, реабилитации и борьбы за власть. – Сост.

Куприянов – бывший секретарь ЦК Карело-Финской республики. Узнав, что его арестовали по ленинградскому делу, я сказал т. Руденко: «Прошу пересмотреть дело Куприянова». Он через несколько дней говорит: «Надо подумать».

«Что же тут думать, – спрашиваю, – мне хорошо известно, что он арестован по ленинградскому делу».

«Верно, – говорит т. Руденко, – по ленинградскому делу, но он в лагере снюхался с преступниками, с белогвардейцами, он разговаривает там языком бандитов, белогвардейцев».

Тов. Руденко правильно ставит вопрос. Если он быстро пошел на сговор с белогвардейцами, нашел общий язык с классовым врагом, то у него нутро гнилое. Его давно надо бы из ленинградского «дела» исключить, гнилой человек оказался. А разве других Куприяновых нет? Есть. И у вас они есть. Поэтому, товарищи, будьте осторожны.

Большая ответственность лежит на всех нас. Наша партия добилась больших побед, руководствуясь учением марксизма-ленинизма. Но нельзя успокаиваться, надо повышать ответственность всех коммунистов в борьбе за новые успехи в коммунистическом строительстве.

Меня спрашивают, когда мы перестанем рассматривать анонимные письма[35]. Мы их мало рассматриваем. Но другой раз на сотню анонимных писем бывает заявление, которое помогает разоблачать преступления. Бывает так, что у человека не хватает духа подписаться. Он воюет с безобразиями, напишет анонимное письмо, а вы формально, только на том основании, что оно не подписано, отбросите, а завтра выяснится, что это был серьезный сигнал для партии и государства. Надо с умом подходить. Нельзя допускать, чтобы по клеветническим, непроверенным письмам обвиняли честных работников. Я думаю, что коммунисты, которые не формально подходят, разберутся, где наносное, а где зерно правды.

Спрашивают: почему до настоящего времени органы МВД еще не на все участки, не ко всем делам допускают прокурора? Это неверно. Сейчас прокурор имеет право и должен контролировать все дела. Центральный Комитет партии придает большое значение укреплению советской законности и поднимает роль прокуратуры.

<...>

Товарищ спрашивает: как расценивать поступки коммунистов Попкова, Вознесенского и других, которые подписали вымышленные сфальсифицированные документы. Не является ли это малодушием?

Об этом, товарищи, сейчас нам трудно судить. Вы слышали то, что говорил прокурор. Условия были адские и, может быть, человек был доведен до такого состояния, что думал, пусть лучше расстреляют, поэтому и наговорил на себя. Конечно, с точки зрения партийной морали они поступили неправильно.

Есть и стойкие коммунисты. Возьмите, например, Кедрова. Вы читали обвинительное заключение[36]. Старый большевик, член партии с 1903 года. Как его ни били, расстреляли его, но он ложных показаний на себя не дал. Но такой характер, как Кедров, не каждый имеет.

Спрашивают: когда будет объявлено решение о Сталинских премиях? На это дам самый мудрый ответ: когда все будет готово, тогда и будет объявлено.

Есть записка, в которой товарищ предлагает разобраться в делах 1937–38 гг., когда происходило избиение кадров. Недавно ЦК создал комиссию для рассмотрения этих дел[37]. Мы знаем, что в те годы пострадали некоторые работники не заслуженно и есть люди, которые достойны, чтобы их дела пересмотрели. Комиссия рассмотрит. Но это большая и сложная работа. Некоторых лиц уже освободили. Месяц тому назад освободили Снегова, члена партии с 1917 г., который работал заворгом Мариупольского окружкома. Он просидел 16 лет. Он прислал в ЦК письмо, просил у меня приема и я беседовал с ним. Он мне рассказывал, что его судили пять раз. Он вынужден был дать на себя показания во вредительстве. Он признался, что написал вредительскую книжку. Я, говорит, это сделал для того, чтобы скорее мое дело попало в суд. Когда предъявили в суде обвинение на основании его признаний, он обратился к судьям и сказал: возьмите эту книжку и прочтите, я за каждую букву и запятую ручаюсь. После этого решили передать дело на доследование и так передавали на доследование пять раз. Осудили его напрасно. Видимо, не один Снегов такой, есть и другие.

Есть такая записка: «Серов долгое время работал вместе с Берия, Кобуловым и другими, неужто он не знал, как коммунист, о всех этих методах, а если не знал, то как же это он не знал». Если товарищ написал, значит, над этим вопросом задумываются.

Центральный Комитет партии верит т. Серову и поэтому его назначили на такой ответственный пост. Что Серов знал и чего он не знал, я отвечать за Серова не буду. Но у нас нет никаких данных к тому, чтобы не доверять т. Серову. Нельзя придерживаться такого принципа, что если человек работал в органах МВД во времена Берия и Абакумова, значит ему уже нельзя доверять. Это как раз то, что вы сегодня в своих выступлениях осуждали, что осуждает наша партия. Как же можно так подходить к людям? Ведь если так рассуждать, значит можно прийти к полному абсурду и говорить, что Хрущеву, Маленкову, Молотову, Булганину тоже нельзя верить, потому что мы работали с Берия много лет.

Судить о людях по такому принципу – это значит скатиться на весьма вредный и опасный путь, который вы справедливо осуждаете в своих выступлениях и за что вы критиковали руководителей Ленинградской организации.

Должен сказать, что мы решили в Президиуме ЦК партии созвать совещание работников МГБ и на этом совещании хорошенько поговорить об улучшении работы[38]. Я считаю, что сейчас очень ответственный политический момент, и такое неуважительное отношение к органам нашей разведки не способствует улучшению их работы, а, наоборот, расстраивает работу этих органов.

А кому это выгодно? Это выгодно только нашим врагам, всем разведкам, кроме нашей. Дезориентировать разведку Советского Союза – это значит облегчить работу разведки вражеских стран, ослаблять работу нашей советской разведки. Мы не можем допускать такого нетерпимого положения.

Поэтому надо наводить необходимый порядок в этом деле. Такой порядок мы наведем. Но надо помнить, что органы нашей разведки необходимо хорошенько поддержать, чтобы советская разведка работала лучше, чтобы она с большей энергией действовала против врагов нашего государства, чтобы советские люди знали, что нам не грозит то, что в работе нашей разведки будут провалы.

Поэтому, товарищи, мы поддерживаем и будем поддерживать нашу советскую разведку и органы государственной безопасности, будем доверять им и постоянно их укреплять и всем это советуем делать. Кому не доверяете – снимайте, но раз назначили человека на ответственный пост, то поддержите его, помогайте ему, не дергайте, дайте спокойно, с пользой для дела, работать. Тогда будет польза. Работа с кадрами, с людьми – это очень серьезный вопрос, в котором нельзя допускать перегибов.

<...>

О прокуратуре также многие пишут, почему такая жалкая роль была у нашего генерального прокурора. Спрашивают об их беспомощности в обсуждаемом деле.

Законный вопрос. Надо знать обстановку, которая была в то время. Тов. Руденко говорил здесь, что Абакумов (тов. Руденко не назвал свою фамилию – это он заходил в

камеру к Абакумову) сказал, что кто-кто, а он-то, то есть Абакумов, знает, что прокурор не имеет права заходить в камеру к преступнику, потому что он, когда был министром, сам категорически не допускал этого.

Почему? Вот я спрошу у сидящих здесь секретарей райкомов. Вы слушали на заседаниях райкомов партии отчеты начальника районного отделения МГБ? Отчитывался ли он перед райкомом? (Г о л о с а с м е с т: Н и к о г д а.) Вот в том-то и дело. МГБ в результате интриг Берия и его сообщников и, я бы сказал, в силу ненормальных условий, которые были в то время в работе ЦК, стало не только бесконтрольным, а МГБ стало вроде какого-то контроля над партией. В этом трагедия.

Я помню, когда работал на Украине, там после войны в западных областях буквально была война с остатками вражеских войск и буржуазно-националистическими бандами. Там не просто враги из-за угла стреляли, там они первое время были с пулеметами и артиллерией.

Начальники районных отделений МГБ, конечно, не без ведома своего руководства, говорили так – мы в райкомы о положении на местах не будем докладывать, потому что они наши секреты из райкомов передают или могут передать бандитам. И на этом основании перестали давать секретарям райкомов доклады о положении дел в данном районе, о действиях вражеских банд. Когда мне рассказали об этом, я тогда сказал – антипартийное дело. Ведь в 1937 году состоялось решение ЦК партии, в котором было осуждено, когда чекистский аппарат был поставлен над партией. Почему же сейчас происходят такие явления?

Мои замечания незамедлительно стали известны Абакумову. И тот сразу же стал звонить всем секретарям. Позвонил он и мне – мол, извиняюсь за тех дураков, которые допускают такие беспорядки. Он видит, что его на этом деле с поличным поймали, и начал вывертываться. Вывертываться на словах, а по существу продолжал ту же антипартийную линию.

Так что прокурор в таких условиях ничего не значил, прокурор не мог вмешиваться в дела, он был отстранен от выполнения своих обязанностей. Поэтому, вот в результате таких грубых нарушений и получились подобные безобразия и беззакония.

<...>

Задают мне такой вопрос: «Прошу Вас разъяснить, было ли указание ЦК руководству обкома об освобождении всех технических и ответственных работников, ранее работавших при Кузнецове, из аппаратов обкома, горкома и райкомов?»

Товарищи, думаю, что вам самим понятно, что Центральный Комитет партии не давал такого указания и вы не давали такой директивы своему руководству. Но логика борьбы имеет свои законы. Если бы я, например, узнал, что Иванов является контрреволюционером, то я являюсь врагом не только ему, но врагом всех его друзей. Верно? Это верно. Вы поймите, отсюда все начинается. Если бы мне позвонил Козлов, когда есть установка, что Кузнецов – враг, Попков – враг, и спросил, как быть с людьми, которые близко с ними работали, например, стенографистка, я бы сказал: если Кузнецов или Попков враги, уберите стенографистку. Казалось бы, техническая должность. Но стенографистка находится на заседаниях, она все записывает, она знает наши разговоры, она может быть источником информации вражеских сил. Или тот же невинный сторож в райкоме или горкоме. Мы с вами работаем, бросаем разные черновики, копии документов. Вы думаете, что они никому не нужны. Но врагам они очень нужны. Брошенный материал, черновик, представляет для них огромную ценность. А сколько еще у нас расхлябанности! Ушел работник, а документы на столе оставил; приходит, документы целы. Целы, но сфотографированы, документы на месте, а ценные данные возможно уже пошли за границу. Это мог сделать небольшой человек, который умеет щелкнуть из фотоаппарата и все, у него функция очень небольшая – он всего лишь сторож.

Вот вы и подумайте, правильно ли люди делали, когда обновляли аппарат, располагая данными о том, что во главе этого аппарата стояли враждебные люди. Я говорю: правильно. Сейчас легко умным быть, когда решение ЦК вышло, когда известно, что эти люди не виновны. И вот начинают судить о поступках людей, которые делали правильное дело, заботясь об укреплении партийного аппарата. Они стояли тогда на позициях решения ЦК партии, а некоторые хотят наказать этих людей за вчерашний день, когда они вместе с ними поддерживали эти действия. Так нельзя. Нельзя искать козла отпущения, хотя фамилия у вашего секретаря и Козлов. (С м е х в з а л е.) Я прошу вас правильно понять меня – я не хочу выводить из-под критики руководство, критиковать надо и это полезно, но я хочу, чтобы при рассмотрении всех этих вопросов не отыгрались на этих людях, чтобы отвести, как громоотвод, удар от других, которые могут говорить – вы бейте вон тех, а мы такие хорошие, мы ни при чем.

Разве не могли мы справиться с Андриановым, когда заметили, что он начал финтить с Берия? Андрианова мы с вами освободили, когда увидели, что он допускает грубые ошибки, работает не так, как следует. Мы могли бы и раньше это сделать, если бы у нас было другое отношение. За те проступки можно кого-то больше, кого-то меньше осуждать, но в целом осуждать проводимую линию нельзя, потому что они в других условиях эти проступки совершили, полагая, что тогда в организации оставались пособники осужденных врагов. Тогда в тех условиях их действия не были проступками. Закон обратной силы не имеет, а некоторые хотят сейчас вернуться к этим вопросам.

<...>

Товарищи, я извиняюсь, что очень затянул с ответами на ваши вопросы. Хотел бы сказать относительно дела, которое мы с вами обсуждаем.

Из зачитанного вам решения Центрального Комитета партии и сообщения тов. Руденко видно, что так называемое дело о Ленинградской антипартийной группе было состряпано бандой Берия[39]. Одним из ближайших сообщников Берия являлся бывший министр госбезопасности Абакумов, преступления которого хорошо вскрыты и доложены вам прокурором т. Руденко. Видимо, в ближайшее время будет суд над Абакумовым. У меня было такое мнение, мы обменивались мнениями, не знаю, насколько целесообразно: может быть, суд над Абакумовым следовало бы организовать здесь, в Ленинграде. (А п л о д и с м е н т ы.) Я вам скажу единственное, что удерживает нас от этого – этот негодяй в своих показаниях будет много ссылаться на товарища Сталина. Вот это немножко и сдерживает, а так этого негодяя надо было бы судить здесь, чтобы вы посмотрели на этого врага, потому что прокуратура его разденет и он предстанет во всех своих многочисленных грехах, которые совершил, во всех своих гнусностях. Об этом надо подумать.

Надо в таких делах не давать воли чувству, а больше доверяться рассудку, чтобы выгоднее решить для партии. Ведь можно желать хорошего, а получить результат отрицательный. Надо иметь в виду, что Абакумов арестован по распоряжению товарища Сталина. Видите, какая сложность. За что он был арестован? Если бы Абакумов все дело знал, он мог бы заявить: позвольте, вы меня неправильно арестовали, наоборот, я достоин похвалы. Абакумова арестовали за то, что он якобы укрыл от наказания врача Этингера – старого профессора, который умер в тюрьме. Видимо, это был невинный человек, но он во время следствия якобы показал, что он способствовал умерщвлению товарищей Щербакова и Жданова. Но это, как выяснилось, чепуха. У тов. Жданова было больное сердце и поэтому он умер. Мы знаем, что тов. Жданов мог бы жить, если бы он немножко осторожнее относился к своему здоровью.

Но, видимо, во время какого-либо допроса было получено какое-то показание. Рюмин написал об этом тов. Сталину. Сталин взял тогда тот документ и поставил вопрос об аресте Абакумова. Видите, не пожалел Абакумова, сказал – сейчас же арестовать – и того арестовали. Сейчас установлено, что тов. Жданов и тов. Щербаков умерли естественной смертью. Значит, Абакумов прав, что не поверил показаниям профессора, значит, он вроде как бы зря сидит. Если формально разбирать историю, как она складывалась, получается, что сидит в тюрьме он напрасно. Но когда умер товарищ Сталин и мы получили возможность после ареста Берия разобраться в делах МГБ, то выяснилось, что Абакумова на костре сжечь надо. Это матерый преступник, заговорщик, но по другим уже делам. Смотрите какие вещи он творил хотя бы с делом Кузнецова, Попкова и др. Так что это очень крупный преступник, аферист и заговорщик.

Вы смотрите. Когда он сидел в тюрьме, он направил такое письмо Берия: «Дорогой Лаврентий Павлович, мне стало крайне тяжело. Вы мой самый близкий человек и я день и ночь жду, что вы меня вернете. Я вам еще крепко буду нужен. (Вы понимаете, это лишь преступник может так писать: я вам крепко буду нужен. Он еще будет нужен! Значит, они ждали, что такое время будет). Записку, которую я направляю, прошу оставить у себя. Всегда ваш Абакумов».

Это из тюрьмы он писал Берия. Эти преступники вовремя были схвачены.

Какую цель преследовали враги, фабрикуя «Ленинградское дело»? Враги пытались ослабить Ленинградскую партийную организацию, поколебать ее единство, пытались отвлечь внимание от решения важнейших хозяйственных и политических задач, стоящих перед страной, опорочить кадры Ленинградской организации, поколебать доверие партии и народа к Ленинградской партийной организации. И, я думаю, что в некоторой мере они этого достигли.

Недавно со мной разговаривал тов. Мжаванадзе, который сейчас является первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Перед этим он много лет работал и учился здесь, в Ленинграде. В беседе со мной он сказал: «Знаете, когда я прочел решение о реабилитации, дышать стало легче. Я всегда чувствовал, что в Ленинграде хорошая и крепкая партийная организация. Но вот мне было неудобно даже говорить, что я долго здесь работал и воспитывался».

Вы прекрасно понимаете, что правильное решение вопроса – это большое дело. Но дело не только в том, что в какой-то мере было поколеблено доверие к Ленинградской организации.

Вы помните, как фабриковалось дело. Утверждалось, что в Ленинграде была заговорщическая организация, которая хотела выделиться из Советского Союза, захватить руководство страной в свои руки. Это поклеп не только на Ленинградскую организацию. Это поклеп на Российскую Федерацию, поклеп на русский народ. К так называемому «Ленинградскому делу» Родионова пристегнули. Утверждалось, что в Ленинграде хотели создать какой-то центр, противопоставить его Центральному Комитету партии. Ведь этого же не могло быть и не будет, пока живет и здравствует наша родная коммунистическая партия, потому что каждый из нас, ее членов, понимает, что сила нашего Советского Союза в единстве рядов нашей партии, в единстве и сплоченности всех народов Советского Союза. Вот это каждому советскому человеку понятно. (Продолжительные аплодисменты.)

Вражеская клика во главе с Берия состряпала так называемое «Ленинградское дело». Враги обманули Центральный Комитет, обманули товарища Сталина. Берия и Абакумов втерлись в доверие к товарищу Сталину.

Вот я сам еще не знал, когда, в каких условиях затевалось это «дело», мне тов. Руденко здесь рассказал. Когда дело это было состряпано кликой Берия и его сообщников, товарищ Сталин в это время был в Сочи. Абакумов полетел туда и соответствующим образом, видимо, докладывал товарищу Сталину. Вызвали в Сочи военного прокурора, который должен был это дело проверять. Приехал этот военный прокурор. Казалось бы, и Абакумова надо послушать, и прокурора. А приехал прокурор, его принял только Абакумов и сказал, что дело создалось, надо ленинградцев осудить, и вы, мол, можете ехать обратно. Вот как обстояло дело и как оно складывалось. Как видите, были допущены грубые нарушения установленных порядков. Вот в чем трагедия.

После этого некоторые товарищи могут сказать геройски: надо хоть на плаху идти, но беззакония не допускать. В борьбе с врагом, на фронте, наши люди так и поступали. Они не сгибали свою голову перед захватчиками, стояли насмерть. У нас много людей шло на плаху – и юношей, и старых. Вот Зоя Космодемьянская – воплощение геройства, мужества. Но ведь это же было перед немцами. А кому этот самый прокурор должен был сказать – на плаху пойду, а участвовать в суде не буду, потому что нарушаются установленные законом порядки. Ведь Абакумов сказал бы ему – это сам товарищ Сталин утвердил. Он сказал бы: «Раз товарищ Сталин утвердил, значит это правильно». Другое дело, что порядок был принят не тот.

Теперь всем нам ясно, что ни в коей мере нельзя нарушать советских законов и установленных порядков. По каждому делу должно вестись следствие, чтобы это следствие проверялось далее прокурором. В то время, когда Берия хозяйничал в МВД, установленные советским законом порядки грубо нарушались. Люди, заключенные в тюрьмы и находящиеся под следствием, избивались, чтобы получить от них нужные следователям показания. Избиения арестованных в тюрьме, как вы теперь знаете, не являлись секретом. Как это тогда объясняли, да и сейчас некоторые говорят: врага надо бить. Но надо бить врага. Я тоже за то, что врага бить надо. Но ведь надо знать, что бьешь именно врага, а не невинного человека. А то вот результаты какие получаются, когда нарушаются законы, когда следствие ведется не так, как полагается, когда арестованных жестоко избивали, чтобы получить от них нужные следствию показания, пусть даже неправильные. Это приводило к тому, что из своих друзей делали врагов. Запротоколировали вырванные путем побоев, бессонницы и голода неправильные показания и делали из честных людей врагов. Так действовала клика Берия и его сообщников. Так грубо попирали они все законы, бесчинствовали и стряпали нужные им «дела», избивали наших честных советских людей, пытаясь нанести как можно больший вред нашему великому делу строительства коммунизма.

Поэтому, когда тов. Руденко вел следствие по делу Берия и его клики, он был лишен этих методов. Наши органы, которые ведут следствие, прокуратура и суд должны настойчиво, не нарушая законов, разбираться в делах, довести преступника до признания совершенных им преступлений, доказать его вину. Это, конечно, тяжелая вещь, куда «легче» действовать методами Берия. Но когда наша прокуратура разбирала дело Берия и его клики, когда им дали все их показания, полученные не путем избиений, а законным путем, преступники вынуждены были признать, что следствие было проведено глубоко и обстоятельно, собран действительный материал.

Тут товарищи многие скажут, а как же товарищ Сталин? Видите ли, последние годы очень сильно сказались на Сталине. У него очень часто менялось настроение. Поэтому были моменты, когда Сталину трудно было что-либо докладывать. Власть большая, а силы слабые. Человек он стал нервный, вспыльчивый. Не каждый хотел идти к нему и вызвать на себя гнев. Видите, если бы были равные условия, как, например, сейчас у нас в Президиуме ЦК КПСС. Пусть кто-либо из членов Президиума что-нибудь сморозит. Ему скажут: слушай, ты не прав. Сталину так сказать никто не мог, хо-

тя не раз выслушивали такие вещи, на которые могли бы сказать: товарищ Сталин, ведь это неправильно. Вот такая была обстановка.

Нельзя сейчас этого допускать. Я говорю это к тому, чтобы у нас в партии всегда была коллективность руководства, не создавался культ личности. Наша партия настолько сильна, что она всегда, по любому вопросу, найдет правильное решение в своем коллективе.

И вот таким физическим состоянием товарища Сталина (этого раньше, до войны, со Сталиным не было) ловко воспользовался Берия. Он играл на настроении товарища Сталина как на рояле, так как у этого человека ничего святого не было, потому что он был вражеским разведчиком. Когда мы Берия арестовали и посадили в тюрьму (пусть Руденко мне напомнит), а, может быть, уже после расстрела Берия, Черчилль заявил примерно следующее: «Опоздали мы с русскими, опоздали с ними вести разговоры. Сейчас момент упущен».

Что значит упущен момент? С нами всегда можно разговаривать. Черчилль жалел, что нет Берия, этого, хитрого и ловкого шпиона и провокатора. Когда Берия не был еще разоблачен, Черчилль надеялся на поддержку со стороны Берия, а нет Берия – значит и поддержки планов империалистов не будет.

Теперь враги говорят, что у русских после смерти Сталина сперва язык был другой, а политика та же. Политика при жизни Сталина была совершенно правильной политикой, которую мы вместе со Сталиным проводили и будем ее неуклонно проводить дальше. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) А это значит отстаивать и укреплять наше Советское государство, двигать его по пути строительства коммунистического общества, накапливать и наращивать наши силы, готовиться к грядущим боям, которые неизбежны и от которых уйти нельзя, ставить вопрос, говоря языком Чапаева, в мировом масштабе.

<...>

Некоторые товарищи спрашивают – какое отношение Центрального Комитета партии к решению ЦК о партийных проступках Кузнецова и других?[40]

Мы не разбирали этих вопросов и я не знаю, есть ли сейчас смысл возвращаться к ним, потому что мы их наказали в свое время за допущенные ими ошибки в партийном порядке.

Что даст новое рассмотрение этого вопроса? Может быть, поколеблет веру в правильность решения Центрального Комитета партии, принятого на первом этапе партийных проступков бывших руководителей Ленинградской организации.

Тут может быть степень наказания разная. Это я допускаю. Почему? Известно, что тов. Кузнецов и другие допускали разные излишества, выпивки допускались. Ведь это факт. И расходование средств государственных не по назначению допускалось, и бахвальство, и некоторое зазнайство. Было же все это, товарищи. Он болтал в Москве о том, что мы, мол, ленинградцы, люди особого склада. Не понимаю, какой это особый склад? Тогда давайте укажите, чтобы мы этот «склад» заметили, а то начинают говорить: ленинградцы – люди особого склада, москвичи – особого склада, киевляне – тоже особого склада. А какого же склада партия? Она, получается, складывается из групп разных складов? Что за чепуха? Это бахвальство. Оно и было осуждено и правильно осуждено. И сегодня нужно осудить, а не воскрешать его. Да, слушайте, товарищи ленинградцы, вы на самом деле думаете, что вы лучше, чем коммунисты, работающие в Свердловске? Если так полагать, тогда не может быть в партии общего языка. Партия не может предоставить вам какую-то полочку ленинградскую, да вряд ли вы сами захотите иметь такую особую полочку. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

То, что Ленинград сделал для партии, как передовой отряд коммунистов, то, что сделал петроградский рабочий класс для России, для Советского Союза, этого не стереть никаким врагам истории. (А п л о д и с м е н т ы.) Но нужно ли кичиться перед своими друзьями? Это не годится. Поэтому я считаю, что в этих вопросах решение ЦК партии было правильное.

Я допускаю, что в интриганских целях Берия использовал изменение отношения Сталина к Кузнецову и Вознесенскому. В то время я был на Украине и не знал, как все эти вопросы тогда проходили. Одно время товарищ Сталин очень высоко поднял Вознесенского, чего, конечно, не мог терпеть Берия. Ведь Сталин сделал тогда Вознесенского своим первым заместителем по Совмину, дал очень большие полномочия Кузнецову, сделав его секретарем ЦК партии. Кузнецову было поручено наблюдать за органами МВД. Абакумов был подчинен Кузнецову. В этих условиях я допускаю, что вражеской кликой Берия было все использовано, всякий малейший промах, малейшее пятнышко, где бы оно ни появилось, чтобы натравить Сталина против Вознесенского и Кузнецова. И это им, как видите, удалось.

Можно по-разному относиться к Вознесенскому. Очень многие члены Политбюро не уважали Вознесенского за то, что он был хвастлив, груб, к подчиненным людям относился по-хамски. Но это такие свойства, которые можно порицать, которые дают право не дружить с ним лично. Но это не значит, что такие свойства дают объяснение, что Вознесенский являлся врагом. Наоборот, я глубоко убежден, что Вознесенский был честный и умный, но своенравный человек.

Кузнецова хвалили, когда он работал в Ленинграде. Я с ним мало сталкивался. Раза два был у него, когда он работал секретарем ЦК, так как в то время я редко приезжал в Москву. Потом, сознаюсь, что, занимая такое положение в партии, я имел возможность все вопросы решать непосредственно со Сталиным, поэтому и не было особой нужды встречаться с Кузнецовым. Короче говоря, я его плохо знал. Как-то после окончания войны мне звонил товарищ Маленков и предлагал избрать Кузнецова вторым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. Мне говорили, что он хороший работник, но часто болеет, у него, говорят, был туберкулез. Я сказал, что, если он серьезно болен, то на Украину посылать его не стоит, но если может работать, то, пожалуйста, пускай приезжает. На этом разговор и кончился. Знаю, что после этого товарищ Сталин предлагал ему поехать на Дальний Восток, на ответственную работу.

Все это было использовано Берия. Я видел прохвостов, но такого законченного прохвоста и негодяя, как Берия, трудно даже представить. Надо слишком большую фантазию иметь, чтобы представить, что это был за подлец. Я удивлялся его хитрости, часто думал о том, что так поступать может лишь матерый провокатор. Ведь как вел себя он при Сталине? К примеру, Берия мог грубо сказать, что это, мол, белое. Другие соглашались с этим: «Да, это действительное белое». Но потом Сталин мог сказать: «Нет, это черное». Берия тут же менял свои позиции и спешил «уличить» другого, что тот сказал, что это белое, хотя всем было ясно, что это он, Берия, первый сказал, что это белое и действительно было белым. Перестроившись, Берия всюду начинал твердить, что это совсем не белое, а черное. Повторяю, я видел много негодяев, но такого отъявленного негодяя и мерзавца, как Берия, я не видел. Это Берия!

В нашем присутствии он не стеснялся говорить со Сталиным только на грузинском языке. Почему в окружении русских, в окружении друзей говорить на непонятном им языке? А он этим демонстрировал перед нами свою особую близость к Сталину. Да, это был коварный и хитрый враг.

Некоторые товарищи задавали вопрос: почему так поздно был разоблачен Берия,

как это произошло? Думаю, что вы читали протокол пленума ЦК[41]. Когда на пленуме мы поставили вопрос о враждебных действиях Берия, мы и десятой доли не знали того, что выявилось несколько позже, когда повел следствие прокурор. Таким образом полностью подтвердилось то, что мы чувствовали на протяжении последних 15–20 лет, подтвердилось его подлое коварство. Он, как говорится, в зубах у нас застрял.

Приведу вам и такой пример, показывающий как орудовал Берия. Когда мы в Президиуме ЦК стали говорить, что надо кончить с Особым совещанием, Берия на словах против такого предложения не возражал. Особое совещание могло дать человеку 15 лет тюрьмы или высылки, а он внес предложение – дать Особому совещанию право высылать на срок до 10 лет. Когда он внес такое предложение, мы стали между собой говорить: что же это такое? Ведь существо дела от этого не изменится. Я прямо заявил, что это значит: сперва человека посадят на 10 лет, а потом еще на 10. Ведь Берия достаточно было человека на один год в тюрьму посадить, чтобы потом держать его там всю жизнь. Константина Орджоникидзе он вначале посадил на 5 лет, но тот двенадцать лет в одиночной камере просидел.

Зачем Берия нужны были Особые совещания? Он стремился оставить органы МВД бесконтрольными, где полностью хозяйничает Берия, который кого ему надо арестовывает, ведет следствие и самочинно судит через особые совещания, где нет ни защитника, ни прокурора. И когда он яростно стал бороться за сохранение такой формы суда, он еще более себя разоблачил.

А потом его записки по западным областям Украины, Белоруссии, по Литве, – все это явно говорило о том, что он поставил свой аппарат, созданный им в органах МВД, над Центральным Комитетом партии[42]. Он ведь Строкачу – теперешнему министру МВД Украины позвонил во Львов и потребовал у того представить ему полные сведения на партийных работников. «Почему у меня, – спросил тот, – обращайтесь в ЦК». Тогда Берия ему заявил: «Тебе секретов нельзя доверять». Когда нам стали известны все эти факты и другие данные о враждебных действиях Берия, стало ясно, что это опасный преступник. Было решено арестовать его и судить.

Теперь, после процесса над Берия, вы знаете о «деле» Кедрова. Дважды суд его оправдывал, а Берия все-таки расстрелял его. Чтобы этого не повторилось больше, а я думаю, что не повторится, надо, чтобы у нас была развернута настоящая критика, чтобы было действительно коллективное руководство. Нельзя создавать себе бога, который бы за нас всех думал. Надо каждому думать, каждому принимать участие в жизни партии, каждому брать на себя ответственность за решение всех вопросов. Тогда этого не повторится.

А все ли у нас ясно по вопросу о культе личности? По моему, не все. Формально как будто бы и ясно, а по существу иногда и нет. Некоторые и сейчас еще прикидывают, кто в Президиуме ЦК первый, кто второй, а кто третий. Это – вреднейшая вещь. Надо всем нам уяснить, что первый у нас – это партия. Руководство партией – это Центральный Комитет. Президиум ЦК – это исполнительный орган, подотчетный Центральному Комитету. Все члены Президиума ЦК в равной степени отвечают за порученное им дело, все они избраны, все пользуются равным правом и в одинаковой мере несут ответственность перед Центральным Комитетом. Правильно? (Голоса с мест: Правильно!) Надо всегда исходить из этого, тогда не будет неправильного понимания вопроса о коллективном руководстве в партии. Думаю, что мы должны сделать все для того, чтобы укрепить это в сознании людей и во всей нашей практической деятельности обеспечить в партии действительное коллективное руководство.

Некоторые неправильно считают, что если, мол, в Президиуме ЦК нет первого, второго, то все члены Президиума как бы серые, незаметные. Почему серые? Разве человек, избранный в состав Центрального Комитета, серый? Конечно, нет. Его партия избрала в свой Центральный Комитет, он пользуется полным доверием партии. Каждый имеет сильные стороны, один в одном вопросе, другой в другом, поэтому коллективное решение вопроса всегда наиболее правильное. Разве это плохо? Это хорошо.

<...>

Товарищи, заканчиваю свое выступление. Уверен, что Ленинградская партийная организация правильно поймет решение Центрального Комитета партии, правильно поймет, правильно оценит и сделает все необходимые выводы из этого решения. Я очень хотел бы, чтобы Ленинградская организация, ее актив, руководящее ядро не проявляли горячности, а мудро решили бы вопросы, вытекающие из решения ЦК, чтобы вы не наломали дров.

А опасность такая имеется. Поэтому надо сдерживать горячие головы. Я не стою на позициях беспринципного мира и спокойствия, потому что всегда был противником беспринципности. Но, товарищи, просто поднять шум – для этого надо мало ума. Необходимо ко всему подходить разумно. Ведь вы сменили весь состав обкома, горкома, райкомов. Что же теперь опять его менять? Ну что же это будет? Разве это пойдет на усиление работы? Это будет не усиление партийной работы, а ослабление. Если допустить это, то получится общее избиение нового, подросшего коллектива. Думаю, что это выгодно только нашим врагам. Конечно, нас партия учит вовремя менять слабых. Это является правом и обязанностью каждого партийного органа. Но нельзя при этом подходить огульно. Я уверен, товарищи, что все вы понимаете, что эти вопросы не являются главными. Решение Центрального Комитета партии следует выполнять вдумчиво, с умом. Одного ретивого сердца здесь еще мало.

Думаю, что нам предстоит рассмотреть ряд дел 1937–1938 гг. Это большая работа. Совершенно неправильно было бы полагать, что тогда не было врагов. Враги были и острие нашей борьбы было направлено против врагов. Но, видимо, Берия, Ежов и другие много посадили и расстреляли невиновных людей. Грешным делом, я даже склонен думать, что Берия уничтожил Ежова. Нам грузины помогают внести ясность в это дело. Один бывший чекист написал в ЦК письмо[43], в котором обратил внимание на тот факт, что ни одного заместителя Берия нет в живых. Все заместители, которые работали с Берия, уничтожены. И это верно, ибо Берия шел в Москву через трупы.

Ежова я знал хорошо. Он сам ленинградец, довольно простой человек. Может быть, старики помнят его. Был рабочий, много лет работал в аппарате ЦК, потом стал пить, спился. Берия его арестовал.

Вы знаете, как действовал Берия? В Закавказье одно время работал чекист Реденс. Я также знал его. Реденс – старый член партии, по национальности поляк, работал в ВЧК секретарем у Дзержинского. Берия был у него заместителем, когда тот был наркомом НКВД Грузии. Берия задался целью убрать Реденса и достиг этого. Надо сказать, что Реденс был женат на сестре жены Сталина, так что имел доступ к Сталину. Это для Берия имело большое значение, – ведь Реденс мог пожаловаться Сталину, его часто встречали у Сталина на квартире. Это и естественно, так как сестры встречались. Берия однажды зазвал Реденса к себе в гости, напоил до бесчувствия и выбросил на улицу. Сам же Берия прислал милицию, которая подобрала того пьяным на улице и установила, что это нарком внутренних дел Грузии. Естественно, скандал! Реденса убирают, Берия становится наркомом вместо Реденса[44]. Внешне здесь он как бы и ни при чем, но разве без умысла он споил бывшего наркома? Никакими средствами не гнушался Берия для достижения своей цели. Повторяю, что это был страшный человек. Он добился, что Реденса тоже сослали. Не знаю, жив ли он сейчас. До Грузии Реденс был начальником НКВД Московской области. Это чело-

век не особо большого размаха, но не глупый, старый член партии. Вот как действовал Берия.

Говоря вам об этом, я хотел бы, чтобы вы знали, какие хитрые и коварные приемы применял Берия и какая была обстановка. Все это надо правильно оценить и разумно подойти к решению той задачи, которая вытекает из решения ЦК.

Полагаю, что это решение мы опубликовывать не будем. Меня спрашивают, как довести до сведения всех членов партии? Я вам затрудняюсь сказать. Видите ли, раз мы собрали такой широкий актив, то это говорит о том, что секрета из этого мы не делаем, но думаю, что нам не стоит перед широкой публикой разглагольствовать об этом, так как это не будет способствовать укреплению Ленинградской парторганизации и всей нашей партии. Сказать, что это секрет и об этом не следует говорить, – тогда, пожалуй, будет больше разговоров (смех в зале), но специально звонить во все колокола, по-моему, будет глупо. Думаю, что нам не надо давать повода к тому, чтобы наши враги смаковали ошибки, которые были нами допущены. Поэтому каждый из вас должен исходить из того принципа: не делай и не говори то и тому, что ослабляет нашу партию, что ослабляет нашу борьбу, что вооружает наших врагов. (Бурные аплодисменты.)

Я понимаю переживания ленинградцев. Мы пока решение ЦК не рассылали в другие организации, считали, что первой должна узнать о нем Ленинградская партийная организация. Думаю, что вся партия примет это решение с большим удовлетворением. Такую организацию опозорить, сделать ее неполноценной, сделать, чтобы каждый стеснялся произносить, что он из Ленинградской организации, а именно этого добивались Берия и его сообщники. То, что произошло в Ленинграде – это очень тяжело не только для ленинградцев, но и для каждого из нас. Вот почему мы не могли мириться с этим и приняли такое решение. Думаю, товарищи ленинградцы, что решение ЦК нашей партии даст вам еще больше возможности теснее сплотить свои ряды и занять еще более достойную позицию в нашей партии, в нашей общей борьбе за реализацию всех решений Центрального Комитета, за выполнение задачи, которая поставлена великим Лениным перед рабочим классом, перед всем советским народом, – добиться построения коммунистического общества в нашей стране. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Возгласы: «Да здравствует Центральный Комитет нашей партии!»)

АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 398. Л. 63–114. Подлинник. Машинопись.

№ 13

ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА В ЦК КПСС О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

19 мая 1954 г.

ЦК КПСС

Министерство внутренних дел Союза ССР просит рассмотреть вопрос о правовом положении спецпоселенцев.

Подавляющее большинство спецпоселенцев (немцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, калмыки, участники националистических банд в западных областях Украины, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, пособники бандитам, члены их семей и другие), выселенных в районы Казахской, Узбекской, Киргизской и Таджикской ССР, Коми, Башкирской и Якутской АССР, Алтайского, Красноярского и Хабаровского краев, Кемеровской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Свердловской и других областей, находятся в местах поселения более 10 лет.

За это время они, будучи трудоустроены в сельском хозяйстве и промышленности, хозяйственно обосновались в местах своего нового жительства. Многие из них получили новую трудовую квалификацию и специальность.

В настоящее время, когда материальное положение спецпоселенцев значительно укрепилось, основная масса их включилась в хозяйственную и культурную жизнь и тем самым прочно обосновалась в новых местах жительства, дальнейшее применение к ним всех ныне существующих ограничений не вызывается необходимостью.

В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос о снятии со спецпоселенцев некоторых ныне существующих ограничений в их правовом положении.

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР от 8 января 1945 года № 35 спецпоселенцы не имеют права без разрешения органов МВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы этого района рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке. За самовольный выезд (побег) спецпоселенцев из мест обязательного поселения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года определена мера наказания – 20 лет каторжных работ, а для лиц, виновных в укрывательстве бежавших из мест поселений или способствовавших их побегу, а также виновных в выдаче разрешения спецпоселенцам на возврат в места их прежнего жительства, – лишение свободы на 5 лет.

Спецпоселенцы обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселений и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатуры МВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселений они подвергаются административным взысканиям в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

В период, когда спецпоселенцы не были в достаточной степени экономически закреплены по месту нового жительства и совершали побеги, эти мероприятия сыграли положительную роль в деле хозяйственного устройства спецпоселенцев и укрепления режима в местах поселений.

В настоящее же время существующий в местах поселений режим затрудняет дальнейшее повышение материально-бытового и культурного уровня жизни спецпоселенцев, так как создает ненужные препятствия к передвижению спецпоселенцев по жизненно необходимой для них территории, выездам в служебные командировки, на учебу и для участия в общественных мероприятиях, а также к устройству на работу по специальности.

Учитывая изложенное, Министерство внутренних дел СССР вносит следующие предложения:

1. В частичное изменение постановления СНК СССР от 8 января 1945 года № 35 –

а) предоставить спецпоселенцам в районах их расселения право свободного передвижения в пределах области, края, республики (без смены постоянного местожительства в районе поселения), а по служебным командировкам – в любой пункт страны на общих основаниях.

О выезде в служебную командировку из места поселения за пределы области, края, республики спецпоселенцы обязаны сообщать в соответствующую спецкомендатуру МВД;

б) установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы МВД один раз в 3 месяца;

в) сократить размер штрафа, налагаемого на спецпоселенцев за нарушение режима в местах поселений, до 50 рублей, а применение к ним ареста, как административной меры наказания, отменить.

За нарушение общественного порядка привлекать спецпоселенцев к ответственности в соответствии с действующим законодательством на общих основаниях.

2. Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» установить, что спецпоселенцы за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения или в пути следования к нему подлежат привлечению к уголовной ответственности по части 1 ст. 82 УК РСФСР или соответствующим статьям УК других союзных республик на срок 3 года лишения свободы, а лиц, способствующих побегу спецпоселенцев и виновных в их укрывательстве, привлекать к уголовной ответственности на общих основаниях.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[45].

Министр внутренних дел СССР С. Круглов

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 113–116. Заверенная копия. Машинопись.

№ 14

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА В ЦК КПСС О СОСТОЯНИИ ДЕЛ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ И КОЛОНИЯХ

26 мая 1954 г.

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС Министерство внутренних дел СССР докладывает о состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях, о мероприятиях, проведенных МВД СССР после приема в феврале 1954 года лагерей и колоний из системы Министерства юстиции СССР, и представляет проект постановления ЦК КПСС о мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД[46].

В системе МВД СССР для содержания осужденных к лишению свободы преступников имеется 65* исправительно-трудовых лагерей и 798 исправительно-трудовых колоний и лагерных подразделений.

На 1 апреля 1954 года в лагерях и колониях содержится 1 360 303 заключенных, в том числе отбывающих наказание

за контрреволюционные преступления 448 344 чел.

за бандитизм, разбой и умышленные убийства 190 301 чел.

за грабежи, кражи, хищения и другие особо опасные уголовные преступления 490 503 чел.

за хулиганство 95 425 чел.

за должностные, хозяйственные и прочие преступления 135 730 чел.

* Здесь и далее подчеркнутые цифры вписаны в текст записки от руки. – Сост.

В числе заключенных, содержащихся в лагерях и колониях: мужчин 1 182 759 чел., женщин 177 544 чел., молодежи в возрасте до 25 лет 383 243 чел. (28,2%).

В течение 1953 года и 1 квартала 1954 года в лагери и колонии поступило вновь 589 366 заключенных. За это же время выбыло 1 701 310 человек, из них 1 201 738 освобождено в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии».

Таким образом, количество содержащихся в лагерях и колониях заключенных на 1 апреля 1954 года по сравнению с численностью на 1 января 1953 года уменьшилось на 1 111 944 человека или на 45%.

Поступающие в места заключения МВД осужденные преступники после вступления судебных приговоров в законную силу, в зависимости от сроков наказания, состава преступления и степени их опасности, направляются для отбытия наказания в исправительно-трудовые лагери МВД СССР или в исправительно-трудовые колонии и лагерные подразделения МВД – УМВД республик, краев и областей, где используются на работах в различных отраслях народного хозяйства.

Исправительно-трудовые лагери расположены преимущественно в отдаленных и северных районах страны – на Дальнем Востоке, Крайнем Севере, на Урале, в Сибири и Казахстане. В них содержатся заключенные, осужденные за наиболее тяжкие преступления на длительные сроки (свыше 3 лет).

По состоянию на 1 апреля 1954 года в исправительно-трудовых лагерях содержится 897 051 заключенный.

Остальные заключенные в количестве 463 252 человека, осужденные к лишению свободы за менее тяжкие преступления, отбывают наказание в местных исправительно-трудовых колониях и лагерных подразделениях МВД – УМВД.

Заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой и уголовники-рецидивисты содержатся изолированно от остальных заключенных. Осужденные женщины размещаются в отдельных лагерных подразделениях и колониях.

В исправительно-трудовых лагерях установлены строгий, усиленный и общий режимы содержания заключенных.

На строгом режиме содержатся осужденные за бандитизм, вооруженный разбой, умышленные убийства, побеги из мест заключения и неисправимые уголовники-рецидивисты. Они находятся под усиленной охраной и надзором, не могут быть расконвоированы, используются преимущественно на тяжелых физических работах, к ним применяются наиболее строгие меры наказания за злостный отказ от работы и нарушения лагерного режима.

На усиленном режиме содержатся заключенные, осужденные за грабежи и другие опасные преступления, воры-рецидивисты. Эти заключенные используются главным образом на общих работах, также не подлежат расконвоированию.

Все остальные заключенные в исправительно-трудовых лагерях, а также находящиеся в исправительно-трудовых колониях содержатся на общем режиме. Разрешается их расконвоирование, использование на низовой административно-хозяйственной работе в аппарате лагерных подразделений и исправительно-трудовых колоний, а также привлечение к постовой и конвойной службе по охране заключенных.

Заключенные размещаются в бараках, оборудованных в основном двухярусными нарами вагонного типа. Норма жилой площади на одного заключенного установлена в 2 кв. метра. Однако в некоторых лагерных подразделениях, расположенных в северных районах страны (в лагерях Дальстроя, Норильского и Воркуто-Печорского комбинатов, лесных лагерях МВД), из-за недостаточного количества помещений, средняя обеспеченность жилой площадью составляет 1–1,5 кв. метра.

Одеждой, обувью и питанием заключенные обеспечиваются по утвержденным Правительством нормам. Горячая пища выдается три раза в день. Кроме того, в лагерных подразделениях и исправительно-трудовых колониях организованы платные столовые и ларьковая продажа необходимых для заключенных товаров, главным образом продуктов питания, предметов санитарии и гигиены.

В исправительно-трудовых лагерях и колониях имеется 1986 амбулаторий, 1167 больниц и стационаров на 71 641 койку, которые полностью обеспечивают медицинское обслуживание заключенных. Для восстановления физического состояния заключенных имеются оздоровительные пункты, в которых заключенные получают необходимый отдых под наблюдением врачей и улучшенное питание. В 1953 году через оздоровительные подразделения было пропущено 245 200 заключенных, а в 1 квартале 1954 года 53 198 заключенных.

Основой исправительно-трудовой политики в лагерях и колониях является перевоспитание заключенных путем приобщения к общественно-полезному труду и проведения среди них политико-воспитательной работы.

В настоящее время в лагерях и колониях имеется заключенных, годных к физическому труду, 55,6% к их общей численности, 32,7% ограниченно годных и 11,7% являются инвалидами и престарелыми, которые в большинстве своем по физическому состоянию и возрасту в трудовом процессе участвовать не могут.

Все трудоспособные заключенные работают на предприятиях и стройках МВД СССР и на объектах других министерств и ведомств. Ограниченно годные к труду заключенные используются на легких работах, главным образом, по выпуску изделий ширпотреба и подсобно-вспомогательных работах. Заключенные используются на работах в различных отраслях народного хозяйства: в цветной металлургии 182 000 человек, в нефтяной промышленности 96 000 человек, в угольной промышленности 95 000 человек, на строительстве электростанций 60 000 человек, строительстве железных дорог 51 000 человек, в лесозаготовительных лагерях МВД 229 000 человек, на специальных строительствах Главпромстроя и Главспецстроя МВД СССР 93 000 человек, в сельскохозяйственных лагерях МВД 45 000 человек и на других объектах промышленности и строительства 46 000 человек.

Трудовое использование остальных заключенных организовано по месту их содержания в исправительно-трудовых колониях и лагерных подразделениях МВД – УМВД. Эти колонии и лагерные подразделения представляют из себя промышленные и сельскохозяйственные предприятия, выполняющие силами заключенных установленный для них государственный план и находящиеся на полном хозяйственном расчете.

В соответствии с народнохозяйственным планом исправительно-трудовые колонии и лагерные подразделения МВД – УМВД в I квартале 1954 года изготовили 7580 конных борон, что составляет 151,6% к плану, 2350 тракторных сцепок – 109,1%, 2372 зерносортировки – 98,8%, 1005 корнеклубнемоек – 100,5%, 7840 точильных аппаратов – 104,5%, 403 ветродвигателя – 100,7%, 1500 приводных поршневых насосов для колодцев – 100%, 5000 ручных пожарных насосов – 100% к плану, на 633 млн. рублей товаров широкого потребления, в том числе: на 489 млн. рублей швейных изделий, выполнив план на 111%, на 51,1 млн. рублей мебели (столов, стульев, диванов, шкафов и пр.) – 102,2%, металлических кроватей 55,7 тысячи штук – 92,8%, чугунно-черной посуды 282 тонны – 100,7%, алюминиевой посуды 886 тонн – 86,6%, печного и хозяйственного литья 2686 тонн – 98,2% и 1017 штук баянов – 127,1%.

Всего исправительно-трудовые колонии и лагерные подразделения МВД – УМВД в 1 квартале 1954 года выпустили валовой продукции на 996,2 млн. рублей, что составляет 100,3% к плану.

Недовыполнен (на 24,3%) план 1 квартала Главным управлением лагерей лесной промышленности, переданным в МВД СССР из системы Министерства лесной и бумажной промышленности в марте текущего года. В настоящее время Главное управление лагерей лесной промышленности МВД СССР вошло в график выполнения плана 2 квартала. План апреля по вывозке леса ГУЛЛП выполнен на 101%.

Доходы лагерей и колоний на 1 человеко-день, отработанный заключенными, занятыми на контрагентских работах других министерств и ведомств, составили в 1 квартале 1954 года 27 руб. 84 коп. при плане 25 руб. 99 коп. или 107,1%. В целом доходы лагерей на 1 человеко-день, отработанный заключенными, составили 26 руб. 05 коп. при плане 25 руб. 15 коп. или 103, 9%.

Однако квартальный план выводов заключенных на работы выполнен только на 60,9% при установленных 68%. Из числа работающих заключенных 11,1% не выполняли установленных норм выработки. Недовыполнение плана выводов заключенных на работы объясняется в большинстве случаев непредоставлением фронта работ на предприятиях и строительствах министерств цветной металлургии, нефтяной промышленности, путей сообщения и электростанций.

Расходы по содержанию трудоспособных заключенных, в том числе и расходы по содержанию лагерного аппарата и охраны, в основном окупаются производственной и хозяйственной деятельностью лагерей и колоний.

В 1953 году в связи с амнистией из исправительно-трудовых лагерей и колоний освобождено большинство заключенных, имеющих высокие производственные квалификации, вследствие чего еще до настоящего времени на предприятиях и строительствах, где используются заключенные, ощущается недостаток в квалифицированной рабочей силе.

Министерством внутренних дел СССР проводятся мероприятия по массовому обучению заключенных различным специальностям.

В 1 квартале в школах, на курсах и путем бригадного ученичества в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД – УМВД подготовлено и пропущено через курсы по повышению квалификации 35 000 заключенных.

Всего в 1954 году в исправительно-трудовых лагерях и колониях будет подготовлено 142 000 квалифицированных рабочих из числа заключенных. Кроме того, организуется повышение квалификации кадров массовых профессий в количестве 100 000 человек.

В соответствии с Постановлениями Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 года № 4293-1703сс и от 13 марта 1950 года № 1065-376сс заключенные во всех лагерях и колониях за свой труд получают заработную плату, исчисляемую исходя из пониженных (до 30%) тарифных ставок и должностных окладов, с применением сдельно-прогрессивной и премиальной систем оплаты труда, установленных для рабочих, инженерно-технических работников и служащих в соответствующих отраслях хозяйства.

В целях повышения производительности труда и заинтересованности заключенных, используемых на работах оборонного значения, на добыче золота, на железнодорожном строительстве, строительстве объектов нефтяной промышленности, строительстве электростанций, в угольной и лесной промышленности, в соответствии с решениями Правительства применяется система зачетов рабочих дней. Эта система в настоящее время действует в лагерях и колониях с общим количеством 737 800 заключенных (54,2% от всей численности заключенных).

Среди заключенных проводится политико-воспитательная и культурно-массовая работа, направленная на воспитание их в духе советского патриотизма и социалистического отношения к труду.

Заключенным разъясняется внутренняя и внешняя политика советского государства, важнейшие решения партии и Советского правительства, а также проводится разъяснительная работа на естественнонаучные, правовые и другие темы.

Для проведения политико-массовой и культурно-просветительной работы среди заключенных в лагерях и колониях имеется 1807 библиотек (стационарных и передвижных), 338 клубов, 929 клубов-столовых, 1665 комнат культпросветработы, 1396 киноустановок (стационарных и передвижных), 89% лагподразделений радиофицировано. Для заключенных выписываются газеты из расчета 1 центральная газета на 50 заключенных, 1 областная (краевая, республиканская) на 25 заключенных и неограниченное количество местных газет. Выписываются также и журналы. Силами политотделов издается 39 многотиражных газет для заключенных и около 30000 стенных газет. Не менее 4 раз в месяц обеспечивается бесплатный показ кинокартин.

В исправительно-трудовых лагерях и колониях имеются самодеятельные коллективы заключенных, силами которых в лагподразделениях и колониях даются спектакли, концерты и т. п. Заключенные, зарекомендовавшие себя с положительной стороны и имеющие соответствующую подготовку, привлекаются для работы в библиотеках, клубах и в качестве культорганизаторов в подразделениях (бригадах, сменах, участках).

Лагерной администрацией среди заключенных организуется трудовое соревнование, которым охвачено 96,7% работающих.

Охрана заключенных осуществляется военизированной стрелковой охраной Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР. На 1 апреля 1954 года общая численность охраны составляет 148 049 человек, в том числе рядового состава 98.863 человека, сержантского 37 688 человек и офицерского 11 498 человек.

Для обеспечения установленного режима, борьбы с преступностью среди заключенных и предотвращения побегов в лагерях и колониях имеются режимно-оперативные аппараты.

В 1953 году в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний произошли значительные изменения, связанные с передачей в марте 1953 года лагерей и колоний из МВД СССР в Министерство юстиции СССР и выполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии».

По амнистии из лагерей и колоний было освобождено 1 201 738 человек, что составило 53,8% общей численности заключенных на 1 апреля 1953 года. По этой причине было ликвидировано 104 лагеря и 1567 колоний и лагерных подразделений. В связи с этим значительно изменился состав заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях. Подавляющую часть заключенных стали составлять лица, осужденные за особо опасные уголовные преступления (бандитизм, грабежи, умышленные убийства, уголовники-рецидивисты, а также отбывающие наказание за контрреволюционные преступления).

Уход по амнистии из лагерей и колоний значительного количества заключенных, осужденных за маловажные преступления и положительно проявивших себя в местах заключения, активизация оставшейся части заключенных против мероприятий лагерной администрации, а также неприспособленность периферийных аппаратов Министерства юстиции на местах к руководству лагерями и колониями отрицательно сказались на обеспечении режима содержания заключенных, поддержании должного порядка в лагерях и колониях и организации трудового использования заключенных.

В 1953 году в лагерях резко возросло число бандитских проявлений и групповых неповиновений заключенных, сопровождавшихся в ряде случаев человеческими жертвами.

В 1 квартале 1954 года преступность среди заключенных уменьшилась, однако, продолжает оставаться высокой. За январь, февраль и март месяцы в лагерях и колониях на почве бандитских побуждений, личных счетов, мести, из-за вражды между группировками уголовного рецидива было совершено 129 убийств. За это же время из лагерей бежало 155 заключенных, из которых еще не задержаны 38 человек.

Все еще высокий уровень преступности среди заключенных и большое количество допускаемых ими нарушений являются следствием серьезных недостатков в режиме содержания заключенных и в политико-воспитательной работе, проводимой среди них.

Администрация мест заключения основное внимание уделяла хозяйственной деятельности в ущерб выполнению главной задачи, заключающейся в перевоспитании и исправлении осужденных, обучении трудовым профессиям и возвращении их по отбытии наказания к честной трудовой жизни.

В лагерях и колониях не обеспечивалась надлежащая изоляция при размещении заключенных с учетом совершенных ими преступлений, в связи с чем затруднялась работа по перевоспитанию заключенных и трудовому их использованию, а основная масса заключенных, в том числе молодежь, не ограждалась от вредного влияния со стороны рецидивистов и других лиц, осужденных за тяжкие преступления.

Значительное количество уголовных проявлений в исправительно-трудовых лагерях и колониях и случаев группового неповиновения лагерной администрации объясняется в большинстве своем тем, что начальники лагерей, их заместители и начальники оперативно-режимных аппаратов проявляют нерешительность, а в ряде случаев трусость и несвоевременно пресекают эти уголовные проявления с изъятием организаторов беспорядка.

На состоянии режима содержания заключенных и внутреннего порядка в лагерях и колониях отрицательно сказывается и то обстоятельство, что многие хозяйственные органы министерств и ведомств нарушают постановление Совета Министров СССР от 12 марта 1952 года № 1280-424с, которым они обязаны обеспечить трудовое использование заключенных изолированно от основной массы вольнонаемных рабочих и служащих.

В результате свободного общения с вольнонаемными заключенные устанавливают с ними близкие связи, осуществляют через них нелегальную переписку, приобретают запрещенные для хранения в лагерях и колониях предметы, спиртные напитки. Все это создает дополнительные трудности в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний.

Руководство Министерства, ГУЛАГа и ИТЛ не проявили должной требовательности и настойчивости в неуклонном выполнении этого постановления Правительства.

Политико-воспитательная и культурно-массовая работа с заключенными во многих лагерях и колониях находится в неудовлетворительном состоянии. В культурно-воспитательных аппаратах нередко работают провалившиеся на других должностях люди, не имеющие необходимой подготовки и опыта. Многие должности культурно-воспитательных работников, особенно в отдаленных лагерях, до сего времени не укомплектованы. Среди работников культурно-воспитательных отделов и частей в лагерях и колониях 60% имеют низшее и незаконченное среднее образование.

Политотделы ИТЛ все еще слабо занимаются организацией политико-воспитательной работы с заключенными и в ряде случаев не ведут должной борьбы с фактами нарушения советской законности.

Во многих лагерях и колониях воспитательная работа среди заключенных подменялась массовым применением мер дисциплинарного воздействия, даже за малозначительные нарушения лагерного режима.

Крупные ошибки допускались в подборе, расстановке и воспитании кадров в исправительно-трудовых лагерях и колониях. На многих должностях в системе ГУЛАГа находились провалившиеся на прежней работе и неподготовленные работники.

Наличие большого количества используемых на работе в лагерях и колониях скомпрометированных и неподготовленных работников не могло обеспечить проведение в жизнь действенной исправительно-трудовой политики. Эти работники допускали грубейшие нарушения советской законности. Однако руководство МВД СССР и ГУЛАГа проявляло к ним терпимость.

Наличие крупных недостатков в режиме содержания заключенных, трудовом использовании их и в воспитательной работе с ними затрудняет выполнение органами МВД важной государственной задачи по перевоспитанию заключенных в системе исправительно-трудовых лагерей и колоний. Поэтому часть заключенных после освобождения из лагерей и колоний по отбытии срока наказания вновь становится на преступный путь. На 1 апреля 1954 года из числа заключенных, освобожденных по амнистии, привлечено вновь к уголовной ответственности 84.225 человек.

Следует также отметить бездействие МВД СССР, ГУЛАГа и местных органов МВД, которые примиренчески относятся к фактам негодной судебной практики по делам заключенных, привлеченных к ответственности за особо злостные проявления бандитизма в исправительно-трудовых лагерях.

Судами при рассмотрении уголовных дел о бандитских проявлениях, сопровождавшихся убийствами, совершенных заключенными в лагерях, почти не применяется предусмотренная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1953 года высшая мера наказания – расстрел.

Так, из 2167 заключенных, привлеченных в 1953 году к уголовной ответственности за бандитизм, были приговорены к высшей мере наказания только 65 человек, а утверждены и приведены в исполнение приговоры лишь в отношении 11 человек.

Таким образом, бандиты, осужденные, как правило, на срок до 25 лет лишения свободы, совершая вновь тяжкие преступления, практически никакого наказания не несут, продолжают терроризировать других заключенных и дезорганизовывать деятельность лагерных подразделений.

Органы прокуратуры также не реагировали на указанные факты негодной судебной практики.

Во исполнение постановления ЦК КПСС от 12 марта 1954 года «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР»[47] МВД СССР разработало и проводит в жизнь ряд практических мероприятий по устранению серьезных недостатков в работе Министерства, ГУЛАГа, местных органов МВД и наведению надлежащего порядка в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний.

Указанное постановление ЦК КПСС доведено до каждого коммуниста исправительно-трудовых лагерей и колоний, обсуждено на собраниях партийных активов, партийных конференциях и на общих собраниях первичных партийных организаций.

Для разъяснения постановления ЦК КПСС от 12 марта с.г. и принятия мер к его выполнению, устранения имеющихся недостатков в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний и принятия исчерпывающих мер к коренному улучшению дела перевоспитания и исправления осужденных, их правильному трудовому использованию, а также обеспечению должного режима содержания заключенных, МВД СССР организовало глубокое изучение деятельности лагерей и колоний и проверку, насколько правильно каждое из исправительно-трудовых подразделений выполняет поставленные перед ним задачи.

Изучение произведено специальными комиссиями, назначенными из числа ответственных работников центрального аппарата Министерства и МВД – УМВД. По согласованию с соответствующими партийными органами, в работе комиссий принимали участие представители местных партийных органов.

Выявленные при проверке недостатки устранялись на месте, по каждому лагерному подразделению комиссиями разработаны практические мероприятия. О состоянии проверенных лагерей и колоний проинформированы республиканские, краевые и областные партийные органы.

Результаты проверок рассмотрены в Министерстве внутренних дел СССР, значительная часть предложений комиссий принята и включена в представленный на рассмотрение ЦК КПСС проект Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях[48].

Выполняя указания ЦК КПСС об укреплении ГУЛАГа, исправительно-трудовых лагерей и колоний проверенными и подготовленными кадрами, министерством пересмотрен весь личный состав центрального аппарата ГУЛАГа, в результате чего от работы в ГУЛАГе освобождено 38 человек. По периферийным органам ГУЛАГа по состоянию на 20 мая 1954 года освобождено от работы и уволено из системы лагерей и колоний: работников номенклатуры министра 30 человек, номенклатуры начальника ГУЛАГа 39 человек и прочих работников из числа начальствующего состава 1716 человек, в большинстве своем скомпрометировавших себя на работе или неспособных обеспечить порученные им участки. Эта работа продолжается и в настоящее время.

Приняты также меры к улучшению политико-воспитательной работы среди заключенных. По согласованию с местными партийными органами широко привлекаются для агитационно-пропагандистской работы лекторы и докладчики крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии, а также лекторы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Более активно стали проводить агитационно-пропагандистскую работу среди заключенных коммунисты исправительно-трудовых лагерей и колоний. Проводимая работа положительно сказывается на поведении заключенных и их настроениях.

В 1954 году дополнительно стали издаваться для заключенных 14 многотиражных производственных бюллетеней, число которых в настоящее время составляет 39 с общим тиражом до 100 тысяч экземпляров.

Приняты меры к упорядочению практики начисления зачетов рабочих дней и выдачи заработной платы. МВД СССР обязало лагери и колонии впредь зачеты рабочих дней начислять и объявлять ежемесячно.

Поступившие в лагери и колонии заключенные из числа освобожденных в 1953 году по амнистии, осужденные за вновь совершенные преступления, размещаются теперь изолированно от впервые осужденных с тем, чтобы оградить последних от вредного влияния рецидивистов. Изъяты из общих лагерей и изолированы в строго режимных подразделениях уголовные рецидивисты, а не поддающиеся исправлению в системе ИТЛ заключенные в количестве 11 560 человек переведены для дальнейшего содержания в тюрьмы.

МВД СССР приняты меры к улучшению организации питания и торгового обслуживания заключенных, для чего приводятся в полный порядок пищеблоки и усилен контроль за приготовлением пищи и санитарным состоянием кухонь и столовых.

Приняты меры к ликвидации канцелярско-бюрократического стиля руководства исправительно-трудовыми лагерями и колониями, усилена практическая помощь лагерям и колониям путем выезда работников центрального аппарата Министерства и ГУЛАГа, резко сокращена бумажная отчетность лагерей и колоний.

Во исполнение решения ЦК КПСС МВД СССР разработан и представляется при

этом проект Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях, в котором регламентируются режим содержания заключенных, организация их трудового использования и перевоспитания, а также права и обязанности администрации лагерей.

На основе изучения положения дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях, материалов произведенной проверки их деятельности и поступивших предложений с мест Министерством внутренних дел СССР также подготовлен представляемый при этом проект постановления ЦК КПСС «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД»[49].

Прошу рассмотреть[50].

Министр внутренних дел СССР С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 50–66. Подлинник. Машинопись.

№ 15

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О ЗАСЕДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ ЗА «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛАГЕРЯХ, КОЛОНИЯХ, ТЮРЬМАХ И НАХОДЯЩИХСЯ В ССЫЛКЕ НА ПОСЕЛЕНИИ*

1 июня 1954 г.

ЦК КПСС

Докладываю, что 31 мая 1954 года состоялось очередное заседание Центральной комиссии, которое рассмотрело 81 уголовное дело, в том числе 7 дел групповых, всего на 113 человек, ранее осужденных Особым совещанием.

По рассмотренным делам приняты решения:

отменены решения по делам с полной реабилитацией осужденных на 46 человек;

освобождено из ссылки с оставлением в силе ранее состоявшихся решений на 11 человек;

снижен срок наказания до 5 лет с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» на 10 человек;

снижен срок наказания до фактически отбытого без применения Указа «Об амнистии» на 2 человека;

переквалифицирован состав преступления по делу с освобождением из ссылки 3-х человек;

направлено на доследование дел на 2 человека;

отказано в просьбе об отмене решений по делам 18-ти человекам;

освобождено от принудительного лечения 2 человека.

Одно групповое дело на 6 человек направлено в Прокуратуру Союза ССР для опротестования в установленном законом порядке.

Из числа прекращенных дел с полной реабилитацией отменено решение по групповому следственному делу на 10 человек работников сельского хозяйства и сельской интеллигенции, осужденных за контрреволюционную деятельность тройкой УНКВД

* На первом листе записки имеются резолюции «Чл[енам] Президиума]. Н. Хрущев. 5/VI», «Ознакомился. Маленков. 6/VI», «Читал и не все понял. К. Ворошилов», «Озн[акомился]. А. Микоян», а также помета «В архив Президиума ЦК. В. Малин. 5.VIII.54». – Сост.

по Алтайскому краю в 1938 году 7 человек к расстрелу и 3 человека к 10 годам лишения свободы.

Указанное дело в 1936–1937 гг. было сфальсифицировано бывшими работниками УНКВД по Алтайскому краю, которые в свое время были привлечены к судебной ответственности.

Отказано в просьбе об отмене решения по делу Талиянц Николая Паниевича, осужденного в 1938 году Особым совещанием при НКВД СССР за троцкистскую деятельность к 8 годам ИТЛ, а в 1945 году направленного в ссылку на поселение в Красноярский край.

Отказано в просьбе об освобождении из ссылки Гуревич Эсфирь Исаевны (бывш. жены Бухарина), осужденной в августе 1949 года за участие в организации правых.

Председатель Центральной Комиссии,
Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 21–22. Подлинник. Машинопись.

№ 16

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ – БЫВШИХ РУКОВОДИТЕЛЯХ ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ*

1 июня 1954 г.

ЦК КПСС

С установлением советской власти в Эстонии, Латвии и Литве из этих мест были выселены в центральные области Советского Союза вместе с семьями враги Советского государства, ранее активно принимавшие участие в деятельности буржуазных профашистских партий, военно-полевых судов и других контрреволюционных учреждениях прибалтийских стран:

Пятс Константин Яковлевич, 1874 года рождения, (бывший президент буржуазной Эстонии) и его сын – Пятс Виктор Константинович, 1906 года рождения, бывший член Государственной думы буржуазной Эстонии;

Лайдонер Иван Яковлевич, 1894 года рождения, (бывший главком эстонской буржуазной армии) и его жена – Лайдонер Мария Антоновна, 1890 года рождения;

Мунтерс Вильгельм Николаевич, 1898 года рождения, (бывший министр иностранных дел буржуазной Латвии) и его жена – Мунтерс Наталья Александровна, 1897 года рождения;

Балодис Иван Петрович, 1881 года рождения, (бывший военный министр буржуазной Латвии) и его жена – Балодис Эльвира Юльевна, 1902 года рождения;

Меркис Антон Карлович, 1887 года рождения, (бывший премьер-министр буржуазной Литвы), его жена – Меркис Мария Антоновна, 1897 года рождения и сын – Меркис Гедимин Антонович, 1922 года рождения;

Урбшис Иозас Казимирович, 1896 года рождения, (бывший министр иностранных дел буржуазной Литвы) и его жена – Урбшис Мария Францевна, 1895 года рождения.

* На первом листе записки имеется помета «Тт. Руденко и Серову сообщено. В архив Президиума ЦК. В. Малин. 5.VIII.54». – Сост.

После начала Отечественной войны указанные лица были арестованы и заключены в тюрьму. В 1942 году следствие по их делу было приостановлено и возобновлено лишь через 10 лет в 1952 году.

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 4 февраля 1952 года № 2183 рс (по представлению МГБ СССР) перечисленные выше лица были осуждены Особым Совещанием при МГБ СССР к двадцати пяти годам тюремного заключения каждый.

Осужденные Пятс В. К. и Лайдонер И. Я. умерли, Пятс К. Я. находится в Казанской психиатрической больнице, а Меркис Г. А. освобожден из-под стражи по решению Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В настоящее время от Мунтерс В. Н., Лайдонер М. А., Меркис М. А. и других поступили заявления с просьбой пересмотреть их дело и освободить от дальнейшего пребывания под стражей.

В связи с укреплением советского социалистического строя в Литве, Латвии и Эстонии и с учетом того, что обвиняемые по настоящему делу Мунтерс В. Н., Мунтерс Н. А., Лайдонер М. А., Меркис А. К., Меркис М. А., Урбшис И. К., Урбшис М. Ф., Балодис И. П., Балодис Э. Ю. и Пятс К. Я. содержатся под стражей около 13 лет, считали бы возможным освободить их из-под стражи и применить к ним паспортное ограничение с запрещением проживать в режимных городах, включенных в перечень Совета Министров Союза ССР от 21 октября 1953 года, а также на территории Литовской, Латвийской и Эстонской республик.

Просим Ваших указаний[50а].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 122–124. Подлинник. Машинопись.

№ 17

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ С. А. ХУДЯКОВА*

4 июня 1954 г.

ЦК КПСС

Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР рассмотрены материалы дела по обвинению бывш. командующего 12 воздушной армией ВВС, маршала авиации Худякова Сергея Александровича (он же Ханферянц Арменак Артемьевич), осужденного Военной Коллегией Верховного Суда СССР в 1950 году за измену Родине и злоупотребление служебным положением к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

* На первом листе записки имеются резолюции: «В круговую. Чл[енам] През[идиума] ЦК. За. Н. Хрущев. 7/VI-54 г.», «За – Г. Маленков», «За – К. Ворошилов», «За – А. Микоян», «За – М. Первухин», «За – Л. Каганович», «За – Булганин», «За – М. Сабуров» и пометы «Тов. Булганин за. В. Малин» и «Тт. Руденко и Серову сообщено. В архив. В. Малин». – Сост.

Худяков-Ханферянц был заключен под стражу Главным управлением контрразведки «Смерш» в декабре 1945 года, однако постановление на его арест утверждено Абакумовым и санкционировано прокурором лишь 18 марта 1946 года.

На следствии Худяков-Ханферянц долгое время виновным себя не признавал, но после применения к нему мер физического воздействия показал, что в 1918 году, отстав от отряда Красной Армии, он был мобилизован на службу в дашнакский отряд эсеро-меньшевистского правительства в Баку и в сентябре того же года вместе с группой сослуживцев принимал участие в сопровождении 26 бакинских комиссаров, вывезенных из Баку в Красноводск на пароходе «Туркмен».

В протоколах допроса Худякова-Ханферянца записано далее, что в том же 1918 году он познакомился с английским офицером Вильсоном, был привлечен им к шпионской деятельности, а затем передан на связь белогвардейскому офицеру Вознесенскому, по заданию которого неоднократно перебирался через линию фронта в расположение частей 39 дивизии Красной Армии для сбора шпионских сведений.

Перед последней заброской за линию фронта он получил сфабрикованные документы на имя Худякова и, проникнув в расположение советских войск, обманным путем приобрел себе билет красногвардейца и остался на службе в Красной Армии.

В этом же плане Худяков дал показания и в судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в апреле 1950 года. Вместе с тем, в суде он заявил, что после 1918 года никакой антисоветской работой не занимался и честно выполнял свой служебный долг в рядах Советской Армии.

«Признания» Худякова-Ханферянца о службе в дашнакском отряде и связях с английской разведкой, полученные в результате применения к нему незаконных методов ведения следствия, противоречивы, вызывают сомнение в их правдоподобности и никакими объективными данными не подтверждаются.

Следствие по делу Худякова-Ханферянца велось односторонне и тенденциозно. К делу не были приобщены документы, оправдывающие Худякова-Ханферянца или смягчающие его вину. Например, ни в одном документе, приобщенном следствием к делу, ничего не упоминается о заслугах Худякова-Ханферянца перед Советским государством за весь период его службы в Советской Армии и особенно в годы Отечественной войны.

Между тем следствию было хорошо известно, что за 25-летний период службы в Советской Армии Худяков-Ханферянц проявил себя с положительной стороны, был награжден семью орденами, а также медалями.

Рассмотрев все материалы дела, Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и Прокуратура Союза ССР полагали бы возможным пересмотреть решение Военной Коллегии в отношении Худякова-Ханферянца и посмертно его реабилитировать.

Просим Ваших указаний.

Генеральный прокурор Союза ССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 313. Л. 167–169. Подлинник. Машинопись.

№ 18

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О ЗАСЕДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ ЗА «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛАГЕРЯХ, КОЛОНИЯХ, ТЮРЬМАХ И НАХОДЯЩИХСЯ В ССЫЛКЕ НА ПОСЕЛЕНИИ*

19 июня 1954 г.

ЦК КПСС

Докладываю, что 14 июня 1954 года состоялось очередное заседание Центральной комиссии по пересмотру уголовных дел, на котором было рассмотрено 117 дел на 111 человек (на некоторых лиц рассмотрено по два дела) и приняты следующие решения.

1. Прекращено уголовных дел за отсутствием состава преступления, за недостаточностью собранных по делу доказательств и необоснованностью направления в ссылку на поселение – на 50 человек, из них 8 человек ранее состояли в КПСС.

2. Снижена осужденным мера наказания, с освобождением их из-под стражи на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» – на 12 человек.

3. Снижена мера наказания до фактического отбытого срока – 5 человек.

Всего по решению комиссии подлежит освобождению из мест заключения 26 человек и от ссылки и высылки 41 человек.

Наиболее характерным из числа прекращенных уголовных дел является дело на бывшего заведующего кафедрой философии Ростовского университета, доктора философских наук Резникова Лазаря Осиповича и старшего преподавателя того же университета Рутштейна Макса Михайловича, осужденных 4 марта 1950 года Особым совещанием при МГБ СССР за антисоветскую агитацию к 10 годам лишения свободы.

Резников Л. О. и Рутштейн М. М. обвинялись в том, что в своих лекциях и научных работах по философии искажали марксизм, выражая идеологию троцкизма и правого оппортунизма.

В результате дополнительной проверки и произведенной экспертизы установлено, что Резников и Рутштейн в своей научной преподавательской деятельности допускали отдельные ошибки, выражавшиеся в неправильной трактовке ряда вопросов философии, однако эти ошибки свидетельствуют лишь об их заблуждении и поэтому не могут быть расценены как факты антисоветской деятельности.

Прекращено дело на Косареву Елену Александровну, 1930 года рождения, направленную по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 14 декабря 1949 года в ссылку сроком на 10 лет как дочь осужденного бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева А. В.

Как видно из материалов дела, Косарева после ареста ее отца с семилетнего возраста находилась на иждивении бабушки и по окончании средней школы училась в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Никаких компрометирующих материалов, которые могли бы служить основанием к осуждению Косаревой, в процессе следствия добыто не было.

* На первом листе записки имеются резолюции: «В круговую. Чл[енам] През[идиума] ЦК. Н. Хрущев. 26/VI», «Ознакомился – Г. Маленков. 28/VI», «К. Ворошилов. 28/VI», «В. Молотов», «А. Микоян» и помета «В архив Президиума ЦК. В. Малин. 3/VIII-54 г.». – Сост.

4. Из общего числа заслушанных комиссией уголовных дел отказано в пересмотре решений Особого совещания:

осужденным

за измену Родине – 11 чел.

за высказывание террористических намерений – 5 чел.

за участие в антисоветских организациях – 5 чел.

за антисоветскую агитацию – 15 чел.

за прочие контрреволюционные преступления – 3 чел.

Отказано в пересмотре дела бывшему начальнику участка треста «Севзапэнергоремонт» Бураченок Никодиму Спиридоновичу, осужденному в 1952 году за антисоветскую агитацию к 10 годам лишения свободы.

Бураченок в 1925–1926 гг. примыкал к троцкистской оппозиции. За активную троцкистскую деятельность Бураченок в 1953 году исключен из рядов коммунистической партии.

В 1948 году Бураченок, работая в должности начальника участка треста, в присутствии рабочих возводил злобную клевету на советскую действительность и материальные условия жизни трудящихся в СССР.

Председатель Центральной Комиссии,
Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 23–25. Подлинник. Машинопись.

№ 19

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО, И. А. СЕРОВА И С. Н. КРУГЛОВА В ЦК КПСС ОБ ОТМЕНЕ ДИРЕКТИВЫ МГБ СССР И ПРОКУРАТУРЫ СССР О НАПРАВЛЕНИИ В ССЫЛКУ ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ*

1 июля 1954 г.

ЦК КПСС

26 октября 1948 года б[ывшим] МГБ СССР и Прокуратурой СССР в связи с постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 416-159сс была издана совместная директива № 66/241сс, в которой органам МГБ предлагалось всех лиц, ранее судимых за шпионаж, диверсию, террор, а также троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп, освобожденных по отбытии наказания из лагерей и тюрем после окончания Великой Отечественной войны, в том числе и тех, сроки наказания которым истекли во время войны, но они были задержаны в лагерях и тюрьмах до окончания войны, – арестовывать, предъявлять им обвинение в соответствии с составом преступления, за которое они отбывали ранее наказание в лагерях и тюрьмах и через Особое Совещание направлять в ссылку на поселение.

* На первом листе записки имеются подписи «Чл[енам] През[идиума] ЦК. За. Н. Хрущев. 2/VII», «За. Г. Маленков. 2/VII», «За. В. Молотов. 2/VII», «За. А. Микоян», «За. К. Ворошилов», «За. М. Сабуров», «За. Л. Каганович» и помета «Тт. Руденко и Серову сообщено. В архив Президиума ЦК. В. Малин. 3.VIII. 54». – Сост.

С момента издания указанной директивы и до упразднения Особого Совещания, т. е. до 1 сентября 1953 года, в ссылку на поселение было направлено 20 272 человека, многие из которых по отбытии наказания находились на свободе и в течение 3–5 лет занимались общественно-полезным трудом.

Учитывая, что лица, осужденные за тяжкие государственные преступления, приговариваются судебными органами к длительным срокам лишения свободы, считаем, что ссылка на поселение осужденных, отбывших срок наказания в лагерях и тюрьмах, не вызывается необходимостью, тем более, что судебные органы, согласно ст. 35 и 36 УК РСФСР и соответствующим ст[атьям] УК других союзных республик, имеют право и в нужных случаях могут применять ссылку как дополнительную меру наказания.

В соответствии с этим считаем целесообразным директиву МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. № 66/241сс отменить и лиц, находящихся в ссылке на поселении по решениям Особого Совещания при МГБ СССР, от ссылки освободить.

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
И. Серов
Министр внутренних дел СССР
С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 32–33. Подлинник. Машинопись.

№ 20

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР «О СНЯТИИ НЕКОТОРЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ»[51]

5 июля 1954 г.

№ 1439-649с

В результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев, выселенных в районы Казахской, Узбекской, Киргизской и Таджикской ССР, Коми, Башкирской и Якутской АССР, Алтайского, Красноярского и Хабаровского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Свердловской и других областей, будучи трудоустроена в сельском хозяйстве и промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, и считая, что в связи с этим применение к ним ныне существующих ограничений в правовом положении не вызывается необходимостью, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Предоставить лицам, состоящим на учете спецпоселений, занимающимся общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

Не распространять этого права на лиц из числа спецпоселенцев, которые не занимаются общественно полезным трудом, нарушают режим и общественный порядок в местах поселения.

2. Во изменение существующего порядка установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы Министерства внутренних дел СССР один раз в год. Лица, меняющие постоянное место жительства, обязаны сняться с учета в спецкомендатурах и встать на учет по новому месту жительства в органах Министерства внутренних дел СССР.

3. Снять с учета в органах Министерства внутренних дел СССР детей спецпоселенцев до 16-летнего возраста включительно, освободить их из-под административного надзора и не применять к ним в дальнейшем ограничений, установленных для спецпоселенцев.

4. Снять с учета спецпоселений детей старше 16 лет, принятых и направленных в учебные заведения, разрешить им выезд к месту учебы в любой пункт страны.

5. Отменить применение штрафа и ареста, как административных мер наказания к спецпоселенцам, за нарушение режима в местах поселения.

6. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, исполкомы краевых и областных Советов депутатов трудящихся усилить политическую работу среди спецпоселенцев, вовлекая их в активную общественно-политическую жизнь. Спецпоселенцы, как и другие трудящиеся, должны вовлекаться в профсоюзные, комсомольские организации, а также поощряться и награждаться за трудовые успехи и использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью.

7. Настоящее постановление не распространяется на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания, а также на категории спецпоселенцев, указанные в приложении[52].

Председатель Совета Министров СССР
Г. Маленков
Управляющий Делами Совета Министров СССР
А. Коробов

Опубликовано: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. II. Курск. 1999. С. 263–264.

№21

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО К. Е. ВОРОШИЛОВУ ОБ ОТКАЗЕ В ПРОСЬБЕ А. А. АХМАТОВОЙ О РЕАБИЛИТАЦИИ Л. Н. ГУМИЛЕВА*

6 июля 1954 г.

Председателю Президиума Верховного Совета
товарищу К. Е. Ворошилову

Произведенной проверкой дела по обвинению Гумилева Льва Николаевича установлено, что он 13 сентября 1950 года бывшим Особым Совещанием при МГБ СССР был осужден за принадлежность к антисоветской группе, террористические намере-

* На первом листе записки имеется подпись К. Е. Ворошилова «КВ». – Сост.

ния и антисоветскую агитацию к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Ранее, 26 июля 1939 года он был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР за участие в 1937 году в антисоветской группе к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

На следствии в 1949–1950 гг. Гумилев показал, что антисоветские взгляды у него возникли еще в 1933 году под влиянием антисоветски настроенных поэта Мандельштама и отчима Гумилева – Пунина. Он и Пунин сгруппировали вокруг себя единомышленников в лице студентов Борина, Полякова, Махаева и к 1934 году у них сложилась антисоветская группа. Практически они на его, Гумилева, квартире неоднократно высказывали различные клеветнические измышления в отношении руководителей партии и правительства, охаивали условия жизни в Советском Союзе, обсуждали методы борьбы против советской власти и вопрос о возможности применения террора в борьбе против Советского правительства, читали стихи контрреволюционного содержания. Он, Гумилев, читал сочиненный им в связи с убийством С. М. Кирова такого же характера пасквиль «Экабатана», в котором возводил гнусную клевету на И. В. Сталина и С. М. Кирова. Он же высказывался за необходимость установления в СССР монархических порядков.

По поводу антисоветской деятельности в период 1945–1948 гг. Гумилев показал, что после освобождения его из места заключения в 1944 году его взгляды оставались враждебными советской власти, он клеветал на карательную политику советской власти и в антисоветском духе высказывался в отношении отдельных мероприятий ВКП(б) и Советского правительства.

Так, после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» он осуждал это постановление, заявлял, что в Советском Союзе нет свободы печати, что настоящему писателю делать нечего, ибо нужно писать так, как приказывают – по стандарту.

Факты антисоветской деятельности Гумилева, изложенные в его показаниях, подтверждаются показаниями Пунина, Борина, Полякова, Махаева, Мандельштама и Шумовского.

В 1951 году Гумилев обращался с просьбой пересмотреть решение по его делу, указывая, что его осуждение явилось результатом отрицательного отношения к его матери – поэтессе Ахматовой, а также отрицательного отношения к нему, как к молодому ученому-востоковеду.

В пересмотре решения Особого Совещания Главным Военным Прокурором Гумилеву было отказано.

Ахматова в жалобе на Ваше имя написала[53], что предъявленное Гумилеву Л. Н. обвинение на следствии не подтвердилось, однако, это ее утверждение не соответствует действительности.

Исходя из того, что Гумилев Л. Н. осужден правильно, Центральная Комиссия по пересмотру уголовных дел 14 июня 1954 года приняла решение отказать Ахматовой А. А. в ее ходатайстве о пересмотре решения Особого Совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 года по делу ее сына – Гумилева Льва Николаевича.

Действительный государственный советник юстиции
Р. Руденко

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 251. Л. 17–18. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Шпион. 1994. № 3. С. 22–23.

№ 22

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «ОБ ОТМЕНЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 НОЯБРЯ 1948 ГОДА „ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГИ ИЗ МЕСТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО И ПОСТОЯННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛИЦ, ВЫСЕЛЕННЫХ В ОТДАЛЕННЫЕ РАЙОНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ“»*

13 июля 1954 г. Москва, Кремль

№ 104/43

1. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

2. Лиц, находящихся на спецпоселении, за самовольный выезд (побег) с мест обязательного поселения привлекать к уголовной ответственности по части 1 ст. 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик[54].

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 174. Л. 176. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. I. Курск. 1999. С. 403–404.

№ 23

ПРИКАЗ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР «О СНЯТИИ НЕКОТОРЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ»

16 июля 1954 г.

№ 00597

Объявляя Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1954 года «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года „Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны“» и Постановление Совета Министров Союза ССР от 5 июля 1954 года № 1439-649 сс «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»,

приказываю:

1. Лицам, состоящим на учете спецпоселения и занимающимся общественно полезным трудом, предоставить право проживания в пределах области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

Не распространять это право на спецпоселенцев, уклоняющихся от общественно полезного труда, нарушающих режим и общественный порядок в местах поселений.

* На первом листе подлинника Указа имеется гриф «Без опубликования в печати». – Сост.

Спецпоселенцы при изменении постоянного места жительства обязаны сняться с учета в спецкомендатуре, а по прибытии к новому месту жительства – встать на учет в органах МВД. О выезде в командировку за пределы области, края, республики спецпоселенцы обязаны сообщать в соответствующую спецкомендатуру МВД.

2. Установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы МВД один раз в год.

Регистрацию спецпоселенцев производить в населенных пунктах по месту их фактического проживания.

3. Административные меры наказания в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток, применяемые к спецпоселенцам за нарушение режима в местах поселений, отменить.

4. В трехмесячный срок объявить спецпоселенцам об их правах и обязанностях и об уголовной ответственности за побег с места обязательного поселения.

5. Не распространять пп. 1, 2 и 3 настоящего приказа на спецпоселенцев:

украинских националистов, бандитов «ОУН – УПА», бандпособников и членов их семей, выселенных из западных областей Украинской ССР в 1944 – 1952 годах;

членов семей бандитов, бандпособников и кулаков с семьями, выселенных из Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, западных областей Украинской и Белорусской ССР и Псковской области в 1945–1952 годах;

«андерсовцев» и членов их семей, выселенных из Литовской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году;

иеговистов, выселенных из Латвийской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году.

Правовое положение перечисленных в данном пункте категорий спецпоселенцев оставить прежним.

6. За самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения привлекать спецпоселенцев к уголовной ответственности по части 1 статьи 82 УК РСФСР или соответствующим статьям УК других союзных республик.

Дела на таких лиц представлять на рассмотрение народных судов по территориальности.

7. По находящимся в производстве следственным делам о побегах спецпоселенцев с мест обязательного поселения обвинение переквалифицировать с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года на часть 1 статьи 82 УК РСФСР или соответствующие статьи УК других союзных республик.

8. В месячный срок снять с учета органов МВД детей спецпоселенцев всех категорий, родившихся после 31 декабря 1937 года, и впредь детей на учет спецпоселения не брать.

Об освобождении из спецпоселения детей объявить их родителям или опекунам и сделать соответствующие отметки в книгах посемейного учета со ссылкой на настоящий приказ.

9. Детям старше 16 лет для поступления в учебные заведения разрешать выезд в любой пункт страны.

Зачисленных в учебные заведения снимать с учета спецпоселения по заключениям МВД – УМВД.

Министр внутренних дел СССР, генерал-полковник С. Круглов

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1360. Л. 398–400. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. I. Курск. 1999. С. 404–406.

№ 24

СОВМЕСТНЫЙ ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР, МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

16 июля 1954 г.

№ 127с/0391/078

Во исполнение указаний директивных органов приказываем:

1. Директиву МГБ СССР и Прокуратуры СССР № 66/241 сс от 26 октября 1948 года отменить.

2. Лиц, находящихся по решениям Особого Совещания в ссылке на поселении на основании директивы МГБ СССР и Прокуратуры СССР № 66/241 сс от 26 октября 1948 года, от ссылки на поселение освободить и с учета снять.

3. Лиц, ранее направленных по решениям Особого Совещания в ссылку на поселение, а впоследствии переданных под опеку родственникам или помещенных в специальные дома инвалидов, освободить от опеки и из домов инвалидов и снять с них надзор органов МВД.

4. Освобождение лиц от ссылки на поселение, согласно настоящему приказу, производить по спискам, утвержденным министрами внутренних дел республик, начальниками управлений МВД краев и областей, председателями Комитетов государственной безопасности республик, начальниками управлений Комитета госбезопасности по краю, области и санкционированным прокурорами республик, краев и областей.

Списки составить в 2 экземплярах по административным районам нахождения освобождаемых от ссылки на поселение по следующей форме: фамилия, имя и отчество освобождаемого, время и место рождения, национальность, по каким статьям УК ранее был осужден, на какой срок, и социальное положение до осуждения.

Один экземпляр списка направить в райотдел (отделение) милиции для выдачи паспортов в соответствии с Положением о паспортах, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 21 октября 1953 года, имея в виду, что прежняя судимость с освобождаемых от ссылки на поселение с них не снимается.

5. К личному делу каждого освобождаемого приобщить справку об освобождении его от ссылки на поселение и снятии с учета на основании настоящего приказа и произвести отметки в соответствующих учетах МВД – УМВД.

6. МВД – УМВД на каждого освобожденного выслать в установленном порядке в отдел «П» МВД СССР извещения. Личные дела сдать ни хранение в архивы I спецотделов МВД – УМВД по территориальности.

7. Прекратить все следственные дела на лиц за побег из ссылки на поселение и розыск этих лиц, подпадающих под действие пункта 2 настоящего приказа.

8. Работу по освобождению от ссылки на поселение, согласно настоящему приказу, закончить в 2-месячный срок.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко
Министр внутренних дел СССР С. Круглов
Председатель КГБ при СМ СССР И. Серов

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 532. Л. 208–208 об. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано в извлечении: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. I. Курск. 1999. С. 407–408.

№ 25

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС ОБ ОБНАРУЖЕНИИ В АРХИВАХ ЗАЯВЛЕНИЯ И. М. КЕДРОВА И В. П. ГОЛУБЕВА ПРОТИВ Л. П. БЕРИИ

28 июля 1954 г.

ЦК КПСС

В обвинительном заключении по делу врага народа Берия и его сообщников указывалось, что сотрудниками НКВД И. Кедровым и В. Голубевым было подано в ЦК ВКП(б) и КПК заявление, разоблачающее Берия. Перехватив это заявление, Берия расправился с И. Кедровым, его отцом – старым коммунистом, членом Президиума ВЧК при Ф. Э. Дзержинском М. С. Кедровым, В. Голубевым и приемной матерью последнего – членом партии Батуриной.

Самого заявления Кедрова и Голубева в момент проведения следствия по делу Берия обнаружено не было. Поэтому в обвинительном заключении содержание заявления излагалось лишь на основании показаний знакомых с ним в общих чертах свидетелей.

Указывалось, в частности, что заявление должно было содержать данные, разоблачающие вредительскую деятельность Берия в области советской разведки за рубежом, а также данные, компрометирующие прошлую деятельность Берия (период работы Берия в Аз[ербайджанской] ЧК).

В настоящее время в личном архиве Берия обнаружен подлинник заявления И. Кедрова и В. Голубева, похищенный Берия из архивов МВД.

Этот документ свидетельствует, что выводы обвинительного заключения о содержании заявления полностью подтвердились.

Кедров и Голубев открыто высказывают недоверие по отношению к Берия, обвиняют его в расстановке соучастников в центральном аппарате НКВД СССР и, кроме того, указывают, что в распоряжении «старика Кедрова» имеются документы, свидетельствующие о том, что Аз[ербайджанская] ЧК, во главе которой в 1921 г. стояли Багиров и Берия, «скатывалась на буржуазно-националистические позиции и к антигосударственной практике».

Прилагаю подлинное заявление И. Кедрова и В. Голубева[55].

Очевидно, что отметки на этом заявлении сделаны рукой врага народа Берия.

Приложение: на 9 листах и папка.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 141–142. Копия. Машинопись.

№ 26

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ П. В. РЫЧАГОВА*

2 августа 1954 г.

В ЦК КПСС

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС[56] Прокуратурой СССР рассмотрено дело по обвинению бывшего начальника Главного Управления военно-воздушных сил Красной Армии генерал-лейтенанта авиации Рычагова Павла Васильевича и установлено.

Рычагов был арестован 24 июня 1941 года по ордеру, подписанному врагом народа Кобуловым, без санкции прокурора. Постановления на арест Рычагова и об избрании ему меры пресечения были составлены уже после, т. е. 27 июня 1941 года.

Рычагов обвинялся в том, что был участником антисоветской заговорщической организации и проводил вражескую работу, направленную на ослабление мощи Красной Армии.

На допросе 24 июня 1941 года Рычагов отрицал свою виновность в предъявленном ему обвинении. В последующих показаниях Рычагов признавал себя виновным в том, что являлся участником антисоветской заговорщической организации, по заданию которой вместе с другими лицами проводил вредительскую деятельность в военно-воздушных силах Красной Армии, но отрицал связь с германской разведкой и террористические намерения.

Следствием по делу Берия и его сообщников установлено, что Рычагов дал показания о своей якобы вражеской деятельности и вражеской деятельности других лиц в результате применявшихся к нему избиений и истязаний.

Свидетель Семенов П. П. показал:

«... В 1941 году, когда Влодзимирский занимал кабинет № 742, а я находился в приемной, я был свидетелем избиения Влодзимирским арестованных... Локтионова, Рычагова и других. Избиение носило зверский характер. Арестованные, избиваемые резиновой дубинкой, ревели, стонали и лишались сознания».

Один из наиболее активных сообщников Берия – Влодзимирский на допросе показал:

«В моем кабинете действительно применялись меры физического воздействия, как я уже об этом показывал, к Рычагову, может быть к Локтионову... Били арестованных резиновой палкой... Я помню, что один раз сильно побили Рычагова, но он не дал никаких показаний, несмотря на избиение».

Свидетель Болховитин А. А. об обстоятельствах дела по обвинению Рычагова дал следующие показания:

«... На допросах, которые проводил я, Рычагов виновным себя во вражеской деятельности не признавал и давал показания об отдельных непартийных своих поступках.

Влодзимирский всячески домогался от меня получения от Рычагова показаний с признанием им антисоветской деятельности, хотя убедительных и проверенных данных, изобличающих его, не было.

По указанию Влодзимирского в начале июля 1941 г. была проведена очная ставка между Смушкевичем и Рычаговым. До этой очной ставки Влодзимирский прислал ко мне в кабинет начальника первого отдела следчасти НКГБ СССР Зименкова и его заместителя Никитина.

Никитин, по указанию Влодзимирского, в порядке „подготовки“ Рычагова к очной ставке зверски избил Рычагова. Я помню, что Рычагов тут же заявил Никитину, что он теперь не летчик, т. к. во время этого избиения ему перебили барабанную перепонку уха. После этого привели в мой кабинет Смушкевича и началась очная ставка. Смушкевич, судя по его виду, очевидно, неоднократно избивался.

На следствии и на очной ставке давал невнятные показания о принадлежности Рычагова к военному заговору и о его шпионской деятельности. Рычагов же отрицал обвинение в шпионаже».

Несмотря на отсутствие объективных доказательств виновности Рычагова в совершении тяжких государственных преступлений, он, в числе других 25 арестован-

* На первом листе записки имеются пометы «Разослать членам Президиума ЦК КПСС. В. Малин. 4.VIII- 54» и «Архив. В. Чернуха. 11.VIII.54». – Сост.

ных, 28 октября 1941 года без суда был расстрелян по преступному предписанию Берия, а враги народа Кобулов и Влодзимирский в 1942 году задним числом сфальсифицировали заключение о расстреле Рычагова, заведомо ложно указав в нем, что предъявленное ему обвинение доказано.

Дело Рычагова Павла Васильевича Прокуратурой СССР прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления и он посмертно реабилитирован.

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 131–133. Подлинник. Машинопись.

№ 27

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. В. КОСАРЕВА[57]

4 августа 1954 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР рассмотрено дело по обвинению бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева Александра Васильевича и установлено.

Косарев еще в период работы врага народа Берия в Грузии считал, что в руководстве партийными органами он проводит неправильную линию, о чем и говорил в узком кругу комсомольских и партийных работников. Об этом 21 ноября 1937 года дал показания арестованный бывш[ий] начальник Политотдела Закавказской железной дороги Арутюнов С. А. (копия протокола его допроса приобщена к делу по обвинению Косарева).

Арутюнов показал, что в 1934 году Косарев, Салтанов, Гобечия, Георгий Твалчерлидзе, Жоржоладзе и Амвросий Рамишвили, находясь в Первомайской гостинице г. Москвы, критиковали выступление Берия по вопросу об искажении истории компартии Грузии, причем Косарев утверждал, что Берия притесняет старых большевиков, имея в виду Ф. Махарадзе и Миха Цхакая.

Об этих высказываниях стало известно Берия, в связи с чем Косарев пытался выяснить у Арутюнова, кто сообщил Берия о разговорах, имевших место в гостинице.

При расследовании дела Багирова была допрошена жена Косарева – Нанейшвили М. В., которая заявила, что ее муж считал Берия человеком нечестным, способным на любую провокацию и в качестве примера приводила случай компрометации бывшего полномочного представителя ОГПУ в Закавказье Реденса.

Нанейшвили также показала, что в начале 1937 года Косарев приехал с Багировым к себе на дачу в Волынское и за ужином провозгласил тост: «За настоящее партийное руководство в Закавказье, которого сейчас там нет...» Багиров ничего не ответил и затем уехал.

Вскоре после этого, как показывает Нанейшвили:

«... муж, придя с работы и будучи расстроенным, рассказал мне, что Багиров сообщил Берия о содержании тоста, произнесенного у нас за ужином. По словам мужа, на каком-то совещании он встретился с Берия, который обиженным тоном стал выяснять, почему муж не считает его, Берия, настоящим партийным руководителем.

Попытка мужа сначала отрицать этот случай, а затем как-либо его смягчить оказалась безрезультатной, так как Берия сообщил, что ему все известно со слов Багирова...»

При допросе Багиров не отрицал посещения дачи Косарева, но заявил, что содержания произнесенных последним тостов он не помнит.

О переходе Берия на работу в НКВД СССР Нанейшвили узнала раньше Косарева и когда ему об этом сообщила, то, по ее словам, он очень расстроился и был испуган.

28 ноября 1938 года Берия лично явился на квартиру Косарева, арестовал его и произвел обыск.

В момент прощания с мужем, по приказанию Берия, была арестована и Нанейшвили, хотя в отношении нее никаких компрометирующих данных не было.

Расследование по делу Косарева Берия поручил бывшему заместителю начальника следчасти Шварцману (арестован) – фальсификатору следственных дел.

На первом допросе 28 ноября 1938 года и последующих очных ставках с другими арестованными Косарев категорически отрицал обвинение в «изменнических делах...» и «предательской работе против партии и государства...», высказывал надежду, что в его деле разберутся, и признал себя ответственным лишь за отдельные ошибки, допущенные при подборе и выдвижении комсомольского актива.

Как показал Шварцман, Берия, узнав об этом, приказал применить в отношении Косарева меры физического воздействия и добиться от него признания. Косарева жестоко избивала группа следователей под руководством врага народа Влодзимирского, причем, как заявил Шварцман:

«... арестованный, поняв безвыходность своего положения, согласился давать показания о своей вражеской работе...»

Установлено, что составленный после избиений Косарева протокол его допроса от 5 декабря 1938 года, подписанный Берия и Шварцманом, сфальсифицирован, так как первые его пять страниц перепечатаны из протокола допроса Косарева от 28 ноября 1938 года, когда он отрицал обвинения, а затем уже добавлены показания о признании им своей вражеской деятельности.

Эту фальсификацию признал и Шварцман, объяснив, что она произведена по предложению Берия и для того, чтобы в инстанции (куда была послана копия протокола), «... видели процесс активного изобличения Косарева...»

В результате избиений и пыток Косарев признал себя виновным в том, что являлся руководителем контрреволюционной право-троцкистской организации в комсомоле, где и проводил террористическую и шпионскую деятельность.

О надуманности и неправдоподобности «признания» Косарева свидетельствуют его показания в протоколе от 5 декабря 1938 года. На вопрос, какими средствами проводилась им подрывная работа, Косарев ответил:

«... мы вели работу по политическому разложению комсомола, притуплению его боевых качеств, разбуханию и засорению его рядов, сведению на-нет идейно-воспитательной работы, вместо чего поднимали на щит гармошку и галстух*, направляли внимание молодежи в сторону культурничества, отвлекая ее от насущных политических задач дня.

Мы выдвигали к руководству комсомолом наших сторонников, враждебных партии и ведущих борьбу с ней, сеяли в рядах молодежи недовольство существующим положением в стране и формировали кадры, готовые в нужный момент к открытой вооруженной борьбе против советской власти...»

Конечные цели «вражеской работы» Косарева в протоколе допроса сформулированы так:

«... свержение советской власти, восстановление капитализма в стране, приход к

* Так в тексте. – Сост.

руководству блока из правых и троцкистов, включая в этот блок антисоветские силы и нас, представителей контрреволюционной молодежи...»

Шварцман признал, что он с врагом народа Кобуловым избивали бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Пикину В. Ф. (ныне реабилитированную) с целью получить от нее показания о вражеской деятельности Косарева. Такие же требования к Пикиной предъявлял и лично Берия.

Пикина 29 апреля 1954 года показала:

«В конце допроса Берия мне сказал, чтобы я дала показания на Косарева, как на врага народа. На это я ответила, что ложных показаний о Косареве я дать не могу...

На второй день я была вызвана Кобуловым, который мне сказал, что арестованы мой отец, мать и ребенок, что „вы должны спасти их и себя“ и требовал от меня дать показания на Косарева...»

Однако Пикина ложных показаний о Косареве не дала.

Неправдоподобность «признания» Косарева была очевидна и самому Шварцману, что видно из его же показаний от 28 июля с.г.:

«В результате расследования и общения с Косаревым у меня не сложилось убеждения о причастности его к шпионажу и террору. По этой причине запись показаний по этим обвинениям ... я производил так, чтобы несостоятельность этих обвинений была более или менее очевидна.

Опять-таки по этой причине я стремился при записи показаний Косарева избегать упоминания лиц, не арестованных и не осужденных во избежание новых арестов по делу...»

Однако, несмотря на все это, дело по обвинению Косарева с обвинительным заключением, утвержденным врагом народа Кобуловым, было направлено на рассмотрение в Военную Коллегию Верх[овного] Суда СССР. В судебном заседании Косарев признал себя виновным, подтвердил свои показания, данные на следствии, и 23 февраля 1939 года по приговору суда был расстрелян.

Тот факт, что Косарев не заявил о самооговоре, избиениях и пытках, можно объяснить только тем, что Берия и Шварцман прибегли еще и к обману, т. е. обещали сохранить Косареву жизнь в случае подтверждения им своих вымышленных показаний на суде. По этому поводу Шварцман дал следующие показания:

«... При вызове Косарева до или после заседания Военной Коллегии Верх[овного] Суда СССР, не помню, я, вопреки существовавшему порядку, сам дал Косареву бумагу и предложил написать заявление о сохранении ему жизни на имя Берия ... Такое заявление было Косаревым написано и его я лично, минуя непосредственных начальников, доложил Берия. Однако Берия, прочитав заявление, выругался, просьбу Косарева отклонил, а заявлению дальнейшего движения не дал...»

Впоследствии Берия и его сообщники по сфальсифицированным материалам репрессировали жену Косарева – Нанейшвили М. В. и его дочь (когда она через 10 лет после ареста отца достигла совершеннолетия).

В настоящее время эти лица полностью реабилитированы.

Таким образом, приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что Берия расправился с Косаревым как с неугодным и опасным для него человеком.

Полагал бы принести протест о прекращении дела Косарева для посмертной его реабилитации.

Прошу Ваших указаний[58].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 135–140. Подлинник. Машинопись.

№ 28

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ЦК КПСС О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПО СПЕЦПОСЕЛЕНИЮ С РАСКУЛАЧЕННЫХ И ГРАЖДАН НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ, ОТКУДА ВЫСЕЛЕНИЕ НЕ ПРОИЗВОДИЛОСЬ

11 августа 1954 г.

ЦК КПСС

На спецпоселении в Коми АССР, Алтайском крае, Кемеровской, Курганской, Мурманской, Тюменской и Херсонской областях находится 12 508 человек бывших кулаков, выселенных из районов сплошной коллективизации в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1931 года[59].

К началу 1941 года в местах поселений их находилось 930 221 человек.

После окончания Великой Отечественной войны по отдельным постановлениям Совета Министров СССР в 28 республиках, краях и областях ограничения по спецпоселению с бывших кулаков были сняты. Преобладающее количество освобожденных из спецпоселения осталось на постоянное жительство в пределах мест поселений.

Совет Министров Коми СССР, обком КПСС и областной Совет депутатов трудящихся Кемеровской области, на территории которых расселено около 10 тысяч бывших кулаков, ходатайствуют об освобождении их из спецпоселения.

В связи с этим Комиссия просит рассмотреть вопрос о снятии с бывших кулаков ограничений по спецпоселению.

Кроме того, на учете спецпоселения состоит 75 226 человек немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение немцев не производилось, и 34 665 человек немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, но не подвергавшихся выселению.

Преобладающее большинство немцев – уроженцев и жителей местностей, откуда выселение не производилось, на учете спецпоселения не состоит. Так, в Омской области из 46 386 немцев на учет было взято 1142 человека, в Алтайском крае из 17 567 человек – 1130, а в Чкаловской области из 14 300 – всего 399.

В результате этого создалось такое положение, когда в семье местного немца часть ее членов взята на учет спецпоселения, а другая часть на учете не состоит.

Учитывая, что бывшие кулаки на спецпоселении находятся длительное время, полностью включились в хозяйственную и культурную жизнь и прочно обосновались в новых местах жительства, а местные и мобилизованные в промышленность немцы выселению не подвергались, по месту своего постоянного жительства имеют собственные дома и приусадебные участки, Комиссия просит рассмотреть вопрос о снятии с учета спецпоселения бывших кулаков, выселенных в 1929–1933 годах, местных немцев и немцев, мобилизованных в период Отечественной войны для работы в промышленности, уроженцев и жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение их не производилось.

Р. Руденко
С. Переверткин
И. Серов
П. Кудрявцев

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 136. Л. 2–3. Копия. Машинопись.

№ 29

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПО СПЕЦПОСЕЛЕНИЮ С БЫВШИХ КУЛАКОВ И ДРУГИХ ЛИЦ»

13 августа 1954 г.

№ 78. п. XXII – О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц.

Учитывая, что находящиеся на спецпоселении бывшие кулаки, выселенные в 1929–1933 годах из районов сплошной коллективизации, длительное время находятся на спецпоселении, прочно обосновались в местах настоящего жительства, а местные и мобилизованные для работы в промышленности немцы выселению не подвергались, на учет спецпоселения были взяты по месту их постоянного жительства, где они имеют собственные дома и приусадебные участки, в связи с чем дальнейшее применение ограничений по спецпоселению к этим лицам не вызывается необходимостью, ЦК КПСС постановляет:

снять ограничения по спецпоселению:

– с бывших кулаков, выселенных в 1929–1933 годах из районов сплошной коллективизации;

– с немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение немцев не производилось;

– с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались[60].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 136. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

№ 30

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АНТИСОВЕТСКОЙ АГИТАЦИИ»

26 августа 1954 г.

№ 80. п. XV – О судебной практике по делам об антисоветской агитации.

Предложения Председателя Верховного Суда СССР т. Волина по данному вопросу в том виде, как они представлены, признать неправильными и не принимать[61].

Предложить т. Волину с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС обстоятельнее изучить данный вопрос и, если возникнет необходимость, внести свои предложения на рассмотрение в ЦК КПСС.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 139. Л. 44. Подлинник. Машинопись.

№ 31

ЗАПИСКА К. Ф. ЛУНЕВА И Р. А. РУДЕНКО В МВД СССР О НАПРАВЛЕНИИ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ РОДСТВЕННИКОВ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ПО ДЕЛУ Л. П. БЕРИИ

28 августа 1954 г.

Министру внутренних дел Союза ССР товарищу Круглову С. Н.

По решению инстанций Комитетом государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР и Прокуратурой СССР выселены следующие члены семей врага народа Берия и его сообщников[62] –

в Казахскую ССР:

Меркулова Лидия Дмитриевна – жена Меркулова и его мать Меркулова-Цинамзгварова Кетевана Николаевна;

Кобулова Анна Ивановна – жена Кобулова, его дочь Кобулова Светлана Богдановна, мать Кобулова Осана Погосовна и сестра Кобулова Наталья Захаровна;

Гоглидзе Евлалия Федоровна – жена Гоглидзе и его сын Гоглидзе Владимир Сергеевич;

Мешик Софья Ильинична – жена Мешика и его мать Мешик Варвара Мартыновна;

Деканозова Нора Тиграновна – жена Деканозова, его сын Деканозов Реджинальд Владимирович и жена сына Деканозова Циала (Валюся) Петровна, Арутюнова Варвара Мартыновна – мать жены Деканозова;

Влодзимирская Сусанна Яковлевна – жена Влодзимирского;

Кварацхелия-Антадзе Елена Дмитриевна – сестра Берия и ее муж Антадзе Акакий Николаевич, Кварацхелия-Квичидзе Тамара Дмитриевна – сестра Берия и ее муж Квичидзе Николай (Марк) Дмитриевич.

в Красноярский край:

Кварацхелия Иван Петрович – двоюродный брат Берия;

Кварацхелия Вахтанг Капитонович – племянник Берия с женой Кварацхелия Ларисой;

Берия-Лоладзе Анна (Анета) сестра Берия и ее муж Лоладзе Леван Исмаилович;

Кварацхелия-Козляковская Сусанна Капитоновна – племянница Берия;

Кварацхелия Александра Павловна – жена брата Берия.

Просим обеспечить содержание их на поселении и соблюдение ими соответствующего режима.

На высланных членов семей врага народа Берия[63] и его сообщников распространяется пункт 7 постановления Совета Министров СССР № 1439 – 649 с от 5 июля 1954 года[64].

Заместитель председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР
Лунев
Генеральный прокурор Союза ССР
Руденко

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4002. Л. 280–281. Заверенная копия. Машинопись.

№ 32

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО, С. Н. КРУГЛОВА, И. А. СЕРОВА И К. П. ГОРШЕНИНА В ЦК КПСС О ПОРЯДКЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СО СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ДАШНАКОВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

9 сентября 1954 г.

ЦК КПСС

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856сс из Армянской ССР по решениям Особого Совещания выселено на спецпоселение в Алтайский край 3017 семей дашнаков.

При проведении выселения органами бывшего Министерства госбезопасности СССР к категории дашнаков без достаточных оснований отнесено свыше 3 тысяч человек. В настоящее время от этой категории лиц в партийные и советские органы, в МВД и Прокуратуру СССР поступает большое количество заявлений и жалоб на необоснованное их выселение.

После соответствующей проверки заявлений, при отсутствии оснований к содержанию на спецпоселении, МВД и Прокуратура СССР дела на этих лиц представляют в Верховный Суд СССР для отмены постановлений Особого Совещания о их выселении.

Учитывая, что материалы, послужившие основанием к выселению на спецпоселение дашнаков и членов их семей, оформлялись в МВД Армянской ССР и что существующий порядок рассмотрения дел на эту категорию в Верховном Суде СССР осложняет работу по пересмотру дел, Комиссия вносит предложение поручить Армянской республиканской комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, рассматривать по поступающим жалобам и заявлениям дела на выселенных в 1949 году из Армянской ССР дашнаков и членов их семей и необоснованно выселенных из спецпоселения освобождать.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[65].

Р. Руденко, С. Круглов,
И. Серов, К. Горшенин

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 169. Заверенная копия. Машинопись.

№ 33

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ М. Е. КОЛЬЦОВА*

4 ноября 1954 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобой художника Ефимова Б. Е. на имя товарища К. Е. Ворошилова Прокуратурой Союза ССР проверено дело Кольцова Михаила Ефимовича.

* На первом листе записки имеются помета «В круговую: членам Президиума ЦК КПСС. На голосование. Тов. Булганин – за, тов. Маленков – за. В. Малин. 15/XI.54», резолюции «За. К. Ворошилов. 16/XI-54», «За. Л. Каганович. 17/XI-54», «За. А. Микоян», «За. М. Первухин», «За. М. Сабуров. 19/XI-54», «За. В. Молотов» и еще одна помета «Тов. Руденко сообщено. В архив Президиума ЦК КПСС. В. Малин. 22. XI.54». – Сост.

Проверкой установлено.

Кольцов М. Е., 1898 года рождения, член КПСС с 1918 года, до ареста член редколлегии газеты «Правда», депутат Верховного Совета РСФСР. Кольцов был арестован быв. НКВД СССР 14 декабря 1938 года по постановлению, утвержденному Берия, и осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 1 февраля 1940 года к расстрелу по обвинению в принадлежности к антисоветскому заговору, шпионаже и проведении антисоветской агитации.

Кольцов обвинялся в том, что он в 1923 году примкнул к троцкистскому подполью и пропагандировал троцкистские идеи, в 1932 году был вовлечен Радеком в троцкистскую террористическую организацию и по заданию последнего установил контакт с агентами германской разведки.

Кроме того, Кольцов обвинялся также в том, что в 1935–1936 гг. он установил связь с агентами французской и американской разведок и передавал им секретные сведения.

На предварительном следствии Кольцов в предъявленном ему обвинении виновным себя признал, однако, в суде от своих показаний отказался и пояснил, что эти показания им были даны в результате применения к нему мер физического воздействия. Из оперативных материалов НКВД СССР видно, что к Кольцову в процессе следствия действительно применялись незаконные методы следствия.

В деле Кольцова имеются показания Гиршфельда Е. В. и Гнедина С. А. о принадлежности Кольцова к антисоветскому заговору, существовавшему в Наркоминделе, однако, эти лица еще в процессе следствия от своих показаний отказались и заявили, что они оговорили себя и других лиц в результате незаконных методов ведения следствия.

Изобличавшая Кольцова в принадлежности к троцкистской организации, существовавшей среди литераторов, бывший сотрудник редакции газеты «Правда» Леонтьева от своих показаний также отказалась. Будучи допрошена в 1954 году, Леонтьева охарактеризовала Кольцова с положительной стороны и заявила, что в 1938 году она оговорила Кольцова в результате применения к ней незаконных методов следствия.

Просмотром дела по обвинению Радека установлено, что он никаких показаний в отношении Кольцова не дал.

Таким образом проверкой установлено, что Кольцов был арестован и осужден необоснованно.

Прокуратура СССР считает возможным внести протест на приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Кольцова Михаила Ефимовича на предмет прекращения дела за отсутствием в действиях Кольцова состава преступления и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[66].

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 1–2. Подлинник. Машинопись.

№ 34

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. Н. ДЕМЧЕНКО*

10 ноября 1954 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению быв. народного комиссара совхозов СССР Демченко Н. Н.

Проверкой установлено.

Демченко Николай Нестерович, 1896 года рождения, член КПСС с 1916 года, исключен в связи с арестом, был арестован 22 июля 1937 года НКВД СССР и осужден 29 октября 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к антисоветскому заговорщическому центру на Украине.

На предварительном следствии Демченко признал себя виновным в антисоветской деятельности, однако в судебном заседании отказался от этих показаний и заявил, что на предварительном следствии он себя оговорил.

Несмотря на это, Военная Коллегия Верховного Суда в составе председательствовавшего армвоенюриста Ульриха и членов бригвоенюристов Рутьмана и Преображенцева, рассмотрев это дело в течение 5 минут, вынесла в отношении Демченко обвинительный приговор.

В протоколе судебного заседания отмечено, что при рассмотрении дела Демченко были оглашены показания Якира. Однако, в деле Демченко протокола допроса Якира нет.

В процессе настоящей проверки было изучено дело по обвинению Якира И. Э. и установлено, что ни на предварительном следствии, ни в суде Якир никаких показаний в отношении Демченко не давал.

Что касается показаний Буценко, Литовченко, Шелехес и Прядченко, протоколы допросов которых приобщены к делу Демченко, то их показания являются неконкретными и противоречивыми.

Таким образом, проверкой установлено, что Демченко был арестован и осужден необоснованно.

Прокуратура СССР считает возможным опротестовать приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Демченко на предмет прекращения дела за отсутствием в действиях Демченко состава преступления и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 15–16. Подлинник. Машинопись.

* На первом листе записки имеются резолюции: «Чл[енам] През[идиума] ЦК. Согласен. Н. Хрущев», «За – Г. Маленков», «За – В. Молотов», «За – Булганин», «За – К. Ворошилов», «За – Л. Каганович», «За – А. Микоян», «За – М. Первухин. 7/XI» и помета «Т. Руденко сообщено. В архив Президиума ЦК КПСС. В. Малин. 22. XI.54 г.». – Сост.

№ 35

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ М. Е. МИХАЙЛОВА*

12 ноября 1954 г.

ЦК КПСС

Произведенной Прокуратурой СССР проверкой уголовного дела по обвинению Михайлова (Коцелененбогена) Михаила Ефимовича, быв. секретаря Московского, а затем Калининского и Воронежского обкомов ВКП(б), в связи с жалобой его жены Цельмс Л. Ю., и дополнительным расследованием по этому делу установлено.

Михайлов был осужден 1 августа 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу (приговор приведен в исполнение). Он был признан виновным в том, что:

1) с 1932 года являлся активным членом антисоветской террористической организации правых и под руководством участников этой организации – бывшего работника аппарата ЦК ВКП(б) Левина А. А. и бывшего наркомзема СССР Яковлева Я. А. проводил подрывную работу в сельском хозяйстве Московской, а затем Калининской и Воронежской областей;

2) работая секретарем МК ВКП(б), Михайлов лично завербовал в антисоветскую организацию ряд секретарей районных комитетов ВКП(б), заместителя уполномоченного комитета заготовок Копелева и руководил контрреволюционной деятельностью этих лиц, а в 1935–1936 гг. создал в Калининской области несколько террористических групп для осуществления террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства;

3) с целью дискредитации колхозного строя организовал в пограничных с Латвией районах Калининской области самоликвидацию 30 колхозов;

4) с целью подрыва обороноспособности СССР законсервировал ряд работ по укреплению советско-латвийской государственной границы;

5) поддерживал шпионские связи с бывшим секретарем Бобрикского райкома ВКП(б) Еновым и через него передавал врагу народа Уборевичу секретные сведения, составлявшие государственную тайну.

Следствие по делу Михайлова М. Е. велось с грубыми нарушениями закона.

Михайлов М. Е. был арестован 10 ноября 1937 года без санкции прокурора. Обвинение Михайлову не было предъявлено. К его делу приобщены никем не подписанные и не заверенные копии протоколов допросов 20 лиц, арестованных в 1937 году управлением НКВД по Калининской области, с показаниями которых Михайлов ознакомлен не был. По фактам, которые ему вменялись в вину, и по показаниям других лиц Михайлов ни разу не допрашивался.

В начале следствия у Михайлова М. Е. были отобраны собственноручно написанные им 2 черновика заявлений на имя Ежова и 2 черновых наброска его показаний, в которых Михайлов называл себя участником антисоветской террористической организации правых и приводил названные выше факты своей контрреволюционной дея-

* На первом листе записки имеются помета «В круговую. Членам Президиума ЦК КПСС. На голосование. Тов. Булганин – за, тов. Маленков – за. В. Малин. 15. XI-54 г.», резолюции «За – В. Молотов», «За – К. Ворошилов», «За – Л. Каганович. 17-XI-54 г.», «За – А. Микоян», «За – М. Сабуров. 19. XI-54 г.», «За – М. Первухин. 20/XI» и еще одна помета «Т. Руденко сообщено. В архив Президиума ЦК КПСС. В. Малин. 22. XI.54». – Сост.

тельности. Однако в дальнейшем Михайлов от этих своих заявлений и показаний отказался и стал категорически отрицать свою вину.

Дело Михайлова М. Е. велось сотрудниками 4 отдела ГУГБ НКВД СССР Гатовым М. Л. и Глебовым-Юфа З. Н., которые в 1938 году сами были арестованы, как участники контрреволюционной организации в аппарате ГУГБ НКВД СССР и осуждены к расстрелу.

Показания Глебова-Юфа, имеющиеся в его архивно-следственном деле, и показания допрошенных в настоящее время бывших оперуполномоченных 4 отдела ГУГБ Неймана Е. И. и ныне арестованного Родоса Б. В., свидетельствуют о том, что добиваясь от Михайлова показаний, следователи его избивали и применяли другие незаконные методы следствия. Так, на очной ставке с Левиным А. А. в Лефортовской тюрьме Михайлова избивали Ежов, Фриновский, Каруцкий и другие бывшие руководящие работники НКВД СССР.

При рассмотрении дела в Военной коллегии Верховного Суда СССР 1 августа 1938 года Михайлов виновным себя также не признал и вновь отказался от всех своих заявлений и показаний.

Свидетели в суд не вызывались.

Изучением архивно-следственных материалов на лиц, проходивших по делу Михайлова, и допросами свидетелей установлено, что обвинение против Михайлова было сфальсифицировано.

Названные Михайловым М. Е. лица, с которыми он якобы был связан по контрреволюционной деятельности, Копелев С. Л., Енов и другие в числе 14 человек, на следствии никаких показаний о Михайлове не давали. Только Яковлев Я. А. и Левин А. А., допрошенные в один и тот же день 11 ноября 1937 года (т. е. на следующий день после ареста самого Михайлова), показали о нем, как об участнике контрреволюционной организации правых, хотя до того они на допросах Михайлова вообще не называли.

Однако эти показания Яковлева и Левина имели весьма противоречивый и неконкретный характер, расходились с показаниями самого Михайлова и не были подтверждены другими свидетелями. Кроме того, при оценке показаний Яковлева Я. А. следует иметь в виду то, что, по свидетельству бывшего сотрудника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР Казакевича В. М. (допрошен 21 августа 1954 года), Яковлев дважды отказывался от своих показаний, а затем после применения к нему мер физического воздействия вновь подтверждал их.

Показания о Михайлове 20 арестованных, копии протоколов допросов, которые были приобщены к его делу, также не могут служить доказательством вины Михайлова М. Е. Из числа названных лиц 10 человек от всех своих показаний отказались, заявив, что давали их вынужденно, после применения к ним мер физического воздействия (эти лица освобождены), а остальные арестованные, хотя и были осуждены, но никаких компрометирующих Михайлова показаний не давали. Всех этих лиц допрашивали бывшие работники управления НКВД по Калининской области: Никонов А. Н., Листенгурт Р. Н., Рождественский А. К., Ягодкин А. А., Моисеев Н. Г., Лисицин А. Н. и другие, которые в 1938–1939 гг. за факты фальсификации следственных дел и извращенные методы следствия сами были арестованы и осуждены, в том числе Никонов, Листенгурт, Рождественский и Лисицин – к расстрелу.

Обвинение Михайлова М. Е. во вредительской деятельности в сельском хозяйстве и организации самороспуска 30 колхозов в пограничных с Латвией районах Калининской области является неосновательным.

Из справки Министерства сельского хозяйства СССР «О состоянии сельского хозяйства Калининской области в 1935–1940 годах» видно, что площади зерновых культур в колхозах, посевы льна-долгунца, посевные площади картофеля и овощей, поголовье свиней, овец, коз, крупного рогатого скота и другие показатели за период работы Михайлова в Калининской области улучшались из года в год, что, конечно, не могло бы иметь места при вредительской системе ведения сельского хозяйства. В декабре 1935 года «за выдающиеся успехи в области сельского хозяйства и промышленности и за перевыполнение государственных планов по сельскому хозяйству» Михайлов был награжден орденом Ленина.

Никаких данных о вредительстве в сельском хозяйстве Московской и Воронежской областей в деле Михайлова нет.

Обвинение Михайлова в том, что он с целью подрыва обороноспособности СССР законсервировал ряд работ по укреплению советско-латвийской границы и поддерживал шпионские связи с Еновым, через которого якобы передавал Уборевичу секретные сведения, является вымышленным.

Допрошенный в июле 1954 года бывший командир 2 стрелкового корпуса генерал-лейтенант Смирнов И. К. показал, что в 1936–1937 гг. он лично отвечал за охрану советско-латвийской границы и поэтому хорошо знает, что в тот период на границе с Латвией «у нас никаких военных укреплений не было, а, следовательно, и консервации оборонных работ не могло быть».

Таким образом, следует прийти к выводу, что Михайлов (Коцелененбоген) М. Е. был арестован и осужден совершенно неосновательно.

Также неосновательно Особым Совещанием при НКВД СССР была осуждена к 5 годам ссылки жена Михайлова – Цельмс Лайма Юльевна, член партии с 1919 года по 1938 год, проживающая в настоящее время в г. Рига. Дело по обвинению Цельмс Л. Ю. подлежит прекращению.

Считаю, что дело по обвинению Михайлова М. Е. ввиду отсутствия в его действиях состава преступления подлежит прекращению с посмертной реабилитацией Михайлова М. Е.

Прошу Вашего согласия.

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 19–23. Подлинник. Машинопись.

№ 36

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС ОБ УСКОРЕНИИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ БЫВШИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

15 ноября 1954 г.

ЦК КПСС

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 1 сентября 1953 года «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР»[67] рассмотрение жалоб и заявлений по делам на лиц, осужденных бывшей коллегией ОГПУ, тройками НКВД – УНКВД и Особым совещанием при НКВД – МГБ – МВД СССР возложено на Прокуратуру СССР с предварительным заключением по этим делам Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

В соответствии с установленным порядком жалобы и заявления по этим делам с заключением периферийных органов поступают в Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР, где рассматриваются повторно и затем с заключениями Комитета направляются в Прокуратуру СССР.

Таким образом, наряду с расследованием дел на арестованных, а также рассмотрением архивно-следственных дел центрального аппарата в Комитет госбезопасности поступает значительное количество архивно-следственных дел, ранее уже рассмотренных местными органами КГБ, на лиц, отбывших наказание по решениям бывшей Коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР.

В результате этого в настоящее время в центральном аппарате Комитета госбезопасности скопилось большое количество пересмотренных дел по жалобам и заявлениям, которые не могут быть рассмотрены в ближайшее время.

Дела на лиц, отбывающих наказание, пересматриваются Центральной и местными комиссиями по пересмотру уголовных дел.

В целях более оперативного рассмотрения жалоб и заявлений от лиц, отбывших наказание, считали бы целесообразным установить, что жалобы и заявления от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей Коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР, рассматриваются органами Прокуратуры и Комитета госбезопасности в порядке, устанавливаемом Прокуратурой СССР и Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Порядок рассмотрения жалоб и заявлений по делам осужденных, отбывших наказание, нам представляется следующим:

1. Жалобы и заявления от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей Коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР, рассматриваются комитетами государственной безопасности республик (не имеющих областного деления), областными и краевыми управлениями Комитета госбезопасности.

2. Рассмотренные жалобы вместе с заключениями местных органов КГБ направляются соответствующим прокурорам республик, краев и областей для внесения ими представления об опротестовании неправильности осуждения или подтверждения отказа в пересмотре решения по делу.

3. Представления прокурора со всеми материалами дела направляются Генеральному прокурору СССР для окончательного решения вопроса о внесении протеста в Верховный Суд Союза ССР или отклонения ходатайства о пересмотре дела.

Такой порядок повысит ответственность работников прокуратуры и местных органов КГБ и ускорит рассмотрение жалоб и заявлений.

В связи с этим необходимо внести изменения в Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 1 сентября 1953 года.

Проект Указа прилагаем[68].

Просим Вашего согласия[69].

Генеральный прокурор Союза ССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
И. Серов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 168. Л. 146–148. Копия. Машинопись.

№ 37

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА, К. П. ГОРШЕНИНА, Р. А. РУДЕНКО, И. А. СЕРОВА И А. А. ВОЛИНА К. Е. ВОРОШИЛОВУ О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ ГРАЖДАН О СУДЬБЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДСТВЕННИКОВ

18 ноября 1954 г.

Председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР товарищу Ворошилову К. Е.

По вопросу рассмотрения писем и заявлений граждан о судьбе их родственников, репрессированных органами НКВД в 1937–1938 годах, докладываем.

С 1939 года на заявления родственников лиц, осужденных к расстрелу Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ, Особой комиссией НКВД и Прокуратуры СССР, тройками НКВД – УНКВД в 1937–1938 годах, а позже Особым совещанием и Военной Коллегией Верховного Суда СССР, органами МВД и государственной безопасности даются ответы, что эти лица «осуждены к 10 годам лишения свободы без права переписки».

В связи с тем, что со времени осуждения указанных лиц прошло более 10 лет, подобные ответы заявителей не удовлетворяют, т. к. без соответствующих документов о судьбе осужденных их родственники не в состоянии разрешить правовые и другие вопросы (оформление наследства, разделение имущества, получение пенсии и т. д.).

Сообщать же заявителям о действительной мере наказания их родственников в данное время нецелесообразно, т. к. ранее им выдавались справки об осуждении последних к 10 годам лишения свободы.

В целях разрешения создавшегося положения Прокуратурой СССР, Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР были разработаны и 19 июня 1954 года № 1497-с представлены в ЦК КПСС на рассмотрение следующие предложения:

На заявления родственников лиц, осужденных к расстрелу, со дня ареста которых прошло свыше 10 лет, объявлять устно, что осужденные умерли в местах заключения.

Такие ответы, как правило, давать только членам их семей: родителям, жене-мужу и детям.

При необходимости разрешения родственниками осужденных правовых и имущественных вопросов выдавать справки о смерти осужденных через органы ЗАГСа.

Право выдачи справок об осужденных за антисоветскую деятельность предоставить органам Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, а по делам органов милиции – Министерству внутренних дел СССР.

По делам, рассмотренным Военной коллегией Верховного Суда СССР, выдачу справок возложить на Военную Коллегию Верховного Суда СССР.

По указанным предложениям решения еще не имеется[70].

С. Круглов
К. Горшенин
Р. Руденко
И. Серов
А. Волин

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 264–265. Заверенная копия. Машинопись.

№ 38

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА ПО ОБВИНЕНИЮ С. АЗИМОВА И ДРУГИХ*

19 ноября 1954 г.

ЦК КПСС

15 ноября 1954 года Центральной Комиссией по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, рассмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления уголовное дело по обвинению бывшего секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Азимова Сулеймана и других лиц.

Кроме Азимова по этому делу были арестованы бывший заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Узбекистана Хусаинов Сатты, бывший зав. отделом редакции газеты «Кзыл-Узбекистан» Джалалов Тухтасун, литературный сотрудник этой же газеты Латыфов Юнус, литературный сотрудник журнала «Муштун» Расулев Гафур, секретарь редакции журнала «Яш-кух» Адылов Амиль, зав. учебной частью средней школы Хашимов Абид, а также повар артели «Таракчи» Иминов Сали.

Установлено, что уголовное дело по обвинению указанных выше лиц было возбуждено в 1941 году бывшим наркомом внутренних дел Узбекской ССР Кобуловым Амаяком, при полном отсутствии доказательств виновности Азимова С. и других обвиняемых в совершении каких-либо контрреволюционных преступлений.

После того, как А. Кобулов применил к арестованным избиения и пытки, обвиняемый Джалалов дал показания, что он входил якобы в состав националистической повстанческой организации, созданной секретарем ЦК КП(б) Узбекистана Азимовым, и по заданию последнего завербовал в эту организацию Иминова и Хашимова.

Об обстоятельствах, при которых он якобы сделался членом контрреволюционной организации, Джалалов показал, что, встречаясь с Азимовым в феврале и июне 1940 года, он узнал от него о контрреволюционной деятельности Азимова. Кроме того Джалалов показал, что в сентябре 1941 года, прогуливаясь по городу, он случайно зашел на квартиру Азимова, где в это время происходило «антисоветское сборище» с участием профессора Кара-Ниязова (в то время зам. председателя Совнаркома УзССР, ныне Президента Академии Наук Узбекистана) и Юлдашева (бывш. секретаря Ташкентского обкома партии). Азимов якобы представил собравшимся Джалалова как «своего человека», после чего они стали обсуждать методы активизации антисоветской деятельности. Несмотря на то, что показания Джалалова были явно неправдоподобны хотя бы потому, что в 1940 году он не мог вести в Ташкенте разговоров контрреволюционного характера с Азимовым, так как последний после тяжелого ранения, полученного при автокатастрофе, находился на излечении в городе Сочи, эти полученные путем преступных методов следствия показания послужили поводом для арестов Азимова и других и расправы с арестованными.

Лично участвуя в избиениях арестованных, А. Кобулов добился от них признаний в контрреволюционных преступлениях, после чего дело было направлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

* На первом листе записки имеется резолюция «За. Н. Хрущев» и пометы «Разослать членам Президиума ЦК КПСС (указание тов. Хрущева). В. Малин. 29. XI.54» и «Архив. В. Чернуха. 8. XII.54». – Сост.

Следствие по делу велось с грубым нарушением закона. Так, обвинительное заключение по делу было составлено 24 июня 1942 года, а об окончании следствия обвиняемым объявлено только 1–2 июля 1942 года.

11–12 августа 1942 года без всяких оснований к этому арестованным было предъявлено дополнительное обвинение в подготовке вооруженного восстания против Советской власти.

12 августа 1942 года, т. е. в тот день, когда арестованным предъявлялось в Ташкенте это клеветническое дополнительное обвинение, в Москве состоялось уже решение Особого Совещания по делу, которым Хусаинов и Латыфов были осуждены к смертной казни – расстрелу, Азимов и Джалалов к тюремному заключению сроком на 10 лет каждый, а остальные обвиняемые к разным срокам лишения свободы.

На основании этого решения Хусаинов и Латыфов были расстреляны; обвиняемый Расулев умер, находясь в лагере, а остальные подсудимые после отбытия наказания направлены в ссылку на поселение.

Центральной Комиссией по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, Хусаинов, Латыфов и Расулев посмертно реабилитированы, в отношении остальных осужденных дано указание об освобождении их из ссылки.

Главный виновник фальсификации этого дела враг народа Кобулов А. за изменническую деятельность осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания – расстрелу[71].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 24–26. Подлинник. Машинопись.

№ 39

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ Р. Г. РУБЕНОВА*

19 ноября 1954 г.

Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

По Вашему поручению в связи с жалобой Рубеновой Т. Р. прокуратурой произведено расследование по делу отца жалобщицы Рубенова Рубена Гукасовича.

Рубенов Р. Г. являлся членом коммунистической партии с 1917 года и до ареста работал секретарем Фрунзенского РК, секретарем Московского Комитета, секретарем ЦК Компартии Азербайджана и руководителем группы КПК при ЦК ВКП(б).

15 сентября 1937 года Рубенов был арестован НКВД СССР и 27 ноября 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден к ВМН за то, что «с 1928 года являлся участником антисоветской террористической правотроцкистской организации, в которую вовлечен был врагом народа Ломинадзе».

21 и 23 сентября 1937 года от арестованного Рубенова Р. Г. были отобраны письменные объяснения, в которых он признал себя виновным в том, что примыкал к группе, состоявшей из бывших ответственных работников Закавказья. Участники этой группы, как пишет Рубенов, открыто высказывались о связях Берия с муссаватистской

* На первом листе записки имеются пометы «Разослать членам Президиума ЦК КПСС (указание тов. Хрущева). 29. XI.54. Шуйский, В. Малин» и «В архив. В. Чернуха. 8. XII.54». – Сост.

охранкой и, питая недоверие к его деятельности, пытались различными путями, в том числе используя свои близкие отношения с Серго Орджоникидзе, добиться снятия Берия с руководства Закавказьем и Грузией.

30 сентября 1937 года составлено два протокола допроса Рубенова, отпечатанные на машинке, в которых в острой форме излагается контрреволюционная деятельность Рубенова.

Произведенным по Вашему поручению расследованием установлено, что «признательные» показания Рубенова о якобы имевшей место с его стороны контрреволюционной деятельности не соответствуют действительности, и Рубенов Р.Г. был арестован и осужден неосновательно.

По заключению прокуратуры Военная Коллегия Верховного Суда СССР 17 ноября 1954 года дело Рубенова Рубена Гукасовича прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления.

П. Баранов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 27–28. Подлинник. Машинопись.

№ 40

ЗАЯВЛЕНИЕ К. Б. БОГОМОЛОВОЙ-ГАМАРНИК Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ

20 ноября 1954 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу

Заявление*

от Богомоловой-Гамарник К. Б.

Я решила Вас побеспокоить и обратиться с большой просьбой уделить немного внимания моему делу. В 1937 году 13 июня, работая в Москве в облпрокуратуре, я была исключена из рядов компартии по признакам того, что я являюсь сестрой Гамарника.

В 1937 году 2 августа я была арестована, а в 1938 году решением Особого совещания МВД осуждена к 8-ми годам лагерей как член семьи Гамарника.

У меня была своя жизнь; начиная с 14-тилетнего возраста я начала свою трудовую жизнь, а в 1921 году, живя и работая в Киеве, вступила в ряды комсомола, а в 1927 году в ряды компартии.

До 1933 года я все время жила и работала в Киеве (в Киевском госбанке, в Гор[отделе] К[онтрольной] К[омиссии] РКИ, в Ленинском райкоме партии, одновременно будучи на руководящей выборной работе КСМ).

В 1933 году с санкции парторганизации я переехала в Москву, работала там в Московском горкоме партии, а позднее в органах прокуратуры (Подольская и областная).

Будучи в партии на протяжении 10 лет, а в КСМ 16 лет, я работала преданно и честно, никогда не подвергалась никаким взысканиям и замечаниям.

Муж мой Богомолов Андрей Николаевич был членом партии с 1919 года

* Подчеркнуто автором . – Сост.

(в 1937 году работал одним из секретарей Московского горкома партии) был арестован тоже в 1937 году позднее меня на месяц, о нем мне ничего неизвестно.

Уходя из дома, я оставляла двух малолетних детей, сына 8-ми лет и дочь 2-х лет. Сын мой в 16-тилетнем возрасте (в мое отсутствие) трагически погиб под машиной в Москве. Дочь мою воспитали родные, она и сейчас продолжает жить с родными мужа, не признавая меня как мать.

Будучи в заключении в Карлаге МВД на протяжении многих лет я работала на культработе, отдавая все свои силы на мобилизацию заключенных на выполнение и перевыполнение производственных заданий, особенно в период Отечественной войны.

Я понимаю, что все написанное мною не может служить подтверждением моих слов, но я знаю, что у Вас есть все возможности для проверки всей моей жизни, об этом я и прошу.

Год тому назад мною была заполнена анкета о снятии судимости и даны характеристики со всех организаций, где я работала.

Умоляю Вас, верните меня к жизни, дайте мне возможность быть равноправным гражданином моей любимой Родины, дороже которой для меня ничего в жизни нет. Помогите мне вернуть мою единственную дочь!

Мой адрес: Караганда, 21, стройуправление № 2[72].

Богомолова

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 89. Л. 32–33. Подлинник. Машинопись.

№ 41

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ И. А. АКУЛОВА*

1 декабря 1954 г.

ЦК КПСС

В связи с заявлением гр[аждан]ки Шапиро Н. И., адресованным товарищу Г. М. Маленкову, Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению ее мужа Акулова Ивана Алексеевича.

Акулов И. А., 1888 года рождения, член КПСС с 1907 года, бывший секретарь ЦИК СССР и член бюро КПК при ЦК ВКП(б), был арестован НКВД СССР 23 июля 1937 года, как участник троцкистской организации и военного заговора, 29 октября 1937 года Акулов осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу.

По приговору суда Акулов признан виновным в том, что, являясь с 1927 года кадровым троцкистом, он вел подрывную работу против ВКП(б) и Советского правительства. По директиве троцкистского центра, полученной от Пятакова, проводил вредительскую работу на шахтах Донбасса.

Кроме того, Акулов признан виновным в том, что в 1933 году был вовлечен Якиром в военно-фашистский заговор и через Бухарина осуществлял связь с центром правых.

* На первом листе записки имеются резолюции «Согласен. Н. Хрущев», «За. Булганин», «За. Г. Маленков», «За. В. Молотов», «За. М. Первухин», «За. М. Сабуров», «За. Л. Каганович», «За. К. Ворошилов», «За. А. Микоян» и помета «Тов. Руденко сообщено. В архив Президиума ЦК. 8. XII.54. В. Малин». – Сост.

На предварительном следствии Акулов виновным себя признал, однако, в суде от своих показаний отказался и заявил, что все его показания, которые он давал на предварительном следствии, являются вымышленными и даны им в состоянии потери воли.

Акулов показал также, что троцкистом он никогда не был, наоборот, все время боролся с троцкизмом, вредительством не занимался и встреч с Пятаковым не имел. С Якиром, Бухариным и Гамарником он встречался, однако никаких разговоров о преступной деятельности с ними не вел.

В деле Акулова, кроме двух протоколов его допроса и заявления на имя следователя, никаких доказательств его виновности нет.

Просмотром архивно-следственных дел на Пятакова, Тухачевского, Якира, Бухарина, Лившица, Мрачковского, Балицкого, Постоловского и других, с которыми по показаниям Акулова на предварительном следствии, он был связан по преступной деятельности, установлено, что Акулов по показаниям этих лиц не проходит, никто из них Акулова, как троцкиста и участника военно-фашистского заговора, не назвал.

Таким образом, проверкой установлено, что Акулов был арестован и осужден необоснованно.

Прокуратура СССР считает возможным внести протест на приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Акулова Ивана Алексеевича на предмет прекращения дела за отсутствием в действиях Акулова состава преступления и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 34–35. Подлинник. Машинопись.

№ 42

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ С. З. КОРЫТНОГО*

9 декабря 1954 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению Корытного Семена Захаровича.

Проверкой установлено:

Корытный Семен Захарович, 1900 года рождения, бывш. член КПСС с 1919 года, бывш. секретарь Московского городского комитета партии, был арестован 26 июня 1937 года и Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 августа 1939 года, как активный участник контрреволюционной троцкистской террористической организации, осужден к расстрелу.

* На первом листе записки имеются резолюции «Чл[енам] Президиума] ЦК. Согласен. Н. Хрущев. 11/XII», «За. Булганин», «За. К. Ворошилов», «За. Г. Маленков», «За. Л. Каганович», «За. А. Микоян», «За. В. Молотов», «За. М. Первухин», «За. М. Сабуров» и помета «Тов. Руденко сообщено. В архив Президиума ЦК. В. Малин. 4.I.55». – Сост.

На протяжении почти двух месяцев после ареста Корытный виновным себя не признавал, а затем 21 августа 1937 года Абакумовым, работавшим в то время оперативным уполномоченным 4 отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР, от Корытного были получены собственноручные показания о том, что он с 1934 года являлся одним из руководителей Московского областного центра контрреволюционной троцкистской организации, в которую был вовлечен Фурером – бывш. заведующим культпропотделом Московского комитета партии.

На последующих допросах у Абакумова Корытный дал развернутые показания о проводимой контрреволюционной деятельности троцкистской организации и ее членов.

В судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР Корытный виновным себя не признал и заявил, что на предварительном следствии он дал вымышленные показания и оговорил других лиц по принуждению следователей.

К делу Корытного приобщены копии протоколов допросов арестованных по другим делам Богомолова, Танина-Цурикова, Крымского, Зиндера, Филатова, Матусова и других лиц, которые на предварительном следствии дали показания о причастности Корытного к троцкистской организации. Однако эти показания были получены от них уже после ареста Корытного, вызывают серьезные сомнения в их правдоподобности и потому не могут быть положены в основу обвинения Корытного.

Так, Богомолов и Танин-Цуриков в суде виновными себя не признали и от данных на предварительном следствии показаний отказались еще до окончания следствия по делу Корытного. Однако это обстоятельство в деле Корытного отражения не нашло и от суда было скрыто.

Арестованные Крымский, Зиндер и Акулов на предварительном следствии показали, что Корытный по контрреволюционной деятельности был связан с Якиром, Тухачевским, Гамарником и другими заговорщиками.

Акулов впоследствии от этих показаний отказался.

Проверкой же дела, по которому осуждены Якир, Тухачевский и другие заговорщики, установлено, что никто из них показаний на Корытного не дал.

По показаниям Филатова и Быкова, как участник троцкистской организации, проходит Коган Е. С., с которой Корытный был якобы связан по контрреволюционной деятельности, однако Коган, как это установлено проверкой, в троцкистской организации не состояла и в настоящее время полностью реабилитирована[73].

Арестованные Матусов, Федосеев, Крымский, Грехов и Порташников в числе участников троцкистской организации назвали Коллер, Бабину и Прищепчик М., но последние, будучи арестованными, виновными себя не признали и свое участие в контрреволюционной троцкистской организации отрицали.

Все это дает основание сделать вывод о том, что Корытный был осужден неосновательно, по непроверенным и сфальсифицированным материалам.

В связи с этим, Прокуратура СССР считает возможным внести протест по делу Корытного С. З. на предмет отмены приговора Военной Коллегии Верховного Суда и посмертной реабилитации Корытного[74].

Прошу Вашего согласия.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 37–39. Подлинник. Машинопись.

№ 43

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ОБ УСКОРЕНИИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ БЫВШИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

9 декабря 1954 г.

№ 97. п. XXXVII – О порядке рассмотрения жалоб и заявлений от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР[75].

Согласиться с предложением Генерального прокурора СССР (т. Руденко) и Председателя Комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР (т. Серова) об изменении порядка рассмотрения жалоб и заявлений от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1952 года «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР»[76].

2. Установить, что жалобы и заявления от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР рассматриваются прокурорами республик (не имеющих областного деления), краев и областей, военными прокурорами округов и транспортными прокурорами, по месту совершения преступления.

В тех случаях, когда прокуратура признает необходимым материалы, послужившие основанием для осуждения, проверить через органы КГБ, прокурор поручает соответствующим органам Комитета госбезопасности провести проверку и представить ему заключение.

3. При установлении неправильного осуждения эти дела с представлением соответствующего прокурора о принесении протеста в Верховный суд СССР направляются Генеральному прокурору СССР.

4. Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу.

Приложение к прот. № 97, п. XXXVII.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

Во изменение статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 1 сентября 1953 года «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел» установить, что жалобы и заявления от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД и Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР, рассматриваются органами прокуратуры в порядке, устанавливаемом Генеральным Прокурором СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Москва, Кремль
« » *декабря 1954 года.*

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 173. Л. 114–115. Подлинник. Машинопись.

№ 44

ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО А. Н. ТУПОЛЕВА Н. С. ХРУЩЕВУ К СПИСКУ ОСУЖДЕННЫХ РАБОТНИКОВ АВИАКОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО

27 декабря 1954 г.

Уважаемый Никита Сергеевич!

В соответствии с Вашим согласием оказать нам помощь в деле реабилитации, направляю Вам список работников моего конструкторского бюро, репрессированных органами НКВД в 1937–1938 годах и освобожденных досрочно, со снятием судимости, постановлениями Президиума Верховного Совета Союза ССР.

Приложение: список на 9 листах (м[оторное] б[юро] № 4552)[77].

А. Туполев

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 59–69. Копия. Машинопись.

РАЗДЕЛ IV

РЕАБИЛИТИРОВАТЬ: КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ДАННЫХ НЕ ИМЕЕТСЯ

ЯНВАРЬ – ДЕКАБРЬ 1955 г.

№ 1

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ГРУППЫ БЫВШИХ БОЛГАРСКИХ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ*

31 января 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой Союза ССР и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР рассмотрены материалы архивно-следственных дел по обвинению бывших болгарских политэмигрантов Исакова Давида Наимовича, Минчева Михаила Христофоровича, Лулчева Ганчо Ивановича, Славова Минчо Дымова, Четникова Георгия Георгиевича, Чикалова Кирилла Янаковича, Михайлова Георгия Георгиевича, Квартирникова Панайота Михайловича, Илиева Матвея Тосиевича, Глебова (он же Атанасов) Владимира Петровича, Касаветова Ивана Райковича, Коен Иосифа Садиковича, Тошевой Златильды Тасковны и Катева Христиана Ташевича.

Перечисленные лица были арестованы органами НКВД в период 1935–1939 гг. и осуждены Михайлов, Квартирников, Тошева, Катев и Глебов за контрреволюционную деятельность, а остальные по подозрению в шпионаже к различным срокам наказания.

На следствии, как это видно из материалов дел, в предъявленном обвинении виновными себя признали только Минчев, Четников, Квартирников, Илиев, Касаветов, Тошева и Коен. Однако в последующем все они от своих показаний отказались как от вымышленных, данных ими в результате применения мер физического воздействия.

Следует при этом отметить, что никакими доказательствами «преступной деятельности» большинства из перечисленных выше лиц органы следствия не располагали.

Вместе с тем, не могли служить основанием для ареста и осуждения приобщенные к делу свидетельские показания в отношении Михайлова и Квартирникова. Помимо того, что эти показания неконкретны и противоречивы, они опровергаются другими документами.

Например, имеющимся в деле подлинным письмом Георгия Димитрова Квартирников характеризуется «как активный и стойкий коммунист, преследовавшийся болгарскими властями и оказавший партии ряд ценных услуг».

* На первом листе записки имеется следующая резолюция: «Чл[енам] През[идиума] ЦК. Согласен. Н. Хрущев». – Сост.

Произведенной в настоящее время дополнительной проверкой установлено, что все перечисленные выше лица были арестованы и осуждены необоснованно.

В связи с этим Прокуратура Союза ССР и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР считают возможным опротестовать решения Особого Совещания при НКВД СССР в отношении Исакова, Касаветова, Михайлова, Илиева, Коен, Чикалова, Минчева, Квартирникова, Лулчева, Славова, Четникова, Тошевой, Катева и Глебова на предмет прекращения дел и полной их реабилитации.

Просим Вашего согласия[1].

Генеральный прокурор Союза ССР Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 42–43. Подлинник. Машинопись.

№ 2

ЗАПИСКА И. А. СЕРОВА И П. В. БАРАНОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ ГРУППЫ БЫВШИХ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ КОМПАРТИИ ПОЛЬШИ*

18 февраля 1955 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

В соответствии с Вашим поручением Прокуратурой Союза ССР и Комитетом государственной безопасности изучены архивно-следственные материалы в отношении группы руководящих работников Коммунистической партии Польши, репрессированных органами Наркомвнудела СССР в 1937–1938 гг.

Аресту были подвергнуты: Варшавский Адольф, Кошутская Мария, Прухняк Эдвард, Пашин Ян, Лещинский Юльян, Херинг Ежи, Будзынский Станислав, Томорович Витольд, Бортновский Бронислав, Циховский Казимеж, Штейн Владислав, Данелюк Александр, Круликовский Стефан, Ланьцуцкий Станислав, Битнер Генрих, Сыпула Константин, Лауэр Генрих, Рыбацкий Щепан, Логинович Юзеф, Славинский Адам, Любенецкий Игнацы, Горвиц Максимилиан, Гемпель Ян, Бернштейн Мечислав, Рейхер Густав, Амстердам Саул, Бобинский Станислав, Цитершпиллер Якуб и Форнальский Александр.

Всем перечисленным лицам предъявлялось обвинение в том, что они являлись участниками так называемой «Польской организации войсковой» («ПОВ»), а также являлись шпионами Польши и проводили провокаторскую деятельность в Коминтерне.

Как видно из следственных дел, конкретных данных об их преступной деятельности в распоряжении следствия не имелось, за исключением отдельных показаний лиц, ранее арестованных по обвинению в принадлежности к «ПОВ».

Расследование по данной категории дел проводилось в условиях грубейшего нарушения социалистической законности. Преступное руководство НКВД (Ежов, Фриновский) издало специальный приказ всем органам НКВД провести массовую операцию по изъятию поляков-политэмигрантов, рассматривая их как диверсионно-шпионскую агентуру Пилсудского[1а].

Несмотря на тяжелые условия, в которых находились арестованные, о чем свидетельствуют их заявления при рассмотрении дел в Военной коллегии, 12 человек из них

* На первом листе записки имеются пометы: «Экз. для Прокуратуры СССР» и «Послано в связи с письмом т. Б. Берута, которое возвр[ащено] в ЦК КПСС, за № 18рсс от 27.VII.55 г.». – Сост.

не признали себя виновными, в том числе такие видные деятели коммунистического движения в Польше, как Варшавский, Данелюк и Прухняк.

Варшавский категорически отрицал свою принадлежность к разведорганам панской Польши и заявил, что как один из руководящих работников ЦК КПП, он был повинен в том, что занял неправильную позицию в период захвата Пилсудским власти в 1926 году.

Член Политбюро ЦК КПП до 1930 года Данелюк Александр обвинялся в провокаторской работе в рядах компартии Польши и в рабочем движении. На следствии никаких показаний не дал и, протестуя против незаконного ареста, 23 января 1937 года вскрыл себе вену и кровью написал: «В годовщину смерти Ленина. Самым категорическим образом отвергаю какие бы то ни было обвинения против моей чести как революционера».

Другой член Политбюро ЦК КПП и член Президиума ИККИ Прухняк Эдвард на следствии также виновным себя ни в чем не признал, а в своем последнем слове на заседании Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР заявил, что он всю жизнь был честным коммунистом и утверждал, что показания Уншлихта о его принадлежности к «ПОВ» являются ложными.

Следует отметить, что Уншлихт, который дал показания не только в отношении Прухняка, но и многих других арестованных руководящих работников компартии Польши, в судебном заседании от своих показаний отказался.

Из общего количества подвергнутых аресту 10 человек Будзынский Станислав, Лещинский Юльян, Херинг Ежи и другие дали показания о своей якобы принадлежности к «Польской организации войсковой» и подрывной работе, проводимой ими против Коминтерна. Однако при рассмотрении дел в Военной коллегии они от этих показаний отказались, заявляя, что вынуждены были оговорить себя в тяжких преступлениях под воздействием следствия.

Признали себя виновными на следствии и в суде только 6 человек: Бернштейн Мечислав, Гемпель Ян, Любенецкий Игнацы, Лауэр Генрих, Циховский Казимеж и Бобинский Станислав. Однако их показания неконкретны, недостаточно убедительны и не подкреплены какими-либо объективными доказательствами.

Все привлеченные по данному делу осуждены к ВМН, за исключением Кошутской Марии, которая умерла в лагере в 1939 году.

Из записки Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии также видно, что арестованные в 1937–1938 гг. деятели коммунистического движения Польши являлись активными участниками революционной борьбы и не были заподозрены в измене делу рабочего класса, хотя некоторые из них в разные периоды допускали отдельные политические ошибки.

Проверкой установлено, что основные работники НКВД, организовавшие арест и следствие по этим делам, осуждены.

Учитывая, что аресты руководящих работников Коммунистической партии Польши были произведены без достаточных к тому оснований, а выдвинутые против них обвинения не подтвердились, Прокуратура Союза ССР и Комитет государственной безопасности входят в Верховный Суд с протестом об отмене решений по их делам и их посмертной реабилитации.

Приложение: телеграмма тов. Беруту по этому вопросу[2].

Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров Союза ССР И. Серов
И.о. Генерального прокурора Союза ССР П. Баранов

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4002. Л. 27–30. Копия. Машинопись.

№ 3

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Г. Н. КАМИНСКОГО*

22 февраля 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР проверено дело по обвинению бывшего народного комиссара здравоохранения СССР Каминского Григория Наумовича.

Проверкой установлено:

Каминский, 1895 года рождения, русский, состоял в КПСС с 1913 года, был арестован 25 июня 1937 года НКВД СССР и 8 февраля 1938 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к антисоветской диверсионно-террористической организации.

На предварительном следствии Каминский виновным себя признал. В судебном заседании Военной Коллегии, которое вместе с вынесением приговора длилось лишь 15 минут, Каминский заявил, что «он не чувствует себя врагом народа».

Проверка показала, что Каминский осужден на основании противоречивых и не проверенных в суде доказательств.

Так, Каминский, обвинялся в том, что он был завербован в 1929 году Бухариным в антисоветскую организацию правых и поддерживал преступную связь с Рыковым, Смирновым А. П. и Сулимовым.

Однако Бухарин, Рыков и Смирнов А. П. показаний в отношении Каминского не давали, а Сулимов на предварительном следствии по его делу показал, что о причастности Каминского к организации правых ему известно от Рыкова, но это обстоятельство Рыков не подтвердил.

На предварительном следствии Каминский показал, что по заданию Антипова и Сулимова он создал в Наркомате здравоохранения вредительскую организацию, однако, Антипов и Сулимов это не подтвердили.

Участниками этой вредительской организации в Наркомате здравоохранения Каминский назвал Гугель, Лебедеву, Металикова и других.

Произведенной в настоящее время проверкой установлено, что Гугель не арестовывался и по делу Каминского в 1937–1938 гг. не допрашивался, а Лебедева и Металиков показаний Каминского не подтвердили. Допрошенный в феврале 1955 года Гугель показал, что о существовании вредительской организации в Наркомздраве ему ничего неизвестно и с Каминским он никаких антисоветских разговоров не вел.

Учитывая изложенное и обстоятельства ареста Каминского, Прокуратура Союза ССР и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР полагают необходимым внести в Верховный Суд СССР протест Генерального Прокурора СССР на предмет прекращения дела Каминского Г. Н. и его посмертной реабилитации.

Представляем на рассмотрение[3].

И.о. Генерального прокурора Союза ССР П. Баранов
Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР И. Серов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 206. Л. 90–91. Подлинник. Машинопись.

* На первом листе записки имеется следующая резолюция: «Чл[енам] През[идиума] ЦК. Согласен. Н. Хрущев. 24/II-55 г.». – Сост.

№ 4

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА А. Л. ДЕДОВА, П. В. БАРАНОВА И И. А. СЕРОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О РЕАБИЛИТАЦИИ А. Н. ТУПОЛЕВА, В. М. МЯСИЩЕВА, В. М. ПЕТЛЯКОВА И ДРУГИХ*

23 февраля 1955 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Н. С. Хрущеву

В соответствии с Вашим поручением[4] нами рассмотрены следственные дела на Туполева А. Н. и других крупных специалистов авиационной промышленности, находившихся в заключении.

В ходе ознакомления со следственными делами вызывались для беседы авиаспециалисты, находившиеся под арестом, а также были допрошены: бывший прокурор СССР Панкратьев, бывшие члены Военной Коллегии Верховного Суда СССР Матулевич и Орлов, принимавшие участие в заочном рассмотрении дел на работников авиационной промышленности. Кроме того, проведена проверка обвинений, предъявленных авиаспециалистам во время следствия, и отобраны объяснения от бывших следственных работников НКВД, занимавшихся в тот период расследованием дела на Туполева и других.

В результате установлено.

Туполев и другие видные работники авиационной промышленности были арестованы НКВД СССР в 1937–1938 гг. Конкретных материалов для обвинения в распоряжении НКВД не имелось, и все следствие строилось лишь на показаниях арестованных, оговоривших друг друга.

От Туполева, например, были получены показания, что он из числа сотрудников ЦАГИ создал антисоветскую группу, участники которой в первые годы существования советской власти якобы занимались саботажем, а впоследствии объединились во вражескую организацию и вредительски сконструировали почти все самолеты.

Вскоре после ареста Туполева были также арестованы все ведущие работники ЦАГИ – Мясищев, Петляков, Некрасов и другие. Все эти лица на допросах показали, что они будто бы занимались организованной антисоветской деятельностью.

В последующем большинство специалистов авиационной промышленности отказались от ранее данных показаний, как от вымышленных, и заявили, что они оговорили себя в результате применения запрещенных методов следствия.

В 1938 году все эти лица, не будучи осужденными, были направлены на работу в Особое техническое бюро при НКВД СССР и дела на них без рассмотрения судом были сданы в архив.

С приходом в НКВД Берия, он для того, чтобы создать видимость использования заключенных специалистов для пользы дела, добился обманным путем перед инстанцией осуждения 307 авиаспециалистов заочно на разные сроки, указав, что «рассмотрение этих дел в обычном порядке нецелесообразно, т. к. это оторвет специалистов от их работы и сорвет план работы Особого технического бюро».

Приведя эти явно надуманные и совершенно несостоятельные доводы, Берия вместе с тем лживо утверждал, что вина арестованных специалистов в совершении государственных преступлений якобы доказана, и отмечал, что вызов обвиняемых в судебное заседание ничего не даст, так как они длительное время находились во взаимном общении и договорились о характере показаний, которые следует давать в будущем. Далее в письме Берия просил разрешения на создание специальной комиссии в составе его, Прокурора СССР и председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР, которая заочно определит меру наказания каждому из арестованных специалистов в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет.

В архиве КГБ имеются также протоколы заседаний указанной комиссии, которыми назначена мера наказания всем арестованным специалистам.

В мае 1940 года Военная Коллегия Верховного Суда заочно рассмотрела дела на арестованных специалистов и всем им определила меры наказания в соответствии с решением этой комиссии.

Таким образом были осуждены все арестованные специалисты, а впоследствии в 1940–44 гг., по ходатайству НКВД, Президиумом Верховного Совета СССР многие из них были освобождены со снятием судимости.

В результате проверки всех следственных материалов по делам на Туполева, Петлякова, Мясищева и других установлено, что они в 1937–1938 гг. были арестованы и привлечены к уголовной ответственности необоснованно, а следственные материалы были сфальсифицированы в результате применению к ним мер физического воздействия.

Проверкой по Министерству авиационной промышленности установлено, что многие сконструированные Туполевым и другими работниками ЦАГИ самолеты, о которых следствие добилось показаний, как о сделанных вредительски, изготовлялись в серийном производстве и в свое время считались первоклассными (ТБ-3, СБ и др.). При этом бомбардировщик СБ получил очень высокую оценку во время боевых действий в Испании.

В связи с изложенным считаем целесообразным поручить Генеральному Прокурору СССР внести в Верховный Суд СССР протесты по делам на Туполева и других специалистов авиационной промышленности об их полной реабилитации[5]. В отношении работников быв. НКВД, допустивших нарушение социалистической законности по этим делам, провести расследование.

А. Дедов
П. Баранов
И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 56–58. Копия. Машинопись.

* На первом листе записки имеется копия следующей резолюции Н. С. Хрущева от 28 февраля 1955 г.: «Членам Президиума ЦК КПСС. Согласен». – Сост.

№ 5

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ М. Ф. БОЛДЫРЕВА

25 февраля 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего народного комиссара здравоохранения СССР Болдырева Михаила Федоровича.

Проверкой установлено:

Болдырев, 1894 года рождения, русский, состоял в КПСС с 1917 года, был аресто-

ван 16 июля 1938 года НКВД СССР и 25 февраля 1939 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к антисоветской террористической и диверсионно-вредительской организации.

На предварительном следствии Болдырев виновным себя признал. В суде Болдырев виновным себя не признал и показания, данные им на следствии, не подтвердил, заявив, что они ложны и даны под физическим воздействием.

Проверка показала, что Болдырев осужден необоснованно*.

Болдырев обвинялся в том, что он был завербован в антисоветскую организацию в 1932 году Кучминым и поддерживал преступную связь с Филатовым, Каминским и Чубарем.

Установлено, что Кучмин, Филатов и Каминский показаний в отношении Болдырева не дали, а показания Чубаря противоречат другим доказательствам.

На предварительном следствии Болдырев показал, что вредительскую работу в системе здравоохранения он проводил через участников антисоветской организации Гращенкова, Елкина, Леменева, Суходрева и других.

Произведенной в настоящее время проверкой установлено, что Гращенков, Елкин, Леменев и Суходрев по делу Болдырева не арестовывались и в 1937–1939 гг. не допрашивались. Допрошенные в 1955 году Гращенков, Елкин, Леменев и Суходрев показали, что о существовании антисоветской организации в Наркомздраве СССР им ничего не известно и с Болдыревым они никаких антисоветских разговоров не вели.

Учитывая изложенное, Прокуратура СССР считает возможным внести в Верховный Суд СССР протест на предмет прекращения дела Болдырева М. Ф. и его посмертной реабилитации.

Прошу указаний[6].

И.о. Генерального прокурора СССР
П. Баранов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 211. Л. 132–133. Подлинник. Машинопись.

№ 6

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕРКИ «ДЕЛА» А. Н. ТУПОЛЕВА И ДРУГИХ[7]

4 марта 1955 г.

№ 111, п. 3 – О деле Туполева А. Н. и других авиаспециалистов.

Поручить Генеральному Прокурору СССР рассмотреть следственные материалы по делам Туполева А. Н. и других специалистов авиационной промышленности, разобраться конкретно в отношении каждого специалиста в отдельности и внести в Верховный Суд СССР предложения на предмет реабилитации этих специалистов.

В отношении работников быв. НКВД, допустивших нарушение социалистической законности по этим делам, провести расследование.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 55. Копия[8]. Машинопись.

* Подчеркнуто рукой неустановленного лица. – Сост.

№ 7

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ М. И. КАХИАНИ

11 марта 1955 г.

ЦК КПСС

В Прокуратуру СССР поступило заявление Давтян Т. Н. – жены бывшего члена Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) Кахиани Михаила Ивановича с просьбой о его реабилитации.

Проверкой уголовного дела по обвинению Кахиани установлено, что он был арестован в августе 1937 года НКВД Грузинской ССР. В момент ареста Кахиани являлся уполномоченным КПК при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю. До этого он в течение ряда лет работал секретарем ЦК КП(б) Грузии, а затем секретарем ЦК КП(б) Казахстана. На XVI съезде партии Кахиани был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а на XVII партсъезде – членом КПК при ЦК ВКП(б).

Работая в Закавказье, Кахиани являлся близким знакомым С. Орджоникидзе и не порывал связей с ним во все последующее время.

Следствие по делу Кахиани производили ныне арестованные, как соучастники Берия, бывшие следователи НКВД Грузинской ССР Хазан, Кримян, Савицкий, Парамонов, которым Берия наиболее часто поручал расправы с неугодными ему людьми. Кроме того, в допросах Кахиани участвовали Берия, Гоглидзе и Б. Кобулов.

Во время следствия от Кахиани были получены показания о том, что им совместно с бывшим председателем Северо-Кавказского крайисполкома Пивоваровым, заведующим сельхозотделом Северо-Кавказского крайкома партии Дятловым, председателем Карачаевского облисполкома Курджиевым, председателем Черкесского облисполкома Камбиевым, секретарем Осетинского обкома партии Маурером якобы готовились террористические акты в отношении И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. М. Кагановича, для чего Кахиани намеревался использовать прием работников Северного Кавказа членами Правительства. Кроме того, от Кахиани были получены показания о том, что он распространял «контрреволюционные клеветнические измышления» по адресу Берия.

Как установлено следствием по делу Берия, словами «клеветнические измышления о Берия» участники заговорщической группы зашифровали то обстоятельство, что арестованное ими лицо располагало сведениями о службе Берия в мусаватистской контрразведке. Кахиани показал также, что намеревался совместно с бывшим секретарем Заккрайкома партии М. Орахелашвили и другими лицами совершить террористический акт в отношении Берия. Кроме того, Кахиани показал, что С. Орджоникидзе был якобы осведомлен о различных контрреволюционных разговорах, которые вели Орахелашвили, Кахиани и другие близкие знакомые Орджоникидзе.

Приведенные выше показания Кахиани, с признанием им своей виновности в контрреволюционных преступлениях, были составлены без проверки. Лица, которых Кахиани указывал в качестве своих соучастников в контрреволюционной повстанческой и террористической деятельности на Северном Кавказе, допрошены по делу не были и очные ставки с Кахиани им не предоставлены.

В отношении Мамия (Ивана) Орахелашвили, которого Кахиани назвал одним из руководителей контрреволюционного подполья в Грузии и своим соучастником, доказано, что уголовное дело по обвинению Орахелашвили сфальсифицировано. В насто-

ящее время это дело прекращено за отсутствием в действиях Орахелашвили состава преступления и он посмертно полностью реабилитирован.

Во время следствия Кахиани отказывался от данных им показаний.

Из имеющихся в деле материалов видно, что показания с признанием вины в контрреволюционных преступлениях были получены от Кахиани путем избиений. Так, использованный Б. Кобуловым в качестве камерного осведомителя арестованный Сарчимелия 4/VIII-37 г. доносил:

«Сегодня, вернувшись со следствия, он (Кахиани), решив, очевидно, спровоцировать следствие, рассказал, что он откажется от своих показаний и аннулирует их полностью и что решил отрицать вообще свою причастность к контрреволюционной организации, причем высказал настроение, что так как его больше не будут репрессировать, поэтому он и не станет давать показаний, подобно ранее им данных. В его высказываниях чувствовалась надежда на то, что он сможет обойти репрессии и снять с себя обвинения.

Кроме этого он заявил, что, сделав отвод своему следователю, он, несомненно, сможет обойти репрессии».

Нужно указать, что на условном языке, принятом участниками группы Берия, выражение «репрессировать» арестованного означало применить к нему избиения и пытки.

Проверка аналогичных дел (Орахелашвили, Гогоберидзе, Буачидзе, П. Орджоникидзе и др.) показала, что Берия, расправляясь с лицами, связанными с С. Орджоникидзе и располагавшими сведениями о службе Берия в муссаватистской контрразведке, фальсифицировал против них уголовные дела и, добиваясь от арестованных ложных показаний, расстреливал заведомо невиновных людей.

Учитывая, что показания Кахиани о якобы совершенных им государственных преступлениях являлись вынужденными и не подтверждены объективными доказательствами, считал бы необходимым посмертно реабилитировать Кахиани, а также реабилитировать его жену.

Прошу указаний[9].

И.о. Генерального прокурора СССР
П. Баранов

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4000. Л. 57–59. Копия. Машинопись.

№ 8

ЗАПИСКА Д. Е. САЛИНА В ЦК КПСС О РАБОТЕ ОТДЕЛА ПО СПЕЦДЕЛАМ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ГРАЖДАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1954 – НАЧАЛЕ 1955 г.*

14 марта 1955 г.

ЦК КПСС

Докладываю, что отделом по спецделам Прокуратуры СССР во втором полугодии 1954 г., январе и феврале текущего года рассмотрено 13084 дела на лиц, осужденных по обвинению в контрреволюционных преступлениях.

* На первом листе записки имеются следующие пометы: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. В. Малин. 17.III.55 г.» и «В архив. В. Чернуха. 9.IV.55 г.». – Сост.

По рассмотренным делам часто выявляются факты незаконного осуждения граждан, грубые нарушения социалистической законности при расследовании дел б[ыв]. органами МВД и МГБ как в центре, так и на местах.

В связи с этим за указанное время по рассмотренным делам Прокуратурой СССР было внесено 7727 протестов об отмене и изменении ранее состоявшихся судебных приговоров, постановлений б[ыв]. Особого Совещания и троек НКВД.

Только за последние три месяца – декабрь, январь и февраль по внесенным 3629 протестам поставлен вопрос о пересмотре приговоров и постановлений б[ыв]. Особого Совещания в отношении 6329 лиц, в том числе:

о прекращении дел и реабилитации необоснованно осужденных и об освобождении из ссылки – на 5183 лица;

о снижении наказания – на 802 лица;

о переквалификации преступлений, об исключении неосновательно предъявленных статей Уголовного кодекса и др. – на 344 лица.

Привожу наиболее характерные дела, по которым граждане, и особенно из работников партийного и советского актива, необоснованно были арестованы и обвинены в тяжких контрреволюционных преступлениях, которых не совершали.

Инструкторы Московского Комитета КПСС Колкер Клара Иосифовна, член КПСС с 1922 года, Бабина Мина Ефимовна, член КПСС с 1917 года, Прищепчик Лидия Антоновна, член КПСС с 1917 года, второй секретарь Ногинского ГК КПСС Астанкова Елизавета Васильевна, член КПСС с 1917 года, инструктор Дзержинского райкома КПСС г. Москвы Прищепчик Марина Антоновна, член КПСС с 1919 года, были признаны виновными в проведении контрреволюционной троцкистской деятельности и по постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 1 апреля 1938 г. осуждены к разным срокам лишения свободы.

После отбытия этого срока Колкер, Прищепчик и Бабина были сосланы на спецпоселение. При дополнительной проверке дела путем просмотра 9 архивно-следственных дел на лиц, со слов которых были даны показания об участии Колкер и других в троцкистской организации, установлено, что ни один из них показаний на осужденных по данному делу не дал.

Все привлеченные по этому делу лица были осуждены необоснованно и по протесту Прокуратуры СССР Верховный Суд СССР 8 января 1955 г. постановления Особого Совещания отменил и дела на Колкер, Прищепчик и других производством прекратил за недоказанностью обвинения.

Помощник секретаря МК КПСС Алексахин И. П. был арестован 6 ноября 1937 г. при отсутствии каких-либо материалов, свидетельствующих об его антисоветской деятельности. После ареста Алексахина были получены неконкретные и противоречивые показания 6 лиц, арестованных по другим делам, об участии Алексахина в контрреволюционной организации, причем эти лица дали показания в основном со слов других.

По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 8 мая 1938 г. Алексахин был осужден к 8 годам лишения свободы, а по отбытии этого срока по постановлению Особого Совещания от 25 мая 1949 г. сослан на поселение.

Проверкой большого числа архивно-следственных дел на лиц, со слов которых были даны показания на Алексахина, установлено, что Алексахин по их показаниям или вовсе не проходит или же они затем от показаний на Алексахина отказались. Какой-либо конкретной враждебной деятельности Алексахина по делу не установлено.

По протесту Генерального прокурора СССР Верховный Суд СССР 14 января 1955 г. оба дела по обвинению Алексахина производством прекратил.

Сомс-Кауфман Карл Петрович, член КПСС с дореволюционным стажем, работавший начальником Политуправления Наркомсовхозов СССР и членом комиссии Советского контроля при СНК СССР, был арестован 1 декабря 1937 г. НКВД СССР без санкции прокурора.

Материалов о том, что Сомс совершил преступление, к моменту его ареста не было.

Следствие вести было поручено Семенову Л. С., работавшему начальником отделения 3 отдела Главного управления государственной безопасности.

В ночь на 2 декабря 1937 г. в Лефортовской тюрьме Семенов приступил к допросу Сомса, с применением к нему мер физического воздействия.

Вместе с Семеновым в так называемом «допросе» арестованного участвовали бывш. начальник 7 отделения Захаров (осужден) и бывшие сотрудники 3 отдела Дегтярев (умер), Постников (уволен в 1953 г.) и Демин (работает в МВД СССР).

Допрашивающие преследовали цель – добиться от Сомса показаний о том, что он преступник, а что представлял из себя этот допрос – видно из объяснения Семенова от 14 декабря 1939 года.

Семенов писал:

«... В ночь с 1 на 2 декабря 1937 г. я по распоряжению бывш. нач. 3 отдела ГУГБ Минаева был вызван в Лефортовскую тюрьму. Прибыв в Лефортово, я получил указания Минаева допрашивать арестованного Сомс-Кауфмана и к утру взять от него показания. Тут же мне Минаев сказал, что Сомс-Кауфман арестован как участник латышской националистической организации, я вызвал арестованного Сомс и стал допрашивать.

Вскоре в следственную камеру вошел бывш. нач. 16 отд[еления] 3 отд. ГУГБ Дегтярев и сказал: „Что ты с ним разговариваешь, его надо бить как сидорову козу“, – и, взяв у меня портупею от ремня, стал его хлестать. Спустя некоторое время в следств[енную] комнату вошел бывш. нач. 7 [Латышского] отделения Захаров, видимо, с целью осведомиться, дает ли показания Сомс и, узнав, что он не дает показания, начал его бить. Уходя из кабинета, Захаров заявил, что пришлет следователей 7 отд[еления] Постникова и Демина для помощи, и действительно почти тотчас же они пришли с соответствующими „инструментами“».

(л. д. 46–47).

Такой «допрос» длился всю ночь, а к утру 2 декабря 1937 г. Сомс был убит.

В связи с его арестом, его жена Грислис Э. И. была исключена из партии.

Лица, убившие Сомса, не были наказаны и лишь 5 апреля 1940 г. Семенову был объявлен выговор и он переведен на неоперативную работу.

По выявлении всех этих фактов 2 декабря 1954 г. материал на Сомса был прекращен за отсутствием в действиях Сомса состава преступления.

Прокуратурой СССР поставлен вопрос перед Комитетом госбезопасности о привлечении Семенова, Постникова и Демина к ответственности.

Касьян Сергей Иванович, 1876 года рождения, член КПСС с 1905 года, был признан виновным в том, что являлся руководителем контрреволюционной организации, готовившей отторжение Армении от Советского Союза и теракт над разоблаченным в настоящее время врагом народа Берия.

По постановлению тройки при НКВД Грузинской ССР от 7 декабря 1937 г. Касьян расстрелян.

Произведенной проверкой установлено, что осужден он был необоснованно и в феврале 1955 г. решение по его делу опротестовано в Верховный Суд СССР с постановкой вопроса о прекращении дела.

В 1938 году был арестован Руденко Алексей Исидорович, 1887 года рождения, член КПСС с 1905 года.

За революционную деятельность он трижды подвергался репрессиям со стороны царского правительства.

В период гражданской войны он принимал активное участие в боях с белогвардейцами на Донском, Царицынском и Южном фронтах, последнее время до ареста работал в Сталинграде директором завода № 14.

По делу он был признан виновным в том, что являлся участником контрреволюционной организации, занимался вредительством и по постановлению Особого Совещания от 17 октября 1939 года осужден к 5 годам лишения свободы, а по отбытии этого срока направлен в ссылку.

Материалов о вредительстве в деле не было, показания же о Руденко осужденных по другим делам были неконкретны и противоречивы.

28 августа 1954 г. дело о нем прекращено.

В 1954 году при проверке жалобы по делам семьи Катарских установлено, что бывший начальник Коломенского РО НКВД Галкин и его заместитель Терновский сфальсифицировали материалы дел по обвинению Катарского П. А., трех его сыновей и невестки.

Катарский П. А., 1872 года рождения, с 1903 по 1917 гг. состоял членом РСДРП, а с 1917 г. – член КПСС.

В 1908 году за революционную деятельность он был осужден к каторжным работам и до Октябрьской революции находился в Сибири.

С 1922 г. работал кочегаром на Коломенском заводе, а последнее время с 1936 года находился на пенсии.

Три его сына, также являвшиеся членами партии, и невестка работали на Коломенском заводе.

Все они по сфальсифицированным материалам были обвинены в совершении тяжких преступлений и по постановлениям Особого совещания при НКВД СССР в 1938 году осуждены к лишению свободы сроком на 8 лет каждый. Катарский П. А., находясь в местах заключения, умер.

Галкин и Терновский в 1940 г. за фальсификацию других дел и применение незаконных методов следствия были осуждены к 10 годам лишения свободы каждый, но тогда дела по обвинению Катарских, так же, как и ряд других, сфабрикованных ими дел, не пересматривались.

В марте 1955 г. решения по делам на Катарских Прокуратурой СССР опротестованы.

Новиков Михаил Иванович, 1893 года рождения, член КПСС с 1917 года, работавший начальником объединения «Алтайполиметалл», был признан виновным в том, что являлся участником контрреволюционной организации и занимался вредительством.

Обвинение было основано на выписках из показаний Леонова и других лиц, осужденных по другим делам, и на заключении экспертизы.

Леонов показывал, что он завербовал Новикова в Иркутске в начале 1931 г.

Новиков категорически отрицал эти показания, утверждая, что в это время он в Иркутске еще и не был, однако, его показания не проверялись и по постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 28 августа 1941 г. Новиков был осужден на 8 лет лишения свободы, а по отбытии этого срока направлен в ссылку.

Проверкой, проведенной в 1955 г., установлено, что Новиков действительно был направлен в Иркутск лишь в конце 1931 года.

7 человек, осужденных по другим делам, показания которых имелись в деле Но-

викова, впоследствии от этих показаний отказались как от вымышленных, заключение же экспертизы было необъективно.

16 февраля 1955 года по протесту Прокуратуры СССР дело по обвинению Новикова прекращено.

Начальник Воронежского областного управления пчеловодства (до этого заведующий облпартархивом) Убарс К. Х., член КПСС с 1904 года, был арестован 27 апреля 1938 года и по постановлению тройки УНКВД Воронежской области от 5 октября 1938 г. расстрелян по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации.

Как основание для ареста Убарс были приведены показания арестованного по другому делу Зарубина (осужден к ВМН), что Убарс в 1937 г. им был завербован в латышскую контрреволюционную шпионскую диверсионно-террористическую организацию и получил задание, как работник облпартархива, обеспечивать участников этой организации фиктивными партийными документами.

Убарс после непрерывного трехсуточного допроса «признал», что его завербовал Зорин, который якобы дал ему задание сообщать сведения о строительстве на территории области колхозов, МТС и политическом настроении колхозников. Получение задания об обеспечении участников организации партийными документами Убарс отрицал и заявил, что к моменту его вербовки он в облпартархиве не работал.

Дополнительной проверкой, произведенной по жалобе жены осужденного Убарс М. П. (член КПСС с 1919 г.), установлено, что дело по обвинению Убарс К. Х. сфальсифицировано.

Решение тройки по делу прокуратурой опротестовано.

В 1937 г. в Мошковском районе Новосибирской области органами УНКВД было арестовано по одному делу 41 чел. Большинство из них были эстонцы – колхозники, в том числе председатель колхоза Эрмель, братья Пелло Д. А. и Пелло Ю. А., члены КПСС с 1920 года.

Привлеченные были признаны виновными в том, что являлись участниками контрреволюционной шпионско-диверсионной, повстанческо-террористической организации.

В протоколах их допроса значилось, что все они признают себя виновными, но эти показания были противоречивы и объективными данными не подтверждены.

По постановлению тройки УНКВД все привлеченные были осуждены к расстрелу и решение приведено в исполнение.

В 1954 г., в связи с жалобами родственников осужденных, произведенной проверкой установлено, что дело было сфальсифицировано.

Например, по материалам дела братья Пелло проходили как кулаки и белогвардейцы. Проверкой же установлено, что в белых армиях они не служили. В период гражданской войны, когда в Сибири действовали банды Колчака, они оказывали помощь партизанам. В 1920 г. вступили в ряды КПСС и состояли до дня ареста. В 1930 году организовали два колхоза.

Бывш. начальник Мошковского РО НКВД Мельников за фальсификацию материалов следствия по другим делам был в 1939 г. привлечен к уголовной ответственности и на допросе показал, что эстонцы арестовывались без материалов об их преступной деятельности.

Принимавший участие в следствии по этому делу работник НКВД Трубецкой показал, что арестованных жестоко избивали. (Трубецкой осужден).

В феврале 1955 г. по протесту прокуратуры Верховным Судом СССР постановление тройки отменено и дело по обвинению Пелло и других осужденных прекращено.

По постановлению Особого Совещания при НКВД от 2 августа 1938 года Смидович Г. П. (сын Смидовича Петра Гермогеновича, члена КПСС с 1898 года, похороненного на Красной площади), член ВЛКСМ, инженер Мосэнерго, был заключен в ИТЛ сроком на 8 лет, а после отбытия этого срока по постановлению Особого Совещания в 1950 году сослан на поселение.

Смидович был арестован по агентурным данным, на следствии виновным себя признал в том, что состоял членом контрреволюционной организации и проводил антисоветскую агитацию. В жалобах отказался [от показаний] по мотивам, что его показания были вынуждены в результате применения незаконных методов следствия. Каких-либо доказательств виновности Смидовича в деле не имеется.

По протесту Прокуратуры Верховный Суд СССР 11 декабря 1954 года оба дела по обвинению Смидовича прекратил.

Джунусов Макай, работавший секретарем Актюбинского обкома КПСС, нарком легкой промышленности Казахстана Актырбаев Чокпак и бывший секретарь Западно-Казахстанского обкома КПСС Утепов Шарип, являвшиеся депутатами Верховного Совета СССР, были признаны участниками антисоветской националистической организации и по постановлению Особого Совещания от 26 октября 1940 г. осуждены к заключению на 8 лет каждый.

По отбытии этого срока постановлением Особого Совещания в 1949 году Джунусов и Утепов были сосланы на поселение.

Проверкой дела было установлено, что обвинение их не доказано и по протесту Прокуратуры СССР 5 ноября 1954 года Верховным Судом СССР постановления Особого Совещания отменены и дела прекращены.

Следует отметить, что по их жалобам КГБ при Совете Министров СССР было дано заключение, что [они] осуждены правильно.

Заведующая отделом школ МГК КПСС, член КПСС с 1919 года Ханкина Софья Моисеевна по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 5 июня 1939 г. была признана участником антисоветской право-троцкистской организации и осуждена к 5 годам лишения свободы, а после отбытия этого срока по постановлению Особого совещания от 6 августа 1949 г. сослана на поселение.

Основанием к осуждению Ханкиной послужили показания обвиняемых по другим делам Савинера и Гинзбурга о том, что со слов Марголина им стало известно о принадлежности Ханкиной к антисоветской правотроцкистской организации в г. Москве, что Ханкина поддерживала преступную связь с Братановским и Дедиковым.

При проверке в 1954 году путем осмотра архивно-следственных дел на Савинера, Гинзбурга, Марголина, Братановского и Дедикова установлено, что Савинер и Гинзбург от своих показаний отказались, Марголин, Братановский и Дедиков показаний на Ханкину не дали.

26 декабря 1954 года оба дела по обвинению Ханкиной прекращены.

Органами НКВД Казахской ССР в марте – июле 1938 года были арестованы: Марков Н. И., член КПСС с 1919 года, работавший управляющим треста «Алма-Атастрой», нарком пищевой промышленности Казахской ССР Яхнович А. Н., член КПСС с 1922 года, и управляющий трестом «Казмаслопром», член КПСС с 1918 года – Кабанов И. Р.

Обвинялись они в том, что являлись участниками антисоветской правотроцкистской организации.

Обвинение основывалось на их первоначальных признательных показаниях и выписках из показаний арестованных по другим делам Мирзояна, Рафальского, Пинхасик, всего 13 чел. Впоследствии все они от своих показаний отказались.

30 января 1940 года дело было рассмотрено военным трибуналом Среднеазиатского военного округа – Марков, Яхнович и Кабанов оправданы.

По протесту заместителя Председателя Верховного Суда СССР Военная коллегия оправдательный приговор отменила и вернула дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, указав, что по делу необходимо провести экспертизу для выяснения причин убытков в системе наркомпищепрома Казахской ССР и в тресте «Алма-Атастрой».

Однако, никакого доследования не проводилось и по тем же материалам, по которым был вынесен оправдательный приговор, Марков, Яхнович и Кабанов 12 апреля 1941 г. были осуждены Особым Совещанием к разным срокам лишения свободы.

В деле находилась выписка из показаний Джелезбаева, что он был завербован Марковым в члены контрреволюционной организации. При проверке же дела Джелезбаева установлено, что он таких показаний на Маркова не давал, выписка была сфальсифицирована.

9 февраля 1955 года по протесту прокуратуры Верховный Суд СССР дело по обвинению Маркова, Яхновича и Кабанова производством прекратил.

Помощник председателя Моссовета, член КПСС с 1918 года Гуров Ефим Осипович по постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 14 апреля 1938 года был признан участником контрреволюционной организации и заключен в лагерь на 8 лет, а после отбытия этого срока по постановлению Особого Совещания в 1949 году сослан на поселение.

К моменту ареста Гурова 22 ноября 1937 года каких-либо материалов, свидетельствующих о его антисоветской деятельности, у органов следствия не было. После ареста Гурова были допрошены двое осужденных по другим делам Артемьев и Черкасский, от которых получены показания о том, что со слов других лиц им известно об участии Гурова в антисоветской организации.

При допросе от Гурова требовали показаний об участии в контрреволюционной организации других ответственных работников Моссовета, но Гуров давать такие показания отказался.

При проверке дела установлено, что Гуров был дважды осужден необоснованно.

11 декабря 1954 года постановления особых совещаний от 14 апреля 1939 года и 24 сентября 1949 года по делам Гурова отменены и оба дела о нем прекращены.

3 сентября 1937 года без санкции прокурора, органами НКВД г. Новосибирска была арестована Третьякова Ираида Владимировна, член КПСС с 1917 года, работавшая зав. библиотекой института марксизма-ленинизма.

Третьяковой было предъявлено обвинение в том, что она, являясь женой Зворыкина, обвиняемого в принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской организации, разделяла его контрреволюционные взгляды, кроме того, вела среди своих знакомых антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию руководителей партии и правительства.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 21 ноября 1937 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР Третьякова была осуждена к 8 годам заключения в ИТЛ.

В связи с поступившей жалобой от Третьяковой, в 1954 г. была произведена проверка, которой установлено, что дело о ней было сфальсифицировано. Третьякова допрашивалась по делу всего один раз 13 сентября 1937 года, причем подписала только первый лист протокола допроса под ее биографическими данными, остальной текст протокола допроса записан не с ее слов и подписи под протоколом являются поддельными.

Допрошенный в связи с этим бывш. следователь УНКВД Толмачев подтвердил, что протокол допроса Третьяковой был сфальсифицирован.

При проверке дела Третьяковой показаниями старых членов партии (Ильиных, Решетникова, Яркова) подтверждено, что Третьякова с 1911 года принимала активное участие в революционной работе Барнаульской организации РСДРП.

В 1912 году за революционную работу царским правительством была осуждена к тюремному заключению, а затем выслана на 3 года в ссылку в Нарымский край.

В 1918 году в составе большевистского красногвардейского отряда принимала участие в подавлении белогвардейского восстания в г. Барнауле.

В феврале 1955 г. постановление Особого совещания опротестовано в Верховный Суд СССР с предложением дело прекратить, а Третьякову, как незаконно осужденную, реабилитировать.

Рассмотрены и многие другие аналогичные дела.

В настоящее время в отделе по спецделам Прокуратуры СССР находится свыше 10 тысяч дел, истребованных для проверки по жалобам осужденных и их родственников, и свыше 30000 жалоб.

По рассматриваемым делам во многих случаях реабилитируются граждане, как находящиеся в заключении, в ссылке, так и отбывшие срок в виде длительного лишения свободы, а в ряде случаев также и осужденные к ВМН – расстрелу, приведенному в исполнение.

Начальник отдела по спецделам,
заместитель Генерального прокурора СССР Д. Салин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 73–82. Подлинник. Машинопись.

№ 9

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. Л. ГИЛИНСКОГО*

17 марта 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой Союза ССР проверено дело по обвинению бывшего народного комиссара пищевой промышленности СССР Гилинского Абрама Лазаревича.

Проверкой установлено:

Гилинский, 1897 года рождения, еврей, состоял в КПСС с 1915 года, был арестован 24 июня 1938 года НКВД СССР и 26 февраля 1939 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в участии в право-троцкистской диверсионно-террористической организации.

Проверкой установлено, что Гилинский осужден на основании противоречивых и не проверенных в суде доказательств.

Так, Гилинский обвинялся в том, что он, являясь в 1927–28 гг. секретарем Рязанского губкома партии, был связан с троцкистами Карпухиным, Бобковым, Халдеевым и Агроновым, совместно с которыми срывал хлебозаготовительные мероприятия и попустительствовал кулачеству.

* На первом листе записки имеются резолюции «Согласен. Н. Хрущев. 21/III», «За. Н. Булганин. 21/III», «За. К. Ворошилов. 22/III», «За. Л. Каганович», «За. Г. Маленков», «За. А. Микоян», «За. В. Молотов», «За. М. Первухин», «За. М. Сабуров» и помета «Тов. Баранову сообщено. В архив Президиума ЦК. 25.III.55 г. В. Малин». – Сост.

Проверкой установлено, что Гилинский ни к каким оппозициям не примыкал, а Карпухин, Бобков, Халдеев и Агронов работали в аппарате Рязанского губкома партии и данных о том, что они являлись троцкистами, также не установлено.

На предварительном следствии Гилинский показал, что он организационно связался с правыми в 1929 году и по заданию Хатаевича сгруппировал вокруг себя правых и троцкистов в Наркомснабе СССР, вместе с которыми в 1932–1938 гг. по заданию Чубаря проводил диверсионно-вредительскую работу в пищевой промышленности СССР.

Однако, проверкой дел по обвинению Хатаевича и Чубаря установлено, что они показаний в отношении Гилинского не давали.

Признавая себя виновным, Гилинский назвал факты вредительства в пищевой промышленности, однако комиссия, проверявшая в феврале 1955 года по поручению прокуратуры деятельность Гилинского, эти факты не подтвердила.

Гилинскому также было вменено в вину, что он имел террористические намерения и являлся агентом польской разведки, но это обвинение при допросе Гилинский отрицал.

Лица, которые изобличали Гилинского в этих преступлениях (Емельянов и Темкин), в настоящее время реабилитированы и при допросе от этих показаний отказались.

Допрошенные в ходе проверки бывшие сослуживцы Гилинского характеризуют его только с положительной стороны.

Комитет госбезопасности СССР компрометирующими материалами не располагает.

Учитывая изложенное, Прокуратура Союза ССР считает возможным внести в Верховный Суд СССР протест на предмет прекращения дела Гилинского А. Л. и его посмертной реабилитации.

Прошу Ваших указаний.

И.о. Генерального прокурора Союза ССР
П. Баранов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 83 –84. Подлинник. Машинопись.

№ 10

ЗАПИСКА А. Л. ДЕДОВА В ЦК КПСС ОБ ОТМЕНЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ В ЛАГЕРЯХ И ТЮРЬМАХ, В БЕССРОЧНУЮ ССЫЛКУ

19 марта 1955 г.

ЦК КПСС

Административный отдел ЦК КПСС располагает данными о том, что многие осужденные за контрреволюционные преступления не освобождаются от наказания и после отбытия определенного им срока прямо из тюрем и лагерей по нарядам органов МВД направляются в бессрочную ссылку.

Таких лиц насчитывается более 54 тыс. человек. Направление в ссылку не по приговорам суда, а по нарядам органов МВД продолжается до последнего времени.

Практика такого направления людей в ссылку определяется Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28/II 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Этот Указ вопреки тому, что наше законодательство не предусматривает двух наказаний за одно и то же преступление и такого наказания, как бессрочная ссылка, обязывает МВД СССР всех отбывших наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов и др. особо опасных преступников, а равно лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, – по истечении срока наказания направлять по назначению МГБ СССР в ссылку на поселение под надзор органов государственной безопасности.

Этим же Указом было установлено, что лица, осужденные за такие же преступления, но освобожденные из мест заключения до издания Указа (после Великой Отечественной войны), направляются в ссылку по постановлениям Особого совещания.

В настоящее время все лица, которые были направлены в ссылку на поселение по постановлениям бывшего Особого совещания, из ссылки освобождены. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года в отношении этой категории осужденных утратил свою силу и не выполняется, а в отношении лиц, направляемых в ссылку по нарядам органов МВД, продолжает действовать, хотя внесудебный порядок наказания отменен.

Мы считали бы необходимым рассмотреть этот вопрос и обязать тт. Руденко, Круглова, Серова и Горшенина внести необходимые предложения в ЦК КПСС[10].

Заведующий административным отделом ЦК КПСС А. Дедов

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 68. Л. 54–55. Копия. Машинопись.
Опубликовано: Источник. 1994. № 2. С. 92.

№ 11

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА Н. А. БУЛГАНИНУ О «ДЕЛЕ» В. В. ПАРИНА*

19 марта 1955 г.

Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Булганину Н. А.

По Вашему указанию проверено дело по обвинению профессора Парина Василия Васильевича.

Парин, будучи Академиком-секретарем Академии медицинских наук СССР, в августе 1946 года разрешил находившимся в Советском Союзе по приглашению ВОКСа сотрудникам советско-американского медицинского общества Лесли и Мадд посетить лабораторию профессора Клюевой, где производились работы над противораковым препаратом «КР».

В октябре 1946 года, выезжая в командировку в США во главе группы ученых-медиков, Парин, как он утверждает, по указанию бывшего министра здравоохранения СССР Митерева взял с собой рукопись профессора Клюевой и 10 ампул препарата «КР», которые передал американским медикам в ноябре 1946 года.

До передачи американцам рукописи профессора Клюевой Париным из нее была изъята глава, касающаяся технологии изготовления препарата «КР».

* На первом листе записки имеется помета: «Звонил тов. Булганин Н. А. Сообщил, что он согласен и предлагает внести этот вопрос на обсуждение ЦК КПСС. 21/III-55. [Подпись неразборчива]». – Сост.

Кроме того, Парин, по его утверждению, также с ведома Митирева, передал генеральному хирургу США Перрену одну ампулу препарата эритрин, созданного советским ученым Зильбер, данные об этом препарате, а также проект плана научно-исследовательской работы Академии медицинских наук СССР на 1946–1950 гг.

По возвращении из США 17 февраля 1947 года Парин был арестован Абакумовым, обвинен в измене Родине и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 8 апреля 1948 года заключен в тюрьму сроком на 25 лет.

13 октября 1953 года министр внутренних дел тов. Круглов и Генеральный прокурор тов. Руденко совместным письмом № 12/14/к внесли предложение в ЦК КПСС о пересмотре дела Парина В. В.

Президиумом ЦК КПСС было одобрено предложение о том, чтобы преступление Парина переквалифицировать со ст. 58-1 «а» Уголовного Кодекса (измена Родине) на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 года (об ответственности за разглашение государственной тайны), определить ему наказание – 5 лет лишения свободы и за отбытием этого срока освободить из-под стражи.

В соответствии с этим решением, по протесту Генерального прокурора 26 октября 1953 года Верховным Судом СССР вынесено определение о переквалификации преступления Парина, снижении ему наказания и снятии судимости.

29 октября 1953 года Парин был освобожден.

Однако из письма Президента Академии медицинских наук СССР тов. Бакулева А. Н. видно, что в настоящее время доказана научная несостоятельность открытия Клюевой и Роскина.

Учитывая это, полагал бы возможным вернуться к обсуждению дела Парина на предмет его реабилитации.

Прошу указаний.

И.о. Генерального прокурора СССР,
государственный советник юстиции I класса
П. Баранов

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4002. Л. 45–45. Копия. Машинопись.

№ 12

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О ПРИЗЫВЕ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ»

23 марта 1955 г.

№ 113. п. 63 – О призыве на действительную военную службу некоторых категорий спецпоселенцев (С-т от 18.III.55 г., пр. № 75, п. 440-гс)[11].

1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР и Министерства обороны СССР:

а) о призыве, начиная с 1955 года, на действительную военную службу в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности граждан СССР из числа спецпоселенцев, родившихся в 1936 году, и о призыве в дальнейшем на общих основаниях лиц, родившихся после 1936 года, с которых согласно постановлению ЦК КПСС от 5 июля 1954 года сняты некоторые ограничения в правовом положении[12];

б) о снятии с учета спецпоселения призванных на действительную военную службу и направлении их для прохождения службы в воинские части по указанию Генерального штаба.

2. Обязать соответствующие обкомы, крайкомы КПСС и ЦК компартий союзных республик, Министерство обороны СССР, Министерство внутренних дел СССР провести необходимую разъяснительную работу среди молодежи из числа спецпоселенцев, призываемой в Советскую Армию.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 54. Копия. Машинопись.

№ 13

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ М. Н. ЕРБАНОВА*

24 марта 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего секретаря Бурят-Монгольского обкома КПСС Ербанова Михея Николаевича.

Проверкой установлено:

Ербанов, 1889 года рождения, бурят, состоял в КПСС с 1917 года, был арестован 21 сентября 1937 года НКВД СССР и 8 февраля 1938 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к контрреволюционной панмонгольской организации и в шпионской деятельности в пользу Японии.

На предварительном следствии Ербанов виновным себя признал. Следствие по его делу вели б[ыв]. работники НКВД СССР Павловский и Щавелев, которые впоследствии были арестованы за преступную деятельность в органах НКВД.

В протоколе судебного заседания записано, что Ербанов виновным себя признал, но в чем заключалась его преступная деятельность, он не сказал. Дело Ербанова рассматривалось под председательством члена Верховного Суда СССР Матулевича, который снят с работы и вопрос о нем рассматривается в КПК при ЦК КПСС[13].

Проверка показала, что Ербанов осужден только на основании его признательных показаний, которые не соответствуют действительности.

Ербанов на следствии показал, что в панмонгольскую организацию его завербовал в 1927 году профессор Барадин, который являлся агентом японской разведки, и связал его лично с японцами Ямо-Мото и Касимо. Барадин информировал его, что руководители Монгольской народной республики Амор, Гендун, Чойбалсан и другие связаны с японской разведкой и являются участниками панмонгольской организации. В 1935 году он установил связь с Разумовым и по его заданию проводил широкую вредительскую работу в республике.

Изучением уголовных дел на б[ыв]. профессора Барадина и секретаря Иркутского обкома КПСС Разумова установлено, что они показаний о контрреволюционной деятельности Ербанова не давали.

* На первом листе записки имеются резолюции «За. Н. Хрущев. 24/III», «За. Н. Булганин», «За. К. Ворошилов», «За. Л. Каганович», «За. Г. Маленков», «За. А. Микоян», «За. В. Молотов», «За. М. Первухин», «За. М. Суслов»; на втором листе помета «Сообщено тов. Руденко. 9.VIII.55 г. [подпись неразборчива]». – Сост.

Осужденные к расстрелу б[ыв]. премьер-министры МНР Амор и Гендун показаний о преступной связи с Ербановым и японской разведкой не давали.

Комитеты госбезопасности при Совете Министров СССР и Бурят-Монгольской АССР связь Ербанова с японской разведкой не подтвердили.

Показаниями бурятского писателя Намсараева, председателя Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР Лобсанова, министра финансов этой республики Мадаева, генерал-майора Балдынова, бывшего ответственного секретаря КПК по Бурят-Монгольской республике Вампилова и других принадлежность Ербанова к панмонгольской организации и его вредительская деятельность не подтверждаются.

Постановлением ЦИК СССР от 31 января 1936 года Ербанов за перевыполнение государственного плана животноводства и за успехи в области хозяйственного и культурного строительства Бурят-Монгольской АССР был награжден орденом Ленина.

На 17 съезде партии Ербанов был избран членом ревизионной комиссии ЦК КПСС. Он неоднократно избирался членом ЦИК СССР.

За участие в борьбе против колчаковщины Ербанов был награжден орденом Красного Знамени.

Учитывая изложенное, Прокуратура СССР считает возможным внести в Верховный Суд СССР протест о прекращении дела Ербанова М. Н. и его посмертной реабилитации.

Прошу указаний.

И.о. Генерального прокурора Союза ССР
П. Баранов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 94–95. Подлинник. Машинопись.

№ 14

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. В. МАРГОЛИНА*

24 марта 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой произведена проверка судебного дела Марголина Натана Веньяминовича и жалобы его жены Вейсман Сарры Григорьевны.

Марголин Н. В., 1895 года рождения, член ВКП(б) с 1914 года, бывший секретарь Московского комитета ВКП(б), а затем Днепропетровского обкома КП(б)У, арестован 3 ноября 1937 года 4 отделом ГУГБ НКВД СССР без санкции прокурора и осужден 8 февраля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР за активную троцкистскую деятельность к расстрелу.

Основанием для осуждения Марголина послужили его личные признания на предварительном следствии и в суде, а также приобщенные к делу Марголина выписки из показаний Корытного С. З. и Филатова Н. А. (Корытный реабилитирован 15 января 1955 года)[14].

Проверкой установлено, что обвинение против Марголина сфальсифицировано

* На первом листе записки имеется резолюция: «Чл[енам] През[идиума] ЦК. Согласен. Н. Хрущев. 8/IV» и помета «Тов. Баранову сообщено. 8.IV.55 г. В. Малин». – Сост.

бывшими работниками органов НКВД Абакумовым, Влодзимирским и Глебовым-Юфа (все осуждены) путем применения к Марголину незаконных методов следствия.

Это подтверждается следующими фактами.

Марголин был подвергнут аресту при отсутствии у органов НКВД каких-либо доказательств причастности его к антисоветской деятельности.

В процессе расследования к Марголину применялись незаконные методы следствия и насилие, ввиду чего 27 ноября 1937 года в камере он пытался покончить жизнь самоубийством путем удушения петлей из двух носовых платков.

Из просмотра 35 архивно-судебных дел на других лиц, которых Марголин назвал участниками троцкистской организации, видно, что 27 из них вообще показаний о Марголине не дали, 4 отказались от своих показаний в суде, а у остальных 4-х человек были получены показания на Марголина после его ареста, причем, показания они дали со слов других лиц, но последние эти показания не подтвердили.

Просмотром личного партийного дела Марголина, а также документами партийных архивов МК КПСС и ЦК КПУ установлено, что Марголин в других партиях не состоял, в оппозициях и антипартийных группировках не участвовал.

Лица, знавшие Марголина по совместной работе, характеризуют его только с положительной стороны.

Полагая, что приговор Военной Коллегии подлежит опротестованию с посмертной реабилитацией Марголина, прошу указаний.

И.о. Генерального прокурора Союза ССР
П. Баранов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 97–98. Подлинник. Машинопись.

№ 15

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Д. Е. САЛИНА П. В. БАРАНОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОРЯДКА ВОЗВРАТА ИМУЩЕСТВА ВЫСЛАННЫМ В ССЫЛКУ НА ПОСЕЛЕНИЕ*

29 марта 1955 г.

И.о. Генерального прокурора СССР, государственному советнику юстиции I класса тов. Баранову П. В.

В Прокуратуру СССР поступает значительное количество жалоб и запросов от периферийных органов прокуратуры и других советских органов о порядке возврата имущества незаконно высланным лицам из различных мест Советского Союза. К числу характерных примеров можно отнести следующие.

1. По решению Правительства СССР из Грузинской ССР в 1949 году были выселены греческие подданные и бывшие греческие подданные, принятые в советское

* На первом листе записки имеется резолюция: «Тов. Цвырко Г. С. Прошу обсудить этот вопрос и Ваши предложения доложить тов. Баранову. Хованченко. 5.V.55 г.». На подшитом в деле вслед за оригиналом первом листе копии этой записки есть также следующая помета: «22/7 доложено т. Руденко Р. А. Поручено т. Баранову П. В. собрать зам[естителей] тов. Торопова, Шевелькова и др., разобраться. 26/7 т. Баранов разговаривал по этим материалам. Обещал собрать работников и обсудить». – Сост.

гражданство. При проведении этой операции местными органами были допущены грубейшие нарушения и беззакония.

Выселялись семейства греков – советских граждан, никогда в иностранном подданстве не состоявших, которые якобы «добровольно» выехали вместе с выселяемыми греческими семьями, а имущество их изымалось.

Допускалось изъятие домов и имущества у лиц, которые из пределов республики не выселялись и оставались проживать в Грузинской ССР.

Например, Джоамиди А. И., 76 лет, вместе с женой был выслан из своего дома в г. Сухуми. Дом и имущество проданы. Он никогда иноподданным не был, один сын его член КПСС, офицер запаса, пенсионер, второй сын погиб на фронте.

Иоаниди Д. Т., 70 лет, отказался от дачи подписки о «добровольном» выезде, остался проживать в Грузинской ССР, но дом и имущество его были изъяты.

Перчениди З. С., член КПСС, председатель правления колхоза, никогда в иностранном подданстве не состоял, под видом «добровольного» выезда был выселен в Узбекистан, а дом его изъят, – и другие.

Имущество всех этих семей было оценено по явно низким ценам, передано по этой оценке колхозникам, переселенным из малоземельных районов Грузии, и другим.

По протестам Генерального прокурора СССР и по своей инициативе МВД СССР ограничение с незаконно выселенных снимает. Большое число из них возвращается в Грузинскую ССР.

Как лица, оставшиеся проживать в Грузинской ССР, так и возвратившиеся с места высылки обращаются с жалобами о возврате незаконно изъятого у них имущества.

Вопрос о возврате имущества этим лицам Советом Министров Грузинской ССР не разрешен по тем мотивам, что оно продано лицам, переселенным в плановом порядке.

Генеральным прокурором СССР тов. Руденко Р. А. 30 января 1954 года вносилось соответствующее представление по этому поводу в Совет Министров СССР, которое не рассмотрено. На месте этим вопросом занимались ЦК КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР, и, как сообщил Прокурор Грузинской ССР тов. Топуридзе М. Е., они его также не разрешили.

2. В 1944 году в связи с решением Правительства из Крымской области, наряду с крымскими татарами, были выселены греки, болгары, армяне и т. д., число которых превышает более 37 тыс. человек.

Все имущество после их выселения в городах было передано в местные советы, а в колхозах дома переданы навечно вновь прибывшим колхозникам. В настоящее время выявилось, что органами МВД при этом допускались нарушения, в связи с чем стало поступать большое количество жалоб от лиц, неправильно высланных, об освобождении от спецпоселения и возврате им изъятого у них имущества, в том числе и недвижимого.

3. В 1941 году органами МВД из ряда областей РСФСР в административном порядке выселялись граждане по мотивам неблагонадежности. Дома выселяемых сдавались под охрану местным органам власти. После 1951 года по возвращении их местные советы отказывают им в возвращении домов, принятых под охрану.

4. Из ряда областей РСФСР и УССР в 1941 году также в административном порядке выселялись лица немецкой национальности и их семьи, а принадлежащие им дома на правах собственности передавались в ведение райсоветов депутатов трудящихся.

У лиц, высланных из бывшей АССР немцев Поволжья, кроме домов [на прежнем месте] осталось и все остальное имущество.

В данное время возвратившиеся отдельные семьи возбуждают ходатайства о возврате принадлежащих ранее им домов и имущества.

В прокуратуру Саратовской области поступила жалоба от гр[ажданина] Гаффнер В. К., высланного в 1941 году из г. Саратова по мотивам принадлежности к немецкой национальности. Позднее было установлено, что он является русским, в мае 1954 года возвратился с семьей в Саратов и возбудил ходатайство о возвращении дома, в чем райисполкомом ему отказано по причине передачи его на баланс жилищным органам и поэтому неподлежащим возвращению.

Аналогично разрешены вопросы и с жалобами гр[ажда]н Никифоровой А. И., Гусаровой-Мейер К. И. и др.

Из поступающих в связи с этим жалоб в органы прокуратуры видно, что суды и исполкомы, ссылаясь на отсутствие по этому вопросу указаний, уклоняются от разрешения жалоб о возврате домов и имущества, сданного на хранение органам советской власти в момент незаконного выселения.

5. В 1944–1945 годах из городов Кавказских минеральных вод Ставропольского края на основании приказов НКВД СССР от 2 августа 1944 года за № 001036 и от 6 января 1945 года за № 008 происходило выселение членов семей изменников Родине, немецких пособников и других лиц, скомпрометировавших себя в период оккупации, хотя никто в их семьях осужденным не был.

Выселение в 1944 году происходило только на основании приказа, а в 1945 году – по решению Особого Совещания. Начиная с 1950 года, по решению Министерства внутренних дел СССР, многие выселенные возвратились к прежнему местожительству и обратились в крайисполком с заявлениями о возврате им отобранных при выселении домов, ссылаясь на то, что дома у них конфискованы не были ни в силу судебных, ни административных актов.

Крайисполком в возврате домов отказывает, мотивируя тем, что у осужденных за измену Родине дома должны были быть конфискованными, хотя в решениях Особого Совещания этого не указано.

Отказывают в возврате домов и другой категории граждан, которые подвергались выселению в административном порядке, несмотря на то, что на этот счет не имеется никаких указаний Правительства.

Главное управление жилищного хозяйства Министерства коммунального хозяйства РСФСР письмом от 19 апреля 1954 года за № 03-1-84 дало разъяснение крайжилуправлению о том, что дома спецпоселенцев, возвратившихся к прежнему месту жительства, возврату не подлежат.

Министерство же юстиции РСФСР письмом от 13 июля 1954 года на имя зам. Председателя Совета Министров РСФСР тов. Сафонова разъяснило, что при отсутствии специального постановления Правительства о конфискации имущества при переселении спор о возврате имущества подлежит разрешению в судебном порядке, а в тех случаях, где право на домовладение подтверждается документами, вопрос может быть разрешен в административном порядке. В то же время народные суды такие иски не принимают.

При изучении этого вопроса установлено, что ни судебные органы, ни органы прокуратуры не имеют конкретных единообразных указаний о порядке разрешения споров о возврате имущества указанным лицам.

Следует отметить, что разрешением этих споров должны заниматься отделы общего надзора и судебного надзора по гражданским делам, но и они не имеют никакой практики.

Докладывая Вам об изложенном, прошу дать соответствующие указания о дальнейшем порядке разрешения этих жалоб.

Учитывая, что Совет Министров Союза ССР 11 апреля 1953 года, вынося постановление «О нарушениях советских законов бывшим Министерством государственной безопасности СССР и Грузинской ССР», которым отменил ранее принятое решение Совета Министров СССР от 29 ноября 1951 года «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов», как неправильное, принятое вследствие введения в заблуждение Совета Министров со стороны ЦК КП(б) Грузии, МГБ Грузинской ССР и МГБ СССР, обязал Совет Министров Грузинской ССР вернуть гражданам, возвращенным в Грузию из спецпоселения, имущество, конфискованное у них при выселении[14а]. Поэтому со своей стороны считал бы необходимым внести представление в Совет Министров СССР, в котором предусмотреть следующий порядок разрешения споров, которые еще не нашли разрешения:

1. В случае полной реабилитации высланных:

а) вопрос о возврате им домовладений, при нахождении их в ведении местных советов, решать соответствующим местным советам. В случае продажи этих домовладений гражданам вопросы их возвращения решать только в судебном порядке.

При этом предоставить право судам и местным советам решать в каждом отдельном случае – возвращать ли гражданам дом в натуре, или оплачивать его стоимость по страховой оценке.

Такое решение вопроса, во-первых, позволит сохранить в муниципальном фонде местных советов дома, в которые вложены известные средства на их восстановление и ремонт и, во-вторых, предупредит выселение по решениям судебных органов граждан, которые с санкции местных советов законно проживают в таких домах на протяжении нескольких лет;

б) вопрос о возврате им имущества или возмещении стоимости изъятого в каждом конкретном случае разрешать только в судебном порядке.

2. При освобождении от спецпоселения всех остальных высланных обязать местные организации провести соответствующую работу по их закреплению в местах нахождения на поселении на постоянное жительство и оказать им соответствующую помощь в устройстве.

Имущество им не возвращать, т. к. выселялись они обоснованно и в течение установленнного законом срока свое право на него не оформили.

Прошу Вас обсудить этот вопрос со всеми зам[*естителями*] *Генерального прокурора*[*].

Зам. Генерального прокурора СССР,
государственный советник юстиции I класса
Д. Салин

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4288. Л. 74–77. Подлинник. Машинопись.

[*] Выделенное курсивом предложение вписано в текст рукой Д. Е. Салина. – Сост.

№ 16

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ ЗА «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛАГЕРЯХ, КОЛОНИЯХ, ТЮРЬМАХ И НАХОДЯЩИХСЯ В ССЫЛКЕ НА ПОСЕЛЕНИИ[*]

29 апреля 1955 г.

ЦК КПСС

Докладываю, что Центральной Комиссией, комиссиями союзных республик, краев и областей по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах, по состоянию на 1 апреля 1955 года рассмотрено [дел] в отношении следующего числа лиц:

	Всего рассмотрено уголовных дел на осужденных лиц	В том числе						
		Отменено решений и дела прекращены	Переквалифицирован состав преступлений	Сокращен срок наказания	Применен Указ «Об амнистии» с освобождением из-под стражи	Отменена ссылка и высылка на поселение	Отказано в пересмотре	Прочие решения
Центральная комиссия	7651	1847	310	708	1282	309	3155	40
Азербайджанской ССР	848	77	8	312	297		151	3
Армянской ССР	1445	15	2	397	41	34	954	2
Белорусской ССР	19136	265	263	5915	2086	120	10410	77
Грузинской ССР	1738	68	40	879	177		574	
Казахской ССР	6084	550	83	2898	1648	66	838	1
Карело-Финской ССР	1154	93		300	128	2	631	
Киргизской ССР	955	25	15	320	90	10	495	
Латвийской ССР	9182	23	37	2469	388	1	6264	
Литовской ССР	8653	408	92	2787	1102		4240	24
Молдавской ССР	2527	107	45	683	330	9	1323	30
РСФСР	76038	4508	1191	22546	8748	529	38127	389
Таджикской ССР	1074	14	1	429	27	2	600	1
Туркменской ССР	981	17	15	56	30		862	1
Узбекской ССР	2724	53	6	1692	286	2	671	14
Украинской ССР	93223	848	641	32527	4717	281	53957	252
Эстонской ССР	3999	55	142	1426	420	6	1950	
Всего:	237412	8973	2891	76344	21797	1371	125202	834

Председатель Центральной комиссии, Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 39. Подлинник. Машинопись.

[*] На записке имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. 6/V.55 г. В. Малин». – Сост.

№ 17

ЗАПИСКА Г. К. ЖУКОВА В ЦК КПСС О ПРИСВОЕНИИ ГЕНЕРАЛЬСКИХ ЗВАНИЙ РЕАБИЛИТИРОВАННЫМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ

29 апреля 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с реабилитацией судебно-следственными органами ряда военнослужащих, занимавших в прошлом ответственные должности в Советской Армии и являвшихся активными участниками гражданской войны и строительства Советских Вооруженных Сил, Министерство обороны СССР считало бы возможным некоторым из них присвоить генеральские звания.

К ним относятся:

1. Комкор Тодорский Александр Иванович, бывший начальник Управления высших военно-учебных заведений РККА.

Тов. Тодорский А. И. в Советской Армии служил с августа 1919 г., член КПСС с 1918 г. Активный участник гражданской войны. За боевые заслуги награжден четырьмя орденами Красного Знамени. За время службы в Советской Армии занимал ряд ответственных должностей в войсках и центральном аппарате Народного комиссариата обороны.

За весь период службы в Советской Армии т. Тодорский характеризовался исключительно с положительной стороны, как видный военный работник, пользовавшийся большим авторитетом в войсках, активно выступающий за генеральную линию коммунистической партии.

Как теперь установлено, т. Тодорский в 1938 г. был арестован и осужден необоснованно и определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 19 марта 1955 г. приговор в отношении его отменен и дело по его обвинению, за отсутствием состава преступления, прекращено. Решением КПК при ЦК КПСС от 22.IV.55 г. он восстановлен в партии.

Министерство обороны считает возможным присвоить комкору Тодорскому А. И. воинское звание «генерал-лейтенант».

2. Коринженер Фишман Яков Моисеевич, бывший начальник Военно-химического управления и химических войск РККА.

Тов. Фишман Я. М. проходил службу в Советской Армии с февраля 1921 г., состоял членом КПСС с 1920 г. (вопрос о восстановлении его в партии рассматривается в партийной комиссии Главного политического управления). Видный специалист в области военной химии, в 1937 г. ему была присуждена ученая степень доктора химических наук. Имеет ряд научных трудов и изобретений по военно-химическому делу. В прошлом был награжден орденом «Красная Звезда».

За время службы в Советской Армии т. Фишман Я. М. занимал ряд ответственных должностей, будучи на военно-дипломатической работе и в центральном аппарате Наркомата обороны.

5 января 1955 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело по обвинению Фишман Я. М. и нашла, что он в 1937 г. был арестован, а в 1940 г. осужден необоснованно и своим определением приговор в отношении его отменила, а дело за отсутствием состава преступления, прекратила.

Министерство обороны считает возможным присвоить коринженеру Фишман Я. М. воинское звание «генерал-майор технических войск».

3. Корпусной комиссар Говорухин Трофим Кириллович, бывший начальник Политуправления Ленинградского военного округа.

Тов. Говорухин Т. К. в Советской Армии с 1918 г., член КПСС с октября 1918 г. Участник гражданской войны.

За время службы в Советской Армии занимал ряд ответственных должностей в войсках.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 5 марта 1955 г. пересмотрела дело по обвинению т. Говорухина, отменила постановления Особого Совещания при НКВД-МГБ СССР от 23. XII.1940 г. и 15. X.1949 г., которыми он был необоснованно осужден, и дело, за отсутствием в его действиях состава преступления, прекратила.

Решением КПК при ЦК КПСС от 22 апреля с. г. т. Говорухин восстановлен в рядах партии.

Министерство обороны считает возможным присвоить корпусному комиссару Говорухину Т. К. воинское звание «генерал-майор».

4. Дивизионный комиссар Колосов Павел Иосифович, бывший начальник 8 отдела разведывательного Управления РККА.

Тов. Колосов П. И. в Советской Армии с 1918 г., член КПСС с ноября 1917 г., активный участник гражданской войны. За боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени.

За время службы в Советской Армии занимал ряд ответственных должностей в войсках и центральном аппарате Наркомата обороны.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 18 декабря 1954 г. пересмотрела дело т. Колосова П. И., постановление Особого Совещания от 10 марта 1943 г. в отношении его отменила и дело, за отсутствием в его действиях состава преступления, прекратила.

Министерство обороны считает возможным присвоить Колосову П. И. воинское звание «генерал-майор»[15].

Г. Жуков

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 282. Л. 65–67. Копия. Машинопись.

№ 18

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ЦК КПСС ПО СВЯЗЯМ С ИНОСТРАННЫМИ КОМПАРТИЯМИ В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ГРУППЫ БЫВШИХ БОЛГАРСКИХ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ

7 мая 1955 г.

В Центральный Комитет КПСС

Центральный Комитет Болгарской компартии обратился в ЦК КПСС с просьбой пересмотреть судебные дела 42 бывших болгарских политэмигрантов, привлекавшихся в СССР к судебной ответственности, и оказать им содействие в возвращении на родину. ЦК БКП сообщает, что со стороны уже вернувшихся в Болгарию бывших политэмигрантов, привлекавшихся в СССР к судебной ответственности, не было ни одного случая плохих проявлений.

Из имеющихся в отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями архивных материалов бывшего отдела кадров ИККИ видно, что большинство болгар-

ских политэмигрантов, упомянутых в письме ЦК БКП, являлось активными членами болгарской компартии. В Советском Союзе они были на ответственной партийной и советской работе, многие из них были членами КПСС.

По сообщению Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР все 42 болгарских политэмигранта были арестованы органами МГБ СССР в 1937–1938 гг., из них 27 чел. осуждено к высшей мере наказания и 15 чел. – к 5–10 годам ИТЛ. Из 15 чел., осужденных на разные сроки ИТЛ, 6 чел., отбывая наказание, умерло, 4 чел. выехало в Болгарию и 5 чел. находятся в СССР.

В связи с просьбой ЦК БКП считаем необходимым поручить Прокуратуре СССР (т. Руденко) и Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР (т. Серову) пересмотреть судебные дела 42 бывших болгарских политэмигрантов, осужденных в СССР, и о результатах доложить ЦК КПСС.

Предложение о выезде 5 бывших болгарских политэмигрантов на родину нами будет внесено на рассмотрение Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС после пересмотра их судебных дел.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[16].

Б. Пономарев
А. Смирнов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 133. Подлинник. Машинопись.

№ 19

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ С ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ КПСС И ИХ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ»

9 мая 1955 г.

№ 119. п. 35 – О снятии ограничений в правовом положении с членов и кандидатов в члены КПСС и их семей, находящихся на спецпоселении (С-т от 30.IV.55 г., пр. № 77, п. 3-с)[17].

Отметить, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев – коммунистов и членов их семей, из числа немцев, чеченцев, калмыков, крымских татар и других лиц, выселенных в отдаленные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью.

Снять с учета спецпоселения членов и кандидатов в члены КПСС и их семей и освободить их из-под административного надзора органов МВД[18].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 55. Копия. Машинопись.

№ 20

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. В. КРЫЛЕНКО*

11 мая 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобой в ЦК КПСС гр[аждан]ки Железняк З. А. Прокуратурой СССР проверено дело ее мужа – бывшего наркома юстиции СССР Крыленко Н. В.

Проверкой установлено:

Крыленко Николай Васильевич, 1885 года рождения, в КПСС состоял с 1904 года до дня ареста, был арестован НКВД СССР 31 января 1938 года и 29 июля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден к расстрелу.

Крыленко признан виновным в том, что с 1930 года являлся участником антисоветской организации правых и по заданию этой организации проводил в органах юстиции вредительскую деятельность.

На предварительном следствии и в судебном заседании Крыленко виновным себя признал, однако его показания об антисоветской деятельности весьма неконкретны и противоречивы. По показаниям Крыленко с центром антисоветской организации правых он якобы был связан через Бухарина, Пятакова, Преображенского, Сулимова и Антипова.

Просмотром архивных дел на этих лиц установлено, что они никаких показаний об антисоветской деятельности Крыленко не давали.

Крыленко также показал, что он лично завербовал в антисоветскую организацию правых свыше 30 человек. Проверкой же установлено, что названные Крыленко, как участники антисоветской организации, Сычев, Арсеньев, Склярский, Линтин и другие к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность не привлекались и не арестовывались. Арестованные же бывшие судебно-прокурорские работники Львов, Васильев, Антонов-Овсеенко, Нюрина и другие, называвшиеся Крыленко как завербованные им, не дали никаких показаний об антисоветской деятельности Крыленко.

В справке на арест Крыленко указано, что его виновность в антисоветской деятельности подтверждается показаниями Пашуканиса, Бубнова, Бермана, Яковлевой, Трифонова, Бурмистрова и Крыленко В. В.

Изучением архивных дел на этих лиц установлено, что Пашуканис, Бубнов и Берман показаний об антисоветской деятельности Крыленко не давали.

Показания же Яковлевой, Крыленко В. В. (брат Крыленко Н.) и Трифонова по своему содержанию противоречивы, неконкретны и правдоподобность их сомнительна.

Проверкой также установлено, что следствие по делу Крыленко проводилось с нарушением закона. Крыленко в процессе следствия отказывался от своих показаний, однако это существенное обстоятельство не было отражено в протоколах допросов.

Судебное заседание по делу Крыленко вместе с вынесением приговора длилось 20 минут и по существу судебного разбирательства не было.

* На первом листе записки имеются резолюции «За. Н. Хрущев», «За. Н. Булганин», «За. К. Ворошилов», «За. Л. Каганович», «За. Г. Маленков», «За. А. Микоян», «За. В. Молотов», «За. М. Первухин», «За. М. Суслов»; на втором листе – помета «Сообщено т. Руденко. 9/VIII.55. Н. Соловьев». – Сост.

Учитывая, что обвинительный приговор по делу Крыленко основан на недостаточных и противоречивых доказательствах, Прокуратура СССР считает возможным внести протест в Верховный Суд СССР на предмет отмены приговора по делу Крыленко и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[19].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 117–118. Подлинник. Машинопись.

№ 21

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ П. П. ПОСТЫШЕВА*

19 мая 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с заявлением Постышева Б. П. Прокуратурой СССР проверено дело его отца – Постышева Павла Петровича.

Проверкой установлено:

Постышев Павел Петрович, 1888 года рождения, бывший член КПСС с 1904 года, бывший второй секретарь ЦК Компартии Украины, а затем – секретарь Куйбышевского обкома КПСС, был арестован 21 февраля 1938 года и 26 февраля 1939 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР в составе Ульриха, Дмитриева и Суслина осужден к расстрелу.

Постышев признан виновным в том, что он с 1934 года являлся членом центра контрреволюционной право-троцкистской организации, действовавшей на Украине, и вместе с Косиором и другими участниками организации проводил вредительско-подрывную деятельность.

Постышев признан виновным также в том, что он с 1920 года являлся агентом японской разведки, которой до дня ареста передавал сведения, составляющие государственную тайну СССР.

На предварительном следствии и в суде Постышев виновным себя признал, однако изложенные в протоколах допроса Постышева факты при проверке не подтвердились.

Так, в «показаниях» Постышева указано, что по контрреволюционной работе он лично был связан с Балицким В. А., Косиором С. В., Якиром И. Э., Чубарем В. Я., Поповым Н. Н., Мусульбасом И. А. и другими участниками антисоветской организации на Украине.

Как установлено проверкой, Балицкий не только не назвал Постышева в числе участников контрреволюционной организации, а наоборот, показал о том, что в плане вооруженного переворота, который он обсуждал с Якиром, предусматривался арест, наряду с другими руководителями партии и правительства, также и Постышева.

Осужденный Пятаков Ю. Л. показал, что со слов участника контрреволюционной организации Логинова В. Ф. ему было известно о подготовке на Украине ряда террористических актов, в том числе и над Постышевым.

* На первом листе записки имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. 21.V.55. В. Малин». – Сост.

Осужденные Мусульбас И. А. и Сараджев А. Х. подтвердили о том, что участники троцкистской организации на Украине готовили убийство Постышева.

Бывший секретарь ЦК Компартии Украины Попов Н. Н. показал, что он, Балицкий и Якир пытались использовать Постышева в своих антисоветских целях, но это им сделать не удалось.

Якир И. Э. никаких показаний в отношении Постышева не дал.

Косиор С. В. в начале следствия назвал Постышева в числе участников военного заговора на Украине, затем от этих показаний отказался, а впоследствии снова их подтвердил.

В деле Косиора имеется заявление Антипова Н. К., в котором он утверждает, что между Косиором и Постышевым были весьма ненормальные личные отношения и что Постышев не входил в общий центр контрреволюционных организаций на Украине.

При таком положении показания Косиора о Постышеве вызывают серьезные сомнения в их правдоподобности.

В числе участников контрреволюционной организации в «показаниях» Постышева указаны Косарев А. В., Демченко Н. Н., Сухомлин К. В. и Лаврентьев Л. И.

Как установлено в настоящее время, дела по обвинению Косарева А. В. и Демченко Н. Н. были сфальсифицированы и оба они в настоящее время реабилитированы[20].

Сухомлин К. В. при рассмотрении его дела в суде виновным себя не признал, от данных на предварительном следствии показаний отказался и заявил, что он оговорил 61 человека, о виновности которых ему ничего неизвестно[21].

Лаврентьев Л. И. никаких показаний на Постышева не дал.

Не нашло своего подтверждения и обвинение Постышева в шпионаже, которое основано только на его личных показаниях.

На предварительном следствии Постышев показал, что шпионскую связь с японской разведкой он осуществлял через работников восточного отдела Наркоминдел СССР Мельникова Б. Н., Козловского Б. И.

Как установлено проверкой, Мельников Б. Н., признавая себя виновным в связях с японской разведкой, никаких показаний о Постышеве не дал, а Козловский Б. И. вообще не арестовывался.

Таким образом, «показания» Постышева о его контрреволюционной деятельности на Украине и связях с японской разведкой не нашли своего подтверждения и, как установлено в настоящее время, они были сфальсифицированы органами НКВД.

По этому вопросу бывший следователь Церпенто К. И. (осужден за фальсификацию дел), в своем рапорте на имя Наркомвнудел СССР, еще до осуждения Постышева писал:

«Заявление Постышева и тот протокол допроса, который теперь очевидно в ЦК, были написаны по распоряжению Лулова мною и Визелем, без участия Постышева и без его признания вины. Постышев в первый раз узнал содержание „своих показаний“ в то время, когда они ему были даны на подпись. Правда, отчасти эти показания Постышеву намекались Бубновым, подсаженным для этой цели в камеру к Постышеву. Бубнову было поручено „подготовить“ Постышева к подписанию его „собственных“ показаний. Все эти факты легко проверить. Надо вызвать Постышева и Бубнова и поговорить с ними. Нужно при этом учесть только то, что Постышев предупрежден Луловым о возможности вызова его к наркому, где его будут „экзаменовать“ в том, достаточно ли крепко он стоит на тех позициях, которых „требует от него партия“».

Прокуратура СССР считает возможным внести протест на приговор Военной

Коллегии Верховного Суда СССР по делу Постышева Павла Петровича на предмет прекращения его дела и посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 135–138. Подлинник. Машинопись.

№ 22

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И В. В. ЛУКЬЯНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. Ф. ГИКАЛО*

25 мая 1955 г.

ЦК КПСС

По поручению ЦК КПСС, в связи с жалобой Чижовой Н. Е., Прокуратурой СССР проверено ее судебное дело и дело ее мужа Гикало Н. Ф.

Проверкой установлено:

Чижова Наталья Евгеньевна, 1897 года рождения, до ареста – старший научный сотрудник Украинского музея революции, член КПСС с 1919 года, была арестована 1 ноября 1937 года и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 16 мая 1938 года осуждена к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет за то, что ее муж Гикало Н. Ф., бывший I секретарь ЦК Компартии Белоруссии, был осужден за контрреволюционную деятельность к расстрелу.

К моменту ареста Чижовой Н. Е. в органах НКВД данных о совершении ею какого-либо преступления не имелось и осуждена она была неправильно.

9 февраля 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР, по протесту прокуратуры, решение Особого Совещания в отношении Чижовой Н. Е. отменила и дело в уголовном порядке прекратила, за отсутствием состава преступления.

Чижова Н. Е. полностью реабилитирована и 26 февраля 1955 года восстановлена в рядах партии.

Гикало Николай Федорович, 1896 года рождения, бывший член КПСС с 1917 года, бывший секретарь ЦК Компартии Белоруссии, до ареста – секретарь Харьковского обкома и член Политбюро ЦК Компартии Украины, кандидат в члены ЦК КПСС, – был арестован 11 октября 1937 года и 25 апреля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР в составе Матулевича, Зарянова и Ждана осужден к расстрелу.

Гикало признан виновным в том, что он являлся участником контрреволюционной троцкистской террористической организации и, работая первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, установил преступную связь с Голодедом, Червяковым и Уборевичем, – вместе с которыми проводил антисоветскую деятельность.

Кроме того, Гикало признан виновным также в том, что он, с 1921 года, являлся агентом английской разведки, которой до дня ареста передавал сведения, составляющие государственную тайну СССР.

* На первом листе записки имеется колонка подписей: «За – Н. Булганин, За – К. Ворошилов, За – Л. Каганович, За – Г. Маленков, За – А. Микоян, За – В. Молотов, За – Первухин, За – Н. Хрущев». – Сост.

В настоящее время установлено, что Гикало был осужден по непроверенным материалам, а его показания о контрреволюционной деятельности, которые он давал на предварительном следствии и подтвердил в суде, не соответствуют действительности.

На предварительном следствии Гикало заявил, что в 1933 году Уборевич информировал его о существовании в Белоруссии контрреволюционной организации, возглавляемой Голодедом и Червяковым, и о наличии в стране военного заговора. В том же 1933 году, как показал Гикало, он установил преступную связь с Голодедом и Червяковым, и в дальнейшем вместе с ними проводил контрреволюционную деятельность.

Как установлено проверкой, Уборевич никаких показаний о своих преступных связях с Гикало, Голодедом и Червяковым не дал. Больше того, Уборевич заявил, что о существовании антисоветского военного заговора он узнал только в 1935 году от Тухачевского.

Следовательно, в 1933 году Уборевич не мог информировать Гикало о военном заговоре, так как в то время сам еще не знал о нем.

Осужденный за участие в военном заговоре Якир И. Э. показал, что Уборевич был в плохих отношениях с Гикало и что с националистической организацией, руководимой Голодедом, Уборевич связь установить не успел.

Осужденные за участие в антисоветской право-троцкистской организации в Белоруссии: бывший наркомзем Бенек К. Ф., бывший наркомфин Куделько-Чарот М. С., бывший наркомпрос Дьяков А. И. и другие на предварительном следствии охарактеризовали Гикало, как стойкого большевика, неуклонно проводившего генеральную линию партии, и показали, что назначение его первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии участниками контрреволюционной организации было встречено враждебно, что Голодед, Шарангович и их сторонники вели с ним активную борьбу, старались скомпрометировать Гикало и добиться его отзыва из Белоруссии, что на совещаниях участников контрреволюционной организации высказывались даже предложения о совершении террористического акта над Гикало.

Таким образом, показания Гикало о его участии в контрреволюционной организации и антисоветских связях с Голодедом, Червяковым, Уборевичем, Куделько-Чарот и др. опровергаются материалами дополнительной проверки и поэтому не могут быть приняты в качестве доказательств его вины.

О принадлежности Гикало к контрреволюционной организации дали показания осужденные Рубинштейн, Арабей, Августайтис, Антипов, Бурачевский и Поссе, однако эти показания были получены от них в основном только после ареста Гикало, и они не внушают доверия, как в силу своей противоречивости, так и потому, что опровергаются показаниями Бенека, Шестакова, Куделько-Чарот и другими материалами.

Не нашло своего подтверждения и обвинение Гикало в шпионаже.

Гикало на предварительном следствии показал, что для шпионской работы в пользу английской разведки он был завербован в 1921 году майором Коутс, что в последующие годы он поддерживал связь с резидентами английской разведки в Москве Джоном Клэр, Альбертом Ульрехом и Зинаидой Вознесенской, с которыми встречался в московских гостиницах, а некоторых из них принимал даже у себя в кабинете в здании ЦК Компартии Белоруссии.

Принадлежность перечисленных в показаниях Гикало лиц к английской разведке при проверке не подтвердилась.

Все это дает основание сделать вывод о том, что Гикало в ходе предварительного следствия давал вымышленные показания и что осужден он был необоснованно.

Считаем возможным внести протест на приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Гикало Николая Федоровича на предмет прекращения его дела и посмертной реабилитации.

Просим вашего согласия[22].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко
Зам. Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС В. Лукьянов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 277. Л. 195–198. Подлинник. Машинопись.

№ 23

ИЗ ДОКЛАДА Р. А. РУДЕНКО «О МЕРАХ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ УКРЕПЛЕНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И УСИЛЕНИЮ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА» НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ РУКОВОДЯЩИХ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ[23]

23 июня 1955 г.

Осуществляя надзор за законностью расследования дел органами Комитета государственной безопасности, прокуроры ни на минуту не могут забывать о том, что Советский Союз живет в системе государств, – что существует империалистический лагерь, который с первых дней существования советской власти вел и продолжает вести борьбу против советского государства методами «тайной войны» – диверсий, террора, клеветы, вредительства, шпионажа. Вам это известно как по ряду конкретных дел, так и из сообщений, опубликованных в нашей печати.

Осуществляя надзор за расследованием дел органами государственной безопасности, советский прокурор должен помнить о своей активной роли в деле изобличения государственных преступников.

Необходимо отметить, что за последние два года количество вновь возбужденных следственных дел о контрреволюционных преступлениях сократилось.

Несомненно, что снижение числа дел о контрреволюционных преступлениях является закономерным, свидетельствуя о возросшем морально-политическом единстве советского народа и укреплении Советского государства. К снижению числа этих дел привело также разоблачение фактов фальсификации дел вредителями из числа заговорщической группы Берия. Снижение числа дел о контрреволюционных преступлениях ни в коей мере не должно породить самоуспокоенности, а наоборот, от нас требуется усиление бдительности и максимальной активности в разоблачении врагов Советского государства.

Необходимо всячески подчеркнуть, что важная государственная задача – по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях – ни в коем случае не может отодвинуть на второй план задачи борьбы с врагами Советского государства, лазутчиками реакционных империалистических сил, покушающимися на государственную безопасность СССР.

Важнейшая задача прокурорского надзора за расследованием дел об установленных фактах государственных преступлений заключается в том, чтобы до конца использовать все возможности разоблачения преступления и розыска преступника.

Наряду с этой задачей органы прокуратуры должны провести все еще очень большую работу по ликвидации последствий вредительства со стороны врага народа Берия и его сообщников. Об объеме этой работы свидетельствует то, что по сравнению с 1953 годом поступление жалоб и рассмотрение дел в порядке надзора по периферийным органам прокуратуры увеличилось в четыре раза, а количество внесенных протестов и представлений в 1954 году в сравнении с 1953 годом увеличилось больше чем в 50 раз. Аналогичное положение имеет место и по центральному аппарату Прокуратуры СССР, где в сравнении с 1952 годом количество внесенных протестов увеличилось в 45,4 раза.

Однако предстоит провести еще очень большую работу по проверке дел и жалоб. Эта работа требует политической зрелости и особого внимания от каждого из занятых ею прокуроров, чтобы правильно разобраться в деле и принять обоснованное решение по каждой жалобе. В этой работе обнаруживаются ошибки, которые в основном заключаются в допущении двух крайностей:

1. В ряде случаев решения об оставлении ранее вынесенных приговоров и постановлений в силе принимаются без необходимой проверки доводов жалобщиков, только на основании материалов дела, в то время как имеющиеся данные свидетельствуют о необходимости проверки материалов следствия.

Такой подход к рассмотрению жалоб в делах о контрреволюционных преступлениях в ряде случаев является ошибочным, так как самый факт получения так называемых «признательных» показаний от арестованных и оговора этих лиц со стороны других арестованных при отсутствии объективных доказательств виновности являются недостаточными для правильного разрешения дела. Поэтому при наличии данных о применении незаконных методов следствия необходимо проведение специальной проверки. Достаточно напомнить, что по таким заведомо сфальсифицированным делам, как так называемое «Ленинградское дело», дело по обвинению бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева и по многим другим делам, производившими следствие преступниками были получены от арестованных ложные признания вины в контрреволюционных преступлениях. Только тщательная и объективная проверка доказательств виновности, произведенная по поручению ЦК Прокуратурой СССР, привела к разоблачению фальсификации дела и реабилитации невинно осужденных.

2. В других случаях, наоборот, необоснованно ставится вопрос об отмене приговоров и решений по тем мотивам, что антисоветские действия, такие, например, как контрреволюционная агитация, имели якобы место без контрреволюционного умысла, хотя вывод об этом не вытекает из материалов дела. Иногда необоснованно ставится вопрос о снижении осужденным наказания до пределов отбытого или о понижении срока, тогда как в сопоставлении с совершенным преступлением назначенная мера наказания является правильной. Так, например, прокурор Тюменской области старший советник юстиции Пономарев направил в Прокуратуру СССР дело по обвинению Белобаева и других, которые по ст. ст. 58-1 «а» и 58-10 ч. 2 УК РСФСР были осуждены к 10 годам лишения свободы каждый за то, что во время Отечественной войны, оставаясь проживать на оккупированной немцами территории, добровольно служили в полиции, оказывали активную помощь немецким оккупантам, занимались грабежами, отбирали у населения продукты и ценности для немцев, а часть награбленного имущества присваивали. Вина всех этих лиц была доказана, осуждены они были правильно и каждому из них осталось отбывать по 9–10 месяцев лишения свободы. Без всяких оснований т. Пономарев поставил вопрос о снижении осужденным наказания до пределов отбытого срока.

Факты подобных представлений имели место также со стороны прокурора Челябинской области – государственного советника юстиции 3 класса т. Беляева (по делу Хоменко И. С.) и со стороны других прокуроров.

Созданные по решению Центрального Комитета КПСС комиссии по пересмотру дел проводят большую работу[24]. Однако в этой большой работе имеются серьезные недостатки и ошибки, как это было вскрыто специальной проверкой, проведенной по линии Центрального Комитета КПСС и при заслушивании в комиссии ЦК КПСС докладов председателей комиссий Куйбышевской области, Молдавской и Эстонской ССР тт. Полозкова, Казанира и Пааса[25]. Были отмечены как факты необоснованного отказа в пересмотре дел и реабилитации, так и факты неправильных решений о прекращении дел в отношении лиц, вина которых в совершении контрреволюционного преступления была установлена.

В Молдавской ССР бывший председатель КГБ т. Мордовец, который работал министром госбезопасности Молдавии с 1940 года и под руководством которого расследовался ряд дел необоснованно возбужденных, обычно, когда речь заходила об этих делах, заявлял: «Мне это дело известно. Отказать».

Председатель комиссии прокурор Молдавской республики тов. Казанир при решении таких дел не всегда был принципиален и настойчив, на что было обращено его внимание при обсуждении в комиссии ЦК.

В Узбекской ССР председатель комиссии прокурор республики тов. Яцковский додумался до предложения войти с представлением в ЦК КП Узбекистана о назначении постоянных заместителей, как председателю, так и членам комиссии. Ясно, что такое предложение вызывалось лишь стремлением переложить ответственность и основную тяжесть работы на заместителей.

В работе по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях мы должны исходить из того, что это не амнистия, не помилование преступников, а проверка дел с целью реабилитации лиц, невинно осужденных, или отказа в пересмотре дела в отношении преступников.

Несомненно могут быть расхождения между решениями комиссий и определениями соответствующих судебных органов, которые затем рассматривают эти дела в порядке, установленном законом. Однако в ряде случаев судебные органы неправильно прекращают дела в тех случаях, когда ставится вопрос о снижении меры наказания и именно с этой целью вносится протест.

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4013. Л. 12–17. Правленая стенограмма. Машинопись.

№ 24

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О МЕРАХ ПО УСИЛЕНИЮ МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ»[26]

29 июня 1955 г.

№ 128, п. 125 – О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев (С-т. от 27.VI.55 г., пр. № 80, п. 133-гс).

Утвердить прилагаемый проект постановления о мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев.

[*Приложение*]

О МЕРАХ ПО УСИЛЕНИЮ МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

Постановление ЦК КПСС, принятое в июле 1954 года, «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»[27] значительно расширило гражданские права спецпоселенцев, создало необходимые условия для дальнейшего повышения их материально-бытового положения и культурного уровня, способствовало вовлечению их в активную общественно-политическую жизнь.

Вместе с этим в областях и районах, где проживают спецпоселенцы, имеются многочисленные факты, когда партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы и руководители предприятий не учитывают того, что спецпоселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, с некоторым лишь ограничением в правах передвижения, и допускают к ним неправильное отношение, зачастую огульно и необоснованно выражают им политическое недоверие.

Это неправильное отношение и перестраховка местных органов находят свое проявление в том, что трудящиеся из числа спецпоселенцев часто не допускаются к выборной работе в местных Советах, профсоюзных и комсомольских органах, в колхозах и кооперативных организациях. Коммунисты, ранее состоявшие на учете спецпоселения, не привлекаются на работу в партийный аппарат, в редакции местных газет и т. д. Новаторы производства и передовики сельского хозяйства из числа спецпоселенцев, как правило, не представляются к наградам и поощрениям за достигнутые ими высокие показатели в производственной работе. Подобного рода практика, имеющая широкое распространение на местах, идет вразрез с линией партии и наносит большой вред делу коммунистического воспитания трудящихся.

Массово-политическая и культурно-просветительная работа среди спецпоселенцев проводится неудовлетворительно. Решения партии и правительства, вопросы текущей политики и международных событий разъясняются плохо, газеты и политическая литература на родном языке спецпоселенцев почти не издаются. Среди значительной части спецпоселенцев, особенно чеченцев, ингушей и крымских татар, все еще живучи феодально-родовые и религиозные пережитки, между тем научно-атеистическая и просветительная пропаганда не проводится.

Комсомольские организации не уделяют должного внимания политическому воспитанию молодежи из спецпоселенцев, слабо работают по вовлечению лучшей части этой молодежи в ряды комсомола, плохо привлекают молодежь к участию в общественно-политической, спортивной и культурно-массовой работе. Неудовлетворительно проводят политико-воспитательную работу среди спецпоселенцев и профсоюзные организации.

Многие партийные, советские органы и хозяйственные руководители не придают значения закреплению спецпоселенцев в районах их расселения, вследствие чего за последнее время наблюдается значительное перемещение спецпоселенцев по отдельным республикам и областям. Особенно это относится к Казахстану, где некоторая часть спецпоселенцев из-за неправильного к ним отношения выехала из районов освоения целинных и залежных земель в южные районы республики.

ЦК КПСС считает, что серьезные недостатки в организационной и политической работе со спецпоселенцами объясняются тем, что многие местные партийные и советские органы недооценивают всей важности этой работы и не сделали для себя необходимых выводов, вытекающих из постановления ЦК КПСС от 5 июля 1954 г. «О снятии

некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», формально подошли к разъяснению и проведению в жизнь этого постановления.

ЦК КПСС постановляет:

1. Обязать ЦК компартий Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, Алтайский и Красноярский крайкомы, Новосибирский, Молотовский, Кемеровский и Иркутский обкомы КПСС в кратчайший срок устранить недостатки и ошибки в работе со спецпоселенцами, отмеченные настоящим постановлением. Надо осудить и отрешиться от неправильного и вредного взгляда, что спецпоселенцы являются людьми «второго сорта», и принять меры по вовлечению всех спецпоселенцев в активную производственную и общественно-политическую жизнь. Необходимо избирать лучших из них в Советы депутатов трудящихся и в руководящие органы профсоюзных и кооперативных организаций, выдвигать их наравне со всеми другими гражданами на руководящую хозяйственную работу в колхозах, совхозах, МТС и промышленности. Спецпоселенцев, добившихся высоких производственных показателей, следует представлять к правительственным наградам, широко показывать результаты их работы на выставках, в печати и т. д.

2. Обязать партийные организации широко развернуть массово-политическую и культурно-просветительную работу среди спецпоселенцев, подчинив ее главной задаче – повышению трудовой активности, закреплению спецпоселенцев в местах поселения, воспитанию их в духе преданности Родине, советского патриотизма и дружбы народов СССР. Повседневно разъяснять им политику партии и правительства, внутреннее и международное положение СССР. К работе в качестве агитаторов, докладчиков и пропагандистов привлекать политически подготовленных коммунистов, а также спецпоселенцев из числа беспартийной интеллигенции.

Предложить ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии организовать издание политической литературы, газет для спецпоселенцев на их родном языке там, где имеются для этого необходимые условия.

3. Считать неправильным, когда местные партийные органы и первичные партийные организации не привлекают коммунистов бывших спецпоселенцев к активному участию во внутрипартийной жизни, не дают им партийных поручений, не приглашают для участия в работе партийных активов, а также необоснованно отказывают передовым людям из числа спецпоселенцев в приеме в КПСС.

Предложить ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам партии принять необходимые меры к усилению политического воспитания коммунистов, ранее состоявших на учете спецпоселения, вовлекая их в активную работу партийных организаций. Наиболее подготовленных из них выдвигать на работу в партийные комитеты и органы местной печати.

Разъяснить партийным организациям, что передовые люди из числа спецпоселенцев принимаются в партию на общих основаниях, в соответствии с Уставом КПСС, строго в индивидуальном порядке.

4. Обязать ЦК ВЛКСМ принять меры к улучшению работы комсомольских организаций по идейному воспитанию молодежи из числа спецпоселенцев, повышению ее производственной активности, воспитанию в духе коммунистического отношения к труду и социалистической собственности, широкому вовлечению этой молодежи в работу культурно-просветительных учреждений и спортивных организаций. Вовлекать передовую молодежь из числа спецпоселенцев в ряды ВЛКСМ, а наиболее активных комсомольцев-спецпоселенцев привлекать для работы среди несоюзной молодежи и выдвигать на руководящую комсомольскую работу. Обратить особое внимание комсомольских организаций на необходимость серьезного улучшения работы среди девушек-спецпоселенок, на преодоление влияния феодально-родовых пережитков, на повышение их культурного уровня, политической сознательности и вовлечение в активную комсомольскую и общественную жизнь.

5. Предложить ВЦСПС обеспечить значительное улучшение работы профсоюзных организаций среди спецпоселенцев. Необходимо, чтобы профсоюзные комитеты повседневно заботились о вовлечении спецпоселенцев в активную производственную жизнь, следили за неукоснительным выполнением трудового законодательства, добивались укрепления трудовой дисциплины и улучшения культурно-бытового обслуживания спецпоселенцев. Шире вовлекать спецпоселенцев в общественную и профсоюзную работу

6. Предложить обкомам, крайкомам партии и ЦК компартий союзных республик, а также министерствам просвещения соответствующих союзных республик обеспечить обучение всех детей спецпоселенцев школьного возраста, не допуская их отсева из школ.

Поручить ЦК компартий Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, крайкомам, обкомам КПСС, Министерству просвещения РСФСР и Отделу школ ЦК КПСС изучить вопрос и внести предложения в ЦК о возможности создания в школах групп-классов для детей спецпоселенцев на их родном языке.

7. Обязать Министерство внутренних дел СССР усилить охрану общественного порядка в районах спецпоселения, повести решительную борьбу с проявлениями бандитизма, хулиганства и другими проявлениями преступности, а также с элементами, ведущими паразитический образ жизни.

8. Поручить Секретариату ЦК КПСС направить группы работников аппарата ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Министерства культуры СССР и Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в Казахскую, Узбекскую, Таджикскую, Туркменскую и Киргизскую ССР, Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую, Кемеровскую, Иркутскую и Молотовскую области для оказания помощи местным партийным организациям в усилении политико-воспитательной работы со спецпоселенцами сроком на 45 дней.

9. Обязать обкомы, крайкомы КПСС и ЦК компартий союзных республик к 1 декабря с. г. доложить ЦК КПСС о проделанной работе по выполнению настоящего постановления.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 151. Л. 66; Д. 152. Л. 109–114. Подлиннник. Машинопись.

№ 25

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. К. СОКОЛОВА И А. Г. САМУЛЕНКО*

1 июля 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено судебное дело Соколова Николая Константиновича и Самуленко Арсения Герасимовича.

Проверкой установлено:

* На первом листе записки имеются резолюции: «За. Н. Хрущев», «За – Н. Булганин», «За – К. Ворошилов», «За – Л. Каганович», «За – Г. Маленков», «За – А. Микоян», «За – В. Молотов», «За – М. Первухин», «За – М. Суслов»; на втором листе – помета «Сообщено т. Руденко. 9/VIII.55. Н. Соловьев». – Сост.

Соколов Н. К., бывший член КПСС с 1918 года, бывший председатель Правления Государственного Банка СССР, арестован 21-го декабря 1940 года и Самуленко А. Г., бывший член КПСС с 1925 года, бывший заместитель председателя Правления Государственного Банка СССР, арестован 20 октября 1940 года, были осуждены 9 июля 1941 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу.

Соколов и Самуленко обвинялись в том, что они являлись участниками контрреволюционной право-троцкистской организации в интересах которой проводили вредительскую работу в Государственном Банке СССР и, кроме того, занимались шпионажем в пользу германской разведки.

На предварительном следствии Соколов и Самуленко продолжительное время отрицали совершение каких-либо преступлений, но затем виновными себя признали, однако по существу предъявленного им обвинения дали противоречивые показания.

Так, Самуленко показал, что в контрреволюционную организацию он был вовлечен в 1939 году Соколовым и что последний передавал германской разведке секретные сведения о валютных операциях Государственного Банка СССР.

Соколов же на очной ставке с Самуленко заявил, что он Самуленко в контрреволюционную организацию не вербовал и что шпионскую связь с германской разведкой поддерживал не Соколов, а Самуленко.

Характерно отметить, что ни Соколов, ни Самуленко не указывают, когда и при каких обстоятельствах они связались с германской разведкой и каким образом эта связь осуществлялась.

Свои показания Самуленко и Соколов подтвердили и в суде (дела слушались раздельно).

В качестве доказательств виновности Соколова к его делу были приобщены показания арестованных по другим делам Бидермана Л. М. и Гиндина М. М., однако при проверке установлено, что оба они впоследствии от своих показаний отказались и виновными себя не признали. Дело Гиндина М. М. в августе 1954 года было пересмотрено и прекращено.

Установлено также, что бывший заместитель наркома финансов СССР Гричманов, завербовавший якобы Соколова в контрреволюционную организацию, никаких показаний о нем не дал и сам виновным себя не признал.

Таким образом, участие Соколова и Самуленко в контрреволюционной организации и их связь с германской разведкой при проверке не подтвердились.

Наряду с этим из имеющихся в деле материалов видно, что Соколов и Самуленко, как бывшие руководители Государственного Банка СССР, допустили ряд серьезных недостатков в его работе, за что были сняты с занимаемых ими должностей, однако материалами дела и дополнительной проверки не установлено, что эти недостатки явились результатом их вредительской деятельности.

В связи с этим, 18 июня 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР, по моему протесту, приговор в отношении Соколова Н. К. и Самуленко А. Г. отменила и дело, за недоказанностью предъявленного им обвинения, в уголовном порядке прекратила.

Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 194–195. Подлинник. Машинопись.

№ 26

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Н. И. ПАХОМОВА*

5 июля 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой произведена проверка правильности осуждения бывшего народного комиссара водного транспорта Союза ССР Пахомова Николая Ивановича.

Пахомов 19 августа 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР осужден к расстрелу за то, что он:

с 1912 по 1917 год, состоя в партии меньшевиков, в 1915 году был завербован в агенты царской охранки и до Октябрьской революции вел провокаторскую работу, выдав царской охранке ряд революционеров;

в 1928 году установил преступную связь с правыми – Рыковым, Углановым и Смирновым А. П.;

с 1934 года руководил вредительской деятельностью участников организации правых на водном транспорте, используя служебное положение по должности наркома водного транспорта.

Кроме того, Пахомов был признан виновным в том, что он являлся агентом германской, японской и английской разведок и вел шпионскую работу в пользу Германии, Японии и Англии.

Виновность Пахомова в принадлежности к антисоветской организации правых, работе в пользу царской охранки, шпионаже и вредительстве судом была основана только на признательных показаниях Пахомова, данных им на предварительном следствии и в суде.

Как установлено проверкой, эти показания Пахомова не соответствуют действительности, что подтверждается следующими данными.

1. На предварительном следствии Пахомов заявлял, что он при вступлении в КПСС скрыл свою принадлежность к меньшевикам. В действительности же принадлежности к партии меньшевиков Пахомов при вступлении в КПСС и в последующем не скрывал, так как в своей автобиографии, находящейся в его личном деле, указывал, что он с 1912 по 1917 год состоял в партии меньшевиков.

2. Пахомов показывал, что в антисоветскую организацию правых он был вовлечен Рыковым в 1928 году и поддерживал связь с подпольным центром правых – Бухариным, Углановым, Антиповым, Смирновым А. П., Чубарем, Рудзутаком, Межлауком, Енукидзе, Каминским и по их заданию проводил вредительство, тогда как вышеуказанные лица на предварительном и судебном следствии в отношении Пахомова никаких показаний не давали.

3. Показания Пахомова о фактах вредительства органами предварительного следствия и судом проверены не были.

В настоящее время произведенной проверкой и материалами комиссий Министерства речного флота и Министерства морского флота установлено, что показания Пахомова о якобы проводимом им вредительстве не соответствуют действительности.

* На первом листе записки имеются подписи: «За. Н. Хрущев», «За – Н. Булганин», «За – К. Ворошилов», «За. Л. Каганович», «За. А. Микоян», «За. В. Молотов», «За. М. Первухин», «За. М. Суслов». – Сост.

4. Пахомов давал показания, что до Октябрьской революции он вел провокаторскую работу.

Между тем проверкой, произведенной Главным архивным управлением МВД СССР, принадлежность Пахомова к агентуре царской охранки не установлена. Из архивных материалов видно, что Пахомов сам в 1914 году по подозрению в революционной деятельности арестовывался царской полицией и после его освобождения из-под стражи был подчинен негласному надзору полиции.

5. О работе в пользу иностранных разведок на предварительном следствии Пахомов показывал, что он непосредственной связи с ними не имел, а лишь давал указания Розенталю и Бронштейну передавать информацию иностранным разведкам. Однако по поводу этих показаний Пахомов на предварительном следствии заявлял отказ.

Розенталь и Бронштейн в отношении Пахомова показаний не давали.

Органы Комитета государственной безопасности Союза ССР о принадлежности Пахомова к иностранным разведкам никакими материалами не располагают.

6. По показаниям Пахомова за принадлежность к антисоветской организации правых были арестованы работники Наркомвода – Сулимов, Лаписов, Романов, Кладько, Голованов и ряд других лиц. Однако они показаний о вербовке их Пахомовым в антисоветскую организацию не подтвердили.

Кроме того, из показаний Пахомова видно, что органы предварительного следствия добивались от него провокационных показаний на одного из руководителей партии и правительства.

По архивным партийным материалам Пахомов до ареста характеризовался положительно, как активный партийно-советский работник.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции принял участие в гражданской войне. Избирался делегатом X, XI, XIV, XV, XVI, XVII съездов КПСС. На XI съезде был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, на XVII съезде был вторично избран кандидатом в члены ЦК КПСС.

В марте 1935 года за выдающиеся успехи в деле руководства работой по Горьковскому краю был награжден орденом Ленина и в январе 1936 года за перевыполнение плана перевозок 1935 года и за успехи в деле организации водного транспорта награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

Расследование по делу Пахомова производили бывшие работники НКВД Николаев-Журид и Ушаков, которые в 1939 году за участие в заговоре и фальсификацию следственных дел осуждены к расстрелу.

На основании изложенного полагаю, что приговор по делу Пахомова подлежит опротестованию для прекращения и реабилитации Пахомова.

Прошу Ваших указаний[28].

За Генерального прокурора СССР
Баранов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д.441. Л. 6–9. Подлинник. Машинопись.

№ 27

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ – УЧАСТНИКОВ ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ*

14 июля 1955 г.

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС от 9 июня 1955 года[29], Прокуратурой Союза ССР проведена проверка обоснованности ареста и осуждения бывших офицеров I-го советского партизанского полка в городе Ним (Франция) Казаряна, Петросяна, Титаняна, Ягджяна и Минасяна.

Эти лица были арестованы в июле 1948 года Министерством госбезопасности Армянской ССР и в июне 1949 года осуждены военным трибуналом 7-ой армии: Казарян, Минасян и Ягджян к 25 годам лишения свободы, а Титанян и Петросян к 20 годам лишения свободы каждый за то, что они, находясь в лагерях военнопленных, изменили Родине и поступили на службу в гитлеровский «Армянский легион», где служили с августа 1942 года по июль 1944 года, занимая командные должности.

Органы следствия и суд вменили в вину этим лицам также и то, что они, в связи с успешным наступлением Советской Армии и изгнанием немецких войск с юга Франции, в июле 1944 года, совершив побег из легиона, создали лжепартизанский полк и заняли в нем командные должности, а в дальнейшем, скрывая от советских государственных органов свою службу в немецкой армии, составляли фиктивные документы, где излагали «боевые заслуги» полка, фактически не имевшие место.

В настоящее время Титанян освобожден из места заключения досрочно по болезни, а остальные осужденные продолжают отбывать наказание.

Материалами дела и дополнительной проверкой установлено, что расследование по делу Казаряна, Петросяна и других МГБ Армянской ССР было проведено необъективно, с игнорированием патриотической деятельности арестованных как в период их нахождения в легионе, так и позже в названном выше полку.

Несмотря на ходатайства обвиняемых, не были допрошены свидетели, знавшие об их патриотической деятельности, хотя большинство из свидетелей проживало в городах Ереване и Москве.

Следствием, а затем и судом не были приняты во внимание показания обвиняемых о том, что еще находясь в лагерях военнопленных, а затем, будучи зачисленными в «Армянский легион», они с 1942 года входили в подпольную организацию, выявляли патриотически настроенных лиц, принимали меры к связи с партизанами и при их содействии направили в партизанские отряды две группы легионеров.

Проверкой подтверждена правильность показаний обвиняемых и установлено, что по указанию подпольной патриотической группы и при содействии названных выше лиц действительно к партизанам бежали две группы, а в феврале 1943 года был подготовлен побег третьей группы легионеров во главе с Вартаняном и Карапетяном.

О подготовке третьего побега легионеров стало известно немецкому командова-

* На первом листе записки имеются резолюция: «Согласен. Н. Хрущев» и подписи: «За – К. Ворошилов», «За – Л. Каганович», «За – В. Молотов», «За – А. Микоян», «За – М. Первухин», «За – М. Суслов». – Сост.

нию, которое произвело массовые аресты. Вартанян и Карапетян были осуждены фашистским судом к длительным срокам заключения в концлагерь.

Это подтверждено материалами дела по обвинению Вартаняна и Карапетяна, которые необоснованно были арестованы и осуждены за измену Родине, а в настоящее время реабилитированы решением Верховного Суда Союза ССР.

Проверкой подтверждена также патриотическая деятельность Казаряна, Петросяна, Титаняна, Минасяна, Ягджяна в период их пребывания во Франции, о чем имеются свидетельства ряда членов Армянской секции Компартии Франции.

4 июля 1944 года Казарян, Петросян, Титанян и Минасян в группе 52 легионеров с оружием совершили побег из легиона и перешли на сторону французских партизан; до этого они вели подпольную работу в легионе.

Партизанские отряды, созданные из легионеров на юге Франции и в особенности отряд под руководством Петросяна и Титаняна, летом 1944 года вели бои с немцами и освободили ряд городов и населенных пунктов Франции. О боевых действиях партизанских отрядов Петросяна и других было широко известно французской общественности; об этом неоднократно писалось в органе ЦК Французской компартии газете «Юманите».

В сентябре 1944 года произошло объединение отдельных партизанских отрядов в городе Ним в полк, который был назван «1-й советский партизанский полк во Франции».

С момента сформирования полка, он занимался сбором и отправкой в Советский Союз советских граждан, оказавшихся во Франции, и в боевых действиях уже не участвовал, в связи с изгнанием немецких оккупантов с территории Франции.

Из объяснения бывшего Генерального Консула СССР в Париже Гузовского и выданных им документов видно, что о деятельности этого полка ему и послу СССР во Франции тов. Богомолову было известно и что они, а позже советская военная миссия во Франции, как об этом подтвердил бывший заместитель уполномоченного по репатриации советских граждан во Франции генерал-майор тов. Вихарев, оказывали полку необходимое содействие и помощь.

За активное участие совместно с французскими партизанами в освобождении юга Франции от немецких оккупантов французским правительством в 1945 году 1-й советский батальон, которым командовал Петросян, и полк в целом были награждены боевыми французскими знаменами и орденами. Более 300 человек личного состава полка, в том числе и командование полка, награждено орденами и медалями.

Кроме того, правительство Франции разрешило 1-му советскому партизанскому полку выезд на Родину со всем имевшимся у него вооружением.

Помимо правительственных наград полку были вручены знамена от коммунистических организаций города Лиона и от партизан Франции.

Знамена и награды полка и батальона сданы на хранение в музей Советской Армии, а вооружение и имущество – советскому командованию.

Таким образом, утверждение в материалах дела и в приговоре суда о том, что полк был «лжепартизанским», следует признать необоснованным.

Учитывая, что к моменту ареста и особенно во время следствия Министерство госбезопасности Армянской ССР располагало данными, свидетельствующими о патриотической деятельности Казаряна, Петросяна, Минасяна, Титаняна и Ягджяна в период их нахождения в легионе и полку, а также о том, что до пленения все они являлись членами коммунистической партии Советского Союза, с первых дней Великой Отечественной войны участвовали в боях, занимая командные должности в Советской Армии, а в плен попали будучи тяжело ранеными, считаю, что они привлечены к судебной ответственности неправильно.

Бывший министр государственной безопасности Армянской ССР Кархмазян, виновный в фальсификации уголовного дела по обвинению Казаряна и других, за нарушение социалистической законности решением бюро ЦК КП Армении исключен из партии. В настоящее время Главной Военной Прокуратурой производится следствие по делу Кархмазяна.

Считаю необходимым войти с представлением о прекращении уголовного дела в отношении Казаряна, Петросяна, Минасяна, Титаняна и Ягджяна за отсутствием в действиях этих лиц состава преступления.

Прошу Вашего согласия[30].

При проведении проверки выяснено, что МГБ Армянской ССР привлечено к судебной ответственности за службу в Армянском национальном легионе свыше 50 человек, которые после побега из легиона состояли в 1-м партизанском полку и участвовали в борьбе против немецких оккупантов.

Дела в отношении всех этих лиц будут также проверены.

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 285. Л. 129–132. Подлинник. Машинопись.

№ 28

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ К. В. УХАНОВА*

18 июля 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с поступившими в ЦК КПСС жалобами родственников Уханова К. В., Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего народного комиссара легкой промышленности РСФСР Уханова.

Уханов Константин Васильевич, 1891 года рождения, русский, из рабочих, состоял членом КПСС с 1907 года, был арестован НКВД СССР 21 мая 1937 года.

На предварительном следствии Уханов признал, что с 1928 года являлся участником антисоветской организации правых и входил в состав «резервного центра». В судебном заседании Уханов виновным себя не признал и от показаний, данных на предварительном следствии, отказался, заявив, что дал их в невменяемом состоянии.

26 октября 1937 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР осудила Уханова за принадлежность к антисоветской террористической организации правых к высшей мере уголовного наказания – расстрелу.

Фамилия Уханова упоминается в «Кратком курсе» истории партии (стр. 281) среди фамилий других лиц, осужденных за активное участие в контрреволюционной деятельности группы Бухарина – Рыкова.

Произведенной проверкой установлено, что следствие по делу Уханова произво-

* На первом листе записки имеются резолюция: «Согласен. Н. Хрущев. 29/VII» и подписи: «За – Н. Булганин. 30/VII», «За – К. Ворошилов», «За – Л. Каганович», «За – Г. Маленков», «За – А. Микоян», «За – В. Молотов», «За – М. Первухин», помета «Без оформления [протокольного решения]. В. Чернуха. 6.VIII.55»; на втором листе – помета «Сообщено т. Руденко. 9.VIII.55. Н. Соловьев». – Сост.

дили бывшие сотрудники НКВД СССР Лулов и Церпенто, разоблаченные впоследствии, как преступники, пробравшиеся на работу в органы государственной безопасности и осужденные к расстрелу за ряд преступлений, в том числе за фальсификацию следственных дел.

Из уголовного дела по обвинению Лулова видно, что он являлся выходцем из социально-чуждой среды: брат Лулова Мендель – крупный капиталист, проживающий в Палестине. В СССР Лулов прибыл в порядке обмена из Польши. Во время XIV съезда ВКП(б) Лулов, работая в Ленинграде, выступал против генеральной линии партии. В деле Лулова находится его записка на имя Зиновьева, в которой Лулов выражает одобрение по поводу одного из выступлений Зиновьева.

Из дела по обвинению Церпенто видно, что он в 1934 году являлся участником контрреволюционной троцкистской группы в Саратовском пединституте. В это время Церпенто был завербован как негласный агент – осведомитель органов НКВД. В 1937 году Церпенто был уже переведен на штатную должность в центральный аппарат НКВД СССР.

В показаниях Церпенто и Лулова содержатся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что, допрашивая арестованных, они вымогали от них показания на невиновных лиц и в особенности домогались ложных оговоров в отношении руководящих партийных и советских работников. Фальсифицируя уголовные дела, Церпенто и Лулов не останавливались перед вымогательством ложных показаний в отношении отдельных руководителей партии и правительства. Таким путем Церпенто и Луловым были сфальсифицированы многочисленные следственные дела, в том числе дело по обвинению Постышева, ныне посмертно полностью реабилитированного[31], и др[угих] лиц.

О методах преступной деятельности подчиненных ему следователей бывший зам. НКВД СССР Фриновский, подписавший ордер на арест Уханова, писал:

«Следователи бесконтрольно избивали арестованных и в кратчайший срок добивались „показаний“, и умели грамотно, красочно составлять протоколы.

Процесс следствия сводился к тому, что следователь вел допрос и вместо протокола допроса составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на „корректировку“ начальнику соответствующего отдела, а от него еще не подписанным – на просмотр бывшему народному комиссару Ежову и в редких случаях ко мне.

... В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи.

Тогда следователи напоминали арестованному о „колокольщиках“ и подследственные подписывали протокол... При таких методах следствия подсказывались фамилии.

По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявляю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные».

Полученные Луловым и Церпенто от различных лиц показания, уличающие Уханова в контрреволюционной деятельности, противоречивы и не могут быть признаны достоверными.

Так Халатов А. Б. показал, что кроме него в «резервный центр» правых входили: Антипов, Сулимов, Каминский, Сырцов и Жуков.

В отношении Каминского эти показания являются заведомо ложными, так как специальной проверкой установлено, что он ни в какой контрреволюционной деятельности не участвовал, в связи с чем 2 марта 1955 года дело по обвинению Каминского производством прекращено и он полностью реабилитирован посмертно[32].

Жуков никаких показаний о вхождении Уханова в «резервный центр» не дал.

Сулимов хотя и показал на следствии, что входил вместе с Ухановым в «резервный центр», но в своем собственноручном письме, адресованном в Политбюро ЦК ВКП(б), отрицал всякую принадлежность к преступной организации правых и заявлял, что всегда был предан делу коммунистической партии.

Сырцов на следствии полностью отрицал антипартийную деятельность и об Уханове вообще не упоминал.

Антипов первоначально заявил, что он и Уханов принадлежали к числу «особо законспирированных правых цекистов», затем Антипов показал, что создал «резервный центр» с участием Уханова осенью 1936 года, а на другом допросе заявил, что создал этот центр в 1933 году.

Показания Бухарина об участии Уханова в контрреволюционной деятельности правых неконкретны и основаны якобы на разговорах с Углановым. При этом Бухарин показал:

«Об участии Уханова в нашей организации я знал лично по первым годам нашей борьбы с партией, а в более поздние времена уже о нем говорил Угланов».

Показания эти не могут быть признаны достоверными, так как известно, что Бухарин выступал против линии партии с первых лет существования советской власти и, в частности, вел антипартийную борьбу на X съезде партии, что же касается Уханова, то вместе с другими делегатами съезда он принял участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Кроме показаний Бухарина, Уханов изобличался показаниями бывшего зам. председателя СНК РСФСР Лебедя, который заявлял, что Уханов являлся членом антисоветской организации правых. Показания Лебедя вызывают сомнения, так как он утверждал, что сам был вовлечен в антисоветскую деятельность Г. И. Петровским.

Арестованный Гибер, показавший, что в 1934–35 годах он обсуждал с Ухановым планы террористических актов, отказался на суде от всех показаний, данных на предварительном следствии.

Приведенные выше противоречивые показания отдельных арестованных не могли служить основанием для привлечения Уханова к уголовной ответственности.

Не усматривается оснований для этого и в деятельности самого Уханова.

В течение ряда лет на XII, XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездах партии Уханов избирался членом ЦК. После разгрома Центральным Комитетом углановщины, Уханов был избран в секретариат МК, а решением политбюро в 1929 году введен в состав оргбюро ЦК по Московской области.

На XVI съезде ВКП(б) Уханов резко выступал против Угланова, Рыкова и других правых, требуя изгнания их из партии, как кулацкой агентуры.

В январе 1936 года Уханов за перевыполнение производственной программы был награжден орденом Ленина.

Учитывая противоречивость и недостоверность собранных следствием против Уханова доказательств, а также то обстоятельство, что следствие по этому делу производилось разоблаченными впоследствии фальсификаторами, и что Уханов от всех своих показаний, данных на предварительном следствии, отказался, считаю необходимым войти с предложением о прекращении дела по обвинению Уханова за отсутствием в его действиях состава преступления.

Прошу Ваших указаний[33].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 200–203. Подлинник. Машинопись.

№ 29

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Я. Б. ГАМАРНИКА*

22 июля 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобами Гамарник И. М., Богомоловой-Гамарник К. Б. и Гамарник Ф. Б. Прокуратурой СССР проверена обоснованность обвинений, выдвинутых против бывшего заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии Гамарника Яна Борисовича.

Проверкой установлено:

31 мая 1937 года Гамарник Я. Б., будучи тяжело больным, выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством.

После самоубийства Гамарника Я. Б. Ежовым и его сообщниками были получены показания арестованных к тому времени по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре Тухачевского, Якира и Уборевича о причастности к указанному заговору также и Гамарника.

Свои показания Тухачевский, Якир и Уборевич подтвердили в судебном заседании специального присутствия Верховного Суда СССР. Однако показания указанных лиц в отношении Гамарника неконкретны, в ряде случаев противоречивы и никакими другими объективными данными не подтверждены.

Так, Якир в начале своих показаний заявил, что Гамарник высказывал якобы ему свое недовольство состоянием дел в наркомате обороны, однако он, Якир, не имея полномочий центра, не делал попыток к вовлечению Гамарника в военный заговор и не говорил ему о существовании такового.

В дальнейшем Якир изменил эти показания и заявил, что еще в 1936 году он якобы информировал Гамарника о проводившейся им, Якиром, Тухачевским и Уборевичем вредительской работе в пограничных районах, направленной на ослабление обороноспособности страны и что якобы Гамарник заявил тогда, что аналогичная работа проводится и на Дальнем Востоке. При этом Якир утверждает, что Гамарник в центр военного заговора не входил и непосредственного контакта по контрреволюционной деятельности с Тухачевским, Корком и другими лицами не имел, а поддерживал эту связь якобы через Якира. Никаких конкретных фактов проводившейся якобы Гамарником контрреволюционной деятельности Якир привести не мог, ссылаясь на то, что Гамарник занимался вредительством на Дальнем Востоке, а он плохо знал Дальневосточный театр.

Осужденный Уборевич прямых показаний об участии Гамарника в военном заговоре не дал, но заявил, что его очень хвалил Тухачевский, что Гамарник, в свою очередь, поддерживал по ряду вопросов Тухачевского и других, и поэтому он предполагает, что Гамарник являлся членом центра военного заговора.

Более определенные показания о причастности Гамарника к военному заговору дал Тухачевский. Он показал, что в состав центра военного заговора входили: Тухачевский, Гамарник, Каменев С. С., Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, Зарем, Примаков и Корк.

Гамарник, как показал Тухачевский, в состав центра якобы вошел в 1934 году, занимал в нем руководящее положение и ведал подрывной деятельностью заговорщиков на Дальнем Востоке.

Эти показания Тухачевского находятся в явном противоречии с уже приведенными показаниями Якира и, кроме того, опровергаются показаниями других осужденных.

Так, осужденный по одному делу с Тухачевским Путна В. К. в отношении Гамарника показал:

«...я не допускаю участия Гамарника в троцкистской организации, но он меня поддерживал в 1934 году, когда он приезжал на Дальний Восток, он сказал, что мой доклад о том, что надо разъединить ОКДВА, он поставит в Москве».

Осужденный, как участник центра военного заговора, Фельдман Б. М. показал суду:

«В отношении связи с Гамарником я лично ни слова не слышал и не знал, что Гамарник состоит членом центра. Гамарник вел такую линию в центральном аппарате, что мне хотя бы от малейшего его шага или малейшей осторожности догадаться о том, что он нам помогает, не было возможности и я не могу этого сказать.

Гамарник, когда приезжал на Дальний Восток, Вы сами знаете, всегда о дальневосточных делах плохо отзывался – это факт, хвалил много Сангурского – это факт, об этом я сообщаю, делал он это с определенной целью. С моей стороны было бы неправильно, если бы я на основании этого мог сказать, что Гамарник состоит членом центра».

Другой осужденный, как участник центра – Корк А. И. показал:

«... В состав центра входят: Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и я. Про других лиц, в частности, про Гамарника, мне не говорил тогда Тухачевский и не говорил впоследствии».

При таком положении сомнительные показания Тухачевского, Якира и Уборевича, при отсутствии других объективных доказательств, не могут быть положены в основу обвинения Гамарника Я. Б. в измене Родине и это обвинение с Гамарника Я. Б. должно быть снято.

В связи с этим, считаю необходимым войти с предложением о признании необоснованными обвинений Гамарника Я. Б. в антисоветской деятельности.

Прошу рассмотреть[34].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 281. Л. 25–27. Подлинник. Машинопись.

№ 30

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О ЧАСТИЧНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ РАБОТНИКОВ МОСКОВСКОГО АВТОЗАВОДА, ОСУЖДЕННЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЕВРЕЙСКОЙ АНТИСОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ*

1 августа 1955 г.

ЦК КПСС

В ноябре 1951 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР осуждены к разным мерам наказания 41 человек бывших руководящих работников Московского авто-

* На первом листе записки имеются резолюция: «Чл[енам] През[идиума] ЦК, Секр[етарям] ЦК. Согласен. Н. Хрущев». К записке приложен также лист голосования по вопросу („за“ проголосовали Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. А. Суслов) со следующими пометами: «Без оформления [протокольного решения]. 5.VIII.55. В. Чернуха» и «Сообщено т. Руденко. 9/VIII.55. Н. Соловьев». – Сост.

* На первом листе записки имеются резолюция: «Согласен. Н. Хрущев. 22/VII» и подписи: «За – Н. Булганин. 30/VII», «За – К. Ворошилов», «За – Л. Каганович», «За – Г. Маленков», «За – А. Микоян», «За – В. Молотов», «За – М. Первухин». – Сост.

завода имени Сталина и Министерства автотракторной промышленности СССР, в том числе:

Эйдинов А. Ф. – помощник директора Московского автозавода имени Сталина;

Фиттерман Б. М. – главный конструктор Московского автозавода;

Гольдберг Г. И. – главный конструктор по электрооборудованию Московского автозавода;

Шмидт А. И. – заместитель начальника производства автозавода;

Генкин Б. С. – пом. министра автотракторной промышленности СССР

и другие, из которых 11 человек осуждены к расстрелу.

Все осужденные были признаны виновными в том, что, являясь участниками еврейской антисоветской националистической группы, действовавшей на Московском автозаводе, во главе с Эйдиновым проводили подрывную работу.

Эйдинов и ряд других лиц, осужденных по этим делам, признаны виновными также и в том, что они были связаны с американскими шпионами и саботировали организацию здравоохранения рабочих.

При рассмотрении дел в Военной Коллегии Верховного Суда СССР большинство арестованных умышленную вредительскую деятельность на автозаводе отрицало.

В поданных в 1952–1955 гг. жалобах осужденные Фиттерман, Коган, Гольдберг и другие свою вину категорически отрицают и утверждают, что в результате незаконных методов следствия они в 1950 году давали ложные показания.

Проверка, произведенная Прокуратурой СССР и Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР, показала, что Эйдинов, Шмидт, Фиттерман и другие были осуждены по недостаточно проверенным материалам.

Обвинение Эйдинова, Шмидта и некоторых других в том, что они были связаны с американскими шпионами и способствовали им в сборе секретных материалов о Московском автозаводе, было основано на том, что еврейские писатели Персов и Айзенштадт (Железнова) несколько раз посетили автозавод, где беседовали с некоторыми евреями о работе завода.

Проверкой установлено, что Персов и Айзенштадт, как корреспонденты Еврейского антифашистского комитета, с разрешения Эйдинова действительно несколько раз были на автозаводе и, составив несколько очерков о жизни и достижениях евреев, работавших на заводе, опубликовали их в американской прессе. Но по своему характеру эти очерки секретных данных не содержали и антисоветскими не являются.

Обвинение осужденных в антисоветской клевете на национальную политику КПСС и советского правительства основывалось только на их личных показаниях, от которых осужденные, отбывая наказание в лагере, отказались.

Допрошенные в ходе проверки свидетели, в присутствии которых, как ранее утверждали осужденные, они вели антисоветские националистические разговоры, никаких показаний об антисоветской деятельности осужденных не дали.

Не подтвердилось в ходе проверки обвинение Эйдинова и других и в том, что они являлись участниками антисоветской группы.

Следствие по делам на бывших работников автозавода имени Сталина и Министерства автотракторной промышленности СССР велось с грубым нарушением социалистической законности.

Допрошенный в процессе проверки бывший помощник начальника Следчасти по особо важным делам МГБ СССР Соколов показал, что «... до начала допросов следователи, выделенные для ведения дела, были вызваны к Абакумову, который дал указание допрашивать арестованных о шпионской, вредительской и националистической деятельности. В этом направлении велись допросы и соответственно этому же указанию предъявлялось обвинение».

Вместе с этим проверка показала, что на Московском автозаводе имени Сталина в течение ряда лет существовала порочная практика в области планирования производства, недостаточного использования производственных мощностей завода, резервирования готовых автомобилей в незавершенном производстве, запуска автомобилей в серийное производство без соответствующих испытаний и незаконного расходования материальных ценностей*.

Проверкой также подтверждено, что Эйдинов в период его работы на автозаводе группировал вокруг себя лиц преимущественно еврейской национальности из числа руководящих и инженерно-технических работников, которые в силу своих корыстных и карьеристических побуждений отрицательно влияли на работу и допускали расхищение государственных средств.

В связи с изложенным Прокуратурой СССР и Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР принято решение внести в Верховный Суд СССР протесты с предложением переквалифицировать состав преступления следующим лицам:

1. Пом. директора автозавода Эйдинову, директору комбината общественного питания автозавода Персину, нач. медсанчасти автозавода Самородницкому, директору столовой автозавода Файману, зам. нач. прессового цеха автозавода Вайсбергу, зам. нач. материально-технического отдела автозавода Добрушину и нач. отдела труда и зарплаты автозавода Лисовичу на ст[атьи] 109 и 111 УК РСФСР, т. е. должностные преступления, которые этими лицами были совершены, и дела в отношении их на основании Указа «Об амнистии» прекратить.

2. Дела в отношении нач. цеха коробки скоростей автозавода Майнфельд, главного конструктора по автоэлектрооборудованию автозавода Гольдберга и пом. министра автотракторной промышленности СССР Генкина прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

3. На остальных осужденных прекратить дела за недоказанностью предъявленного им обвинения[35].

Генеральный прокурор Союза ССР Р. Руденко
Председатель Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР И. Серов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 18. Л. 7–11. Подлинник. Машинопись.

№ 31

ЗАПИСКА КПК ПРИ ЦК КПСС В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ ПАРТИИ БЫВШИХ ЧЛЕНОВ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1 августа 1955 г.[36]

В Президиум ЦК КПСС

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 30 августа 1954 г.[37]

* Так в документе. – Сост.

Комитет партийного контроля рассмотрел материалы на бывших членов Военной коллегии Верховного Суда СССР тт. Матулевича И. О., Детистова И. В. и Зарянова И. М., которые вызывались в КПК и представили письменные объяснения. На заседании КПК вопрос был рассмотрен с их участием, а также с участием председателя Верховного Суда СССР т. Волина, представителя Административного отдела ЦК КПСС т. Старцева, министра юстиции СССР т. Горшенина, быв. председателя Верх[овного] Суда СССР т. Голякова и быв. Генерального прокурора СССР т. Сафонова[38].

На основании проведенной проверки, а также письменных и устных объяснений тт. Матулевича, Детистова и Зарянова по вопросу об ошибках и нарушениях советской законности в судебной работе Комитет партийного контроля приходит к следующим выводам.

Комитет партийного контроля не может недооценивать проведенной Военной коллегией работы по рассмотрению судебных дел и вынесению приговоров в отношении злейших врагов партии и народа, – участников право-троцкистских центров и других контрреволюционных элементов, шпионов, диверсантов и др. Проводя на своих заседаниях рассмотрение дел о врагах партии и народа, Военная коллегия вместе с тем стала сбиваться на путь огульного осуждения работников, которые были оклеветаны фальсификаторами из следственных органов НКВД – МГБ СССР.

Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» судебно-следственные работники были предупреждены о необходимости строжайшего соблюдения советской законности в своей работе. Однако Военная коллегия, получая материалы от следственных органов, где Берия, Абакумов и их сообщники творили произвол и фабриковали многие дела с огульной для всех формулировкой обвинения в «принадлежности к контрреволюционной организации», не разбиралась конкретно, в каждом отдельном случае, на каких действительных доказательствах были основаны все эти обвинения.

В результате беззаботного отношения к указаниям партии об усилении политической бдительности и о борьбе с извращениями в судебно-следственной работе, члены Военной коллегии нередко не разбирались в том, кого они судят, игнорировали партийный принцип индивидуального подхода к людям, и наряду с действительными врагами осуждали людей, опороченных клеветниками и фальсификаторами. А как установлено теперь, на основании проверки дел Прокуратурой и Верховным Судом СССР, среди незаслуженно обвиненных были номенклатурные работники ЦК, которым оказывалось партийное доверие, руководящие работники партийных, профсоюзных и комсомольских органов, советских и хозяйственных учреждений, военные работники, специалисты и ученые. Среди них были старые большевики, активные участники гражданской воины и другие коммунисты, ничем себя не опорочившие перед партией.

Разбирательство подобных дел часто происходило с нарушением элементарных требований закона. Члены Военной коллегии не проявляли заботы о том, чтобы объективно и всесторонне исследовать и проверить обвинения, несмотря на то, что многие обвиняемые на суде отвергали их как вымышленные следствием. В судебных заседаниях каждое дело заканчивалось в течение 10–15 минут, и такая ничем не вызванная торопливость приводила к формальному рассмотрению дел. Свидетели судом, как правило, не опрашивались и права обвиняемых на защиту грубо попирались.

По многим делам допускались и такие нарушения закона о судопроизводстве: до рассмотрения дела члены Военной коллегии заранее писали приговоры, а после суда лишь проставляли в них меру наказания. Имели место факты, когда приговоры Военной коллегии выносились заочно. Совершенно недопустимым было и то, что Военная коллегия рассматривала дела в тюрьмах МГБ, где отсутствовали нормальные условия

для судебного разбирательства, а показания обвиняемых находились под непосредственным контролем следственных работников МГБ, фабриковавших, как выяснено теперь, обвинительные материалы по вредительским заданиям Берия и его сообщников.

Следует отметить, что Военная коллегия снимала отдельные дела со слушания и направляла их на доследование, но выполнение своих определений не контролировала, а следственные работники МГБ, пользуясь такой бесконтрольностью, без какого-либо доследования вносили дела в Особое совещание, которое осуждало людей по непроверенным и нередко сфальсифицированным обвинениям.

Из многочисленных фактов реабилитации лиц, осужденных ранее Военной коллегией Верх[овного] Суда СССР, ограничимся лишь несколькими примерами. Особенно характерным примером судебного произвола является дело большой группы партийных и советских работников г. Ленинграда (ныне реабилитированных), рассмотренное Военной коллегией в сентябре-октябре 1950 года.

Прежде всего необходимо отметить, что состав суда для слушания так называемого «ленинградского дела» (Вознесенского Н. А., Кузнецова А. А., Попкова П. С., Родионова М. И. и других) был определен и представлен к утверждению Абакумовым, который выдвинул кандидатуры тт. Матулевича, Детистова и Зарянова в состав суда Военной коллегии без какого-либо участия Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР и председателя Верховного Суда СССР.

При ознакомлении с позорным «ленинградским делом», созданным Берия и Абакумовым, оклеветавшими ряд руководящих партийных работников, Военная коллегия не могла не видеть произвола и фальсификации обвинений, однако она не нашла достаточного времени для того, чтобы глубоко изучить материалы дела и, ограничившись беглым (в течение двух дней) просмотром его в здании МГБ, приняла фальсифицированное обвинительное заключение к своему производству.

Председательствующий судебной коллегии т. Матулевич и члены Военной коллегии тт. Детистов и Зарянов не могли не заметить подлогов и фальсификации со стороны следствия МГБ и обязаны были сообщить о них в ЦК КПСС, так как у них имелись основания для того, чтобы опротестовать следственные материалы по так называемому «ленинградскому делу».

Рассмотрение его было проведено Военной коллегией без участия представителя государственного обвинения и защиты. Дело слушалось в присутствии партийного актива гор. Ленинграда, но это была лишь мнимая «гласность», так как участие партийного актива ни в какой степени не влияло на ход судебного рассмотрения.

В результате рассмотрения дела на судебном заседании в Ленинграде в присутствии актива Военной коллегией был вынесен незаконный приговор, формулировавший чудовищные обвинения в отношении 9 бывших руководящих партийных работников, из которых 6 осуждены к высшей мере наказания.

В том же составе и таким же противозаконным путем Военная коллегия провела разбирательство в отношении 38 привлеченных по «ленинградскому делу», которое происходило в здании Лефортовской тюрьмы. Несмотря на то, что некоторые обвиняемые (Соловьев Н. Ф., Вербицкий А. Д., Басов М. В. и другие) категорически отрицали свою вину, заявляя о том, что на следствии дали признательные показания вынуждено, Военная коллегия также проштамповала обвинительное заключение, и 19 чел. осудила к высшей мере наказания, в том числе протестовавших против обвинений Соловьева, Вербицкого и Басова, а остальных обвиняемых приговорила к разным срокам лишения свободы.

Таким образом, Военная коллегия, проводя слушание сфабрикованного «ленинградского дела», грубо нарушила элементарные основы советской законности. Члена-

ми Военной коллегии тт. Матулевичем, Детистовым и Заряновым была проявлена политическая слепота и беспринципность. К рассмотрению судебных дел они были обязаны отнестись строго принципиально и проявить этим свою партийность, но они грубо нарушили свой партийный и государственный долг.

Можно привести и другие факты вынесения неправильных, противозаконных приговоров Военной коллегии при участии т. Матулевича, а также тт. Детистова и Зарянова.

Тов. Матулевич несет ответственность за вынесение незаконных приговоров в отношении большой группы специалистов авиационной промышленности. В мае 1940 года при его участии Военной коллегией только на основании обвинительных заключений и заочно были написаны приговоры об осуждении к лишению свободы 303 чел., в том числе таких видных конструкторов, как Чаромский, Колосов, Рогов, Грачев, Звонов, Шумилин и др. Впоследствии Указом Президиума Верховного Совета СССР они были освобождены со снятием судимости.

Военной коллегией с участием т. Матулевича были осуждены в 1938 г. к высшей мере наказания действительный член Академии наук СССР член КПСС с 1917 г. Горбунов Н. П. и научный сотрудник Академии наук Дубов П. И., как якобы участники «национал-фашистской организации, существовавшей в Академии наук СССР». Дело это состояло из фальсифицированных материалов, в которых возводились гнусные обвинения и злостная клевета на академиков Кржижановского Г. М., Брицке Э. В, Чаплыгина, Ферсмана А. Е., Губкина И. М. и других советских ученых. Несмотря на отказ Горбунова от принудительно подписанных им на следствии показаний и очевидность фальсификации, коллегия вынесла обвинительный приговор. В настоящее время Горбунов Н. П. и Дубов П. И. посмертно реабилитированы Верховным Судом СССР[38а].

В составе тт. Матулевича и Детистова Военная коллегия в январе 1940 г. незаконно осудила к высшей мере наказания членов партии работников МГБ СССР Кедрова и Голубева, которые подали заявление, разоблачающее преступные действия Берия. Как установлено теперь, это дело, сфабрикованное ныне осужденными работниками МГБ, являлось средством мести и расправы со стороны врага народа Берия. Кедров и Голубев посмертно реабилитированы.

При выездах тт. Матулевича и Зарянова с выездной сессией Военной коллегии в области (Саратов, Ярославль) ими грубо попирались элементарные правила судопроизводства: заранее в МГБ составлялись списки дел, подлежащих рассмотрению, с определением категории наказания, и Военная коллегия оформляла все это своим приговором.

Приведенные некоторые примеры произвола и беззакония, допущенных в судебных решениях Военной коллегии, а также вся практика ее судебной деятельности говорят о том, что Военная коллегия Верховного Суда СССР по существу мало чем отличалась от Особого совещания при НКВД – МГБ и находилась под полным влиянием фальсификаторов Берия, Абакумова и их сообщников. Члены Военной коллегии тт. Матулевич, Детистов и Зарянов своим формальным отношением к разбору порученных им судебных дел нанесли серьезный ущерб партии и ее кадрам.

В своих письменных и устных объяснениях тт. Матулевич, Детистов и Зарянов признали правильными предъявленные им обвинения и свою вину объясняли тем, что к следственным материалам НКВД – МГБ они относились некритически и были убеждены в том, что так называемый «упрощенный» порядок следствия якобы был необходим в интересах государственной безопасности. Они считают также своей серьезной ошибкой, что о своих отдельных наблюдениях и сомнениях в правильности и объективности дел не сообщали в ЦК КПСС.

В ходе рассмотрения этого вопроса тт. Матулевич, Детистов и Зарянов заявили, что, работая в течение многих лет в Военной коллегии, они только теперь впервые пришли в ЦК КПСС и дают объяснения по вопросам своей судебной работы. Это не дает им оправдания, так как они всегда могли прийти в ЦК и информировать как по отдельным вопросам, так и о положении дел в Военной коллегии.

Заслуживает также внимания ЦК КПСС то, что Верховный Суд СССР, как установлено проверкой, не осуществлял руководства и контроля деятельности Военной коллегии, не проверял законность и обоснованность выносимых коллегией судебных решений, что поставило в обособленное положение Военную коллегию, которая от имени Верховного Суда своими приговорами санкционировала произвол фальсификаторов.

Хотя имеются факты, когда по отдельным делам Военной коллегии Пленум Верховного Суда СССР выносил постановления об отмене приговоров и направлении дел на доследование, однако исполнение указанных постановлений оставлялось без контроля, а следственные работники, в обход закона, оформляли необоснованное осуждение этих людей решениями Особого совещания. Имели место факты, когда постановления Пленума Верховного Суда СССР о прекращении дел не выполнялись, а люди, подлежавшие освобождению, незаконно содержались под стражей. Например, дело Степанова А. И., члена КПСС с 1921 г., бывшего работника наркомата обороны, было прекращено пленумом Верх[овного] Суда в январе 1944 г., однако после этого он незаконно органами госбезопасности содержался в заключении более восьми лет.

Верховный Суд СССР ни разу на основании имевшихся у него сигналов, хотя бы по отдельным опротестованным решениям Военной коллегии, не поднял своего голоса протеста против произвола и беззаконий в некоторых следственных делах, чинимых Берия, Абакумовым и их сообщниками.

Так обстоит дело с ошибками и нарушениями законности в работе Военной коллегии Верховного Суда СССР.

На основании результатов проведенной проверки считаем, что тт. Матулевич, Детистов и Зарянов как члены партии и судебные работники должны нести строгую партийную ответственность за вынесение противозаконных приговоров по «ленинградскому делу» и за другие нарушения советской законности, допущенные ими при рассмотрении судебных дел в Военной коллегии.

Вопрос о мере наказания нами тщательно обсуждался с участием зам. заведующего Административным отделом ЦК КПСС т. Старцева и секретаря парткомиссии при Главном Политуправлении Советской Армии т. Фурсова, считаем необходимым исключить из членов партии тт. Матулевича И. О. (члена КПСС с 1915 года), Детистова И. В. (член КПСС с 1919 г.) и Зарянова И. М. (член КПСС с 1919 г.) за допущенные нарушения советской законности во время работы в Военной коллегии Верховного Суда СССР[39].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2.IX.1954 г. они освобождены от обязанностей членов Военной коллегии. Считали бы необходимым также лишить их звания генералов Советской Армии.

П. Комаров,
В. Уженцев, И. Ягодкин,
П. Разуваев, А. Осипов, В. Лукьянов

РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 742. Л. 3–8. Подлинник. Машинопись.

№ 32

ЗАПИСКА КПК ПРИ ЦК КПСС В ЦК КПСС ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ ПАРТИИ А. П. ВАВИЛОВА

1 августа 1955 г.[40]

В Центральный Комитет КПСС

Постановлением Секретариата ЦК КПСС от 11 сентября 1954 года поручено Комитету партийного контроля рассмотреть материалы о бывшем Главном военном прокуроре Советской Армии т. Вавилове А. П. Проверкой материалов, устными и письменными объяснениями т. Вавилова установлено следующее.

Тов. Вавилов с 1944 года работал заместителем Прокурора Союза ССР по спецделам и с 1950 года Главным военным прокурором Советской Армии. За указанный период, наряду с положительной работой по осуществлению советской законности, по борьбе с государственными преступлениями и нарушениями воинского долга, следует отметить серьезные ошибки т. Вавилова, допущенные им при даче санкций на арест по отдельным делам, а также в его работе как представителя Прокуратуры СССР в Особом совещании при НКВД – МГБ СССР.

В Особом совещании рассмотрение многих дел о политических преступлениях было превращено в простую формальность, в заочное, исключительно по бумагам, штампование следственных материалов, когда дела рассматривались пачками по 300–400 дел в течение 2–3 часов, что исключало возможность принятия объективного решения.

Тов. Вавилов, бывая на Особом совещании и видя такую ненормальную практику, необходимых мер к ее устранению не принимал и подписывал решения, которые, как теперь установлено, во многих случаях являлись неправильными, противозаконными.

Грубые ошибки им были допущены в так называемом «ленинградском деле», созданном Берия, Абакумовым и их сообщниками. Тов. Вавилов несет моральную ответственность перед партией и законом за дачу санкции на арест таких видных партийных работников, как Кузнецов А. А., Попков П. С., Родионов М. И. и другие, без каких-либо обвинительных материалов, только по справкам МГБ.

В этих сфабрикованных МГБ справках против них возводилось клеветническое обвинение в «измене Родине» и других тяжких преступлениях. Тов. Вавилов по закону обязан был тщательно ознакомиться с делом или хотя бы поговорить с арестованными, но он не проявил в этом партийной принципиальности и слепо верил материалам МГБ. Недопустимым является и то, что после дачи санкции он никакого контроля за следствием не вел и не интересовался судьбой арестованных по этому делу.

Тов. Вавилов находился под большим влиянием Абакумова, верил ему на слово. В сентябре 1950 г. по звонку Абакумова он выехал в Сочи, где утвердил составленное МГБ обвинительное заключение. Этим было допущено грубейшее нарушение установленного законом порядка, по которому следственные органы обязаны после окончания следствия представить прокурору все дело с обвинительным заключением для изучения. Там же, в Сочи, Абакумов при участии т. Вавилова определил состав суда для слушания «ленинградского дела», причем подобное «назначение» суда было произведено без какого-либо участия и без ведома Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР и председателя Верховного Суда СССР.

Присутствуя на судебном процессе по «ленинградскому делу», т. Вавилов не мог не видеть, что судебный процесс проводится с нарушением закона: прибывшие в Ленинград следователи МГБ держали под своим контролем поведение обвиняемых, разговаривали с ними в перерывах и все время находились в зале судебного заседания. Но об этих нарушениях судопроизводства т. Вавилов не доложил ЦК КПСС.

Как выяснилось теперь, при рассмотрении 1–3 марта 1955 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР дела бывшего работника МГБ СССР Шварцмана Л. Л., т. Вавилов входил в особую комиссию по наблюдению за процессом, в которой участвовали бывший нач. следчасти МГБ Леонов (ныне осужденный) и бывший зам. министра госбезопасности Селивановский. Подготовленный комиссией проект приговора был передан суду в совещательную комнату, что подтвердили председательствовавший на суде по так называемому «ленинградскому делу» т. Матулевич, член суда т. Зарянов и секретарь суда т. Мазур.

Из незаконных дел, прошедших по Особому совещанию с участием т. Вавилова, можно привести дело незаконно арестованного т. Орджоникидзе Константина, против которого при отсутствии каких-либо доказательств обвинения работники МГБ возбудили дело о незаконном хранении оружия, воспользовавшись тем, что при обыске у него были изъяты два пистолета, подаренные ему Серго Орджоникидзе.

В августе 1944 г. Особое совещание, несмотря на неподсудность ему такого дела, приговорило т. Орджоникидзе К. к 5 годам лишения свободы. В ноябре 1946 г. Абакумов потребовал усилить меру наказания до 10 лет лишения свободы. Тов. Вавилов, понимая, что это требование является преступным, согласился с незаконным осуждением Орджоникидзе на 10 лет по тем же обвинениям. В 1954 году т. Орджоникидзе К. реабилитирован[41].

26 апреля 1948 года по провокационным материалам Берия и Абакумова был арестован бывший министр морского флота СССР т. Афанасьев А. А. по обвинению в шпионской деятельности. Тов. Вавилов никаких доказательств обвинения не имел и санкционировал арест Афанасьева исключительно по справке МГБ, а впоследствии утвердил обвинительное заключение по делу с предложением применить к нему меру наказания 20 лет лишения свободы. В 1954 г. т. Афанасьев полностью реабилитирован[42].

В апреле и мае 1949 года т. Вавилов по справкам МГБ санкционировал арест 23 крупных ученых-геологов – Шахова Ф. Н., Катульского В. К., Кучина М. И. и других по обвинению «во вредительстве». В октябре 1950 г. они необоснованно были осуждены Особым совещанием к лишению свободы от 15 до 25 лет. Теперь установлено, что указанное дело было сфабриковано работниками МГБ; Верховный Суд СССР прекратил дело за отсутствием состава преступления.

С санкции т. Вавилова были арестованы в январе 1951 г. Соловьева К. Н. и Соловьева И. Н. – дочери осужденного быв. председателя Ленинградского облисполкома Соловьева Н. В., который до ареста был первым секретарем Крымского обкома партии. Без каких-либо оснований они в 1951 году были осуждены Особым совещанием к 8 годам лишения свободы. В настоящее время Соловьевы реабилитированы.

Тов. Вавилов А. П., 1902 года рождения, член КПСС с 1920 года, имеет высшее образование, в 1918–1920 годах работал сотрудником милиции, с 1921 г. был уполномоченным особого отдела и нач. отряда Военного трибунала и с 1924 г. по 1930 г. – военным следователем Военного трибунала Турк[естанского] фронта и отдельной дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ. В органах прокуратуры работает с 1931 года: прокурор при Наркомате юстиции РСФСР, военный прокурор Главной военной прокуратуры, зам. военного прокурора войск НКВД Московской области; до на-

значения его в 1944 г. заместителем Генерального прокурора СССР работал зам. Главного военного прокурора морского флота.

Вопрос о партийной ответственности т. Вавилова был рассмотрен в Комитете партийного контроля с его участием, а также с участием представителя Административного отдела ЦК т. Старцева и секретаря парткомиссии при Главном Политуправлении Советской Армии т. Фурсова.

Считаем необходимым за грубые нарушения советской законности и ошибки в прокурорской работе исключить т. Вавилова А. П. из членов партии, а также поставить вопрос о лишении его звания генерала Советской Армии[43].

П. Комаров
В. Уженцев
И. Ягодкин
А. Осипов
В. Лукьянов

РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 742. Л. 34–36. Подлинник. Машинопись.

№ 33

ИЗ «ОТЧЕТА О РАБОТЕ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС ЗА ПЕРИОД С ОКТЯБРЯ 1952 г. ПО ИЮНЬ 1955 г.»[44]

2 августа 1955 г.

Комитет партийного контроля рассмотрел большое количество дел коммунистов, исключенных из партии по политическим обвинениям.

В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС банды Берия – Абакумова и его сообщников выяснилось, что они, злоупотребляя властью, творили вопиющий произвол, грубо нарушали социалистическую законность – без всяких оснований зачисляли в число врагов народа честных и преданных партии работников, пытались поставить органы государственной безопасности над партией.

Так, например, НКВД СССР был арестован по необоснованному обвинению в участии в «троцкистско-зиновьевской организации» т. Емельянов Н. А., рабочий Сестрорецкого оружейного завода, член партии с 1904 г., принимавший активное участие в революционном движении. В 1906–1907 гг. он перевозил через границу партийную литературу и оружие для боевой группы при ЦК РСДРП. В июле-августе 1917 г. по поручению ЦК партии он скрывал у себя дома, в сарае и шалаше в Разливе под Сестрорецком Владимира Ильича Ленина, а в сентябре 1917 г. переправил В. И. Ленина в новое подполье, в Финляндию.

Проверкой, проведенной Прокуратурой СССР и Комитетом партийного контроля, установлено, что т. Емельянов без оснований был привлечен к ответственности. В настоящее время он полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Или другой пример: т. Афанасьев А. А. – быв. министр морского флота СССР по заданию Берия и Абакумова был подвергнут гнусной провокации – работниками МГБ было инсценировано похищение т. Афанасьева якобы «американскими разведчиками» и вербовка его в качестве шпиона иностранного государства. Впоследствии, в связи с тем, что т. Афанасьев о случившемся заявил Берия, последний, чтобы замести следы провокации, организовал поимку «американских разведчиков», а в действительности

сотрудников МГБ, но через несколько дней без санкции прокурора т. Афанасьев был арестован и особым совещанием осужден без всяких оснований. Он также реабилитирован судом и восстановлен членом КПСС[45].

Тов. Коляда Н.З. (партизанская кличка «Батя»), член КПСС с 1920 г., бывший командир объединенных партизанских отрядов в Смоленской области, в октябре 1942 г. был арестован органами госбезопасности и осужден к длительному сроку заключения по ложному обвинению «в невыполнении заданий командования и обмане директивных органов». В действительности партизанские отряды под его командованием только с 15 апреля по 25 мая 1942 г. провели 79 боевых операций, уничтожили более 1800 вражеских солдат, офицеров и полицейских, пустили под откос 3 воинских эшелона и освободили от фашистских захватчиков 230 населенных пунктов. Т. Коляда полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Как видно из рассмотренных дел коммунистов, исключенных из партии в связи с арестами по политическим обвинениям, в Партколлегии КПК имели место факты невнимательного отношения к рассмотрению этих дел (главным образом в период 1937–1940 гг.), по которым выносились решения об исключении из партии без вызова и без партийной проверки предъявленных обвинений, только по справкам органов НКВД – МГБ*.

По поручению Центрального Комитета КПСС Комитет партийного контроля проверил и рассмотрел заявления генералов Советской Армии – тт. Телегина К. Ф., Крюкова В. В., Голушкевича В. С., Манюка А. Я., Ласкина И. А., Мошенина С. А., Жарова Ф. И., Ухова В. П., Попова Д. Ф., адмирала Алафузова В. А., вице-адмирала Степанова Г. А. и других, которые выбыли из партии в связи с их арестом органами госбезопасности[46].

Комитет партийного контроля восстановил указанных товарищей в рядах КПСС, так как было установлено, что они арестовывались по необоснованным обвинениям в «участии в военном заговоре», «шпионаже» и «антисоветской деятельности» и т. д. Многие из арестованных, в нарушение советских законов, по нескольку лет содержались под стражей без следствия и суда.

Генерал-лейтенант т. Ласкин И. А., член КПСС с 1920 г., в августе 1941 г. в районе города Умань вместе с соединением попал в окружение, пробираясь к линии фронта, он был задержан немцами, но бежал; впоследствии командовал 172 стрелковой дивизией, участвовал в обороне Севастополя, был ранен, а с августа 1942 г. являлся начальником штаба 64 армии на Сталинградском фронте.

В период ликвидации немецкой группировки войск под Сталинградом, рискуя жизнью, вместе с группой офицеров пробился на командный пункт 6-й немецкой армии и во главе делегации советского командования предъявил ультиматум генерал-фельдмаршалу Паулюсу и лично доставил его командующему 64 армией. 18 декабря 1943 г., когда т. Ласкин был начальником штаба Северо-Кавказского фронта, его вызвали в Москву и арестовали, предъявив обвинение в «связи с разведорганами врага». В течение 8 лет т. Ласкин содержался в заключении без суда. В июне 1952 г. Военная коллегия ввиду необоснованности предъявленного ему обвинения направила дело на доследование. Чтобы прикрыть свои незаконные действия, следствие составило новое заключение, вменив Ласкину в вину то, что, будучи в окружении немецких войск, он «нарушил воинскую присягу» (уничтожил партбилет, бросил оружие и переоделся в гражданскую одежду), и по этим обвинениям его осудили к 10 годам лишения свободы.

* Данный абзац снят в Отчете КПК при ЦК КПСС за период с октября 1952 г. по 1 января 1956 г. – Сост.

Тов. Голушкевич В. С., член КПСС с 1939 г., генерал-майор, в начале Отечественной войны работал в штабах Центрального и Западного фронтов. В годы гражданской, финской и Отечественной войн принимал участие в боях за Родину, имел 4 ранения.

В 1942 г. т. Голушкевич был арестован органами НКВД СССР. Следствие по его делу велось до января 1943 г., а в дальнейшем около 8 лет он не допрашивался. Ввиду того что он не признал себя виновным «в участии в заговорщической группе», в ноябре 1950 г. ему предъявили новое ложное обвинение «в ведении антисоветских разговоров» и в марте 1952 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила его по этому обвинению к 10 годам лишения свободы.

Тов. Романов Ф. Н., член КПСС с 1920 г., генерал-майор. В начале Отечественной войны был начальником штаба Южного фронта, затем начальником штаба 27 армии. В январе 1942 г. был арестован органами НКВД за то, что будто бы вел антисоветские разговоры и якобы являлся участником антисоветского военного заговора в 1938 г. Следствие по делу тянулось свыше 10 лет, в августе 1952 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила его на 12 лет лишения свободы.

Комитет партийного контроля рассмотрел также заявления генералов Советской Армии тт. Потапова М. И., Цирульникова П. Г., Абрамидзе П. И., Мельникова И. И., Снегова М. Г., Зайцева Г. М. и Борисова М. Д., во время Отечественной войны попавших в немецкий плен.

Расследованием материалов было установлено, что указанные товарищи, находясь в плену, ничем себя не опорочили, и, учитывая их заслуги за время службы в Советской Армии и положительные отзывы об их работе и поведении, Комитет партийного контроля восстановил их в партии.

Комитет партийного контроля рассмотрел заявления бывших руководящих комсомольских работников тт. Уткина С. А., Пикиной В. Ф.– секретарей ЦК ВЛКСМ, Александрова – секретаря МК и МГК, Сорокина – зав. отделом ЦК, Брандина – секретаря Азово-Черноморского крайкома, Коваленко М. А.– заместителя заведующего отделом по работе среди пионеров ЦК комсомола Украины и других, которые в результате фальсификации обвинительных материалов и применения незаконных методов следствия со стороны работников НКВД – МГБ были без оснований осуждены и в связи с этим исключены из партии. В настоящее время все они реабилитированы и восстановлены в КПСС.

Восстановлен в КПСС ряд крупных специалистов авиационной промышленности, которые выбыли из партии в связи с арестом их органами НКВД по ложному обвинению «в принадлежности к вредительской организации», якобы существовавшей в авиационной промышленности. В числе восстановленных тт. Стерлин А. Э., член партии с 1919 г., работавший нач. экспериментально-аэродинамического отдела ЦАГИ; Чаромский А. Д., член КПСС с 1917 г., работавший в Центральном институте авиамоторостроения нач. отдела нефтяных двигателей и главным конструктором по авиадизелям; Изаксон А. М., член партии с 1917 г., многие годы работавший над созданием советских вертолетов, в 1937 г. являвшийся нач. конструкторского бюро завода № 156; Чижевский В. А., член партии с 1920 г., быв. главный конструктор завода № 35 и главный конструктор конструкторского бюро № 29 НКАП и другие.

Во время Отечественной войны, находясь в заключении, они добросовестно работали над усовершенствованием и созданием новых образцов самолетов. Президиумом Верховного Совета СССР [они] досрочно были освобождены из заключения со снятием судимости, а в настоящее время в результате проведенной проверки полностью реабилитированы.

Комитет партийного контроля рассмотрел материалы и принял решения о партийной реабилитации (посмертно) членов партии тт. Акулова И. А. – быв. секретаря ЦИК СССР, Марголина Н. В. – быв. первого секретаря Днепропетровского обкома КП(б) Украины, Калмыкова В. Э. – быв. первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), Корытного С. З. – быв. секретаря Московского горкома ВКП(б), Немцова Н. М. – быв. председателя Комиссии по делам частной амнистии при Президиуме ВЦИК, Орджоникидзе П. К., Орахелашвили М. Д. – быв. секретаря ЦК Компартии Грузии и Орахелашвили М. П., Голощекина Ф. И. – быв. главного арбитра при СНК СССР, Невского В. И. – бывшего директора Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, Валецкого М. Г. – быв. ответственного секретаря редакции журнала «Коммунистический Интернационал», Лауэра Г. Б. – быв. члена Президиума Госплана СССР, Пестковского С. С. – быв. работника Коминтерна, Кахиани М. И. – быв. уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Северо-Кавказскому краю, Кавтарадзе Г. Д. – быв. начальника Рязано-Уральской жел[езной] дороги и др.

За последние два года в ЦК КПСС и в КПК поступило большое количество заявлений ранее исключенных из партии по обвинению в «связи с родственниками», арестованными органами НКВД – МГБ. После проверки в подавляющем большинстве случаев они восстанавливались в партии, так как были исключены без каких-либо оснований. Кроме того, в КПК обращаются жены и дети советских, партийных, хозяйственных и военных работников, осужденных в 1937–1940 гг., с просьбой об оказании помощи в разрешении вопроса об их реабилитации. По указанным заявлениям эти лица принимаются членами КПК и другими отв[етственными] работниками аппарата КПК, им даются соответствующие разъяснения и в необходимых случаях оказывается помощь. Заявления направляются в органы прокуратуры, и за их разрешением устанавливается контроль.

По поручению Центрального Комитета КПСС Комитетом партийного контроля проводилось расследование и рассмотрение дел на работников НКВД – МГБ, допускавших фальсификацию следственных материалов.

Например, исключен из партии Мартиросов Г. И., который, будучи начальником отделения Гагринского отдела НКВД, в 1937 г. принимал участие в создании дела так называемой «дашнакской контрреволюционной организации» в Гаграх, в результате чего по сфальсифицированному делу 18 человек были приговорены к высшей мере наказания и 12 человек к длительным срокам заключения.

Паташник М. М. – быв. начальник УНКВД по Молотовской области, при участии подчиненных ему работников в 1940–1941 гг. арестовал 38 инженерно-технических работников и рабочих Кизеловского угольного бассейна, сфабриковал на них дело по обвинению во вредительстве (впоследствии из них 16 чел[овек] были невинно приговорены к расстрелу).

Жуков Г. С., будучи начальником дорожно-транспортного отдела НКВД Западной железной дороги, производил массовые незаконные аресты, а также создал фиктивное дело на бывшего начальника дороги т. Русанова Г. А. (член партии с 1916 г.), который отказался давать ложные показания и был доведен Жуковым до самоубийства. В результате преступных действий Жукова без оснований были арестованы и осуждены нач. политотдела Смоленского отделения т. Астафьев И. П., нач. политотдела Западной железной дороги т. Болотовский, нач. ДорУРСа т. Кац Н. Х., которые теперь реабилитированы и восстановлены в партии.

Хорошкевич Е. В., быв. следователь секретно-политического отдела НКВД, при ведении следствия по сфальсифицированному Берия делу Калининой Е. И. – жены М. И. Калинина, применяла незаконные методы следствия.

Кузнецов М. В., быв. начальник отделения Главного экономического управления

НКВД СССР, допускал грубейшие нарушения социалистической законности в следственной работе.

Указанные лица исключены из КПСС.

По поручению Президиума ЦК КПСС Комитет партийного контроля рассмотрел вопрос и привлек к партийной ответственности за допущенные нарушения социалистической законности т. Сафонова Г. Н. – быв. Генерального прокурора СССР, т. Вавилова А. П. – быв. Главного военного прокурора и бывших членов Военной Коллегии Верховного суда СССР тт. Матулевича И. О., Детистова И. В., Зарянова И. М., Суслина А. Г., Дмитриева Л. Д. и Сюльдина В. В.

В результате проверки и рассмотрения материалов в КПК установлено, что бывшее руководство Прокуратуры СССР (т. Сафонов) и Главной военной прокуратуры (т. Вавилов) не выполняло своей первостепенной партийной и государственной обязанности – высшего надзора за соблюдением социалистической законности судебно-следственными органами. Давая санкции на арест советских граждан по политическим обвинениям, они слепо верили материалам следствия НКВД – МГБ и в дальнейшем не осуществляли контроля и надзора за следствием по этим делам, штамповали обвинительные заключения, составленные фальсификаторами.

Военная Коллегия Верховного суда СССР, получая материалы следственных органов, глубоко не разбиралась, на каких конкретных материалах и доказательствах основывались эти обвинения, не изучала обстоятельства того или иного дела, в результате чего выносились неправильные приговоры.

Члены Военной Коллегии, несмотря на то, что многие обвиняемые на суде отвергали предъявленные им обвинения как вымышленные следствием, не принимали это во внимание, дела рассматривались в течение 10–15 минут, свидетели не опрашивались.

Имели место факты, когда члены Военной Коллегии до рассмотрения дела в суде заранее писали приговоры, а после судебного заседания проставляли в них лишь меру наказания; в ряде случаев приговоры Военной Коллегии выносились заочно, а некоторые дела по политическим обвинениям рассматривались в тюрьмах МГБ, где отсутствовали нормальные условия для судебного разбирательства.

Комитет партийного контроля по поручению Центрального Комитета КПСС провел необходимую проверку и рассмотрел вопрос о партийной ответственности быв. первого секретаря Северо-Осетинского обкома т. Кулова К. Д. и быв. первого секретаря ЦК КП Армении т. Арутинова Г. А., которые, находясь на руководящей партийной работе, всячески восхваляли ныне разоблаченного врага народа Берия, подхалимничали перед ним и насаждали культ Берия. В различного рода приветствиях и выступлениях в республиканской печати превозносили его как «организатора разгрома немецких захватчиков на Кавказе», организовывались ему различного рода подарки. За такое антипартийное поведение тт. Арутинов и Кулов ЦК КПСС были сняты с руководящей партийной работы и Комитетом партийного контроля привлечены к строгой партийной ответственности.

Решением КПК исключен из партии Багиров – быв. секретарь ЦК Компартии Азербайджана, который двурушнически вел себя перед партией, скрывал от ЦК КПСС известные ему данные о враждебной деятельности врага народа Берия, творил произвол и беззакония в республике, избивал партийные, советские и хозяйственные кадры, в личном поведении допускал большие злоупотребления. Как теперь выяснилось, Багиров скрывал от партии, что еще в 1921 г. во время чистки был исключен за некоммунистическое поведение, избиение арестованных и за взятки. В 1929 г. Президиумом ЦКК привлекался к ответственности за допущение расправы в органах ГПУ в бытность председателем ГПУ Азербайджана.

Исправляя допущенные в прошлом Ленинградским обкомом и Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) ошибки, Комитет партийного контроля пересмотрел дела исключенных из партии по так называемому «ленинградскому делу» и восстановил в партии более 170 коммунистов. В числе восстановленных в партии тт. Воротов Г. Г. – быв. секретарь Ленинградского обкома, Кедров Г. Т. – быв. секретарь Ленинградского горкома партии, Бумагин Г. Х. – быв. секретарь Ленинградского и затем Новгородского обкома, Дмитриев И. Д. – быв. председатель Ленинградского облисполкома, Прокофьев А. Н. – быв. первый секретарь Выборгского горкома партии, Панарин Н. Я. – быв. заместитель председателя Ленинградского облисполкома, Телегин Н. В. – быв. директор Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, Беляев С. Ф. – быв. зам. директора Института истории партии, Хованов Н. П. – быв. секретарь Крымского обкома, Никаноров В. И. – быв. председатель Крымского облисполкома и др.

Как видно из материалов рассмотренных дел, Ленинградский горком и обком партии беспринципно, без тщательной проверки исключали из партии по необоснованным и искусственно созданным обвинениям по так называемым «связям с антипартийным руководством», а в КПК во многих случаях заочно подтверждали неправильные решения.

П. Т. Комаров

РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1011. Л. 30–37. Подлинник. Машинопись.

№ 34

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. Я. ЧУБАРЯ И К. В. СУХОМЛИНА*

3 августа 1955 г.

ЦК КПСС, товарищу Хрущеву Н. С.

В соответствии с Вашим указанием, сделанным в связи с ходатайством Петровского Г. И. о пересмотре решения по делам Чубаря В. Я. и Сухомлина К. В., осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР за принадлежность к правотроцкистской организации и шпионаж к расстрелу, Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР и Прокуратурой СССР произведена проверка этих дел, которой установлено [следующее].

Бывший заместитель председателя СНК СССР В. Я. Чубарь и быв. заместитель председателя СНК и председатель Госплана УССР К. В. Сухомлин были арестованы в июне месяце 1938 года как шпионы и участники правотроцкистской организации.

Обвинение Чубаря в принадлежности к правотроцкистской организации основывалось на косвенных показаниях арестованных Антипова, Косиора, Прамнэка, Сухомлина, Постышева, Болдырева и др., которые, называя его членом контрреволюционной организации, ссылались при этом на Рыкова, Гринько, Бубнова и других лиц, по показаниям которых Чубарь не проходит.

* На первом листе записки имеется резолюция: «Согласен. Н. Хрущев» и подписи «За – Н. Булганин», «За – К. Ворошилов», «Л. Каганович», «Г. Маленков», «А. Микоян», «За – В. Молотов», «За – М. Первухин». – Сост.

Проверкой установлено, что Сухомлин, Прамнэк и Болдырев в судебном заседании отказались от своих показаний как от вымышленных. Постышев и Болдырев в настоящее время реабилитированы.

Обвинение Чубаря в принадлежности к немецкой разведке основано на его личном признании о том, что он в 1930 году при помощи Крестинского и Якира установил связь с немецкой разведкой и в дальнейшем поддерживал ее при содействии лечивших его врачей Бельц и Тайц.

Крестинский, Якир и другие лица никаких показаний о принадлежности Чубаря к разведке не дали. Не подтверждается эта связь и по архивным и трофейным документам.

Обвинение Сухомлина в принадлежности к правотроцкистской организации и японской разведке основывалось на показаниях арестованных Тягнибеды, Марчака, Шумяцкого, Ермоленко и др., которые ссылались на Косиора, Постышева, Якира и других лиц.

Проверкой установлено, что по показаниям Постышева, Якира, Леплевского, Артемова и др. Сухомлин не проходит.

Принадлежность Сухомлина к японской разведке ничем, кроме его личных признаний, от которых он в суде отказался, заявив, что оговорил себя и 61 человека, не подтверждается.

Коммунисты Петровский Г. И., Рябиков В. В., Сорокин Б. Д., Снегов Я. В. и др., лично знавшие Чубаря и Сухомлина, характеризуют их положительно.

На основании материалов проверки считаем возможным поставить вопрос перед Верховным Судом Союза ССР об отмене приговора по делу Чубаря В. Я. и Сухомлина К. В. и их посмертной реабилитации[47].

Генеральный прокурор Союза ССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
И. Серов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 283. Л. 154–156. Подлинник. Машинопись.

№ 35

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ И. П. БЕЛОВА*

20 августа 1955 г.

ЦК КПСС

По жалобе родственников Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего командующего войсками Белорусского военного округа, командарма 1 ранга Белова Ивана Панфиловича.

Белов И. П., 1893 года рождения, русский, состоял в КПСС с 1919 года, арестован НКВД СССР 7 января 1938 года и 29 июля 1938 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу.

* На первом листе записки имеется штамп «т. Булганину Н. А.» и резолюция «За. Н. Булганин». – Сост.

Белов признан виновным в том, что он, будучи членом ЦК партии левых эсеров Туркестана, в 1917–1918 гг. подготовлял в Туркестане антисоветское восстание; в 1927 году совместно с Фишманом, Ефимовым, Грязновым и Великановым создал в Советской Армии военно-эсеровскую организацию; в 1931 году был завербован Бухариным в организацию правых; в 1932 году установил преступную связь с руководителями антисоветских организаций Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Егоровым и Ягодой; с 1917 года по день ареста являлся шпионом иностранных разведок и через Паскуцкого, Черневского и Иванова передавал им шпионские сведения.

Белов виновным себя на предварительном следствии признал. При этом он показал, что им лично завербовано в контрреволюционную организацию более 20 человек.

В протоколе судебного заседания записано, что Белов на суде также признал себя виновным, но подал письменное ходатайство о том, что у него имеются дополнительные показания, которые он хотел бы дать в присутствии И. В. Сталина. Это ходатайство из суда было изъято врагом народа Ежовым и скрыто от ЦК КПСС.

Рассмотрение дела в суде вместе с вынесением приговора продолжалось всего лишь 20 минут.

К делу приобщены показания арестованных по другим делам Гордона, Иванова, Рейценштейна и Капулевского об антисоветской деятельности Белова. Однако они не могут быть приняты за доказательство, так как Гордон и Иванов впоследствии отказались от них, как от вынужденных, а показания Капулевского и Рейценштейна противоречивы и ничем другим не подтверждены. Сам Белов по поводу их даже не допрашивался.

Проверкой установлено, что показания Белова, в которых он признал себя виновным в антисоветской деятельности, не соответствуют действительности.

Так, в архивах обнаружен отзыв исполкома Ташкентского совета рабочих, красноармейских и дехканских депутатов от 21 декабря 1920 года, письмо Д. Фурманова и другие документы, из которых видно, что за время нахождения в Туркестане в период с 1917 по 1920 гг. Белов принимал самое активное участие в борьбе с контрреволюцией, за завоевание власти Советами.

Фишману, Ефимову, Грязнову и Великанову обвинение в создании военно-эсеровской организации и руководстве ею не предъявлялось.

Дело Фишмана прекращено за отсутствием состава преступления. Ефимов об антисоветской деятельности Белова ничего не показал. Грязнов дал показания на Белова только после применения к нему мер физического воздействия.

Показания Великанова вызывают сомнение в их правдоподобности, так как он назвал ряд лиц, связанных якобы по антисоветской деятельности с Беловым. Однако сам Белов об этих лицах ничего не показал и к судебной ответственности они не привлекались.

Бухарин о вербовке Белова в организацию правых и о его антисоветской деятельности показаний не дал.

Тухачевский, Якир, Уборевич, Егоров и Ягода об антисоветской связи с Беловым ничего не показали. Паскуцкий, Черневский и Иванов показания Белова о шпионаже в пользу иностранных разведок не подтвердили.

Показания Белова о вербовке им людей в военно-эсеровскую организацию в процессе проверки не нашли своего подтверждения.

Работники НКВД Николаев и Ямницкий, которые вели следствие по делу Белова, впоследствии за преступную работу в органах НКВД были осуждены к расстрелу.

Белов в годы гражданской войны за заслуги перед Советским государством на-

гражден командованием Красной Армии и Советским правительством почетным оружием и двумя орденами Красного Знамени.

Учитывая изложенное, Прокуратура СССР считает необходимым внести на рассмотрение Верховного Суда СССР заключение с предложением об отмене приговора по делу Белова И. П. и о его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[48].

Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 331. Л. 127–129. Копия. Машинопись.

№ 36

ДИРЕКТИВА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ЗАПРОСОВ ГРАЖДАН О СУДЬБАХ РЕПРЕССИРОВАННЫХ, ПРИГОВОРЕННЫХ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ[49]

24 августа 1955 г.

№ 108сс

Председателям комитетов госбезопасности при Советах Министров союзных и автономных республик

Начальникам управлений Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР по краям и областям

Устанавливается следующий порядок рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к ВМН быв. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД – УНКВД, Особым Совещанием при НКВД – *МГБ** СССР, а также Военной Коллегией Верховного Суда СССР по делам, расследование по которым производилось органами госбезопасности.

1. На запросы граждан о судьбе осужденных за контрреволюционную деятельность к ВМН быв. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД – УНКВД и Особым Совещанием при НКВД – *МГБ* СССР органы КГБ сообщают устно, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения.

Такие ответы, как правило, даются только членам семьи осужденного: родителям, жене-мужу, детям, братьям-сестрам. Гражданам, проживающим вне областных, краевых и республиканских центров, устные ответы даются через районные аппараты КГБ, а там, где таковых нет, – через районные аппараты милиции, согласно письменному уведомлению органа КГБ в каждом отдельном случае.

2. При необходимости разрешения родственниками осужденных имущественно-правовых вопросов (оформление наследства, раздел имущества, оформление пенсии, регистрация брака) и в других случаях по требованиям родственников производится регистрация смерти осужденных к ВМН в ЗАГСах по месту их жительства до ареста, после чего родственникам выдается установленного образца свидетельство о смерти осужденного.

* Здесь и далее в документе выделенное курсивом зачеркнуто рукой неустановленного лица. – Сост.

В таком же порядке регистрируется смерть осужденных к ВМН, если они впоследствии были реабилитированы.

3. Решения о регистрации смерти осужденных по делам, расследование по которым производилось по линии органов государственной безопасности, принимаются председателями комитетов госбезопасности при Советах Министров союзных и автономных республик, начальниками краевых и областных управлений КГБ (в том числе управлений областей республиканского и краевого подчинения).

4. Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения и дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительная) и место жительства осужденного до ареста.

5. Регистрация в ЗАГСах смерти осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР производится по указаниям Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

6. О данных заявителям ответах о смерти осужденных учетно-архивные отделы КГБ – УКГБ направляют письменные уведомления в первые спецотделы МВД – УМВД по месту ведения следствия для производства отметок в оперативно-справочных картотеках, с обязательным указанием сообщенной заявителю даты и причины смерти. В случаях, когда смерть зарегистрирована в ЗАГСе, в учетных карточках оперативно-справочных картотек *МВД – УМВД* делается запись: «Смерть зарегистрирована в ЗАГСе». Одновременно учетно-архивные отделы КГБ – УКГБ направляют соответствующие уведомления в первый спецотдел МВД СССР для производства таких же отметок в Центральной оперативно-справочной картотеке.

Если осужденные в результате пересмотра дела реабилитированы и сняты с оперативного учета, отметки о данных заявителям ответах производятся в учетных карточках на прекращенные дела.

7. Переписка по заявлениям граждан о судьбе осужденных к ВМН приобщается к архивно-следственным делам на осужденных.

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, генерал армии И. Серов

ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–117. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Мемориал-аспект. 1994. № 10/11. С. 12.

№ 37

ПИСЬМО Р. Э. КОРНБЛЮМ А. И. МИКОЯНУ

[*Не позднее 26 августа 1955 г.*]

Дорогой Анастас Иванович!

Я решила обратиться к Вам, Анастас Иванович, потому что Вы знали и меня и Владимира Киршона с юных лет. Вам хорошо известен его жизненный путь, формировавшийся под руководством Серго Орджоникидзе и Вашим.

Как вы знаете, я разошлась с Киршоном задолго до его ареста[50] и воспитывала детей без его близкого участия, но несмотря на это Владимир Киршон сохранился для меня таким же большевиком, каким он был юношей на бронепоезде Серго, на учебе в Свердловском университете, на партийной работе с Вами в Ростове-на-Дону и в последние годы его жизни большевиком-писателем. Я беру на себя смелость утверждать,

что каждая строка его публицистических и литературных произведений и многие из его драматургических произведений актуальны и глубоко партийны и в наши дни. В этом нетрудно убедиться, если перечитать все вновь.

В 1937 году Киршона постигла трагическая судьба. По фальсифицированным обвинениям он был арестован и впоследствии расстрелян. За истекшие 17–18 лет, после его гибели, я и мои сыновья испили горькую чашу страданий семьи врага народа. Мой старший сын Юрий Корнблюм 22-летним юношей в 1951 году был арестован, как «потенциальный мститель за отца», и осужден на 25 лет. В 1954 году его полностью реабилитировали из-за отсутствия состава преступления и освободили.

В 1948 году мой второй муж Д. Г. Кузнецов был освобожден от работы в аппарате ЦК КПСС только потому, что он жил с семьей врага народа Киршона. Длительное время его никуда не принимали на работу. Впоследствии Д. Г. Кузнецов вынужден был уйти из нашей семьи. Его непрерывно попрекали тем, что он живет с нами. Несмотря на всю безупречность его личной и общественной биографии, вопрос о нем не пересмотрен и поныне.

Полтора года назад я обратилась с заявлением к Генеральному Прокурору Союза ССР тов. Руденко с просьбой пересмотреть дело Киршона, который так же, как и его сын, явились жертвами политического шантажа со стороны врагов народа. Дело было передано в Военную Прокуратуру, но до сих пор решение по делу Киршона не вынесено.

Поэтому прошу Вас, Анастас Иванович:

1. Внести в директивные органы на рассмотрение вопрос о полной политической реабилитации Владимира Киршона как коммуниста и советского писателя. Книги Киршона изъяты из библиотек, пьесы запрещены к исполнению, литературное его наследство недоступно советскому читателю. Мне кажется, что посмертное переиздание трудов В. М. Киршона и постановка его пьес в театрах и сейчас представляет интерес и для читателя и для зрителя, тем более что Киршон был одним из первых зачинателей советской драматургии.

2. Поставить также вопрос об использовании Д. Г. Кузнецова на партийной работе, так как он в течение 20 лет непрерывно был на руководящей партийной работе, начав с инструктора сельского райкома, был секретарем обкома (Куйбышев, Ульяновск), работал в аппарате ЦК КПСС и имеет два высших партийных образования (Школа Парторганизаторов и Высшая Партийная Школа). В настоящее время Кузнецов Д. Г. работает инспектором Министерства культуры РСФСР.

У меня лично нет никаких претензий к Кузнецову за то, что, прожив с нами 13 лет, он ушел из нашей семьи. Наоборот, я несу перед ним моральную ответственность за те беды, которые он принял на себя только потому, что помог мне и моим детям в очень трудный период нашей жизни.

3. Предоставить возможность моему сыну Юрию учиться в высшем учебном заведении. Учебу в средней школе он с 14-летнего возраста совмещал с работой на производстве (рабочий-монтер). Год назад, вернувшись после реабилитации домой, он возобновил работу на производстве, систематически занимался самообразованием и готовился к поступлению в Государственный институт кинематографии – сценарный факультет. Несмотря на перенесенные страдания и репрессии, он нравственно нашел в себе силы для творческой литературной работы. За это время им написан сценарий и сдана заявка на второй сценарий в киностудию мультипликационных фильмов, над которой работают уже и сценарный отдел, и режиссер студии т. Иванов. Его работы, начинающего сценариста, оценены положительно и редакторами студии, и сценаристами старшего поколения (Габрилович, Блейман, Юзовский и др.). Но по иронии судьбы

только приемная комиссия Института кинематографии не приняла его работ во внимание. Несмотря на личное вмешательство секретаря Союза писателей А. Суркова и заместителя министра культуры т. Сурина, комиссия, помятуя, что имеет дело с человеком, вернувшимся недавно из тюрьмы да еще вдобавок с сыном врага народа Киршона, поспешила отсеять его и не принять в институт.

Второй мой сын Владимир Корнблюм находится сейчас в рядах Советской Армии. После четырехлетней службы он в ближайшее время возвращается домой. Ему также нужно будет жить, учиться и работать в нормальных условиях.

Мне 48 лет. Более 32 лет я в комсомоле и в партии. В этом письме я не ставлю вопроса о себе, о своей личной и общественной жизни, которые одинаково исковерканы. Я прошу Вас, Анастас Иванович, только помочь нам реабилитировать Владимира Киршона и снять с нас страшное иго семьи врага народа[51].

Р. Корнблюм

Можайское шоссе, д. 36/50, кв. 222. Тел. Г9–35–26
Рита Эммануиловна Корнблюм.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 294. Л. 179–181. Подлинник. Машинопись.

№ 38

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О ТРУДОВОМ СТАЖЕ, ТРУДОУСТРОЙСТВЕ И ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГРАЖДАН, НЕОБОСНОВАННО ПРИВЛЕЧЕННЫХ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВПОСЛЕДСТВИИ РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ»[52]

8 сентября 1955 г.

№ 147. п. 4 – О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных.

Утвердить прилагаемый проект постановления Совета Министров СССР по данному вопросу[53].

Приложение к прот. № 147, п. 4

Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Установить, что при исчислении трудового стажа граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии освобожденных от ответственности в связи с прекращением уголовного дела или оправданием по суду, время нахождения их в местах заключения, а также время пребывания в ссылке засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности.

Это время включается также в непрерывный трудовой стаж, если перерыв между

днем извещения о реабилитации или освобождением из места заключения или ссылки и днем поступления на работу не превышает шести месяцев (не считая времени переезда к месту жительства).

Указанный порядок исчисления трудового стажа применяется при назначении пособий и пенсий (в том числе повышенных пенсий и пенсий за выслугу лет), при установлении размеров месячных ставок (должностных окладов) в зависимости от продолжительности работы по специальности, а также при выплате единовременного вознаграждения или процентных надбавок за выслугу лет.

2. Обязать руководителей министерств, ведомств, предприятий и учреждений трудоустраивать указанных в пункте 1 настоящего постановления граждан и выдавать им при приеме на работу трудовые книжки, внося в них записи об общем стаже работы, а также о непрерывном трудовом стаже, включая время нахождения в местах заключения и в ссылке.

3. Установить, что указанным в пункте 1 настоящего постановления гражданам:

а) выплачивается по прежнему месту работы двухмесячная заработная плата исходя из существующего ко дню реабилитации месячного оклада (ставки) по должности (работе), занимаемой до ареста, или по другой аналогичной должности (работе).

Если предприятие или учреждение, в котором работал реабилитированный, ликвидировано, двухмесячная заработная плата выплачивается его правопреемником, а при отсутствии правопреемника – соответствующим министерством (ведомством).

В случае посмертной реабилитации этих граждан двухмесячная заработная плата выдается их семье;

б) предоставляются льготы, установленные для работников предприятий и учреждений, находящихся в районе Крайнего Севера и отдаленных местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, если граждане находились в местах заключения или в ссылке в этих районах и остались на работе на указанных предприятиях и в учреждениях, с зачетом в стаж работы, дающий право на льготы, времени содержания в местах заключения или нахождения в ссылке в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

4. Установить, что пенсии указанным в пункте 1 настоящего постановления гражданам при наличии у них необходимого стажа, а пенсии по старости также при наличии установленного возраста назначаются независимо от того, работали ли эти граждане после освобождения из мест заключения или из ссылки.

В случае посмертной реабилитации указанных граждан их семьям назначаются пенсии по случаю потери кормильца на общих основаниях.

Пенсии исчисляются исходя из заработка по работе ко дню обращения за пенсией. В тех случаях, когда эти граждане ко дню обращения за пенсией не работают на предприятиях и в учреждениях или получают заработную плату в меньших размерах, чем до ареста, пенсии назначаются им исходя из существующего ко дню реабилитации месячного оклада (ставки) по должности (работе), занимаемой до ареста, или по другой аналогичной должности (работе).

5. Обязать исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся обеспечивать указанных в настоящем постановлении граждан жилой площадью в первоочередном порядке.

Органы министерств социального обеспечения союзных республик по заявлениям указанных граждан, если эти граждане являются инвалидами, обязаны помещать их в дома инвалидов.

6. Установить, что гражданам, отбывавшим исправительно-трудовые работы и впоследствии реабилитированным, время отбывания исправительно-трудовых работ

засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж, а также в стаж работы по специальности.

7. Установить, что настоящее постановление распространяется также на граждан, полностью реабилитированных до издания настоящего постановления. Перерасчеты с указанными гражданами по заработной плате, процентным надбавкам за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, по надбавкам за выслугу лет, единовременному вознаграждению за выслугу лет, пенсиям и пособиям, выплаченным до издания настоящего постановления, не производятся.

Зам. Председателя Совета Министров СССР
М. Первухин
Зам. Управляющего Делами Совета Министров СССР
М. Смиртюков

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 296. Л. 177–180. Подлинник. Машинопись.

№ 39

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «ОБ АМНИСТИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, СОТРУДНИЧАВШИХ С ОККУПАНТАМИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.»[54]

Москва, Кремль 17 сентября 1955 г.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ добился новых больших успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего укрепления своего социалистического государства.

Учитывая это, а также прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией[55] и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до десяти лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные статьями 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик.

2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше десяти лет за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4. Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные су-

дами, о преступлениях, совершенных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., предусмотренных статьями 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик, за исключением дел о лицах, указанных в статье четвертой настоящего Указа.

6. Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

Снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех, ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе[56].

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 522. Л. 110–112. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. II. Курск. 1999. С. 73 –75.

№ 40

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. Д. БРУСКИНА*

17 сентября 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверена обоснованность осуждения Брускина А. Д.

Брускин Александр Давыдович, 1897 года рождения, с 1917 по 1920 г. состоял в партии меньшевиков, с 1920 года – член КПСС, бывший народный комиссар машиностроения СССР, 29 июня 1938 года был арестован НКВД СССР и 7 марта 1939 года

* На первом листе записки имеются подписи: «За. Л. Каганович», «За. Г. Маленков», «За. М. Первухин», «За. М. Сабуров», «За. М. Суслов» и помета «Тов. Руденко сообщено. В архив Президиума ЦК. В. Малин. 7. XII.55». – Сост.

осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст[атьям] 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу.

Брускин признан виновным в том, что с 1917 по 1920 г. был меньшевиком, а с 1932 года членом право-троцкистской организации и проводил диверсионно-вредительскую деятельность в ряде отраслей народного хозяйства и готовил террористический акт в отношении И. В. Сталина.

На предварительном следствии Брускин признал себя виновным, а затем от этих показаний отказался, заявив, что он их дал под воздействием органов следствия.

Произведенной проверкой установлено, что Брускин был арестован и осужден необоснованно.

Брускин на предварительном следствии показал, что в право-троцкистскую организацию он был завербован начальником Главного Управления автотракторной промышленности Наркомтяжпрома СССР Дыбец, по заданию которого проводил вредительство на Челябинском тракторном заводе и в других отраслях промышленности.

Однако из дела по обвинению Дыбец видно, что он вообще не назвал Брускина как участника антисоветской организации.

Пятаков, Межлаук, Серебровский, Игнат, Альперович и другие, с которыми якобы Брускин был связан по антисоветской деятельности, также не назвали Брускина членом антисоветской организации.

Не нашло подтверждения также участие Брускина в подготовке террористического акта против И. В. Сталина.

Что касается принадлежности Брускина к меньшевистской партии в 1917–20 гг., то он этого никогда не скрывал.

Каких-либо компрометирующих данных в отношении Брускина в партийных архивах и в органах Комитета госбезопасности не имеется.

В ходе проверки были допрошены лица, знавшие Брускина по совместной работе. Все они характеризуют Брускина положительно, как хорошего организатора и честного коммуниста.

В связи с изложенным Прокуратура СССР считает возможным войти с протестом в Верховный Суд СССР на предмет отмены приговора в отношении Брускина и его посмертной реабилитации.

Прошу указаний.

Заместитель Генерального прокурора Союза ССР П. Баранов

АП РФ. Ф.3. Оп. 24. Д. 441. Л. 33–34. Подлинник. Машинопись.

№ 41

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ С. Л. КРУГЛИКОВА*

19 сентября 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой Союза ССР проверено дело по обвинению бывшего Председателя правления Госбанка СССР Кругликова Соломона Лазаревича.

* На первом листе записки имеется резолюция: «Согласиться. Л. Каганович» и подписи: «За – Г. Маленков», «За – М. Первухин», «За – М. Сабуров», «За – М. Суслов». – Сост.

Проверкой установлено.

Кругликов Соломон Лазаревич, 1899 г. рождения, уроженец гор. Орла, еврей, состоял в КПСС с 1918 года, был арестован 11 сентября 1937 года НКВД СССР и 19 марта 1938 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу.

Кругликов С. Л. был признан Военной Коллегией виновным в том, что, являясь участником центра антисоветской организации правых, действовавшей в Наркомтяжпроме СССР, проводил вредительскую работу и подготавливал террористический акт против Ежова.

На предварительном следствии Кругликов виновным себя признал и показал, что еще в 1928 году он разделял взгляды правых и был связан с Углановым. Впоследствии к антисоветской деятельности его привлек Пятаков, по заданию которого в Наркомтяжпроме СССР была создана антисоветская организация, проводившая вредительство и возглавляемая помимо Пятакова и его, Кругликова, Серебровским, Смирновым, Осиповым-Шмидтом и Каннером. Конкретных же фактов вредительской деятельности Кругликов в своих показаниях не привел.

В судебном заседании Кругликов С. Л. от своих показаний на предварительном следствии отказался и заявил, что его показания на следствии являются ложными и он ни в чем не виновен.

Проверкой материалов, относящихся к делу Кругликова С. Л., установлено следующее:

Дела по обвинению Осипова-Шмидта и Зыкова (последний по показаниям Кругликова непосредственно подготавливал теракт против Ежова), Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Показания Серебровского, Смирнова и Каннера о том, что их и Кругликова контрреволюционной вредительской деятельностью руководил Пятаков, в ходе проверки не подтвердились. Пятаков как на этих лиц, так и на Кругликова никаких показаний не давал.

По показаниям Угланова Кругликов также не проходит, а из личного партийного дела Кругликова видно, что он к правым не примыкал и боролся за генеральную линию партии.

В процессе проверки дела в прокуратуру поступили отзывы о Кругликове со стороны его бывших сослуживцев: заместителя председателя Совета Министров СССР тов. Завенягина А. П., заместителя министра среднего машиностроения СССР тов. Ванникова Б. Л., заместителя министра черной металлургии СССР тов. Питерского А. М., заместителя министра строительства предприятий нефтяной промышленности СССР тов. Гинзбурга С. З. и др., которые охарактеризовали Кругликова С. Л. с положительной стороны.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР дал заключение, что он компрометирующими материалами на Кругликова не располагает.

Учитывая изложенное, Прокуратура Союза ССР считает возможным внести в Верховный Суд СССР протест на предмет прекращения дела Кругликова С. Л. и его посмертной реабилитации.

Прошу Ваших указаний[57].

Первый заместитель Генерального прокурора СССР
П. Баранов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 307. Л. 78–79. Подлинник. Машинопись.

№ 42

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ И. П. СЕРГЕЕВА*

26 сентября 1955 г.

ЦК КПСС

Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР и Прокуратурой СССР проведена проверка материалов архивно-следственного дела на бывшего народного комиссара боеприпасов СССР Сергеева Ивана Павловича, который был арестован в мае 1941 года и 23 февраля 1942 года по решению Особого совещания при НКВД СССР расстрелян.

Сергеев обвинялся в том, что с 1936 года состоял в антисоветской организации сначала в армии, а затем в Наркомате боеприпасов СССР, проводил вредительскую и шпионскую деятельность.

Из материалов дела видно, что как участник антисоветской организации Сергеев якобы имел преступную связь с Казанским, Роговским, Бондарем, Хренковым, Толстовым, Шибановым, Ефремовым, Ходяковым, Иняшкиным, Сидорой, Гориным и Ирлиным.

Проверкой установлено, что Казанский, Роговский и Бондарь (реабилитирован) показаний о принадлежности и участии Сергеева в антисоветской организации не давали вовсе. Ефремов, Ходяков, Иняшкин, Сидора, Горин и Ирлин, хотя и показывали об участии Сергеева в антисоветской организации, однако в разное время от этих показаний отказались, потому что их показания не соответствовали действительности и были получены путем применения к арестованным незаконных методов ведения следствия.

Так, свидетели Сидора, Березин и Дынкин показали о систематическом избиении Сергеева и других арестованных во время допросов. Об этом же сообщали в своих заявлениях Ефремов, Горин и Ирлин. Подтвердил факты незаконных методов следствия по этому делу и бывший следователь органов госбезопасности – Евтеев.

Кроме того, в процессе проверки были установлены прямые подлоги со стороны бывших работников органов госбезопасности, выразившиеся в том, что подписи арестованного Ходякова на протоколе допроса, где он дал якобы признательные показания в отношении себя и других лиц, были подделаны.

В деле на Сергеева остаются лишь показания Хренкова, Толстова, Шибанова и самого Сергеева. Однако эти показания не могут служить основанием виновности Сергеева, так как получены незаконными методами, не соответствуют действительности и потому в процессе проверки были опровергнуты.

Так, технической экспертизой и допросом ряда свидетелей установлено, что вменявшиеся в вину Сергееву факты проводимой им якобы вредительской деятельности на самом деле таковыми не являются. Например, затяжка в строительстве отдельных предприятий оборонной промышленности, в чем обвинялся Сергеев, имела место еще до образования Наркомата боеприпасов СССР и назначения Сергеева на пост наркома, а брак в производстве железных орудийных гильз стал возможен не в результате вредительства со стороны Сергеева, а потому, что производство этих гильз осваивалось на заводах экспериментально-опытным путем.

* На первом листе записки имеются подписи: «За – Л. Каганович», «За – Г. Маленков», «За – М. Первухин», «За – М. Сабуров», «За – М. Суслов». – Сост.

Не подтвердилась при проверке и шпионская деятельность, в которой обвинялся Сергеев. Данных в архивах о шпионской связи Сергеева с германской разведкой не имеется.

<...>*

В связи с изложенным считаем необходимым внести протест в Верховный Суд СССР с просьбой об отмене решения Особого Совещания в отношении Сергеева и его посмертной реабилитации.

Просим Вашего согласия[58].

Генеральный прокурор Союза ССР
Р. Руденко
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров Союза ССР
И. Серов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 307. Л. 59–61. Подлинник. Машинопись.

№ 43

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ПО «ДЕЛУ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА»**

1 октября 1955 г.

ЦК КПСС

Во исполнение поручения ЦК КПСС[59] Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению Лозовского С. А., а также бывших руководящих работников Еврейского антифашистского комитета Фефера И. С., Маркиша П. Д., Квитко Л. М. и других.

Лозовский, Фефер и другие были арестованы бывшим МГБ СССР в сентябре 1948 – январе 1949 годов и обвинялись в том, что они, являясь еврейскими националистами, под прикрытием Еврейского антифашистского комитета установили связь с представителями американской разведки, которым передавали секретные сведения об экономике и условиях жизни трудящихся в СССР.

Они обвинялись также в том, что в целях борьбы против национальной политики партии по заданию реакционных кругов США широко развернули среди еврейского населения в СССР и за границей пропаганду еврейского национализма, используя для этого созданную при Еврейском антифашистском комитете газету «Эйникайт», издательство «Дер эмес», литературные еврейские альманахи, еврейский театр и кабинет еврейской культуры при Академии наук Украинской ССР.

Следствие по делу Лозовского и других арестованных продолжалось свыше трех с половиной лет. Во время следствия все обвиняемые, кроме Шимелиовича, признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассматривала это дело свыше двух месяцев (с 8 мая по 18 июля 1952 года) и, признав всех обвиняемых виновными, приговорила: Лозовского, Фефера, Маркиша, Квитко, Зускина, Теумин, Ватенберг-Островскую, Ватенберга, Тальми, Гофштейна, Бергельсона, Юзефовича и Шимелиовича к

* Текст изъят при рассекречивании документа. – Сост.

** На первом листе записки имеется штамп «т. Хрущеву Н. С.» и помета помощника Н. С. Хрущева «Доложено. Шуйский». – Сост.

высшей мере наказания – расстрелу, Штерн – к трем с половиной годам лишения свободы с последующей ссылкой сроком на пять лет.

В отношении обвиняемого Брегмана приговор вынесен не был, так как Брегман умер во время суда.

При рассмотрении дела в Военной Коллегии все обвиняемые отказались от своих показаний, данных на предварительном следствии, и заявили, что эти показания получены от них в результате избиений и других незаконных методов следствия.

Проверкой, произведенной Прокуратурой СССР, установлено, что дело по обвинению Лозовского и других бывших руководящих работников Еврейского антифашистского комитета было сфальсифицировано по указанию ныне разоблаченных врагов Абакумова и Рюмина.

Проверкой подтверждено, что бывшие работники МГБ СССР, выполняя преступные указания Абакумова и Рюмина, подвергали арестованных избиениям и пыткам и систематически лишали их сна.

Осужденный по этому делу бывший главный врач больницы им. Боткина Шимелиович в своем заявлении следователю 15 мая 1949 года писал:

«Четыре месяца прошло со дня моего ареста. За это время я неоднократно заявлял: я не изменник, не преступник. Протокол моего допроса, составленный следователем, подписан мною в тяжелом душевном состоянии, при неясном сознании. Такое состояние мое явилось прямым результатом методического моего избиения в течение месяца ежедневно днем и ночью, глумления и издевательства».

О незаконных методах ведения следствия заявили обвиняемые и при рассмотрении дела в Военной Коллегии.

Так, подсудимый Юзефович заявил в суде 6 июня 1952 года:

«В самом начале следствия я давал правдивые показания и заявлял следователям, что не чувствую за собой никакого преступления... После этого меня вызвал к себе министр госбезопасности Абакумов и сказал, что, если я не дам признательных показаний, то меня он переведет в Лефортовскую тюрьму, где меня будут бить. А перед этим меня уже несколько дней „мяли“. Я ответил Абакумову отказом, тогда меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал. В связи с этим я решил подписать любые показания, лишь бы дождаться дня суда».

Бывшие работники Следственной части по особо важным делам МГБ СССР Гришаев, Кузьмин и другие, допрошенные прокуратурой в 1955 году, подтвердили, что к арестованным по этому делу действительно применялись незаконные методы ведения следствия.

О грубом нарушении советской законности и фальсификации следственных материалов по делу Лозовского и других свидетельствует и такой факт.

Лозовский, Фефер, Юзефович и другие руководящие работники Еврейского антифашистского комитета обвинялись, в частности, в том, что в 1943–1946 годах установили преступную связь с американскими разведчиками Гольдбергом и Новиком и передавали им секретные сведения об экономике и культуре СССР.

Лозовский это обвинение категорически отрицал и потребовал приобщить к делу копии материалов, которые им были переданы Гольдбергу.

Однако это законное требование Лозовского по указанию Рыбина было отклонено, так как уже тогда было бесспорно установлено, что материалы, переданные Лозовским Гольдбергу, никаких секретных сведений не содержат и приобщение их к делу покажет полную несостоятельность обвинения Лозовского и других в шпионских связях с американской разведкой.

Следственным органам было также известно, что Гольдберг и Новик являются дружественно настроенными к Советскому Союзу лицами и за активную деятельность в пользу СССР они разрабатываются американской разведкой.

Более того, в распоряжении следствия имелись документы, из которых было видно, что <...>* Новик – член компартии США с 1931 года.

Несмотря на это, от арестованных путем избиений, угроз и других незаконных методов следствия были получены заведомо ложные показания о принадлежности Новика и Гольдберга к американской разведке и о преступных связях арестованных с ними.

Из всех подсудимых в судебном заседании только Фефер первоначально признавал себя виновным и изобличал других. Однако в конце судебного процесса Фефер обратился с просьбой провести закрытое судебное заседание, в отсутствии других подсудимых. На этом заседании Фефер, полностью отказавшись от ранее данных показаний, заявил, что он <...> действовал по заданию органов [МГБ].

По делу Лозовского и других были проведены две экспертизы; одна для установления степени секретности сведений, переданных работниками Еврейского антифашистского комитета для опубликования в иностранной печати, и другая – для установления националистического характера их литературных произведений.

Однако обе эти экспертизы также не могут служить доказательством виновности Лозовского, Фефера и других.

Прокуратурой СССР установлено, что эти экспертизы были проведены необъективно и с грубым нарушением закона.

Будучи допрошенными, эксперты показали, что экспертиза ими проводилась в здании МГБ под непосредственным контролем следователей и влияние следователей на экспертов было настолько сильным, что в ряде случаев они пришли к выводам, никак не вытекающим из исследовавшихся документов.

Обвинение Лозовского, Фефера и других арестованных по этому делу в том, что они, являясь еврейскими националистами, по заданию американских реакционных кругов направили в адрес Советского правительства письмо националистического содержания, является также несостоятельным.

Проверкой установлено, что 15 февраля 1944 года бывшие руководители Еврейского антифашистского комитета Михоэлс, Эпштейн (умерли) и Фефер действительно направили на имя И. В. Сталина письмо, в котором поставили вопрос о создании еврейской советской социалистической республики на территории Крыма и о назначении правительственной комиссии по этому вопросу.

По своему содержанию это письмо носит националистический характер, однако направление такого письма Главе советского правительства нельзя рассматривать как уголовно наказуемое деяние.

Факт направления этого письма был использован следственными органами для вымогательства от арестованных заведомо вымышленных показаний, направленных на компрометацию отдельных руководителей партии и советского правительства.

Проверкой установлено, что некоторые руководители Еврейского антифашистского комитета из националистических побуждений пытались присвоить комитету явно несвойственные ему функции, вмешиваясь от имени комитета в разрешение вопросов о трудоустройстве отдельных лиц еврейской национальности, возбуждали ходатайства об освобождении заключенных евреев из лагерей, в своих литературных работах допускали националистические утверждения и т. д. Эти неправильные действия

* Здесь и далее изъятия в тексте сделаны при рассекречивании. – Сост.

объективно приводили к тому, что еврейские националистические элементы пытались группироваться вокруг Еврейского антифашистского комитета.

Однако не было никаких данных, которые давали бы основания обвинять Лозовского и других в таких тяжких государственных преступлениях, как измена Родине, сношение с иностранными разведками и организованная контрреволюционная деятельность. Эти возведенные на них обвинения являются ложными.

Исходя из изложенного, Прокуратура СССР полагает, что необходимо войти с протестом в Верховный Суд СССР на предмет отмены приговора Военной Коллегии и прекращения дела по обвинению Лозовского С. А. и других за недоказанностью совершения преступления с реабилитацией всех осужденных.

Прошу указаний[60].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 316. Л. 118–123. Копия. Машинопись.

№ 44

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Р. АХУНДОВА*

4 октября 1955 г.

ЦК КПСС

В процессе расследования дела по обвинению Багирова и других[61] установлено, что в Азербайджане в период 1937–1938 гг. было арестовано и репрессировано большое число руководящих работников партийных, советских и хозяйственных органов за принадлежность к контрреволюционной буржуазно-националистической организации, ставившей целью свержение советской власти и создание Азербайджанского буржуазного государства. В значительном количестве таких дел указывается на то, что одним из руководителей этой контрреволюционной организации был Ахундов Рухулла Али оглы.

Ахундов был арестован органами НКВД 17 декабря 1936 года и расстрелян 21 апреля 1938 года по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Прокуратурой СССР была произведена проверка обоснованности ареста и осуждения Ахундова.

Проверкой установлено:

Ахундов Рухулла Али оглы, 1897 года рождения, в 1917–1918 годах состоял в партии левых эсеров («Акинчи»), но принимал активное участие в революционном движении в Азербайджане в тесном контакте с большевиками. В 1919 году был принят в ряды коммунистической партии и с тех пор работал на руководящих постах в партийных и советских органах Азербайджана и Зак[авказской] федерации.

Как один из секретарей ЦК АКП и Заккрайкома, Ахундов работал под непосредственным руководством С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе, а к моменту ареста возглавлял Азербайджанский филиал Академии Наук СССР и Управление по делам искусств при СНК Аз[ербайджанской] ССР.

Ахундов, являясь одним из знатоков азербайджанского языка, организовал переводы трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина, сам принимая в этом активное участие.

* На первом листе записки имеется штамп «т. Микояну А. И.» и резолюция «За – А. Микоян. 30/XI». – Сост.

Ахундов был арестован работниками НКВД по личному требованию Багирова при отсутствии материалов о совершении им какого-либо преступления.

Поводом для ареста Ахундова Багиров использовал тот факт, что в период дискуссии о профсоюзах Ахундов в 1921 году в местной парторганизации выступил в поддержку троцкистов, хотя было известно, что в период X съезда партии и позже он выступал против троцкистов и активно с ними боролся.

В день ареста, 17 декабря 1936 года, за подписью Багирова было вынесено постановление бюро ЦК АКП(б) об исключении Ахундова из партии как «контрреволюционера, троцкиста». На следствии Ахундов обвинялся в том, что якобы с 1920 года был активным троцкистом, а с 1929 года стал одним из организаторов и руководителей националистической организации в Азербайджане. Ахундова обвиняли в том, что он вовлекал людей в антисоветский заговор, возглавлял подрывную деятельность в сельском хозяйстве и промышленности, создавал повстанческие отряды для борьбы с советской властью, устанавливал шпионские связи с турецкой, германской и английской разведками и получал из-за границы большие партии оружия для вооружения своих единомышленников.

Особое значение придавалось обвинению Ахундова в подборе и подготовке террористов для убийства Берия, Багирова и быв. наркома внутренних дел Азербайджана Сумбатова.

Все эти обвинения, предъявленные Ахундову, не соответствуют действительности.

Допрошенные в процессе проверки многочисленные свидетели показали, что Ахундов и другие лица, арестованные за связь с ним, подвергались жестоким избиениям и пыткам с целью вымогательства от них ложных показаний, угодных Багирову и его сообщникам. Эти свидетели подтвердили, что Багиров проявлял особую заинтересованность в этом деле, лично руководил в НКВД следствием, сам допрашивал арестованных и давал указания о последующих арестах.

Бывший сотрудник НКВД Дудиев по этому поводу показал:

«На одном из оперативных совещаний либо Герасимов, либо Цинман – точно не помню следователей, которые вели дело Рухуллы Ахундова, – дал буквально следующие показания: „От хозяина (т. е. Багирова) поступило распоряжение любыми путями в течение суток добиться признания Р. Ахундова в принадлежности к контрреволюционной организации“. Это было летом 1937 года, когда Рухулла Ахундов сидел в тюрьме уже несколько месяцев, но виновным себя ни в чем не признавал».

Из материалов дела видно, что Р. Ахундов 24 и 27 июля 1937 года на допросе у Сумбатова, Герасимова и Цинмана признал себя виновным и назвал как участников контрреволюционной организации многих работников Закавказья. 29 июля 1937 года от этих показаний Ахундов отказался, заявив, что они «не соответствуют действительности», о чем был составлен акт. Однако работники НКВД в целях фальсификации дел, связанных с именем Ахундова, размножили протоколы его допросов от 24 и 27 июля 1937 года, копии их приобщили к другим делам, а самый акт об отказе Ахундова от этих показаний скрыли.

Прямую причастность Багирова к фальсификации дела на Ахундова и других руководящих работников Азербайджана подтвердил в своих показаниях и свидетель Новрузов – бывший секретарь райкома партии.

Новрузов показал, что в июле 1937 года Багиров вызывал его к себе и требовал от него показаний о якобы подрывной деятельности Рух[уллы] Ахундова и других работников центральных органов. Когда же он отказался это сделать, то по приказанию Багирова был арестован сам.

Для необоснованных обвинений Рухуллы Ахундова в государственных преступлениях работники НКВД прибегали не только к пыткам арестованных, но и к фальсификации следственных документов. Из многих дел изымались заявления и протоколы допросов, где имелись указания об отказах от вынужденных показаний, составлялись фиктивные протоколы очных ставок, изымались обнаруженные при обысках документы, невыгодные для обвинения, и в то же время приобщались выписки и копии протоколов допросов, не подписанные арестованными.

В тех же целях сотрудники НКВД использовали штатных агентов как провокаторов, дававших ложные показания, и арестованных, вынуждая их избиениями и пытками давать заведомо ложные показания.

Так, в деле по обвинению Ахундова имеются показания арестованного, некоего Зейналлы, который «изобличал» Ахундова в контрреволюционной деятельности. Между тем, в деле самого Зейналлы обнаружено его же заявление от 13 февраля 1937 года о том, что показания в отношении Ахундова даны им заведомо ложно и «позаимствованы» из материалов судебного процесса «параллельного центра к[онтр]р[еволюционеров-]троцкистов»[62].

Другой арестованный – быв. председатель Аз[ербайджанского] ЦИК Султан Меджид Эфендиев, оговоривший Р. Ахундова и 65 других ответработников, неоднократно на следствии заявлял, что он «вынужден дать вымышленные показания...».

В суде Эфендиев также подтвердил, что Ахундова и многих других лиц, как и себя самого, он оговорил[63].

После ареста быв. председатель Госплана Аз[ербайджанского] ССР Фарадж-Заде, подвергавшийся жестоким пыткам и избиениям, неоднократно заявлял, что дает лживые надуманные показания на себя и других лиц, и от таких показаний часто отказывался. Такие заявления все же не помешали использовать показания Фарадж-Заде как доказательство виновности Ахундова и еще 384 человек, которых Фарадж-Заде также назвал как участников контрреволюционной организации.

Багиров, Сумбатов и их пособники добивались ложных показаний не только на Ахундова, но и на сотни других лиц без какой-либо проверки достоверности такого рода показаний. Более того, Сумбатов вписал в протокол допроса того же Фарадж-Заде гнусные измышления в отношении Серго Орджоникидзе, увязывая их с необоснованным обвинением Ахундова в государственных преступлениях.

О преднамеренности расправы Багирова с Рухуллой Ахундовым свидетельствуют и другие факты, установленные проверкой дел.

Обманывая парторганизацию и общественность республики, Багиров и Сумбатов рекламировали дела о заговорах и терроре, в частности, организовали в ноябре 1937 года «показательный» судебный процесс по «Шемахинскому делу», с освещением его в печати и на митингах. В опубликованных обвинительном заключении и приговоре суда по этому сфабрикованному делу Рухулла Ахундов заранее был объявлен руководителем буржуазно-националистического центра в республике, в то время как следствие по его делу еще не было даже окончено.

Багиров при допросе пытался обосновать правильность ареста Ахундова, но когда его показания были опровергнуты и он изобличен во лжи, то вынужден был признать, что дал указание арестовать Ахундова неправильно, предъявленные ему обвинения он теперь считает необоснованными, а некоторые даже нелепыми.

На вопрос о причине ареста Ахундова Багиров на допросе показал:

«Видимо, была поставлена задача начать с Р. Ахундова и окончить другими. Надо спросить Сумбатова. Для меня теперь не представляет сомнений, что он выполнял задания Берия через мою голову, а я им верил...».

Однако Сумбатов на следствии заявил, что Ахундова он арестовал по личному указанию Багирова, а он, Сумбатов, лишь распорядился применить к Ахундову меры физического воздействия.

Характер действительных взаимоотношений Ахундова с Багировым и причину особой заинтересованности Багирова в создании заведомо ложных обвинений в отношении Ахундова можно частично усмотреть и из показаний быв. работника Наркомзема Нуриева Гулама, который на следствии сообщил о следующем факте:

«... В конце 1936 года я встретил Рухуллу недалеко от здания ЦК АКП(б) на Коммунистической улице.

Он был расстроен и взволнован, рассказал, что разругался с Багировым по какому-то вопросу, причем он ругал Багирова за то, что последний хочет единолично управлять Азербайджаном и совершенно не считается ни с кем ... через несколько дней Ахундов был арестован».

Все приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что Багиров явился инициатором фальсификации дела и расправился с Ахундовым как с неугодным и опасным для него человеком.

Полагал бы Ахундова Рухуллу Али оглы посмертно реабилитировать, опротестовав в Верховный Суд СССР состоявшийся в отношении него приговор, с прекращением дела.

Прошу Вашего согласия[64].

И.о. Генерального прокурора Союза ССР П. Баранов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 345. Л. 45–50. Копия. Машинопись.

№ 45

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА*

18 октября 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело бывшего главного режиссера театра им. Станиславского народного артиста СССР Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича.

Мейерхольд-Райх Всеволод Эмильевич, 1874 года рождения, уроженец города Пенза, немец, быв. член КПСС с 1918 года, арестован 26 июня 1939 года НКВД СССР и 1-го февраля 1940 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и троцкистской деятельности.

По показаниям Мейерхольда, данным им в начальный период следствия, он с 1923 года был связан с троцкистами Рафаилом, Дробнис, Богуславским, Сосновским, и по их заданию, а впоследствии по установкам Рыкова, Бухарина и Радека, проводил вражескую работу по линии искусства.

Далее Мейерхольд показывал, что в 1936–1937 годах он был завербован в троцкистскую организацию писателем И. Эренбургом и установил шпионские связи с английскими разведчиками Балтрушайтис[ом] и Греем, и японским разведчиком Сано-Секи.

В этих же показаниях в числе участников антисоветской троцкистской организации Мейерхольд назвал ряд советских писателей и деятелей искусства: Федина, Фадеева, Гладкова, Шостаковича, Шебалина и др.

Впоследствии Мейерхольд от этих показаний отказался и заявил, что он был вынужден оговорить себя в результате избиений.

В своем заявлении от 13 января 1940 года Мейерхольд писал:

«Меня ... клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам, по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим кровоподтекам снова били этим жгутом ... Следователь все время твердил, угрожая: „Не будешь писать, будем бить опять, оставим не тронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного тела“. И я все подписывал до 16 ноября 1939 года».

Следствием по делу Мейерхольда руководили осужденные как враги народа Кобулов и Шварцман, а также Родос, арестованный в настоящее время Прокуратурой СССР за фальсификацию следственных дел.

Отрицая наличие у него антисоветских настроений и преступных связей с Рафаилом, Дробнисом, Рыковым, Бухариным, Радеком и другими, Мейерхольд в суде объяснил, что встречался с этими лицами лишь по долгу службы и очень редко в бытовой обстановке.

Эти объяснения Мейерхольда в ходе проверки подтвердились.

Изучением дел на Бухарина, Рыкова, Радека, Дробниса, Богуславского и Сосновского установлено, что Мейерхольд по их показаниям не проходит.

Названные Мейерхольдом, как участники троцкистской организации, деятели советской культуры к ответственности не привлекались.

Проверкой по Главному архивному управлению МВД СССР данных о принадлежности к иностранным разведкам Мейерхольда, а также названных им как шпионов Балтрушайтиса и Сано-Секи не обнаружено.

По тем же архивным материалам проходит некий Грей Ф., подозреваемый в принадлежности к английской агентуре, однако, данных о том, что эти подозрения относятся к Грею, знакомому Мейерхольда, не имеется.

К делу Мейерхольда были приобщены показания Иошидо Иошимаса, Кольцова-Фридлянд, Бабеля, Боярского и Королевой Н. И.

Проверкой этих материалов установлено, что они не могут являться доказательством виновности Мейерхольда в совершении контрреволюционных преступлений.

Еще до ареста Мейерхольда, Иошида от своих показаний отказался и заявил, что в ранее данных показаниях оговорил себя и других лиц, в том числе и Мейерхольда.

Кольцов-Фридлянд, Бабель и Боярский, показавшие о том, что Мейерхольд является троцкистом и был связан с иностранной агентурой, в суде виновными себя не признали и от показаний, данных на следствии, также отказались. Военной Коллегией Верховного Суда СССР дела Кольцова-Фридлянд и Бабеля производством прекращены и они реабилитированы[65].

Что же касается показаний Королевой Н. И., то в них данных о совершении Мейерхольдом контрреволюционных преступлений не имеется.

В процессе проверки дела Мейерхольда были разысканы отзывы о Мейерхольде Маяковского, Станиславского, Вахтангова, Горького, А. Барбюса, которыми он характеризовался как большой мастер советского искусства, воспитавший значительную группу выдающихся деятелей театра и кино. Подобные же отзывы о нем в ходе проверки дали многие известные советские писатели, драматурги, артисты и искусствоведы.

* На первой странице записки имеется штамп «т. Булганину Н. А.» и резолюция: «За – Н. Булганин». – Сост.

Из этих же материалов видно, что в своей творческой деятельности Мейерхольд допускал серьезные ошибки, однако, еще до ареста Мейерхольда, его ошибки обсуждались партийными и общественными организациями, и были приняты необходимые решения.

Таким образом, проверкой установлено, что выдвигавшиеся против Мейерхольда обвинения в шпионаже и троцкистской деятельности являются необоснованными.

Учитывая изложенное, Прокуратура Союза ССР считает возможным внести протест в Верховный Суд СССР на предмет отмены приговора Военной Коллегии в отношении Мейерхольда-Райх В. Э. и его посмертной реабилитации.

Прошу указаний[66].

И.о. Генерального прокурора Союза ССР П. Баранов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 331. Л. 95–97. Копия. Машинопись.

№ 46

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. Г. КНОРИНА*

18 октября 1955 г.

ЦК КПСС

По поручению КПК при ЦК КПСС Прокуратурой СССР произведена проверка дела по обвинению Кнорина В. Г.

Кнорин Вильгельм Георгиевич, 1890 года рождения, латыш, член КПСС с 1910 года, бывший заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, был арестован 22 июня 1937 года НКВД СССР и 28 июля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден к расстрелу.

Кнорин признан виновным в том, что в 1927 году, войдя в состав антисоветской белорусской националистической организации, установил связь по антисоветской работе с Гамарником, а с 1929 года вместе с Рудзутаком и Эйдеманом руководил антисоветской националистической латышской организацией, поддерживая связь с правыми через Яковлева.

Кроме этого, Кнорин признан виновным в том, что являлся одним из руководителей правотроцкистской организации, действовавшей в Коминтерне, а также занимался шпионажем в пользу латвийской, польской и других иностранных разведок.

На предварительном следствии Кнорин виновным себя признал. Заседание Военной Коллегии по делу Кнорина, с судебным следствием, вынесением и оглашением приговора продолжалось всего 20 минут. В суде Кнорин, как это записано в протоколе, виновным себя также признал.

Проверкой, произведенной прокуратурой, установлено, что Кнорин осужден необоснованно, на основании сфальсифицированных материалов.

Так, осужденные как члены антисоветской, националистической белорусской организации Адамович, Балицкий, Прищепов, Ульянов и другие не назвали Кнорина среди участников этой организации, а Гамарник Я. Б. в настоящее время полностью реабилитирован.

* На первом листе записки имеется штамп «т. Булганину Н. А.» и резолюция «За – Н. Булганин». – Сост.

Из материалов, которые имеются в архивах, видно, что Кнорин, будучи секретарем ЦК КП(б)Белоруссии, в своей практической работе, в том числе в национальном вопросе, ни к какой националистической группировке не примыкал. Это же обстоятельство подтвердили и свидетели, которые знали Кнорина по совместной работе в Белоруссии.

Уншлихт, Рудзутак и Эйдеман, с которыми якобы был связан Кнорин по антисоветской работе в «Польской организации войсковой» и латышской националистической организации, также не назвали Кнорина.

Осужденные, как участники контрреволюционной латышской националистической организации Ленцман, Кронберг, Бекман и другие, также не назвали Кнорина среди членов этой организации, а в отношении Апина, Лайценса, Барда, Сомс-Кауфмана, Гринберга уголовные дела в настоящее время прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Бейка и Виксне на предварительном следствии назвали Кнорина как одного из руководителей антисоветской латышской организации, но в суде от этих показаний отказались, заявив, что они являются жертвами клеветы.

Кроме этого, как установлено в настоящее время, в 1937–38 гг. по преступному указанию бывшего руководства НКВД СССР многие лица латышской национальности арестовывались без всяких оснований, а затем путем применения к арестованным незаконных методов следствия от них получались ложные показания о причастности их к шпионажу, вредительству и диверсиям.

Бывший сотрудник УНКВД Московской области Постель, осужденный в 1939 году за фальсификацию следственных дел, показал:

«Я со всей ответственностью за свои слова, глубоко убежден и фактами могу доказать, что нашумевший, так называемый вскрытый всесоюзный латышский контрреволюционный центр, по которому были арестованы десятки тысяч латышей – крупных партийных, советских и военных работников, рабочих, колхозников и колхозниц и др., был явно сфабрикован и в природе не существовал».

Это обстоятельство подтверждается сообщением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР о том, что данных о латышских террористических организациях, якобы действовавших на территории СССР, не имеется.

Яковлев Я. А., с которым, как показал Кнорин, он был связан по антисоветской работе, Кнорина в своих показаниях не упоминает.

Не нашло также подтверждения при проверке участие Кнорина в антикоминтерновской организации.

В частности, Бела Кун, Прухняк, Барский, Генриховский, Краевский и ряд других руководящих работников Коминтерна и Профинтерна, с которыми Кнорин якобы был связан по преступной деятельности, в настоящее время полностью реабилитированы, а кроме этого, от Кнорина были получены явно вымышленные показания в отношении лиц, занимающих руководящее положение в СССР и в братских компартиях.

Лица, знавшие Кнорина по совместной работе в Коминтерне, в своих отзывах охарактеризовали Кнорина только с положительной стороны и указали, что Кнорин никогда не примыкал к каким-либо антипартийным или сектантским группировкам в международном рабочем движении.

Кнорин также необоснованно обвинялся в проведении вредительства на идеологическом фронте.

Так, названные им как соучастники вредительства в деле партийной пропаганды и агитации Бауман, Стецкий и Таль вообще не назвали Кнорина, а по заключению института Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина в печатных работах Кнорина искажений марксистско-ленинской теории не имеется.

Кроме этого, проверкой установлено, что к Кнорину в процессе следствия применялись незаконные методы следствия. Допрошенный по этому поводу бывший следователь НКВД СССР Лангфанг показал, что он по указанию бывшего руководства НКВД СССР – Ежова и Фриновского подвергал Кнорина избиениям.

Бывшие сотрудники НКВД СССР – Фриновский, Листенгурт, Николаев и другие, которые имели отношение к расследованию дела Кнорина, ныне осуждены за преступную деятельность.

По данным личного дела Кнорина, хранящегося в ЦК КПСС, он в 1921 году во время профсоюзной дискуссии в Минске примыкал к троцкистам, но в этом же году от них отошел и впоследствии ни в каких антипартийных группировках не участвовал.

По сообщению партийных и исторических архивов, а также органов государственной безопасности СССР, компрометирующих данных в отношении Кнорина не имеется.

В связи с изложенным, Прокуратура СССР считает возможным войти с протестом в Верховный суд СССР на предмет отмены приговора в отношении Кнорина В. Г. и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[67].

И.о. Генерального прокурора СССР
П. Баранов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 335. Л. 97–100. Копия. Машинопись.

№ 47

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПОРЯДКЕ ВОЗВРАТА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАНАМ ГРЕЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ВЫСЕЛЕННЫМ ИЗ АБХАЗИИ В 1949 г.

27 октября 1955 г.

№ 166. п. 25 – Заявления греческих семейств – советских граждан, вернувшихся в Абхазскую АССР, с просьбами возвратить дома, принадлежавшие им до выселения из Абхазии[68].

1. В связи с тем, что в домах, ранее принадлежавших греческим семьям, незаконно выселенным из Абхазии, последние шесть лет проживают колхозники-переселенцы из малоземельных районов Грузинской ССР, многие из которых произвели материальные затраты на их благоустройство, считать нецелесообразным возвращение этих домов и приусадебных участков их прежним владельцам.

2. Обязать ЦК КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР в месячный срок разобраться с каждой греческой семьей, возвратившейся в Абхазию, определить стоимость отобранного при выселении имущества и осуществить меры по возмещению понесенного ими ущерба, а также обеспечить трудоустройство всех семей греков в колхозах и совхозах республики.

Предложить ЦК КП и Совету Министров Грузинской ССР к первому декабря с.г. о принятых мерах доложить ЦК КПСС и Совету Министров СССР.

3. Поручить ЦК КП Казахстана и Совету Министров Казахской ССР разобраться

с семьями советских граждан греческой национальности, незаконно выселенных из Грузии и ныне проживающих в Казахстане, выработать меры по возмещению понесенного ими материального ущерба в связи с незаконным изъятием у них имущества при выселении и в двухмесячный срок представить свои предложения по этому вопросу в ЦК КПСС и Совет Министров СССР.

Развернуть среди греческих семей – советских граждан массово-разъяснительную работу, имея в виду необходимость закрепления их на постоянное жительство в Казахстане, создать им соответствующие жилищные и культурно-бытовые условия, а также обеспечить трудоустройство всех семей греческих переселенцев.

4. Поручить МВД СССР (т. Круглову) в двухнедельный срок внести предложение о порядке и сроках снятия со спецучета советских граждан-греков, незаконно выселенных из Грузии[69].

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 105. Копия. Машинопись.

№ 48

РАБОЧАЯ ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ВОПРОСУ О ПРАЗДНОВАНИИ ДНЯ РОЖДЕНИЯ СТАЛИНА

5 ноября 1955 г.

[Прот. № 167, п.] LXXI*
2. О 21 декабря[70].
3. О порядке открытия собрания в театре[71].
Т. Яснову.
LXXI** О 21 декабря.
*Хрущев, Шепилов, Первухин, Микоян, Каганович, Ворошилов, Булганин****.
Дату отмечать только в печати.
Собрания не проводить.

Т. Каганович: Собрания на заводах проводить (было решение ЦК о собраниях на заводах).

Т. Ворошилов: Народом будет воспринято нехорошо, если не будем проводить собрания.

Отмечать сталинский день соответствующим образом.

Т. Булганин – 21. XII собрания не проводить. Надо подчеркнуть различие.

Т. Микоян: Не устраивать собрания, не связывать себя. Практически – три собрания подряд. Сталинские премии есть, а Ленинских нет. Надо обдумать. Никто не ставит вопроса.

Т. Каганович: Меня атаковать с этих позиц[ий] нет оснований. Я поддерживаю линию ЦК против культа личности. Есть оттенок. Расхождений у меня с тобой, т. Хрущев, не имею. Сталин меня критиковал. К нему я был искренен. Я не мыслил, что Сталин выше Ленина. Не намерен вести против тебя борьбу. Я предлагаю сформулировать решение – как отметить день рождения Сталина.

* Вписано в карандашный текст синими чернилами. – Сост.
** Вписано в карандашный текст синими чернилами. – Сост.
*** Здесь и далее фамилии выступавших выделены курсивом составителями. – Сост.

Т. Сабуров – Правильно поставил вопрос.

Т. Хрущев – Кадры перебили. Военные.

Т. Ворошилов: Все, что говорили, правда. Есть еще сторона: меня выгнали, но я и это прощал.

Записать решение.

Обсудить.

О Ленине – так-то.

О Сталине – в печати и по радио.

О Ленинских премиях – подготовить.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 61–62. Автограф. Карандаш.

№ 49

ЗАПИСКА П. В. БАРАНОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. Г. КАРАЕВА*

11 ноября 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с расследованием дела по обвинению Багирова и др.[72] Прокуратурой СССР была произведена проверка обоснованности ареста в 1937 году и осуждения 21 апреля 1938 года к расстрелу бывшего секретаря ЦК Компартии Азербайджана Караева Али Гейдар Ага Керим оглы.

Установлено, что Али Гейдар Караев, 1896 года рождения, с 1917 по 1919 г. состоял в организации «Гуммет», притом некоторое время был в меньшевистском тифлисском «Гуммете», в мае 1919 г. был принят в ряды компартии и с этого времени по 1931 год находился на руководящей работе в партийных и советских органах Азербайджана и Закавказья.

Караев последовательно был председателем Бакинского ревкома, наркомом, секретарем ЦК АКП(б) и Заккрайкома, а также членом Реввоенсовета XI армии, Касп[ийского] флота и Реввоенсовета СССР. С 1931 г. Караев учился в Институте красной профессуры, затем работал в ИККИ, а перед арестом был инструктором-преподавателем Института массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б).

Будучи секретарем ЦК компартии Азербайджана, Караев в 1928–1929 гг. пытался пресекать антипартийные действия Багирова, ставя на обсуждение президиумов ЦК АКП(б) и Заккрайкома вопросы о недопустимом поведении Багирова. В частности, такой вопрос обсуждался на заседании президиума ЦК АКП(б) 26 марта 1928 года и на заседаниях президиума Заккрайкома 15 и 16 февраля 1929 года.

Несмотря на решения парторганов, Багиров продолжал составление заявлений, направленных против Караева, а копии заявлений передавал Берия, который потворствовал действиям Багирова.

В 1936 году Багиров, воспользовавшись появлением в журнале «Партработник Закавказья» отрицательной рецензии на изданную в 1926 г. книгу Караева «Из недавнего прошлого», обратился к Ежову с просьбой о привлечении Караева к ответственности. При этом Багиров донес, что Караев якобы скрывал свое пребывание в меньшевистской организации. В октябре 1936 г. партком Института красной профессуры обсудил книгу Караева и рецензию на нее, отметил как ошибки Караева, так и тенденциозность рецензентов, обязав Караева выступить в печати с критикой ошибок, допущенных в книге, и дать ответ на рецензию.

* На первом листе записки имеются штамп «т. Микояну А. И.» и резолюция «За. – А. Микоян. 21/XI». – Сост.

3 февраля 1937 г. вопрос о Караеве был рассмотрен партколлегией КПК, которая отметила в постановлении:

«Считать, что нет оснований для обвинения т. Караева в сокрытии своего прошлого, поскольку он в своей автобиографии указывал на пребывание в меньшевистской организации (тифлисского „Гуммет“)».

Однако работники НКВД Азербайджана в июле 1937 года составили справку на арест Караева, в которой указали, что Караев якобы скрывал свое меньшевистское прошлое и написал книгу контрреволюционного содержания.

По предложению НКВД Аз[ербайджанской] ССР Караев и его жена Караева-Шабанова были арестованы в Москве и этапированы в Баку.

На следствии Караеву было предъявлено обвинение в том, что он скрывал свое меньшевистское прошлое, в 1924 году принимал активное участие в антисоветской деятельности группы Ханбудагова, в 1929 году вошел в состав подпольной националистической организации, а с 1933 года стал одним из руководителей к[онтр]р[еволюционной] националистической организации и был инициатором отторжения Азербайджана от СССР, вредительства, диверсий и подготовки терактов, в частности, против Багирова.

В следственных документах отмечалось, что к[онтр]р[еволюционной] националистической организацией в Азербайджане руководил Рухулла Ахундов, а Караев, проживая в Москве, руководил участниками этой организации вне Азербайджана и через Мамия Орахелашвили контактировал подрывную деятельность своей организации с к[онтр]р[еволюционными] организациями Закавказья.

Проверкой установлено, что эти обвинения были основаны на сфальсифицированных ныне арестованными работниками НКВД Азербайджана материалах – на показаниях других арестованных, подвергавшихся избиениям.

Караев также подвергался избиениям, вследствие чего оговорил как себя, так и других лиц (Мамия Орахелашвили, Р. Ахундова и др.), но вскоре от этих показаний отказался, а в суде заявил, что дал ложные показания из-за невыносимых условий тюремного заключения.

Оговоренный Караевым Мамия Орахелашвили теперь реабилитирован. Проверка показала и неосновательность осуждения Ахундова[73].

Багиров, допрошенный о взаимоотношениях с Караевым, сказал, что он с Караевым не сработался и что Караев и секретарь ЦК Мирзоян его «прорабатывали»*. На вопрос, в чем выражалась эта «проработка», Багиров ответил:

«Этого я сейчас не помню, но во всяком случае создавались всякого рода проверки о моей прошлой работе в Азербайджане, создавались всякие небылицы вокруг моей личности, чтобы меня скомпрометировать».

В настоящее время материалы следствия по делу Багирова и решение КПК при ЦК КПСС[74] подтверждают правильность действий Караева по проверке личности Багирова. Таким образом, материалы проверки дела Караева и материалы следствия по делу Багирова дают основания утверждать, что Караев Али Гейдар Ага Керим оглы осужден неправильно по сфальсифицированным материалам, поэтому полагал бы

* Подчеркнуто рукой А. И. Микояна. – Сост.

внести протест на отмену приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР для посмертной реабилитации Караева.

Прошу Вашего согласия[75].

И.о. Генерального прокурора СССР
П. Баранов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 339. Л.73–76. Копия. Машинопись.

№ 50

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ЦК КПСС О СНЯТИИ С УЧЕТА УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДРУГИХ КАТЕГОРИЙ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

[*Не позднее 12 ноября 1955 г.*]

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Секретариата ЦК КПСС нами рассмотрено предложение о снятии с учета и освобождении из-под административного надзора органами МВД находящихся на спецпоселении участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями Советского Союза, членов семей лиц, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, преподавателей учебных заведений, женщин, вышедших замуж за местных жителей, не являющихся спецпоселенцами, женщин русской, украинской и других национальностей, не подлежавших выселению, но высланных вместе с немцами, крымскими татарами и другими, по признакам их супружеских отношений, которые в настоящее время прекратились, а также лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом.

По данным МВД СССР на спецпоселении в настоящее время находится участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, 54 176 человек, в том числе немцев 39 724 человека, крымских татар 10 177 человек, калмыков 3841 человек, чеченцев 7008 человек, ингушей 3825 человек.

В числе спецпоселенцев имеется членов семей лиц, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, 17 тысяч человек, женщин, вступивших в брак с местными жителями, более 30 тысяч человек, а также значительное количество женщин русской, украинской и других национальностей, выселенных вместе о своими мужьями, с которыми они в настоящее время прекратили супружеские отношения. Кроме того, на учете состоят 12 381 человек одиноких инвалидов и лиц, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование. Из этого числа 4227 человек помещено в дома инвалидов, из которых 3142 человека имеют родственников, проживающих в республиках, краях и областях, не являющихся местами поселений. Приведенные категории спецпоселенцев составляют не более 12 процентов к общему числу лиц, находящихся на спецпоселении.

Учитывая, что в настоящее время содержание на спецпоселении перечисленных выше граждан не вызывается необходимостью, считаем возможным снять их с учета и освободить из-под административного надзора органов МВД без права возвращения на прежнее местожительство и требования жилых и других помещений, принадлежавших им до выселения.

Некоторое ограничение, предлагаемое нами, связано с тем, что возвращение снимаемых с учета спецпоселенцев на прежнее местожительство вызовет их претензии на принадлежавшие им ранее жилые и другие помещения, в свое время переданные колхозникам, рабочим и служащим, которые за последние 10 лет произвели значительные материальные затраты на поддержание и восстановление этих помещений.

В связи с этим считаем целесообразным обязать Министерство внутренних дел СССР обеспечить строгое соблюдение паспортного режима лицами, освобожденными из спецпоселения.

Проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР прилагаются[76].

П. Баранов, А. Горкин,
К. Горшенин, С. Круглов,
П. Ивашутин, А. Старцев

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 119–120. Подлинник. Машинопись.

№ 51

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА С. Н. КРУГЛОВА В ЦК КПСС О СНЯТИИ С УЧЕТА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ГРЕКОВ – ГРАЖДАН СССР, ВЫСЕЛЕННЫХ В 1949 г. ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ССР[77]

15 ноября 1955 г.

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС от 27 октября 1955 года[77а] Министерство внутренних дел СССР докладывает, что на 1 ноября сего года на спецпоселении в Казахской ССР находится 891 семья (2389 человек) советских граждан греческой национальности, выселенных в 1949 году из Грузии.

Греческие семьи проживают: в Кзыл-Ординской области – 522 семьи (1449 чел.), в Джамбульской – 273 семьи (705 чел.), в Южно-Казахстанской – 92 семьи (226 чел.), в Талды-Курганской – 2 семьи (5 чел.), в Алма-Атинской области – 2 семьи (4 чел.).

Все трудоспособные греки, проживающие в настоящее время в Казахской ССР, трудоустроены: в промышленных предприятиях министерств и ведомств – 655 человек, в различных советских учреждениях – 480 человек, в совхозах – 341 чел., в колхозах – 255 чел., на железнодорожном транспорте – 74 чел., в МТС – 56 человек. 528 человек находятся на иждивении своих родственников в связи с преклонным возрастом, инвалидностью, несовершеннолетием или наличием малолетних детей.

Из общего количества семей греков – граждан СССР проживают в собственных домах 345 семей, в коммунальных квартирах – 280 семей, на частных квартирах – 124 семьи, в домах колхозов и совхозов – 95 семей, в бараках – 47 семей. Имеют приусадебные участки 174 семьи, крупный и мелкий скот – 313 семей.

В связи с тем, что ЦК КП Казахстана и Совету Министров Казахской ССР поручено выработать меры по возмещению семьям советских граждан греческой национальности, незаконно выселенным из Грузии, понесенного ими материального ущерба в связи с изъятием у них имущества при выселении и провести среди них массово-разъяснительную работу, имея в виду необходимость закрепления их на постоянное жительство в Казахстане, Министерство внутренних дел СССР вносит следующие предложения:

1. Граждан СССР греческой национальности, незаконно выселенных в 1949 году из Грузии, снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД в течение 1956 года.

2. Снятие с учета производить в индивидуальном порядке по заключениям областных управлений МВД Казахстана, согласованным с местными партийными и советскими органами.

3. Работу по снятию с учета спецпоселения греков – граждан СССР начать с 1 января 1956 года и проводить ее по мере возмещения понесенного ими при выселении материального ущерба, создания для них жилищных и культурно-бытовых условий и закрепления их на постоянное жительство в Казахской ССР.

Министр внутренних дел СССР
С. Круглов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 334. Л. 7–9. Копия. Машинопись.

№ 52

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Л. И. МИРЗОЯНА*

22 ноября 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобой Мирзояна В. Л., Прокуратурой СССР проверено дело его отца – бывшего первого секретаря ЦК КП Казахстана Мирзояна Левона Исаевича.

Мирзоян Л. И., 1897 г. рождения, армянин, из крестьян, состоял в КПСС с 1917 года, бывший член ЦК КПСС, был арестован 22 мая 1938 года НКВД СССР и 26 февраля 1939 года осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к антисоветской организации правых и контрреволюционной деятельности в Азербайджане, на Урале и в Казахстане.

На предварительном следствии, как это записано в первых протоколах допроса, Мирзоян якобы признал, что в 1926–1927 годах, когда он работал секретарем ЦК КП Азербайджана, ему было известно о существовании там право-троцкистского и националистического подполья в лице секретарей ЦК КП Азербайджана Рухуллы Ахундова и Караева, старых коммунистов Плешакова, Давлатова и других, с которыми он установил преступную связь.

Мирзоян показал далее, что в 1930–1933 году, будучи на Урале, он якобы был связан с одним из руководителей правых – Кабаковым и продолжал свою контрреволюционную деятельность, а в 1933–1838 годах по заданию Рыкова и Бухарина якобы возглавлял право-троцкистское подполье в Казахстане.

От всех этих показаний Мирзоян отказался еще в ходе предварительного следствия и в своих заявлениях писал, что его показания являются ложными и были даны им в результате избиений и пыток, которые применялись к нему в ходе следствия.

* На первом листе записки имеется резолюция «За. – А. Микоян» и помета «Разослать членам Президиума ЦК КПСС на голосование. В. Малин. 28/XI.55». – Сост.

На суде Мирзоян также виновным себя не признал, от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался как от ложных и вынужденных и показал, что ни в каких антисоветских организациях он не состоял, никакой антисоветской работы не вел, что он 32 года честно служил партии и народу и «никогда с Рыковым, Бухариным и другими правыми не путался».

Проверкой установлено, что обвинение Мирзояна было построено на показаниях лиц, неосновательно привлеченных к уголовной ответственности, которые в результате незаконных методов следствия вынуждено признавали себя виновными в совершении тяжких преступлений и давали ложные показания о преступных связях с Мирзояном.

Установлено, что Мирзоян в течение ряда лет вел борьбу с врагом народа Багировым, разоблачал его как авантюриста и карьериста. Имеются данные, что Мирзоян располагал сведениями о преступном прошлом Багирова, занимавшегося в период, предшествовавший советизации Азербайджана, бандитизмом, а затем обманным путем пробравшимся в партию и назначенным председателем Аз[ербайджанской] ЧК. В 1936–1937 годах Багиров, Сумбатов и другие, фальсифицируя уголовные дела против Рухуллы Ахундова, Караева и других лиц, вымогали от них ложные показания о Мирзояне, как об одном из руководителей преступной антисоветской организации в Азербайджане. В настоящее время уголовные дела по обвинению Плешакова, Качаева, Баринова, Султанова и других лиц, обвинявшихся в антисоветской деятельности и связях с Мирзояном, прекращены и все эти лица посмертно реабилитированы.

Полностью опровергается материалами проверки и антисоветская деятельность Мирзояна на Урале. Никто из названных Мирзояном лиц, как участников право-троцкистской организации на Урале, показаний о его преступной деятельности не давал. По показаниям Рыкова, Бухарина и Кабакова Мирзоян также не проходит.

Не нашло своего подтверждения в ходе проверки обвинение Мирзояна и в причастности его к право-троцкистскому подполью в Казахстане.

В начале следствия Мирзояном было названо большое число партийных и советских работников Казахстана, якобы известных ему по антисоветской деятельности в Казахстане. Однако проверкой установлено, что все эти лица, будучи арестованными, или отказались от своих показаний как от ложных и вынужденных, или вообще никаких показаний о преступной деятельности Мирзояна не давали.

В настоящее время уже прекращены за отсутствием состава преступления уголовные дела в отношении многих лиц, обвинявшихся в принадлежности к право-троцкистской организации, якобы возглавляемой Мирзояном.

Никаких данных о принадлежности Мирзояна к оппозициям или антипартийным группировкам проверкой не установлено.

Считаю необходимым внести протест в Верховный суд СССР по делу Мирзояна Л. И. для отмены приговора Военной Коллегии за отсутствием состава преступления в действиях Мирзояна Л. И. с полной реабилитацией его посмертно.

Прошу Вашего согласия[78].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 341. Л. 12–14. Подлинник. Машинопись.

№ 53

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ С. М. ЭФЕНДИЕВА*

23 ноября 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего председателя ЦИКа Азербайджанской ССР Эфендиева Султан-Меджид Меджид оглы. Проверкой установлено:

Эфендиев Султан-Меджид Меджид оглы, 1886 года рождения, член КПСС с 1904 года, был арестован органами НКВД 24 июня 1937 года и осужден 21 апреля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу.

Эфендиев признан виновным в том, что он с 1929 года являлся одним из создателей и руководителей антисоветской, троцкистской, националистической, диверсионно-террористической организации в Азербайджане; создал ряд вредительских групп и при их помощи проводил вредительскую работу во всех областях народного хозяйства Азербайджана; руководил организацией повстанческих групп для вооруженной борьбы с Советской властью и, кроме того, являлся агентом разведки одного из иностранных государств.

Обвинение, предъявленное Эфендиеву, было основано на его собственных показаниях, которые он дал на предварительном следствии и на показаниях арестованных Рухуллы Ахундова, Гейдара Караева, Гамида Султанова и других.

В судебном заседании Эфендиев виновным себя не признал и от своих показаний на предварительном следствии отказался, заявив, что они ложные.

Допрошенные в процессе проверки свидетели показали, что бывшие работники Аз[ербайджанского] НКВД Сумбатов, Цинман, Гвоздев и Сонькин жестоко избивали Эфендиева и требовали от него нужных им показаний.

Так, быв. старший надзиратель тюрьмы Возничук Д. П. на допросе 21 мая 1954 года показал:

«... Жестоким избиениям подвергались председатель ЦИК Эфендиев, быв. сотрудник органов Павлов. Причем Эфендиева били так сильно, что после допросов он мог только лежать...».

Свидетель Дудиев В. М. показал:

«Однажды я зашел в кабинет Сонькина ... там находился Мусатов Николай (боксер), Цинман, Сумбатов и еще кто-то. Из арестованных был Эфендиев Султан, он сидел на полу в разорванной рубашке, весь избитый. Его кто-то из следователей обливал водой и приводил в чувство, а другой в это время говорил ему – давай показания».

Свидетель Халдыбанов Х. П. показал:

«Лично видел, как Цинман и Мусатов Коля допрашивали председателя президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Эфендиева С. М. и избивали его. Причем Цинман оскорблял Эфендиева, презрительно называл его президентом».

Свидетели Ананьев и Багиров Заид подтвердили это.

Для создания ложных доказательств обвинения против Эфендиева следователи избивали также Рухуллу Ахундова, Гамида Султанова и других арестованных, потому

* На первом листе записки имеется резолюция «За. – А. Микоян» и помета «Разослать членам Президиума ЦК КПСС на голосование. В. Малин. 28/XI.55». – Сост.

их показания, выписки из которых приобщены к делу Эфендиева, не могут служить доказательством его вины. К тому же Гамид Султанов, Арустамов Левон и Исрафил Ибрагимов в 1955 году реабилитированы Верховным Судом СССР.

Арестованные б[ыв]. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Караев Али Гейдар, б[ыв]. председатель СНК Аз[ербайджанской] ССР Буниат-Заде Дадаш, Давлатов Исай и Салахов Теймур на суде от показаний, данных на предварительном следствии, отказались и заявили, что они оклеветали себя и других в результате применения к ним тяжких физических репрессий.

Бывшие работники Аз[ербайджанского] НКВД для подкрепления необоснованных обвинений Эфендиева применяли не только избиение арестованных, но и фальсификацию следственных документов. Из дел изымались заявления и протоколы допросов, в которых арестованные отказались от вынужденных показаний, уничтожались обнаруженные при обысках документы, невыгодные для обвинения.

Таким образом, проверкой дела Эфендиева установлено, что он был осужден необоснованно.

Полагал бы необходимым внести протест в Верховный Суд СССР для отмены приговора Военной коллегии в отношении Эфендиева и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[79].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 340. Д. 143–146. Подлинник. Машинопись.

№ 54

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СО СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

23 ноября 1955 г.

В Президиум ЦК КПСС

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС[80] нами рассмотрены предложения о снятии ограничений по спецпоселению с немцев – граждан СССР, выселенных в отдаленные районы страны в период Великой Отечественной войны, а также немцев – граждан СССР, репатриированных после войны из Германии и направленных на спецпоселение.

Всего таких немцев в настоящее время на спецпоселении находится 727 823 человека, которые в основном расселены в Казахской ССР, Коми АССР, Алтайском и Красноярском краях, Иркутской, Кемеровской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Свердловской и Челябинской областях.

Из общего числа спецпоселенцев-немцев занято на работе в различных отраслях народного хозяйства 582 тысячи человек, из них: в сельском хозяйстве 300 тыс. чел., в угольной промышленности 65 тыс. чел., в строительных организациях 40 тыс. чел., в лесной промышленности 35 тыс. чел., в местной промышленности 29 тыс. чел., в металлургической промышленности 21 тыс. чел., в нефтяной промышленности 15 тыс. чел., на предприятиях и учреждениях Министерства путей сообщения 9 тыс. чел., в бумажной и деревообрабатывающей промышленности 8 тыс. чел., на предприятиях других министерств и ведомств 60 тыс. человек.

Как показало дополнительное ознакомление на месте, вопросы трудоустройства спецпоселенцев-немцев решены положительно. Абсолютное большинство их добросовестно работает в промышленных предприятиях, на стройках, в совхозах и колхозах, многие из них являются передовиками производства и за высокие показатели в работе награждены правительственными наградами и почетными грамотами.

Так в Челябинской области около 20% работающих в промышленности немцев являются передовиками производства. Только в Алма-Атинской, Павлодарской и Акмолинской областях Казахской ССР из числа спецпоселенцев-немцев за высокие производственные показатели награждено 3835 человек, 556 человек являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В Кокчетавской области 6 колхозов, которые в основном состоят из спецпоселенцев-немцев, являются миллионерами. В Павлодарской области таких колхозов насчитывается более десяти. В Кемеровской области за высокие производственные показатели в угольной и металлургической промышленности награждено орденами и медалями Советского Союза 166 человек спецпоселенцев-немцев и в сельском хозяйстве – 37 человек. В Новосибирской области за высокие показатели в работе награждено орденами и медалями Советского Союза 160 человек и 223 человека являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В совхозах, колхозах, МТС и леспромхозах спецпоселенцы-немцы, как правило, заняты на ведущих профессиях, которые они приобрели за время пребывания на спецпоселении. В Новосибирской области работают председателями колхозов, бригадирами, агрономами, прорабами и мастерами 293 человека-немца, трактористами и комбайнерами 2231 человек. В Молотовской области из числа спецпоселенцев-немцев 1290 человек работают инженерами, механиками, мастерами, технологами, 593 человека – врачами, агрономами, зоотехниками и преподавателями.

Подавляющее большинство спецпоселенцев-немцев в местах поселения находится более 10 лет. За это время они, будучи трудоустроены в сельском хозяйстве и промышленности, прочно обосновались в местах нового жительства, имеют собственные дома, скот и приусадебные участки.

Из 62 835 человек спецпоселенцев-немцев, расселенных на территории Алтайского края, более 50% приобрели собственные дома. В Красноярском крае свыше 50% спецпоселенцев-немцев занято в сельском хозяйстве, из них большинство имеет собственные дома с надворными постройками и приусадебными участками, крупный и мелкий рогатый скот. В Манском районе этого края из 330 семей спецпоселенцев-немцев 179 семей проживают в собственных домах, 280 семей имеют крупный рогатый скот. В Больше-Муртинском районе, где расселено 426 семей немцев, 261 семья проживает в собственных домах, спецпоселенцы-немцы имеют 316 коров, 496 коз, 269 свиней и домашнюю птицу.

В Новосибирской области на территории 23 районов, где расселено подавляющее большинство немцев, в собственных домах проживает 19 520 человек, в коммунальных и ведомственных домах 17 923 человека. В ряде районов области в 1955 году многие спецпоселенцы-немцы приступили к строительству собственных домов. Так, в колхозе им. Первого Мая Барабинского района немцами начато строительство 30 домов.

В Кемеровской области из 15 613 семей немцев, состоящих на учете спецпоселения, 8976 семей приобрели собственные дома и 248 семей получили участки под застройку. Спецпоселенцы-немцы имеют 9546 голов крупного и мелкого рогатого скота. Остальные немцы, работающие в промышленности, проживают с семьями в благоустроенных коммунальных квартирах, материально обеспечены хорошо, приобретают радиоприемники, мотоциклы и автомашины. Из 5407 человек немцев, находящихся на

спецпоселении в городе Прокопьевске, 73 человека имеют собственные автомашины и 102 человека мотоциклы.

Аналогичное положение с бытовым устройством спецпоселенцев-немцев, расселенных в Молотовской, Иркутской, Омской, Свердловской и других областях. Исключение составляют спецпоселенцы-немцы, занятые на работе в рыбной и лесной промышленности, в строительных организациях, а также в сельском хозяйстве слабо развитых в экономическом отношении районов. Так, например, в Красноярском крае руководители предприятий рыбной промышленности, расположенных за Полярным кругом (Туруханском, Ярцевском, Игарском, Дудинском районах, Эвенкийском и Таймырском национальных округах), рассматривают спецпоселенцев-немцев, работающих там с 1942 года, как местных жителей, в связи с чем льготы за работу на дальнем севере на них не распространены, культурно-бытовое и медицинское обслуживание поставлено неудовлетворительно.

Некоторые руководители предприятий лесной промышленности не заключают со спецпоселенцами-немцами индивидуальных договоров, не создают для них надлежащих бытовых условий, крайне неудовлетворительно снабжают через торговые организации предметами первой необходимости и слабо ведут культурно-воспитательную работу среди рабочих, в результате чего часть спецпоселенцев, работающих в лесной промышленности, стремится перейти в другие отрасли промышленности и сельского хозяйства.

Значительная часть спецпоселенцев-немцев, проживающих в слабо развитых в экономическом отношении северных районах Сибири и Дальнего Востока, ходатайствует о направлении их на освоение целинных и залежных земель. Так из 7317 человек немцев, проживающих в северных районах Свердловской области и снятых в 1954–1955 годах с учета спецпоселения, около 1400 человек выехало в районы освоения целинных и залежных земель. Из Челябинской области в 1955 году на работу по освоению целинных и залежных земель выехало 1325 человек.

В связи с этим не исключена возможность, что некоторая часть немцев, после снятия с них ограничений по спецпоселению, из районов слабо развитых в экономическом отношении, может выехать в другие районы, где вопросы трудоустройства и материальной заинтересованности решаются более положительно. Вместе с тем практика работы по надзору за спецпоселенцами показывает, что в 1954–1955 годах из числа освобожденных из спецпоселения 105 869 человек немцев лишь около 20% выехали в другие области, края и республики, причем многие из них в настоящее время снова возвращаются в местности, где они находились на спецпоселении (Кемеровская, Молотовская, Челябинская и другие области).

Учитывая, что направление на спецпоселение немцев было вызвано особыми условиями военного времени, что в настоящее время, когда их материальное положение значительно укрепилось и основная масса немцев включилась в хозяйственную и культурную жизнь и прочно обосновалась в местах нового жительства, Комиссия считает, что дальнейшее применение к ним ныне существующих ограничений по спецпоселению не вызывается необходимостью и вносит предложение снять с учета спецпоселения немцев и членов их семей.

Чтобы избежать претензии со стороны некоторых немцев на возвращение ранее принадлежащих им домовладений, в которые сейчас вложены новыми хозяевами дополнительные средства на их поддержание и расширение, считаем целесообразным в постановлении ЦК КПСС и в Указе Президиума Верховного Совета СССР указать, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении.

Предложение о снятии с учета спецпоселения немцев поддерживают секретарь ЦК КП Казахстана тов. Брежнев Л. И., секретарь обкома КПСС Коми АССР тов. Осипов Г. И., секретари Алтайского крайкома тов. Пысин К. Г., Красноярского крайкома тов. Органов Н. Н., Кемеровского обкома тов. Гусев М. И., Новосибирского обкома тов. Дерюгин Б. И., Молотовского обкома тов. Струев А. И., Иркутского обкома тов. Кобелев Б. Н., Саратовского обкома тов. Денисов Г. А., Свердловского обкома тов. Кутырев А. М., Челябинского обкома тов. Лаптев Н. В.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[81].

Р. Руденко, С. Круглов, Лунев, П. Кудрявцев, Маслов, В. Чураев, В. Карлов, Г. Денисов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 143–147. Подлинник. Машинопись.

№ 55

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О СНЯТИИ С УЧЕТА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ГРЕКОВ – ГРАЖДАН СССР, ВЫСЕЛЕННЫХ В 1949 ГОДУ ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ССР»[82]

24 ноября 1955 г.

№ 170, п. XLVI – О снятии с учета спецпоселения греков – граждан СССР, выселенных в 1949 году из Грузинской ССР (тт. Микоян, Кириченко).

1. Обязать Министерство внутренних дел СССР в течение 1956 года снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД семьи советских граждан греческой национальности, незаконно выселенных из Грузии и ныне проживающих в Казахской ССР.

2. Снятие с учета производить в индивидуальном порядке по заключениям областных управлений МВД Казахстана, согласованным с местными партийными и советскими органами.

3. Работу по снятию с учета спецпоселения греков – граждан СССР начать с 1 января 1956 года и проводить по мере возмещения понесенного ими при выселении материального ущерба, создания жилищных и культурно-бытовых условий и закрепления их на постоянное жительство в Казахской ССР.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 199. Л. 14–15. Подлинник. Машинопись.

№ 56

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О СНЯТИИ С УЧЕТА НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ»[83]

24 ноября 1955 г.

№ 170, п. LXXI – О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев (тт. Микоян, Ворошилов, Молотов, Круглов, Сабуров, Кириченко).

Утвердить проект постановления Совета Министров СССР «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» (прилагается).

[*Приложение к п. LXXI, прот. № 170*]

Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев

1. Снять с учета и освободить из-под административного надзора органов МВД:

– участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, членов семей погибших на фронтах Отечественной войны и преподавателей учебных заведений;

– женщин, вступивших после водворения их на спецпоселение в законный брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами;

– женщин русской, украинской, белорусской и других национальностей, не подлежавших выселению, но выселенных вместе с немцами, крымскими татарами, чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами, калмыками, турками, курдами и хемшилами по признакам их супружеских отношений, которые в настоящее время прекратились;

– одиноких инвалидов и лиц, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование и нуждаются в постоянном уходе за ними.

2. Установить, что лица, снятые с учета и освобожденные из-под административного надзора органов МВД, могут проживать в любом пункте страны, кроме той области (края, автономной республики), где они проживали до выселения. Жилые дома и другие помещения, принадлежавшие освобождаемым из спецпоселения по прежнему их местожительству до выселения, возвращению не подлежат.

3. Обязать Министерство внутренних дел СССР обеспечить строгое соблюдение паспортного режима лицами, освобождаемыми из спецпоселения.

4. Разрешить Министерству внутренних дел СССР впредь снимать с учета и освобождать из-под административного надзора МВД лиц, подпадающих под действие пункта первого настоящего постановления.

5. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик и исполкомы местных Советов депутатов трудящихся провести среди спецпоселенцев необходимую разъяснительную работу в связи с настоящим постановлением.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 199. Л. 21; Оп. 8. Д. 334. Л. 78–80. Подлинник. Машинопись.

№ 57

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ БЫВШИХ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ*

29 ноября 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой произведена проверка дела бывших руководящих работников Ев-

* На первом листе записки имеется резолюция «За. – А. Микоян. 30/XI» и помета «Разослать членам Президиума ЦК КПСС на голосование. В. Малин. 30/XI.55». – Сост.

рейской автономной области, осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР в феврале 1952 г. за антисоветскую националистическую и шпионскую деятельность – бывшего первого секретаря обкома КПСС Бахмутского Александра Наумовича, 1911 года рождения, бывших председателей облисполкома Зильберштейна Михаила Нафтуловича, 1914 года рождения, и Левитина Михаила Евелевича, 1913 года рождения, и бывшего секретаря обкома КПСС по пропаганде Брохина Зиновия Самуйловича, 1910 года рождения, к 25 годам лишения свободы каждого и других, всего 8 человек.

Проверкой установлено, что арест и осуждение указанных лиц произведены необоснованно и дело в отношении их сфальсифицировано Абакумовым и Гоглидзе.

Бахмутский, Зильберштейн, Левитин, Брохин и другие в 1950–1951 гг. по указанию Абакумова и Гоглидзе были арестованы органами бывш. МГБ СССР по обвинению в проведении антисоветской националистической деятельности, за связь с американским обществом «Амбиджан», передачу через Еврейский антифашистский комитет в США и разглашение в выступлениях и в печати сведений, составляющих государственную тайну СССР.

Обвинения эти опровергаются следующими данными, добытыми в ходе проверки дела:

а) сообщением Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР о том, что вся переписка между еврейским обществом в США «Амбиджан» и бывшими руководящими работниками Еврейской автономной области подвергалась соответствующей проверке со стороны органов МВД – МГБ и что случаев направления осужденными каких-либо материалов в США без ведома органов МГБ не установлено;

б) заключением специальной экспертизы о том, что в статьях, выступлениях, фотодокументах и переписке осужденных с «Амбиджаном» в США и Еврейским антифашистским комитетом в Москве не содержится сведений, составляющих государственную тайну СССР;

в) из протокола судебного заседания по делу бывших руководителей Еврейского антифашистского комитета Лозовского, Фефера и других видно, что все они в суде отрицали свою вину в проведении антисоветской деятельности и не дали показаний об антисоветской националистической и шпионской деятельности Бахмутского, Левитина, Зильберштейна и других. В настоящее время после дополнительной проверки приговор Военной Коллегии в отношении Лозовского, Фефера и других отменен и дело прекращено[84].

Ничем не подтверждены обвинения Бахмутского и других в проведении антисоветской националистической деятельности.

Полагаю необходимым опротестовать приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Бахмутского и других на предмет прекращения дела за отсутствием состава преступления и освобождения осужденных от наказания.

Прошу Вашего согласия[85].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 345. Л. 60–61. Подлинник. Машинопись.

№ 58

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ С НЕМЦЕВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ»*

13 декабря 1955 г.

Москва, Кремль, №129/23

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-немцев и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев-граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены[86].

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 576. Л. 79. Подлинник. Машинопись.
Опубликовано: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. I. Курск. 1999. С. 168–169.

№ 59

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРУППЫ ГРЕКОВ, ВЫСЕЛЕННЫХ ИЗ АБХАЗИИ, Н. С. ХРУЩЕВУ О НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОМ ХОДЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

21 декабря 1955 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

г. Москва
От 530 семейств греческой национальности

Как Вам известно, ради преступной цели изменения этнического состава населения в Абхазской АССР подлый враг народа и советской власти Берия, поправ элементарные нормы гуманности, выселил нас, греков, из родной Абхазии и обрек наш трудолюбивый народ на неисчислимые бедствия и страдания, на нищенское полуголодное существование.

Можно было написать целые тома о том, что мы пережили за годы изгнания из родных насиженных мест, но в этом нет никакой необходимости, т. к. об этом знаете не только Вы, но и вся советская общественность.

* На подлинном экземпляре Указа имеется гриф «Без опубликования в печати». – Сост.

Казалось бы, что после ликвидации бандитской шайки во главе [с] Берия наше незаконное выселение должно было быть осуждено ЦК Грузии и Грузинским правительством, и в кратчайший срок мы должны были быть восстановлены в своих гражданских правах и получить полное удовлетворение своих имущественных претензий и, в первую очередь, получить свои дома и усадьбы.

Однако вопреки справедливости, человечности и гуманности ЦК компартии Грузии на протяжении всего периода времени, прошедшего после ликвидации банды Берия, оставалось совершенно равнодушным к нашим справедливым и законным претензиям на свое движимое и недвижимое имущество, к нашему бедственному положению и, по существу, продолжает старую дискриминационную политику в отношении греческого населения, являющегося национальным меньшинством в Грузинской ССР.

Лишь вмешательство ЦК КПСС, очевидно, вынудило Грузинское правительство все же заняться греческим вопросом[87], но разрешает оно его не справедливо, не по-ленински, не исходя из позиций интернационализма.

И в самом деле, нам, грекам, местные власти предложили вселиться в новые дома, строившиеся специально для переселенцев из Грузии.

Конечно, мы с негодованием отвергли это несправедливое предложение, настаивая на вселении нас в наши родные села, в наши родные дома.

После этого местные власти предложили нам, грекам, денежные компенсации, т. е. по существу предложили оставить переселенцам и наши дома, и созданные нами многолетним трудом благоустроенные усадьбы.

Нам говорят, что возвращение грекам их домов будет означать вторичное переселение грузин, т. к. и они очень не хотели переселяться в Абхазию и вынуждены были это сделать под большим давлением бывшего преступного руководства.

Но в этом объяснении можно, как раз, видеть путь к разрешению жизненного важного для нас вопроса.

Если и грузины-переселенцы хотели оставаться на своих родных местах и их переселили насильно, то чего проще сейчас поступить так, как этого желает простой народ, а не правительство Грузии. Ведь отпала же, наверное, необходимость в этнической пертурбации, из-за чего простой народ хлебнул столько горя. Разве не будет ли правильно предоставить возможность грузинам-переселенцам, как многие этого и хотят, вернуться в свои родные места.

Местные власти убеждают нас в том, что покинутые переселенцами дома, якобы, разрушены до основания и что, мол, им некуда деваться.

Но если это было бы действительно так, то для какой надобности многие переселенцы продают дома, в которых они живут, их законным владельцам грекам и выезжают к себе на родину.

Далее, если бы это было так, то почему переселенцы двух сел Одишского сельсовета просили у секретаря ЦК Грузии тов. Мжаванадзе транспортные средства для возвращения к себе на родину. Как видно, требуется мизерная объективность со стороны местных властей, чтобы безболезненно и быстро разрешить жизненно важный для обеих сторон вопрос. Если же отдельные грузины-переселенцы действительно и лишились своих домов, то имеются же специально выстроенные государством для переселенцев прекрасные дома, которые в общей своей массе значительно лучше греческих домов.

Почему бы этим бездомным одиночкам не предложить занять эти незанятые дома и вернуть греческие дома их законным владельцам.

Кроме всего этого нужно учесть то обстоятельство, что грузины-переселенцы

оказались в весьма привилегированных условиях, а именно: они помимо своего дома, сада и имущества получили еще от греков дома, сады, урожай, скот, по 10–15 тысяч рублей и по две тонны зерна в виде помощи от государства. Кроме всего этого они на протяжении семи лет получали доходы от реализации фруктов своих и греческих садов.

Спрашивается, что же получили греки в результате выселения? Они покрыли степи Казахстана костями погибших молодых и престарелых, разорение, нищету и горе, растерявшись от неожиданного варварского выселения, оставили на родине даже свою личную одежду грузинам-переселенцам.

Несмотря на все это, местные власти добиваются осуществления своего несправедливого решения, рассчитывая на то, что греческое население, доведенное до отчаяния, рано или поздно вынуждено будет согласиться на получение компенсации за свое имущество и навсегда лишится своих законных имущественных прав.

Преследуя такую цель, местные власти необъективно и тенденциозно информируют ЦК КПСС о, якобы, массовом согласии греков получить компенсацию за свое движимое и недвижимое имущество.

Но это не так. До сего времени компенсацию за свое имущество получили лишь те греки, которые благодаря иронии судьбы, купили свои же собственные дома, из которых под угрозой применения воинской силы их выселили, или же дома, которые переселенцами были разрушены, или же те, которые не имеют благоустроенных домов и садов и решили порвать с сельским хозяйством.

Вполне понятно, что компенсацию получают и городские жители за свою мебель и имущество.

Вот кто числится в сводках местных властей в ЦК КПСС о ходе компании по оценке имущества многострадального греческого населения.

Доводя об этом до сведения членов Советского Правительства и руководителей КПСС, мы, исстрадавшиеся греки, во имя торжества ленинской национальной политики, во имя наших обездоленных детей просим Вас личным вмешательством удовлетворить наши законные, конституционные права на наше имущество и наши родные дома, созданные нашим личным трудом, а также многолетним трудом наших предков.

Для практического осуществления этого мы, греки, просим Вас направить в Абхазию ответственного представителя ЦК КПСС, без участия которого мы не надеемся на справедливое разрешение жизненно важного для нас вопроса.

На встрече с депутатами парламента Индии тов. Хрущев сказал, что «сколько бы лет не прошло, ворованное останется ворованным, и оно должно быть возвращено тому, кому принадлежит по праву. Чужое добро следует вернуть, да еще с процентами. Если. Если, конечно, есть совесть»[88].

Эти прекрасные, благородные слова вселяют в нас, беззащитных греков, уверенность в том, что в конце концов справедливость восторжествует и мы получим все то, на что имеем законное неотъемлемое право.

От имени и по поручению 530 семейств греческой национальности:

Франкопуло, Шаблохова, Пеков, Чилингериди, Элинопуло,
Ксимитов, Тепетов, Мистакиди, Феодориди,
Мустопуло, Мистакопуло, Шапланиди[89]

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4288. Л. 35–38. Копия. Машинопись.

№ 60

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ В. Н. БАРКОВА*

23 декабря 1955 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобами бывшего заведующего протокольным отделом Наркоминдела СССР Баркова В. К. Прокуратурой СССР проверено его судебное дело.

Проверкой установлено:

Барков Владимир Николаевич 1890 года рождения, русский, бывший член КПСС с 1906 года, был арестован НКВД СССР 27 июня 1941 года и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР 26 сентября 1942 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 15 лет по обвинению в шпионаже.

1 августа 1955 года постановлением Центральной Комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, мера наказания Баркову снижена до фактически отбытого им срока и он из-под стражи освобожден.

Барков признан виновным в том, что в 1935 году установил связь с участником право-троцкистского центра Крестинским, от которого на протяжении 1935–1937 годов получал и передавал бывшему германскому послу в Москве Шуленбургу шпионские материалы, а с 1937 года по 1941 год был лично связан по шпионской работе с Шуленбургом, сообщая ему сведения, касающиеся дипломатического корпуса, работников Наркоминдела и другие.

Барков признан виновным также в том, что он в 1920–1921 годах, поддерживая троцкистов, трижды голосовал за троцкистскую резолюцию по вопросу о задачах профсоюзов.

Как установлено проведенной в настоящее время дополнительной проверкой, Барков был арестован по непроверенным и необъективным материалам.

Так, в постановлении на арест указано, что Барков изобличается, как агент германской разведки, показаниями бывшего наркома внешней торговли СССР Чвялева Е. Д., который на допросе 27 июня 1939 года заявил о том, что ему со слов бывшего наркома здравоохранения Каминского Г. Н. было известно о связях Баркова с агентами германской разведки.

Однако, еще задолго до ареста Баркова органам НКВД было известно, что Каминский на очной ставке с Чвялевым, а затем в специальном заявлении на имя следователя категорически отрицал показания Чвялева и заявил, что с Барковым он не только шпионской, но и вообще какой-либо связи не поддерживал, а лишь видел его два – три раза на официальных приемах. Это обстоятельство ни в постановлении на арест, ни в материалах дела отражения не нашло и показания Каминского к делу Баркова приобщены не были.

Арест Баркова мотивировался также тем, что он в 1920–1921 годах, во время партийной дискуссии о задачах профсоюзов, голосовал за троцкистскую резолюцию, хотя органам НКВД было известно, что сам Барков этого обстоятельства не скрывал, писал об этом в анкетах и автобиографии и эти его колебания не были даже предметом разбирательства в партийных органах.

После ареста Барков на протяжении почти двух с половиной месяцев категорически отрицал проведение какой-либо преступной работы и виновным себя не признавал.

В сентябре 1941 года Барков подал заявление следователю и написал собственноручные показания о том, что он, работая в Наркоминделе, по поручению бывшего заместителя наркома Крестинского, якобы, передавал бывшему германскому послу Шуленбургу пакеты с какой-то перепиской, содержание которой ему неизвестно. Барков также показал, что после ареста Крестинского он по долгу службы неоднократно встречался с Шуленбургом, который якобы ставил перед ним ряд вопросов, как-то: о составах делегаций, прибывавших в СССР, о характеристике отдельных сотрудников Наркоминдела и т. п., на что он давал надлежащие ответы.

Впоследствии на допросах и в своих заявлениях Барков неоднократно отказывался от этих показаний, как от вымышленных.

Каких-либо объективных доказательств, подтверждающих вину Баркова в шпионаже, следствием добыто не было.

Крестинский, который якобы завербовал Баркова для шпионской работы в пользу немцев, никаких показаний о нем не дал.

Несмотря на то, что никаких доказательств, кроме показаний Баркова, от которых он отказался, в деле не было, Барков все же был осужден.

С 1942 года по настоящее время Барков в многочисленных жалобах, адресованных в партийные и советские органы, утверждает, что он невиновен, а на предварительном следствии вынужден был дать вымышленные показания в результате тяжкого тюремного режима и неоднократного применения к нему мер физического воздействия.

Проверкой установлено, что Барков до 23 сентября 1941 года содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы НКВД, а затем был переведен в Сухановскую тюрьму, в которой был, как известно, особо тяжелый режим.

Из материалов проверки усматривается, что Барков подвергался мерам физического воздействия.

С 1919 года Барков работал в Сокольническом райкоме партии, Московском комитете партии, в редакции газеты «Правда», ответственным редактором газеты «Московский рабочий», «Вечерняя Москва», «ТАСС», а с 1930 года до момента ареста работал на различных ответственных должностях в Наркоминделе СССР.

Барков в конце 1920 года и начале 1921 года имел колебания по вопросу о задачах профсоюзов и по этому вопросу стоял на троцкистских позициях.

Таким образом, в настоящее время установлено, что Барков был арестован, а затем и осужден необоснованно.

Прокуратура СССР считает возможным пересмотреть дело Баркова В. Н. на предмет отмены решения Особого Совещания от 26 сентября 1942 года и прекращения этого дела за недоказанностью состава преступления.

Прошу Вашего согласия[90].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

* На первом листе записки имеется помета «Разослать членам Президиума ЦК КПСС на голосование. В. Малин. 28/XII.55». – Сост.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 441. Л. 172–176. Подлинник. Машинопись.

№ 61

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Я. Э. РУДЗУТАКА*

24 декабря 1955 г.

ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело по обвинению бывшего заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Рудзутака Я. Э.

Рудзутак Ян Эрнестович, член КПСС с 1905 года, был арестован органами НКВД 25 мая 1937 года и 28 июля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден к расстрелу.

Рудзутаку вменено в вину, что он в 1926 году создал центр антисоветской националистической организации латышей, которая занималась вредительством, шпионажем и готовила вооруженное восстание против Советской власти. В том же году Рудзутак якобы установил связи с буржуазным латвийским правительством, в целях организации нападения на Советский Союз. Кроме того, Рудзутак обвинялся в том, что он имел личные связи с агентами иностранной разведки и систематически снабжал их шпионскими сведениями.

Далее в приговоре указывается, что Рудзутак в своей антисоветской деятельности был связан с центром правых в лице Томского, Рыкова и Бухарина и в 1936 году как представитель центра право-троцкистского блока вел переговоры с быв. премьер-министром Франции Лавалем о совместной борьбе против Советской власти.

Рудзутаку также вменялось в вину, что он создал группу для совершения террористических актов в отношении руководителей Советского государства, а также в отношении Ежова.

На предварительном следствии, как видно из протоколов допроса, Рудзутак признавал себя виновным в антисоветской деятельности, однако, показания его об этом явно противоречивы, неконкретны и неубедительны.

В показаниях Рудзутака на предварительном следствии указано, что по антисоветской деятельности он был связан с Бухариным, Рыковым, Крестинским, Розенгольцем, Лобовым, Эйхе, Кодацким, Позерном, Струппе, Чубарем, Кнориным, Бейка, Сална, Круминым, Марьясиным, Межлаук, Антиповым, Енукидзе, Гамарником и другими (всего свыше 60 человек).

В судебном заседании Военной Коллегии Рудзутак виновным себя не признал и от своих показаний, данных на предварительном следствии, отказался, как от вымышленных.

В протоколе судебного заседания о показаниях Рудзутака имеется следующая запись:

«... Подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он заявил, что его единственная просьба к суду – это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще невыкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем неповинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем неповинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это описать для ЦК ВКП(б).

* На первом листе записки имеется штамп «т. Булганину Н. А.» и резолюция: «За – Н. Булганин». – Сост.

Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Еще раз просит суд предоставить ему возможность подробнейшим образом изложить все то, что ему известно о методах следствия НКВД, в Центральный Комитет партии...».

Эти показания Рудзутака о незаконных методах следствия проверены не были и дело в суде слушалось всего 20 минут.

Допрошенный в настоящее время бывший работник НКВД СССР Петров, принимавший участие в расследовании дела Рудзутака, подтвердил, что в процессе следствия по делу допускались нарушения закона. В частности, он показал, что первоначально Рудзутак антисоветскую деятельность отрицал и виновным себя не признавал, однако эти показания не записывались и протоколы допроса не составлялись. Далее Петров заявил, что протоколы допроса писались им не со слов Рудзутака, а под диктовку быв. сотрудника НКВД Ярцева (впоследствии осужденного к расстрелу).

Проверкой дел по обвинению Енукидзе, Кодацкого, Позерна, Струппе, Эйдемана, Лобова и Комарова установлено, что эти лица никаких показаний об антисоветской деятельности Рудзутака не давали.

Арестованные Магалиф, Эйхе, Крумин, Бейка, Сална и Грикман на предварительном следствии давали показания о том, что Рудзутак занимался антисоветской деятельностью, однако в суде от этих показаний они отказались.

Показания арестованных Алксниса, Германа и других советских и партийных работников, по национальности латышей, не могут служить доказательством вины Рудзутака, так как проверкой установлено, что следствие по их делам, по преступному указанию быв. руководства НКВД, проводилось с грубейшими нарушениями закона.

Как теперь установлено, Чубарь, Кнорин, Гамарник и Бауман преступлений не совершали, следовательно они не могли иметь антисоветских связей с Рудзутаком[91].

В показаниях Бухарина и Рыкова не имеется конкретных фактов, подтверждающих антисоветскую деятельность Рудзутака.

Бухарин и Рыков на предварительном следствии показывали, что якобы Рудзутак по своим убеждениям являлся правым и им сочувствует, но открыто сказать об этом боится.

В судебном заседании ни Бухарин, ни Рыков об антисоветской деятельности Рудзутака не показывали.

Показания Крестинского, Розенгольца, Гринько, Постникова, Антипова, Жукова и других о том, что они были связаны с Рудзутаком по антисоветской деятельности, по своему содержанию весьма противоречивы и неконкретны и поэтому не могут быть признаны доказательством виновности Рудзутака.

По сообщению Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР компрометирующих материалов в отношении Рудзутака, кроме следственного дела, не имеется. Такие же данные получены из Особого государственного архива МВД СССР и Центрального архива Октябрьской революции и социалистического строительства.

Таким образом, проверкой установлено, что Рудзутак был арестован и осужден необоснованно.

Прокуратура СССР считает возможным внести в Верховный Суд СССР протест на предмет отмены приговора Военной Коллегии в отношении Рудзутака Я. Э. и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[92].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 359. Л. 116–119. Копия. Машинопись.

РАЗДЕЛ V

ЗА КУЛИСАМИ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ

ДЕКАБРЬ 1955 – ФЕВРАЛЬ 1956

№ 1

РАБОЧАЯ ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ВОПРОСАМ РЕАБИЛИТАЦИИ И СОЗДАНИЯ КОМИССИИ ЦК КПСС ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИН МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ ЦК ВКП(Б), ИЗБРАННЫХ НА XVII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

31 декабря 1955 г.

Заседание 31.XII.55

Вопросы, связанные с реабилитацией[1].

Хрущев[*].

Т. Поспелова, Комарова, Аристова, Шверника. Поручить просмотреть все материалы[2].

О письме т. Шатуновской[3].

Читает письмо т. Булганин.

Ворошилов (не дослушав, крикнул – «ложь»). Высказывается: говорит о факте убийства чекистов (охранявших С. М.[Кирова]).

Молотов – дело было со старшим чекистом, беседовали втроем с Николаевым. Ст[алин] при нас беседовал с Николаевым. Ударов не было.

Хрущев.

Микоян – когда произошло событие, Сталин был возбужден. Чекисты приложили руку к делу[4].

Хрущев – если проследить, пахнет нехорошим. Т[оварищам] вызвать врача, шофера и Куприянова. Шофера проверить.

Т. Молотов – это ничего не даст, по документам пров[ерить].

Т. Каганович – Серго говорил: «Вы виноваты в убийстве С. М.». Реденс тоже обвинял чекистов.

Первухин, Сабуров, Кириченко, Маленков.

В делах Ягоды посмотреть, Ежова.

Следственное дело Медведя.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 33–34. Автограф. Карандаш.

[*] Здесь и далее по тексту документа фамилии выступавших выделены составителями. – Сост.

№ 2

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ А. И. УГАРОВА И С. М. СОБОЛЕВА[*]

3 января 1956 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобами родственников, Прокуратурой СССР произведена проверка правильности осуждения бывшего первого секретаря МК и МГК КПСС Угарова Александра Ивановича и бывшего первого секретаря Дальневосточного крайкома КПСС Соболева Сергея Михайловича.

Угаров А. И. и Соболев С. М. 25 апреля 1939 года были осуждены к расстрелу Военной Коллегией Верховного Суда СССР за то, что они: 1) входили в состав руководства антисоветской террористической организации правых в Ленинграде; 2) имели непосредственную связь с врагами народа Бухариным и Томским и по их заданию создали резервную террористическую группу для совершения злодейского убийства С. М. Кирова, а позднее создали две террористические группы для убийства А. А. Жданова; 3) проводили вредительство в промышленности и партийно-политической работе. Кроме этого, Угаров судом был признан виновным в принадлежности к английской разведке.

Проверкой установлено, что Угаров и Соболев были арестованы и осуждены необоснованно, а уголовное дело по обвинению их сфальсифицировано врагами народа Берия, Кобуловым, Шварцманом и другими.

По указанию врагов народа Берия и Кобулова к арестованным, которые ранее работали вместе с Угаровым и Соболевым, применялись избиения и пытки, чтобы получить ложные показания в отношении Угарова и Соболева. Так, Касимов Юсуф Ибад оглы, быв. второй секретарь Иркутского крайкома КПСС, показал, что в результате применявшихся к нему избиений он вынужден был оклеветать Угарова и Соболева. Касимов показал:

«В конце концов я вынужден был пойти на клевету честного человека и дал ложные, совершенно вымышленные показания от начала до конца. Я извращал все установки Угарова на совещаниях и личных беседах, давая им антисоветскую окраску, чтобы создать хотя бы какую-либо видимость правдоподобности показаний.

Кроме того, я им дал показания, что Соболев С. М. является якобы также участником антисоветской организации правых в Ленинграде...

Очная ставка с Угаровым была при следующих обстоятельствах... Придя в кабинет, я увидел там Берия, Кобулова и сидящего перед Берия Угарова. Берия задал мне единственный вопрос: „Ты подтверждаешь это? “, – при этом Берия указал рукой на лежащий перед ним лист бумаги. Я опустил голову и тихим голосом сказал: „Да“. Я понял, что речь, очевидно, идет о так называемых моих показаниях на Угарова. Когда я сказал „да“, Угаров ответил: „Никаких антипартийных разговоров у меня с Касимовым не было и не могло быть“, – при этом Угаров добавил: „Категорически отрицаю утверждение Касимова“, – и меня тут же из кабинета вывели. Когда я шел по кабинету к выходу, то хорошо слышал, что Берия говорил Угарову: „Признайся в своих заго-

[*] На первом листе записки имеются штамп «Т. Булганину Н. А.» и резолюция: «За – Н. Булганин». – Сост.

ворщических связях“. Угаров это категорически отрицал, заявляя, что это провокация...».

Бывший зам. нач. следственной части НКВД СССР Шварцман, осужденный за злостную фальсификацию следственных дел к расстрелу, который принимал непосредственное участие в расследовании дела по обвинению Угарова и Соболева, показал, что в результате применения избиений к арестованному Смородину от него были получены ложные показания об участии Смородина и Угарова в подготовке террористического акта над А. А. Ждановым. Ложные показания о принадлежности Угарова к контрреволюционной организации вымогались также от арестованного Петровского А. Н.

В настоящее время уголовные дела по обвинению Касимова, Петровского и Смородина прекращены за отсутствием в действиях этих лиц состава преступления.

Кроме того, проверкой установлено, что показания Харламова, Шабанова, Белицкого, Позерна, Пискарева, Маяка, Рафаила, Сефа, Шульмана, Богданова, Пальцева и Абрамова, на основании которых суд признал виновными Угарова и Соболева в причастности к антисоветской организации правых в Ленинграде и принадлежности Угарова к английской разведке, не соответствуют действительности. Все эти лица в судебных заседаниях от своих показаний отказались и заявили, что давали их на предварительном следствии вынуждено, в результате применения избиений и пыток. Так, Абрамов, который якобы завербовал Угарова в английскую разведку, в своем заявлении в Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР сообщил об обстоятельствах, при которых он дал ложные показания:

«... До очной ставки я находился в карцере и подвергался ежедневным ночным допросам и избиениям следователями Арсеновичем, Шварцманом, Влодзимирским и их специальными помощниками по части пыток и избиений, привезенными Берия из Закавказья.

24–25/XI 1938 года при участии Берия была проведена очная ставка с моим клеветником Угаровым, который заявил, что в мае-июне 1938 года Абрамов предложил мне взорвать московское метро. В ответ на мое заявление, что это ложь и фантастика,... Берия ударил меня по лицу... После этого мне было предоставлено 30 минут на размышление в соседней комнате, рядом с кабинетом, откуда неслись крики и стоны избиваемых. Через час вызванный в кабинет я был встречен словами Кобулова: „Что, бить начнем?“»

Дело по обвинению Абрамова С. И. определением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 26 февраля 1955 года прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Органы Комитета государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР компрометирующими материалами на Угарова и Соболева, кроме материалов следственного дела, не располагают.

На основании изложенного считаю необходимым войти с предложением о прекращении дела по обвинению Угарова и Соболева за отсутствием в их действиях состава преступления.

Прошу Ваших указаний[5].

Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 363. Л. 120–123. Копия. Машинопись.

№ 3

ЗАПИСКА В. С. ЖАБИНА А. И. МИКОЯНУ О РЕАБИЛИТАЦИИ А. С. СВАНИДЗЕ*

6 января 1956 г.

Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР товарищу Микояну А. И.

Сообщаю, что бывший заместитель председателя правления Госбанка СССР Сванидзе Александр Семенович осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 4 декабря 1940 г. по ст[атьям] 58-1 «а», 58-7, 19-58-8, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества.

По приговору Военной Коллегии он был признан виновным в том, что в 1922 году являлся активным участником национал-уклонистской группировки в Грузии, в 1929 году примкнул к антисоветской организации правых, установив организационную связь с активными участниками этой организации Енукидзе, Лежавой и др., а в 1932 году установил антисоветскую связь с Сокольниковым, дав ему согласие на участие в антисоветской деятельности. Кроме того, Сванидзе признан виновным во вредительской деятельности, которую он проводил в области финансов, а также в том, что участвовал в финансировании троцкистской организации в Испании и занимался шпионской деятельностью в пользу германских разведывательных органов.

В материалах дела имелось указание на то, что Сванидзе был осведомлен о подготовке убийства Берия.

23 января 1941 года по протесту заместителя председателя Верховного Суда СССР Ульриха Пленум Верховного Суда СССР высшую меру наказания – расстрел заменил лишением свободы сроком на пятнадцать лет.

20 августа 1941 года Пленум Верховного Суда СССР по протесту того же Ульриха отменил свое постановление от 23 января 1941 года в отношении Сванидзе, оставив в силе приговор Военной Коллегии от 4 декабря 1940 года.

В день вынесения Пленумом Верховного Суда нового постановления – 20 августа 1941 года Сванидзе по распоряжению Берия был расстрелян.

Произведенной Главной военной прокуратурой проверкой установлено, что Сванидзе А. С. был осужден необоснованно. Ввиду этого 22 декабря 1955 г. дело по обвинению Сванидзе А. С. вместе с материалами проверки Генеральным прокурором СССР направлено в Пленум Верховного Суда СССР с предложением об отмене всех ранее вынесенных решений и прекращении его дела за отсутствием состава преступления.

При проверке дела по обвинению жены Сванидзе – Сванидзе Марии Анисимовны установлено, что она была осуждена 23 декабря 1939 года постановлением Особого Совещания при НКВД СССР к восьми годам лишения свободы за то, что скрывала антисоветскую деятельность своего мужа, вела антисоветские разговоры, осуждала карательную политику Советской власти и высказывала террористические намерения против одного из руководителей коммунистической партии и Советского правительства.

3 марта 1942 года по тем же материалам Особое Совещание при НКВД СССР вынесло постановление о расстреле Сванидзе М. А., которое приведено в исполнение.

Проверкой установлено, что Сванидзе М. А. осуждена также необоснованно.

* На первом листе записки воспроизведена копия следующей резолюции: «Тов. Хрущеву. Заслуживает внимания. А. Микоян. 17.I». – Сост.

19 ноября 1955 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР по протесту прокуратуры СССР ранее вынесенные по ее делу решения отменены, а дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Дело по обвинению сына Сванидзе – Сванидзе Джонрида Александровича, который по постановлению Особого Совещания при МГБ СССР от 4 августа 1948 года был осужден к ссылке сроком на 5 лет (до этого, с 1945 г. был под следствием и по постановлению Особого Совещания находился на принудительном лечении в тюремной больнице, как психически больной), Военной Коллегией Верховного Суда СССР по протесту прокуратуры СССР 21 сентября 1955 года прекращено.

При проверке дела Сванидзе А. С. установлено, что его сестра Сванидзе Мария Семеновна в 1937 году также необоснованно была осуждена Военной Коллегией Верховного Суда СССР к десяти годам лишения свободы, а 3 марта 1942 года по решению Особого Совещания была расстреляна одновременно с женой Сванидзе.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 26 ноября 1955 г. по протесту прокуратуры СССР дело в отношении ее прекратила за отсутствием состава преступления[6].

Врио Главного военного прокурора, генерал-майор юстиции
В. Жабин

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 378. Л. 143–145. Копия. Машинопись.

№ 4

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Я. И. АЛКСНИСА*

14 января 1956 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобой гр[аждан]ки Алкснис-Меднис К. К. Прокуратурой ССР проверено дело по обвинению ее мужа – командарма 2 ранга Алксниса Якова Ивановича.

Алкснис Я. И., 1896 года рождения, из крестьян, бывший член КПСС с 1916 года, до ареста – заместитель народного комиссара обороны СССР, арестован органами НКВД СССР 23 ноября 1937 г. и осужден 28 июля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу за принадлежность к антисоветской латышской националистической организации, шпионаж и вредительскую деятельность, проводившуюся в блоке с участниками военно-фашистского заговора и направленную на ослабление мощи Советской армии.

На предварительном следствии Алкснис виновным себя признал и показал, что в антисоветскую латышскую националистическую организацию был вовлечен Эйдеманом Р. П. в 1935 году. С 1936 г. являлся членом центра этой организации. В том же году был завербован начальником латвийского генерального штаба Гартманисом М. Ю. для шпионской деятельности в пользу буржуазной Латвии. Находился в антисоветских связях с Рудзутаком Я. Э., Берзиным Я. К., Ингаунисом Ф. А., Циэмгалом А. Я., Мезисом А. И. и Бокисом Г. Г.; лично вовлек в антисоветскую организацию Ротауш Р. К., Аузана А. К., Жарова Ф. И. и Закса Я. Э.

В судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР, которое с вынесением и оглашением приговора длилось 20 минут, Алкснис, как записано в протоколе, виновным себя признал и показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил.

Кроме того, обвинение Алксниса было основано на показаниях Аппога Э. Ф., Бордовского С. В. и Аузана А. К.

Проверкой установлено, что Алкснис осужден необоснованно, по сфальсифицированным материалам дела, и что на следствии он признавал себя виновным в результате применения к нему мер физического воздействия.

Осмотром архивно-следственного дела по обвинению Аппога установлено, что он об антисоветской деятельности Алксниса показаний не давал, а лишь показал, что во время приема в СССР латвийской делегации Алкснис пользовался наибольшим вниманием со стороны членов этой делегации.

Бордовский показал, что о принадлежности Алксниса к антисоветской организации ему было известно со слов Халепского. Однако в показаниях Халепского Алкснис не упоминается.

Показания Аузана и Закса противоречивы и не находят подтверждения в материалах проверки. Так Аузан и Закс показали, что они, будучи вовлечены Алкснисом в антисоветскую организацию, по его заданию, совместно с Туполевым, Надашкевичем и другими авиаспециалистами занимались вредительской деятельностью в области опытного самолетостроения.

Между тем проверкой установлено, что дела на Туполева, Надашкевича и других авиаспециалистов были сфальсифицированы Берия и его сообщниками и в настоящее время прекращены, а авиаспециалисты реабилитированы[7].

По заключению командования ВВС Советской Армии, ряд действий Алксниса, которые он на следствии квалифицировал как вредительские, в действительности таковыми не являются.

Изучением архивно-следственных дел в отношении Гартманиса, Жарова и Ротауша установлено, что они показания Алксниса категорически отрицали и себя виновными не признали.

По показаниям Эйдемана и Бокиса, Алкснис не проходит и, кроме того, известно, что Алкснис входил в состав специального судебного присутствия Военной Коллегии Верховного Суда СССР, рассматривавшего дело по обвинению Эйдемана и других руководящих участников военного заговора.

Рудзутак, Ингаунис, Циэмгал и Мезис на предварительном следствии давали показания о принадлежности Алксниса к антисоветской организации, однако в суде от этих показаний отказались и виновными себя не признали. Рудзутак Я. Э. в настоящее время реабилитирован[8].

Показания Берзина о том, что Алкснис имел преступную связь с Рудзутаком и Эйдеманом, опровергнуты материалами проверки.

Органы госбезопасности СССР данными о шпионской и иной преступной деятельности Алксниса, кроме материалов, имеющихся в его деле, не располагают.

За хорошую работу на ответственных постах в Советской Армии Алкснис был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Учитывая изложенное, Прокуратура СССР считает возможным внести протест в Верховный Суд СССР на предмет прекращения дела Алксниса и его посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия[9].

Генеральный прокурор СССР Р. Руденко

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 371. Л. 39–41. Копия. Машинопись.

* На первом листе записки имеются штамп «Т. Ворошилову К. Е.» и резолюция: «За – К. Ворошилов». – Сост.

№ 5

ЗАЯВЛЕНИЕ А. В. СНЕГОВА Н. С. ХРУЩЕВУ О РОЛИ Л. П. БЕРИЯ В «ДЕЛЕ» Л. И. КАРТВЕЛИШВИЛИ*

*20 января 1956 г.***

Секретарю ЦК тов. Хрущеву Н. С.

В связи с постановкой вопроса о реабилитации бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева мною даны представителю КГБ подробные показания о роли Берия в расправе с Картвелишвили и преступных мотивах, которыми Берия руководствовался.

Считаю необходимым восстановить важный факт в этом вопросе и сообщить о нем в ЦК, поскольку я считал неудобным помещать его в следственных документах.

30. X.1931 г. на заседании оргбюро ЦК ВКП состоялся доклад секретаря Заккрайкома Картвелишвили. Присутствовали все члены бюро крайкома, из которых я один – живой. На этом заседании И. В. Сталин в конце своего выступления внес предложение сформировать секретариат Заккрайкома в составе: 1-м секретарем Картвелишвили, 2-м – Берия (это впервые в истории партии фамилия Берия была названа как кандидата на партийный пост); тут же Картвелишвили репликой заявил, что знает хорошо Берия и поэтому категорически отказывается с ним работать. Тогда И. В. Сталин предложил вопрос оставить открытым и решить его в рабочем порядке. Через 2 дня было решено о выдвижении Берия на партийную работу и об уходе Картвелишвили с Закавказья.

Подтвердить это могут тт. Микоян А. И. и Каганович Л. М., присутствовавшие на этом заседании.

Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов. Серго в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать «дело» против Картвелишвили.

Характерно, что Картвелишвили по этому «делу» обвиняется в террористическом акте против Берия[10].

Однако через два года после разоблачения Берия старый большевик с 1910 г., быв. член ЦК, многолетний соратник т. Серго, о котором И. В. Сталин заявил на совещании по закавказским делам, что «Картвелишвили – находка для Закавказья», Картвелишвили до сих пор не реабилитирован.

А. Снегов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 442. Л. 57–58. Подлинник. Машинопись.

* На заявлении имеется резолюция: «Чл[енам] През[идиума] и секр[етарям] ЦК. Прошу ознакомиться. Н. Хрущев. 20/I-56 г.». – Сост.

** Дата вписана рукой А. В. Снегова поверх отпечатанной на машинке даты: «июня 1955 г.». – Сост.

№ 6

МАТЕРИАЛЫ О РЕПРЕССИЯХ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ, НАПРАВЛЕННЫЕ М. С. СОЛОМЕНЦЕВЫМ А. Б. АРИСТОВУ

22 января 1956 г.

Лично секретарю ЦК КПСС товарищу Аристову А. Б.

Согласно Вашего указания направляются сведения о делегатах Челябинской партийной организации на XVII съезд КПСС[11] и справка о репрессиях в 1937–38 годах на территории Челябинской области.

Приложение на 15 листах.

Секретарь Челябинского обкома КПСС М. Соломенцев

Справка

По материалам, хранящимся в учетно-архивном отделе УКГБ при СМ СССР по Челябинской области, устанавливается, что бывшее УНКВД по Челябинской области и его периферийные органы производили массовые аресты советских граждан.

Законченные следствием дела на арестованных направляли на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, военному трибуналу, спецколлегии областного суда, Особому совещанию при НКВД СССР, тройке УНКВД Челябинской области и на решение наркома внутренних дел и прокурора СССР.

За два года (1937–1938 гг.) УНКВД по Челябинской области было арестовано 25 368* человек, из них приговорено 14 379 человек к ВМН, остальные к различным срокам лишения свободы.

Тройкой УНКВД рассмотрено следственных дел на 16 786 человек, по которым приговорено 8656 ч[еловек] к ВМН.

Решением наркома внутренних дел СССР и [Генерального] прокурора СССР рассмотрено следственных дел на 4706 человек, из них 4468 человек приговорены к ВМН.

В 1954 году и особенно в 1955 году в Управление Комитета непосредственно и через органы прокуратуры поступило значительное количество жалоб от ранее осужденных граждан и их родственников на необоснованное осуждение подвергавшихся репрессиям, с ходатайством о пересмотре их дел.

В 1955 году Управлением Комитета госбезопасности по жалобам пересмотрено 116 архивно-следственных дел на 943 человека.

В результате тщательной проверки следственных материалов путем допросов свидетелей, проведения научно-технических экспертиз и других следственных мероприятий установлено, что из 943 человек, осужденных в 1937–1938 годах, реабилитированы или подлежат реабилитации судебными органами 941 и только 2 человека признаны виновными в ранее предъявленных им обвинениях.

Также проверкой установлено, что в 1937–1938 годах бывшим руководством Управления НКВД по Челябинской области, а также периферийными органами, под видом борьбы с контрреволюцией и очистки области от антисоветских элементов, проводилось большое количество незаконных и необоснованных арестов советских граждан, в том числе относившихся к советскому и партийному активу.

Сам процесс следствия проводился с грубым нарушением социалистической законности.

* Здесь и далее подчеркнутые цифры вписаны в машинописный текст рукой. – Сост.

Обвинения арестованным фальсифицировались путем подлога документов, составлялись фиктивные и вымышленные показания, записи показаний в своем большинстве не соответствовали действительности и подписывались арестованными под физическим воздействием или при помощи провокационной камерной обработки, искусственно создавались дела по обвинению в принадлежности к так называемым контрреволюционным, повстанческим, белогвардейским, эсеровским и различным другим организациям.

К числу таких дел относится дело № 39791 по обвинению Хованова Н. Г., Печенкина И. Г., Прилепского С. И. и других, всего в количестве 321 человека.

Всем арестованным предъявлено обвинение в том, что они являются участниками контрреволюционной, диверсионно-повстанческой организации. В обвинительном заключении указано, что эта контрреволюционная организация была создана по заданию японских разведывательных органов.

27 декабря 1937 года, 2–6 января 1938 года все обвиняемые, проходившие по этому делу, были осуждены тройкой УНКВД по Челябинской области к расстрелу, и приговор в отношении их приведен в исполнение.

Бывший начальник УНКВД Лапшин и его заместитель Луговцев в 1937–1938 гг. при проведении массовых операций по изъятию антисоветского элемента грубо нарушали и извращали социалистическую законность, производили массовые аресты советских граждан по непроверенным материалам, фальсифицировали следственные дела, применяли к арестованным запрещенные методы следствия.

В частности, было установлено, что в декабре 1937 года ими была искусственно создана белогвардейская казачья организация в количестве 321 человек, аресты по этому делу производились по спискам, представленным РО УНКВД.

Материалов, свидетельствующих об антисоветской деятельности этих лиц и существовании на территории Челябинской области указанной выше организации, никаких не имелось.

На основании собранных доказательств о фальсификации этого дела, после проверки его в 1955 году, было вынесено заключение о его прекращении и полной реабилитации всех осужденных.

Дело № 921 на осужденных Чуксина, Понафигина, Макарова, Дементьева, Уткина и других, всего в количестве 136 человек, возбуждено было как на участников эсеровской антисоветской организации в гор. Златоусте.

Почти все осужденные по этому делу являются кадровыми рабочими златоустовских заводов. Некоторая часть из них в 1917–1918 годах непродолжительное время состояла в партии эсеров, а большинство из обвиняемых совершенно не состояло ни в каких партиях.

Установлено, что в УНКВД в период возникновения этого дела никаких оперативных материалов, свидетельствовавших о наличии в гор. Златоусте контрреволюционной эсеровской организации, не было. Обвинения, которые были предъявлены всем арестованным в их антисоветской деятельности, в результате проверки не подтвердились.

На основании собранных доказательств, свидетельствующих о фальсификации дела, вынесено заключение о его прекращении и реабилитации осужденных по нему лиц.

В 1937–1938 годах, после окончания следствия по указанному выше делу, Златоустовским горотделом искусственно было создано другое дело № 39470 на 201 человека по обвинению в контрреволюционной эсеровской организации, именуемой остатком ликвидированной в свое время Златоустовской организации эсеров.

Проверкой установлено, что по данному вопросу следствие проводилось извращенными методами, с нарушением социалистической законности. Факты антисоветской деятельности, в которых обвинялись эти лица, не подтвердились.

Дело с заключением представлено в органы прокуратуры для прекращения и реабилитации осужденных по нему лиц.

На пересмотре в Управлении КГБ находится следственное дело № 831 на арестованных участников так называемой эсеровской контрреволюционной диверсионной террористической организации, действовавшей на территории Челябинской области.

По этому делу в 1937 году в апреле, мае, июне и октябре было арестовано 581 человек. Тройкой УНКВД по Челябинской области 494 из них приговорены к ВМН, а 87 на разные сроки от 8 до 10 лет ИТЛ. Значительная часть осужденных являются рабочими заводов с большим производственным стажем. Хотя проверка по этому делу еще не завершена, однако видно, что указанное дело было сфальсифицировано бывшими работниками УНКВД Челябинской области.

Характерными делами в смысле извращения социалистической законности являются дела на так называемых участников контрреволюционной, шпионской, диверсионной организации «Польской организации войсковой». В частности, в 1937 году по подозрению к указанной организации была арестована группа поляков: Шубарчик, Захорук, Лащевский и другие, в количестве 13 человек.

Проверкой по этому делу установлено, что дело было создано искусственно. Допрошенный в ходе следствия свидетель Войцеховский, бывший начальник 3 отделения 3 отдела УНКВД по Челябинской области, проводивший следствие по делам Шубарчик и других лиц, привлекавшихся к ответственности за принадлежность к «Польской организации войсковой», показал, что дело на Шубарчик и других было сфабриковано бывшим руководством УНКВД при его – Войцеховского – участии.

Войцеховский, в частности, показал, что в августе 1937 года Управлением НКВД по Челябинской области была арестована большая группа лиц иностранцев, в том числе поляков, без наличия достоверных материалов о их контрреволюционной деятельности. В связи с тем, что арестованные полностью отрицали свою принадлежность к контрреволюционной организации и проведение ими вредительской работы, руководящими работниками УНКВД по Челябинской области при его – Войцеховского – участии был сфабрикован протокол допроса Шубарчик от 5 сентября 1938 года.

В этом протоколе сам Шубарчик был изображен, как организатор и руководитель «Польской организации войсковой» в г. Челябинске (хотя, как заявил Войцеховский, по своему образованию и степени развития [он] быть таковым не может), а другие арестованные или намечавшиеся к аресту лица были включены в протокол Шубарчика, как члены этой организации или руководители групп «Польской организации войсковой» на отдельных предприятиях.

При фальсификации протокола допроса Шубарчика Войцеховским в текст протокола были внесены цели и задачи «Польской организации войсковой» из имевшейся в УНКВД ориентировки с учетом обстановки, в которой проживали и работали лица польской национальности в г. Челябинске.

Путем недозволенных методов следствия Шубарчик был вынужден подписать этот так называемый протокол допроса.

Войцеховский также показал, что фактически Шубарчик на следствии в 1937 году не дал показаний о принадлежности к «Польской организации войсковой» и говорил, что даже не знает о существовании такой организации.

Проверкой также установлено, что УНКВД по Челябинской области ко дню ареста Шубарчик, Захорук и других оперативными материалами о принадлежности их к так называемой «Польской организации войсковой» не располагало.

УНКВД не имело также и других материалов о их работе против Советской влас-

ти. Несмотря на это, Шубарчик, Захорук и другие осуждены к ВМН по сфальсифицированным материалам.

Архивно-следственное дело № 911313 по обвинению Лыткина, Юнкерова и других, всего в количестве 12 человек.

Всем привлеченным по делу лицам во время предварительного следствия в 1938–1939 годах Магнитогорским горотделом УНКВД было предъявлено обвинение в том, что они являлись активными участниками контрреволюционной, диверсионной, повстанческой организации «Все на борьбу с большевиками», действовавшей якобы в г. Магнитогорске и подготовлявшей вооруженное восстание для свержения Советской власти.

Расследованием установлено, что так называемая контрреволюционная организация под названием «Все на борьбу с большевиками», куда входили обвиняемые Лыткин, Юнкеров и другие, была создана искусственно бывшими работниками Магнитогорского ГО НКВД Придорогиным, Пушковым, Назаровым и Плюсниным через агентов горотдела УНКВД Семенова, Михайлова и так называемого «дядю Петю», впоследствии оказавшегося Мишиным. Негласные сотрудники горотдела УНКВД при непосредственном руководстве Придорогина, Плюснина организовали контрреволюционную организацию, поставив во главе руководства Лыткина, Юнкерова и Наумова, и впоследствии, путем незаконных методов следствия, окончательно оформили контрреволюционную организацию в составе 33 человек, якобы действовавшую в г. Магнитогорске и в г. Кустанае Казахской ССР, представителями которой являлись в г. Магнитогорске Семенов и Лыткин, а в г. Кустанае «дядя Петя», Михайлов.

В процессе дополнительного расследования также установлено, что сотрудники Магнитогорского горотдела в разработке Лыткина, Юнкерова и других, через своих агентов Семенова, Мишина – «дядю Петю», действовали провокационными методами, искусственно создавали контрреволюционную организацию, в частности, Мишин – «дядя Петя», при поддержке Пушкова и Плюснина требовали от Лыткина вербовать в контрреволюционную организацию новых лиц, от завербованных отбирать подписки.

Составленные сотрудниками воззвания и лозунги передавались Мишину – «дяде Пете», а последний передавал их для ознакомления Лыткину, требовал от него их размножения, что Лыткин впоследствии делал.

По указанию Пушкова и Плюснина Мишин – «дядя Петя» организовал так называемую тройку контрреволюционной организации, назначил Лыткина председателем и передал ему, как руководителю организации, изготовленную горотделом печать с фашистской свастикой и выгравированными на ней буквами «ВНБСБ», что означает «Все на борьбу с большевиками».

13–14 октября 1939 года дело по обвинению Лыткина и других было заслушано выездной сессией Военного трибунала Уральского военного округа в г. Магнитогорске.

Указанным судом обвиняемые были признаны виновными и осуждены, Лыткин – к высшей мере наказания – расстрелу, Юнкеров, Наумов, Ивановский к лишению свободы на 10 лет каждый, остальные к лишению свободы сроком на 8 лет каждый.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотревшая дело, своим определением приговор Военного трибунала Уральского военного округа по делу Лыткина, Юнкерова и других отменила и дело направила на доследование в УНКВД по Челябинской области.

Несмотря на очевидную в то время несостоятельность обвинения Лыткина, Юнкерова и других в части повстанческой организации, бывшее руководство УНКВД по Челябинской области, после проведенного дополнительного расследования, дело вместе с ходатайством перед разоблаченным врагом народа Берия, состоявшем в то время в руководстве наркомата внутренних дел, направило в июле 1940 года в Москву на рассмотрение в Особое совещание.

По письменным указаниям Берия от 16 июля 1940 года, дело по обвинению Лыткина, Юнкерова и других рассмотрено на Особом совещании НКВД СССР, по решению которого 1 февраля 1941 года обвиняемые были осуждены к разным срокам лишения свободы в ИТЛ.

Таким образом, из приведенных выше фактов и законченных проверкой УКГБ по Челябинской области других дел, как например: на 26 человек, осужденных за участие в так называемой «Повстанческо-террористической организации кулаков, повстанцев», действовавшей якобы в г. Челябинске; на 137 человек, осужденных за участие в шпионско-террористической организации, существовавшей якобы в г. Златоусте; на 65 человек, осужденных как участников так называемой «Контрреволюционной троцкистско-террористической, повстанческой организации», существовавшей якобы в г. Магнитогорске и прилегающих к нему районах, – усматривается, что указанных контрреволюционных организаций и формирований на территории Челябинской области в 1937–1938 годах в действительности не существовало.

Привлеченные по этим делам лица, путем фальсификации следственных материалов искусственно объединялись в контрреволюционные повстанческие, шпионские организации и формирования, создавая видимость о наличии в области якобы действующего организованного контрреволюционного подполья.

Начальник УКГБ по Челябинской области,
полковник Шмыгин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 2, 7–14. Подлинник. Машинопись.

№ 7

РАБОЧАЯ ПРОТКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПАРТИЙНЫХ КОМИССИЙ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ЛАГЕРЯХ

30 января 1956 г.

П. 54.

2. Вопрос о числе осужденных и освобожденных
(*Хрущев, Микоян, Ворошилов, Каганович, Молотов*)*.

М[ожет] б[ыть] создать комиссии партийные от ЦК. Разослать по лагерям. Наделить их полномочиями от Президиума Верховного Совета. Рассматривать на местах вопрос и решать вопрос об освобождении.

Т. Ворошилов – высказывает сомнение.

Т. Молотов – выработать меры. Правильно внесено предложение.

Т. Микоян – предложение правильно.

* Здесь и далее по тексту документа фамилии выступавших выделены составителями. – Сост.

Принять предложение. Микояна, Аристова, Кириченко, Руденко, Дудорова. Разработать порядок работы троек.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 50 об. Автограф. Карандаш.

№ 8

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О СОЗДАНИИ ПАРТИЙНЫХ КОМИССИЙ ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ЛАГЕРЯХ

30 января 1956 г.

№ 184. п. LIV – Об осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы (тт. Хрущев, Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян, Булганин, Первухин, Сабуров, Кириченко).

Принять предложение т. Хрущева о создании партийных комиссий от ЦК КПСС и командировании этих комиссий в лагеря, наделив их полномочиями от Президиума Верховного Совета СССР для рассмотрения дел лиц, отбывающих наказание за преступления политического характера и должностные преступления, и решения на месте вопроса об их освобождении[11а].

Поручить тт. Микояну, Аристову, Кириченко, Руденко и Дудорову разработать порядок работы партийных комиссий.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 218. Л. 17–18. Подлинник. Машинопись.

№ 9

РАБОЧАЯ ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ВОЗМОЖНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ НА XX СЪЕЗДЕ ПАРТИИ ВОПРОСА О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА

1 февраля 1956 г.

О деле Родоса.

Руденко, Молотов, Каганович, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Первухин, Сабуров (задает ряд вопросов), *Микоян, Маленков, Поспелов, Суслов, Серов. Т. Хрущев*[*].

Т. Молотов – Как ведет себя сейчас Родос?

Т. Хрущев – Знает Родос о реабилитации людей.

Вопрос т. Хрущева [Родосу]. Расскажите в отношении тт. Постышева, Косиора, как вы их объявляли врагами[12].

Т. Хрущев – Виноваты повыше. Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноват Сталин.

Аристов – Т. Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?

Аристов – Эйхе до последнего времени отказывался, а его все-таки расстреляли.

Т. Хрущев – Ежов, наверное, не виноват, честный человек.

Т. Микоян – Декрет о борьбе против террора был принят 1 декабря 1934 г.

[*] Здесь и далее по тексту документа фамилии выступавших выделены составителями. – Сост.

Т. Поспелов – Лимиты на аресты утверждались.

Т. Серов – [Лимиты на аресты утверждались].

Т. Хрущев – В докладе еще, может быть, добавить.

Первухин, Булганин, Микоян поддерживают.

Серову, Руденко, Комиссии (т. Хрущев) проверить дело Тухачевского, письмо Бенеша (Сталину) в 1936–1937 гг. по поводу группы Тухачевского (Якира).

Т. Молотов – Но Сталина как великого руководителя надо признать.

Микоян – Возражает Молотову: «А ты, т. Молотов, поддерживал».

Т. Каганович: Нельзя в такой обстановке решать вопрос, как т. Шепилов ставит (о плакатах), нельзя так ставить. Надо все взять, по существу[*] взять вопрос. Многое пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе.

Т. Молотов – Нельзя в докладе не сказать, что Сталин великий продолжатель дела Ленина. Стоял и за этим.

Т. Микоян – Возьмите историю – с ума можно сойти.

Т. Сабуров – Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя.

Т. Маленков – Правильно посмотреть на факты. Правильно ставится вопрос. Сказать надо партии.

Т. Первухин: Знали ли мы – знали. Но был террор. Тогда не могли что-либо сделать. Партии обязаны объяснить, сказать, и на съезде сказать, и на пленуме.

Т. Булганин – Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет, линию занять такую, чтобы не быть дураками. Состав ЦК XVII съезда ликвидировал. Не согласен с т. Молотовым, не согласен, что великий продолжатель. Можно и не говорить – «продолжатель», и в докладе можно обойтись без этого. Серго. Не раздувать личность Сталина (в плакатах).

Т. Ворошилов: Партия должна знать правду, но преподнести как жизнью диктуется. Период диктовался обстоятельствами. Но страну вели мы по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Доля Сталина была, была. Мерзости много, правильно говорите, т. Хрущев. Не можем пройти, но надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное, исподволь.

Т. Суслов – За несколько месяцев узнали ужасные вещи. Нельзя оправдать этого ничем. Сталин Двинскому говорил – 10–15 чел[овек] на р[айо]н осталось и хватит. По Сланскому (звонок был) из Москвы. Не славословить. Культ личности еще большой вред наносит.

Т. Молотов – Присоединяюсь к т. Ворошилову. Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела – тоже факт. Вряд ли успеем перед съездом сказать.

Т. Хрущев – Ягода, наверное, чистый человек. Ежов[, наверное, чистый человек]. В основном правильно высказывались. Надо решить в интересах партии. Сталин – преданный делу социализма, но вел варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял.

На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию – отвести Сталину свое место (почистить плакаты, литературу). Взять – Маркса – Ленина.

Т. Хрущев – Усилить обстрел культа личности.

Заканчивается обмен мнениями.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 52–54. Автограф. Карандаш.

[*] Далее зачеркнуто: «больш[е]». – Сост.

№ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУДУ Б. В. РОДОСА

1 февраля 1956 г.

№ 185. п. I – О деле Родоса Б.В. (тт. Хрущев, Руденко, Серов, Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов, Булганин, Маленков, Первухин, Сабуров, Суслов, Аристов, Поспелов).

Родоса Б. В. предать суду, его дело слушать в закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР[13].

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 220. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

№ 11

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПРОВЕРКЕ МАТЕРИАЛОВ ПО «ДЕЛУ» М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО, И. Э. ЯКИРА И ДРУГИХ

1 февраля 1956 г.

№ 185. п. II – О деле Тухачевского, Якира и других (тт. Хрущев, Ворошилов, Булганин, Каганович, Молотов, Руденко, Серов).

Поручить тт. Поспелову, Аристову, Швернику, Комарову, Руденко и Серову изучить материалы по делу Тухачевского и других военных работников и свои предложения представить в ЦК КПСС.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 220. Л. 2. Подлинник. Машинопись.

№ 12

ЗАПИСКА Р. А. РУДЕНКО И И. А. СЕРОВА В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ П. Г. ПОНЕДЕЛИНА И Н. К. КИРИЛЛОВА*

2 февраля 1956 г.

ЦК КПСС

В связи с жалобой гр[аждан]ки Понеделиной Н. М. Прокуратурой СССР и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР проверены дела по обвинению ее мужа, бывшего командующего 12 армией генерал-майора Понеделина Павла Григорьевича и бывшего командира 13 стрелкового корпуса генерал-майора Кириллова Николая Кузьмича.

Понеделин Павел Григорьевич, 1893 года рождения, уроженец Ивановской области, русский, член КПСС с 1918 года, и Кириллов Николай Кузьмич, 1897 года рождения, уроженец гор. Саратова, русский, член КПСС с 1931 года, – арестованы 30-го декабря 1945 года и осуждены 25 августа 1950 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу за измену Родине.

Как указано в приговоре, Понеделин и Кириллов, попав в районе г. Умани с группой войск в окружение противника, не проявили необходимой настойчивости и воли к победе, поддались панике и 7 августа 1941 года, нарушив воинскую присягу, изменили Родине: без сопротивления сдались в плен немцам и на допросах сообщили им сведения о составе армии и корпуса.

Понеделин, кроме того, признан виновным в том, что в период пребывания в плену вел дневник, в котором возводил клевету на одного из руководителей партии и Советского правительства, подвергал антисоветской критике политику советской власти в отношении коллективизации сельского хозяйства и клеветал на боеспособность советских войск. Эти антисоветские убеждения высказывал и военнопленным, находившимся вместе с ним в лагере.

Поводом для привлечения Понеделина и Кириллова к судебной ответственности послужил приказ Ставки Верховного Главного командования Советской Армии № 270 от 16 августа 1941 года, которым Понеделин и Кириллов были объявлены изменниками Родине.

В связи с этим 13 октября 1941 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела в заочном порядке дело по обвинению Понеделина и Кириллова и приговорила их к расстрелу.

После возвращения в 1945 году Понеделина и Кириллова из плена, заочный приговор в отношении их 2 августа 1950 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР был отменен, а дело возвращено к доследованию.

На предварительном следствии и в суде Понеделин и Кириллов виновными себя признали, вместе с тем в суде показали, что ими были приняты все необходимые меры к выводу войск из окружения, с поля боя они не дезертировали; находясь в тяжелой обстановке, не нашли силы воли покончить с собой, будучи в плену, никаких сведений о частях армии они не сообщали, так как немцы эти сведения уже имели.

Понеделин также показал, что антисоветской агитацией среди военнопленных он не занимался, вместе с тем не отрицал, что вел дневник, в котором старался отразить боевые операции армии, а чтобы немцы не отобрали у него эти записки, допустил в них отдельные антисоветские записи.

Обвинение Понеделина и Кириллова основано на показаниях бывшего начальника штаба 12 армии Арушаняна Б. И., бывшего командира 99 стрелковой дивизии Опякина П. П. и бывшего командира 1 полка 99 стрелковой дивизии Жевнера Р. Ф., которые на допросе в 1941–1942 гг. показали, что указания Понеделина и Кириллова от 1 августа 1941 года о переходе войск к обороне, вместо отвода их за реку, а затем о выходе из окружения, они считали неправильными, а после того, как стало известно о сдаче их в плен, распоряжения Понеделина и Кириллова они считали вредительскими.

Показания Арушаняна, Опякина и Жевнера опровергаются показаниями быв. командующего 6 армией генерал-лейтенанта в отставке Музыченко И. Н., быв. начальника штаба 6 армии, ныне заместителя начальника кафедры истории военного искусства Военной Академии гвардии генерал-майора Иванова Н. П., быв. члена Военного Совета 12 армии полковника в отставке Куликова И. П., быв. командующего артиллерией 12 армии, ныне зам. начальника Артиллерийской Академии генерал-лейтенанта Гаврилова Н. В., быв. начальника особого отдела 13 стрелкового корпуса полковника в за-

* На первом листе записки имеются штамп «Т. Ворошилову К. Е.» и резолюция «За – К. Ворошилов». – Сост.

пасе Шишацкого Т. К. и других, которые на допросе в 1955 году показали, что Понеделин и Кириллов принимали все необходимые меры к выводу войск из окружения и их действия они считают правильными.

Арушанян и Опякин, будучи допрошенными в 1955 году, показали, что вывод о предательстве командования армии и корпуса в 1941–42 годах они сделали под впечатлением приказа Ставки Верховного Главного командования и разговоров отдельных лиц о том, что Понеделин и Кириллов якобы добровольно сдались в плен.

Обвинение Понеделина и Кириллова в том, что они якобы сообщили немцам сведения о частях армии, материалами дела не подтверждено.

Обвинение Понеделина в антисоветской агитации основано на показаниях Кириллова Н. К, Будыхо А. Е., Артеменко П. Д., Музыченко И. Н. и Скугарева И. М., данных ими на предварительном следствии, о том, что Понеделин, находясь в тюрьме, клеветнически отзывался о колхозном строе в СССР, утверждал, что колхозники не желают воевать против немцев, будучи недовольны колхозами, и что эти высказывания Понеделин отразил в своем дневнике.

Отсутствие дневника, который, как показали Понеделин и Музыченко, был изъят немцами, не дает возможности оценить его содержание.

На допросе 13. XII.1955 года Музыченко показал, что на одной из страниц дневника он видел запись, в которой возводилась клевета на колхозников.

Изучением архивно-следственных дел на Будыхо и Артеменко установлено, что в суде показаний об антисоветских высказываниях Понеделина они не давали.

Кириллов в суде также не дал никаких показаний об антисоветских действиях Понеделина в период нахождения последнего в плену.

Установлено, что представители немецко-фашистского командования и изменники Родине неоднократно пытались склонить Понеделина и Кириллова к борьбе против СССР, однако, они отвергали их предложения и предательской деятельностью в период нахождения в плену не занимались.

Изучением личных дел на Понеделина и Кириллова установлено, что по службе и по партийной линии они характеризовались положительно.

За активное участие в гражданской войне, а также в войне с белофиннами Понеделин был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Кириллов за отличия по службе был награжден орденом Красного Знамени и медалью «20 лет РККА».

Учитывая изложенное, Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР считают возможным внести протест в Военную Коллегию Верховного Суда СССР на предмет прекращения дел в отношении Понеделина Павла Григорьевича и Кириллова Николая Кузьмича и их посмертной реабилитации.

Просим Вашего согласия[14].

Р. Руденко
И. Серов

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 386. Л. 81–84. Копия. Машинопись.

№ 13

ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС В ЦК КПСС ОБ ОТМЕНЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1948 г. «О НАПРАВЛЕНИИ ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ПО ОТБЫТИИ ИМИ СРОКА НАКАЗАНИЯ В ССЫЛКУ НА ПОСЕЛЕНИЕ В ОТДАЛЕННЫЕ МЕСТНОСТИ СССР»*

6 февраля 1956 г.

ЦК КПСС

Во исполнение постановления Президиума ЦК КПСС от 1 декабря 1955 года[15] нами с участием прокуроров Литовской, Латвийской, Эстонской, Украинской и Белорусской ССР рассмотрен вопрос об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии ими срока наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Названным Указом вводилась дополнительная мера наказания в виде бессрочной ссылки на поселение лицам, отбывающим и отбывшим к моменту его издания лишение свободы за особо опасные государственные преступления.

Статьей первой Указа Министерство внутренних дел СССР обязано всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов и других опасных преступников, а равно лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, по истечении срока наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов МГБ.

Статьей второй Министерство государственной безопасности обязано направить в ссылку на поселение преступников перечисленных в статье первой, освобожденных по отбытию наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны. Направление в ссылку этих лиц предписывалось производить по решениям Особого Совещания при МГБ СССР.

Во исполнение этого Указа из числа лиц, отбывших наказание к моменту его издания, по решениям Особого Совещания было направлено в ссылку 25 тыс. человек.

Все эти лица в 1954 году, в соответствии с указанием ЦК КПСС, из ссылки освобождены. Статья вторая Указа от 21/II 1948 года в настоящее время не применяется[16].

В то же время согласно статье первой Указа лица, отбывшие наказание за такие же преступления, как и освобожденные, до последнего времени по нарядам МВД СССР направляются в бессрочную ссылку на поселение.

В настоящее время в местах поселений находится 58 839 чел., в том числе: 13 150 чел. направлены в ссылку за высказывание террористических и диверсионных намерений и за принадлежность к агентуре иностранных разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов; 14 823 чел. сосланы как участники разных антисоветских организаций и групп или как лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям; 30 866 чел. сосланы за националистическую деятельность в Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и в западных областях Украины и Белорус-

* На первом листе записки имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. В. Малин. 7.II.56». – Сост.

сии, семьи преобладающего большинства националистов на основании специальных постановлений Правительства находятся на спецпоселении.

Все лица, которые в силу Указа от 21 февраля 1948 года в настоящее время находятся в ссылке на поселении, отбыли в лагерях и тюрьмах длительные сроки наказания и многие из них, после освобождения из мест заключения, в течение 4–7 лет находятся в ссылке, тогда как по действующему закону (ст[атьи] 35, 36 Уголовного кодекса РСФСР) ссылка, как дополнительная мера наказания, может быть определена судом на срок не свыше 5 лет.

Сохранение бессрочной ссылки на поселение и к тому же во внесудебном порядке, который в настоящее время отменен, считаем нецелесообразным.

Вносим предложения:

1. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии ими срока наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Установить, что впредь направление в ссылку может иметь место только по приговорам судов.

2. Украинских, литовских, латвийских, эстонских, белорусских и других националистов, семьи которых по специальным постановлениям Правительства находятся на спецпоселении, направить в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года к семьям под надзор органов МВД.

3. Всех остальных лиц, находящихся в ссылке на поселении, от дальнейшего нахождения в ссылке освободить. К ним в соответствии с Положением о паспортах применяются паспортные ограничения.

Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются[17].

Р. Руденко
И. Серов
Н. Дудоров
К. Горшенин
В. Золотухин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 182. Л. 12–14. Подлинник. Машинопись.

№ 14

ЗАПИСКА П. Т. КОМАРОВА В ЦК КПСС ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СМЕРТИ А. Г. ХАНДЖЯНА*

8 февраля 1956 г.

В Центральный Комитет КПСС

Решением Президиума ЦК от 17 января 1956 г. т. Ханджян А. Г., бывший секретарь ЦК Компартии Армении и член Центральной Ревизионной комиссии ВКП(б), реабилитирован (посмертно)[18].

Главной военной прокуратурой в 1955 г. производилась проверка заявления матери Ханджяна – Ханджян Т. С., которая отвергала версию об обстоятельствах гибели сына, считая его убитым.

* На первом листе записки имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС на голосование. 11.II.56. В. Малин». – Сост.

О факте гибели Ханджяна А. Г. имеется официальное извещение Заккрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б) Армении, опубликованное 11 июля 1936 г. в печати, согласно которому Ханджян покончил жизнь самоубийством, якобы на квартире в г. Тбилиси около 9 час. вечера 9 июля 1936 г. путем выстрела из револьвера. В сообщении акт самоубийства связывался якобы с политическими ошибками Ханджяна. Политические обвинения против Ханджяна в настоящее время полностью отпали и являются ничем иным, как прикрытием факта гибели Ханджяна.

Как видно из имеющихся материалов, обстоятельства гибели Ханджяна в полагающемся законом порядке в свое время не были расследованы, а оружие, из которого был сделан выстрел, не было установлено.

По показаниям лиц, охранявших Ханджяна, последний между 7 и 8 час. вечера 9 июля 1936 г. обнаружен лежащим в своей комнате на кровати с огнестрельной раной в голову. Между тем, на Тбилисской станции скорой помощи вызов к Ханджяну зарегистрирован в 9 час. 25 мин. и пострадавший доставлен в больницу в 10 час. 25 мин. вечера.

После консилиума врачей Ханджян оперирован в 1 час. 30 мин. утра 10 июля 1936 г. и затем он умер, о чем имеется запись в операционном журнале. В то же время в акте вскрытия трупа Ханджяна от 10 июля 1936 г. указано, что он умер 9 июля 1936 года. История болезни Ханджяна в больнице не обнаружена, хотя на всех больных того периода они имеются. Указанные данные дают основание для предположения, что могла быть произведена фикция операции над трупом.

В больнице скорой помощи, куда был доставлен Ханджян, по имеющимся данным, находились Берия, Агрба, наркомздрав Грузии Мамаладзе, прокурор республики Вардзиели и главный врач больницы Киршенблат. Следует отметить, что Агрба, Мамаладзе и Вардзиели в 1937–1938 гг. были осуждены и расстреляны, а Киршенблат, осужденный к 10 годам лишения свободы, был расстрелян в феврале 1938 г. в Полтавской тюрьме по постановлению тройки УНКВД без всяких на то оснований. Охранники Саноян и Мкртчян арестовывались после смерти Ханджяна и освобождены через 1,5 месяца.

Акт вскрытия трупа Ханджяна был произведен не судебным экспертом-врачом, а патологоанатомом Джорбенадзе. Указанный акт в 1955 г. Главной военной прокуратурой был направлен судебно-медицинским экспертам. Главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны проф. Авдеев М. А. дал заключение, что обнаруженная, согласно записи в акте, у Ханджяна на голове огнестрельная рана не могла быть нанесена выстрелом из пистолета «Лигнозе» калибра 6,35 (который имелся у Ханджяна), а нанесена она пулей револьвера калибра не менее 7,5 мм. В извещении Заккрайкома ВКП(б) было указано, что Ханджян застрелился из револьвера (а не пистолета).

В момент гибели Ханджяна в Заккрайкоме ВКП(б) в гор. Тбилиси находилась тройка КПК при ЦК ВКП(б) в составе председателя Короткова И. И. (умершего несколько лет тому назад), партследователя КПК т. Ивановой и третий член тройки не установлен, но, по заявлению Ивановой, им был Синайский-Михайлов.

В своем заявлении в КПК и в показаниях, данных Главной военной прокуратуре, тов. Иванова сообщает, что 9 июля 1936 г. вечером она, Коротков и Синайский работали в здании Заккрайкома ВКП(б). Вдруг в кабинете Берия раздались 2 выстрела. Тов. Коротков бросился в кабинет Берия и долго там задержался. Не дождавшись Короткова, Иванова и третий член парттройки ушли в гостиницу, куда позже вернулся и Коротков. На распросы Ивановой Коротков ответил, что «произошло ужасное», о чем будет известно завтра. На другой день утром они в газетах прочитали извещение о само-

убийстве Ханджяна, и Коротков тогда заявил: «Иезуит Берия убил Ханджяна». Предложение Ивановой немедленно сообщить об этом в Москву Коротков отклонил, также запретил и ей делать это, сказав, что «история разберется». 11 или 12 июля 1936 г. они поездом выехали в Москву. В купе вагона Коротков, любивший рисовать, на бумаге нарисовал кабинет Берия, где на ковре лежал окровавленный Ханджян. Иванова этот рисунок уничтожила. Она предполагает, что Коротков, бывший очевидцем этого происшествия, изобразил на бумаге представившуюся ему в кабинете Берия картину.

Сообщение Ивановой об убийстве Ханджяна в здании Заккрайкома находит подтверждение в таком факте: маляр Гаспарян, ремонтировавший дом, расположенный напротив квартиры Ханджяна, 9 июля 1936 г. вечером услышал выстрел и, выйдя на балкон, увидел, как от подъезда дома, где была квартира Ханджяна, отъехала автомашина Берия.

Отсюда возникает версия, что Ханджян, застреленный в кабинете Берия, был доставлен на машине последнего в квартиру и с целью инсценировки самоубийства был произведен выстрел. Через несколько минут Берия позвонил по телефону Ханджяну и вошедший по этому звонку в комнату Ханджяна охранник Саноян обнаружил лежащего на постели окровавленного Ханджяна. Осмотром на месте бывшей квартиры Ханджяна установлено, что в его комнату имелся второй вход с лестничной клетки, минуя переднюю и комнату обслуживающего персонала, через комнату, которую тогда занимали Аматуни и Гулоян.

Как показала жена т. Ханджяна т. Винзберг Роза и охранник Саноян, Ханджян, уезжая 8 июля 1936 г. из Еревана в Тбилиси, взял с собой принадлежащий ему пистолет «Лигнозе» малого калибра, другого оружия с собой он не брал. Кроме того, Ханджян сказал ей, что в Тбилиси решительно поставит вопрос об освобождении его от работы в Армении ввиду травли со стороны Берия и, если ему откажут, то проедет далее в Москву, для чего взял с собой необходимые вещи. Таким образом, при выезде из Еревана у Ханджяна мысли о самоубийстве не было.

В ходе проверки главный судебно-медицинский эксперт проф. Авдеев М. А. высказал мнение о желательности эксгумирования черепа Ханджяна с проведением тщательного исследования.

Главной военной прокуратурой в период проверки были получены показания от Дэнуни Д. М. и Манукяна, проживающих в Ереване, о том, что, будучи арестованы в 1937 г., они находились во внутренней тюрьме НКВД Армении в одной камере вместе с арестованным профессором-хирургом Мирза-Аваковым, который в их присутствии, а также Вартаняна Григора и Карагезяна, рассказал о действительной причине его ареста. Как он заявил, в 1936 г., когда тело Ханджяна привезли в Ереван, Мирза-Авакова вызвали для осмотра трупа; осмотрев голову Ханджяна, он обнаружил рану с левой стороны выше виска и что выстрел произведен с дальнего расстояния, в связи с чем Мирза-Аваков пришел к выводу, что Ханджян был убит, а не покончил самоубийством. О своем мнении Мирза-Аваков говорил Вартаняну Сергею и Манвеляну, и кто-то на него донес.

Как установлено в настоящее время Прокуратурой СССР, Мирза-Аваков числится «умершим в тюрьме», в настоящее время он посмертно реабилитирован.

Об указанных материалах, поступивших в КПК по этому вопросу, считаем необходимым сообщить ЦК КПСС[19].

П. Комаров

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 442. Л. 74–76. Подлинник. Машинопись.

№ 15

ДОКЛАД КОМИССИИ ЦК КПСС ПРЕЗИДИУМУ ЦК КПСС ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЧИН МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ ЦК ВКП(б), ИЗБРАННЫХ НА XVII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

9 февраля 1956 г.

*В Президиум ЦК КПСС**

В соответствии с Вашим поручением[20] докладываем.

Нами изучены имеющиеся в Комитете госбезопасности архивные документы, из которых видно, что 1935–1940 годы в нашей стране являются годами массовых арестов советских граждан.

Всего за эти годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности *1 980* 635 человек, из них расстреляно *688 503.*

Особый размах репрессий имел место в 1937–38 гг., что видно из следующей таблицы:

Годы	**1935**	**1936**	**1937**	**1938**	**1939**	**1940**
Арестовано	*114 456*	*88 873*	*918 671*	*629 695*	*41 627*	*127 313*
Из них расстреляно	*1229*	*1118*	*353 074*	*328 618*	*2601*	*1863*

Таким образом, за два года – 1937–1938 было арестовано *1 548 366* человек и из них расстреляно *681 692.*

Волна массовых репрессий 1937–38 гг. широко захватила руководящих работников партийных, советских органов, хозяйственных организаций, а также командный состав в армии и органах НКВД.

В большинстве республик, краев и областей в эти годы было арестовано почти все руководство партийных и советских органов, а также значительное количество руководителей городских и районных организаций.

В ряде крайкомов, обкомов и райкомов партии за это время были подвергнуты арестам 2–3 состава руководящих работников.

Более того, из *139* членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на 17-ом съезде, было арестовано и расстреляно в эти годы *98* человек[21].

Поражает тот факт, что для всех преданых суду членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) была избрана одна мера наказания – расстрел, что ни одного из них не оставили в живых.

Из *1966* делегатов съезда с решающим и совещательным голосом арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях *1103* человек, из них расстреляно *848.*

Приведенные данные свидетельствуют о том, что органы НКВД, названные тов. Сталиным вооруженным отрядом партии, по существу были направлены против партии.

Юридическим обоснованием вынесения судебными органами приговоров о немедленном расстреле большого количества советских граждан явился закон от 1 дека-

* Здесь и далее по тексту документа выделенные курсивом слова вписаны в машинописный текст рукой неустановленного автора. – Сост.

бря 1934 г. Этот закон, изданный после убийства С. М. Кирова, устанавливал ускоренное и упрощенное рассмотрение дел и запрещал не только кассационное обжалование, но даже и подачу заявления о помиловании.

Кампания массовых арестов в большинстве своем ни в чем неповинных советских людей началась после того, как тов. Сталин в своей телеграмме, разосланной членам Политбюро в октябре 1935 г., указал, что органы Наркомвнудела запоздали с раскрытием антисоветского троцкистско-зиновьевского заговора по крайней мере на 4 года.

На собрании руководящих работников Главного Управления государственной безопасности НКВД СССР 19 марта 1937 года в своем докладе «Об итогах пленума ЦК ВКП(б)» Ежов, ссылаясь на телеграмму тов. Сталина и решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), потребовал от всех работников органов государственной безопасности сделать из этой, как он выразился, «суровой оценки» тов. Сталиным работы Наркомвнудела «все необходимые выводы».

Подводя итоги работы этого совещания, Ежов сказал:

«... важно усвоить, что у нас имеется ряд таких недостатков, которых мы терпеть не можем, времени упущено очень много... Поэтому главная задача, которую мы должны себе поставить, – это в относительно короткий срок наверстать все упущенное и в нашей агентурной работе, и в разгроме врага.

Мы громим врага и громим крепко. Погромили троцкистов, крепко погромили. Я цифр не буду называть, но они довольно внушительны, уничтожили их немало. Громим эсеров, громим шпиков и немецких, и польских, и японских, но это пока что, как говорят, с наскока, это еще не все».

(*Стенограмма актива ГУГБ 21.III.1937 г., л. д. 401, 402.*)

Все эти установки Ежова, по сути дела, были призывом к повсеместному развертыванию массовых арестов граждан при отсутствии достаточных доказательств их виновности.

I. Приказы НКВД СССР о проведении массовых репрессий*

«Наверстывая упущенное», Ежов в нарушение советских законов в середине 1937 года издал ряд приказов о репрессировании десятков, а затем и сотен тысяч ни в чем неповинных людей по признакам национальности, ранее проживавших в других странах, имевших связи с иностранцами и т. д.

25 июля 1937 года Ежов подписал и ввел в действие по телеграфу приказ № 00439, которым обязал местные органы НКВД в 5-дневный срок арестовать всех германских подданных, в том числе и политических эмигрантов, работающих или ранее работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, а также железнодорожном транспорте, и в процессе следствия по их делам «добиваться исчерпывающего вскрытия не разоблаченной до сих пор агентуры германской разведки». Таким образом, аресту подлежали все без разбора немцы и среди них нужно было «вскрыть» неразоблаченных шпионов.

Этим приказ не ограничивался. Он, кроме того, обязывал подготовить вторую очередь массовых репрессий, уже среди советских граждан немецкой национальности.

Спустя 5 дней, 30 июля 1937 года, был подписан второй приказ – № 00447, в котором говорилось:

«... Перед органами государственной безопасности стоит задача – самим беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов... и, наконец, раз

* Здесь и далее подчеркивания сделаны авторами доклада. – Сост.

и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим приказываю – с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников...»

Репрессии подлежали бывшие кулаки, члены антисоветских партий, белые, жандармы, чиновники, бандпособники, реэмигранты, «продолжающие вести активную антисоветскую деятельность», в том числе отбывшие наказание и содержащиеся в тюрьмах и лагерях, а также члены их семей, которые «способны к активным антисоветским действиям».

Этим же приказом предусмотрено создание троек, которым поручалось рассмотрение дел указанной категории. Причем было определено, что все лица, подлежащие аресту, должны быть подразделены на две категории:

«а) к первой категории относятся все наиболее враждебные... они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках, – РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки».

В этом же приказе Ежов на места спустил план с лимитом, сколько в каждой республике, крае, области должно быть репрессировано как по первой, так и по второй категориям. Всего этим приказом планировалось подвергнуть аресту 258 950 человек, в том числе по Московской области – 35 000 чел., УССР – 28 300 чел., Западно-Сибирскому краю – 17 000 чел., Ленинградской области – 14 000 чел., Азово-Черноморскому краю – 13 000 чел., БССР – 12 000 чел., Свердловской области – 10 000 чел. и т. д.

Для наиболее же ретивых начальников органов сделано примечание:

«В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркоматы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны предоставлять мне соответствующие мотивированные ходатайства».

Установление «лимитов» и оговорка о возможности их увеличения вызвали среди карьеристически настроенных начальников УНКВД своего рода соревнование за перевыполнение установленных им лимитов. Это соревнование поощрялось Ежовым.

По этому поводу один из бывших руководящих работников НКВД СССР Лулов, впоследствии арестованный за нарушение законности, показал:

«... Если говорить о „лимитах“ в узком смысле, т. е. утверждаемая наркомом разверстка количества лиц, подлежащих репрессированию и осуждению внесудебным порядком в краях и областях, то я точно знаю, что эти лимиты служили предметом своеобразного соревнования между многими начальниками УНКВД. Вокруг этих лимитов была в наркомате создана такая атмосфера: тот из начальников УНКВД, кто, скорее реализовав данный ему лимит в столько-то тысяч человек, получил от наркома новый, дополнительный лимит, тот рассматривался как лучший работник, лучше и быстрее других выполняющий и перевыполняющий директивы Н. И. Ежова по „разгрому“ контрреволюции. Я очень хорошо помню, как такие начальники УНКВД, как Радзивиловский (Иваново) и Симановский (Орел), заходя ко мне после того, как их принимал Н. И. Ежов, с гордостью рассказывали мне, что Н[иколай] И[ванович] похвалил их работу и дал им новый, дополнительный лимит.

В связи с этим я вспомнил, как однажды после моего очередного доклада, на вопрос Н. И. Ежова: „Что вообще нового? “ – я сказал: „Заходил ко мне Радзивиловский.

Он выполнил старый лимит. Просит дополнительный". Н[иколай] И[ванович] ответил: „Молодец Радзивиловский. Он был у меня. Я ему дал новый лимит"».

Эпизод с Радзивиловским и Симановским не исключение. Он типичен для всей «лимитной практики».

(*Дело Лулова, т. I, л. д. 189, 190.*)

Выполнив установленный лимит, начальники органов НКВД возбуждали ходатайства о даче им дополнительных лимитов, которые, как правило, удовлетворялись Ежовым по согласованию с ЦК ВКП(б) (*И. В. Сталиным*).

Об этом, в частности, свидетельствует письмо Ежова № 59108 от 11 августа 1937 г. на имя тов. Сталина:

«Ввиду большой засоренности колхозов, совхозов и промышленных предприятий Западной области беглым кулачеством и другими контрреволюционными элементами, проявляющими большую антисоветскую активность, считаю необходимым увеличить число подлежащих репрессированию по Западной области бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов по 1 категории до 3000 человек , по 2 категории до 6000 человек.

Для Западной области было утверждено 1-я категория – 1000 человек и 2-я категория – 5000 человек.

Проект постановления представляю».

(*Дело Секретариата НКВД СССР № 1595–1937 г., л. д. 28, 29.*)

Практику установления дополнительных лимитов подтверждают также и копии телеграмм НКВД СССР от 25 октября 1937 года, которыми только для некоторых лагерей был увеличен лимит для репрессии на 3600 человек.

(*Дело Секретариата НКВД СССР № 1598–1937 г., л д. 42–52.*)

Для того, чтобы операция по арестам не встречала затруднений, Ежов приказом предусмотрел упрощенный метод следствия и решения вопроса об аресте. Начальник органа НКВД решал вопрос об аресте группы лиц по списку без каких-либо материалов, а в отношении порядка следствия в приказе было записано:

«... Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение».

О ходе операции начальники органов НКВД обязаны были доносить телеграфом каждые 5 дней.

О темпах выполнения приказа и «объективности» расследования дел свидетельствует хотя бы отчет на 15 августа 1937 г. Из него видно, что за 15 дней после издания приказа только по 57 областям было уже арестовано 100 990 человек, из них 14 305 человек осуждено.

Следующий удар был нанесен по полякам, и в первую очередь, по руководящему составу ЦК компартии Польши, польской секции ИККИ и лицам польской национальности, работающим на ответственных должностях в партийно-советских органах, Советской Армии и НКВД.

После ареста и «разоблачения» как польских шпионов быв. генерального секретаря ЦК польской компартии Ленского-Лещиньского, Уншлихта, Ольского, Прухняка, Пестковского и других выдающихся деятелей польского революционного движения, Ежов издал приказ № 00485 от 11 августа 1937 года, в котором оклеветал коммунистическую партию Польши, перечеркнул ее революционную роль в рабочем движении и пытался показать, что чуть ли не главной задачей ее являлась организация контрреволюционной работы. Облыжно оговорив ряд товарищей, имеющих серьезные заслуги в

деле становления и укрепления советской власти в России, Ежов приказал начать с 20 августа широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «Польской организации войсковой» и закончить ее в 3-месячный срок. В приказе указано:

«Аресту подлежат:

а) Выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку;

б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;

г) политэмигранты и политобмененные из Польши;

д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов».

Кроме того, в приказе сказано: «Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов – НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ». Таким образом, по существу был издан приказ арестовать всех лиц польской национальности.

Приказ предусматривает внесудебное решение дел арестованных по спискам с кратким изложением сути обвинения.

В связи с продажей КВЖД, в Советский Союз вернулось несколько десятков тысяч советских граждан, ранее работавших на КВЖД. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы» и затем подвергнута репрессии в соответствии с приказом НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года.

В приказе сказано: «харбинцы в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки...» и подлежат осуждению в срок до 25 декабря 1937 года.

В это же время были изданы распоряжения о массовых репрессиях против корейцев и латышей, причем среди латышей было уничтожено значительное количество товарищей, принимавших активное участие в революционном подполье, гражданской войне, борьбе с контрреволюцией, в том числе и такие известные партии и советскому народу люди, как Рудзутак, Эйхе, Кнорин, Прамнэк, Сомс, Реденс и другие.

Психоз «шпиономании» дошел до того, что 23 октября 1937 г. Ежов подписал приказ № 00693, в котором сделан упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предложено: «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать...» и предавать суду. Перебежчиков, разоблаченных как шпионов – Военной Коллегии, и «всех остальных подозреваемых... и оставшихся неразоблаченными заключать в тюрьмы или лагеря через представление дел на Особое совещание».

Таким образом, профессионалы-революционеры, ответственные работники братских компартий, скрываясь от соответствующих иноразведок, а также трудящиеся, приходящие к нам в поисках лучшей жизни, перебираясь с риском для жизни на территорию СССР, неизбежно попадали в тюрьму или под расстрел.

Этот приказ нарушил конституционный принцип о предоставлении права политического убежища и чудовищно попирал ленинское учение об интернационализме.

В результате всех массовых операций в центре и на местах в органах НКВД скопилось большое количество арестованных. Тогда «в целях быстрейшего рассмотрения следственных дел» приказом НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 года были созданы, наряду с существовавшими тройками, так называемые особые тройки в составе первого секретаря обкома, крайкома или ЦК нацкомпартии, соответствующего прокурора и начальника УНКВД. Тройки принимали решения по краткой справке и боль-

шинство арестованных приговаривали к расстрелу. Приговор тройки приводился в исполнение немедленно.

По отчетным данным только на 10 сентября 1938 года, в результате выполнения указанных выше приказов, объявляющих по существу массовый террор по национальному признаку, было рассмотрено дел на 227 986 человек, в том числе осуждено к расстрелу 172 830 человек, к разным мерам наказания – 46 912 человек, передано на рассмотрение судов 3120 и возвращено к доследованию на 5124 человека.

По отдельным операциям эти данные распределяются следующим образом:

№ п.п.	Национальность	Из них				
		Всего рассмотрено	Осуждено к расстрелу	Осуждено к др. наказаниям	Передано в суды	Возвращено к доследованию
1.	Поляков	106 666	84 471	19 018	943	2234
2.	Немцев	31 753	24 858	5750	676	569
3.	«Харбинцев»	30 938	19 312	10 669	251	706
4.	Латышей	17 581	13 944	2741	512	384
5.	Греков	11 261	9450	1553	70	180
6.	Румын	6292	4021	2077	42	152
7.	Финнов	5880	5224	423	140	93
8.	Эстонцев	5680	4672	625	69	224
9.	Иранцев	2180	908	1154	17	101
10.	Афганцев	691	99	400	12	180
11.	Других	9064	5781	2494	488	301
	Итого:	227 986	172 830	46 912	3120	5124

15 августа 1937 года Ежов, основываясь на постановлении Политбюро ЦК ВКП(б)[22], издал приказ № 00486, которым обязал местные органы НКВД арестовать и осудить через Особое совещание на срок не менее 5–8 лет лишения свободы всех «жен изменников Родины, членов право-троцкистских шпионо-диверсионных организаций», осужденных после 1 августа 1936 г., а также и «социально опасных и способных к антисоветским действиям» их детей старше 15 лет.

Впоследствии действие этого приказа было распространено на членов семей так называемых харбинцев.

Приказ № 00486 издан в грубом противоречии с основами советского законодательства, предусматривающими, что уголовному наказанию лицо может быть подвергнуто лишь за конкретно совершенное им преступление. По этому же приказу в лагеря на длительные сроки были водворены сотни тысяч ни в чем неповинных людей, а их малолетние дети, лишенные обоих родителей, сдавались в детские дома или под надзор дальних родственников.

II. Искусственное создание антисоветских организаций, блоков и различного рода центров

Приказы Ежова по проведению массовых арестов не только ориентировали, но и обязывали местные органы НКВД «вскрывать» казачьи повстанческие организации, шпионские, диверсионные группы и организации «ПОВ» (Польска организация войскова) и т. п.

Начальники УНКВД, получив разверстку на арест нескольких тысяч человек, были поставлены перед необходимостью арестовывать сразу сотни и тысячи человек. А так как всем этим арестам надо было придать какую-то видимость законности, то

стали выдумывать повсеместно всякого рода повстанческие, право-троцкистские, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные организации, «центры», «блоки» и просто группы.

Судя по материалам следственных дел того времени, получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали широко разветвленные «право-троцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские» организации и центры и, как правило, эти «организации» или «центры» возглавляли первые секретари обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий.

Так, в бывшей Западной области руководителем «контрреволюционной организации правых» был первый секретарь обкома И. П. Румянцев, член ВКП(б) с 1905 года, в Татарии «руководителем правотроцкистского националистического блока» являлся бывший первый секретарь обкома А. К. Лепа, член ВКП(б) с 1914 года, руководителем «антисоветской террористической организации правых» в Челябинской области был первый секретарь обкома К. В. Рындин, член ВКП(б) с 1915 года и т. д.

В Новосибирской области были «вскрыты» «Сибирский комитет ПОВ», «Новосибирская троцкистская организация в РККА», «Новосибирский троцкистский террористический центр», «Новосибирская фашистская национал-социалистическая партия Германии», «Новосибирская латышская национал-социалистическая фашистская организация» и еще других 33 «антисоветских» организации и группы.

НКВД Таджикской ССР якобы вскрыл контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию. Связи ее выходили на право-троцкистский центр, Иран, Афганистан, Японию, Англию и Германию, и контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию Узбекской ССР.

В руководстве этой организации состояли 4 бывших секретаря ЦК КП(б) Таджикистана, 2 бывших председателя СНК, 2 бывших председателя ЦИК республики, 12 наркомов и 1 руководитель республиканских организаций, почти все зав. отделами ЦК, 18 секретарей РК КП(б) Таджикистана, председатели и зам. председателей райисполкомов, писатели, военные и другие партийно-советские работники.

УНКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб – орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников и агентуры РОВСа», руководимый секретарем Свердловского обкома Кабаковым, членом КПСС с 1914 года. Этот штаб якобы объединял 200 подразделений, сформированных по военному образцу, 15 повстанческих организаций и 56 групп.

В Киевской области уже к декабрю 1937 г. было «вскрыто» 87 повстанческо-диверсионных, террористических организаций и 365 повстанческо-диверсионных вредительских групп.

Эти всякого рода контрреволюционные организации придумывались не только в краях, областях и районах, но даже на отдельных предприятиях, причем непременно с выходом за кордон. Так, например, на Рубежанском химкомбинате в гор. Сталино[23] существовала якобы «контрреволюционная троцкистская шпионско- диверсионная организация» с непосредственным выходом на разведку Польши и Чехословакии.

О том, как создавались работниками НКВД всякого рода «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний Розенблюма А. М., члена КПСС с 1906 года, подвергавшегося аресту в 1937 году Ленинградским УНКВД.

Розенблюм, будучи допрошенным в 1955 г., показал, что после ареста он был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц, часть которых, между прочим, уже были расстреляны по приговорам трибуналов, а затем привели в кабинет Заковского.

Заковский говорил о бесцельности сопротивления, что арестованному есть только один выход – тюрьма, а затем предложил свободу при условии дачи им в суде лживых показаний по фабрикуемому НКВД «делу» о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре.

«... Для наглядности, – показал Розенблюм, – Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого Центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра 4–5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позерн, Шапошникова и др. и от каждого филиала по 2–3 чел. ...

... Дело о Лен[инградском] центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности и твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4–5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить – пеняй на себя. Выдержишь – сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет».

(*Материалы проверки дела Комарова, л. д. 60–69.*)

О грубейших нарушениях законности в процессе следствия

Проводимая губительная для партии и советского государства практика массовых необоснованных арестов повлекла за собой грубейшие нарушения советской законности в органах следствия, прокуратуры и суда.

По указанию Ежова и его помощников оперативные работники НКВД в центре и на местах, забросив агентурную работу по вскрытию действительных врагов советского народа, переключились на аресты и следствие с задачей любыми средствами обосновать незаконные аресты и показать видимость существования широко разветвленной сети различного рода антисоветских формирований.

Пробравшиеся в органы государственной безопасности враги партии, примазавшиеся карьеристы, подхалимы делали свое черное дело и обманом и угрозами втянули в него честных членов партии, пришедших на работу в органы НКВД из партийных аппаратов для защиты интересов партии и советского государства.

Массовые избиения и истязания арестованных, изнурительные непрерывные многосуточные допросы, шантаж и провокация были «узаконены» как единственные средства для «разоблачения врагов».

Упрощенное следствие, санкционированное законом от 1 декабря 1934 года, исключало возможность какой-либо проверки «выбитых» показаний, да она была и «не нужна», так как суды и тройки судили и совсем без материалов.

Во многих местах начальники заранее определяли, сколько признаний в сутки должен получить каждый следователь и сколько фамилий членов антисоветских формирований должно быть указано в каждом протоколе допроса обвиняемого.

Как правило, протоколы допроса составлялись в отсутствие арестованных, и последние о содержании «своих показаний» зачастую узнавали лишь при подписи их.

Для того, чтобы получить большее количество признаний, в ряде органов госбезопасности прибегали к прямой провокации. Уговаривали заключенных дать показания о их якобы шпионской работе в пользу иностранных разведок, объясняя при этом, что такого рода вымышленные показания нужны партии и правительству. При этом обещали заключенным освободить их после дачи подобного рода «признаний».

Бывший начальник УНКВД Нижне-Амурской области Фельдман в собственноручных показаниях от 10 сентября 1939 года указал, что ему пришлось допрашивать арестованного комдива Деревцова, который отказался от ранее данных им показаний, а на вопрос о причинах отказа заявил:

«Меня обманул Арнольдов, он сказал, что я не арестован, а мобилизован по заданию ЦК ВКП(б) для помощи органам НКВД для вскрытия в ОКДВА военно-троцкистского заговора. Теперь же я узнал, что это обман, мою жену выселили из квартиры, арестовали, вещи конфисковали...»

(*Архивно-следственное дело № 137366 на Фельдмана.*)

Широко распространена была практика, когда в камеру к арестованному, не дающему требуемых показаний, подсаживали агента-провокатора или другого арестованного, который уже безропотно подписывал любую ложь, и последнему вменяли в обязанность уговорить не дающего показаний «признаться» в своей вине. Так, Бубнов А. С. уговаривал Постышева П. П., Шварц С. С – Евдокимова Е. Г., а сидевшему с Блюхером В. К. агенту давали даже в камеру коньяк, и уговоры происходили во время его распития.

Особо серьезные нарушения в следствии, нанесшие непоправимый ущерб партии, имели место в центральном аппарате НКВД СССР, где избиением и вымогательством ложных показаний занимались почти все, начиная от наркома – Ежова и кончая рядовым работником. Отсюда же выходили в периферийные органы руководящие указания о фальсификации дел.

Об обстановке, царившей в следствии, свидетельствуют следующие дела.

Дело ПОСТЫШЕВА П. П.

Товарищ Постышев шестнадцатилетним юношей в 1904 году вступил в ряды нашей партии и с тех пор до конца своей жизни был активным ее бойцом. Заслуги тов. Постышева перед советским народом хорошо известны. Он принимал активное участие в партизанском движении, в становлении советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. После окончания гражданской войны, в годы восстановления народного хозяйства и социалистического строительства тов. Постышев находился на большой руководящей партийной работе: секретарем Киевского губкома, секретарем ЦК ВКП(б), секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Куйбышевского обкома партии.

21 февраля 1938 года тов. Постышев был арестован и обвинен в том, что он являлся участником право-троцкистского заговора, направленного на свержение советского строя, кроме того, являлся японским, польским и германским шпионом. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе Ульриха, Дмитриева и Суслина приговорила тов. Постышева к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

В настоящее время бесспорно доказано, что над тов. Постышевым была учинена гнусная расправа. Еще в ходе следствия по делу Постышева один из следователей писал Ежову, что к Постышеву применяются незаконные методы следствия, «показания» Постышева о его «шпионской» и другой антисоветской деятельности написаны следователями в отсутствие Постышева.

Документально установлено, что вся эта гнуснейшая провокация с делом тов. Постышева, его зверское уничтожение были санкционированы *т. Сталиным*, как это делалось и по всем другим делам на руководящих партийных и хозяйственных работников.

В июне 1955 г. Верховным Судом ранее вынесенный приговор по делу Постышева отменен за отсутствием в его действиях состава преступления.

Дело КОСИОРА С. В.

Косиор С. В., член партии с 1907 года, в прошлом рабочий слесарь, до Великой Октябрьской революции неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Февральской революции тов. Косиор был членом Петербургского комитета партии, в 1919 г. – секретарем ЦК КП(б)У, а затем секретарем Сиббюро ЦК РКП. В 1924 г. на XIII съезде партии тов. Косиор был избран членом ЦК, с 1925 по 1928 гг. он работал секретарем ЦК ВКП(б), а с 1928 по 1937 гг. генеральными секретарем ЦК КП(б)У. С 1937 г. тов. Косиор работал заместителем Председателя СНК СССР и председателем КСК. На XVII съезде партии тов. Косиор был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

3 мая 1938 года тов. Косиор С. В. был арестован и 26 февраля 1939 года Военной Коллегией приговорен к расстрелу за то, что он якобы еще в 1922 году вошел в контрреволюционную организацию «ПОВ» (Польска организация войскова), занял в ней руководящее положение и был эмиссаром Пилсудского на Украине, а в 1934 году создал и возглавил «контрреволюционный заговорщический террористический центр на Украине».

Документально доказано, что арестован товарищ Косиор был без всяких на то оснований и повода. С первых же дней содержания его в Лефортовской тюрьме к нему применялись самые варварские, зверские пытки, учинялись допросы свыше 14 часов беспрерывно, в ночное время, лишая его сна и минимального отдыха. Достаточно сказать, что он допрашивался 54 раза, хотя в деле имеется всего 4 протокола допроса.

Лишением сна, жестокими пытками и истязаниями товарища Косиора заставили подписать протоколы, написанные по произволу следователей в отсутствие обвиняемого.

Дело ЭЙХЕ Р. И.

Эйхе Роберт Индрикович, латыш, член КПСС с 1905 года, был одним из видных деятелей партии и Советского государства, активным борцом за дело партии. На протяжении многих лет являлся первым секретарем Западно-Сибирского краевого комитета партии. Эйхе был кандидатом в члены Политбюро ЦК, перед арестом работал наркомом земледелия СССР.

Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года без санкции прокурора СССР, которая была получена через 15 месяцев.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификаций. Обвинение основывалось на явно сфальсифицированных и противоречивых доказательствах.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением на имя И. В. Сталина, в котором категорически отрицал вину и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

«... Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

(*Дело Эйхе, т. 1, пакет.*)

Сохранилось подлинное заявление Эйхе, посланное им товарищу Сталину 27 октября 1939 года:

«25 октября с.г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться с следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в

сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело – это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепые, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению.

Наиболее ярко это видно из показаний о моем якобы вредительстве в колхозном строительстве, выразившемся в том, что я пропагандировал на краевых конференциях и пленумах крайкома ВКП(б) создание колхозов-гигантов. Все эти выступления мои стенографировали и [они] опубликованы, но в обвинении не приводится ни один конкретный факт и ни одна цитата, и это никто никогда доказать не может, так как за все время своей работы в Сибири я решительно и беспощадно проводил линию партии. Колхозы в Западной Сибири были крепкими и по сравнению с другими зерновыми районами Союза лучшими колхозами...

... Ушакову, который тогда вел мое дело, нужно было показать, что выбитые из меня ложные признания перекрываются показаниями в Сибири, и мои показания по тел(ефону) передавались в Новосибирск.

С откровенным цинизмом это делалось, и при мне лейтенант Прокофьев заказывал телефон с Новосибирском.

Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в к[онтр]р[еволюционной] деятельности...

Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применяли ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники*, и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым, и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Зап[адной] Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в запасный центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, также было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука В. И., и многие другие моменты...

... Дал я эти ложные показания, когда следователь, меня 16 часов допрашивая, довел до потери сознания и когда он поставил ультимативно вопрос, что выбирай между двумя ручками (пером и ручкой резиновой плетки), я, считая, что в новую тюрьму меня привезли для расстрела, снова проявил величайшее малодушие и дал клеветнические показания. Мне тогда было все равно, какое на себя принять преступление, лишь бы скорее расстреляли, а подвергаться снова избиениям... мне не было сил...

... Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как

* Так в тексте. – Сост.

змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня. Моей мечтой было и остается желание умереть за партию, за Вас».

(*Дело Эйхе, т. 1, пакет.*)

Это заявление т. Поскребышевым было направлено в НКВД Берия.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и, как это записано в протоколе, заявил:

«... Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынуждено. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь. Кроме того, следователи использовали мое болезненное состояние (перелом спины) и играли на ней, как на клавишах. Это невыносимая пытка, которую я не выдержал. Главное для меня – это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру так же с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы».

(*Дело Эйхе, т. 1, л. д.*)

Военная Коллегия Верховного Суда СССР (в составе Ульриха, Климина и Суслина), выслушав такое заявление Эйхе, проштамповала сфабрикованные материалы и приговорила Эйхе к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение спустя два дня – 4 февраля 1940 года.

В настоящее время бесспорно установлена фальсификация дела Эйхе.

Дело РУДЗУТАКА Я. Э.

Один из видных деятелей советского государства Ян Эрнестович Рудзутак вступил в партию в 1905 году восемнадцатилетним юношей. В годы царизма неоднократно подвергался преследованиям со стороны охранки, был осужден к смертной казни, замененной в связи с несовершеннолетием пожизненной каторгой. Проведя десять лет на каторге, был освобожден от нее революцией.

После Великой Октябрьской социалистической революции Рудзутак стал одним из помощников В. И. Ленина.

В 1921 году Рудзутак по предложению Ленина подготовил тезисы о профсоюзах, которые легли в основу ленинской платформы в борьбе с троцкистами.

Борясь против всех оппозиций и антипартийных группировок, Рудзутак всегда активно защищал генеральную линию партии. Он неоднократно избирался членом Центрального Комитета партии, после 17 съезда был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК и перед арестом работал заместителем Председателя Совнаркома СССР.

25 мая 1937 года Рудзутак был арестован НКВД СССР по обвинению в том, что он возглавлял антисоветскую националистическую латышскую организацию, занимался вредительством и был шпионом иностранных разведок. На заседании Военной Коллегии Рудзутак виновным себя не признал. В протоколе судебного заседания секретарь записал, что Рудзутак в суде заявил:

«... его единственная просьба к суду – это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще невыкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем неповинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и

оговаривать ни в чем неповинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Еще раз просит суд предоставить ему возможность подробнейшим образом изложить все то, что ему известно о методах следствия, в ЦК партии».

(*Дело Рудзутака, т.1, л. д.*)

Игнорируя вовсе это заявление Рудзутака, Военная Коллегия (в составе Ульриха, Никитченко и Горячева) 28 июля 1938 года, проведя всего лишь 20-минутное судебное заседание, приговорила Рудзутака к расстрелу. Приговор тогда же был приведен в исполнение.

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов.

Рудзутак посмертно реабилитирован[24].

Дело ЧУБАРЯ В. Я.

Один из видных деятелей партии и советского государства, Чубарь Влас Яковлевич, 1891 года рождения, вступил в партию в 1907 году, на протяжении ряда лет возглавлял правительство Украинской ССР, а затем работал заместителем Председателя Совнаркома СССР. Чубарь был делегатом ряда партийных съездов, на 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17 съездах партии избирался членом ЦК КПСС.

4 июля 1938 года Чубарь был арестован НКВД СССР по обвинению в том, что он был участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской организации и являлся агентом немецкой разведки.

26 февраля 1939 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР (в составе Ульриха, Дмитриева и Суслина) Чубарь был осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Проведенной в 1955 году Комитетом госбезопасности и Прокуратурой СССР проверкой установлено, что обвинение Чубарь было полностью сфальсифицировано.

В настоящее время дело Чубаря прекращено, и он посмертно реабилитирован[25].

Дело ЕВДОКИМОВА Е. Г.

Евдокимов Ефим Георгиевич, 1891 года рождения, член КПСС с 1918 года, бывший член ЦК КПСС, один из активнейших участников гражданской войны и борьбы с контрреволюцией, за заслуги перед Родиной был награжден орденом Ленина и пятью орденами Красного Знамени. Длительное время Евдокимов работал на руководящих должностях в органах ОГПУ – НКВД, а в 1933 г. был избран первым секретарем Северо-Кавказского крайкома партии.

До ареста Евдокимова никаких материалов о его якобы преступной деятельности в НКВД СССР не было.

В течение 5-ти месяцев содержания под стражей Евдокимов, несмотря на применение к нему тяжких мер репрессии, категорически отказывался признать себя виновным.

В деле имеется его заявление, в котором он пишет:

«Предъявленное мне следствием обвинение в измене Родине я признать не могу. Родине я никогда не изменял, ни в каких контрреволюционных или антисоветских организациях или группах не состоял. Наоборот, за время пребывания в рядах партии и на работе в органах ВЧК – ОГПУ, я вел решительную борьбу со всеми проявлениями контрреволюционной и антисоветской деятельности.

Я признаю, что в своей работе в борьбе с врагами народа я допускал грубейшие политические ошибки...

Для меня теперь совершенно ясно, что жил я и работал и дрался не так, как надлежало по-настоящему бороться большевику вообще и особенно после указаний, данных Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Но, повторяю, предателем партии я не был и против партии и советской власти борьбы не вел и ни в каких и нигде заговорах не участвовал...»

(*Дело Евдокимова, т. I, л. д. 40.*)

Из материалов дела видно, что в это время следователи прилагали все усилия к тому, чтобы понудить Евдокимова к даче желаемых им показаний, что для этого они шли и на провокацию.

17 января 1939 г. Евдокимову без перерыва даются три очные ставки с Николаевым-Журид, Ежовым и Кауль (ныне реабилитирован). Все трое изобличали Евдокимова в причастности к антисоветской организации, а он категорически все отвергал. В связи с этим, следователь записал в протоколе очной ставки:

«Ввиду того, что арестованный Евдокимов, несмотря на предупреждение, ведет себя вызывающе и мешает арестованному Николаеву-Журид давать показание по существу дела, – очная ставка прерывается».

(*Дело по обвинению Евдокимова, т. II, л. д. 7.*)

Сам Евдокимов протокол очной стыки не подписал. 24 февраля 1939 г. содержавшийся в одной камере с Евдокимовым арестованный Шварц С. С. донес:

«Дело о заговоре он называет „липой“. Возмущался следствием, называя их гадами...

Я ему советовал по-товарищески дать показания...

... Однажды, во время непрерывных допросов Евдокимов, придя в камеру, заявил, что устал и готов подписать все, что угодно...»

(*Дело по обвинению Евдокимова, т. V, л. д. 196–198.*)

2 марта 1939 г. по настоянию врачей, измученный пытками, больной Евдокимов был помещен в тюремную больницу. Причем Кобуловым было дано указание: «Поместить вместе с Лобовым». (Лобов в это время был уже деморализован и давал любые требуемые от него показания).

28 марта 1939 г. в заявлении на имя Берия Лобов писал:

«За время моего совместного пребывания в Бутырской больнице с 2 по 4 марта с.г. с арестованным Евдокимовым... он говорил, что ему хотелось бы сейчас одного, – это иметь бомбу, чтобы взорвать весь следственный аппарат теперешнего НКВД и самому взлететь с ним на воздух, что такой советский аппарат, который так калечит и разрушает невинных людей, можно только назвать фашистским...

... В бреду Евдокимов говорил: «Сашка, сволочь, зачем предаешь... какой кошмар, какой кошмар...»

... Из больницы Евдокимов ушел с решением не сдаваться, а лучше умереть, независимо от мучений, которые могут предстоять впереди; тогда, по его мнению, быть может, в ЦК задумаются о причинах такой героической смерти неразоружившегося «врага».

(*Дело Евдокимова, т. V, л . д. 203–204.*)

Пять месяцев систематических истязаний сломили Евдокимова, и он стал давать явно надуманные, противоречивые, неправдоподобные показания, в которых признавал себя виновным в совершении тяжких государственных преступлений.

Первый такой протокол допроса датирован 13 апреля 1939 г. Допрос вел Меркулов.

2 февраля 1940 года дело по обвинению Евдокимова было рассмотрено на заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР, на котором он полностью отказался от ранее данных показаний и, утверждая свою невиновность, заявил:

«Виновным себя в принадлежности к право-троцкистской организации я признать не могу...

Я сознаю, что вопрос обо мне уже решен. Но никак не могу признать себя виновным в том, что я служил буржуазии...

Шпионом и наймитом буржуазии я никогда не был.

В 1923 г. был убит мой брат, я подозреваю в этом поляков, а поэтому как же я мог в это время работать вместе с поляками. Я громил всех польских атаманов-бандитов и их агентом не был.

Показания с признанием своей вины я начал давать после очных ставок с Ежовым и Фриновским и после особого на меня воздействия.

Я назвал на предварительном следствии около 124 человек участников заговора, но это ложь, и в этой лжи я признаю себя виновным.

К правым я никогда не принадлежал и не принадлежу...

Показания других участников заговора совпадают с моими только лишь потому, что у нас у всех был один хозяин – следователь...

Я прошу одного – тщательно разобраться с материалами моего дела. Меня очень тяготит, что я оклеветал много лиц...»

(*Дело по обвинению Евдокимова, т. 1, л. д. 97–99.*)

В своем последнем слове Евдокимов сказал: «Я скоро умру, но я хочу сказать суду, что и при новом руководстве (имеется в виду Берия) аппарат НКВД СССР работает так же, как работал и при Ежове, а отсюда получаются к[онтр]р[еволюционные] организации, представителем которых сделан я и другие.

Об этом я убедительно прошу донести Сталину.

Я не был сволочью, но стал таковым на предварительном следствии, т. к. не выдержал и начал лгать, а лгать начал потому, что меня сильно били по пяткам».

(*Дело по обвинению Евдокимова, т. I, л. д. 100.*)

Несмотря на столь убедительный отказ и отсутствие в деле объективных доказательств вины, основываясь только на сфальсифицированных показаниях других арестованных, без приведения в них конкретных фактов, суд в составе Ульриха, Суслина и Климина вынес обвинительный приговор и приговорил Евдокимова к расстрелу.

Дело на ЛАВРЕНТЬЕВА (КАРТВЕЛИШВИЛИ) Л. И.

Лаврентьев Лаврентий Иосифович, член КПСС с 1910 года, перед революцией находился в ссылке, а с 1917 г. до дня своего ареста – на руководящей партийной работе. В 1917 г. являлся секретарем Киевского губкома, в 1918–19 гг. работал в подполье в Одессе и Киеве, после установления советской власти на Украине – в Кировограде и Киеве – секретарем губкома РКП(б); 1923–1929 годы – секретарем ЦК КП(б) Грузии и Закавказского крайкома, председателем СНК Грузии. 1929–30 годы Лаврентьев работал вторым секретарем ЦК КП(б) Украины, затем вновь стал секретарем Закавказского крайкома партии. В последующие годы он являлся секретарем Западно-Сибирского и Дальневосточного крайкомов и с 1935 г. – секретарем Крымского обкома партии.

За период нахождения в партии Л. И. Лаврентьев показал себя как стойкий большевик и умелый организатор. Длительное время Л. И. Лаврентьев работал совместно с Серго Орджоникидзе и был близок к нему.

Как установлено проверкой, арест Л. И. Лаврентьева 22 июня 1937 г. без наличия

каких-либо материалов на него явился одним из актов вредительской деятельности Берия, направленной против Серго Орджоникидзе и его соратников.

Следствие по делу Л. И. Лаврентьева вели бериевские приспешники Кобулов, Кримян и Савицкий, которые путем зверских истязаний и пыток заставили его оговорить себя и подписать показание о причастности его к организации правых, проведении вредительства, шпионаже и подготовке к совершению террористических актов.

Допрошенный в ходе проверки надзиратель внутренней тюрьмы НКВД Гр[узинской] ССР Сурмава показал:

«Следователи на допросах беспощадно избивали арестованных. Особенной жестокостью отличались Кримян, Савицкий... Жестоким пыткам на допросах подвергались также арестованные Мамия Орахелашвили, Шалва Элиава, Картвелишвили...

Этих арестованных мне также приходилось уносить с допросов на руках, так как сами они не могли ходить».

(*Материалы проверки дела Лаврентьева, т. II, л. д.157.*)

Ныне многие товарищи, оговоренные Лаврентьевым и в свою очередь оговорившие его (Орахелашвили, Элиава, Снегов, Мамулия и др.), полностью реабилитированы, и совершенно ясно видно, что старый большевик, доказавший свою преданность партии Ленина в годы суровых испытаний подпольной борьбы, сделавший так много делу укрепления советского государства и, в частности, его дальневосточных границ, невинно погиб в угоду бандиту-провокатору Берия.

Дело УНШЛИХТА И. С.

Товарищ Уншлихт И. С. состоял членом нашей партии с 1900 года. До Октябрьской революции подвергался шесть раз арестам, провел много лет в застенках царских тюрем и сибирской ссылке. В дни Октября 1917 года тов. Уншлихт был членом Петроградского Военно-Революционного Комитета. В 1919 году он являлся народным военным комиссаром, членом Совета Обороны и членом ЦИК Литвы и Белоруссии, членом Реввоенсовета Западного фронта, а затем членом Реввоенсовета республики. С 1921 года тов. Уншлихт работал вместе с Феликсом Дзержинским в ВЧК, являлся членом ВЦИК всех созывов и участником многих съездов партии.

11 июня 1937 года Уншлихт был арестован, а затем Военной Коллегией приговорен к расстрелу за то, что он якобы еще с 1917 года являлся «руководителем» «ПОВ» на территории СССР и занимался шпионско-террористической деятельностью.

Все обвинение Уншлихт было построено на самооговоре. Однако, будучи вызванным на Военную Коллегию Верховного Суда СССР, Уншлихт заявил, что «в организации „ПОВ“ он никогда не состоял и все эти показания дал исключительно потому, что не мог переносить длительного допроса. Во время допроса прокурором Союза ССР он ничего не заявил о своей непричастности к контрреволюционной организации потому, что во время этого допроса присутствовало несколько человек уполномоченных НКВД, при которых он опасался отказываться от прежних своих показаний, а потому и перед прокурором Союза подтвердил все свои прежние показания».

(*Дело Уншлихта, т. I, л. д. 103.*)

Несмотря на абсурдность выдвинутых против тов. Уншлихта обвинений и его категорический отказ в суде от всех показаний, данных им в результате избиения, Военная Коллегия осудила его к высшей мере наказания.

По сути дела, это был не суд, а простое выполнение формальностей по заданию НКВД. Достаточно сказать, что все судебное разбирательство по такому серьезному делу, как дело товарища Уншлихта, происходило в течение 20 минут.

Дело БЛЮХЕРА В. К.

Бывший командующий войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии Маршал Советского Союза Блюхер широко известен советским людям как военачальник, одержавший ряд побед в годы гражданской войны.

Заслуги Блюхера были высоко оценены советским правительством. Блюхер был награжден орденом Красного Знамени № 1 и орденом Красной звезды № 1.

На 17-ом съезде партии Блюхер был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

22 октября 1938 года Блюхер был арестован НКВД СССР. Против Блюхера были выдвинуты клеветнические обвинения в принадлежности к антисоветской организации правых и к военному заговору, что он категорически отрицал.

Проверкой установлено, что все выдвигавшиеся против Блюхера обвинения лишены оснований, и он был арестован без вины.

Следует отметить, что до ареста Блюхера НКВД СССР предъявило обвинение ряду арестованных (Лаврентьев, Дерибас и др.), что они с целью ослабления Советской Армии готовили террористический акт против Блюхера.

После ареста Блюхер жестоко избивался лично Берия и его сообщниками.

Один из бывших следователей НКВД Головлев, будучи допрошенным в 1955 году, показал, что он, увидев впервые арестованного Блюхера, «сразу же обратил внимание на то, что Блюхер накануне был сильно избит, ибо все лицо у него представляло сплошной синяк и было распухшим».

(*Дело Блюхера, т. I, л. д.*)

В результате зверских избиений Блюхер на восемнадцатый день после ареста 9 ноября 1938 года умер. В ту же ночь Меркулов вместе с подручными отвез труп Блюхера для кремации.

Дело НОСОВА И. П.

Носов Иван Петрович, член партии с 1905 года. До ареста являлся первым секретарем Ивановского обкома партии. С 1918 по 1937 годы находился на руководящей партийной работе, был секретарем ряда окружкомов и обкомов партии. Неоднократно избирался в руководящие органы партии, принимал активное участие в работе съездов и партконференций, на 17-ом съезде ВКП(б) был избран членом ЦК.

27 ноября 1937 года по постановлению Военной Коллегии Верховного Суда СССР Носов расстрелян за то, что якобы являлся участником антисоветской и диверсионно-вредительской организации правых, через которую осуществлял руководство всей вредительской деятельностью в сельском хозяйстве и промышленности.

Из самой формулировки обвинения Носова видно, что это дело могли организовать только провокаторы. Что это именно так, свидетельствует показание арестованного бывш. начальника УНКВД по Ивановской области Радзивиловского, который на допросе 31 мая 1939 года показал:

«... Ежов заявил мне, что направляет меня в Иваново всего на 6 месяцев, но ставит передо мной задачу развернуть там работу так, чтобы в кратчайший срок можно было доказать ЦК ВКП(б), что в Ивановской области советской власти не было и только вмешательство НКВД ее там восстановит. На мой вопрос, что мне следует предпринять для этого в Иванове, Ежов предложил мне начать широкие аресты руководящих областных и районных партийно-советских работников, дабы показать, что Ивановская область – это оплот правых. При этом Ежов указал мне на то, что хотя в ЦК Носову (секретарю обкома ВКП(б) и верят, но моей задачей должно будет являться дока-

зать его связь с правыми в Москве, с тем чтобы можно было поколебать это мнение о Носове и добиться его ареста...

Во исполнение изложенных выше враждебных антисоветских установок Ежова я сделал следующее: широко раздул дело об антисоветской организации правых в Иванове, подводя под аресты и привлекая к следствию огульно работников ивановского обкома и облисполкома.

Так как Ежов требовал доказать связь Носова с правыми в Москве, то по моему указанию в показаниях Епанечникова, Ефанова и Алеева было записано, что Носов возглавлял правых в Иванове и был связан в Москве с Любимовым (бывшим наркомлегпромом)...

...На основе всех этих материалов, представленных Ежову, по его распоряжению Носов был арестован в Москве НКВД».

(*Дело Радзивиловского, т. I, л. д. 472–477.*)

Проверкой установлено, что следствие по делу Носова проведено с грубым нарушением советского закона, а признания от него взяты путем зверского избиения.

Носов в 1955 году посмертно реабилитирован[26].

Дело БАУМАНА К. Я.

Один из старейших деятелей партии Карл Янович Бауман вступил в ряды партии в 1907 году.

Находясь ряд лет на партийной работе, Бауман неоднократно избирался в состав ЦК КПСС, он был избран членом ЦК и на 17-ом съезде. Перед арестом К. Я. Бауман работал заведующим отделом ЦК КПСС.

Бауман был арестован НКВД СССР 12 октября 1937 года, сразу же его подвергли жестоким избиениям и спустя два дня после ареста, 14 октября, Бауман без суда и следствия был убит в Лефортовской тюрьме.

В деле Баумана имеется лишь один документ – написанное Бауманом в день смерти заявление. Это заявление залито кровью.

Произведенной в 1955 году проверкой установлено, что Бауман был арестован без каких-либо оснований, и он посмертно реабилитирован[27].

Дело КОМАРОВА Н. П.

Комаров Н. П., в прошлом рабочий, в ряды большевистской партии вступил в 1909 году. Участник X, XI, XII, XIII, XIV, XV и XVII съездов партии, тов. Комаров на всех этих съездах избирался в состав ЦК КПСС. В годы гражданской войны Комаров, являясь председателем Петроградской ЧК, вел активную борьбу с контрреволюцией. После гражданской войны он все время находился на крупных руководящих партийных и советских постах: секретаря Северо-Западного бюро ЦК, председателя губисполкома, председателя Ленсовета, члена Президиума ВСНХ СССР, народного комиссара коммунального хозяйства РСФСР.

Известно, что тов. Комаров вел активную борьбу с троцкистами и зиновьевцами, что было отмечено Сталиным еще на XIV съезде партии. Ни в каких антипартийных группировках Комаров не был замешан. В своих выступлениях на съездах партии, на партийных конференциях он всегда отстаивал генеральную линию партии.

Однако, в июне 1937 года тов. Комаров был арестован и 27 ноября 1937 года Военной Коллегией осужден к расстрелу по обвинению в том, что он якобы «являлся активным участником контрреволюционной террористической организации правых» и «вел подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и советской власти».

Один из следователей-фальсификаторов, впоследствии арестованный и осужденный за фальсификацию дел, подтвердил, что все «показания» Комарова были написаны бывш. зам. начальника отдела НКВД Строминым тогда, когда он и в глаза еще не видел арестованного Комарова, «что сам Комаров с содержанием своего признания впервые познакомился тогда, когда Стромин, убедив его в выгоде такого признания, дал ему подписать то, что он написал сам без Комарова».

Проверкой бесспорно установлено, что арест и осуждение тов. Комарова произведены необоснованно, по материалам, заведомо сфальсифицированным работниками НКВД.

Перечень ответственных работников КПСС, осужденных к расстрелу по необоснованным, явно сфальсифицированным материалам, подвергшихся пыткам и истязаниям в процессе следствия, можно было бы значительно расширить.

Так, трагически погибли в результате провокаций, организованных Ежовым и Берия, товарищи Межлаук В. И., Косарев А. В., Кабаков И. Д., Кнорин В. Г., Кодацкий И. Ф., Мирзоян Л. И., Пятницкий И. А., Рухимович М. Л., Хатаевич М. М., Шеболдаев Б. П., Каминский Г. Н., Смородин П. И., Быкин Я. Б., Элиава Ш. Э., Гикало Н. Ф., Прамнэк Э. К., Криницкий А. И., Колотилов Н. Н. и многие другие.

Следует отметить, что *т. Сталину* и некоторым членам Политбюро систематически направлялись протоколы допроса арестованных, по показаниям которых проходили работавшие еще члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, секретари ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов.

После ареста работников этой категории протоколы их допросов также направлялись в указанные адреса.

Потери партии не ограничились людьми, погибшими безвинно после ареста, многие-многие члены ее были необоснованно скомпрометированы и отстранены от активного участия в социалистическом строительстве, часть из них, находясь под страхом ареста, не выдержав преследования, покончила жизнь самоубийством.

В результате массовых арестов в период 1937–38 годов фактически была парализована работа партийных и советских организаций, а также промышленности как в центре, так и на местах, что нанесло серьезный ущерб нашей стране в деле социалистического строительства.

Проводя массу необоснованных арестов, Ежов на совещаниях открыто заявил, что он действует по указанию сверху.

Допрошенный бывший руководящий работник ГУГБ НКВД СССР Лулов показал по этому поводу:

«...На одном из совещаний следователей, созванном Ежовым в своем кабинете,... он заявил, почти дословно: «В том разгроме контрреволюции, который мы проводим, мы считаем неизбежным, что пострадают и некоторые невинные люди»....Сказано было «мы считаем», и присутствующим предоставлялось думать, что такого рода ответственное заявление Ежов делает не от своего имени».

(*Дело Лулова, т. I, л. д. 183, 184.*)

Соответственно реагировали на эти указания Ежова и начальники УНКВД.

Тот же Лулов на допросе показал:

«В 1937 году и начале 1938 года такие начальники УНКВД, как Дмитриев, буквально забросали Ежова длиннейшими телеграммами, запросами с просьбами санкционировать аресты... Телеграммы эти почти сплошь составлялись из одних фамилий: десятки секретарей комсомола, десятки секретарей райкомов партии, председатели райисполкомов и т. д.

Несмотря на то, что необходимость ареста этих лиц более чем слабо в этих телеграфах обосновывалась, Ежов сплошь и рядом механически и огульно эти аресты санкционировал...

...Будучи однажды на докладе у Ежова, – рассказывал Булах (бывш. начальник УНКВД Орджоникидзевского края), – он изложил ему свой «план» реализации его директив о нанесении «сокрушительного» удара контрреволюции. Этот план состоял из нескольких стадий разгрома... сперва подлежали репрессированию секретари райкомов партии, потом председатели райисполкомов, затем работники кооперации, далее перечислялись работники других отраслей. И Ежов этот план одобрил...»

(*Дело Лулова, т. I, л. д. 184, 188, 189.*)

Из имеющихся материалов видно, что волна грубых нарушений в следствии охватила и все периферийные органы НКВД.

Бывший начальник следственного отдела НКВД Татарской АССР Шелудченко, признав, что он лично бил ряд арестованных и фальсифицировал их протоколы допросов, показал:

«...Среди арестованных было почти все руководство обкома ВКП(б), СНК и ЦИК и почти все наркомы. Лепа – секретарь обкома 6 дней стоял на ногах в кабинете Зедика, ничего не давал и только 6 ноября был отправлен мною в камеру».

(*Материалы проверки дела Лепа, л. д. 73.*)

Бывший работник НКВД Тат[арской] АССР Гришечкин на допросе показал:

«...Шелудченко принял от бывшего начальника отдела более 500 человек арестованных, в числе которых большинство являлось участниками националистической организации, т. е. почти все партийные, советские руководящие работники. Из числа этих арестованных не было ни одного сознавшегося.

...Такое положение Шелудченко расценил на одном из оперативных совещаний так: „с арестованными миндальничают, бороться с контрреволюцией не хотят, занимаются оппортунизмом“ и т. д.»

(*Материалы проверки дела Лепа, л. д. 77.*)

Примеров грубых массовых нарушений законности можно привести по любой республике и области*.

Так, например, в начале 1938 года в Бодайбинский район [Иркутской области] для производства следственно-оперативных мероприятий выехала оперативная группа во главе с пом. нач. УНКВД Кульвецом.

Оперативная группа произвела массовые аресты рабочих и служащих Бодайбинского района без наличия каких-либо материалов и обвинила их в тягчайших государственных преступлениях.

По этому поводу сотрудник НКВД Комов показал:

«В первый же день приезда Кульвеца было арестовано до 500 человек. Аресты были произведены исключительно по национальным и социальным признакам, без наличия абсолютно каких-либо компрометирующих материалов.

Как правило, китайцы и корейцы арестовывались все без исключения, из кулацких поселков брались все, кто мог двигаться».

(*Дело Кульвеца, т. I, л. д. 150–153*)

В показаниях сотрудника НКВД Турлова об этом сказано:

«Весь оперативный состав по требованию Кульвеца представил свой учет. Мной передан Кульвецу список лиц иностранного происхождения, примерно, на 600 человек. Здесь были китайцы, корейцы, немцы, поляки, латыши, литовцы, финны, мадьяры, эстонцы и т. п...

Арест производился на основании этих списков...

Особенно безобразно проходили аресты китайцев и корейцев. На них по городу Бодайбо делались облавы, устанавливали их квартиры, высылали людей на арест с установкой арестовать поголовно всех китайцев и корейцев...

В марте месяце Кульвец, придя в кабинет, где сидели Бутаков и я, сказал: вы мне доложили, что арестовали всех китайцев. Вот я сегодня шел по улице и видел двух китайцев и предложил их арестовать».

(*Дело Кульвеца, т. I, л. д. 156.*)

Ярким свидетельством проводимой операции является рапорт самого Кульвеца на имя начальника УНКВД, в котором говорится:

«Немецкая разведка – по этой линии дела у меня плохие. Правда, вскрыта резидентура Шварц... но немцы должны вести дела посерьезнее. Постараюсь раскопать. Финская – есть. Чехословацкая – есть. Для полной коллекции не могу разыскать итальянца и француза...

Китайцев подобрал всех. Остались только старики, хотя часть из них, 7 человек, изобличаются как шпионы и контрабандисты.

Я думаю, что не стоит на них тратить время. Уж слишком они дряхлые. Наиболее бодрых забрал».

(*Дело Кульвеца, т. I, л. д. 192.*)

Арестованных избивали и вымогали от них показания на других лиц. На основании этих показаний, без какой-либо их проверки, производили новые массовые аресты, вновь арестованных опять-таки избивали.

О том, как велось следствие, свидетель Грицких показал:

«Кульвец ввел новый метод следствия, т. е. так называемую „выстойку“. Человек 100–150 сгоняли в одну комнату, всех их ставили лицом к стене и по несколько дней не разрешали садиться и спать до тех пор, пока арестованные не давали показаний.

Там же среди арестованных находился стол и письменные принадлежности. Желающие давать показания писали сами, после чего им разрешалось спать».

(*Дело Кульвеца, т. I, л. д. 142–143.*)

Наряду с применением к арестованным мер физического воздействия, практиковалась грубая фальсификация следственных документов. Характерны в этом отношении следующие показания Турлова:

«Еще хуже обстояло дело с допросом китайцев, корейцев и других национальностей, массовые и поголовные аресты которых были произведены в марте 1938 года. Большинство из этих национальностей не владели русским языком. Переводчиков не было, протоколы писались также без присутствия обвиняемых, так как они ничего не понимали...»

(*Дело Кульвеца, т. I, л. д. 157.*)

Такая же практика работы была и в НКВД Белоруссии, где имели место многочисленные случаи создания провокационных дел, составления показаний за обвиняемых, подделки подписей и т. п. Избиение арестованных во время следствия было массовым явлением.

Об этом начальник отдела УГБ НКВД БССР Сотников писал в своем объяснении:

«Примерно, с сентября месяца 1937 года всех арестованных на допросах избивали... Среди следователей шло соревнование, кто больше „расколет“. Эта установка исходила от Бермана (бывший наркомвнудел Белоруссии), который на одном из совещаний следователей наркомата сказал: „Ленинград и Украина ежедневно дают на двойку

* Так в тексте. – Сост.

по одному альбому[27a], и мы должны это делать, а для этого каждый следователь должен давать не менее одного разоблачения в день“.

Избиение арестованных, пытки, доходившие до садизма, стали основными методами допроса. Считалось позорным, если у следователя нет ни одного признания в день.

В наркомате был сплошной стон и крик, который можно было слышать за квартал от наркомата. В этом особенно отличался следственный отдел».

(*Архив Ежова, опись № 13.*)

Избиение арестованных и пытки стали основными методами следствия.

По этому же вопросу начальник 3 отдела УГБ НКВД БССР Гепштейн заявил:

«В августе месяце в Белоруссии согласно приказу НКВД была начата широкая операция по польской агентуре...

Во второй половине октября 1937 года вернулся из Москвы... Берман и заявил мне, что мы, оказывается, очень резко отстали от всех без исключения УНКВД Союза, что в Ленинграде разоблачено 2000 человек, на Украине 4000 человек и что поэтому нам необходимо резко перестроить всю работу. Берман предложил мне созвать совещание следователей, на котором он даст указания...

Берман заслушал доклад каждого следователя, и здесь, на этом совещании, впервые и была дана установка о том, что арестованных можно бить, о том, что протоколы должны быть короткими, что по групповым делам надо включать арестованных в альбом каждого сразу по мере отработки, а не всей группой...

В Минске вскоре началось поголовное битье арестованных. Это распространилось чрезвычайно быстро и широко во всех остальных отделах наркомата».

(*Архив Ежова, опись № 13.*)

Как было установлено ЦК КП(б) Белоруссии, сотрудник Витебского городского отдела НКВД Коновалов вызывал арестованных и под предлогом сличения подписи арестованного с его подписью в паспорте отбирал у них подписи на чистом листе бумаги, а затем вписывал туда показания, какие сам находил нужным.

Характерно в этом же отношении письмо вновь назначенного начальника Управления НКВД по Орджоникидзевскому краю в НКВД СССР, в котором он сообщает, что произведенной проверкой работы УНКВД установлены серьезные нарушения законности, фальсификация следственных дел, по которым уже состоялись решения о расстреле.

Как указано в письме:

«... В итоге проверки подавляющее большинство дел о широком право-троцкистском подполье в районах распалось, и само существование право-троцкистских организаций в таких районах, как Солдато-Александровский (было 237 арестованных), Изобиленский (92), Шпаковский (28), Старо-Марьевский (44), Ново-Александровский (56) и другие, материалами следствия установить не удалось...

... Что из себя представляют освобожденные из-под стражи. Это в подавляющем большинстве районный и сельский советско-партийный актив, агротехнический персонал земельных органов, колхозов и совхозов».

(*Архив Ежова, опись № 13.*)

В Челябинской области в связи с наличием большого количества арестованных и желанием форсировать окончание дел «рационализировался» процесс следствия и стали, как говорилось в УНКВД, заготавливать «запасные части».

Допрошенный по этому поводу свидетель Пивоваров показал:

«Кроме того для ускорения следствия практиковалось изготовление „запасных частей“, по существовавшей тогда терминологии. Делалось это так: один протокол, написанный следователем, размножался на машинке (машинисток работало одновременно 11 человек). Копии протоколов только слегка переделывались: переставлялись установочные данные, изменялись обстоятельства вербовки и факты шпионско-диверсионной работы.

Все это „ускоряло“ следствие, в результате мы, оперработники, оформляли до 8–10 протоколов, а отдельные работники, как Григорьев, писали до 18 протоколов в один день... Нач. горотдела Чернов на созываемых оперативных совещаниях ставил их в пример, как людей, „действительно умеющих бороться с контрреволюцией“».

(*Дело на Лихолет И. Д., л. д. 20.*)

Заготовленные таким образом протоколы допросов предъявлялись арестованным и последние под физическим воздействие были вынуждены их подписывать, оговаривая себя и других, зачастую даже незнакомых им людей.

На судебном заседании Военного Трибунала бывший сотрудник УНКВД Брялин показал:

«В комнату № 61 заводили одновременно по 60 человек... ставили их на колени по ту и другую сторону и в таком положении держали арестованных по 5–7 суток, добиваясь признания. Я лично дежурил в комнате 61, находился с арестованными около 7 дней, не давая им вставать... Добиваясь признания от арестованного, брали его за ноги и ставили вниз головой, держали до тех пор, пока не признается...

... Брали из числа арестованных 2–3 здоровых ребят и заставляли их избивать других арестованных».

(*Дело на Сердюк М. И., л. д. 24.*)

Аналогичные показания дал и ряд других бывших сотрудников УНКВД.

Применялся как метод понуждения и холодный душ, т. е. арестованных, отказывающихся, несмотря на избиение, подписать заранее заготовленные протоколы, отводили прямо в одежде под холодный душ и держали до тех пор, пока они не соглашались подписать.

О «заговорах» в органах НКВД

Массовые незаконные аресты, широкое применение мер физического воздействия к арестованным, фальсификация протоколов допроса и т. д. – все это было делом рук отдельных врагов, пробравшихся в органы НКВД и примазавшихся к ним беспринципных карьеристов, подхалимов, а также результатом создавшейся общей обстановки в стране.

Пресса, радио, плакаты с «ежовыми рукавицами», выступления руководящих работников ориентировали не только коллектив чекистов, но и руководящий состав партийно-советских органов о существовании повсеместно в стране широко разветвленных шпионско-повстанческих и тому подобных организаций и о необходимости проведения всеобъемлющей чистки. Большинство чекистов некритически подходило к этому и верило указаниям Ежова, являвшегося не только наркомом, но и секретарем ЦК ВКП(б). Будучи вовлеченными в отдельные случаи нарушения закона, они затем поддались общему течению и зачастую сами стали проявлять «инициативу» в этом деле.

Следует отметить, что непосредственными участниками применения мер физического воздействия к арестованным стали и многие члены партии, не имеющие никакого отношения к работе органов НКВД.

В период массовых операций, когда скопилось много арестованных, в ряде органов НКВД, особенно в городских и районных аппаратах, одни оперативные сотрудники физически не в состоянии были заполнить даже только анкеты арестованных и тогда им на помощь были привлечены работники вспомогательных аппаратов и по согла-

сованию с партийными органами мобилизованы многие члены партии из других ведомств. Эти прикомандированные участвовали в незаконных арестах, дежурили у арестованных, поставленных в «стойку», а подчас и принимали участие в избиениях. «Психозом» борьбы с правотроцкистскими шпионами, диверсантами и прочими двурушниками были охвачены широкие массы.

Немало было случаев, когда наиболее трезвые сотрудники возмущались незаконностью таких действий, и тогда они сами попадали в тюрьму. Ежов в своей последней речи на суде заявил, что им было арестовано 14.000 чекистов.

После прихода на пост наркомвнудела СССР Берия широкая волна репрессий против чекистов повторилась. Были арестованы за единичными исключениями начальники всех Управлений НКВД, большинство их замов и значительное количество начальников отделов. Во многих краях и областях последовательно арестовали 2–3 состава руководящих работников НКВД.

Преобладающему большинству арестованных чекистов было вменено в вину участие в право-троцкистском блоке и заговоре в органах НКВД.

Ежов арестовывал и обвинял, что они состояли в заговоре с Ягодой. Берия арестовывал и показывал, что ликвидирует заговор, возглавляемый Ежовым, Фриновским и Евдокимовым.

Большинство арестованных чекистов было приговорено к расстрелу, причем эта мера наказания была предварительно согласована с *т. Сталиным*. Для согласования представлялся список фамилий, без указания существа «имеющихся» материалов.

Ознакомление с рядом дел на бывших чекистов дает основание утверждать, что никакого заговора чекистов в действительности не существовало. Были среди арестованных и враги – правые, эсеры, но организованного заговора среди них не существовало.

Многие из арестованных сотрудников НКВД, особенно это относится к арестам, произведенным Берия, совершили уголовно-наказуемые деяния, нарушали законность и подлежали преданию суду, но не за участие в заговоре. Однако Берия, сам находясь в Грузии, творил такие же беззакония, а кроме того он не хотел подвергать сомнению перед *т. Сталиным* искусственно созданные заговоры, блоки и разного рода параллельные и резервные центры. Нельзя исключить возможность и того, что главной «виной» арестованных сотрудников НКВД являлось то, что они много знали.

Центральный Комитет партии неоднократно посылал для работы в органы государственной безопасности тысячи наиболее проверенных членов партии. Многих из них Ежов и Берия «сделали врагами» и расстреляли.

Арестованные бывшие сотрудники НКВД избивались особенно жестоко, а дела на них фальсифицировались так же, как и на многих руководящих работников советско-партийного аппарата.

Нарушения советской законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД

Вопиющие нарушения советской законности, массовые аресты ни в чем неповинных людей, жестокие избиения, истязания и пытки арестованных происходили при прямом попустительстве Прокуратуры СССР. Более того, в ряде случаев сами прокуроры являлись прямыми участниками грубейших извращений основ социалистической законности и советского правопорядка.

Все аресты граждан производились, как правило, органами НКВД без санкции прокурора. Конституционное требование о том, что «никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора» не имело силы.

Прокурорского надзора за расследованием дел в органах НКВД фактически не существовало. Арестованные допрашивались только работниками НКВД, прокуроры, как правило, в допросах не участвовали.

Роль прокурора в надзоре за следствием сводилась к штампованию следственных материалов – утверждению обвинительных заключений и направлению дел в суд.

Установлены многочисленные факты, когда бывший заместитель Прокурора СССР Рогинский при утверждении обвинительных заключений по делам, направляемым на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР, даже тогда, когда обвиняемому не предъявлялось обвинение по статье 58-8 Уголовного кодекса (террористический акт), произвольно вписывал эту статью, сознательно создавая этим «юридическую основу» для применения постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, по которому было установлено упрощенное судебное производство и немедленное исполнение приговора.

Такой «прокурорский надзор» сводился к «оформлению» террористической расправы со многими честными советскими людьми.

Следует также сказать, что бывший Прокурор СССР Вышинский вдвоем с Ежовым в т. н. «особом порядке» осудили десятки тысяч поляков, латышей, бывших служащих КВЖД и других. Эта «двойка» в один день выносила по несколько сот смертных приговоров.

Грубейшие нарушения законности в прокурорском надзоре имели место не только в центре, но и на местах.

В распоряжении Прокуратуры СССР имеются материалы, свидетельствующие о том, что некоторые прокурорские работники не только не делали попыток пресечь беззакония, творившиеся в органах НКВД, но и сами толкали чекистов на произвол.

Так, бывший помощник Главного военного прокурора Калугин, находясь в 1938 году в Дальневосточном крае, учил работников УНКВД, как надо допрашивать, заявляя:

«Вы не умеете допрашивать, вы его допросите по-московски, оденьте ему наручники, дайте ему хорошенько и он вам даст дюжину заговорщиков».

(*Личное дело бригвоенюриста Калугина Л. М.*)

Необходимо отметить, что за извращения советской законности Калугин в марте 1940 года парторганизацией Главной военной прокуратуры был исключен из партии.

Судебный произвол Военной Коллегии Верховного Суда СССР

Многочисленными фактами установлено, что Военная Коллегия Верховного Суда СССР при рассмотрении в 1937–38 гг. дел о контрреволюционных преступлениях, попирая основы законности, встала на путь вынесения незаконных приговоров.

В 1937–38 гг. сложилась порочная практика, когда НКВД СССР, заканчивая следствие по делам, подлежащим рассмотрению в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, заранее определял меры наказания обвиняемым. С этой целью в НКВД составлялись списки лиц, дела на которых подлежали рассмотрению в Военной коллегии. В списках указывались фамилии лиц, предаваемых суду, и заранее предлагалась мера наказания. Эти списки Ежовым направлялись лично *т. Сталину* для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–38 гг. т. Сталину было направлено 383 таких списка на 44.465 ответственных партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников. В подавляющем большинстве им определялся расстрел.

После утверждения списков *т. Сталиным* работники НКВД, до направления дел в Военную Коллегию, делали в этих делах отметку в соответствии с утвержденной ме-

рой наказания. Если обвиняемый подлежал расстрелу, то на обвинительном заключении ставили «1» (первая категория), если обвиняемого нужно было осудить к лишению свободы, то делалась отметка «2». Этими отметками и руководствовались члены Военной Коллегии Верховного Суда СССР, вынося приговоры по делам.

Судебного рассмотрения дел в Военной Коллегии по существу не было. Военная Коллегия, вынося заранее предопределенные меры наказания, механически штамповала материалы предварительного следствия.

Все «судебное заседание» Военной Коллегии, включая и время вынесения и оглашения приговора, занимало лишь 15–20 минут.

Так, Военной Коллегией всего за 20 минут были рассмотрены дела и осуждены к расстрелу: Заместитель Председателя Совнаркома СССР Межлаук, нарком оборонной промышленности Рухимович, нарком просвещения Бубнов, секретарь ЦК КП Украины Попов, зав. отделом ЦК КПСС Стецкий и многие-многие другие.

Ярким проявлением судебного произвола Военной Коллегии является дело по обвинению Смирновой Лидии Николаевны.

Единственным основанием к аресту и осуждению Смирновой явилось то, что она с 1920 года до дня ареста была женой бывшего секретаря Азово-Черноморского крайкома партии Шеболдаева Б. П., репрессированного как участника антисоветской организации. (Как установлено в настоящее время, Шеболдаев был осужден необоснованно). На предварительном следствии Смирнова категорически отрицала свою осведомленность об антисоветской деятельности Шеболдаева. Никаких доказательств вины Смирновой в деле нет.

В Военной Коллегии Верховного Суда СССР Смирнова также заявила, что «она виновной себя ни в чем не признает, о контрреволюционной деятельности Шеболдаева она не подозревала».

Несмотря на полное отсутствие каких-либо оснований, Смирнова Военной Коллегией была осуждена к расстрелу.

После ареста Смирновой осталось трое сыновей – двенадцати лет, двух с половиной лет и двух месяцев.

Рассматривая уголовные дела, Военная Коллегия совершенно игнорировала объяснения подсудимых. Формально выясняя вопрос о признании или непризнании подсудимыми вины, Военная Коллегия во всех случаях выносила обвинительный приговор.

Бывший секретарь ЦК КП(б) Казахстана и член ЦК КПСС Мирзоян Л. И. в Военной Коллегии заявил:

«... его единственная вина только в том, что он дал на следствии ложные показания... Он 22 года честно служил партии и народу, никогда с Бухариным, Рыковым и другими правыми не путался... Сейчас лгать не может и просит суд перед смертью поверить ему, что он никогда интересов партии не предавал. Он смерти не боится, но его страшит, что он должен умереть незаслуженной им позорной смертью врага народа, которым он никогда не был».

(*Дело Мирзояна, т. I, л. д.*)

Попирая основы правосудия, Военная Коллегия без какой-либо проверки осудила Мирзояна к расстрелу. В настоящее время Мирзоян посмертно реабилитирован[276].

Бывший кандидат в члены ЦК КПСС, член партии с 1915 года Калыгина А. С. на предварительном следствии и в суде категорически отрицала предъявленное ей обвинение. Несмотря на это, Военная Коллегия рассмотрела дело Калыгиной в течение 20 минут и вынесла ей смертный приговор.

В настоящее время установлено, что дело по обвинению сфальсифицировано и она осуждена без всяких оснований.

Бывший кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь Донецкого обкома партии Прамнэк Э. К. в суде виновным себя не признал, однако Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело Прамнэка в течение 20 минут, осудила его к расстрелу.

В настоящее время установлено, что Прамнэк осужден необоснованно, по сфальсифицированным материалам.

Член партии с 1899 года Шотман А. В. был делегатом 2, 6, 7, 8, 11, 14, 15, 16 и 17 съездов партии, в 1917 году лично организовывал переезд В. И. Ленина в Финляндию. В письме на имя Альтфатера 25 апреля 1918 года В. И. Ленин писал: «податель – тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия».

(*Материал проверки Шотмана.*)

В июне 1937 года Шотман был арестован по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. В суде виновным себя Шотман не признал, однако Военная Коллегия без какой-либо проверки осудила его к расстрелу. В декабре 1955 года было установлено, что это дело сфальсифицировано и Шотман посмертно реабилитирован.

Фактов подобного произвола много.

Установлены факты, когда Военная Коллегия Верховного Суда СССР дошла до вынесения приговоров по телеграфу.

Бывший член Военной Коллегии Верховного Суда СССР Никитченко (ныне генерал-майор в отставке), возглавляя выездную сессию на Дальнем Востоке, не видя дел и обвиняемых, вынес по телеграфу 102 приговора.

Тот же Никитченко, находясь на Дальнем Востоке, не только не вскрывал проводившуюся там органами НКВД массовую фальсификацию дел, но, наоборот, всячески потворствовал этой фальсификации и способствовал ее внедрению в работу аппарата НКВД.

В Управлении НКВД по Дальневосточному краю существовала продуманная система «подготовки» арестованных к заседаниям Военной Коллегии, о чем было известно Никитченко, поощрявшему эту преступную практику. Так, бывший работник УНКВД Вышковский показал:

«... Подкармливание арестованных и обработка перед Военной Коллегией была поголовная. Нам говорили, что надо людей подготовить к Военной Коллегии так, чтобы они свои показания подтвердили в суде. Об этом говорил и сам председатель выездной сессии Военной Коллегии Никитченко».

(*Дело Вышковского С. Л., т. XX, л. д. 446.*)

О «технике» судебного рассмотрения дел Военной Коллегией показал бывший работник НКВД Дмитриев:

«... Если обвиняемый на суде отказывался от показаний, данных на следствии, его из зала суда выталкивал комендант в шею, если подтверждал показания – его выводили спокойно. Это делалось на глазах помощника Главного военного прокурора, на глазах председателя и членов Военной Коллегии».

(*Дело Дмитриева П. П., т. XIII, л. д. 95.*)

Бывший начальник отделения УНКД Приморского края Мочалов, осужденный в 1940 году за фальсификацию дел к расстрелу, в суде показал:

«... Мне даже страшно вспомнить, что мы делали. Я за эти дни все понял, но почему мы это делали и для кого это было нужно, я не могу сказать.

... На заседании Военной Коллегии один арестованный заявил, что он отказывается от данных им показаний, что его избили. Председательствовавший Никитченко сказал ему: „А вы что, хотите, чтобы вам добавили?“. На заседании Военной Коллегии

прошли все дела на избитых. После этого я еще раз убедился, что бить можно. На втором заседании Военной Коллегии докладывали дела, по которым было еще больше избитых людей...»

(*Дело Мочалова.*)

Все эти факты свидетельствуют о том, что Военная Коллегия Верховного Суда СССР из высшего судебного органа, призванного стоять на страже советской законности, превратилась в судилище, осуществлявшее расправу с тысячами советских людей.

О внесудебном рассмотрении дел

Массовые нарушения советской законности завершались системой осуждения арестованных тройками, комиссией НКВД и Прокурора СССР, Особым Совещанием при НКВД СССР.

Подавляющее большинство арестованных было осуждено существовавшими до ноября 1938 года тройками УНКВД – НКВД.

Причем, тройке и комиссии было предоставлено право определять любую меру наказания, вплоть до расстрела. Собственно говоря, эти два органа специально созданы были для применения в самых широких масштабах расстрелов арестованных.

Тройки, Комиссия и Особое Совещание были удобны для фальсификаторов дел еще и тем, что они рассматривали дела списком, арестованных и свидетелей не вызывали, доказательства, собранные следователями, не проверяли.

Наряду с тройками в течение 1937 и 1938 гг. активно работала так называемая «двойка», официально именуемая комиссией НКВД и Прокурора СССР. Эта комиссия была создана специально для того, чтобы уничтожать людей, арестованных в порядке проведения массовых операций.

Местные органы НКВД составляли на каждого арестованного по массовым операциям краткие справки, в которых указывались лишь анкетные данные арестованного и весьма краткая суть обвинения. Эти справки высылались в Москву и рассматривались работниками центрального аппарата НКВД СССР.

По этим справкам составлялся список с указанием мер наказания. После подписания списка Ежовым или Фриновским (от НКВД) и Вышинским или Рогинским (от Прокуратуры) решения приводились в исполнение немедленно.

Попирая основы советской законности, комиссия НКВД и Прокурора СССР вынесла решения о расстрелах десятков тысяч советских граждан.

О размахе репрессий, применяемых т. н. «двойкой», свидетельствует следующий акт.

Только 29 декабря 1937 года Ежов и Вышинский, рассмотрев списки на 1000 человек, представленные лишь одним УНКВД Ленинградской области на лиц, обвиняемых в шпионской деятельности в пользу Латвии, осудили к расстрелу 992 человека.

Однако, это не являлось пределом. 10 января 1938 года «двойка» рассмотрела списки на 1667 человек, 14 января – на 1569 человек, 15 января – на 1884 человека, 16 января – на 1286 человек, 21 января – на 2164 человека.

Бывший начальник отдела НКВД СССР Шапиро, будучи арестованным, показал об обстановке, в которой подготавливались списки для рассмотрения «двойкой»:

«... До марта 1938 года все следственные справки по массовым операциям рассматривались по поручению Ежова... Цесарским и Минаевым. Просмотренные ими дела... оформлялись в виде протоколов, которые без всякой проверки, даже без читки, автоматически подписывались наркомом, а также механически подписывались прокурором. После ухода Цесарского (а к этому времени скопилось свыше 100 тысяч следственных дел) к рассмотрению дел были привлечены рядовые начальники отделов. Однако положение не изменилось, а только ухудшилось. Начальники отделов считали это дело излишней нагрузкой и старались за один вечер рассматривать не менее 200–300 справок. По существу это было штампование справок без критического подхода, а люди осуждались к 10 годам заключения или к расстрелу.

Рассмотрение дел оформлялось протоколами, которые представлялись Ежову или Фриновскому (от наркомата) или Вышинскому и Рогинскому (от прокуратуры), которые подписывали эти решения, не читая и не проверяя их».

(*Дело Шапиро.*)

Что касается деятельности Особого Совещания, то можно смело утверждать, что оно дополняло систему внесудебной расправы и отличалось от троек и «двойки» лишь тем, что было постоянно действующим органом.

* * *

Комиссия, выделенная Президиумом ЦК КПСС на заседании 31 декабря 1955 года для разбора вопроса о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства всего состава членов и кандидатов ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии[28], представляет на рассмотрение Президиума ЦК КПСС изложенный выше фактический материал по этому вопросу.

Мы лично проверяли документы, которые положены в основу этой части записки. Комиссией были привлечены к подготовке документального материала следующие члены партии: от Комитета Госбезопасности т. Серов И. А. (член КПСС с 1926 года), начальник секретариата КГБ т. Доброхотов (член КПСС с 1932 года); начальник учетно-архивного отдела КГБ т. Плетнев (член КПСС с 1939 года); начальник Особой инспекции КГБ т. Каллистов (член КПСС с 1940 года); от Прокуратуры СССР – зам. Главного военного прокурора т. Терехов (член КПСС с 1943 года).

При подготовке материалов и печатании настоящей записки была обеспечена необходимая конспирация.

Кроме этого освещения фактической стороны дела, мы считаем необходимым доложить Президиуму ЦК КПСС о некоторых принципиальных выводах, к которым приходит комиссия уже на данной стадии изучения порученного нам вопроса.

Два обстоятельства, как нам представляется, сыграли роковую роль и во многом предопределили массовые репрессии против огромного количества честных советских граждан, в том числе против многих десятков тысяч партийных, советских, хозяйственных, военных кадров.

Первое. Злодейское убийство С. М. Кирова, которое дало повод и было использовано для массовых репрессий и для нарушения социалистической законности. Уже вечером 1 декабря 1934 года, через несколько часов после убийства С. М. Кирова за одной подписью секретаря Президиума ВЦИК А. Енукидзе было протоколом № 112 «оформлено» следующее постановление:

«1) Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам – не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела – приводить в исполнение приговор о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вы-

несении судебных приговоров». (Опубликовано в «Правде» за 4. XII-1934 г., как пост[ановление] ЦИК Союза ССР, принятое на заседании от 1 декабря 1934 г.).

Только 3 декабря 1934 года это постановление ЦИК СССР было поставлено на голосование (опросом) членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Это постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, как уже описывалось выше, открыло возможность для массовых нарушений социалистической законности.

Второе. Широкие массовые репрессии начались с конца 1936 года, после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25.1X-1936 г., адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится сказать, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все акты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года»[29].

В докладе И. В. Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г.[30] имеется одно, казалось бы, странное и непонятное положение, на которое, как видно, тогда никто не обратил внимания, но которое приобретает теперь совершенно особый смысл и значение в свете того, что произошло с составом ЦК ВКП(б), избранным на XVII съезде.

В докладе указывалось на необходимость создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное «Совещание по вопросам внутренней и внешней политики», куда направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи, – говорилось в докладе И. В. Сталина, – должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано».

Возникает вопрос: почему появилась в 1937 году у И. В. Сталина необходимость подготовить «несколько смен» для замены руководителей ЦК? Видимо, уже тогда им вынашивалась мысль о замене состава ЦК, избранного на XVII съезде. И эта «замена» состава ЦК была, действительно, осуществлена, но не путем нормальной партийной демократии, а путем огульного, массового, в основном, как теперь очевидно, совершенно необоснованного репрессирования 70% состава ЦК, избранного на XVII съезде, в том числе нескольких членов и кандидатов Политбюро ЦК.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева П. П. Тов. Постышев говорил:

«Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это – годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что пройдя этот крутой период, Карпов и ему подобные попадут в лагерь врага. А вот по показаниям, якобы, Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю.

... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...»

Не в этом ли смелом, большевистском выступлении П. П. Постышева истинная причина его гибели?

Резолюция февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) по докладу Ежова была использована врагами народа и карьеристами для того, чтобы прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и советского государства и рядовых советских граждан. Количество расстрелянных в 1937 году увеличилось по сравнению с 1935 годом почти в 300 раз!

Это происходило в тот период, когда основные кадры троцкистов и правых были уже репрессированы в 1935–1936 и первой половине 1937 года. Теперь по обвинению в «двурушничестве», по различным оговорам, по зверски выбитым липовым «показаниям» репрессировались многочисленные кадры партии и советского государства, которые в свое время обеспечивали победу над интервентами и белогвардейцами, которые активно боролись за дело партии, за дело социализма в самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые сами вели активную борьбу в партии против троцкистов, зиновьевцев и правых.

Все шире стала распространяться болезненная подозрительность, сеялось взаимное недоверие среди коммунистов в партийных организациях.

Некоторое оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но массовые репрессии продолжались вплоть до 1939 года.

Когда волна массовых репрессий в 1939 г. начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное, – И. В. Сталин направил 10 января 1939 г. шифртелеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самих безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

С содержанием этой телеграммы И. В. Сталин затем предложил ознакомить местных прокурорских работников, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД, и председателей областных краевых, республиканских судов.

Таким образом, самые позорные нарушения социалистической законности, самые зверские пытки, приводившие, как это было показано выше, к массовым оговорам невинных людей, дважды (в 1937 и в 1939 гг.) были санкционированы И. В. Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

В полувековой истории нашей партии были страницы тяжелых испытаний, но не было более тяжелой и горькой страницы, чем массовые репрессии 1937–1938 гг., которые нельзя ничем оправдать.

Был полностью исторически оправдан массовый красный террор против буржуазии и других враждебных классов в 1918–1919 гг., когда судьба молодой Советской Республики не раз висела на волоске, когда мы вели тяжелый, смертельный бой с полчищами интервентов и белогвардейцев, с кулацкими мятежами и т. д. Но ничем не мог быть оправдан массовый террор против многих честных советских людей, против многочисленных кадров партии и советского государства – причем террор, развернувшийся тогда, когда социализм победил в нашей стране, когда успешно были проведены социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, был разбит последний капиталистический класс – кулачество, когда были разгромлены троцкисты, зиновьевцы и правые, когда была разгромлена и их социальная база – эксплуататорские классы.

События 1937–1938 гг. нанесли огромный ущерб международному авторитету нашей страны. Урон, который был нанесен массовыми репрессиями военным кадрам, явился одной из причин наших неудач в финской войне, а эти неудачи подбодрили Гитлера и способствовали ускорению гитлеровского нападения на СССР.

После снятия и осуждения Ежова, Берия и его приспешники по существу продолжали вражескую политику истребления партийных и советских кадров.

Как могло получиться, что враги партии, пробравшиеся к руководству НКВД, смогли использовать эти органы против партии, против руководящих партийных кадров?

Это могло произойти, как показывают многочисленные факты и документы, прежде всего потому, что Центральный Комитет партии, как коллективный орган, был фактически устранен от влияния на органы НКВД.

Позорные дела, творившиеся в стенах органов НКВД, проводились, якобы, с санкции и даже «в интересах партии». На самом же деле это делалось в угоду одному человеку, а иногда по его прямым указаниям (см. напр. шифртелеграмму от 10.1–1939г.).

Вот к чему привел антимарксистский, антиленинский «культ личности», созданный безграничным восхвалением и возвеличением И. В. Сталина.

Владимир Ильич Ленин был глубоко прав, когда предупреждал партию:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

К докладной записке прилагаем следующие документы:

1. Телеграмма И. В. Сталина от 10 января 1939 г.

2. Справка о санкционировании И. В. Сталиным расстрелов 138 руководящих работников.

3. Письмо от арестованного Эйхе И. В. Сталину[31].

П. Поспелов
А. Аристов
Н. Шверник
П. Комаров

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 23–91. Подлинник. Машинопись.

№ 16

РАБОЧАЯ ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ДОКЛАДЕ КОМИССИИ ЦК КПСС ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЧИН МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ ЦК ВКП(Б), ИЗБРАННЫХ НА XVII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

9 февраля 1956 г.

72. Сообщение Комиссии т. Поспелова.

*Хрущев, Первухин, Микоян**.

Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду.

Мнение: съезду сказать, продумать как сказать, кому сказать. Если не сказать – тогда проявим нечестность по отношению к съезду. М[ожет] б[ыть] т. Поспелову составить доклад и рассказать – причины, культ личности, концентрация власти в одних руках. В нечестных руках. Где сказать: на заключительном заседании съезда.

Завещание [Ленина] напечатать и раздать делегатам.

Письмо по национальному вопросу напечатать и раздать делегатам съезда[32].

Т. Молотов – На съезде надо сказать. Но при этом сказать не только это. Но по национальному вопросу Сталин – продолжатель дела Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина – индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией.

Культ личности, но мы о Ленине говорим, о Марксе говорим.

Т. Хрущев –

Т. Каганович – Историю обманывать нельзя. Факты не выкинешь. Правильно предложение т. Хрущева доклад заслушать. Завещание, письмо по н[ациональному] вопросу раздать.

Завещание, письмо разослать членам Президиума ЦК КП[СС].

Мы несем ответственность. Но обстановка была такая, что мы не могли возражать. (О брате говорит). Но мы бы были нечестны, если бы мы сказали, что вся борьба с троцкистами была не оправдана. Наряду с борьбой идейной шло истребление кадров.

Но я согласен с т. Молотовым, чтобы провести с холодным умом (как сказал т. Хрущев).

Т. Каганович – Мы (я) переживаем, но чтобы нам не развязать стихию. Редакцию доклада преподнести политически, чтобы 30-летний период не смазать, хладнокровно подойти.

Т. Булганин – Считаю предложение т. Хрущева правильным. Члены партии видят, что мы изменили отношение к Сталину. Если съезду не сказать, будут говорить, что мы струсили. То, что вскрылось – мы не знали. Списки на 44 тыс[ячи] – невероятный факт. Ближе к правде. На два этапа роль Сталина разделить. Во втором этапе Сталин перестал быть марксистом. О деле Сванидзе говорит. Как сказать? На базе культа личности. Сталин и партия. Нельзя приписывать Сталину.

Т. Ворошилов: Более основательно подготовить. Мы не в отпуску. Всякая промашка влечь будет последствия. Согласен довести до партии (до съезда).

* Здесь и далее фамилии выступавших курсивом выделены составителями. – Сост.

Т. Ворошилов: Осторожным нужно быть.

(Т. Хрущев говорит, что т. Ворошилов возбуждал дело о Ярошенко перед Сталиным).

Т. Ворошилов продолжает: Вот два случая: X съезд 1921 г., поехали в Петроград. XIV съезд – были враги, были. Сталин осатанел (в борьбе) с врагами. Тем не менее у него много было человеческого. Но были и звериные замашки.

Микоян: Мы не можем не сказать съезду. Впервые самостоятельно обсуждать можем.

Как относиться к прошлому? До 34 г. вел себя героически. После 34 г. показал ужасные вещи. Узурпировал власть. Захват власти одним лицом. В коренных вопросах теоретических (расходился Сталин с Лениным) быстро поправлял.

Не осуждаю Сталина, когда вели идейную борьбу с троцкистами.

За провал в с[ельском] х[озяйст]ве разве можно простить?

Если бы люди были живы – успехи были бы огромны.

Сказать спокойно съезду (в докладе).

Почему Вячеслав не хочет опубликовать по нац[иональному] вопросу?

Т. Микоян – Опубликовать «Завещание» и по нац[иональному] в[опросу]. Сочинения Ленина (4 изд[ание]) урезанное, дополнительный том издания Ленина выпустить[33].

Т. Первухин – На съезде надо доложить. В этом докладе о положительной стороне не требуется говорить. Культ Сталина вреден. Сказать как есть. Узурпировал власть, ликвидировал ЦК, ПБ. Кадры истреблял – мы по тяжелой пр[омышленнос]ти темпы потеряли.

Т. Суслов – Надо делегатам съезда рассказать все. О коллективности руководства говорим, а со съездом будем хитрить?

Характер доклада: Комиссии поручено проверить, что стало с членами ЦК XVII съезда.

Неуместно давать в целом характеристику Сталину.

[В] 36–37 гг. сколько перебито кадров.

Кривая 36–39 г. – минимальные темпы.

Т. Суслов – Два этапа [в деятельности] Сталина – в основном правильно.

До 1934 г. Сталин был во многом не прав. Решение XV съезда не выполнено о опубликовании «Завещания».

Авансироваться нельзя.

Т. Маленков – Считаю правильным предложение сказать съезду.

Испытываем чувство радости – оправдываем товарищей.

Нельзя дать объяснение о оправдании товарищей, не объясняя роли Сталина. Никакой борьбой с врагами не объяснить, что перебили кадры.

«Вождь» действительно был «дорогой».

На два этапа не делить, связать с культом личности. Мы этим восстанавливаем Ленина по-настоящему.

У Сталина к Ленину проскальзывали нехорошие настроения.

Не делать доклада о Сталине вообще.

Т. Аристов: Не согласен с одним общим, что есть в выступлениях Молотова, Кагановича, Ворошилова, – не надо говорить, [мол] делегаты – люди острые, мы этого не знали (это недостойно членов ПБ).

Годы страшные, годы обмана народа.

Эйхе и тогда был честный.

Хотели сделать бога, а получился черт.

Т. Аристов: Но как так всех – в угоду Сталина.

Партия авторитет не потеряет.

Т. Беляев: Рук[оводящие] кадры не знают этих документов. Как странно, что эти документы не известны рук[оводящим] кадрам. Съезду нужно документы доложить. Как же скрывать ленинские документы? Правильно т. Хрущев предлагает опубликовать съезду документы.

Правду сказать – делаются оговорки – как бы не потерять величие Сталина. Но в нем надо разобраться. Политически объяснить, конечно, кто [несет] ответственность.

Очищается, что мучает коммунистов.

Иначе – не верить в силу партии.

В этом смысле с оговоркой говорить нельзя.

Т. Шверник: Сейчас ЦК не может молчать, иначе предоставить улице говорить. Съезду надо правду сказать, культ личности разоблачить. Доклад сделать. Кошмар – три раза косили людей.

Т. Сабуров: Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят. Один Сталин (а не два). Сущность его раскрыта за последние 15 лет. Это не недостатки (как говорит т. Каганович), а преступления. Т. Молотов говорит: «Он с нами был 30 лет». Но известна его роль в войне. Но в послевоенный период испортили отношения со всеми народами (выступления о проливах). Мы потеряли многих из-за глупой политики (финская война, Корея, Берлин).

Сказать правду о роли Сталина до конца.

Т. Шепилов: Писали о Сталине от сердца. Шевелились глубокие сомнения по событиям 1937 г.

Надо сказать партии – иначе нам не простят.

Говорить правду – сказать, что партия не такая, что нужно было миллионы заточить, что государство наше не такое, что надо было сотни тысяч послать на плаху.

Идеологически – вопрос о воспитании кадров.

Т. Шепилов: Продумать о формах, чтобы не было вреда.

Т. Кириченко: Не может быть вреда. Невозможно не сказать. Сказать разумно. Надо бы сказать, кто реабилитированы.

Решение от съезда вынести.

Т. Пономаренко – На съезде ЦК должен высказаться. Гибель миллионов людей неизгладимый след оставляет. Трезво о этом периоде и роли Сталина надо сказать.

Т. Хрущев – Нет расхождения, что съезду надо сказать.

Оттенки были, учитывать.

Все мы работали со Сталиным, но это нас не связывает. Когда выявились факты, сказать о нем, или мы оправдываем действия.

Не сбрасывать со счетов, что через 3 м[еся]ца после смерти Сталина арестовали Берия. И этим мы расчистили [путь] к действию. Мы можем полным голосом, можем сказать.

Нам не стыдно.

Не бояться, не быть обывателями, не смаковать.

Развенчать до конца роль личности.

На съезде доклад поставить. Секретарей ЦК всех подключить. Кто будет делать доклад – обдумать[34].

М[ожет] б[ыть] и на пленуме ЦК старого состава сказать, что хотим поставить такой-то вопрос.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 58–62 об. Автограф. Карандаш.

№ 17

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ ДЕЛЕГАТОВ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ С НЕОПУБЛИКОВАННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В. И. ЛЕНИНА»

9 февраля1956 г.

№ 187. п. LXXII – Об ознакомлении делегатов XX съезда партии с неопубликованными документами В. И. Ленина (тт. Хрущев, Микоян, Каганович, Молотов, Ворошилов, Маленков, Сабуров, Суслов, Булганин, Первухин, Кириченко).

1. Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС следующие неопубликованные документы В. И. Ленина – «Завещание» и письмо по национальному вопросу[35].

2. Считать необходимым ознакомить делегатов XX съезда партии с указанными документами В. И. Ленина.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 223. Л. 25. Подлинник. Машинопись.

№ 18

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О ПРОВЕДЕНИИ ЗАКРЫТОГО ЗАСЕДАНИЯ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ И УТВЕРЖДЕНИИ ДОКЛАДЧИКОМ Н. С. ХРУЩЕВА

9 февраля1956 г.

№ 188. п. II – Об открытии Пленума ЦК КПСС (тт. Хрущев, Микоян, Сабуров, Первухин, Каганович, Маленков, Булганин, Ворошилов, Кириченко, Молотов, Суслов, Пономаренко, Поспелов)[36].

Поручить открыть Пленум ЦК КПСС первому секретарю ЦК т. Хрущеву Н. С.

Внести на Пленум ЦК предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности.

Утвердить докладчиком т. Хрущева Н. С.[37]

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 225. Л. 2. Подлинник. Машинопись.

№ 19

ИЗ НЕПРАВЛЕНОЙ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. С. ХРУЩЕВА НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС

13 февраля 1956 г.

<...>[38]

Есть еще один вопрос, о котором здесь нужно сказать.

Президиум Центрального Комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на съезде Центрального Комитета*, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет утверждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК, кандидатов и членов ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культе личности.

Почему, товарищи? Сейчас все видят, чувствуют и понимают, что мы не так ставим вопрос о культе личности, как он ставился в свое время, и это вызывает потребность получить объяснение, чем это вызывается. Мы, правда, объяснили, и достаточно веско объяснили, но нужно, чтобы делегаты съезда, которые были на съезде, чтобы они все-таки больше узнали бы и почувствовали, поняли бы больше, чем это мы сейчас делаем через печать. Иначе делегаты съезда будут чувствовать себя не совсем хозяевами в партии. Поэтому они должны для того, чтобы объяснять большой поворот, который произошел, иметь больше фактического материала. Я думаю, что члены пленума с этим согласятся.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Тогда все. Мы сегодня обсудили доклад[39], готовим другой доклад. На Президиуме мы условились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет возражений?

Голоса. Нет

Хрущев. Тогда, по-моему, все вопросы, которые следовало на нашем пленуме решить, мы решили. Работу пленум хорошо провел от съезда и до съезда. После смерти Сталина были большие испытания, но Центральный Комитет занял твердую позицию и твердую линию партии и добился больших успехов. Это большая честь составу Центрального Комитета, который сегодня заканчивает свои полномочия.

Разрешите на этом заседание пленума закрыть.

РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. Л. 2–5. Подлинник. Машинопись.

№ 20

ПРОЕКТ ДОКЛАДА «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ», ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Н. С. ХРУЩЕВУ П. Н. ПОСПЕЛОВЫМ И А. Б. АРИСТОВЫМ

18 февраля 1956 г.

Товарищи!

В выступлениях делегатов съезда неоднократно указывалось, что Центральный Комитет правильно сделал, проделав за отчетный период известную работу по развенчанию чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, говорилось в общей форме и об отрицательных последствиях этого немарксистского возвеличения отдельной личности.

Центральный Комитет считает необходимым доложить на данном закрытом заседании XX съезду, как верховному органу партии, о некоторых очень тяжелых и вредных последствиях культа личности, о том большом ущербе, который был причинен сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица. Многие весьма важные обстоятельства и факты стали известными Центральному Комитету только

* Так в тексте. – Сост.

после смерти И. В. Сталина и после того, как по инициативе ЦК был разоблачен подлый враг партии и советского народа Берия.

Прежде чем перейти к тяжелым последствиям культа личности, разрешите напомнить вам некоторые принципиальные марксистские положения о культе личности, напомнить об отрицательном отношении к этому явлению основоположников марксизма.

Известно, например, что Маркс сурово осуждал проявления всякого культа личности и на практике последовательно боролся против него. В письме немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу Маркс заявлял:

«... Из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, – я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль впоследствии поступал как раз наоборот)» (Письмо Маркса В. Блосу от 10 ноября 1877 г., Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, изд. 1-е, стр. 487–488).

Позднее, в 1891 году, Энгельс писал хоровому кружку лондонского Коммунистического рабочего просветительного союза:

«И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, изд. 1-е, стр. 385).

Известна также величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина. Ленин всегда подчеркивал роль партии, как живого, самодеятельного организма, как руководящей и направляющей силы советского общества, роль Центрального Комитета, который Ленин называл «коллективом руководителей». Ленин строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального Комитета.

Не случайно, что такой важнейший политический документ, как свое письмо, известное под именем «завещания», Ленин адресовал на имя партийного съезда.

В этом «завещании» Ленин выражал тревогу по поводу того, что уже тогда, в 1922 году Сталин, сделавшись генеральным секретарем, сосредоточил в своих руках необъятную власть.

Ленин указывал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

В добавлении к этому «завещанию» Ленин даже предлагал съезду партии обдумать способ перемещения Сталина с должности генерального секретаря в связи с его грубостью, недостаточной внимательностью, недостаточной лояльностью, то есть недостаточной добросовестностью, в отношении товарищей. Ленин прямо говорил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Этот ленинский документ, в котором содержались также оценки и некоторых других членов Политбюро того времени, – был оглашен по делегациям XIII съезда партии. Делегации XIII съезда обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря и высказались за его оставление на посту генерального секретаря, имея в виду, что Сталин учтет критические замечания Ленина и сумеет исправить свои недостатки, которые внушили серьезные опасения Ленину. Но, как показали последующие события, Сталин только в первые годы после кончины Ленина считался с его указаниями и предупреждениями.

Сталин нарушил постановление XV съезда партии, который принял 9 декабря 1927 года решение об опубликовании в «Ленинских сборниках» письма В. И. Ленина, которое называют «завещанием». Этот документ был опубликован лишь в «бюллетенях» XV съезда и не вошел даже в протоколы XV съезда.

Центральный Комитет полагает, что необходимо выполнить соответствующее решение XV съезда партии и опубликовать этот документ в очередном «Ленинском сборнике»[40].

Если в первые годы после смерти Ленина Сталин в своих выступлениях подчеркивал роль партии, то за последний период, в атмосфере безграничного восхваления, бесконечных «рапортов» в атмосфере приписывания всей гигантской созидательной работы по построению социализма, совершенной партией и народом, одному лицу, его инициативе, – Сталин все больше переставал считаться и с партией, и с народом.

В своем ответе на приветствия в связи с его 50-летием, Сталин относил еще эти приветствия «на счет великой партии рабочего класса», «на счет нашей славной ленинской партии» и отвечал на них большевистской благодарностью. А в 1944 году Сталин счел возможным допустить опубликование нового гимна Советского Союза, в котором ни слова* нет о коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии.

Могут сказать: но здесь, когда говорится о Сталине, имеется в виду партия. Такая «персонификация», допущенная Сталиным, – «партия – это я» – не имеет ничего общего с марксизмом и напоминает рассуждения одного французского короля, который любил повторять: «государство – это я».

Этот немарксистский культ личности создавался постепенно, не в один день. В свете последующих событий мы теперь видим, какую отрицательную роль сыграло, например, принятое на XVII съезде партии предложение С. М. Кирова вместо резолюции по отчету Центрального Комитета – «принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина».

Это давало возможность Сталину забыть о предупреждениях Ленина, забыть о всякой осторожности в применении той совершенно неограниченной власти, которую он сосредоточил в своих руках.

Центральный Комитет считает необходимым доложить закрытому заседанию XX съезда о громадном политическом и моральном ущербе, который был причинен нашей партии и нашему государству антимарксистским, антиленинским культом лич-

* Здесь и далее подчеркивания авторов доклада. – Сост.

ности И. В. Сталина, о тех тяжелых и ничем не оправданных жертвах, которые понесла наша партия. Этот культ личности привел к полному принижению и игнорированию коллективного руководства партии, к присвоению абсолютно неограниченной и бесконтрольной власти одним человеком, который перестал поэтому считаться с какими-либо нормами партийной и советской законности. А поскольку у И. В. Сталина, наряду с его известными заслугами перед партией и советским государством, были также очень серьезные недостатки и слабости, о которых прямо предупреждал партию В. И. Ленин в своем «завещании», – Сталин воспользовался неограниченной властью для установления своего «единоначалия» в партии, стал допускать жестокий произвол, злоупотреблять властью. Болезненная подозрительность И. В. Сталина, огульное недоверие к людям, в том числе и к таким товарищам, которых он знал много лет, побуждали его видеть везде и всюду «врагов», «двурушников», «шпионов». Это привело к большим бедствиям, к массовым репрессиям против невинных людей в 1937–1938 гг., к так называемому «ленинградскому делу», состряпанному преступной шайкой Берия-Абакумова, к позорному «делу врачей».

Центральный Комитет партии при жизни И. В. Сталина и первые месяцы после его смерти не имел возможности по-настоящему разобраться в том, что делалось в НКВД. Только после того, как был арестован предатель Берия за преступные антипартийные и антигосударственные действия, за вероломные попытки поставить Министерство внутренних дел над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, обстановка оздоровилась. Устранив Берия, Центральный Комитет получил доступ к НКВД, возможность проверить, что там делалось за ряд лет, возможность проверить законность и обоснованность репрессий, которые обрушились на многих коммунистов. За последние годы органами суда и Прокуратуры Союза ССР был пересмотрен ряд дел и многие люди были признаны невиновными, были полностью реабилитированы, причем значительная часть из них были реабилитированы посмертно.

В ходе рассмотрения этих дел стало выясняться, что большое количество членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом партии, было репрессировано несправедливо, в результате различных провокаций, оговоров, грубейших нарушений партийной и советской законности. В связи с этим, Центральный Комитет выделил партийную комиссию в составе тт. Поспелова, Аристова, Шверника, Комарова, которой поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б)[41].

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли многие невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937–1938 годах «врагами», в действительности никогда «врагами», «шпионами», «вредителями» и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал, который был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета[42]. Центральный Комитет считает необходимым доложить XX съезду некоторые основные факты по этому вопросу.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б), избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов[43]. Следует напомнить, что XVII съезд вошел в историю как «съезд победителей». Социализм в эти годы уже победил в нашей стране; троцкисты, зиновьевцы и правые были политически разгромлены; были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, являвшиеся социальной базой для враждебных партии политических течений и сил.

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором 70 процентов оказались бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним в большинстве случаев были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа. Больше того. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины – 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими простому здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, большинству участников XVII съезда партии, съезда победителей.

Каким же образом оказались возможными эти массовые репрессии против большинства состава делегатов XVII съезда, большинства членов и кандидатов ЦК, избранных этим съездом? Это могло произойти только в результате грубейших нарушений партийной и советской законности, в результате прямой фальсификации многих дел следователями НКВД, в результате того, что оказались невозможными какие-либо апелляции и объективное рассмотрение предъявленных обвинений.

Злодейское убийство С. М. Кирова дало повод и было использовано для массовых репрессий и для нарушений социалистической законности. Уже вечером 1 декабря 1934 года, через несколько часов после убийства Кирова, по инициативе Сталина (без опроса членов Политбюро – этот опрос был произведен только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ВЦИК А. Енукидзе следующее постановление:

«1) Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам – не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела – приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года открыло возможность для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась «подготовка» террористических актов и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих «признаний» и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

В 1935 и 1936 годах было однако репрессировано еще сравнительно немного лю-

дей, в том числе были репрессированы действительные троцкисты, зиновьевцы, правые. Мы не можем забывать того обстоятельства, что в партии были и троцкисты, и правые оппортунисты, что в течение ряда лет они вели отчаянную борьбу против партии, против ее генеральной линии, а затем переродились в антисоветские течения и перешли к антисоветским действиям. Но кадры троцкистов и правых были вовсе уж не так многочисленны. Достаточно напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь около 4000, тогда как за линию партии голосовало 724 000.

Широкие массовые репрессии начались с осени 1936 года, когда наркомом был назначен Ежов и когда Сталин дал установку, что «НКВД опоздал на 4 года» с разоблачением троцкистско-зиновьевского блока, что надо «наверстать упущенное» путем широких репрессий. Эта сталинская установка прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится сказать, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года».

В докладе И. В. Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была теоретически обоснована политика массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна, якобы, все более и более обостряться.

«... Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству», – заявлял Сталин, утверждая, что так учит история, так учит ленинизм.

На самом же деле Ленин никогда не утверждал, что по мере продвижения к социализму будет обостряться классовая борьба и остатки разбитых эксплуататорских классов смогут все больше и больше пакостить советскому государству.

Наоборот. Сразу же после того, как в январе 1920 года был взят Красной Армией Ростов и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие Советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили бы беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле» (В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 303–304).

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После

того, как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране, после того как коренным образом изменилась социальная структура советского общества и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

И этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «вредительстве», подготовке каких-либо выдуманных «покушений» и т. п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева П. П. Тов. Постышев говорил:

«Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это – годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что пройдя этот крутой период, Карпов и ему подобные попадут в лагерь врага. А вот по показаниям, якобы, Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю.

... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...».

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будут пакостить враги, следовательно, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, враги народа, пробравшиеся в НКВД, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилась в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз!

Применением массовых необоснованных арестов и расстрелов, санкционированием жестоких избиений всех «подозреваемых» во вражеской деятельности были фактически растоптаны гражданские права членов советского общества, которые были объявлены новой Конституцией победившего социализма. Была произвольно зачеркнута статья 127 Конституции, гласящая, что «гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Известно, что Устав ВКП(б), принятый XVII съездом, исходил из ленинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии «должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля», что только при условии, если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Подавляющее большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937–1938 гг., были исключены из партии незаконно, с гру-

бым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Сталин оказывал грубое политическое давление на членов Политбюро, рассылая им «показания» и «признания» арестованных членов и кандидатов ЦК. Теперь, когда многие из этих мнимых «шпионов» и «вредителей» посмертно реабилитированы, видно, чего стоили эти фальсифицированные следователями, полученные путем жестоких, бесчеловечных истязаний липовые «признания» и «показания». В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, никогда не рассылал им таких заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда они отказывались от данных ранее вынужденных, ложных показаний, отказывались от своих показаний на суде Военной Коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Центральный Комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных «дел» против членов ЦК, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации и злостной фальсификации, преступных нарушений революционной законности является дело быв. кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе, члена партии с 1905 года.

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции Прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 г. Эйхе обратился с заявлением на имя И. В. Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

«Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии давал и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Эйхе писал в своем заявлении:

«25 октября с.г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться с следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело – это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

... Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепые, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, также было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука В. И и многие другие моменты...

... Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня».

(*Дело Эйхе, т. 1, пакет.*)

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

«Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынуждено. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня – это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру также с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы».

(*Дело Эйхе, т. 1.*)

4 февраля Эйхе был расстрелян. В настоящее время бесспорно установлена фальсификация дела Эйхе.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак, член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге.

В протоколе судебного заседания Военной Коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака:

«... его единственная просьба к суду – это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства».

(*Дело Рудзутака, т .1.*)

Полностью игнорируя это важное заявление Рудзутака, Военная Коллегия в течение 20 минут осудила его, приговорив к расстрелу.

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзутак посмертно реабилитирован[44].

Каким образом искусственно, провокационными методами создавались бывшими работниками НКВД различные «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний т. Розенблюма, члена партии с 1906 г., подвергавшегося аресту Ленинградским УНКВД в 1937 году.

Розенблюм показал в 1955 году при проверке дела Комарова, что когда он был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу» о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре. С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров».

«Для наглядности, – показал Розенблюм, – Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра 4–5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позерн, Шапошникова и др. и от каждого филиала по 2–3 чел.

... Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом конечно) и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4–5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить – пеняй на себя. Выдержишь – сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет».

(*Материалы проверки дела Комарова, листы дела 60–69.*)

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. УНКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб – орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников», руководимый, якобы, секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым, членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали, якобы, широко разветвленные «право-троцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры» и, как правило, эти «организации» и «центры» почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий.

В результате этой чудовищной фальсификации всевозможных липовых дел, в результате того, что верили различным клеветническим «показаниям» и вынужденным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов.

Что судьба коммуниста зависела иногда просто от каприза одного лица – можно видеть на примере дела Постышева. Как возникло дело Постышева? Однажды Сталин, получив, видимо, какой-то клеветнический материал на Постышева, грубо спросил его: «Кто вы такой?» На это Постышев резко и смело ответил: «Большевик я, товарищ Сталин!» С этого момента судьба Постышева, кандидата в члены Политбюро, старого иваново-вознесенского рабочего, члена партии с 1904 года, была предрешена. Постышева вывели из состава кандидатов в члены Политбюро в январе 1938 года, а в феврале 1938 года он был арестован. Ему, между прочим, было предъявлено среди других обвинений совершенно нелепое обвинение, что он, якобы, проводил в Куйбышевской области вредительскую политику в сельском хозяйстве, приказывал проводить разбросной сев и т. п., от чего, мол, мог снизиться урожай. На самом же деле в 1937 году в Куйбышевской области был хороший урожай, своевременно была проведена уборка и область выполнила план хлебозаготовок на 110 процентов.

Постышеву было предъявлено ложное обвинение в том, что он будто бы являлся участником право-троцкистского «заговора», направленного на свержение советского строя, а кроме того, одновременно являлся японским, польским и германским шпионом. В настоящее время бесспорно доказано, что тов. Постышев был оклеветан. Еще в ходе следствия по делу Постышева один из следователей НКВД писал Ежову, что к Постышеву применяются незаконные методы ведения следствия, что «показания» Постышева о его мнимой «шпионской» и другой антисоветской деятельности написаны следователем в отсутствие Постышева.

В июне 1955 г. Верховный суд отменил несправедливый приговор по делу тов. Постышева и посмертно его реабилитировал[45].

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства. В некоторых отраслях промышленности, где было арестовано особенно много опытных кадров по ложным обвинениям во вредительстве, – перед войной не только не набирали темпов, а, наоборот, оказались в полосе застоя. Так, например, индекс продукции чугуна и стали с 1937 года по 1941 год оставался почти на одном уровне.

События 1937–1938 гг. нанесли огромный ущерб международному авторитету нашей страны. Урон, который был нанесен массовыми репрессиями военным кадрам, явился одной из причин наших неудач в финской войне, а эти неудачи подбодрили Гитлера и способствовали ускорению гитлеровского нападения на СССР.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, вселяли неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы. Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937–1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937–1938 годах.

Следует сказать о наших судебных органах того времени. Так называемая Военная Коллегия Верховного суда СССР играла жалкую, позорную и преступную роль пособницы полного беззакония, механически штамповала незаконные приговоры, которые заранее были предопределены НКВД и, как правило, были санкционированы лично И. В. Сталиным.

В 1937–1938 годах сложилась порочная практика, когда в НКВД СССР состав-

лись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично И. В. Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 гг. Сталину было направлено 383 таких списка на 44465 ответственных партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, И. В. Сталин направил 10 января 1939 г. шифртелеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, дважды (в 1937 и в 1939 гг.) были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

На основании всех этих фактов и документов Центральный Комитет партии считает установленным, что главную ответственность за допущенное в 1937–1938 годах массовое необоснованное репрессирование многих честных коммунистов и беспартийных советских граждан несет И. В. Сталин.

Вот к каким тяжелым, страшным последствиям привел антимарксистский культ личности, сосредоточение необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, против чего прозорливо предостерегал партию в своем «завещании» Ленин.

Вот почему Центральный Комитет партии с такой решительностью осудил культ личности и восстановил в партии ленинские принципы коллективного руководства, строго следит за соблюдением ленинских норм партийной жизни.

Выводы:

1) Необходимо до конца разоблачить и искоренить антимарксистский культ личности во всей нашей политической и идеологической работе;

2) Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности, полностью реабилитировать всех честных, невинно осужденных людей.

П. Поспелов, А. Аристов

АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–28. Подлинник. Машинопись.

№ 21

ПРОДИКТОВАННЫЕ Н. С. ХРУЩЕВЫМ ДОПОЛНЕНИЯ К ДОКЛАДУ «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»

19 февраля 1956 г.

В отчетном докладе Центрального Комитета партии съезду, в выступлениях делегатов съезда, а также и раньше, на Пленумах Центрального Комитета, и в практике работы после смерти Сталина в партии стали проводить курс на разъяснение вредности создания сверхчеловека, то есть человека, который за всех думает, человека, который за всех все знает, человека, который по всем и всяким вопросам давал самые нужные указания, одним словом, какое-то обожествление человека, как у верующих называются такие люди, придание этому человеку каких-то сверхъестественных качеств, – то есть то, что мы называем культом личности.

Такое понятие о человеке и, конкретно говоря, о Сталине, прививалось много лет в партии и в народе, поэтому естественно, что имеются на этот счет и надуманности у отдельных членов партии и в народе, что создает необходимость разъяснить, чем это вызвано и почему Центральный Комитет нашей партии, Президиум Центрального Комитета ставит вопрос о культе личности, разъяснить, какой вред нанесен в результате создания такого положения.

(Здесь нужно сказать о том, что это немарксистское понятие, что это противоречит нашему учению и нашим понятиям. Материал нужно использовать из письма.)

Не было, пожалуй, в истории такого человека, – я уже не говорю о величии нашего вождя Владимира Ильича Ленина, или о наших основоположниках учения о победе рабочего класса Марксе и Энгельсе, но и даже среди буржуазно-капиталистических слоев и феодалов, – который обладал бы такой силой власти, которую захватил в свои руки Сталин. Ведь гениальность Ленина еще сказывается, помимо всего того, что он сделал для победы рабочего класса, для победы трудового крестьянства по организации партии, когда он организовал и повел за собой народ и добился разгрома капиталистов и помещиков в России, обеспечил победу социализма в Советском Союзе, проложил путь для всех народов мира, и этим опытом и примером уже воспользовались многие народы и страны, которые, применяя ленинские положения, добились победы в своих странах и создали государства, которые успешно строят социализм (можно перечислить эти страны), – Ленин еще в своем известном завещании указывал и гениально предвидел и дал совершенно правильную характеристику Сталину и поставил вопрос о том, что его надо сменить с поста генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза и по каким причинам.

Ленин видел именно те качества у Сталина, которые привели к таким тяжелым последствиям нашу партию и страну. Это – нетерпимость, капризность, невероятная грубость, недопущение обсуждения вопросов, а стремление к личному решению, злоупотребление властью.

Это завещание вам роздано, вы его читали и еще раз прочитайте и вдумайтесь как следует в слова, в которых показано чувство ответственности и забота о партии, забота о народе, забота о государстве, о направлении политики, которая была заложена при руководстве Лениным.

И Ленин не ошибся. Сейчас, после смерти Ленина и после смерти Сталина, изучая и проверяя политику и практику, которые были при жизни Сталина, убеждаешься в справедливости опасений Ленина, которые он высказал в своем завещании перед

смертью. Полностью подтвердились опасения и тревога, выраженные в завещании великим Лениным.

Если пересмотреть руководство Сталиным и все то, что было допущено Сталиным, то видим, что, несмотря на предупреждение об этих отрицательных и вредных качествах, которые имел Сталин, он не удержался и допустил в своей практике даже больше того, о чем так волновался Владимир Ильич Ленин.

Мы сейчас вынуждены разбирать и правильно анализировать этот вопрос потому, чтобы исключить повторение не только подобного, но даже какого-либо намека на подобное тому, что было. Сталин проявлял полную нетерпимость коллективности, грубое насилие над всем, что ему не только противоречило, но что ему, при его капризности, казалось противоречивым. Он действовал не путем убеждения, кропотливой работы, разъяснения, а путем навязывания, путем требования принятия его понимания вопроса, и кто этому сопротивлялся, или старался доказывать свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива, с последующим немедленным уничтожением. Впоследствии это особенно ярко продемонстрировалось.

Жестокая и полезная борьба, которая была проведена партией с троцкистами, зиновьевцами и правыми, была необходима и понятна, и здесь Сталин сыграл положительную роль. Но не исключено, что события могли развиваться по-разному в этой борьбе, менее жестоко, если бы Сталин не обладал теми отрицательными качествами, о которых так метко сказал Ленин. Потому что лица, которые стали врагами и которых справедливо уничтожили, они работали с Лениным, Ленин их приблизил, при Ленине они делали ошибки, и все же Ленин держал их около себя, вел их за собой. В этом сказывалось величие вождя, величие руководителя, в этом гениальность и величие Ленина, чем не обладал и чего не имел Сталин. Там, где надо было действовать упорно и кропотливо, проводить терпеливую работу, уметь повести за собой людей, на какое-то время оказывать давление коллективом с идейных позиций, Сталин этим пренебрегал, отбрасывал и переходил на путь административного подавления, действуя через суды, через казни. Это не способствовало сплочению, а, наоборот, способствовало уничтожению, отсечению определенного количества неугодных. Ведь не все люди, которых мы называем врагами народа, действительно враги, ведь это слишком упрощенное понятие, что они являются агентами капитализма. Может быть такое понятие приемлемо для людей, мало разбирающихся в политике, не сведущих. А была борьба, которая развивалась с идейных позиций, поэтому если бы эта терпимость и упорство были проявлены, если бы и нужно было применять суровые меры, которые были применены, то они должны были быть применены к гораздо меньшему кругу лиц, к гораздо меньшему количеству, только по отношению тех лиц, которые были безнадежными, которые упорно не отказывались от своей вредной деятельности Кроме того, не обязательно их было уничтожать, можно было держать в тюрьмах, в ссылках. Да мало ли у государства имеется средств воздействия на людей, которые не хотят подчиниться порядкам, которые установлены и которые полезны для государства.

Здесь опять та же нетерпимость, которая вытекала из тех же качеств, на которые указывал Ленин в своем завещании о Сталине.

Возьмем троцкистов. Сейчас мы об этом можем говорить спокойно и довольно объективно разобраться, потому что прошел достаточный исторический срок. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые не являлись выходцами из буржуазии и помещиков, часть из них была партийной интеллигенцией, часть из рабочих. И можно назвать целый ряд людей, которые принимали активное участие и до победы революции, и в момент революции, и в укреплении завоеваний этой революции. Почему же они были доведены до такого состояния, что создалась необходимость их уничтожения? Я уверен, если бы был жив Ленин, такой необходимости не было бы. Ленин воздействовал бы другими средствами, может быть даже и не потребовалось такое средство, как тюремное заключение.

О чем это говорит? Тем более, что если Ленин и применял какие-то суровые меры, то это было в первые дни революции, а Сталин это делал на этапе, когда укрепилась революция, когда укрепилось государство, выросла наша партия по количеству и идейно, и политически окрепла. Ясное дело, что здесь были проявлены нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс, он пошел по линии наименьшего сопротивления, по линии уничтожения этих людей, пошел на подмену власти генсека. Никакой в этом гениальности и мудрости нет, кроме проявления грубой силы.

(Привести пример, что в дни Октябрьского восстания Каменев и Зиновьев предали революцию, но Ленин не поставил вопроса о суде, а оставил их в партии, в руководстве. Это говорит о его величии, об его идейности, о духовности, возвышенности этого человека, человека, который стоял на позициях политической борьбы. Нельзя сказать, что Ленин боялся применять к врагам революции жестокие меры. Нет, Ленин требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса, и пользовался этими мерами, но пользовался против действительных врагов, а не против тех, которые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве.)

Видимо, люди много будут работать и изучать архивные материалы, они увидят, что материалы были оторваны от действительности, глаза беспристрастных историков не поверят никакому печатному слову, они будут искать факты, сопоставлять эти факты, и будут делать свои анализы, свои выводы. Я только хотел бы высказать делегатам свои сомнения, что эти историки могут не найти достаточных фактов для оправдания тех действий, судебных действий, которые были произведены над теми или другими, как мы их называли и сейчас называем, «врагами народа», «изменниками», «предателями» и т. д., потому что тут одних слов и одних умозаключений следователей и даже судей недостаточно, тут должны быть факты, факты и факты. А вот этих-то фактов и не имеется. Может быть сейчас, в наше время, и не следует останавливаться на этом деле, но для себя мы должны сделать вывод, потому что люди будут изучать решения XX съезда, будут изучать наш доклад на этом съезде, будут делать свои выводы и мы не должны допустит чтобы наши потомки плохо думали о нас.

* * *

Как могло получиться, что такие видные политические деятели-революционеры, как Косиор Станислав, Чубарь, Постышев, Эйхе, Рудзутак – это я называю только членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, а ведь чуть ли не 80 процентов членов ЦК, избранных XVII съездом партии, оказались арестованными и расстрелянными. 1100 делегатов XVII съезда из 1900 – более половины делегатов съезда, съезда, который вошел в историю, принял решения о победе социализма, делегаты которого состояли из активных участников и строителей нашего социалистического государства, многие из них были подпольщиками и активными участниками гражданской войны, которые воевали и прямо смотрели в глаза смерти и не дрогнули, и вот после разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после всего этого они оказались врагами народа и были уничтожены, расстреляны!?

Как это могло получиться? Как эта ошибка, если можно ее назвать только ошибкой, могла быть допущена? Нет, это была не ошибка, это вытекало из характера Сталина, это выявилось то, о чем говорил Ленин – злоупотребление властью, так как Сталин, не терпевший никакого особого мнения и к этому времени настолько возвысился

над партией и над народом, что он уже не нуждался в поддержке. Если он до XVII съезда, когда были зиновьевцы, троцкисты, еще нуждался в поддержке масс, в поддержке партии, он еще тогда считался с мнениями отдельных лиц, то после разгрома и уничтожения, когда было достигнуто полное морально-политическое единство в народе, он уже не нуждался в массах, не нуждался в поддержке членов партии, даже в поддержке членов Политбюро, считал, что он сам в состоянии вершить все дела и мы нужны были как статисты, он пользовался нами, держа в таком положении, что могли только слушать и восхвалять его. В это время поднялась волна восхваления и набора всяких фраз: «гениальный», «мудрый», «отец наш», «учитель» и т. д.; пошли всякие переименования, все, что только можно было, переименовывали его именем, и трудно было придумать более или менее заслуживающего внимания, что не было бы связано с именем Сталина, даже чистый воздух связывался с именем Сталина, только и слышно было, что он нас «одарил», «осчастливил» и т. д.

Сейчас мы обвиняем Ежова, и правильно обвиняем. Но разве мог Ежов арестовать Косиора? А если мог арестовать, то что это за порядки в государстве и партии, когда министр госбезопасности может арестовывать члена Политбюро без Политбюро?! А было ли решение Политбюро? Нет, не было.

Кто же решал? Ежов? Нет, было бы наивно приписывать это отдельному, небольшому сравнительно человеку. Это дело решал Сталин. Без его указания, без его санкции ничего не мог делать Ежов.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, и других. На каком же основании они были арестованы? Сейчас видим, что никаких оснований не было, если бы были основания, то мы их бы не реабилитировали. Что ж послужило поводом для арестов? Только сталинские умозаключения. А для этого ему не требовались ни факты, ни доказательства, всех арестовывали без прокурорской санкции. Какие же санкции и разрешения, когда разрешал все сам Сталин. Те, которые арестовывали, они считали, что не нужен прокурор, они так и писали: «без прокурора». Главный прокурор в этих вопросах был Сталин. А он давал не только разрешения, но и указывал. Я убежден, что сам Ежов, я его очень хорошо знаю, никогда бы сам не додумался до ареста Косиора, он это сделал только по инициативе и указанию Сталина. Поэтому давайте здесь говорить ясным языком, чтобы нас правильно поняли сейчас, чтобы показать, что мы правильно умеем разбираться, оценивать и делать выводы. Все эти злоупотребления были по указанию Сталина, а так как Сталин был человек очень мнительный, в чем мы убедились, работая вместе с ним, когда он иной раз посмотрит тебе в глаза, – а он старался сверлить своими глазами глаза других людей, в этом отношении он был довольно беззастенчивым, – и говорит: что-то у вас сегодня глаза бегают, или: что-то вы сегодня отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза, или, наоборот, – что-то вы сегодня упорно смотрите, то становится ясно, что это уже самодурство, что это уже власть, которая перешла все рамки, власть неограниченная, когда подавлялись не только физические качества человека, но и моральные. При таком положении нужно ли говорить, что человек мог проявить свою волю. Если, бывало, Сталин скажет: «сегодня у него что-то глаза бегают», значит этого уже достаточно для того, чтобы этого человека арестовать. Причем, когда Сталин говорил, что надо арестовать, то надо было понимать, что это уже враг народа, поэтому те люди, которые выполняли его волю, они обязывались Сталиным доказать, что Сталин прав, потому что он вождь, он гениален, он прозорлив, он все видит, он все понимает, он не может ошибиться. Поэтому маленькие люди, которые ведут следствие, не могут подорвать «прозорливость» Сталина и не доказать, что это враг. И они «доказывали». Какие должны быть доказательства в их понимании? Только одно – признание. А как можно получить

с человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершил? Только одним путем – бить, истязать, лишить сознания, лишить рассудка, лишить человеческого достоинства, путем физического насилия и вымогательства. И люди это делали, чтобы получить признание.

Мы недавно заслушали Родоса – следователя, который допрашивал Косиора и Чубаря[46]. Маленький человек, даже с низшим образованием, с куриным кругозором, и этот человек определял судьбу этих людей, вместе с тем определял и политику, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым утверждал и политику. На что он сам был способен? Он не мог много сделать. Когда перед съездом мы его вызвали и допросили на заседаниях Президиума ЦК, то он сказал, что я делал то, что мне партия приказывала. Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был собрать факты, должен был вытащить признание, что они враги.

А мог это он сделать лишь только путем физического воздействия. И он это делал. Берия его в этом инструктировал и он слепо выполнял этот инструктаж. Он сказал: я считал, что я выполняю поручение партии.

Вот до чего было доведено положение в партии и государстве, когда всякие нормы партийные и нормы государственные были стерты, ликвидированы и все было подчинено произволу одного лица, а это лицо оказалось не на высоте положения, как по своему политическому руководству, и, я бы сказал, это бесспорно, по своему физическому состоянию. Это мог делать только физически больной человек, тиран.

* * *

Ну, ладно, все это было под впечатлением борьбы с троцкистами, в связи с засылкой шпионов. Но возьмите «ленинградское дело» Вознесенского, Попкова, Кузнецова и других товарищей, которые, как теперь установлено, совершенно невиновны.

Чем вызвано это «дело»? Ведь это момент, когда наша партия разгромила фашистскую Германию, японское фашистское государство, когда кругом торжество и радость. И вдруг это «ленинградское дело». Это – одно из позорнейших дел, и позор этот ложится, надо прямо сказать, на голову Сталина. Кузнецов и особенно Вознесенский были люди способные и приближенные к Сталину. Сталин Вознесенского выдвинул первым своим заместителем по Совету Министров. Кузнецов был избран секретарем Центрального Комитета и уже одно то, что Сталин предложил Кузнецову наблюдение за органами МГБ, говорило о том, насколько Сталин доверял Кузнецову. Как же получилось потом, что эти люди погибли? Это получилось опять в результате сложившихся условий произвола, который создал Сталин. Если бы эти вопросы решались как положено для каждого органа, особенно такого органа, как Политбюро, когда решается судьба не только члена партии, но и члена Политбюро, когда требуется доказать преступность этого человека, когда нужны неопровержимые факты, – тогда не только не было бы последствий, которые получились по делу Вознесенского и Кузнецова, но и сами вопросы подобного порядка не возникали, потому что на самом-то деле не было никаких вопросов для возникновения дела Кузнецова и Вознесенского.

В самом деле, послевоенный период, который характеризуется еще более сложной обстановкой, которая сложилась, когда Сталин стал могущественным, более капризным, раздражительным, более физически слабым, когда в большей степени появилось его физическое недомогание – болезнь, которая к этому времени развилась особенно, – это подозрительность, сомнительность во всех людях, его болезненная мания преследования, он в каждом видел человека, который являлся чуть ли не его врагом. Кроме того, возвышение в партийном и государственном положении Кузнецова и Вознесенского пугало Берия, потому что Берия боялся, что Вознесенский может занять в

случае естественного выхода из строя Сталина первое положение в государстве, то есть занять пост председателя Совета Министров, на что претендовал Берия. У Кузнецова были сосредоточены все вопросы по назначению кадров в МГБ, по назначению партийных и других работников, поэтому Кузнецов был также «опасен».

По этим соображениям такие подлецы, как Берия, который был всемогущ и имел большое влияние на органы МГБ, возглавлял которое Абакумов, воспитанник Берия, который был его тенью, вот таким подлецам ничего не стоило создать это дело.

Какое было положено начало? Начало было таково, что в Ленинграде была организована ярмарка. Почему не могла быть организована ярмарка в Ленинграде? Такая ярмарка была и в Киеве. Если ленинградцы не имели права делать ее, то можно было просто сразу сказать, что нельзя делать и указать, почему нельзя, а тут этот вопрос был поднят на такую «высоту», что потребовалось обсуждение на Политбюро, вынесение решения, снятие людей, потом передали дело следственным органам, снятие Вознесенского. Тут еще Сталин хотел, чтобы Вознесенский и Кузнецов были использованы на работе, он не допускал мысли, что они враги народа, он предложил Кузнецова послать в Приморский край секретарем, даже был назначен, а Вознесенского Сталин предлагал или в Академию послать, или сделать председателем Госбанка, он считал его хорошим экономистом, о чем он даже сказал самому Вознесенскому, говорил среди членов Политбюро, я сам лично слышал это.

Как же получилось, что после этого события развернулись и были доведены до трагического конца для этих людей и явились большой трагедией для всей Ленинградской партийной организации?

Получилось так потому, что были лица, заинтересованные в таком направлении этого дела и в таком исходе. И прежде всего был заинтересован Берия. Это было подтверждено фактами. После всего того, как разобрались, люди были реабилитированы, тем самым была реабилитирована Ленинградская парторганизация, а виновники этого дела – Абакумов и другие, были наказаны, были судимы в Ленинграде, там, где они совершили так называемое «ленинградское злодеяние».

Спрашивается, если возникло это дело, то почему же не хватило сил и возможностей правильно разобрать и предупредить его, дать правильное направление разбору этого дела? Почему же мы после смерти Сталина могли разобраться в этом деле и разобрались правильно, что доказано самими материалами, которыми мы пользовались, и тысячи ленинградцев и других освобождены из-под ареста (кто остался в живых) и реабилитированы в партийном отношении, сейчас работают вместе со всеми членами партии на наше общее дело, – почему не сделали этого раньше, при Сталине? Только потому, что он сам являлся источником этого дела. Как только Сталину доложили об этом «деле», он сразу дал ему направление. Если он сказал «разобрать дело Кузнецова и Вознесенского», этим уже он предопределил ход дела. Подлецы очень ловко использовали мнительность, подозрительность, болезненное состояние и манию преследования, которыми страдал Сталин.

Берия подбрасывал ему материалы в виде анонимных писем, в виде заявлений, в виде подобранных слухов через своих агентов, всячески поддерживал эти болезненные явления на определенном уровне и доводил до такого состояния.

* * *

Дело врачей. Это может быть не дело врачей, а дело Сталина, потому что никакого дела о врачах не было, кроме записки врача Тимашук, которая может быть под влиянием кого-то, а может быть и по подсказыванию кое-кого (уточнить, она вроде была осведомителем органов МВД) написала письмо на имя Сталина. И вот по этому письму было создано дело врачей, арестовали крупнейших и честнейших людей, которые

были по своей квалификации, по своему политическому мировоззрению советскими людьми, которые допускались до лечения самого Сталина, например, Смирнов лечил Сталина, а ведь известно, что самим Сталиным к нему допускались единицы. Я не буду вам перечислять всех врачей, это все известные академики, профессора, которые сейчас освобождены и занимают те же посты – лечат членов Правительства и членов Президиума ЦК, мы им оказываем полное доверие и они с полным сознанием и добросовестностью исполняют свой служебный долг.

И вот достаточно было такого письма к Сталину, как Сталин сразу этому поверил. Ему следствие не нужно было, потому что человек с таким характером, с таким болезненным состоянием сам себя считал гением, сам себе навязал мысль, что он всеведающий, всезнающий и ему никакие следователи не нужны. Он сказал – и их арестовали. Он сказал – Смирнову надеть кандалы, такому-то надеть кандалы – так и будет. Здесь вот сидит делегат съезда Игнатьев, которому Сталин сказал: если не добьетесь признания у этих людей, то с вас будет голова снята. Он сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, – а методы единственные – это бить. И вот был составлен протокол, который мы все читали. Сталин говорил: вот вы какие – слепцы, котята, не видите врага; что будет без меня – погибнет страна, потому что вы не можете распознать врага.

Дело было поставлено так, что люди были отстранены от возможности проверить факты, на основе которых следователь ведет работу, не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания. Никто не мог возражать, потому что предъявлялись данные органа, который этим делом специально занимается, и присылал собственноручные признания обвиняемых. Вот как было поставлено дело.

После смерти Сталина мы интуитивно почувствовали, что это дело нечистое, так как этих людей мы знали, они нас лечили. Мы подняли это дело и увидели, что оно ложно создано и кем создано? Сталиным. Он начал это дело и не успел закончить, сам умер. Если бы он прожил еще немного, он бы этих врачей расстрелял.

* * *

Мингрельское дело. Сталин сам продиктовал это решение, а потом сам же любовался им, говорил: вот, пусть посмотрят.

В чем обвинялась Грузинская партия и коммунисты Грузии? Они обвинялись в том, что они хотят отделиться от Советского Союза и войти в состав турецкого государства. Это невероятный случай, трудно даже себе представить, как могла прийти в голову такая мысль. Цветущая Грузия, которая имеет... процент образования, которая во времена Советской власти поднялась на такую высоту, где развита промышленность, сельское хозяйство, цитрусовые, и вдруг эта Грузия захотела войти в состав нищего турецкого государства, голодного, ободранного, неграмотного. (Дать цифры.)

Сталину нужно было произвести политический эффект. И он этого добился. А сколько людей погибло из-за этого, даже трудно себе представить. И это все делалось под «гениальным» руководством нашего великого вождя и учителя, в данном случае их земляка, чтобы грузины говорили, что Грузия дала народу такого гения, что это сын грузинского народа, а этот сын грузинского народа уничтожал цвет грузинского народа.

* * *

О Берия. Как могло получиться, что этот махровый враг нашей партии и агент иностранной разведки, который еще в момент оккупации английскими войсками Баку служил в контрразведке, которая была подчинена английской контрразведке, и вот такой человек добился такого положения, что стал первым заместителем председателя Совета Министров и членом Политбюро, занял такое положение, когда все в то время

говорили, что без совета с Лаврентием Павловичем нельзя проводить Политбюро и в Правительстве ни одного вопроса.

Когда судили этого мерзавца, когда разбирали все те деяния, которые подробно записаны в обвинительном заключении, разосланном партийным организациям и с которым, по-видимому, все знакомы, увидели: этот человек достиг вершины, идя в гору по государственной лестнице через трупы на каждой своей ступеньке, уничтожая и тех, чей пост занимал, и тех, кто был вокруг того человека, которого он смещал.

Кто его поддерживал? Были ли сигналы о том, что Берия недобросовестный человек? Были. На Пленуме об этом сказал Каминский и был тут же на Пленуме арестован, а затем расстрелян. Были и другие заявления (надо посмотреть записку Снегова)[47]. Когда Сталин предложил секретарем ЦК Грузии Берия, то Лаврентий Алахашвили* сказал, что хорошо знает Берия и считает его недостойным такого назначения. Тогда Сталин на этом заседании сказал: давайте снимем с обсуждения этот вопрос. И вместо того, чтобы обратить внимание на заявление Алахашвили, проверить, что это за человек, откуда он пришел и чего добивается, он через некоторое время подписывает решение об освобождении Алахашвили и о назначении Берия секретарем бюро ЦК Закавказской Федерации.

Второй сигнал на Пленуме ЦК был со стороны Каминского. (Нужно посмотреть стенограмму выступления Каминского в 1937 году). Проверил ли Сталин заявление Каминского? Поставил ли в Политбюро этот вопрос? Обсудили ли его в Политбюро? Нет, не поставили и не обсудили, потому что Сталин верил в это время Берия и этого было достаточно. А раз Сталин верил, никто не смог даже думать, не только сказать что-либо против.

Если бы кто вздумал возразить, значит того постигла такая же судьба, как и Каминского.

Вот что значит культ личности, возвеличенный до высоты какого-то сверхъестества, до положения всемогущего бога, только не такого, как рисуют верующие, а с копьем. Кто его затронет, тот сразу поражается в сердце. Вот вам культ личности.

И все-таки Берия был разоблачен. После смерти Сталина прошло 3 месяца и 20 дней, а Берия был арестован. Было назначено следствие, которое было проведено со всей тщательностью и объективностью, с соблюдением всей законности. Был назначен авторитетный суд под председательством маршала Конева, в состав этого суда вошли т.т. ... , которые тщательно разобрали это дело, и враг народа Берия был соответственно наказан за свои злодеяния, которые он совершил перед партией и народом.

Спрашивается, почему же этот враг народа Берия, который стоил народу десятки тысяч лучших жизней нашей партии и народа, не был разоблачен при жизни нашего «гениального» вождя и учителя, «всеведающего», и т. д. и т. п. эпитеты, которыми мы все здесь сидящие награждали Сталина? Потому, что сам Сталин был носителем этого порока. Берия ловко это использовал и угождал Сталину и за это его Сталин продвигал и возвеличивал. В обвинительном заключении подробно было изложено дело Берия, но кое-что стоит в памяти восстановить, тем более, что, по-видимому, не все делегаты читали это обвинительное заключение[48]. Например, дело старого большевика Кедрова, который был расстрелян без суда. Были расстреляны сын Кедрова, который поднял голос за своего отца; друг сына, который также поднял голос за отца; приемная мать друга, старушка, старая большевичка и многие другие, которые были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом через год или два. Вот письмо Андрееву Кедрова, вроде письма Эйхе.

* Так в тексте. Правильно – Картвелишвили. – Сост.

А расправа с семьей Орджоникидзе? Почему надо было добиваться расправы над семьей Орджоникидзе и вынудить Орджоникидзе покончить жизнь самоубийством. Почему? Потому, что это было в планах Берия, он должен был расчистить себе путь, избавиться от всех людей, которые правильно его понимали и оценивали. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил и Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и правильно понять, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться.

Вот что такое Берия. Сам по себе он оказался ничтожеством, дело не в Берия, а в Сталине. Берия жил поддержкой Сталина. Могут сказать, куда же смотрели члены Политбюро и почему они тогда этих вопросов не поставили, а ставят сейчас?

Во-первых, члены Политбюро смотрели сами разными глазами в разные периоды времени. В первое время сознательно возвеличивали Сталина, потому что Сталин действительно был велик и способен. Он был одним из сильнейших марксистов и его логика, сила и воля оказывали положительную роль для партии в организации партии, в ее направлении против преодоления политических, экономических и идейных препятствий.

В это время Сталин завоевал симпатии к нему и поддержку. А потом, расправившись с людьми, которые действительно заблуждались и иной раз оказывали сопротивление и своими действиями наносили вред развитию политических событий и политике как международной, так и внутренней (троцкисты, зиновьевцы и правые), получивши такую власть, которой начал пользоваться и применять методы такие же, какие применял к врагам народа, и к таким людям, как Косиор, Рудзутак и другие, у некоторых может быть и появились сомнения, но этих сомнений было недостаточно, чтобы поставить вопрос. Одних сомнений было мало, чтобы вступить в спор. Тут, видимо, и брало человеческое, было полное не только идейное, но и физическое подчинение этому человеку.

Возьмите Постышева. В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос: Кто вы такой? – Постышев твердо заявил, окая: «большевик я, товарищ Сталин, большевик». И это было расценено сначала, как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, как врага народа. Путь Постышева мог оказаться путем каждого, кто хоть в какой-то степени мог высказать свои сомнения.

А возьмите последний Пленум после XIX съезда партии, когда выступил Сталин на Пленуме и давал характеристику Молотову и Микояну, по существу обвиняя их в шпионаже. Я убежден, если бы Сталин пожил месяц-два, то на этом съезде Микоян и Молотов не выступали бы.

И такое отношение к близким людям, которые проработали вместе много лет, может быть еще Каганович может претендовать на такую близость.

А возьмите Ворошилова, ведь он еще с 1942 года (уточнить) лишился права принимать участие в работе Политбюро. Ведь Сталин запретил ему появляться на заседания[х] Политбюро и когда заседало Политбюро и Ворошилов об этом узнавал, то каждый раз он звонил и спрашивал разрешения, можно ли ему прийти на это заседание. И Сталин другой раз разрешал, но всегда выражал страшное недовольство, чего, мол, он лезет, что ему нужно, так как он сделал вывод для себя, что Ворошилов является английским агентом. А какие данные для этого? У нас не только каких-либо данных, но даже и мысли такой нет. Сталину не нужно было никаких данных. Это просто умозаключение, просто произвол. Если бы это сделал какой-либо другой человек, мы бы с ним поговорили, указали бы ему, разъяснили, а если бы этого оказалось недостаточно, то просто отстранили бы его. Можно ли было указать Сталину? Нет, потому что кто ему об этом укажет, тот теряет голову, потому что у него полнейший контакт с масте-

рами заплечных дел. Следствие очень короткое, а суд тем более. Человек этот физически уничтожался, а имя его клеймилось позором перед всем народом, перед всеми близкими. Это позорное пятно распространялось на всю родословную, все близкие и родственники являлись изменниками, врагами народа. Страдали жена, дети, все окружающие этого человека, несли не только наказание, но и презрение народа.

Вот почему мы сейчас и протестуем против культа личности, потому что если бы этого не было, если бы были демократические условия в партии, если бы сами не создавали культа личности, не болтали бы об этом, тогда в народе не создавали такого бога, тогда он сам был бы ограничен в своих возможностях. Чтобы не повторить ошибок прошлого, мы и выступаем против культа личности и считаем, что Сталина возвеличили не по заслугам, хотя в прошлом он и имел очень большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением, имел эти заслуги по своей работе и по своей преданности этому делу. Вся трагедия в том, что те злодеяния, которые были совершены при нем, под его руководством, с его согласия, были сделаны не в интересах реставрации капитализма, не в интересах империалистического лагеря. Нет, Сталин все это делал в интересах рабочего класса, в интересах крестьянства, в интересах трудового народа, в интересах победы социализма, в интересах обеспечения победы коммунизма. Вот в этом трагедия. Поэтому мы должны сейчас строже отнестись к этому вопросу. К сожалению, мы не можем вынести этот вопрос даже за пределы съезда, а тем более в печать. Мы должны умело разъяснять, почему мы против культа личности, что это неправильное, немарксистское понимание. Все, что здесь вам было сказано, это должно остаться среди делегатов съезда, которые здесь присутствуют и для которых был сделан доклад, так как мы считаем, что члены партии, делегаты съезда, должны знать эти вопросы и мы считали своим долгом доложить об этом и надеемся, что сейчас наша партия, находясь на таком уровне своего развития, а члены партии на таком уровне понимания и ответственности, когда они должны это все знать и найдут в себе нужное понимание и мудрость правильно оценить и определить свое отношение к этому вопросу, а в дальнейшем повести себя так, чтобы это не ослабляло наших позиций ни внутри нашей страны, ни вне ее, чтобы не дать врагам использовать наши слабые места, которые нами выявлены, – еще более объединилась, имеет еще большее морально-политическое единство внутри своей страны и в странах народной демократии и решения, которые будут приняты, определят дальнейший путь нашей борьбы за победу коммунизма.

* * *

Некоторые партийные и беспартийные честные советские люди говорят, и пишут некоторые писатели, чтобы возвеличить победы, которые были одержаны Советским Союзом как на фронте при разгроме фашистской Германии и империалистической Японии, так и на фронте мирного развития социалистического строительства, все эти победы приписывают Сталину. К сожалению, это получило очень широкое распространение. Почему это произошло? Потому, что сам Сталин это популяризировал. Возьмите наши исторические и военные кинокартины. Они предназначены для пропаганды именно этой стороны, например, картина «Взятие Берлина». Там один Сталин дает указания в зале с пустыми стульями, и только один человек, который к нему приходит и доносит что-то – это Поскребышев. А где же руководство? Где же Политбюро? Где Правительство? Что они делают и занимаются? Разве это показано для народа? А если и показано, то в извращенном виде. В отдельных эпизодах Сталин «возмущается», Сталин «негодует». На самом деле это сплошная ложь. Где же наши военные, которые

на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Если правду говорить, а мне и другим товарищам пришлось быть на войне с самого начала и почти до конца ее и нести ответственность и тяжесть этой войны, то мы знаем, какова роль была Сталина в войне. Эта роль не Сталина, а роль нашей партии, роль людей, которые воспитаны партией, прежде всего, роль военных, роль наших членов партии, нашей технической интеллигенции, роль партийных организаторов, которые организовали производство в новых условиях, в глубоком тылу страны, которые использовали свои технические знания, свою волю, организационное умение, роль командиров, которые лишились армии в первые дни войны и сумели перестроиться на ходу и разгромить нашего врага. Разве все это сделал Сталин? Если говорить правду о Сталине, то в первые дни войны он сам заявил о том, что все потеряно, все разгромлено и что «Ленин создал государство, а мы его...». И шел. Он не руководил войной, а вернулся только тогда, когда на него нажали, когда пришли и сказали, что нужно то-то и то-то сделать. Ведь он год не подписывал приказы, как главнокомандующий, даже больше года. Первый приказ он подписал как главнокомандующий, для народа и для армии, когда армия стала одерживать победы, когда прекратилось отступление и наступил перелом. Где же все это время был главнокомандующий? Струсил, испугался. Тяжелое положение, которое создалось в то время для нашей страны, – это результат неразумного руководства Сталина. Я говорю Сталина, потому что все остальные при нем люди не имели права голоса, и не только права голоса, но и права рассуждения. Все подавлялось «величием» и «гениальностью» этого человека. И вот насколько это вредно для народа и для страны мы убедились в первые годы войны.

Сейчас мы читаем, что Гитлер продвинулся далеко вглубь нашей страны, использовав «момент внезапности». Это сплошная ложь. Гитлер, как только пришел к власти, сразу поставил задачу разгрома коммунизма. Об этом он говорил открыто, никогда не скрывал. Об этом говорили всевозможные пакты, блоки, оси – ось Берлин – Токио – Рим – и всякие прочие оси. Все это говорило о том, что Гитлер направлял все усилия на разгром коммунизма и Советского государства. Какая же тут «внезапность»?

Гитлер пришел к власти в 1932–1933 гг., а война началась в 1941 году. Времени было достаточно для того, чтобы подготовить страну соответственно и исключить внезапность, достойно встретить врага на своих рубежах. Было у нас время для этого? Были такие возможности? Были. Наша промышленность находилась на таком уровне, когда можно было обеспечить целиком и полностью нашу армию всем необходимым. Это подтверждается тем, что когда было потеряно 50 процентов промышленности на занятой Украине, Северном Кавказе, когда были заняты промышленные и хлебные районы, несмотря на все это мы вывезли столько оборудования, что сумели организовать производство военных материалов и в конце концов разгромили врага. Надо было представить себе, насколько враг был сильнее нас. Если бы промышленность, которая была оставлена на территории, временно оккупированной Германией, если бы она была правильно и своевременно использована и работала на обеспечение вооружения нашей армии, то нам не пришлось бы так долго воевать и с такими большими жертвами. А что было на деле? Через 5–10 дней войны наша армия была не только плохо вооружена, но не имела даже винтовок, не имела шашек. Я помню, как из Киева позвонил Маленкову и говорю: народ пришел и требует оружия, Маленков сказал мне: тебе оружия нет, винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами, куйте пики. И это в наше время, когда противник вооружен сильной техникой, танками, а нам предложили вооружаться пиками, ножами и бутылками с керосином.

И все это «гениально», говорим, что разгромили врага под руководством гениального Сталина. Нет, враг разгромлен был в результате сплочения партии, сплочения

трудового народа вокруг партии и невероятного количества жертв. Мы пролили крови столько, сколько ни в одной войне не проливали и половины этой крови, потому что глупо была подготовлена война, глупо была подготовлена оборона. Ведь когда К[ирпонос], который погиб в войне, написал Сталину, что немцы подошли к Бугу, заранее все подготавливают и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление, что надо выбить противника и создать надежную оборону, укрыть наших бойцов, из Москвы был ответ, что это провокация и никаких работ не делать. И довел до такого состояния, что когда началась война, даже тогда, когда прибежал немец-солдат и сказал, что наступление будет в 3 часа ночи, то из Москвы последовал приказ: на выстрелы не отвечать, потому что считали, что это не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и если ответим, то это будет поводом к началу войны.

Это говорит о полной деморализации руководства Сталина. Он и в этот момент боялся, как кролик боится удава, Гитлера, всеми мерами хотел умаслить его, чтобы избежать войны. Но об этом надо было думать раньше. Гениальности и прозорливости у руководителя в тот момент не оказалось. И если разгромлен враг, то это не в результате гениального руководства. В военных делах он ничего не смыслил, он чуть ли не с глобусом выходил, когда ему докладывали обстановку, он из-за голенища вытаскивал карту, на которой был помещен чуть ли не весь мир. И это называется военное руководство. Или возьмите гибель наших войск под Харьковом в 1942 году. Маршал Баграмян сидит здесь, он подтвердит. Он был начальником оперативного отдела Юго-Западного фронта, когда сложились тяжелые условия и было принято правильное решение. А что Сталин сделал? Он отменил это решение и приказал продолжать выполнять решение на окружение Харькова и захват Красногорска. И это в то время, когда нависла угроза окружения всей нашей многочисленной военной группировки. Отдал такой приказ, сел за стол и начал пить, ведь он пьянствовал. Я звоню Василевскому и умоляю: возьмите карту, покажите Сталину, какая обстановка, что нельзя продолжать, надо изменить решение, надо принять решение, которое мы разработали вместе с Тимошенко. Василевский сказал, что Сталин рассмотрит и сам даст указания, а мне лично сказал, что не пойдет ему докладывать. Тогда я позвонил Сталину на дачу, но он не подошел к телефону, а подошел Маленков. Я Маленкову говорю, что хочу говорить лично со Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично прошу, что хочу доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас. Он не соизволил пройти десять шагов от стола, где он сидел, до телефона, чтобы выслушать меня, а ведь я звонил с фронта, и опять подтвердил, чтобы я говорил через Маленкова. Тогда я вынужден был через Маленкова передать, чтобы он отменил свои указания. Он выслушал и говорит: «Оставить». А что получилось? Погибло наших войск около 400 тысяч человек. Вот вам «гений». Если бы он принял наше решение, войска эти не погибли бы, потому что были предусмотрены такие мероприятия, которые обеспечивали их сохранность.

После войны в разговоре Маленков сказал, что Хрущев был прав, когда звонил по поводу этой операции, и напрасно его не поддержал Сталин. Но как сказать, что он не прав, ведь он «гений», а гений не может быть не прав, все, кто угодно, не правы, а гений всегда прав. Поэтому, несмотря на такие колоссальные жертвы, у него ни стыда, ни совести не хватило признать это. И он никому никогда не признавался, хотя и делал много тяжелых ошибок и в марксистских положениях и в своей практической деятельности.

* * *

По руководству сельским хозяйством. Почему мы, простые смертные люди, вышедшие из народа – рабочих, крестьян, служащих – из которых состоит руководство

ЦК и Президиума, почему мы увидели катастрофическое положение, которое сложилось в сельском хозяйстве, и почему этого не увидел Сталин? Говорили ли об этом Сталину? Да, говорили. Выдвигал он этот вопрос? Нет, потому что последнее время он заперся в четырех стенах и никуда не выходил, а это «последнее время» насчитывает не годы, а десятки лет. Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам, а кинофильмы делали лакированные, подкрашенные, что ни кинофильм, то столы ломились от яств, от обилия индеек и гусей, которыми объедались. И он представлял себе, что так едят крестьяне, а на самом деле этих гусей и кур ели загримированные актеры, а стоимость оплачивалась Министерством кинопромышленности. А ведь Ленин принимал ходоков-крестьян, сам ездил на открытие маленькой гидростанции, произносил речь. А где был Сталин? Нигде, его последняя поездка относится к 1929–1930 году на село в Сибирь по хлебозаготовкам. Но это не продовольственная сторона, а выколачивание хлеба, это уже милицейские функции.

Вот так он знал народ, так знал сельское хозяйство. И когда я ему сказал, что положение в сельском хозяйстве у нас тяжелое и дальше терпимо быть не может, что у нас катастрофически дело обстоит с мясом, что он мне на это сказал? Он прикрыл глаза. Я не знаю, чем бы это все кончилось, если бы не прекратила его существование смерть. Он создал комиссию, меня сделал председателем комиссии и в результате деятельности этой комиссии, в которую вошел товарищ Микоян и другие товарищи, в результате наших предложений, которые не охватывали всех возможностей для оздоровления, но показали пути подъема сельского хозяйства. Мы предложили поднять цены и создать стимул для поднятия сельскохозяйственного производства. На это Сталин внес другое предложение: крестьяне слишком богато живут, много едят, за одну курицу расплачиваются по налогу, поэтому нужно повысить налог на 40 миллиардов рублей. Подумать только, 40 миллиардов рублей, ведь такую сумму крестьяне за все сданные продукты не получали, это просто невозможно. Но разве он основывался на данных, он «гений», ему не нужно считать, ему достаточно посмотреть, и он сказал свое слово. А потом все повторяют.

После смерти Сталина стали понемногу выкарабкиваться. Наше сельское хозяйство на подъеме. Сейчас выступления делегатов на съезде радуют, когда они говорят, что пятилетку хотят выполнить за 2–3 года. Ведь на протяжении 30 лет не хватало молока, а сейчас получаем достаточный надой молока, увеличился сбор хлеба, увеличилось поступление мяса. Ведь сейчас мы умеем разбираться с положением дел, значит и всегда умели, тем более сейчас, когда нет нашего «гения». Выходит, что «гений» не помогал, а вредил этому делу, иначе нельзя понимать.

Когда мы сейчас говорим о культе личности и указываем на отрицательную роль и явления, которые были при жизни Сталина, нам говорят: а как же так, Сталин стоял во главе страны 30 лет, при Сталине добились того-то и того-то. Я считаю это – ослепленные и безнадежно загипнотизированные культом личности люди, которые не понимают сущности советского государства, сущности революции, потому что революцию совершил народ под руководством Ленина. Нельзя говорить, что революцию совершил Ленин, Ленин только руководил, а совершил ее народ, не мог этого сделать один человек.

Если бы он был оторван от своего времени в развитии общественной мысли, техники, он не мог бы совершить этого дела, потому что для этого требуется соответствующая подготовка, может это сделать только народ. Это и есть марксистское понимание. Ленин возглавлял этот народ и думы его воплотились, а эти думы совмещались с теорией, которая изложена в виде учения Маркса – Энгельса – Ленина о победе над капитализмом. В результате этого была одержана победа и создано такое государство,

которое явилось самым прогрессивным в истории человечества Советским государством, где власть принадлежит рабочему классу, крестьянству, интеллигенции, то есть трудовому народу, и государство все делает в интересах народа, выполняя линию, предначертанную Лениным, о развитии тяжелой промышленности. И даже в то время, когда Сталин, как юродивый, сидел и уничтожал кадры, принижал наши возможности, народ шел путем, дорогой, которые были указаны Лениным и которые базировались на учении Маркса – Энгельса – Ленина. Это учение стало достоянием масс не только в партии, но и вне ее рядов, и это обеспечило нам успехи, которые мы с вами имеем, и которые нас привели к грани, когда мы движемся и зримо чувствуем конечную нашу цель – построение коммунистического общества.

XX съезд нашей партии наметил грандиозные задачи. Раньше партия и народ не могли проявить полностью во всю свое умение и использовать возможности, а сейчас эти возможности имеются, потому что мы освободились от культа личности, освободились от Сталина, у нас развязана инициатива коллектива и этот коллектив проявляет себя так, как это требуется в интересах страны. Уже после смерти Сталина мы приняли целый ряд важных постановлений как в области внутренней политики, так и в области международной.

Сталин долгими месяцами не рассматривал жизненно важные и неотложные вопросы. При жизни Сталина мы все время висели на волоске от войны. Надо осиновый кол вбить в культ личности, похоронить его навеки, чтобы он никогда больше не появлялся, а была только вера в коллектив, вера в народ.

Сколько раз нападали на нашу страну, наступал и Наполеон, и Александр I не такой уж был вояка, Кутузов был старый, и все же разбили Наполеона, разбил русский народ и его полководцы – тоже часть народа.

* * *

Биография. Вот вам зеркало Сталина, вот его скромность. У нас много пишут о скромности (о, подхалимы!), а подхалимов много развелось и в партии и вне партии. Это все есть результат культа личности.

Сталинские премии. В истории человечества никакой царь-самодур не учреждал такие премии, которые учредил Сталин, который назвал их «сталинскими премиями» и сам выдавал эти премии. Сам заставил написать себе гимн, где прославляет себя. Ни один царь этого не делал.

А с другой стороны, Сталин проявил неуважение к Ленину. Не случайно дворец Советов, как памятник Ленину, несмотря на то, что прошло 25 лет (уточнить), не только не сдвинулся с места, а все больше и больше предавался забвению.

Было решение учредить Ленинские премии. Это было сделано в 1925 году (уточнить). И до сих пор Ленинских премий нет, причем, это предложение было выдвинуто Сталиным, он это сделал тогда, когда мало кто знал его в стране. Теперь все события освещаются так, что Ленин как будто был подсобным человеком при совершении революции. Фактически же, наоборот, 95 процентов населения Сталина не знали, Сталин все повернул в обратную сторону и Ленин изображается иной раз [в] недостойном для вождя народа виде. К примеру, возьмите картину «Ленин в Октябре». Когда совершается революция, Ленин в этот момент сидит и рассматривает пеленки у своего охранника. Это подхалимы так изображают Ленина, чтобы возвеличить Сталина.

И в художественной литературе все надо пересмотреть, чтобы нашел свое отражение народ, чтобы были отражены деяния партии и народа.

«Шевельну мизинцем». Дело Югославии выдумано от начала до конца Сталиным, никаких оснований идейных и политических не было, за исключением мелочей, которые всегда могут быть. Но умный руководитель всегда сумеет обойти такие шероховатости, чтобы не довести до разрыва; в деле с Югославией не было оснований для такого разрыва. Сталин мне лично сказал: «шевельну мизинцем и Тито слетит». Все было подчинено этому: шевельну мизинцем – и Косиора нет; шевельну мизинцем – и Тито нет. Так он и делал.

Но с Тито он так не мог поступить, потому что это целое государство со своим государственным аппаратом, со своим народом, который сплочен вокруг Тито и оказывает ему поддержку.

В вопросе с Югославией мы теперь решили правильно, это одобряется народом и Советского Союза, и Югославии и народами стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством, что это сделано в интересах социализма, в интересах мира во всем мире.

Сказать о «московском деле»[49].

Записала Захарова[*] .

АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 29–63. Подлинник. Машинопись.

№ 22

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Н. С. ХРУЩЕВА ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ В ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА, СЕКРЕТАРЯМ ЦК КПСС К ПРОЕКТУ ДОКЛАДА «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»[**]

23 февраля 1956 г.

Лично

Членам Президиума ЦК КПСС
Кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС
Секретарям ЦК КПСС

Посылаю проект доклада XX съезду партии «О культе личности и его последствиях»[50].

Н. Хрущев

РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 164. Подлинник. Машинопись.

---

[*] Выделенные курсивом слова написаны от руки. – Сост.

[**] На записке имеются машинописная помета о рассылке с перечнем фамилий адресатов и карандашная запись следующего содержания: «1) + Мерецков. 2) Добавл[ения о том], что англичане (Черчилль) нас предупредили заранее + сов[етское] посольство (Деканозов) в Германии также предупреждало о готовящ[ейся] войне. 3) Привести телеграмму Сталина, Жданова из Сочи. 4) + о роли раб[очего] класса, крест[ьянст]ва, интеллигенции, сов[етского] народа, тыла в войне [далее неразборчиво. – Сост.]. 5) Опустить о запрете стр[елять]. 6) Добавить о выселении целых народов (вместе с коммунистами). 7) Не пора ли отказаться от „частной собственности“ (наименования городов, фабрик и заводов) [далее неразборчиво. – Сост.]. 8) Члены ЦК, находясь на своем посту, выполня[ют] свой долг перед партией». Каждый из пунктов отмечен галочкой. Вероятно, эта запись сделана кем-то из помощников первого секретаря ЦК после получения от Н. С. Хрущева указаний о доработке проекта доклада. – Сост.

№ 23

ПРОТОКОЛ ЗАКРЫТОГО (УТРЕННЕГО) ЗАСЕДАНИЯ XX СЪЕЗДА КПСС

25 февраля 1956 г.

Булганин * (председательствующий). Переходим к докладу «О культе личности и его последствиях».

Слово для доклада предоставляется тов. Хрущеву Н. С.

После доклада тов. Хрущева Н. С.

Булганин. На рассмотрение съезда вносится следующий проект постановления XX съезда «О культе личности и его последствиях» (зачитывает проект постановления)[51].

Постановление принимается съездом единогласно.

Булганин. Имеется в виду, что доклад тов. Хрущева Н. С. и принятое съездом постановление «О культе личности и его последствиях» не публикуется в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям[52].

Это предложение принимается съездом единогласно.

[*Приложение к протоколу*]

Постановление XX съезда Коммунистической партии Советского Союза «О культе личности и его последствиях»

(принято единогласно 25 февраля 1956 г.)

Заслушав доклад тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях», XX съезд Коммунистической партии Советского Союза одобряет положения доклада Центрального Комитета и поручает ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности руководства, выработанных великим Лениным.

Н. Булганин

РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 89–90. Подлинник. Машинопись.

* Здесь и далее сохранены подчеркивания подлинника. – Сост.

амнистию подпадают 1680 чел.; в лагерях для осужденных военных преступников из числа быв. военнопленных содержится 18754 чел., из них под амнистию подпадает 217 чел.; в спецлагерях МВД СССР на территории ГДР, Венгрии и Австрии содержится 11814 осужденных иностранцев, из них под амнистию подпадает 322 чел. 14 апреля Л. П. Берия и В. М. Молотов направили совместную записку в Президиум ЦК КПСС, в которой предлагали согласиться с выводами комиссии и освободить подпадавших под амнистию иностранцев. Кроме того, министр МВД СССР и министр иностранных дел СССР считали необходимым, «учитывая, что многие иностранцы были осуждены в период Великой Отечественной войны за маловажные преступления и в настоящее время не представляют серьезной опасности для нашего государства ... создать междуведомственную комиссию, которой поручить в месячный срок пересмотреть судебные приговоры в отношении иностранцев, осужденных к лишению свободы, освободить и отправить на родину тех из них, дальнейшее содержание которых под стражей не вызывается необходимостью». Тексты обеих записок см.: Источник. 1994. № 4. С. 108–111.

[21] 20 мая 1953 г. комиссия в записке Г. М. Маленкову докладывала, что «пересмотрены судебные приговоры в отношении 41551 иностранцев, осужденных советскими судами к лишению свободы, в том числе 18393 военнопленных. Комиссия признала возможным досрочно освободить из мест заключения 16547 чел.». Текст записки см.: Источник. 1994. № 4. С. 111–112.

[22] Еще 13 марта Л. П. Берия подписал приказание по МВД СССР о создании следственной группы для рассмотрения материалов по так называемому делу об «арестованных быв. работниках Главного артиллерийского управления военного министерства СССР» и установил двухнедельный срок работы группы. Текст приказания см.: Исторический архив. 1996. № 4. С. 136; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 17–18.

[22a] Не публикуется. См. также документ № 18 раздела I.

[23] См. также документ № 24 раздела I.

[24] Объяснительная записка вместе с проектом Указа (не публикуется) председателем Комиссии законодательных предположений Совета Союза А. Н. Поскребышевым и председателем Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей И. А. Каировым 28 апреля 1953 г. была направлена Г. М. Маленкову. Однако решения по внесенным предложениям принято не было. На препроводительной к записке и проекту Указа имеется помета помощника Г. М. Маленкова Д. Н. Суханова: «Архив. Д. Суханов. 13.VI.53».

[24a] 18 мая 1953 г. И. Г. Эренбург, как депутат Верховного Совета СССР, направил письмо В. В. Димовой К. Е. Ворошилову с припиской, что вопрос «о положении нового поколения спецпереселенцев ... должен заинтересовать Президиум Верховного Совета СССР». 26 мая 1953 г. К. Е. Ворошилов разослал копию письма членам Президиума ЦК КПСС со следующей препроводительной: «Прошу ознакомиться с письмом писателя И. Эренбурга и присланным на его имя письмом комсомолки Димовой – дочери немца-спецпереселенца. Вопрос, затронутый в письме, заслуживает серьезного внимания». На препроводительной имеется помета помощника Г. М. Маленкова: «Архив. Доложено. Д. Суханов. 8/VI-53 г.» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 180. Л. 168–169).

[25] Текст этой записки не обнаружен.

[26] Не публикуется.

В проекте постановления указывалось, что партийные органы перечисленных в записке регионов обязаны устранить ошибки и недостатки в политработе среди спецпоселенцев, организовать работу по их политвоспитанию, обратив особое внимание на женщин и молодежь. ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ предлагалось выработать меры по улучшению работы их местных организаций, а Генеральному прокурору СССР усилить надзор за соблюдением законности.

[27] См. документ № 34 раздела II.

[28] Решение по представленной записке принято не было.

[29] Текст записки Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС от 6 мая 1953 г. см.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 42.

[30] В данном пункте предусматривалось рассматривать в Президиуме Верховного Совета СССР дела осужденных к ВМН, по которым не было подано ходатайств о помиловании.

[31] В «Правде» статья об анонимных заявлениях опубликована не была. Об отношении к анонимным заявлениям Н. С. Хрущев высказался 7 мая 1954 г. в своем выступлении на Ленинградском партийном активе. См. документ № 12 раздела III.

[32] См. также документ № 11 раздела III.

[33] 15 мая 1953 г. члены Президиума ЦК КПСС опросом (прот. № 8, п. 15) постановили:

«1. Обязать IV Управление Министерства здравоохранения СССР (т. Егорова) обеспечить лечение т. Иванова В. Н.

2. Назначить т. Иванову В. Н. персональную пенсию в размере 1000 рублей в месяц пожизненно» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 26. Л. 71).

[34] Справка не публикуется.

[35] Это постановление Совета Министров СССР было оформлено как совершенно секретное под № 1305-515сс от 21 мая 1953 г. После ареста Л. П. Берии оно было отменено постановлением Совета Министров СССР от 21 октября 1953 г. № 2666-1124с.

[36] Текст этой записки опубликован в книге: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 43–46.

[37] Приложения не публикуются.

[38] См. документ № 13 раздела I.

[39] Письмо опубликовано в журнале «Исторический архив» (1996. № 4. С. 154–156).

[40] См. документ № 27 раздела I.

[41] Записка Н. С. Хрущева была разослана Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Н. А. Булганину, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, М. З. Сабурову, М. Г. Первухину.

[42] В. В. Крюков был реабилитирован 5 сентября 1953 г. в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС «О пересмотре дел на осужденных генералов и адмиралов Советской Армии» от 13 июля 1953 г. См. документ № 2 раздела II.

[43] Инициатором постановки вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС был Л. П. Берия, который 18 марта 1953 г. подписал приказание по МВД СССР о «тщательной проверке дела по обвинению бывших работников ВВС Советской Армии и Минавиапрома», установив для проверки двухнедельный срок. 26 мая и 6 июня 1953 г. Л. П. Берия внес в Президиум ЦК КПСС две записки о необходимости полной реабилитации лиц, привлеченных по этому делу. Тексты приказания и записок см.: Исторический архив. 1996. № 4. С. 140; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 52–55, 59–61.

[44] А. И. Шахурин, А. А. Новиков и другие участники этого «дела» были осуждены и, соответственно, реабилитированы Военной Коллегией Верховного Суда СССР по так называемой неполитической ст. 193, п. 17а УК РСФСР. После принятия в октябре 1991 г. Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», определившего круг лиц, подлежащих *политической* реабилитации, участники «дела» по российскому законодательству оказались не подлежащими реабилитации. Поэтому 24 мая 1993 г. Комиссия Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий, изучив представленное Главной Военной прокуратурой РФ «дело» А. И. Шахурина, А. А. Новикова и др., установила, что «они осуждены по политическим мотивам».

[45] 1 октября 1945 г. Л. П. Берия направил Сталину записку следующего содержания: «Постановлением Государственного Комитета Обороны от 17 ноября 1941 года, в связи с напряженной обстановкой в стране, Особому совещанию при НКВД СССР было предоставлено право по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить меру наказания вплоть до расстрела.

В связи с окончанием войны НКВД СССР считает целесообразным указанное постановление Государственного Комитета Обороны отменить, оставив за Особым совещанием при НКВД СССР, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 1937 года, право применять меру наказания до 8 лет лишения свободы с конфискацией в необходимых случаях имущества.

Представляя при этом проект постановления ЦК ВКП(б), прошу Вашего решения».

Предложение Л. П. Берии Сталиным поддержано не было.

[46] См. также документ № 10 раздела II.

РАЗДЕЛ II
ВИНОВАТЫ БЕРИЯ И АБАКУМОВ
ИЮЛЬ 1953 – ФЕВРАЛЬ 1954

[1] Вероятно, имеется в виду дело о так называемой мингрельской националистической группе. См. документ № 8 раздела I.

[2] Записка Н. А. Булганина, Р. А. Руденко и А. А. Чепцова от 11 июля 1953 г. по данному вопросу опубликована в «Военно-историческом журнале» (1994. № 2. С. 96). В ней, в частности, сообщалось, что «несмотря на то, что арестованные находились под следствием до 10 и более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось.

К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину в «преступлении» или добиться от них клеветнических показаний на других лиц.

Так, например, по указанию Абакумова при отсутствии каких-либо компрометирующих и других материалов, без санкции прокурора 10 апреля 1948 года был арестован крупный ученый, лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор, начальник кафедры кораблестроения и вооружения Военно-морской академии вице-адмирал Гончаров Леонид Георгиевич, 1885 года рождения.

После ареста Абакумов дал указание быв. сотруднику МГБ Комарову добиться от арестованного Гончарова признаний в шпионаже в пользу английской разведки.

Несмотря на применение физического воздействия, Гончаров признательных показаний не дал и на 17-й день после ареста умер. В постановлении о прекращении дела от 29 мая 1948 года указано, что Гончаров якобы умер от приступа грудной жабы, тогда как из материалов дела видно, что смерть наступила в результате избиений.

При проверке также выявлено, что ... всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 человек. Из них: осуждено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР – 76 генералов и адмиралов и 5 человек – Особым совещанием при бывшем МГБ СССР, 8 генералов были освобождены из-под стражи за отсутствием состава преступления и 12 генералов умерли, находясь под следствием».

[3] Постановление принято по записке Н. А. Булганина, Р. А. Руденко и С. Н. Круглова от 10 июля 1953 г. о необходимости реабилитации знаменитого хирурга, профессора С. С. Юдина (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 316. Л. 126–130).

[4] С. С. Юдин был арестован 22 декабря 1948 г. Осужден ОС при МГБ СССР к ссылке в Новосибирскую область. Подробнее о его судьбе см.: Куликовская Г. Правда о профессоре Юдине // Огонек. 1989. № 44. С. 12–15.

[5] Речь идет о работе Л. П. Берии в контрразведке мусаватистского правительства в г. Баку в 1919 г.

[5a] Речь идет о Г. К. Орджоникидзе.

[6] В первой записке Л. Д. Гогоберидзе сообщал жене, что предъявленное ему обвинение в попытке организовать террористический акт против Сталина «лживо, нелепо, чудовищно и дико», что «все кончено ... спасение: поскорей умереть». Во второй записке говорилось о том, что «я написал Серго, сдам сегодня, даю почти каждый день показания, но все это, родная, теперь только для архива... Все мои показания ничего не значат против показаний 5–7 подлецов» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 83. Л. 71–72).

[7] Спустя полгода, 16 января 1954 г. А. И. Микоян направил «полученное ... заявление гр[аждан]ки Гогоберидзе» Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву с предложением «поручить Генеральному Прокурору СССР т. Руденко провести проверку дела Гогоберидзе для его реабилитации». 23 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 49, п. 61) постановил «поручить Генеральному Прокурору СССР т. Руденко рассмотреть заявление и внести свои предложения». 6 марта 1954 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Л. Д. Гогоберидзе был реабилитирован посмертно. После XX съезда КПСС, 28 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 2, п. 17) постановил согласиться с предложением КПК при ЦК КПСС о восстановлении Л. Д. Гогоберидзе в рядах партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 83. Л. 69; Ф. 6. Оп. 3. Д. 945. Л. 94–97об.).

[8] См. документ № 7 раздела I.

[9] См. документ № 2 раздела I.

[10] 19 августа 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС при рассмотрении записки С. Н. Круглова было решено (без записи в протоколе) «поручить Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко рассмотреть данный вопрос в Прокуратуре СССР». Уже 27 августа 1953 г. Р. А. Руденко докладывал Президиуму ЦК КПСС, что К. К. Орджоникидзе необходимо реабилитировать. На этой записке имеется колонка подписей членов Президиума ЦК за предложение прокурора. При этом В. М. Молотов после слова «за» добавил: «(+ доследовать и привлечь к ответу злоупотребивших властью)» (АП РФ. Ф. 3. Д. 24. Л. 14, 19). См. также документы № 13 раздела II и № 11 раздела III.

[11] 17 сентября 1953 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 33, п. V) рассмотрел вопрос «Об особых лагерях и тюрьмах МВД СССР». Было принято следующее постановление: «Поручить тт. Руденко Р. А. (созыв), Круглову С. Н. и Горшенину К. П. с учетом обмена мнений на заседании Президиума ЦК дополнительно разобраться по существу в этом деле и в 3-месячный срок представить предложения» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 130).

Подробнее о советских пенитенциарных учреждениях см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М. 1998.

[12] См. также документы № 17 и № 25 раздела II.

[13] См. документы № 4 и № 5 раздела I.

[14] В справке Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС от 31 декабря 1953 г. на имя помощника Г. М. Маленкова Д. Н. Суханова, приложенной к письму А. Я. Свердлова, сообщается, что «партийное дело т. Свердлова рассмотрено КПК при ЦК КПСС и он восстановлен в членах КПСС. В настоящее время на рассмотрение Секретариата ЦК КПСС внесено предложение о направлении т. Свердлова на курсы диссертантов при Академии общественных наук ЦК КПСС» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 224. Л. 92).

[15] Первоначально вопрос об упразднении Особого Совещания при МВД СССР обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 12 августа 1953 г. По результатам обсуждения министру юстиции СССР К. П. Горшенину, министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову и Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко было поручено разработать и внести соответствующий проект документа. См. также документ № 29 раздела I.

[16] См. также документы № 36 и № 43 раздела III.

[17] Этот указ за № 129/83 был подписан в тот же день 1 сентября 1953 г.

[18] Справка от 16 ноября 1953 г. за подписью и.о. начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР А. Козырева не публикуется.

[19] Не публикуется.

В проекте постановления ЦК КПСС «О пересмотре дел на лиц, осужденных Особым Совещанием при НКВД – МГБ СССР» предлагалось пересмотреть архивные следственные дела осужденных ОС при НКВД – МГБ СССР с 1 июня 1945 г. по 1 сентября 1953 г., образовать для этого специальную комиссию и утвердить ее состав, всю работу по пересмотру дел провести в 6-месячный срок. См. также документ № 43 раздела III.

[20] 9 февраля 1954 г. помощник Главного военного прокурора В. Новиков составил справку для ЦК КПСС о завершении реабилитации родственников осужденных по так называемому ленинградскому делу.

[21] Список на 26 листах, приложенный к копии докладной записки, не публикуется. Из списка, в частности, следует, что у А. А. Кузнецова были осуждены жена и ее брат; у Я. Ф. Капустина – жена, сын и два брата; у А. А. Вознесенского – мать, жена, сын от третьего брака, две бывшие жены и два сына от первой жены; родная сестра, ее муж и два сына и т. д.

[22] На справках имеются пометы: «Послано письмо тов. Маленкову и тов. Хрущеву № 26/К от 5.1.54». Буквенный индекс «К» означает, что это письмо было подписано министром внутренних дел СССР С. Н. Кругловым. Подробнее см. Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31.

[23] Жена третьего брата Г. К. Орджоникидзе Ивана Константиновича Антонина Михайловна 22 ноября 1953 г. обратилась к Г. М. Маленкову с письмом, в котором просила отменить приговор Особого Совещания НКВД СССР, по которому она и муж с 1938 по 1942 год находились в заключении (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 29). См. также документы № 7 раздела II и № 11 раздела III.

[24] См. примечания 11 и 19 раздела II.

[25] В архивном деле к записке Р. А. Руденко приложена рукописная справка следующего содержания: «Тов. Малину В. Н. По вопросу о лагерях и тюрьмах МВД посылаю решение Президиума ЦК и

записку т. Руденко от 17. XII.53 г. об отсрочке представления предложений на 2 недели. Представленные предложения были разосланы членам Президиума ЦК 7 января 1954 г. за № 11592. Экземпляр т. Хрущева возвращен. В. Чернуха. 1.II.54 г.» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 145). См. также документ № 25 раздела II.

[26] См. также документ № 27 раздела III.

[27] Ранее в июне 1953 г. В. М. Варейкис с аналогичным заявлением обращался в Президиум Верховного Совета СССР. Проверка по его делу была начата, однако, В. М. Варейкис был реабилитирован постановлением Центральной Комиссии по пересмотру дел только 28 марта 1955 г.

[28] Командующий 28-й армией Западного фронта В. Я. Качалов погиб в окружении в бою 4 августа 1941 г. Не имея достоверных сведений, Сталин подписал приказ по наркомату обороны, в котором В. Я. Качалов и командующий 12-й армией П. Г. Понеделин (он действительно попал к немцам в плен, однако в плену держался мужественно) были объявлены предателями, затем заочно осуждены. После смерти Сталина жена В. Я. Качалова обратилась с письмом в ЦК КПСС с просьбой восстановить справедливость и вернуть честное имя мужу, у него незаслуженно отнятое.

[29] В середине ноября 1953 г. Г. М. Маленкову было доложено письмо заключенной Дубравлага МВД СССР Е. Б. Збарской с просьбой о реабилитации ее семьи. 1 декабря 1953 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 43, п. 68) постановил «поручить Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко рассмотреть заявление, а также разобраться в деле Б. И. Збарского и о результатах доложить». 26 декабря 1953 г. Р. А. Руденко внес на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева записку. В ней, в частности, сообщалось, что Б. И. Збарский был арестован в марте, а его жена в октябре 1952 г. Выдвинутые против них обвинения в сокрытии принадлежности в период Гражданской войны к партии эсеров, в «клевете на национальную политику» квалифицировались в записке как недоказанные (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 70. Л. 174 –183; Д. 76. Л. 7–9).

[30] Свое заявление от 15 ноября 1953 г. Е. Ф. Родионова, арестованная 20 октября 1950 г. и, по постановлению Особого Совещания при МГБ СССР, отбывавшая 10-летний срок заключения в ИТЛ в Инте, направила К. Е. Ворошилову. 25 декабря 1953 г. К. Е. Ворошилов распорядился разослать это заявление членам Президиума ЦК КПСС. См. также документы № 14 раздела II, № 4 и № 9 раздела III.

[31] Уже 3 января 1954 г. Р. А. Руденко направил на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева докладную записку о внесении протеста с предложением отменить приговор в отношении Е. Ф. Родионовой (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 5).

[32] 28 декабря 1953 г. К. Е. Ворошилов разослал членам Президиума ЦК КПСС полученное им письмо В. В. Рычагова, быв. доцента Института инженеров водного хозяйства, с 1944 г. по 1952 г. находившегося в тюрьме и ИТЛ, с просьбой о собственной реабилитации и проверке «дела» родного брата. Зам. наркома обороны СССР П. В. Рычагов по указанию Сталина был арестован 24 июня 1941 г. и расстрелян, согласно распоряжению Л. П. Берии, 28 октября 1941 г. в Куйбышевской тюрьме. Поскольку К. Е. Ворошилов в это время уже не руководил наркоматом обороны СССР, к уничтожению П. В. Рычагова он не имел отношения и потому, вероятно, поддержал просьбу В. В. Рычагова (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 76. Л. 169–171).

[33] См. также документ № 26 раздела III.

[34] За день до расстрела Л. П. Берии, 22 декабря 1953 г. В. М. Молотов разослал членам Президиума ЦК КПСС полученное им заявление А. А. Афанасьева, работавшего после освобождения из ИТЛ в апреле 1952 г. начальником управления Дудинского порта. В нем бывший министр морского флота СССР причиной своего ареста назвал вредительскую деятельность Л. П. Берии и В. С. Абакумова. В заявлении, в частности, сообщалось, что «10 апреля 1948 г. против меня была организована провокация, о которой я немедленно доложил в Совете Министров Берия и бывшему министру МГБ Абакумову». Оба они заверили, что беспокоиться не следует. Однако 26 апреля «меня арестовали. Абакумов говорил мне, что некоторые члены Правительства не верят в мою виновность, но он и Берия доказали и докажут мою виновность Правительству. Под большим физическим воздействием, лишением сна, избиением и т. д. вынудили меня подписать собственное обвинение». Подробнее об обстоятельствах ареста А. А. Афанасьева см. документ № 11 раздела III.

29 декабря 1953 г. А. И. Микоян на заявлении А. А. Афанасьева написал следующую резолюцию: «Тт. Маленкову и Хрущеву. Прошу поручить прокурору т. Руденко пересмотреть дело т. Афанасьева. Считаю, что следует его реабилитировать и взять на более ответственную работу по морскому флоту». 30 января 1954 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила постановление ОС при МГБ СССР от 14 мая 1949 г. о 20-летнем заключении в ИТЛ А. А. Афанасьева за отсутствием состава

преступления. 9 июля 1954 г. КПК при ЦК КПСС восстановил А. А. Афанасьева в рядах КПСС (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 76. Л. 176–177; Ф. 6. Оп. 3. Д. 454. Л. 169–179).

[35] Указанные проекты не публикуются. См. также документы № 22 раздела III и № 13 раздела V.

[36] Записка, проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР об отмене Указа от 21 февраля 1948 г. и освобождении из ссылки бывших «особо опасных государственных преступников, а также проект Положения о лагерях МВД СССР 7 января 1954 г. были разосланы членам Президиума ЦК. Однако решения по ним, главным образом из-за нежелания освобождать политзаключенных из Прибалтики, принято не было. Приложенная в архивном деле к записке справка свидетельствует: «Тов. Круглов сообщил, что в связи с решением Совмина о передаче ГУЛАГа из М[инистерства] ю[стиции] в МВД представленные им предложения требуют переработки, и просит вернуть их. 28.1.54. В. Чернуха» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 1).

[37] Н. Т. Берия была арестована в начале июля 1953 г., ее сын Сергей – 26 июня 1953 г.

[38] Составляя письмо, находившаяся в Бутырской тюрьме Н. Т. Берия, видимо, еще не знала о состоявшемся 23 декабря 1953 г. приговоре Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР по делу Л. П. Берии и др., согласно которому ее мужа расстреляли в тот же день.

[39] Вопрос о тюремном содержании и режиме проживания родственников Л. П. Берии рассматривался на заседаниях Президиума ЦК КПСС 19 апреля и 10 мая 1954 г. На заседании Президиума ЦК КПСС 26 ноября 1954 г. было решено сына Л. П. Берия Сергея вместе с семьей и матерью выслать на поселение в административном порядке. См. также документ № 31 раздела III.

[40] Видимо, имеется в виду письмо И. М. Гронского В. М. Молотову от 27 мая 1953 г., копия которого приложена к протоколу Президиума ЦК КПСС. Это письмо 17 июня 1953 г. В. М. Молотов направил Н. С. Хрущеву со следующей препроводительной запиской: «Направляю Вам письмо, полученное мною от И. М. Гронского, бывшего в 30-х годах редактором „Известий“. Полагаю, что письмо заслуживает внимания ЦК» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 81. Л. 150–162).

[41] См. документ № 10 раздела II.

[42] 28 января 1954 г. С. Н. Круглов и Р. А. Руденко внесли в Президиум ЦК КПСС записку по данному вопросу. В ней, в частности, подчеркивалось, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. и постановлением Совета Министров СССР от 22 октября 1951 г. особо опасные государственные преступники, страдающие неизлечимым недугом, после отбытия наказания, как правило, помещались в специальные дома инвалидов, под надзор органов МВД. «В настоящее время, – сообщалось в записке, – в особых лагерях и особых тюрьмах МВД содержится 1194 беспомощных инвалида, отбывших срок наказания, из которых на 484 человека решений о направлении их в дома инвалидов или передаче под опеку родственникам не выносилось. В отношении остальных 710 человек Особым Совещанием были приняты решения о направлении в дома инвалидов, несмотря на то, что у многих из них имеются родственники, ходатайствующие о передаче таких инвалидов им под опеку» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 4–5).

[43] В действительности, это был третий арест Л. Н. Гумилева. В первый раз он и муж А. А. Ахматовой Н. Н. Пунин были арестованы в конце октября 1935 г. После обращения А. А. Ахматовой и Б. Л. Пастернака с просьбой об участии в их судьбе Сталин и В. М. Молотов 3 ноября 1935 г. распорядились освободить их из под стражи. См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М. 1999. С. 275, 765.

[44] См. документ № 21 раздела III.

[45] 15 сентября 1954 г. зам. Генерального Прокурора СССР Д. Е. Салин запиской доложил ЦК КПСС о результатах проверки Прокуратурой СССР «дела КПМ». В записке, в частности, сообщалось, что «дело по обвинению членов „КПМ“ рассмотрено 5 июля 1954 г. на заседании Центральной Комиссии. Принято решение снизить меру наказания до 5 лет лишения свободы и освободить из-под стражи в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года „Об амнистии“ – Батуева Б. В., Луткова Г. Я., Киселева Е. С., Стародубцева Н. М., Рудницкого В. М., Туголукова В. И., Сычева Л. С., Жигулина А. В. и Селезнева А. Я.». В отношении других участников «КПМ» дело прекращено за отсутствием в их действиях общественной опасности (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 159–161).

[46] Командарм I ранга С. С. Каменев умер 25 августа 1936 г. После смерти он был причислен к числу участников так называемого антисоветского военного заговора М. Н. Тухачевского и др. и объявлен врагом народа.

12 июля 1954 г. Р. А. Руденко доложил ЦК КПСС о результатах рассмотрения письма Н. С. Каменевой. В записке, в частности, отмечалось, что «причастность Каменева С. С. к антисоветскому воен-

ному заговору основана на противоречивых и неконкретных показаниях Тухачевского, которые не подтверждаются другими материалами дела, поэтому достаточных оснований считать, что Каменев являлся участником антисоветского заговора и проводил вредительскую работу, не имеется. Полагаю, – писал Р. А. Руденко, – что Каменев подлежит реабилитации». На записке имеются подписи «за» членов Президиума ЦК КПСС (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 125–126). Однако, поскольку приговор Военной коллегией Верховного Суда СССР в отношении С. С. Каменева не выносился, документ о его официальной реабилитации оформлен так и не был.

[47] На заседании Президиума ЦК 15 января 1954 г. (прот. № 48, п. XIX) был рассмотрен вопрос «Об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». По результатам обсуждения было принято следующее постановление: «Поручить тт. Ворошилову К. Е. (созыв), Горшенину К. П., Круглову С. Н., Луневу К. Ф. и Дедову А. Л. рассмотреть вопрос об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев и в месячный срок подготовить проект постановления» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 1).

[48] К записке приложены проекты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР под названием «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Первый проект (второй не публикуется) следующего содержания:

«1. Во изменение постановления Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. принять представленный Комиссией тов. Ворошилова К. Е. проект постановления Совета Министров СССР „О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев“.

2. Представление предложений по вопросу о спецпоселенцах в целом, согласно просьбе Комиссии тов. Ворошилова К. Е., отсрочить до 15 апреля с.г.».

На проекте имеется помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС (указание тов. Хрущева). В. Малин. 27/II54 г.» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 14).

Предложения Комиссии ЦК под председательством К. Е. Ворошилова Президиум ЦК рассматривал на своих заседаниях неоднократно: 2 марта (прот. № 53, п. VI), 10 мая (прот. № 64, п. XIX), 3 июня (прот. № 68, п. XIX), 1 июля (прот. № 70, п. III), 5 июля (прот. № 71, п. 12). См. также документы № 13 и № 20 раздела III.

[49] См. документы № 34 раздела II и № 20 и № 23 раздела III.

[50] См. также документы № 28 и № 29 раздела III.

[51] Имеются в виду польские военнослужащие, участвовавшие во второй мировой войне в частях под командованием генерала В. Андерса, репатриированные из Великобритании.

РАЗДЕЛ III
Н. С. ХРУЩЕВ ПЕРЕХВАТЫВАЕТ ИНИЦИАТИВУ
МАРТ – ДЕКАБРЬ 1954 г.

[1] Письма с предложениями создать специальную комиссию по пересмотру дел политзаключенных регулярно начали поступать в ЦК КПСС после ареста Л. П. Берии. Г. И. Петровский, родственники которого были репрессированы, в письме на имя Г. М. Маленкова, в частности, писал: «Ввиду обнаруженных предательских и провокаторских дел для партии и Родины, наделанных Берия, почти то же делалось и Ежовым в свое время, требуется особо строго правосудие и контроль над работой НКВД и МВД. Очевидно, эти временщики слишком большую власть имели и перегибали во всех областях управления. Они немало загубили честных коммунистов, дерзнувших где-нибудь критикнуть этих сатрапов, за что превращались „в лагерную пыль“. Поэтому следует пересмотреть дела членов партии, репрессированных органами МВД и НКВД за время управления Берия и Ежовым. Для этого создать особую авторитетную комиссию и дать ей право самостоятельно разбирать каждое дело и заявление членов партии, и докладывать Президиуму ЦК КПСС». (Текущий архив Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий.) Еще 1 февраля 1954 г. Р. А. Руденко, С. Н. Круглов и К. П. Горшенин направили Н. С. Хрущеву письмо с предложениями о пересмотре дел на осужденных за контрреволюционные преступления и о создании Центральной Комиссии для пересмотра этих дел. Текст письма см.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. М. 2000. С. 147–151.

[2] Не публикуется. См. документ № 10 раздела III.

[3] К записке приложен документ следующего содержания.

«Центральная Комиссия проводит следующие мероприятия:

1. Утверждает состав республиканских, краевых и областных комиссий по пересмотру уголовных дел на лиц, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД и находящихся в ссылке на поселении.

2. Командирует на место членов Центральной Комиссии для инструктирования и организации работы республиканских, краевых и областных комиссий.

3. Обеспечивает получение республиканскими, краевыми и областными комиссиями от начальников лагерей, колоний и тюрем МВД, а также от Отдела спецпоселений МВД СССР персональных списков осужденных с указанием, кем, когда, по какой статье Уголовного Кодекса осуждены, на какой срок наказания и где содержатся.

О пересмотре дел органы МВД объявляют осужденным и лицам, находящимся в ссылке на поселении.

4. Республиканские, краевые и областные комиссии на основании полученных списков требуют уголовные дела и тщательно их изучают, всесторонне проверяют обоснованность обвинения и правильность квалификации состава преступления, а также обоснованность направления в ссылку на поселение.

К этой работе комиссии привлекают ответственных работников аппаратов Прокуратуры, органов МВД, Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства юстиции.

В первую очередь пересматриваются дела на осужденных за антисоветскую агитацию и за пособничество. По каждому делу выносится мотивированное заключение, которое подписывается всеми членами комиссии и лицами, принимавшими участие в изучении и проверке материалов дела.

5. Все дела на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД – МГБ – МВД СССР и Коллегией ОГПУ, направляются с заключениями республиканских, краевых и областных комиссий на рассмотрение Центральной Комиссии.

6. Дела на лиц, осужденных судебными органами, и заключения комиссий по этим делам, если будет признано необходимым отменить или изменить приговор, направляются соответствующему прокурору для внесения протеста в судебные инстанции в установленном законом порядке.

По делам на лиц, осужденных судебными органами, судебные решения по которым будут признаны правильными, заключения комиссий направляются по месту содержания осужденных для объявления им о результатах пересмотра и приобщения заключений к их личным делам.

7. Техническое обслуживание комиссий, учет и хранение их материалов и пересматриваемых дел возлагаются на МВД СССР и его органы.» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 19–20).

[4] 22 апреля 1954 г. редакция газеты «Известия» письмо Н. Н. Королева направила в ЦК КПСС. Оно было доложено Н. С. Хрущеву. По его поручению МВД СССР провело поверку Чаун-Чукотского ИТЛ, где содержался Н. Н. Королев. В докладной записке на имя Н. С. Хрущева от 18 мая 1954 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов, в частности, сообщал, что в лагере содержится 10173 заключенных, из них лишь 1098 человек политических, осужденных за контрреволюционные преступления, остальные – обычные уголовники. «До проведения в марте 1953 г. амнистии обстановка в лагере и в районе поселка Певек была относительно спокойной. Во второй половине 1953 г. положение в Певеке изменилось. По амнистии из лагеря было освобождено 4200 человек, однако вывезти всех из Певека не было возможности, поскольку сообщение с Певеком происходит только морским путем арктическим рейсом, совершаемым, как правило, один раз в год». В результате в поселке и его окрестностях скопилось много людей, не имеющих работы и жилья. Амнистированными «совершались уголовные преступления, в том числе убийства, грабежи, кражи и хулиганские проявления». В самом Чаун-Чукотском ИТЛ «в 1953 г. в целом по лагерю имело место 31 бандитское проявление с убийством 30 человек заключенных». В настоящее время, – докладывал С. Н. Круглов, – принимаются меры по наведению в лагере и в Певеке порядка. «Что же касается просьбы заключенного Королева Н. Н., осужденного за дезертирство из Советской Армии, антисоветскую агитацию и побег из места заключения к 25 годам лишения свободы и отбывающего наказание в течение 8 лет в лагерях Дальстроя, ко-

торый отрицает свою вину, то он нами будет при первой возможности этапирован из лагеря в Москву с тем, чтобы совместно с Прокуратурой СССР изучить его дело и принять соответствующее решение» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Л. 169. Л. 100–104).

[5] См. также документ № 43 раздела IV.

[6] На заседании Президиума ЦК КПСС 29 марта 1954 г. (прот. № 54, п. IV) Прокуратуре СССР было поручено подготовить проект постановления по данному вопросу. Еще ранее, 10 декабря 1953 г. МВД СССР докладывал Н. С. Хрущеву о ситуации с реабилитацией родственников осужденных по ленинградскому делу. 30 декабря 1953 г. Президиум ЦК КПСС поручил Генеральному Прокурору СССР рассмотреть заявление Е. Ф. Родионовой, жены бывшего Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова, одного из главных обвиняемых по этому делу. Это письмо на имя К. Е. Ворошилова, отправленное 15 ноября 1953 г. из лагеря в Инте, где Е. Ф. Родионова отбывала наказание, было разослано всем членам Президиума ЦК КПСС. См. документы № 14 и № 22 раздела II.

[7] К рассмотрению вопроса Президиум ЦК КПСС вернулся 3 мая 1954 г., когда голосованием был принят окончательный текст постановления. См. документ № 9 раздела III.

[8] Военная коллегия Верховного Суда СССР 30 апреля 1954 г. реабилитировала Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина, И. М. Турко, Т. В. Закржевскую, Ф. Е. Михеева.

[9] Выступление Н. С. Хрущева перед активом Ленинградской партийной организации состоялось 7 мая 1954 г. См. документ № 12 раздела III.

[10] Записка МВД СССР и Прокуратуры СССР в архивном деле не отложилась.

[11] 4 мая 1954 г. (прот. № 63, п. XVIII) Президиум ЦК КПСС постановил «согласиться с предложением тт. Руденко и Серова, изложенным в их записке от 20 апреля 1954 г. № 777-с» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 107. Л. 84).

[12] Голосованием было принято постановление, предусматривающее секретное хранение решения в «особой папке». Однако на заседании 20 мая того же года (прот. № 65, п. XXVIII) по инициативе Н. С. Хрущева решено было с постановления снять гриф «особая папка» и ознакомить с ним партийно-советскую номенклатуру, разослав постановление в обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик и в отделы ЦК КПСС для ознакомления (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 110. Л. 182). См. также справку «О так называемом „Ленинградском деле“ и другие документы» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 124–137).

[13] См. примечание 8 раздела III.

[13а] См. документ № 14 раздела II.

[14] См. также документ № 1 раздела III. Первоначально вопрос был поставлен в Президиуме ЦК КПСС 22 марта (прот. № 732, опр.), а затем 19 апреля 1954 г. (прот. № 59, п. VII), когда было решено «рассмотреть вопрос на следующем заседании Президиума ЦК» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 101. Л. 75).

[15] 14 июля 1954 г. Секретариат ЦК КПСС, по предложению Р. А. Руденко, включил в состав Центральной Комиссии по пересмотру дел Д. Е. Салина, утвердив его заместителем председателя комиссии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 126. Л. 158).

[16] См. документ № 9 раздела III.

[17] Н. С. Хрущев открыл собрание ленинградского партийного актива кратким вступительным словом, во время которого зачитал постановление Президиума ЦК КПСС о так называемом ленинградском деле, предложил заслушать сообщение Р. А. Руденко о расследовании этого дела и сообщил, что он «хочет выступить и более обстоятельно высказать свою точку зрения по этому вопросу и точку зрения членов Президиума ЦК» в завершение работы актива (АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 398. Л. 57–58).

[18] См. документ № 7 раздела II.

[19] Утверждение Р. А. Руденко не совсем соответствует действительности. В октябре 1951 г. вскоре после ареста В. С. Абакумова в числе евреев – ответственных сотрудников центрального аппарата МГБ СССР – был арестован Н. И. Эйтингон. Из тюрьмы, где он находился под следствием, был освобожден по личному указанию Л. П. Берия сразу после смерти Сталина в марте 1953 г. Новый арест Н. И. Эйтингона и теперь уже и П. А. Судоплатова состоялся сразу после ареста Л. П. Берии в начале июля 1953 г. См. также документ № 5 раздела I.

[20] См. документ № 2 раздела II.

[21] Р. А. Руденко здесь «забыл» упомянуть, что инициатором реабилитации А. И. Шахурина, А. А. Новикова и др. был Л. П. Берия. См. документ № 28 раздела I.

[22] И. И. Штейнберг был арестован по «делу» родной тетки, жены В. М. Молотова П. С. Жемчужиной. См. документ № 21 раздела I.

[23] См. документ № 24 раздела II.

[24] Имеется в виду постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». Они были обвинены в самовольной, без согласия Совета Министров СССР, организации в Ленинграде в январе 1949 г. Всероссийской оптовой ярмарки, в «заигрывании с Ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает Ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда». Подробнее об этом постановлении и последовавших событиях см. справку «О так называемом „Ленинградском деле“» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 126–134).

[25] Р. А. Руденко не договорил, что арест А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, М. И. Родионова, П. Г. Лазутина и Н. В. Соловьева состоялся 13 августа 1949 г. прямо в кабинете одного из главных инициаторов «ленинградского дела» Г. М. Маленкова. Н. А. Вознесенский был арестован позднее, 27 октября 1949 г.

[26] См. документы № 14 и 22 раздела II.

[27] См. документ № 1 раздела II. Что касается наказания Г. Н. Сафонова по партийной линии, то 25 февраля 1955 г., спустя полтора года после снятия с должности Генерального прокурора СССР, КПК при ЦК КПСС объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку «за серьезные недостатки в деле осуществления прокурорского надзора и нереагирование на сигналы о нарушениях законности в проведении следствия в бывшем МГБ СССР» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 637. Л. 123).

[28] См. документ № 10 раздела II.

[29] Речь идет об обращении ЦК КПСС в связи с выборами в Верховный Совет СССР (опубликовано в «Правде» 11 февраля 1954 г.)

[30] Процесс по делу В. С. Абакумова, В. И. Комарова, А. Г. Леонова, М. Т. Лихачева, И. А. Чернова и Я. М. Бровермана состоялся в Ленинграде в декабре 1954 г. Обвинителем на процессе выступил Р. А. Руденко (черновой проект текста его выступления сохранился в архивном фонде Генеральной прокуратуры СССР в ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 125–220). Военной коллегией Верховного Суда СССР четверо подсудимых были приговорены к высшей мере наказания, двое последних – к лишению свободы: Чернов – к 15 годам ИТЛ, Броверман – к 25 годам заключения. Что касается М. Д. Рюмина, то к расстрелу он был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР 7 июля 1954 г.

[31] Проект этого выступления с характеристикой итогов расследования дела на 24 листах 3 мая 1954 г. был направлен Р. А. Руденко помощнику Н. С. Хрущева Г. Т. Шуйскому. Черновой вариант проекта выступления с правкой Р. А. Руденко см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 31–61.

[32] Речь идет о XIX съезде партии, проходившем в октябре 1952 г.

[33] Имеются в виду выступления некоторых участников актива с критикой первого секретаря Ленинградского обкома партии Ф. Р. Козлова за активное участие в проводимом бывшим первым секретарем обкома В. М. Андриановым разгроме партийных кадров города и области после ареста и осуждения участников «ленинградского дела».

[34] В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев так рассказывает об этих событиях:

Сталин «в подтверждение неблагополучия дел в Москве ... вручил мне некий документ: „Вот, познакомьтесь, а потом поговорим“. Я не стал читать тут же – это был большой документ – и положил его в карман. Назавтра прочел. Это оказалось анонимное заявление, хотя и с подписями, но анонимное по своему характеру. Сейчас не помню, чьи там стояли подписи. В тексте говорилось, что в Москве существует группа заговорщиков против ЦК и Советского правительства, а группу эту возглавляет секретарь Московского комитета и ЦК партии Попов. Далее указывалось, кто входит в группу: секретари райкомов партии, часть председателей райисполкомов, директора заводов, инженеры. Я сразу почувствовал, что готовил бумагу с умыслом либо сумашедший, либо мерзавец. Положил я записку к себе в сейф и решил не говорить Сталину о ней какое-то время, считая, что чем больше пройдет времени без такого разговора, тем будет лучше.

<...>

А вскоре Сталин спросил меня, сам вспомнив: „Я давал вам заявление. Вы с ним ознакомились?“ И смотрит внимательно на меня. „Ознакомился“. – „Ну и как?“ Отвечаю: „Это мерзавцы какие-то написали или сумасшедшие“. – „Как так?“ Очень он не любил, когда относились с недоверием

к такого рода документам. „Товарищ Сталин, я абсолютно убежден, что данный документ не имеет ничего общего с действительностью. Я лично знаю многих людей, которые названы заговорщиками. Это честнейшие люди. Кроме того, я абсолютно уверен, что Попов тоже не заговорщик. Он неумно вел себя. Бесспорно, оказался не на должной высоте. Но он не заговорщик, а честный человек, в этом я не сомневался и не сомневаюсь. А если бы он даже стал заговорщиком, то те люди, которые, как написано, входят в его заговорщическую группу, сам не знаю, что сотворили бы с ним“. Видимо, мой уверенный тон повлиял на Сталина: „Вы считаете, что документ не заслуживает внимания?“ – „Безусловно, товарищ Сталин, не заслуживает. По-моему, тут провокация или безумие“. Сталин выругался, и на том все кончилось» (Хрущев Н. С. Воспоминания. М. 1997. С. 215–216).

[35] См. документ № 20 раздела I.

[36] Имеется в виду обвинительное заключение по делу Л. П. Берия и его соучастников, которое в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1953 г. было разослано для ознакомления членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, первым секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. О заявлении И. М. Кедрова против Л. П. Берии см. документ № 25 раздела III.

[37] См. документ № 10 раздела II.

[38] В июне 1954 г. состоялось Всесоюзное совещание руководящих работников органов КГБ. Выступивший на нем Н. С. Хрущев обязал чекистские органы «постоянно держать связь с партийными организациями, советоваться с ними и докладывать им о своей работе». По результатам совещания председатель КГБ при СМ СССР И. А. Серов в июле 1954 г. издал приказ «О задачах органов государственной безопасности», с которым были ознакомлены первые секретари ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов партии. (Подробнее см. статью А. И. Пожарова «КГБ и партия (1954–1964 гг.)» в журнале «Отечественная история», 1999, № 4, С. 169–174).

[39] В последней своей записке в Президиум ЦК КПСС о ходе следствия по делу М. Д. Рюмина от 25 июня 1953 г. Л. П. Берия сообщал об участии Рюмина в фальсификации следственных материалов так называемого ленинградского дела. Тем самым Берия уже тогда ставил вопрос о необходимости проверки правильности осуждения проходивших по этому делу руководителей ленинградской парторганизации. Текст записки см.: Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 65.

[40] О постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. см. примечание 24 раздела III.

[41] Речь идет об июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. После утверждения Н. С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК, в соответствии с постановлением Президиума ЦК от 18 сентября 1953 г. «Об издании стенограммы июльского и сентябрьского пленумов ЦК КПСС», стенографические отчеты этих пленумов были разосланы для сведения партийно-государственного актива.

[42] Тексты записок Л. П. Берия от 26 мая 1953 г. о политическом и хозяйственном состоянии западных областей УССР и о положении в Литовской ССР опубликованы в книге «Лаврентий Берия. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы» (М. 1999. С. 46–52).

[43] О ком идет речь, установить не удалось.

[44] В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев так рассказывает об этих событиях:

«... Некогда заместителем наркома внутренних дел в Грузии был у Берии Реденс. Реденса хорошо знали старые кадры. Я неоднократно с ним встречался, когда он работал уполномоченным НКВД по Московской области. Кроме того, часто встречался с ним в домашней обстановке, на семейных обедах у Сталина, поскольку Реденс был женат на Анне Сергеевне, сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой. Так что же Берия предпринял, чтобы выдворить Реденса из сталинской семьи? Сначала он задался целью вышибить Реденса из Грузии, потому что не хотел, чтобы у Сталина имелись оттуда информаторы помимо него, Берии. И он поручил своим людям заманить Реденса в какой-то кабачок. Они использовали его слабость в смысле вредной привычки, напоили, потом вывели и бросили на улице в сточную канаву. Мимо ехала милиция и увидела, что Реденс валяется в таком виде, доложила по инстанции. И дело поехало! Поставили вопрос перед Сталиным, что Реденс дискредитирует себя. Так Реденс, отозванный из Грузии, попал в Московскую область. Потом Реденса убрали и из Кремля, где он бывал, и вообще устранили» (Хрущев Н. С. Воспоминания. М. 1997. С. 258).

[45] Не публикуется.

Данный проект лег в основу постановления Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» (документ № 20 раздела III). См. также документ № 22 раздела III.

[46] В соответствии с постановлением СМ СССР от 28 марта 1953 г. «О передаче из Министерства внутренних дел СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых колоний» ИТЛ и колонии были переданы в ведение Минюста. Однако, уже летом 1953 г. в ЦК КПСС стали поступать сигналы об ухудшении ситуации в лагерях и колониях, что во многом было связано с проведением амнистии. Меры по укреплению порядка в ИТЛ и колониях и, одновременно, смягчению режима и стимулированию труда заключенных содержались в записках в ЦК КПСС К. П. Горшенина от 19 сентября 1953 г. и А. Л. Дедова от 10 ноября 1953 г. Эти записки Президиум ЦК КПСС рассмотрел 14 декабря 1953 г. (прот. № 44, п. 10). Спустя месяц, 15 января 1954 г., после волнений заключенных в Унженском, Каргопольском и Вятском ИТЛ, Президиум ЦК КПСС вернулся к этому вопросу (прот. № 48, п. XI). По результатам обсуждения было решено вернуть ИТЛ и колонии в систему МВД, одобрен проект постановления СМ СССР «О передаче из Министерства юстиции СССР в Министерство внутренних дел СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний» (принят 21 января 1954 г. № 109-65сс). Одновременно, МВД СССР было поручено доложить ЦК КПСС о состоянии дел в ИТЛ и колониях, внести предложения по улучшению работы ИТЛ и колоний и разработать Положение о трудовых лагерях и колониях (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 99–102, 138–144; Д. 169. Л. 30–43).

[47] Данное постановление было принято на заседании Президиума ЦК КПСС 12 марта 1954 г. (прот. № 54, п. 50). Оно, в частности, предусматривало:

«1. Считать основными задачами МВД СССР: коренное улучшение работы органов МВД по охране общественного порядка в стране и усилению борьбы с уголовной преступностью и хищениями социалистической собственности; улучшение деятельности исправительно-трудовых лагерей по перевоспитанию заключенных; осуществление государственного пожарного надзора; организацию местной противовоздушной охраны и обеспечение надежной охраны государственных границ СССР.

2. Обязать министра внутренних дел СССР т. Круглова:

<...>

б) навести надлежащий порядок в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний, обратив особое внимание на правильное трудовое использование заключенных, обучение их определенным профессиям и улучшение политико-воспитательной работы с ними с тем, чтобы обеспечить возвращение лиц, освобождаемых из лагерей, к честной трудовой жизни. Укрепить ГУЛАГ и администрацию исправительно-трудовых лагерей проверенными и квалифицированными кадрами. Разработать и представить на рассмотрение Совета Министров СССР Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях, в котором предусмотреть режим содержания заключенных, организацию их трудового использования и перевоспитания, а также права и обязанности администрации лагерей» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 47).

[48] Проект, приложенный к записке С. Н. Круглова, не публикуется.

[49] Не публикуется.

[50] 31 мая 1954 г. записка С. Н. Круглова была разослана членам Президиума ЦК КПСС. На заседании Президиума 3 июня 1954 г. (прот. № 68, п. XVII) было принято следующее постановление:

«1. Принять за основу представленный МВД СССР (т. Кругловым) проект постановления ЦК КПСС о мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД.

2. Поручить тт. Суслову, Круглову, Дедову, Горшенину и Руденко тщательно отредактировать указанный проект постановления и внести свои предложения на рассмотрение в ЦК КПСС».

1 июля 1954 г. Президиум ЦК (прот. № 70, п. II) вернулся к рассмотрению вопроса и принял постановление «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 48, 152–158).

[50a] Сведений о рассмотрении данной записки на заседании Президиума ЦК КПСС в архивном деле не отложилось.

[51] Данное постановление было проголосовано опросом членами Президиума ЦК КПСС и оформлено как постановление ЦК КПСС от 5 июля 1954 г. (прот. № 71, п. 12) «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Вопрос на рассмотрение Президиума ЦК внесла комиссия в составе М. А. Суслова, С. Н. Круглова, К. П. Горшенина, Р. А. Руденко и А. Л. Дедова. В тексте постановления ЦК КПСС, в отличие от постановления Совета Министров СССР, есть два дополнительных пункта следующего содержания:

«6. Установить, что лица, находящиеся на спецпоселении, за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения привлекаются к ответственности по части 1 ст. 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. В связи с этим утвердить Указ Президиума Вер-

ховного Совета СССР об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года „Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны“»;

«9. Считать утратившими силу действие пунктов 3, 4 и второй части пункта 5 постановления СНК СССР № 35 от 8.01.45 года “О правовом положении спецпереселенцев”. В связи с этим отменить соответствующие пункты Положения о спецкомендатурах НКВД, утвержденного постановлением Совнаркома СССР от 8.01.1945 года № 34-14с». См. также документ № 22 раздела III.

[52] В приложении указаны следующие категории спецпоселенцев, на которых не распространялось действие постановления: украинские националисты, члены «ОУН – УПА», кулаки и их семьи, выселенные из западных областей Украинской ССР в 1944–1952 гг.; националисты и кулаки с семьями, выселенные из Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, Белорусской ССР и Псковской области в 1945–1952 гг.; «андерсовцы» и члены их семей, выселенные из Литовской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 г.; иеговисты, выселенные из Латвийской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 г. См. также документы № 13 и № 23 раздела III.

[53] См. документ № 31 раздела II.

[54] См. также документы № 13 и 20 раздела III.

[55] Данное заявление в документах АП РФ, РГАНИ и РГАСПИ не обнаружено.

[56] См. документ № 23 раздела II.

[57] См. также документ № 18 раздела II.

[58] 13 августа 1954 г. на заседании Президиума ЦК КПСС (прот. № 78, п. XIV) было решено «принять предложение т. Руденко о прекращении дела Косарева А. В. и реабилитации его» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 135. Л. 38). Военная Коллегия Верховного Суда СССР 24 августа 1954 г. реабилитировала А. В. Косарева.

[59] Имеется в виду печально знаменитое постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 1 февраля 1931 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

[60] Данное постановление было оформлено также в качестве постановления Совета Министров СССР № 1738-789сс от 13 августа 1954 г. Текст последнего, дословно копирующий партийное решение, опубликован в кн.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. I. Курск. 1999. С. 325–326. См. также документ № 58 раздела IV.

[61] В своей записке от 17 августа 1954 г. А. А. Волин подчеркивал, что «в ряде случаев суды рассматривают как антисоветскую агитацию отдельные высказывания, хотя и политически неправильные, но допущенные не из враждебных побуждений к советской власти», что не всегда предварительное следствие по таким делам ведется объективно, суды же к материалам следствия относятся некритически, осуждая зачастую невиновных людей. Предлагалось поручить Пленуму Верховного Суда СССР подготовить соответствующее более ограничительное разъяснение о применении судами статьи 58 п. 10 УК РСФСР, которая предусматривала наказание за антисоветскую пропаганду и агитацию (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 139. Л. 45–54).

[62] Вопрос о выселении родственников лиц, осужденных по делу Л. П. Берии, обсуждался Президиумом ЦК КПСС дважды: 19 апреля и 10 мая 1954 г. На первом заседании рассмотрение вопроса было поручено комиссии в составе Н. Н. Шаталина, Р. А. Руденко, И. А. Серова, С. Н. Круглова и В. П. Мжаванадзе. Представленный комиссией проект постановления ЦК КПСС «О членах семей и родственниках осужденных врагов народа» утвержден не был. Президиум ЦК постановил рассмотреть данный вопрос через месяц. Однако сведений об этом в архивах не обнаружено. Подробнее см.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

[63] Жена Л. П. Берии Нина Теймуразовна и его сын Сергей Лаврентьевич, арестованные в конце июня – июле 1953 г., после окончания следствия в конце 1954 г. по решению руководства ЦК КПСС, согласившегося с предложениями Генеральной прокуратуры СССР, были высланы на поселение в отдаленные районы Красноярского края под надзор органов госбезопасности (записку Р. А. Руденко в ЦК КПСС по данному вопросу от 9 ноября 1954 г. см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 32. Л. 224–230).

[64] См. документ № 20 раздела III.

[65] Не публикуется.

11 сентября 1954 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 82, п. 81), согласившись с предложениями Комиссии, постановил «поручить комиссии в составе Прокурора Армянской ССР (председатель), председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров Армянской ССР, министра внутренних дел и министра юстиции Армянской ССР по поступающим жалобам и заявлениям рассматривать дела на дашнаков и членов их семей... и лиц, необоснованно выселенных, из спецпоселения освобождать» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 98. Л. 123).

[66] М. Е. Кольцов был реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР 18 декабря 1954 г.

[67] См. документ № 10 раздела II.

[68] Не публикуется. См. также документ № 43 раздела III.

[69] На заседании Президиума ЦК КПСС 25 ноября 1954 г. (прот. № 95, п. XXX) было решено «согласиться в принципе с предложениями Генерального Прокурора СССР (т. Руденко) и Председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР (т. Серова) по данному вопросу. Поручить т. Руденко с учетом высказанных на заседании Президиума ЦК КПСС замечаний отредактировать проект постановления и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР до данному вопросу и внести на утверждение в ЦК КПСС» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 168. Л. 145). См. документ № 43 раздела III.

[70] Решение по данному вопросу состоялось лишь спустя год. См. документ № 36 раздела IV.

О том, как протекала на практике процедура реабилитации, подробно рассказала в своих воспоминаниях А. Н. Пирожкова, жена И. Э. Бабеля:

«О возможности реабилитации заключенных я узнала одной из первых.

Главного инженера Мосметростроя Абрама Григорьевича Танкилевича судили по какому-то выдуманному делу вместе с сотрудниками Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. Его не взяли, находился только под домашним арестом и должен был являться на заседания народного суда. Суд длился долго, так как обвиняемых было много. И вот однажды во время перерыва в судебном заседании Танкилевич случайно подслушал разговор адвокатов между собой, из которого узнал, что создана комиссия под председательством Генерального прокурора СССР Руденко по реабилитации людей, осужденных в годы культа личности Сталина. Это было в январе 1954 года. Танкилевич сейчас же позвонил мне и рассказал о подслушанном разговоре адвокатов. Я ничего не знала о такой комиссии и абсолютно не знала, как нужно к ней обращаться, но сейчас же написала заявление такого содержания:

„Мой муж, писатель И. Э. Бабель, был арестован 15 мая 1939 года и осужден сроком на 10 лет без права переписки.

По справкам, получаемым мною ежегодно в справочном бюро МВД СССР, он жив и содержится в лагерях.

Учитывая талантливость И. Э. Бабеля как писателя, а также то обстоятельство, что с момента его ареста прошло уже 15 лет, прошу Вас пересмотреть дело И. Э. Бабеля для возможности облегчения его дальнейшей участи.

А. Пирожкова
25.I.54 г.“

В последующем в заявлениях, адресованных Руденко, люди прямо просили о реабилитации. Мне же тогда это слово было незнакомо.

К нашему удивлению, через 10 дней пришел ответ от Генерального прокурора, в котором сообщалось:

„Ваша жалоба от 5 февраля 1954 г., адресованная Генеральному прокурору СССР по делу Бабеля И. Э., поступила в Главную военную прокуратуру и проверяется.

О результатах Вам будет сообщено.“

А через две недели, то есть 19 февраля 1954 г. – снова письмо из Прокуратуры СССР:

„Сообщаю, что Ваша жалоба Прокуратурой СССР проверяется. Результаты проверки будут сообщены дополнительно.“

Первое письмо было подписано Военным прокурором Главной военной прокуратуры, а второе – прокурором отдела по спецделам.

Но прошло еще несколько месяцев, когда уже летом, быть может в июне, мне позвонил незнакомый человек, назвался следователем Долженко и пригласил зайти к нему. Отделение прокуратуры, где принимал меня Долженко, помещалось на улице Кирова, недалеко от Кировских ворот.

Это был довольно симпатичный, средних лет человек. Перелистывая какую-то папку, он задавал мне вопросы сначала обо мне, где работаю, какую должность занимаю, какая у меня семья. Узнав, что я работаю главным конструктором в Метрогипротрансе, он сказал:

– Это удивительно при ваших биографических данных.

Вопросы, относящиеся к Бабелю, касались его знакомства с Андре Мальро и с Ежовыми. Я спросила Долженко:

– Вы дело Бабеля видели?

Он ответил:

– Вот оно, передо мной.

– И какое у вас впечатление?

– Дело шито белыми нитками...

И тут я чуть не потеряла сознание. В глазах у меня потемнело, и я чудом не упала со стула, схватившись за край стола. Долженко даже испугался, вскочил, подбежал ко мне, дал стакан с водой.

Но я скоро пришла в себя.

Тогда он спросил меня, кто мог бы дать хороший отзыв о Бабеле из его знакомых. Я назвала Екатерину Павловну Пешкову, Эренбурга и Катаева.

Подумать только – „дело шито белыми нитками“, а нужны отзывы трех человек, чтобы реабилитировать невиновного!

Потом Долженко мне сказал, что так как сейчас лето и люди, с которыми он хочет поговорить, могут быть в отъезде или на даче, он не обещает мне скоро закончить дело.

Я спросила о судьбе Бабеля и Долженко сказал, что он занимается только реабилитацией, а на этот вопрос мне ответят в другом месте, когда он закончит рассмотрение дела.

От Долженко я пошла сразу же к Екатерине Павловне Пешковой, которая жила на улице Чаплыгина, то есть очень близко от Кировских ворот, где я была. Никогда прежде я не приходила к ней без звонка, и Екатерина Павловна очень удивилась моему приходу. Но вид у меня был такой, что она сразу же меня обняла, привела в столовую и, посадив на диван, села рядом. Я не сразу могла говорить. Потом я рассказала ей о моем разговоре с Долженко и предупредила о возможном его визите. В тот же день вечером я позвонила Эренбургу и узнала, – он на даче, оказалось, что Долженко уже у них был. Любовь Михайловна рассказала, как заставила его гулять в саду более двух часов (Эренбург был занят).

– Если бы знала, что дело касается Бабеля, пустила бы его к Илье Григорьевичу немедленно.

Эренбург мне рассказал о разговоре с Долженко, которому он сказал, что с Андре Мальро Бабеля познакомил в Париже сам, а знакомство с Ежовым объяснил профессиональным любопытством писателя к людям всякого ранга, в той же мере к Ежову, как, например, к наездникам ипподрома.

Я спросила Эренбурга, какое у него впечатление о судьбе Бабеля. Он ответил:

– О деле – хорошее, о судьбе – плохое.

И я расплакалась, как ни старалась сдержаться. Эренбург тотчас же стал уверять меня, что Долженко ему ничего определенного не сказал, просто у него такое впечатление. Схватил меня за руку и потащил показывать свой цветник, где были цветы необыкновенные, нам незнакомые, семена которых он привозил из-за границы.

Предупреждать Катаева о визите следователя я не стала, но знаю, что разговор между ними состоялся.

С Екатериной Павловной Долженко встретился на другой же день после моего к нему визита. Она рассказала ему, как Горький и она любили Бабеля, считали его умнейшим человеком и талантливым писателем.

Долженко повторил ей свое удивление по поводу моего „высокого служебного положения“ при таких неблагоприятных биографических данных.

Уже зимой, в декабре, мне позвонил Долженко и сказал, что дело Бабеля окончено и что я могу получить справку о реабилитации в военной коллегии Верховного суда СССР на улице Воровского.

Там мне выдали справку такого содержания:

„*Дело по обвинению Бабеля Исаака Эммануиловича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 18 декабря 1954 года.*

Приговор Военной Коллегии от 26 января 1940 года в отношении Бабеля И. Э. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело о нем за отсутствием состава преступления прекращено“.

Я прочла эту справку и спросила о судьбе Бабеля.

И человек, который выдал мне справку, взял ручку и на полях лежавшей на столе газеты написал: „Умер 17 марта 1941 года от паралича сердца“ – и дал мне это прочесть. А потом

оторвал от газеты эту запись и порвал ее, сказав, что в загсе своего района я получу свидетельство о смерти.

Я вышла от него почти спокойно. Я не верила этому! Если бы было написано „Умер в 1952, в 1953 г. и т. д.“, я бы поверила, но в августе 1952 года приходил из заключения Завадский, привез письмо, в котором было написано: „Как будет огорчен Бабель, выйдя из больницы, что он потерял оказию послать весточку домой“. Я верила в то, что до августа 1952 года Бабель был жив и содержался в лагере на Средней Колыме, как говорил Завадский. Я решила, что арестованных была такая масса, что НКВД не могут теперь разобраться, кто где находится, и кинулась хлопотать о поисках Бабеля.

Я написала письмо председателю военной коллегии Верховного суда СССР Чепцову, за чьей подписью была выдана мне справка о реабилитации Бабеля, и одновременно председателю Комитета государственной безопасности Серову.

Я писала:

„23-го декабря 1954 года мне вручили в приемной Верховного Суда Союза ССР справку за № 4Н-011441/54 о прекращении производством за отсутствием состава преступления дела моего мужа писателя Бабеля Исаака Эммануиловича.

Одновременно мне сообщили, что 17 марта 1941 года муж мой – Бабель И. Э. умер от паралича сердца.

Считаю, что это сообщение не соответствует действительности, так как наша семья до 1948 года получала официальные устные ответы на наши заявления в справочном бюро МГБ – Кузнецкий пост, 24, что Бабель “жив и содержится в лагерях”. Такая последовательность ответов из года в год, свидетельствующая, что Бабель жив, полностью исключает достоверность сделанного мне 23 декабря с.г. сообщения о смерти Бабеля И. Э. в 1941 году.

Кроме того, летом 1952 года меня разыскал освобожденный из лагеря Средней Колымы человек и сообщил мне, что Бабель жив и здоров.

Таким образом, для меня совершенно несомненно, что до лета 1952 года Бабель был жив и сообщение о его смерти в 1941 году является ошибочным.

Прошу Вас принять все зависящие от Вас меры к розыску Бабеля Исаака Эммануиловича и, указав мне место его пребывания, разрешить мне выехать за ним“.

Не получив ответа на мои заявления, я написала письмо писателю Фадееву:

„Уважаемый Александр Александрович!

Обращаюсь к Вам по совету Ильи Григорьевича Эренбурга, от которого Вы, вероятно, уже знаете о полной реабилитации моего мужа И. Э. Бабеля.

Одновременно со справкой о реабилитации я получила устное сообщение о смерти Бабеля в 1941 году. Это сообщение является ошибочным, так как я достоверно знаю, что Бабель был жив еще летом 1952 года.

В августе 1952 года меня нашел в Москве освобожденный из лагеря Средней Колымы человек, который три года (с 1950 по 1952) находился вместе с И. Э. Бабелем и сообщил мне о нем факты, не вызывающие никакого сомнения в их достоверности. Поэтому я чрезвычайно встревожена создавшимся положением, в силу которого военная коллегия Верховного суда, оправдавшая Бабеля, не разыскивает его, считая погибшим.

Я подала заявление с опровержением факта смерти Бабеля в 1941 году в МГБ, но боюсь, что проверка моего заявления будет затяжной и формальной. Поэтому было бы необходимо добиться распоряжения об индивидуальном и срочном розыске Бабеля от кого-нибудь из членов правительства, например от Ворошилова, который, безусловно, знает и помнит Бабеля.

Мне самой трудно было бы добиться приема у Ворошилова, и поэтому я хочу узнать у Вас, могли ли бы Вы или Союз советских писателей помочь мне в этом.

Прошу Вас сообщить мне о возможности Вашего участия в судьбе Бабеля“.

После получения моего письма Фадеев однажды позвонил мне домой; меня дома не было, и он сказал Лиде, что хотел бы поговорить со мной, но сейчас он уезжает в санаторий в Барвиху, а когда вернется оттуда, позвонит мне.

Но звонка Фадеева я не дождалась и написала письмо Ворошилову.

Через какое-то время мне позвонили из приемной Ворошилова:

– Климент Ефремович просит передать вам, чтобы вы поверили в смерть Бабеля. Если бы он был жив, он давно был бы дома.

И только после этого, все еще сомневаясь, я пошла в районное отделение загса за свидетельством о смерти Бабеля.

Более страшный документ трудно себе представить!

„*Место смерти – Z, причина смерти – Z*“.

Документ подтверждал смерть Бабеля 17 марта 1941 года в возрасте 47 лет.

Можно ли было верить этой дате? Если приговор был подписан 26 января 1940 года и означал расстрел, то приведение приговора в исполнение не могло быть отложено более чем на год.

Я не верила этой дате и оказалась права. В 1984 году Политиздат выпустил отрывной календарь, где на странице 13 июля написано: „Девяностолетие со дня рождения писателя И. Э. Бабеля (1894–1940)“. Когда мы позвонили в Политиздат и спросили, почему они указали год смерти Бабеля 1940, когда справка загса дает год 1941, нам спокойно ответили:

– Мы получили этот год из официальных источников...

Зачем понадобилось отодвинуть дату смерти Бабеля более чем на год? Кому понадобилось столько лет вводить меня в заблуждение справками о том, что он „жив и содержится в лагерях“? Кто подослал ко мне Завадского, а потом и заставил писателя К. распространять ложные слухи о естественной смерти Бабеля, о более или менее сносном его существовании в лагере или тюрьме?

И только когда в 1960 году в Советский Союз впервые приехала родная сестра Бабеля, жившая постоянно в Брюсселе, и спросила меня: „Как умер мой брат?“, я поняла, как чудовищно, немыслимо сказать ей: „Он расстрелян“. И я повторила ей одну из версий, придуманных К., о смерти в лагере на скамье возле дерева.

Верить в смерть Бабеля не хотелось, но мои хлопоты о розыске его с тех пор прекратились.» (Воспоминания о Бабеле. 1989. С. 308–313.)

[71] Младший из братьев Кобуловых А. З. Кобулов был арестован в июне 1953 г. Приговорен к высшей мере наказания в октябре 1954 г., спустя десять месяцев после расстрела брата Богдана, осужденного в числе ближайших сотрудников Л. П. Берии специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР в декабре 1953 г.

[72] По поручению ЦК КПСС прокуратура провела изучение «дела» К. Б. Богомоловой-Гамарник. Как докладывал 28 января 1955 г. Главный военный прокурор Е. Варской, «из материалов дела усматривается, что Богомолова-Гамарник К. Б., не имея никакой специальности и соответствующего образования, но пользуясь близкими связями с врагами народа Гамарником и Корытным, занимала ответственные должности в МК ВКП(б) и в Московской областной прокуратуре. Посещая квартиры указанных лиц, встречалась там с Якиром и другими врагами народа. В мае 1937 года неоднократно бывала на квартире Гамарника и, воспользовавшись полученными с Московской облпартконференции сведениями об аресте врага народа Эйдемана, сообщила об этом Гамарнику, который вскоре после этого покончил жизнь самоубийством. В 1953 году Богомолова-Гамарник возбудила ходатайство о снятии с нее судимости. Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР дал заключение о нецелесообразности снимать с нее судимость. Согласившись с этим мнением, Прокуратура Союза ССР 13-го октября 1954 года дала заключение в Президиум Верховного Совета СССР об отказе в снятии судимости с Богомоловой-Гамарник. 4 января 1955 года Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев ходатайство Богомоловой-Гамарник, в снятии судимости ей отказал и 25 января 1955 года уведомил ее об этом». См. также документы № 42 раздела III, № 29 раздела IV и № 11 раздела V.

[73] Бывшая заместитель председателя исполкома Моссовета Е. С. Коган (арестована 2 ноября 1937 г., осуждена к ВМН 28 июля 1938 г.) была реабилитирована Военной Коллегией Верховного Суда СССР 3 ноября 1954 г. О результатах проверки дела Е. С. Коган Р. А. Руденко проинформировал ЦК КПСС в записке от 12 ноября 1954 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 17–18).

[74] С. З. Корытный был реабилитирован Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 января 1955 г.

[75] Первоначально данный вопрос рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС 9 декабря 1954 г. (прот. № 97, п. XXXIV) в следующей формулировке: «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора». Было решено «поручить тт. Шаталину, Руденко, Дедову и Кудрявцеву на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС доработать проект постановления ЦК КПСС о мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора и свои предложения внести в ЦК КПСС» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 173. Л. 7). Доработанный согласно этому поручению проект постановления был затем проголосован и протокольно оформлен тем же 9 декабря 1954 г.

[76] См. документ № 36 раздела III.

[77] Не публикуется.

В список работников Опытно-конструкторского бюро А. Н. Туполева включен 51 работник с указанием года их рождения, занимаемой должности, даты ареста, даты и содержания приговора и даты и формулировки освобождения. В списке, в частности, значатся:

сам главный конструктор и руководитель завода А. Н. Туполев (арестован 21 октября 1937 г.; осужден по ст. 58, пп. 7 и 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1940 г. к 15 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 г. прот. № 9, дело 193);

зам. главного конструктора Н. И. Базенков (арестован 7 марта 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 6 и 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 28 мая 1940 г. к 5 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1941 г. прот. № 6, п. 2);

зам. главного конструктора Д. С. Марков (арестован 6 ноября 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 7, 8, 11 и 17 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 14 мая 1939 г. к 15 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 г. прот. № 9, дело 193);

зам. главного конструктора К. В. Минкнер (арестован 10 января 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 7 и 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 31 мая 1940 г. к 5 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1941 г. прот. № 6, п. 15);

зам. главного конструктора Г. А. Озеров (арестован 1 ноября 1937 г.; осужден по ст. 58, пп. 6, 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1939 г. к 10 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 г. прот. № 9, дело 193);

зам. главного конструктора А. М. Черемухин (арестован 10 января 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1939 г. к 10 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 г. прот. № 9, дело 193);

академик-консультант А. И. Некрасов (арестован 10 января 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 6, 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1940 г. к 15 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1943 г. прот. № 14, дело 193);

главный технолог завода С. А. Вигдорчик (арестован 1 июля 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 14 мая 1939 г. к 20 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 г. прот. № 9, дело 193);

быв. начальник отдела ЦАГИ, ныне зам. главного конструктора завода, академик Б. С. Стечкин (арестован 2 декабря 1937 г.; осужден по ст. 58, пп. 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 31 мая 1940 г. к 10 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1943 г., дело 687);

быв. начальник бригады ЦАГИ, ныне главный конструктор Министерства авиационной промышленности В. М. Мясищев (арестован 12 января 1938 г.; осужден по ст. 58, пп. 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1940 г. к 10 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1940 г.,прот. № 6);

быв. главный конструктор В. М. Петляков (арестован 27 октября 1937 г.; осужден по ст. 58, пп. 7, 11 Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1940 г. к 10 годам; освобожден по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1940 г., прот. № 6) (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 60–69). См. также документы № 4 и № 6 раздела IV.

РАЗДЕЛ IV

РЕАБИЛИТИРОВАТЬ: КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ДАННЫХ НЕ ИМЕЕТСЯ

ЯНВАРЬ – ДЕКАБРЬ 1955 г.

[1] См. также документ № 18 раздела IV.

[1a] Речь идет о приказе наркома внутренних дел СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. о проведении операции по «полной ликвидации местных организаций „ПОВ“» (текст приказа см.: Бутовский полигон. 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. М. 1937. С. 353–354).

[2] В проекте телеграммы на имя Б. Берута в ЦК ПОРП за подписью Н. С. Хрущева говорится следующее: «В связи с Вашей запиской об арестованных в 1937–38 гг. видных деятелях коммунистического движения Польши, по поручению ЦК КПСС прокуратура и органы госбезопасности СССР разобрались со следственными делами и установили, что они были в тот период вражеским руководством НКВД арестованы и осуждены необоснованно.

Дела на них судебными органами пересматриваются, и в ближайшее время все они будут посмертно реабилитированы.

Поэтому ЦК КПСС считает возможным в исторических материалах упоминать по Вашему усмотрению фамилии тех из них, которые активно участвовали в революционном движении Польши и не допустили при этом каких-либо политических ошибок».

[3] 12 февраля 1955 г. Н. А. Булганин получил от дочери Г. Н. Каминского Светланы письмо. В нем она жаловалась на задержку с пересмотром дела родителей, хотя еще в мае 1954 г. ею в Главную Военную Прокуратуру было подано заявление о реабилитации отца и матери, до сих пор проживавшей в г. Ухта Коми АССР. Н. А. Булганин на письме 18 февраля 1955 г. наложил следующую резолюцию: «Разослать членам Президиума ЦК. Ген[еральная] Прокуратура СССР тт. Руденко Р. А., Баранову П. В., Ком[итет] гос[ударственной] безопасности т. Серову. Представить срочно предложение» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 53–54).

Опросом члены Президиума ЦК КПСС 25 февраля 1955 г. (прот. № 109, п. 5) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Прокуратуры СССР (т. Баранова) и Комитета госбезопасности (т. Серова), изложенным в записке от 22 февраля 1955 г., № 24лс» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 206. Л. 89). Военная Коллегия Верховного Суда СССР 2 марта 1955 г. реабилитировала Г. Н. Каминского. 20 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 189, п. 47) восстановил его в партии (Там же. Д. 387. Л. 3–5).

[4] См. документ № 44 раздела III.

[5] См. документ № 6 раздела IV.

[6] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 4 марта 1955 г. (прот. № 111, п. 29) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Прокуратуры СССР (т. Баранова), изложенным в записке от 25 февраля 1955 года № 8к-36005-54» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 211. Л. 5).

[7] См. документы № 44 раздела III и № 4 раздела IV.

[8] В деле с подлинниками протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС данное постановление отсутствует, имеется лишь указание о рассмотрении вопроса и о том, что принятое решение хранится в «особой папке» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 211. Л. 5).

[9] Президиум ЦК КПСС 23 марта 1955 г. (прот. № 113, п. 53) согласился с предложениями П. В. Баранова о реабилитации М. И. Кахиани и Т. Н. Давтян.

[10] Записка, датируемая 1955 г., по данному вопросу не обнаружена. См. также документ № 13 раздела V.

[11] Еще 18 января 1955 г. Президиум ЦК (прот. № 103, п. 90) рассмотрел записку секретаря ЦК Компартии Казахстана Л. И. Брежнева с предложениями о призыве в ряды Советской Армии спецпоселенцев призывного возраста и формировании из них строительных батальонов на территории Казахской ССР. Президиум ЦК пришел к решению о необходимости рассмотреть вопрос шире, имея в виду возможность в целом призыва в армию молодых спецпоселенцев. Для подготовки предложений по этому вопросу была образована комиссия под председательством С. Н. Круглова с участием руководящих работников Министерства обороны СССР (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 53).

[12] См. документ № 20 раздела III.

[13] См. документ № 31 раздела IV.

[14] См. документ № 42 раздела III.

[14a] См. документ № 8 раздела I.

[15] Президиум ЦК КПСС 12 августа 1955 г. (прот. № 140, п. XIV), после обмена мнениями, в котором участвовали Г. К. Жуков, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. А. Суслов и В. М. Молотов, постановил «принять предложение Министерства обороны СССР (т. Жукова) о присвоении генеральских воинских званий тт. Тодорскому А. И., Фишману Я. М., Говорухину Т. К., Колосову П. И.» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 166. Л. 3).

[16] Проект не публикуется.

Постановление по данному вопросу с поручением Генпрокуратуре СССР и КГБ при СМ СССР проверить дела на болгарских политэмигрантов Президиум ЦК КПСС принял 14 мая 1955 г. (прот. № 120, п. 9) (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 238. Л. 54). См. также документ № 1 раздела IV.

[17] 20 декабря 1954 г. А. Л. Дедов и С. Н. Круглов внесли в ЦК КПСС записку с предложением снять ограничения в правовом положении со спецпоселенцев, членов и кандидатов в члены партии, и их семей. В записке, в частности, указывалось, что на учете спецпоселения состоит 5942 члена КПСС и 792 кандидата в члены КПСС. «В соответствии с существующим порядком коммунисты, состоящие на учете спецпоселения, обязаны являться на регистрацию в местные органы МВД и к ним, как и другим спецпоселенцам, применяются ограничения в передвижении по стране. <...> Снятие всех ограничений с указанных коммунистов, – подчеркивалось далее, – не вызовет массового выезда их с мест поселения, поскольку выезды будут разрешаться соответствующими партийными комитетами». 30 апреля 1955 г. содержавшееся в записке предложение было поддержано Секретариатом ЦК КПСС (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 56–57).

[18] 1 июля 1955 г. заместитель министра внутренних дел СССР С. Н. Переверткин сообщал в ЦК КПСС, что «сняты с учета и освобождены из-под административного надзора органов МВД все находившиеся на спецпоселении члены КПСС и кандидаты в члены КПСС (5 699 человек) и члены их семей (7 874 человека)» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 69).

[19] Военная коллегия Верховного Суда СССР реабилитировала Н. В. Крыленко 29 июля 1955 г. КПК при ЦК КПСС восстановил его в партии 7 октября 1955 г. (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 834. Л. 25–29).

[20] См. документы № 27 и 34 раздела III.

[21] О реабилитации К. В. Сухомлина см. документ № 34 раздела IV.

[22] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 4 августа 1955 г. (прот. № 138, п. 42) приняли следующее постановление: «Принять предложение Прокуратуры СССР (т. Руденко) и КПК при ЦК КПСС (т. Лукьянова), изложенное в их записке от 25 мая 1955 г. № 95лс» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 277. Л. 194). Военная Коллегия Верховного Суда СССР 10 августа 1955 г. реабилитировала Н. Ф. Гикало. 27 сентября 1955 г. Н. Ф. Гикало и его жена Н. Е. Чижова постановлением Президиума ЦК КПСС (прот. № 155, п. 11) были восстановлены в рядах партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 306. Л. 74–81; Ф. 6. Оп. 3. Д. 802. Л. 69–72).

[23] Совещание руководящих прокурорских работников, состоявшееся в Москве 23–25 июня 1955 г., было созвано в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законнности и усилении прокурорского надзора». В совещании приняли участие около 400 прокуроров с мест и работники центрального аппарата Прокуратуры СССР.

[24] См. документы № 10, № 15, № 18 раздела III и № 8, № 16 раздела IV.

[25] Документы о заслушивании в ЦК КПСС докладов председателей комиссий по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления Куйбышевской области, Молдавской и Эстонской ССР не обнаружены.

[26] Вопрос об усилении идейно-политического воздействия на спецпоселенцев и политзаключенных ранее рассматривался Секретариатом и Президиумом ЦК КПСС 16 и 21 октября 1954 г. Было, в частности, решено укрепить партийно-комсомольскую прослойку среди работников ИТЛ и колоний (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 194–195). Вопрос «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» Секретариат ЦК КПСС рассмотрел 27 июня 1955 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 65–67).

[27] См. документ № 20 раздела III.

[28] Вместе с запиской П. В. Баранова в деле подшит проект постановления Президиума ЦК КПСС «О реабилитации Пахомова Н. И.». На этом проекте имеются следующие пометы: «Без оформления [протокольного решения]. 4.VIII.55. В. Чернуха» и «Т. Руденко сообщено. 5.VIII/55 Н. Соловьев» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 441. Л. 5).

[29] Быв. командир батальона первого советского партизанского полка во Франции В. Оганян 22 апреля 1955 г. написал А. И. Микояну письмо с просьбой о реабилитации своих боевых товарищей. 25 мая А. И. Микоян распорядился разослать это письмо коллегам по Президиуму ЦК КПСС. 9 июня 1955 г. опросом члены Президиума ЦК КПСС (прот. № 127, п. 9) постановили «поручить т. Руденко рассмотреть дела офицеров и солдат, о которых пишет т. Оганян, и сообщить свои предложения ЦК КПСС» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 250. Л. 176–187). Еще ранее 20 марта 1955 г. в журнале «Огонек» появилась публикация В. Оганяна о деятельности советских партизан во французском Сопротивлении.

[30] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 16 августа 1955 г. (прот. № 141, п. 25) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Генерального Прокурора СССР т. Руденко, изложенным в его записке от 14 июля 1955 г., № 122лсс» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 285. Л. 128).

[31] См. документ № 21 раздела IV.

[32] См. документ № 3 раздела IV.

[33] 14 ноября 1955 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 169, п. 38) по записке КПК при ЦК КПСС постановил посмертно восстановить К. В. Уханова в рядах партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 331. Л. 48–60).

[34] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 6 августа 1955 г. (прот. № 139, п. 10) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Генерального Прокурора СССР т. Руденко, изложенным в его записке от 22 июля 1955 г., № 135лсс». 7 октября 1955 г. КПК при ЦК КПСС восстановил Я. Б. Гамарника в партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 281. Л. 24; Ф. 6. Оп. 3. Д. 834. Л. 30–39).

[35] В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев так рассказывает об этих событиях:

«Когда я вернулся в Москву, были проведены большие аресты среди работников ЗИСа (автомобильного завода имени Сталина). Возглавлял „заговорщическую организацию американских шпионов“ помощник директора ЗИСа Лихачева. Не помню сейчас его фамилии, но я лично знал этого паренька – щупленького, худенького еврея. <...>

Я и не думал, что он является, как его потом обозвали, главой американских сионистов, через которого те организуют свою работу в Советском Союзе. Его арестовали, и он, конечно, сознался. Я-то знаю, как „сознавались“ люди, что они английские, гитлеровские и другие агенты. Это было не признание, а вымогательство, нужное тем, кто преследовал корыстные цели.

Дошло дело до Лихачева. Лихачев был тогда министром, кажется, автомобильного транспорта. Сталин поручил Берии, Маленкову и мне втроем допросить Лихачева. Вызвали Лихачева, стали его допрашивать. Мне было больно видеть это, но я ничего не мог поделать, потому что обвинение основывалось на „документальных данных“, на „показаниях“ людей, которые работали с Лихачевым. Это ведь считалось неопровержимым доказательством. Допрашивали его в помещении для заседаний Бюро Совета Министров СССР в Кремле, на третьем этаже...

Когда ему предъявили обвинение, Лихачев стал что-то говорить в свое оправдание, а потом разахался и упал в обморок. Его окатили водой, привели в чувство и отправили домой, потому что допрашивать уже было невозможно. Рассказали Сталину, как все было. Сталин послушал, посмотрел на нас и обругал Лихачева. ...Видимо, сказалось хорошее в ту пору настроение Сталина, и оставили Лихача в покое» (Хрущев Н. С. Воспоминания. М. 1997. С. 222–223).

[36] Первый вариант записки был составлен для Президиума ЦК КПСС еще 2 апреля 1955 г. Его текст почти аналогичен публикуемому. Расхождения имеются лишь в формулировках двух предпоследних абзацев. В первом варианте, в отличие от второго, эти абзацы не определяют конкретную меру партийного наказания бывшим членам Военной коллегии Верховного Суда СССР и выглядят следующим образом:

«При определении меры партийного наказания считаем, что особенно строгое наказание должен нести т. Матулевич И. О. (член КПСС с 1915 года), который в общей сложности работал в Военной коллегии в течение более двадцати лет и при этом с 1938 г. по 1940 г. и с 1947 г. по 1954 г. являлся заместителем председателя Военной коллегии.

Тов. Детистов И. В. (член КПСС с 1919 г.) являлся членом Военной коллегии в течение шестнадцати лет и т. Зарянов И. М. (член КПСС с 1919 г.) работал членом Военной коллегии тринадцать лет» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 742. Л.9–15).

Видимо, из-за отсутствия ясности с вопросом о наказании, первый вариант записки в Президиум ЦК представлен не был.

[37] Постановлением Президиума ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. (прот. № 81, п. 21) И. О. Матулевич, И. В. Детистов и И. М. Зарянов за допущенные нарушения в работе и участие в судебном заседании по так называемому ленинградскому делу были сняты с должностей членов Военной коллегии Верховного Суда СССР; КПК при ЦК КПСС было поручено рассмотреть вопрос об их партийной ответственности.

[38] Впервые вопрос о наказании И. О. Матулевича, И. В. Детистова и И. М. Зарянова рассматривался на заседании КПК при ЦК КПСС еще 14 января 1955 г. Но решение по нему (предлагалось ограничиться вынесением выговоров) тогда принято не было. Вскоре, 9 мая 1955 г., отстраненные от работы бывшие члены Военной коллегии Верховного Суда СССР направили на имя Н. С. Хрущева письмо с просьбой принять их и лично вмешаться в ход разбирательства, которое, по словам подписантов, неоправданно затянулось. По письму Н. С. Хрущев поручил КПК при ЦК КПСС ускорить рассмотрение вопроса. 24 июня 1955 г. состоялось новое заседание КПК, которое и имеется в виду в записке. На нем были приняты постановления (прот. № 662, пп. 1с, 1а-с, 1б-с) об исключении И. О. Матулевича, И. В. Детистова и И. М. Зарянова из партии (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 742. Л. 2, 24, 32; Ф. 5. Оп. 47. Д. 89. Л. 191–193).

[38а] См. документ № 15 раздела III.

[39] Опросом члены Президиума ЦК 6 августа 1955 г. (прот. № 139, п. 20) утвердили постановления КПК при ЦК КПСС об исключении И. О. Матулевича, И. В. Детистова и И. М. Зарянова из партии.

[40] Первый вариант записки был составлен для Президиума ЦК КПСС еще 2 апреля 1955 г. Его текст почти аналогичен публикуемому. Расхождения имеются лишь в формулировке последнего абзаца. В первом варианте, в отличие от второго, этот абзац не определяет конкретную меру партийного наказания бывшему Главному военному прокурору и выглядит следующим образом:

«За ошибки и нарушения советской законности в прокурорской работе т. Вавилов А. П. должен нести строгую партийную ответственность. Считаем также необходимым поставить вопрос о лишении т. Вавилова звания генерала Советской Армии» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 742. Л.39).

Видимо, из-за отсутствия ясности с вопросом о наказании, первый вариант записки в Президиум ЦК представлен не был.

КПК при ЦК КПСС привлекал к партийной ответственности и других «нарушителей социалистической законности». Так, в соответствии с постановлением секретариата ЦК от 14 июня 1955 г. были рассмотрены материалы «о деле» бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ С. А. Уткина. Мера наказания во многом определялась тем положением, которое занимали работники органов госбезопасности, применявшие незаконные методы ведения следствия. Подробнее см. Источник. 1993. № 5–6. С.157–161.

[41] См. документы № 7 и 16 раздела II.

[42] См. документ № 24 раздела II.

[43] Опросом члены Президиума ЦК 6 августа 1955 г. (прот. № 139, п. 21) утвердили постановление КПК при ЦК КПСС от 24 июня 1955 г. (прот. № 662, п. 2с) об исключении А. П. Вавилова из партии.

[44] Публикуемая часть отчета с незначительными изъятиями целиком вошла в новый Отчет о работе КПК при ЦК КПСС за период с октября 1952 г. по 1 января 1956 г., представленный в ЦК КПСС накануне XX съезда партии. Частично последний отчет опубликован в «Известиях ЦК КПСС» (1989. № 11) и книге «Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов» (М. 1991. С. 68–74).

[45] См. документ № 24 раздела II.

[46] См. документы № 19 раздела I и № 2 раздела II.

[47] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 11 августа 1955 г. (прот. № 140, п. 25) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Генерального Прокурора СССР т. Руденко и председателя Комитета госбезопасности т. Серова, изложенным в их записке от 3 августа 1955 г. № 1912-с» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 283. Л. 153).

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 24 августа 1955 г. реабилитировала В. Я. Чубаря и К. В. Сухомлина. Президиум ЦК КПСС 14 ноября 1955 г. восстановил В. Я. Чубаря в партии. К. В. Сухомлин был восстановлен в рядах КПСС решением КПК при ЦК КПСС 20 сентября 1955 г. (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 814. Л. 98–102; Д. 820. Л. 71–78).

[48] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 15 ноября 1955 г. (прот. № 169, п. 57) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Генерального Прокурора СССР т. Руденко, изложенным в записке от 20 августа 1955 г. по делу Белова И. П.» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 331. Л. 126). И. П. Белов был реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 26 ноября 1955 г.

[49] Вопрос о порядке рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания, рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС 18 августа 1955 г. После обсуждения, в котором участвовали И. А. Серов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, М. А. Суслов, М. Г. Первухин и Г. М. Маленков, было поручено Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко и председателю КГБ при СМ СССР И. А. Серову окончательно решить вопрос о данном порядке. См. также документ № 37 раздела III.

[50] В. М. Киршон был арестован 29 августа 1937 г. и осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к ВМН 21 апреля 1938 г.

[51] А. И. Микоян 29 августа 1955 г. направил заявление Р. Э. Корнблюм в ЦК КПСС с предложением «поручить т. Руденко пересмотреть дело Киршона и доложить в ЦК КПСС». 3 сентября 1955 г. члены Президиума ЦК КПСС опросом (прот. № 145, п. 41) проголосовали за это предложение А. И. Микояна. 18 октября 1955 г. Р. А. Руденко запиской доложил в ЦК КПСС о целесообразности реабилитации В. М. Киршона. 14 ноября 1955 г. Президиум ЦК КПСС опросом (прот. № 169, п. 39) постановил реабилитировать В. М. Киршона (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 294. Л. 177–178; Д. 331. Л. 61–72).

[52] Еще 3 мая 1955 г. Президиум ВЦСПС направил в ЦК КПСС записку с предложениями о порядке установления трудового стажа реабилитируемым гражданам. В записке, в частности, сообща-

лось, что «по поручению Совета Министров СССР Комиссия в составе тт. Соловьева Л. Н. (ВЦСПС), Горшенина К. П. (Министерство юстиции СССР), Волина А. А. (Верховный Суд СССР), Баранова П. В. (Прокуратура СССР), Гарбузова В. Ф. (Министерство финансов СССР) пришла к выводу о том, что по указанному вопросу следует подготовить соответствующее разъяснение ВЦСПС и представить его в Совет Министров СССР на утверждение». Проект такого согласованного с членами комиссии разъяснения прилагался к записке.

В ЦК КПСС предложение ВЦСПС, как слишком узко трактующее важную политическую проблему, не было поддержано. Поэтому 31 мая 1955 г. члены комиссии направили в ЦК КПСС записку с новым предложением – проектом постановления Совета Министров СССР по данному вопросу. В проекте, в частности, предусматривались «порядок исчисления трудового стажа для реабилитированных граждан; обязанность учреждений (предприятий) по прежнему месту работы выплачивать им двухмесячную заработную плату; предоставление льгот Крайнего Севера тем из реабилитированных граждан, которые остались для работы в районах Крайнего Севера или отдаленных местностях; трудоустройство, обеспечение реабилитированных жилой площадью и назначение им пенсий».

На заседании Президиума ЦК КПСС 2 июня 1955 г. (прот. № 124, п. V) при рассмотрении этой записки постановили: «Поручить комиссии в составе тт. Соловьева, Горшенина, Волина, Руденко, Золотухина, Рудакова и Гарбузова на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС дополнительно и более тщательно отработать предложения о трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных, и внести свои предложения на рассмотрение ЦК КПСС».

17 августа 1955 г. Президиум Совета Министров СССР рассмотрел и одобрил в основном подготовленный комиссией проект постановления, предложив уточнить его «с учетом имеющихся замечаний и данных на заседании указаний и представить его в 5-дневный срок в Совет Министров в окончательной редакции». 5 сентября 1955 г. зам. управляющего делами СМ СССР М. С. Смиртюков направил зав. Общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малину следующую записку: «Тов. Первухин М. Г. просит Вас доголосовать и оформить по линии ЦК КПСС принятый Президиумом Совета Министров СССР и проголосованный тт. Кагановичем Л. М., Первухиным М. Г. и Сабуровым М. З. проект постановления „О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных“ (этот проект был разослан Канцелярией Президиума ЦК КПСС за № П1121)» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 245. Л. 67; Д. 296. Л. 181–182; Ф. 4. Оп. 9. Д. 1282. Л. 114–117; АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 46).

[53] Постановление Совета Министров СССР было оформлено в тот же день 8 сентября 1955 г. за № 1655 с грифом «Не для печати». Его текст был опубликован позднее, см.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. 1993. С. 168–170.

[54] Еще в 1954 г. И. А. Серов направил в ЦК КПСС записку с предложениями о желательности амнистии советским гражданам, сотрудничавшим с оккупантами в период войны. Необходимость этого мероприятия обусловливалась, по мнению автора, тем обстоятельством, что за рубежом находится до 500 тысяч «невозвращенцев» – бывших граждан СССР, которые в случае возникновения военного конфликта между СССР и США могли быть использованы противником в своих интересах. В целях «разложения антисоветской эмиграции», привлечения бывших соотечественников в СССР и предлагалось объявить амнистию даже тем, кто во время войны служил в вооруженных силах и полиции Германии и участвовал в военных действиях. Для бывших командиров власовцев и других специальных воинских формирований фашистов, в случае их добровольного возвращения, предлагалось назначать максимальное наказание не выше 5 лет ссылки. Были определены и места расселения для вернувшихся «невозвращенцев» – Сибирь, Казахстан, Приуралье, верховья реки Камы, где располагались в основном лагеря военнопленных и лагеря ГУЛАГа. Эти предложения председателя КГБ СССР, после проработки в ЦК КПСС, и легли в основу Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Принятые Президиумом ЦК КПСС решения никоим образом не учитывали то обстоятельство, что значительная часть советских военнослужащих была пленена по не зависящим от них причинам и не запятнала себя в плену. Подробнее см.: Исторический архив. 1995. № 2. С. 108–127.

[55] 24 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об утверждении соглашения об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Германской Федеративной Республикой».

[56] Проект Указа, подготовленный Комиссией в составе М. А. Суслова, К. П. Горшенина, С. Н. Круглова, К. Лунева, В. Болдырева и А. Ф. Горкина, 15 сентября 1955 г. был одобрен Президиумом ЦК КПСС (прот. № 150, п. 8). Одновременно с проектом Указа Комиссия внесла – и Президиум ЦК КПСС согласился – проект постановления Совета Министров СССР «О порядке репатриации советских граждан, находящихся за границей, и их трудоустройстве в СССР» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 300. Л. 60–66).

[57] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 30 сентября 1955 г. (прот. № 156, п. 17) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Прокуратуры СССР (т. Баранова), изложенным в записке от 19 сентября 1955 г., № 175лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 307. Л. 76–77).

[58] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 30 сентября 1955 г. (прот. № 156, п. 15) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Генерального Прокурора СССР т. Руденко и председателя Комитета госбезопасности т. Серова, изложенным в их записке от 26 сентября 1955 г., № 2337-с». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 307. Л. 58).

[59] На заседании Президиума ЦК КПСС 8 августа 1955 г. (прот. № 139, п. LXXXI) обсуждался вопрос «О деле Лозовского С. А.». Постановили «поручить Генеральному Прокурору СССР т. Руденко произвести расследование по делу Лозовского С. А. и о результатах доложить ЦК КПСС» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 280. Л. 122).

Впервые вопрос о необходимости проверки материалов так называемого дела Еврейского антифашистского комитета поставил в своей последней записке о ходе следствия по делу М. Д. Рюмина Л. П. Берия. 25 июня 1953 г. он писал в Президиум ЦК КПСС, что «Рюмин участвовал в фальсификациии следственных материалов по так называемым делам „Шпионского центра“ в „Еврейском антифашистском комитете“, якобы возглавлявшегося Лозовским, Михоэлсом, Фефером и другими». Текст записки см.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 65.

[60] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 15 октября 1955 г. (прот. № 163, п. 31) приняли следующее постановление: «Принять предложение т. Руденко, изложенное в записке от 1 октября 1955 г., № 183лсс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 316. Л. 117). Приговор в отношении осужденных по делу ЕАК был отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР 22 ноября 1955 г. Опросом члены Президиума ЦК КПСС 29 января 1956 г. (прот. № 184, п. 78) постановили восстановить С. А. Лозовского в партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 375. Л. 106–110).

[61] Первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М.-Д. А. Багиров за связь с Л. П. Берия и злоупотребление властью в июле 1953 г. был снят с должности, затем в марте 1954 г. арестован. Следствие по его делу продолжалось более года. В мае 1956 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

[62] Имеется в виду процесс так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», состоявшийся в Москве 23–30 января 1937 г. По этому делу было осуждено 17 человек, в том числе Ю. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов и др.

[63] См. документ № 53 раздела IV.

[64] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 2 декабря 1955 г. (прот. № 172, п. 5) приняли следующее постановление: «Принять предложение Прокуратуры СССР (т. Баранова), изложенное в записке от 4 октября 1955 г., № 186лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 345. Л. 44).

[65] М. Е. Кольцов (Фридлянд) был реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 8 декабря 1954 г.; И. Э. Бабель – 18 декабря 1954 г.

[66] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 15 ноября 1955 г. (прот. № 169, п. 52) приняли следующее постановление: «Принять предложение Прокуратуры СССР (т. Баранова), изложенное в записке от 18 октября 1955 г., № 196лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 331. Л. 94). В. Э. Мейерхольд был реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 26 ноября 1955 г. КПК при ЦК КПСС 27 января 1956 г. постановил «отменить решение Свердловского райкома ВКП(б) гор. Москвы от 28 июня 1940 г. об исключении Мейерхольда-Райха В. Э. из партии» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 934. Л. 30–35).

[67] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 17 ноября 1955 г. (прот. № 170, п. 40) приняли следующее постановление: «Принять предложение Прокуратуры СССР (т. Баранова), изложенное в записке от 18 октября 1955 г., № 198лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 335. Л. 96).

[68] Еще 6 августа 1955 г. руководство Грузинской ССР внесло в ЦК КПСС записку о положении в Абхазии в связи с возвращением ранее выселенных на спецпоселение греков. В записке, в частности, сообщалось, что «большинство вернувшихся греков (259 семей) остались без жилья, приусадебных участков и требуют возвращения своих хозяйств. Однако удовлетворить эти требования не представляется возможным, т. к. колхозники-переселенцы ... уже более 6 лет проживают в домах греков и

за это время на новом месте обзавелись хозяйством...». ЦК Компартии Грузии и СМ республики предлагали не возвращать грекам их старые усадьбы, а безвозмездно передать новые, выстроенные в целях внутриреспубликанского переселения, дома. Это предложение было одобрено Президиумом ЦК КПСС 5 сентября 1955 г. (прот. № 146, п. 6), СМ СССР в тот же день издал распоряжение № 6551-рс о согласии на безвозмездную передачу грекам 259 домов и выдаче каждой семье ссуды в размере 2 тыс. рублей.

Однако такое решение не устроило многих из возвращавшихся на родину греков. В ЦК КПСС, СМ СССР и Президиум Верховного Совета СССР начали поступать многочисленные жалобы о их несогласии с отказом в возвращении ранее принадлежавших им домов. 20 октября 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС (прот. № 164, п. XV) партийно-государственное руководство вынуждено было вернуться к рассмотрению вопроса. Была создана комиссия под председательством Н. И. Беляева для подготовки предложений к следующему заседанию Президиума ЦК (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 76–92). См. также документ № 59 раздела IV.

[69] См. документы № 51 и № 55 раздела IV.

[70] При жизни и долгие годы после смерти Сталина официальным днем его рождения считалось 21 декабря 1879 г. (9 декабря 1879 г. по старому стилю). В действительности, согласно записи в метрической книге Горийской Успенской соборной церкви, Сталин родился 6 (18) декабря 1878 г. по старому стилю. См. справку «Когда родился Сталин» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132–134).

По данному вопросу постановление Президиума ЦК КПСС не оформлялось.

[71] Вероятно, речь идет о проведении торжественного собрания, посвященного дню рождения И. В. Сталина, в Большом театре.

[72] См. примечание 61 раздела IV.

[73] См. документ № 44 раздела IV.

[74] Постановления КПК при ЦК КПСС об исключении М.-Д. А. Багирова из партии в протоколах КПК не обнаружено.

[75] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 26 ноября 1955 г. (прот. № 171, п. 16) приняли следующее постановление: «Принять предложение Прокуратуры СССР (т. Баранова), изложенное в записке от 11 ноября 1955 г., № 207лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 339. Л. 72).

[76] Не публикуются. 19 ноября 1955 г. Секретариат ЦК КПСС (прот. № 93, п. 20-с) рассмотрел записку и одобрил проект постановления СМ СССР «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев». Записку и проект постановления предложено было внести на утверждение Президиума ЦК. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 116–118). См. также документ № 56 раздела IV.

[77] См. документ № 55 раздела IV.

[77а] См. документ № 17 раздела IV.

[78] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 30 ноября 1955 г. (прот. № 171, п. 64) приняли следующее постановление: «Принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенное в записке от 22 ноября 1955 г., № 215лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 341. Л. 11). 10 декабря 1955 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР Л. И. Мирзояна реабилитировала. По представлению КПК при ЦК КПСС Президиум ЦК КПСС 8 февраля 1956 г. (прот. № 187, п. 49) восстановил Л. И. Мирзояна в партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 383. Л. 69–71).

[79] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 30 ноября 1955 г. (прот. № 171, п. 61) приняли следующее постановление: «Принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенное в записке от 23 ноября 1955 г., № 214лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 340. Л. 143).

[80] Еще 17 августа 1955 г. Р. А. Руденко, С. Н. Круглов, И. А. Серов и П. Кудрявцев внесли в ЦК КПСС записку с предложением снять ограничения по спецпоселению с немцев и членов их семей. Президиум ЦК 25 августа 1955 г. (прот. № 142, п. XXXIV) рассмотрел эту записку. Было решено «поручить тт. Руденко (созыв), Круглову, Серову, Кудрявцеву, Пузанову, Чураеву, Мыларщикову и Денисову с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС доработать предложения о снятии ограничений по спецпоселению с немцев и членов их семей и проект постановления по данному вопросу в месячный срок внести в ЦК КПСС» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 70–72).

[81] Не публикуется. Текст этого постановления дословно повторяет Указ Президиума Верховного Совета СССР. См. документ № 58 раздела IV.

[82] См. документ № 51 раздела IV.

[83] См. документ № 50 раздела IV.

[84] См. документ № 43 раздела IV.

[85] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 2 декабря 1955 г. (прот. № 172, п. 6) приняли следующее постановление: «Принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенное в записке от 29 ноября 1955 г., № 219лс». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 345. Л. 59).

[86] В отличие от обычной практики приложения к подлиннику Указа его проекта с результатами голосования членов Президиума Верховного Совета СССР, в данном случае это не сделано. В архивном деле имеется только подлинный экземпляр с подписями К. Е. Ворошилова и Н. М. Пегова. Голосование не состоялось, вероятно, потому, что еще 8 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 72, п. XXIII) одобрил записку по данному вопросу и проект Указа (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 342. Л. 141–142). См. также документ № 54 раздела IV.

[87] 27 октября 1955 г. ЦК КПСС согласился с предложениями ЦК КП Грузии, согласно которым для возвращающихся в Абхазию греков предусматривалась выдача денежной компенсации за изъятое у них при выселении имущество, грекам разрешалось также строиться и проживать по соседству с их бывшими домами и усадьбами, которые сохранялись в собственности у новых владельцев. См. также документы № 15 и 55 раздела IV.

[88] Имеется в виду встреча Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина с парламентариями Индии во время их визита в эту страну. См.: Правда. 1955. 22 ноября.

[89] 14 декабря 1955 г. на имя Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова поступило также ходатайство от «ходоков – представителей греческого населения», с просьбой принять их «для беседы по существу нашего вопроса, т. к. речь идет об отмене решения Президиума ЦК КПСС от 27 октября 1955 г. по вопросу о возвращении нам движимого и недвижимого имущества после незаконной ссылки нас в Казахстан» (текст ходатайства см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4288. Л. 40–44).

[90] К записке Р. А. Руденко приложен лист голосования по вопросу («За» проголосовали Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Кириченко, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, М. А. Суслов), на котором имеются следующие пометы: «Без оформления [протокольного решения]» и «Т. Руденко сообщено. 2.I.56. [Подпись неразборчива]». 25 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС (прот. № 190, п. 20) восстановил В. Н. Баркова в партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2. Л. 59–60).

[91] См. документы № 29, № 34 и № 46 раздела IV.

[92] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 2 января 1956 г. (прот. № 178, п. 2) приняли следующее постановление: «Согласиться с предложением Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенным в записке от 24 декабря 1955 г., № 239лс» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 359. Л. 115).

7 февраля 1956 г. председатель Верховного Суда СССР А. А. Волин докладной запиской сообщал в ЦК КПСС, что «дело Рудзутака Яна Эрнстовича Верховным Судом Союза ССР пересмотрено и определением от 23 января 1956 г. приговор о нем отменен ... Одновременно сообщаю, что вопрос о бывшем следователе Петрове, принимавшем участие в фальсификации дела Рудзутака, передан на рассмотрение КПК при ЦК КПСС» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 442. Л. 62). Решением КПК при ЦК КПСС от 17 декабря 1958 г. (пр. № 1394, п. 3с) М. А. Петров был исключен из партии «за нарушения социалистической законности в период работы в органах НКВД в 1937–1938 гг.» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1433. Л. 17).

РАЗДЕЛ V
ЗА КУЛИСАМИ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ
ДЕКАБРЬ 1955 – ФЕВРАЛЬ 1956

[1] В особой папке по данному вопросу отложилась следующая протокольная запись: «Заседание Президиума ЦК КПСС 31. XII.1955 г. Вопросы, связанные с реабилитацией (Хрущев). Создана комиссия в составе тт. Поспелова, Комарова, Аристова, Шверника, которой поручено просмотреть все материалы» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 1).

[2] См. документ № 15 раздела V.

[3] Речь идет о письме О. Г. Шатуновской на имя А. И. Микояна, датируемом 1955 г. Текст письма не обнаружен, из учетной делопроизводственной карточки следует, что автор письма писала об обсто-

ятельствах убийства С. М. Кирова и, в частности, о личном допросе Сталиным Л. В. Николаева, убийцы Кирова. Эти сведения были сообщены Шатуновской во время ее заключения, якобы, со слов арестованного в 1937 г. бывшего заместителя полномочного представителя ОГПУ по Ленинграду и области Ф. Т. Фомина.

[4] О событиях, предшествующих этому заседанию Президиума ЦК, А. И. Микоян воспоминает следующее: «... Мы очень дружны были с Л. С. Шаумяном. <... > Как-то я попросил его (это, правда, было не сразу, а примерно за полгода до XX съезда) составить две справки. Первую – сколько было делегатов на XVII съезде, вошедшем в историю как „съезд победителей“, и сколько из них подверглось репрессиям. <...> И вторую справку – это список членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на этом съезде, а затем репрессированных. <...> Через месяц или полтора он предоставил мне эти сведения. Картина была ужасающая. Большая часть делегатов XVII партсъезда и членов ЦК была репрессирована. <...> Я пошел к Хрущеву и один на один стал ему рассказывать. <...> Хрущев слушал внимательно. Я сказал, что предлагаю внести в Президиум предложение о создании авторитетной комиссии, которая изучила бы все документы МВД, Комитета госбезопасности, прокуратуры, Верховного суда и другие, добросовестно разобралась во всех делах о репрессиях и подготовила бы доклад для съезда. Хрущев с этим согласился. Я предложил создать комиссию Президиума, куда вошли бы я, Хрущев, Молотов, Ворошилов и другие товарищи. Ввиду важности вопроса, состав комиссии соответствовал бы своему назначению. Хрущев внес поправку, что, во-первых, мы очень перегружены и нам трудно будет практически разобраться во всем, и во-вторых, не следует в эту комиссию входить членам Политбюро, которые близко работали со Сталиным. Важнее и лучше включить в состав комиссии авторитетных товарищей, но близко не работавших со Сталиным. Предложил во главе комиссии поставить Поспелова... Я с этим согласился, хотя сказал, что Поспелову нельзя всецело доверять, ибо он был и остается просталински настроенным. Словом, договорились, что этот вопрос обсудим на Президиуме и он подумает, как Первый секретарь ЦК» (Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 590–592).

[5] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 10 января 1956 г. (прот. № 180, п. 15) постановили «принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенное в записке от 3 января 1956 г. № 2лс» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 363. Л. 119).

[6] Согласно постановлению Президиума ЦК КПСС от 3 февраля 1956 г. (прот. № 186, п. LXVIII) записка военного прокурора по делу А. С. Сванидзе была разослана всем членам Президиума ЦК. Ранее, 19 января 1956 г. Пленум Верховного Суда СССР реабилитировал А. С. Сванидзе. 28 февраля 1956 г. по предложению КПК при ЦК КПСС Президиум ЦК (прот. № 2, п. 15) опросом принял постановление о восстановлении А. С. Сванидзе в партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 5. Л. 164–176).

[7] См. документы №№ 4 и 6 раздела IV.

[8] См. документ № 61 раздела IV.

[9] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 21 января 1956 г. (прот. № 183, п. 20) постановили «согласиться с предложением Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенным в записке от 14 января 1956 г.» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 371. Л. 38). 1 февраля 1956 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР реабилитировала Я. И. Алксниса.

[10] Эта начальная часть заявления А. В. Снегова целиком процитирована Н. С. Хрущевым в докладе «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда партии 25 февраля 1956 г. (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155–156).

[11] Не публикуются.

В справке с этими сведениями, подписанной 14 января 1956 г. начальником Управления КГБ по Челябинской области, в частности, сообщается, что на XVII съезд ВКП(б) от областной партийной организации было избрано 20 делегатов с решающим и 6 делегатов с совещательным голосом. Из их числа 11 человек было репрессировано, дела на них не пересматривались.

[11a] Комиссии были наделены полномочиями по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления».

[12] Диктуя 19 февраля 1956 г. свои предложения к тексту доклада «О культе личности и его последствиях», Н. С. Хрущев так охарактеризовал эпизод с допросом Б. В. Родоса на заседании Президиума ЦК: «Мы недавно заслушали Родоса – следователя, который допрашивал Косиора и Чубаря. Маленький человек, даже с низшим образованием, с куриным кругозором... На что он сам был способен? Он не мог много сделать. Когда перед съездом мы его вызвали и допросили на заседаниях Президиума ЦК, то он сказал, что „я делал то, что мне партия приказала. Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был собрать факты, должен был вытащить признание, что они враги“. А мог это он сделать лишь только путем физического воздействия» (АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 38–39). С некоторыми изменениями этот текст был повторен Н. С. Хрущевым при чтении доклада на закрытом заседании съезда (См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145).

[13] Процесс над бывшим заместителем начальника Следственной части по особо важным делам НКВД – НКГБ СССР Б. В. Родосом состоялся 21–26 февраля 1956 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР он был приговорен к расстрелу.

[14] Опросом члены Президиума ЦК КПСС 15 февраля 1956 г. (прот. № 189, п. 27) постановили «согласиться с предложением тт. Руденко и Серова, изложенным в их записке от 2 февраля 1956 г. № 26лс» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 386. Л. 80).

[15] Еще 22 января 1955 г. Р. А. Руденко, С. Н. Круглов, И. А. Серов и К. П. Горшенин внесли в ЦК КПСС записку с предложением об отмене Указа Президиума ВС СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии срока наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». При этом предлагалось «направленных... из мест заключения в ссылку на поселение украинских, литовских, латвийских, эстонских, белорусских и других националистов оставить на поселении». Однако, вопрос долго не рассматривался. Лишь 1 декабря 1955 г. Президиум ЦК (прот. № 171, п. V) обсудил записку и постановил «поручить комиссии в составе тт. Руденко (созыв), Круглова, Серова, Горшенина и Золотухина с участием прокуроров Литовской, Латвийской, Эстонской, Украинской и Белорусской ССР переработать на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК проект постановления... и свои предложения внести в ЦК КПСС» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 181. Л. 125–137).

[16] См. документы № 8, № 13 и № 25 раздела II.

[17] Не публикуются. 9 февраля 1956 г. Президиум ЦК (прот. № 187, п. L) рассмотрел записку и проекты и постановил: «Принять за основу проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года „О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР“. Поручить тт. Микояну, Руденко, Серову, Дудорову, Горшенину и Золотухину в двухдневный срок окончательно отредактировать текст Указа». 13 февраля 1956 г. Президиум ЦК (прот. № 188, п. 19) утвердил текст этого Указа (оформлен как Указ от 10 марта 1956 г. № 134/27). Одновременно было установлено, что «вопрос о возвращении к прежнему месту жительства освобожденных от ссылки... литовских, латвийских и эстонских националистов должен разрешаться по заявлениям этих лиц Советами Министров Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 182. Л. 11, 19–20).

[18] 13 января 1956 г. Р. А. Руденко направил в ЦК КПСС записку о реабилитации А. Г. Ханджяна. В ней, в частности, сообщалось, что по материалам прокурорских проверок Военная коллегия Верховного Суда СССР в последнее время реабилитировала 76 руководящих партийно-советских работников Армении, в том числе быв. секретаря ЦК КП(б) республики А. Г. Иоаннисяна, быв. председателя ЦИК Армении С. Н. Мартикяна, быв. члена ЦИК П. Е. Петросяна, быв. председателя СНК республики М. Н. Данеляна, быв. заместителя председателя и секретаря ЦИК Армении Р. П. Даштояна и др. В записке также констатировалось, что «расправу над Ханджяном» учинили Л. П. Берия и его приспешники. 17 января 1956 г. Президиум ЦК (прот. № 182, п. 18) постановил «принять предложение Генерального прокурора СССР т. Руденко» о реабилитации А. Г. Ханджяна, направить записку в ЦК КП Армении (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 368. Л. 50–53).

[19] К записке П. Т. Комарова в деле подшиты также: лист голосования «За» с подписями всех членов Президиума ЦК и записка следующего содержания: «Тов. Малину В. Н. По данному материалу никаких предложений не вносится. Нужно ли оформлять [постановление]? Е. Сухова. 13.II.56 г.» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 442. Л. 72–73).

[20] См. документ № 1 раздела V.

[21] По уточненным данным, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, было репрессировано 97 человек, покончило жизнь самоубийством 5 человек, расстреляно за нарушения социалистической законности 4 человека, убит в результате покушения 1 человек. См.: О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82–87.

[22] Имеется в виду постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. под протокольным на-

именованием «Вопрос НКВД», устанавливающее «впредь порядок, по которому все жены изобличенных изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет, дети-сироты осужденных до 15-летнего возраста размещаются в специальных детдомах».

[23] Ныне г. Донецк.

[24] См. документ № 61 раздела IV.

[25] См. документ № 34 раздела IV.

[26] По записке П. В. Баранова от 10 октября 1955 г. члены Президиума ЦК КПСС опросом (прот. № 170, п. 31) 17 ноября того же года постановили принять предложение Прокуратуры СССР о внесении протеста в Верховный Суд СССР о реабилитации И. П. Носова (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 335. Л. 65–75).

[27] В данном случае речь идет о так называемой партийной реабилитации. По записке КПК при ЦК КПСС от 30 августа 1955 г. члены Президиума ЦК КПСС опросом (прот. № 146, п. 25) 5 сентября 1955 г. посмертно восстановили К. Я. Баумана в партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 295. Л. 146–154).

[27а] Так называемые «альбомы» или «альбомные дела», как правило, представляли собой амбарные книги, где были списки арестованных с указанием их фамилий, имени, отчества и других установочных данных, краткого содержания выдвинутого обвинения и предложений следствия по приговору. Списки подписывались членами «двойки» – наркомом внутренних дел и прокурором или же заменявшими их лицами.

[27б] См. документ № 52 раздела IV.

[28] См. документ № 1 раздела V.

[29] На февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов выступал дважды – с докладом об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов в промышленности и на транспорте и с докладом о вредительстве в НКВД. В данном случае цитируются слова из резолюции по первому докладу.

[30] Речь идет о докладе Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», с которым он выступил 3 марта 1937 г. в заключение обсуждения этого вопроса (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 3–10).

[31] Не публикуются. Речь идет об упоминаемых и цитируемых в тексте записки телеграмме Сталина и письме Р. И. Эйхе, а также о подписанной начальником учетно-архивного отдела КГБ СССР Плетневым справке следующего содержания:

«26 июля 1938 г. НКВД СССР был составлен „список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР“ и направлен лично т. Сталину для санкционирования расстрела всех поименованных в этом списке арестованных.

Всего в список было включено 138 человек, в том числе: Рудзутак Ян Эрнестович, Антипов Николай Кириллович, Бубнов Андрей Сергеевич, Варейкис Иосиф Михайлович, Кнорин Вильгельм Георгиевич, Межлаук Валерий Иванович, Пахомов Николай Иванович, Прамнэк Эдуард Карлович, Пятницкий Иосиф Аронович, Рухимович Моисей Львович, Стецкий Алексей Иванович, Уншлихт Иосиф Станиславович и другие.

Санкция т. Сталина была получена и все они были расстреляны. Расстрел был оформлен приговором Военной Коллегии.

Копии всех списков хранятся в КГБ при Совете Министров СССР, а первые экземпляры возвращены в ЦК КПСС 3.II.1954 г. за № 297/к».

[32] Имеются в виду продиктованные Лениным незадолго до смерти работы «Письмо к съезду» и «К вопросу о национальностях или об „автономизации“»? (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–348; 356–362).

[33] В своих воспоминаниях об этом заседании А. И. Микоян пишет: «Комиссия в составе Поспелова, Аристова, Шверника и Комарова тщательно изучила в КГБ архивные документы и представила пространную записку. В записке комиссии от 9 февраля 1956 г. приводились ужаснувшие нас цифры о числе советских граждан, репрессированных и расстрелянных по обвинениям в „антисоветской деятельности“ за период 1935–1940 гг., и особенно в 1937–1938 гг. <...> Факты были настолько ужасающими, что в особенно тяжелых местах текста Поспелову было трудно читать, один раз он даже разрыдался» (Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 592).

[34] Судя по сказанным в начале заседания Н. С. Хрущевым словам, в тот момент еще рассматривалась возможность выступления на закрытом заседании съезда с докладом председателя комиссии П. Н. Поспелова. Видимо, тогда же П. Н. Поспелов начал готовить текст своего возможного доклада.

Черновой автограф проекта этого доклада под названием «О культе личности Сталина и его последствиях» сохранился в личном фонде П. Н. Поспелова (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 73–112).

[35] См. примечание 32 раздела V.

[36] Запись В. Н. Малина об обсуждении данного вопроса на заседании Президиума ЦК выглядит следующим образом:

«О рассылке неопубликованных документов В. И. Ленина (Суслов). Разослать членам Президиума ЦК.

Пленум открыть. На пленуме сказать о том, что на съезде будет сделан доклад о культе личности (т. Хрущев). [Поручить сообщить об этом участникам пленума] т. Хрущеву.

О докладчике (Микоян, Сабуров, Первухин, Каганович, Маленков, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Кириченко, Молотов, Пономаренко, Суслов, Поспелов). С докладом о культе личности [выступить] т. Хрущеву» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 64–65).

[37] В воспоминаниях Н. С. Хрущева и Д. Т. Шепилова подготовка знаменитого доклада «О культе личности и его последствиях» выглядит как едва ли не личное дело и заслуга одного Н. С. Хрущева при участии Д. Т. Шепилова. Д. Т. Шепилов, действительно принимавший участие в работе по дополнению и редактированию представленного 18 февраля 1956 г. П. Н. Поспеловым и А. Б. Аристовым проекта доклада, рисует, в частности, ее следующим образом:

«Накануне съезда я заболел. У меня открылось язвенное кровотечение, и меня положили в Кремлевскую больницу... Кровотечение прекратилось, и я приступил к работе. Когда я зашел к Хрущеву, то услышал от него, что он недоволен проектом отчетного доклада съезду, подготовленного Б. Н. Пономаревым и другими. Я сказал Хрущеву: „Давайте, Никита Сергеевич, я помогу вам, если хотите. Во всяком случае, подготовлю международный раздел“. Хрущев согласился.

Я привлек к работе несколько человек, и мы подготовили те разделы доклада, в которых, как мы полагали, являемся специалистами. В дальнейшем над этими частями работал сам Хрущев.

<...> Что же произошло дальше? Хрущев сделал [отчетный] доклад. Я тоже уже выступил и сидел возле колонны. После доклада Хрущева развернулись прения. В этот момент подошел ко мне сзади Хрущев и попросил меня выйти с ним на минутку из зала. Мы пошли в кулуары, туда, где делегаты обычно закусывали, и Хрущев сказал мне примерно следующее: „Я пытался с этими бурбонами (мне было ясно, кого он имел в виду) переговорить, чтобы выступить на съезде с критикой Сталина, но они – ни в какую... В общем, я хочу выступить по этому вопросу... “ <...>

Разговор с Хрущевым в кулуарах XX съезда был коротким. Он спросил меня: „Поможете?“ Я ответил, что помогу. Он сказал: „Тогда поехали“.

Мы ушли со съезда. По стенограмме, наверное, можно установить, что в этот и на следующий день мы на съезде не присутствовали. Я сидел в своем кабинете, Хрущев – в своем. Причем никаких указаний он мне не давал. Он лишь сказал: „Мы же с вами обо всем говорили, вы все знаете, помогите мне и сделайте то, что нужно“.

Я решил осветить два вопроса: международный (попытаться показать, что представляла собой сталинская внешняя политика) и военный, поскольку я сам прошел всю войну и полагал, что имею право судить об этих проблемах... Таковы те разделы доклада о культе личности Сталина, которые готовил я. Эти разделы я лично передал Хрущеву в руки» (Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 4–5).

[38] В непубликуемой части выступления Н. С. Хрущева речь идет о повестке дня и регламенте работы XX съезда КПСС.

[39] Имеется в виду отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии.

[40] См. также документ № 17 раздела V. «Письмо к съезду» было впервые опубликовано в журнале «Коммунист» (1956. № 9. С. 16–17).

[41] См. документ № 1 раздела V.

[42] См. документ № 15 раздела V.

[43] См. примечание 21 раздела V.

[44] См. документ № 61 раздела IV.

[45] См. документ № 21 раздела IV.

[46] См. документ № 10 раздела V.

[47] См. документ № 5 раздела V.

[48] В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1953 г. обвинительное заключение по делу Л. П. Берии рассылалось для ознакомления членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, первым секретарям обкомов и крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик.

[49] Видимо, имеются в виду проверка деятельности московской партийной организации созданной по предложению Сталина в 1949 г. комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) в составе Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, Л. М. Кагановича и М. А. Суслова и последовавшие за ней меры. По итогам проверки недостатков в работе первого секретаря МК и МГК Г. М. Попова, изложенных в сфабрикованном «письме трудящихся», в декабре 1949 г. было принято постановление Политбюро ЦК. На состоявшемся вскоре пленуме МК и МГК было признано, что ЦК правильно и своевременно вскрыл крупные недостатки в работе первого секретаря и бюро областного и городского парткомов. Предполагалось обсудить также ошибки в работе областной и городской организаций комсомола. Попов с занимаемой должности был снят, а вместо него назначен Н. С. Хрущев. В начале 1950 г. были освобождены от своих обязанностей несколько московских партийных и хозяйственных работников. Подробнее см.: Молотов, Маленков, Каганович. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1998. С. 480, 538, 755–756.

На XX съезде КПСС Хрущев данной темы не касался. Свою версию он изложил на собрании партактива в Ленинграде (см. документ № 12 раздела III). Вновь эти события были затронуты на июньском (1957 г.) пленуме ЦК.

[50] Направленный Н. С. Хрущевым текст доклада на 83 листах не публикуется. К этому проекту члены Президиума ЦК сделали поправки и пометы не принципиального характера. Окончательный вариант доклада на 82 листах, произнесенный Н. С. Хрущевым, был сформирован с учетом этих замечаний (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16).

[51] На проекте постановления, приложенного к протоколу закрытого заседания съезда, имеется следующая машинописная помета: «От имени президиума съезда» (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 91).

[52] Текст доклада Н. С. Хрущева, подготовленный для рассылки в виде брошюры в ЦК компартий, обкомы и крайкомы партии, 1 марта 1956 г. первоначально был направлен на ознакомление членам и кандидатам в члены Президиума, секретарям ЦК КПСС. В этом тексте, в сравнении с произнесенным на съезде, была сделана редакционная правка: даны ссылки на произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и другие источники, уточнены даты принятия отдельных документов и т. п. Редакторы по всему тексту доклада сделали также отметки о реакции делегатов съезда на то или иное положение доклада (напр., «Бурные аплодисменты», «Движение в зале», «Шум возмущения в зале»). Однако следует иметь в виду, что, по свидетельствам очевидцев, доклад был заслушан в гробовой тишине.

Руководителям зарубежных компартий, приехавшим в качестве гостей на съезд в Москву, но не присутствовавшим на его закрытом заседании, текст доклада и постановление съезда через Отдел ЦК по связям с иностранными компартиями были переданы уже 27 февраля 1956 г. В деле с материалами съезда отложился список этих руководителей зарубежных компартий. В него включены секретарь ЦК и член Политбюро ЦК компартии Китая Чжу Дэ, генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез, генеральный секретарь Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, первый секретарь ЦК компартии Чехословакии Антонин Новотный, председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии Вылко Червенков, первый секретарь ЦК Албанской партии труда Энвер Хожда, первый секретарь Венгерской партии трудящихся Матиас Ракоши, первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии Георге Георгиу-Деж, первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут, заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи Цой Ен Ген, первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Дашийн Дамба, генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Чыонг Тинь (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 187).

5 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н. С. „О культе личности и его последствиях“ на XX съезде КПСС». В нем указывалось: «1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. „О культе личности и его последствиях“ на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. 2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом „не для печати“, сняв с брошюры гриф „строго секретно“. В соответствии с этим постановлением доклад зачитывался на собраниях партийных и комсомольских организаций. Разосланный текст доклада опубликован в журнале „Известия ЦК КПСС“» (1989. № 3. С. 128–170).